

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М О С К В А

1961

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА *и* ПРАВА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

КУРС
СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО
ПРАВА

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА *и* ПРАВА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Заслуженный деятель науки РСФСР
А. А. ПИОНТКОВСКИЙ

УЧЕНИЕ
О ПРЕСТУПЛЕНИИ
по
СОВЕТСКОМУ
УГОЛОВНОМУ
ПРАВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на XXII съезде, поставила задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих.

Почетной обязанностью советской теории уголовного права является посильная помощь работе государственных органов и общественных организаций трудящихся в борьбе за ликвидацию в исторически обозримые сроки преступности в нашей стране, за дальнейшее укрепление социалистической законности и повышение общей культуры деятельности органов социалистического правосудия. Учебники советского уголовного права для вузов, предназначенные лишь для усвоения основ науки уголовного права, не могут в полной мере содействовать решению этих задач и удовлетворить надлежащим образом возросшие потребности практики. Квалифицированная помощь практике может быть наиболее успешно осуществлена лишь путем создания на основе обобщения достижений советской теории уголовного права и развития советского уголовного законодательства, а также широкого изучения опыта практической судебно-прокурорской работы курса советского уголовного права.

Большое значение для правильного применения советского уголовного закона и борьбы за дальнейшее укрепление социалистической законности имеет создание курса *Общей части советского уголовного права*. В ближайшее время коллективом советских криминалистов такой курс будет подготовлен к изданию.

Предлагаемая вниманию читателя работа «Учение о преступлении по советскому уголовному праву» представляет собой часть этого курса. В ней рассматриваются основные институты *Общей части советского уголовного права*, имеющие большое значение как для понимания всего советского уголовного права в целом, так и для непосредственного применения на практике советского уголовного законодательства. Данный труд есть итог не только многолетней работы автора над проблемами *Общей части советского уголовного права*, но в известной мере и итог развития советской теории уголовного права по основным во-

просам Общей части. За годы, прошедшие после Великой Отечественной войны, развитие теории советского уголовного права сделало значительные успехи. Изданные учебники и монографии, а также проведенные советскими криминалистами дискуссии по основным проблемам Общей части советского уголовного права заметно содействовали идейному росту советской теории уголовного права. Это позволило советской теории уголовного права оказать воздействие не только на повседневную практическую судебно-прокурорскую работу, но и существенно помочь в разработке нового уголовного законодательства, соответствующего эпохе развернутого строительства коммунистического общества.

Развиваемые в настоящей работе взгляды по основным вопросам теории социалистического уголовного права неоднократно высказывались автором в печати. Здесь они получили более систематическое и углубленное обоснование. При решении спорных вопросов теории советского уголовного права автор стремился вскрыть методологические корни существующих разногласий. Автор исходит из глубокого убеждения, что содействие укреплению социалистической законности, являющееся высшим критерием для оценки тех или иных теоретических построений советских криминалистов, неразрывно связано с последовательной борьбой за материализм в советской науке уголовного права.

Наша страна вступила в период развернутого построения коммунистического общества. Осуществление грандиозной программы коммунистического строительства, намеченной КПСС, требует повседневной борьбы за повышение сознательности советских граждан. Пережитки капитализма в сознании и поведении людей тормозят движение нашего общества вперед. В связи с этим особое значение приобретает борьба с преступностью как наиболее опасной формой проявления пережитков прошлого в сознании некоторой части советских людей. К охране социалистического правопорядка наряду с органами государственной власти ныне привлечена и широкая советская общественность. Созданием курсов Общей и Особенной частей советского уголовного права, которые должны содействовать повышению качества работы всех государственных и общественных органов по борьбе с преступностью, советские криминалисты стремятся содействовать исторической задаче полной ликвидации преступности в нашей стране.

Автор.

Глава I

КЛАССОВАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Классовая природа преступления в эксплуататорском обществе

Марксистско-ленинская наука показала, что уголовное законодательство любого эксплуататорского государства объявляет преступлением поведение людей, опасное для классовых интересов господствующего класса эксплуататоров. Правильность этого положения марксистско-ленинской теории можно проследить на всей многовековой истории уголовного права. История уголовного права может быть понята лишь в связи с историей классовой борьбы. Понятие о преступлении является исторической категорией. Оно появляется лишь с утверждением частной собственности, разделением общества на классы и появлением государства. «Несправедливое и ужасное правосудие, гнусные кодексы о проступках и преступлениях вступают в человеческую историю только следом за частной собственностью и как ее необходимое последствие»¹. Понятие о преступлении менялось в процессе исторического развития общества, однако при этом оно всегда соответствовало интересам господствующего класса эксплуататоров. Понятие преступления изменялось в

¹ П. Лафарг, Собственность, ее происхождение и развитие, 1926, стр. 63.

связи со сменой в процессе исторического развития отдельных общественных формаций, в связи с изменением экономического строя общества.

В уголовном законодательстве рабовладельческого государства даже самые тяжкие посягательства на личность раба не были наказуемы. Для рабовладельца раб был не человеком, а вещью. Поэтому, например, римское право не считало преступлением убийство рабовладельцем своего раба — это было лишь правомерное уничтожение своего имущества. «Закон об убийстве, не говоря уже о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам. Он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами»¹.

Вместе с тем малейшее посягательство со стороны раба на интересы рабовладельца считалось тяжким преступлением. Если же раб убивал своего господина, то согласно закону, изданному в Риме в 10 г. н. э., смертной казни подлежал не только убийца, но и все другие рабы этого рабовладельца, хотя бы они и не имели абсолютно никакого отношения к совершенному деянию. Это делалось для того, чтобы поддержать незыблемость рабовладельческого строя. Когда рабы поднимали восстание против рабовладельцев, оно со свирепой жестокостью подавлялось государством. Восстание рабов, организованных в мощную армию под руководством Спартака, которого Маркс называл «великим генералом», «благородным характером», «истинным представителем античного пролетариата»², продолжалось почти десять лет (73—62 гг. до н. э.) и до основания потрясло могущественную Римскую империю. Лишь после длительной войны оно было жестоко подавлено римскими легионерами. Когда рабовладельческому Риму удалось одержать победу над войсками Спартака, 6000 спартаковцев, захваченных в плен, были повешены вдоль дороги от Капуи до Рима.

Идеологи рабовладельческого строя услужливо доказывали справедливость рабства. Аристотель, например, писал: «Очевидно, во всяком случае, что одни люди по своей природе — свободны, другие — рабы»³.

В феодальном государстве тяжким преступлением считалось малейшее нарушение привилегий феодального помещика. Охота на дичь в лесах феодала могла повлечь за собой для крестьянина смертную казнь. Широкие права карательной власти в отношении крепостных крестьян были предоставлены самим помещикам, которые по своему произволу определяли круг преступных действий. Русским помещикам при Екатерине II было

предоставлено право карать своих крестьян ссылкой в Сибирь, каторжными работами, смирительным домом, отдачей вне очереди в солдаты¹. Карательная власть феодалов ничем не была ограничена. Они наказывали своих крепостных за что хотели, когда хотели и как хотели. Некоторые из них сами составляли специальные уголовные кодексы для своих крепостных. Энгельс писал о «правосудии» феодального помещика: «Он мог в любой момент, когда ему вздумается, бросить крестьянина в темницу, где того в те времена ждали пытки с той же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он забивал крестьянина насмерть и, если хотел, мог приказывать обезглавить его. Из тех назидательных статей Каролины, которые говорят об «отрезании ушей», «отсечении носа», «выкалывании глаз», «обрубании пальцев и рук», «обезглавлении», «колесовании», «сожжении», «пытке раскаленными щипцами», «четвертовании» и т. д., нет ни одной которой бы милостивый сеньор и покровитель не мог бы применить к своим крестьянам по своему усмотрению»². Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал о правах русского помещика: «Помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет»³.

Восстание крепостных против помещиков подавлялось военной силой феодального государства. В море народной крови топило царское самодержавие крестьянские бунты. При подавлении руководимого Пугачевым революционного восстания крестьян Екатерина II специально предписала казнить повстанцев «по христианскому закону»: отрубить руки и ноги, а головы и тела для устрашения класть на колоды у проезжих дорог. С чудовищной жестокостью боролись феодалы в Германии с крестьянской войной в XVI столетии.

В феодальном государстве большую роль играла церковь. Она была самым крупным феодалом и своим авторитетом поддерживала всю систему феодальной эксплуатации народа. Посягательства на интересы церкви сурово карались. Религиозные преступления рассматривались как наиболее тяжкие. Средневековые судебные хроники пестрели делами по обвинению в связях с дьяволом, процессами о колдовстве и ведьмах. Основным религиозным преступлением считалась ересь — малейшее расхождение с религиозными догматами господствующей церкви. Широкое распространение ереси в эту эпоху нередко представ-

¹ См. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. I, М., 1941, стр. 15—21.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 357.

³ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 378.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 442.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15.

³ «Политика Аристотеля», М., 1911, стр. 14.

яло собой по существу особую форму революционного движения эксплуатируемых народных масс против господства светских и духовных феодалов. «Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала», — отмечает Ф. Энгельс¹. Католическая церковь и феодальное государство карали ересь и другие религиозные преступления сожжением на костре. По приблизительным данным, число жертв инквизиции в одной лишь Испании достигло 350 тыс.

Развитие капиталистических отношений и приход буржуазии к власти создают новое понятие о преступлении. «В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот», — указывает К. Маркс в «Капитале»². Уголовное законодательство рабовладельческого и феодального государства проводило политику открытого классового неравенства перед уголовным законом: оно жестоко карало преступления, совершаемые эксплуатируемыми против отдельных представителей господствующего класса, оставляло безнаказанными или несравненно слабее карало те же преступления, совершаемые представителями господствующего класса в отношении эксплуатируемых. Буржуазное уголовное законодательство провозгласило принцип формального равенства всех граждан перед законом, которым по существу прикрыло фактическое неравенство граждан в охране их интересов уголовным законом. Буржуазное уголовное законодательство продиктовано защитой классовых интересов буржуазии. Понятие о преступлении в буржуазном уголовном законодательстве носит классовый характер. Это значит, что каждое действие (или бездействие), признаваемое буржуазным уголовным законом преступлением, является так или иначе опасным для порядков, выгодных и выгодных буржуазии, обеспечивающих ее классовое господство.

Буржуазные криминалисты готовы признать, что уголовные законы рабовладельческого и феодального общества охраняют интересы его господствующего меньшинства. Однако при рассмотрении понятия преступления в буржуазном обществе они лживо утверждают, что здесь признание тех или иных действий преступными определяется интересами всего общества, так как благодаря существованию буржуазно-демократических институтов в нем якобы распоряжается властью громадное большинство населения. Такие взгляды защищал, например, итальянский криминалист Ваккаро в работе, специально посвященной исследова-

нию происхождения и функций уголовных законов¹. Буржуазные криминалисты выступают при этом лишь как идеологи своего класса: своими теориями они прикрывают классовое господство буржуазии. Буржуазная демократия является одной из политических форм, в которых это господство осуществляется. В капиталистическом обществе господствующим классом является буржуазия, ей принадлежат основные средства производства и материальные ресурсы общества, ее классовыми интересами определяется признание тех или иных действий преступными. Кроме того, следует иметь в виду, что в тех немногочисленных случаях, когда лица, принадлежащие в буржуазном обществе к господствующему классу, привлекаются к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных уголовным законом, они нередко благодаря своим связям и деньгам или ускользают от уголовного преследования, или отделяются ничтожными наказаниями. Один греческий философ сказал о законах своей страны: «Наши законы — паутина, в которой вязнут мухи, но прорываются шмели». Слова эти могут быть в полной мере применены и к осуществлению уголовного «правосудия» в буржуазном обществе. Ленин еще в 1901 году писал о «правосудии» в царской России: «Мелкий вор — на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества, они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на жительство в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги (банковские воры в западной Сибири) и откуда легко ударить и за границу...»². Современная судебная практика буржуазных стран дает немало аналогичных примеров. «Если вы украдете кошелек, вас посадят в тюрьму, если вы украдете железную дорогу, вас сделают сенатором» — вот слова, которые характеризуют судебную практику американской юстиции.

Продажность государственного аппарата, подкупы и грязные аферы в эпоху империализма достигли гигантских размеров. Только в исключительно редких случаях эти дела оказываются предметом судебного разбирательства. В 20-х годах текущего столетия стали достоянием гласности скандальные преступные аферы лиц из ближайшего окружения президента Гардинга (США). Личный друг президента Форбе, руководитель бюро помощи ветеранам войны, потерявшим трудоспособность, расхищал 250 млн. долларов из средств, принадлежащих ветеранам войны. Другой друг президента, генеральный прокурор США Догерти, был уличен в крупных хищениях, взяточничестве и обогащении за счет незаконных сделок. Министр внутренних

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 361.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 826.

¹ Vassago, Genesi e funzione delle Leggi penali, 1910, p. 86.

² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 365.

дел Фолл брал громадные взятки за продажу заинтересованным нефтяным компаниям нефтеносных государственных участков, в которых нуждался американский морской флот. Помощник военного министра Поули занимался грандиозными по масштабу спекуляциями зерном и различными дефицитными товарами. В конце 1948 года в «Правде» сообщалось о преступных махинациях американских и западноевропейских дельцов за кулисами пресловутого плана Маршалла, обошедшихся американским налогоплательщикам в миллионы долларов. В частности, оказалось, что пятую часть алюминия, поставляемого в страны Западной Европы по плану Маршалла, спекулянты Великобритании, Бельгии и Голландии по повышенным ценам возвращали обратно в США, обманывая таким образом своих американских собратьев. Продажность полиции, суда, общественных и государственных деятелей, циничная алчность промышленных и банковских тузов, нагло попирающих законы и не брезгающих никакими преступлениями в целях личного обогащения, нашли правдивое и яркое отображение в произведениях прогрессивных писателей США. Достаточно указать на роман «Мегафон» известного американского писателя Томаса Стриблинга, хорошо изучившего нравы преступного мира воротил монополистического капитала, или на появившийся в 1943 году роман Айры Уольферта «Банда Тэккера», в котором автор показывает всеобщую продажность в «стране доллара», тесную связь профессиональных бандитов с органами власти, с королями промышленного и финансового мира. Эти романы звучат как грозное обвинение современной американской действительности, как разоблачение сокровенных тайн американских монополистов.

Буржуазия использует уголовный закон прежде всего для того, чтобы объявить преступным всякое посягательство на ее классовое господство. Однако борьба буржуазии за сохранение своего классового господства ведется не только на основе уголовных кодексов или даже «исключительных» законов об охране государства, имеющих целью организацию судебной-полицейского террора против революционного движения масс. С переходом к империализму происходит резкий поворот к политической реакции во всех областях общественной жизни. Для укрепления своего господства и подавления трудящихся буржуазия все чаще прибегает к открытому террору. В. И. Ленин в 1910 году указывал, что эпоха величайших революционных битв начинается «растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!»¹. Главным орудием борьбы с революционным движением, особенно в период общего кризиса капитализма, становятся «исключительные» законы, уничтожающие элементарные буржуазно-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 284.

демократические свободы, и внесудебная расправа с передовыми рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

Количество жертв белого террора во всем мире неисчислимо. Не поддается точному учету и число жертв немецких и итальянских фашистов и их сателлитов. Прежде чем германский фашизм был разгромлен, фашистские изуверы пролили море крови не только на полях сражений, но и при проведении зверских расправ, направленных на поголовное истребление поработенных фашизмом народов. После второй мировой войны наиболее реакционные силы современного империализма вновь используют орудие белого террора.

Под гнетом фашистского палача Франко, сохранившего свою власть по воле правящих кругов империалистических держав, стонет многострадальный героический народ Испании. Сотни и тысячи передовых людей Греции пали после войны жертвой белого террора, проводимого по подстрекательству империалистов. Английские империалисты истребляли мужественных киприйских патриотов, боровшихся за национальное освобождение своей страны. Орудием беспощадного террора пытаются империалисты спасти от неминуемой гибели прогнивший колониальный режим. Французские империалисты вели долгую грязную колониальную войну против отстаивавших свою независимость народов Вьетнама. Во время восстания на Мадагаскаре в 1947—1948 гг. они убили 90 тыс. жителей этого острова. Уже в течение ряда лет ими ведется жестокая колониальная война против алжирского народа, борющегося за свою национальную независимость. Английские империалисты долгие годы вели кровавую расправу с малайскими повстанцами. Преступную войну против корейского народа вели американские империалисты. Против египетского народа, сбросившего с себя колониальное ярмо, организовали вооруженное нападение французские и английские империалисты. «Американский империализм, прикрываясь фальшивым флагом свободы и демократии, на деле выполняет роль **мирового жандарма**, поддерживая реакционные диктаторские режимы, прогнившие монархии, выступая против демократических, революционных преобразований, развязывая агрессию против народов, борющихся за свою независимость»¹.

«Коммунистов заносят в «черные списки», лишают работы, объявляют «иностранными агентами», заключают в тюрьмы. В 36 капиталистических странах коммунистические партии вынуждены действовать в глубоком подполье»². В центре Европы, в Западной Германии компартия объявлена вне закона. Фаши-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 31.

² Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Госполитиздат, 1961, стр. 28.

стскими методами расправляется империалистическая буржуазия Западной Германии с борцами за мир и другими прогрессивными деятелями¹.

Буржуазное государство ведет борьбу с посягательствами на личность и имущество лишь постольку, поскольку это необходимо для обеспечения буржуазного порядка. Во имя поддержания незыблемости частной собственности буржуазный закон свирепо карает безработного, которого нужда, отчаяние и голод толкают на совершение преступления.

Чудовищные преступления самой буржуазии против жизни, здоровья и имущества широких трудящихся масс остаются безнаказанными.

Простые нормы нравственности и справедливости уродуются и бесстыдно попираются эксплуататорами, хотя постановления буржуазных уголовных кодексов и содержат в себе статьи, грозящие наказанием за «всякое» убийство, телесное повреждение и посягательство на свободу личности.

Капитализм систематически, безнаказанно, с циничной жестокостью убивает ежегодно сотни тысяч трудящихся. Более ста лет назад Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» гневно обвинял капитализм в коварных убийствах эксплуатируемых: «Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечет за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие предумышленным убийством. Но если общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить не могут; если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет, — это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершенное отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное, от которого никто не может себя оградить, которое не похоже на убийство, потому что никто не видит убийцу, потому что убийца — это все и никто, потому что смерть жертвы носит характер естественной

¹ Большой фактический материал об этом приводится в книге, изданной в ГДР, «Staat ohne Recht», Des Bonner Staates strafrechtliche Sonderjustiz, Berlin, 1959. В Западной Германии было запрещено 200 прогрессивных общественных организаций, в период с 1952 по 1958 год было проведено около 56 тыс. судебных процессов над более чем 200 тыс. прогрессивных деятелей (см. Н. С. Алексеев, Основы уголовного права Германской Демократической Республики, Л., 1960).

смерти, потому что это не столько грех содеянный, сколько грех попустительства. Тем не менее это остается убийством»¹.

Эти слова Энгельса еще в большей мере имеют значение для современного буржуазного общества, ибо основным законом современного капитализма является получение максимальной капиталистической прибыли путем самой зверской эксплуатации. Безнаказанными в буржуазном обществе остаются убийства трудящихся не только тогда, когда они «имеют вид естественной смерти». Безнаказанным является доведение нуждой и голодом людей до самоубийства. Безнаказанными остаются многочисленные убийства и увечья рабочих на фабриках, шахтах, заводах в результате нежелания предпринимателей производить необходимые расходы на проведение основных мероприятий по соблюдению правил техники безопасности на производстве.

О том, что буржуазный уголовный закон в своих постановлениях охраняет жизнь и здоровье человека под углом зрения классовых интересов буржуазии, свидетельствуют следующие статистические данные, относящиеся еще к концу прошлого столетия². В Германии за 15 лет (1886—1900 гг.) было совершено 19 688 убийств, из них злоумышленных — 2 159, умышленных — 2 759 и неосторожных — 14 770, в то время как за этот же период времени были убиты на предприятиях, где проводится обязательное страхование, 90 333 человека. Таким образом, за эти годы на фабриках и заводах в процессе работы погибло в 4,5 раза больше людей, чем от рук убийц. Еще более яркий результат дает сравнение среднего количества убийств за те же годы, приходившихся на 10 тыс. населения (2,0), со средним количеством «несчастных случаев», окончившихся смертельным исходом, приходившихся на 10 тыс. рабочих в промышленных предприятиях, обязанных страхованием (7). Рабочий в среднем за 15 лет рисковал в 35 раз скорее погибнуть на фабрике или на заводе, чем любой гражданин — пасть от руки умышленного или неосторожного убийцы. Это является характерным для любой капиталистической страны.

По поводу беззащитности жизни и здоровья рабочих на производстве Маркс писал: «... регулярная дань частями человеческого тела, как-то: кистями рук, руками, костями, ногами, головами и лицами, приносимая современной промышленности, превосходит потери многих считающихся наиболее кровопролитными сражений»³.

В 1957 и 1958 годах в США ежегодно погибало на производстве 13—14 тыс. рабочих и около 2 млн. получали увечья в ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 329—330.

² См. М. Сурский (М. М. Исаев), Социологическая школа в уголовном праве как защитница интересов господствующих классов, «Ученые записки ВШЮН», вып. 1, М., 1940, стр. 19—20.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 213—214.

зультате несчастных случаев на производстве¹. Эти убийства и увечья, которые особо чудовищные размеры приняли в промышленности США, рассматриваются как «несчастные случаи», за которые предприниматели вовсе не привлекаются к ответственности. В тех исключительно редких случаях, когда власти для успокоения возмущения трудящихся принуждены бывают возбудить уголовное преследование предпринимателей, капиталисты уплачивают пустячные штрафы, цинично подчеркивая тем самым возможность дешево купить право на убийство «своих» рабочих.

Безнаказанными остаются в буржуазном обществе многочисленные убийства революционных рабочих, крестьян и интеллигенции, совершаемые во имя сохранения диктатуры буржуазии войсками, полицией и фашистскими бандами. Империалистическая буржуазия является виновницей убийства миллионов людей в первой и во второй мировых войнах.

В катастрофическом состоянии находится дело оказания медицинской помощи населению в буржуазных странах. Громадное большинство населения в странах капитала полностью лишено возможности пользоваться дорогостоящими медицинскими услугами. Только в США ежегодно умирает 325 тыс. человек, которые могли бы еще жить, если бы им была оказана своевременная медицинская помощь.

Американские империалисты, поставившие негритянское население США в особо зверские условия капиталистической эксплуатации, виновны в том, что смертность среди негритянского населения на 50% выше, чем среди белого населения страны.

Разжигание расовой ненависти к негритянскому населению, дискриминация негров во всех областях общественно-политической жизни, провокационные процессы, чудовищные судебные убийства первых попавшихся под руку негров на основании лживых «свидетельских» показаний полицейских шпионов поощряют позорную практику безнаказанных судов Линча, многочисленных зверских расправ разъяренной толпы над ни в чем не повинными неграми.

Буржуазный суд является орудием угнетения трудящихся, орудием защиты интересов эксплуататоров.

Сидеть на скамье подсудимых в буржуазном суде является печальной «привилегией» выходцев из среды трудящейся бедноты. Самые гнусные преступления эксплуататорских классов или вовсе не считаются преступлениями, или, если и подходят под те или иные параграфы уголовного закона, остаются, по общему правилу, безнаказанными.

¹ «Labor Fact Book 14 (1957—1958)». Labor Research Association International Publishers, New York, 1959.

Мошеничества, подлоги, подкупы, коварные убийства, злостные банкротства, уклонения от налогов, вымогательства, предательство национальных интересов — все пускается в ход для получения капиталом высокой прибыли. Все эти преступления буржуазии возросли во много раз в период империализма и особенно в период общего кризиса капитализма. Во имя получения максимальных прибылей империалистическая буржуазия совершает ограбление целых стран, торгуя кровью народов, бросает в пекло войны миллионы людей, творит неслыханные злодеяния над теми, кто осмеливается словом и делом восстать против ее преступного господства.

Правовые идеи и нравственные принципы буржуазии и рабочего класса глубоко различны. Подлинным преступлением с точки зрения правосознания рабочего класса, а вместе с тем и всего передового человечества являются эксплуатация трудящихся кучкой капиталистов, пропаганда, подготовка и ведение агрессивной войны, военно-полицейский террор, расовая дискриминация, колониальная разбой империалистов — все то, что буржуазный закон считает «правомерной деятельностью».

Так называемые 60 семейств США, американские крупные капиталисты и банкиры, во имя увеличения своих прибылей, борясь за мировое господство, открыто подготавливают новую империалистическую войну. Однако это злейшее преступление против человечества остается безнаказанным в буржуазных государствах. Поджигатели войны не посажены под замок за решетку. Они прикрывают свою преступную деятельность ссылками на «свободу слова» лживой буржуазной демократии.

Буржуазный уголовный закон охраняет жизнь и здоровье лишь постольку, поскольку это выгодно классовым интересам буржуазии. Для понимания действительного характера «охраны» личности в буржуазном уголовном законодательстве важно не только то, что уголовный кодекс считает преступным, но и то, что фактически не считается преступлением. В буржуазных государствах к уголовной ответственности привлекают лишь за те преступления против личности, которые являются опасными для буржуазного «порядка», отвечающего классовым интересам господствующей буржуазии. Поэтому постановления буржуазных кодексов об «охране» личности, грозящие наказанием за «всякое» убийство, телесное повреждение и посягательство на свободу личности, не могут скрыть действительной незащитности трудящихся перед капиталистической эксплуатацией, перед прикрытой или неприкрытой диктатурой буржуазии.

Совершение краж в буржуазном обществе Энгельс назвал самой бессознательной формой «протеста» против общественного строя, основанного на частной собственности. Уголовно-правовая борьба с кражами и другими имущественными преступлениями означает не только охрану существующего в бур-

жуазном обществе распределения хозяйственных благ, но вместе с тем и защиту института частной собственности как основы, на которой покоится существование капиталистического общества. Разумеется, эта борьба буржуазного уголовного закона не означает борьбу со всякими вообще присвоениями чужого имущества. Капиталистическая частная собственность основана на эксплуатации человека человеком, на присвоении прибавочной стоимости, созданной трудом рабочих. Присвоение прибавочной стоимости является сущностью капиталистической эксплуатации. Открытым грабежом и разбоем является политика империалистических государств в колониях. Признание в буржуазном уголовном законодательстве тех или иных нарушений имущественных интересов преступлениями определяется, таким образом, классовыми интересами господствующей буржуазии.

Понятие о преступлении в буржуазном законодательстве определяется классовыми интересами господствующей буржуазии. Признание тех или иных действий преступлением продиктовано интересами охраны существования и воспроизводства всей системы отношений капиталистической эксплуатации, а следовательно, тем самым — классовыми интересами господствующей буржуазии.

Преступлением в буржуазном обществе признается действие или бездействие, опасное для интересов господствующей буржуазии, т. е. нарушающее условия существования буржуазного общества.

§ 2

Природа преступления в социалистическом обществе

Великая Октябрьская социалистическая революция сломала старый государственный аппарат, в том числе суд и буржуазно-помещичье уголовное право, служившее помещикам и капиталистам орудием угнетения и беспощадного подавления трудящихся масс. Существовавшее в России до Великой Октябрьской социалистической революции уголовное право объявляло преступлением всякое нарушение порядков, удобных и выгодных эксплуататорам. Диктатура пролетариата ликвидировала старые правовые и политические учреждения и создала взамен новые учреждения, необходимые для защиты и укрепления пролетарской диктатуры.

Советское уголовное право определило, какие деяния с точки зрения интересов рабочего класса и всех трудящихся следует признать преступными, влекущими за собой уголовную ответ-

ственность перед социалистическим государством и применение к виновным наказания. Советское уголовное право служило пролетариату орудием в его классовой борьбе. Советское уголовное право с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции активно содействовало новому обществу оформиться и укрепиться, помогало советскому строю ликвидировать эксплуататорские классы в нашей стране. Уголовные законы социалистического государства объявили тягчайшим преступлением посягательства на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, все попытки свергнутых эксплуататорских классов вернуть свое бывшее господство, реставрировать капиталистические отношения, подорвать или ослабить диктатуру пролетариата. Уже первые декреты Советской власти в области уголовного права были направлены на решительное подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов.

Как неоднократно указывал В. И. Ленин, с победой рабочего класса классовая борьба не прекращается, а продолжается в новых формах. «Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии»¹.

Свергнутые Великой Октябрьской социалистической революцией эксплуататорские классы вели отчаянную борьбу за восстановление своего потерянного господства, за реставрацию капиталистических отношений в нашей стране. «Переход от капитализма к коммунизму, — писал Ленин, — есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятенной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»². Это сопротивление свергнутых эксплуататорских классов давало содержание контрреволюционных преступлений.

На различных этапах развития социалистического государства борьба свергнутых классов за реставрацию капиталистических отношений приобретала различные формы. Выступление вооруженных банд Керенского и Краснова, восстание юнкеров в первые дни Октября; контрреволюционный саботаж верхушки старых чиновников в период проведения Великой Октябрьской

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 350.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 233.

социалистической революции; вооруженные мятежи, террористические и диверсионные акты в период иностранной интервенции и гражданской войны; вредительство и диверсия старой технической интеллигенции в период индустриализации, хищение врагами народа социалистической собственности и кулацкий террор в период коллективизации; террористические акты, шпионаж, вредительство и диверсия агентуры иностранных разведок в дальнейшие годы существования Советского государства — вот разнообразные формы контрреволюционного сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и их агентуры диктатуре рабочего класса в нашей стране. Международная буржуазия всячески поддерживала борьбу свергнутых эксплуататорских классов. Она помогала армии контрреволюционных генералов в период гражданской войны, она организовала интервенцию и посылала свои вооруженные силы для свержения Советской власти, засылала шпионов и диверсантов, помогала вредителям и террористам. Связь контрреволюционной деятельности свергнутых эксплуататорских классов и их агентуры с иностранными разведками можно проследить на всей истории борьбы с контрреволюцией в нашей стране.

Особой формой сопротивления строительству нового общества в период перехода от капитализма к социализму являлось сопротивление мелкобуржуазной стихии в форме недисциплинированности, уклонения от контроля социалистического государства, а также в форме хулиганства, хищений, насилий и т. д. Это сопротивление стихии мелкобуржуазных привычек, стремлений и настроений порождало необходимость признания целого ряда действий преступными для охраны элементарного порядка в процессе строительства нового, социалистического общества. В работе «Очердные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «...всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немислима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, — означающей тысячи и миллионы случаев колебания и переветов с одной стороны на другую, — означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкобуржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода»¹. Влияние на сознание трудящихся представлений старого буржуазного обще-

ства толкало некоторых из них на совершение действий, нарушающих дисциплину нового общества. «...Рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносятся вон. Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих.

Иначе на свете не было ни одной великой революции и не может быть»¹.

Для создания новой общественной дисциплины необходимо перевоспитать «и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»². В этой борьбе нельзя ограничиться лишь одним убеждением. Борьба за новую общественную дисциплину требует применения принуждения — наказания конкретных носителей зла за совершение общественно опасных действий. Эта борьба соответствует интересам рабочего класса в целом и всех трудящихся.

В. И. Ленин рассматривал борьбу Советского государства за создание новой дисциплины как особую форму классовой борьбы, которую ведет рабочий класс в период пролетарской диктатуры. Советское уголовное право, борясь с преступлениями, представляющими собой нарушения в различной форме общественной дисциплины, активно содействовало созданию и укреплению новой общественной дисциплины, необходимой для успешного строительства социалистического общества.

После ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране острота классовой борьбы перенесена на внешние отношения социалистических государств с лагерем империализма. Преступления изменников родины, вредителей, диверсантов-террористов, шпионов и других врагов народа представляют собой вражескую деятельность агентов империалистического лагеря и их пособников, пытающихся посягнуть на внешнюю безопасность и обороноспособность нашей великой Родины. Разведки империалистических государств засылают к нам своих агентов для шпионажа, диверсий и других тяжких государственных преступлений. Поджигатели войны ведут злобную антисоветскую пропаганду, чтобы опутать ложью народные массы и втянуть их в агрессивную войну против СССР и стран народной демократии.

Выражая правосознание и лучшие чаяния всего прогрессивного человечества, 12 марта 1951 г. Верховный Совет СССР принял Закон о защите мира и постановил предавать суду и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 234—235.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 397.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 94.

судить как тяжких уголовных преступников лиц, виновных в пропаганде войны. По призыву Второго Всемирного Конгресса сторонников мира, выразившего волю всего передового человечества в отношении запрещения и осуждения преступной военной пропаганды, были приняты во всех странах народной демократии законы о защите мира. Весь лагерь империалистической реакции остался глух к призывам сторонников мира, разоблачив себя тем самым как поджигателей новой войны, готовящих тягчайшее преступление против человечества, войну против СССР и стран народной демократии.

Принятый в декабре 1958 года Верховным Советом СССР Закон об уголовной ответственности за государственные преступления предусматривает суровую ответственность за пропаганду войны, в какой бы форме она ни велась.

Советское государство в переходный период от капитализма к социализму было государством диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата обеспечила построение социализма в нашей стране. Полная и окончательная победа социализма и вступление страны в период развернутого строительства коммунистического общества означает вместе с тем и вступление нашего государства в новый период своего развития. Как указывает новая Программа КПСС «государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа»¹.

Главной задачей Советского государства внутри страны в период развернутого построения коммунистического общества является создание материально-технической базы коммунизма, дальнейший рост материального и культурного уровня советского народа. Советское уголовное право выражает интересы и волю всего советского народа в деле охраны социалистического правопорядка и коммунистического строительства. Преступление является общественно опасным действием или бездействием с точки зрения всего советского народа.

Советское уголовное право стоит на страже хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности социалистического государства. Оно борется с наиболее опасными нарушениями общественной дисциплины, за укрепление социалистической законности во всех областях жизни нашего общества. Всемирное укрепление общественной и государственной дисциплины является непременным условием успешности движения советского народа вперед по пути к коммунизму. В процессе строительства коммунистического общества меняется духовный облик советских людей. Это находит свое выражение

в глубоком сознании общественных интересов у наших рабочих, колхозников и интеллигенции. Это находит свое выражение в заботе советских людей об укреплении государственной и общественной собственности, в борьбе за повышение производительности труда, в отношении советских людей к труду как к делу чести, славы, доблести и героизма.

Однако в сознании некоторой части советских граждан еще живучи пережитки прошлого. Лагерь империализма старается оживить и поддержать эти пережитки, которые находят свое выражение в совершении носителями их преступных деяний (хищение государственного и общественного имущества, а также личной собственности граждан, хулиганство, посягательство на личность, нарушение государственной дисциплины и т. п.).

Эгоистическое стремление обогатиться за счет труда других является одним из опасных пережитков прошлого в сознании отсталой части советских людей и порождает такие преступления, как хищение государственного, общественного имущества и личной собственности граждан.

В связи с громадным ростом социалистического хозяйства охрана социалистической собственности от воров и расхитителей приобретает особое значение. Социалистическая собственность является основой советского строя, источником богатства и могущества нашей Родины, источником постоянного повышения материального и культурного уровня всех трудящихся. Рост социалистической собственности является решающим условием движения всей страны по пути к коммунизму. Решительная борьба с посягательствами на социалистическую собственность является долгом советских людей. Активная роль в деле охраны социалистической собственности принадлежит советскому уголовному законодательству, признающему тяжким преступлением хищение государственного и общественного имущества. Советский уголовный закон сурово карает расхитителей государственного и общественного имущества, так как в нашем обществе каждому обеспечена возможность трудиться. Советский суд своей неуклонной борьбой с хищениями государственного и общественного имущества содействует искоренению пережитков прошлого в сознании отсталой части советских людей и создает атмосферу морального бойкота и нетерпимости вокруг воров и расхитителей народного добра, воспитывает граждан в духе заботы об укреплении и развитии социалистической собственности. Советское уголовное право, ведя активную борьбу с наиболее опасными для нашего общества проявлениями пережитков прошлого в сознании людей, содействует укреплению социалистической законности и выработке новой общественной дисциплины, тем самым оно служит делу строительства коммунизма в нашей стране. Программа КПСС указывает, что «в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места право-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 101.

нарушениям и преступности. Но пока имеются проявления преступности, необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни»¹.

Признавая всю важность и необходимость применения репрессии для действенной охраны социалистического государства, прав советских граждан и всего социалистического правопорядка, нельзя забывать о громадном значении вовлечения широкой общественности в дело борьбы с преступностью как путем организации мер по предупреждению совершения преступлений, так и путем мер общественного воспитательного воздействия на лиц, уже совершивших преступления. Это непосредственно вытекает из Программы КПСС, требующей, чтобы главное внимание в борьбе с преступностью было направлено на предотвращение преступлений. Проявление недостаточного внимания к проведению мер по предупреждению преступлений само по себе является условием, весьма благоприятствующим живучести преступности. В соответствии с указаниями Программы КПСС о привлечении общественности к охране порядка народные дружины, товарищеские суды и коллективы трудящихся участвуют в осуществлении мер по предупреждению преступлений, ведут активную работу по исправлению и перевоспитанию правонарушителей. Долг широкой советской общественности — принять необходимое участие наряду с органами государственной власти в активной борьбе за ликвидацию преступности. Все носители традиций капитализма — хулиганы, спекулянты и прочие дезорганизаторы общественного порядка не могут быть допущены в коммунистическое общество, не может быть ослаблена борьба с этими антиобщественными элементами. «Тот факт, что диктатура пролетариата перестала быть необходимой, ни в коей мере не означает какого-либо ослабления общественного порядка и законности. Партия придает большое значение дальнейшему укреплению законности и правопорядка, охране прав граждан... Наряду с государственными органами в борьбе против антиобщественных и преступных элементов возрастает роль общественных организаций трудящихся. Борьба против расхитителей общественного добра, против тунеядцев и хулиганов будет еще более эффективной, так как она становится делом всех трудящихся и их организаций»².

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 106.

² Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 84.

Глава II

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Социалистическое уголовное право о понятии преступления¹

Одной из основных политических задач советского уголовного права является определение того, какие деяния Советское государство считает преступными и потому ведет с ними борьбу путем применения наказания к лицам, их совершившим.

Социалистическое уголовное законодательство в отличие от буржуазного уголовного права, всячески маскирующего и скрывающего свою классовую антинародную сущность, всегда открыто говорило о классовой природе социалистического уголовного права, как права диктатуры рабочего класса, защищающего жизненные интересы рабочего класса и всех трудящихся. В период развернутого строительства коммунистического общества, когда Советское государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, превратилось в общенародное государство, советское уголовное право выражает интересы и волю всего советского народа.

Буржуазное уголовное право считает преступлением действие, запрещенное под страхом наказания. Такое формальное

¹ А. А. Герцензон, Понятие преступления в советском уголовном праве, М., 1955; Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, М. — Л., 1948; В. Н. Кудрявцев, Что такое преступление, М., 1959.

определение преступления не раскрывает его существа. Оно означает лишь утверждение, что преступление есть то, что законодатель считает таковым, но оно неспособно ни в коей мере приблизить к пониманию того, почему именно это действие признается преступным.

Ответ на этот вопрос может дать материальное определение понятия преступления. Оно должно заключаться в указании на существенные общественные свойства того деяния, которое считается в уголовном законодательстве данного государства преступлением. В буржуазной теории уголовного права были отдельные попытки дать материальное определение понятия преступления (см. ниже), однако подлинное научное понятие о преступлении дает лишь марксистско-ленинская теория.

Общее материальное понятие преступления впервые в советском уголовном праве было дано в ст. 6 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года, определившей преступление как «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений». Это определение преступления более конкретно раскрывалось в ст. 3 Руководящих начал, которая указывала, что советское уголовное право имеет своей задачей посредством применения наказания «охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Материальное определение понятия преступления было дано и в ст. 6 первого советского уголовного кодекса — Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в следующей редакции: «Преступлением называется всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Первоначальный проект Уголовного кодекса РСФСР не знал такого определения понятия преступления. Оно было внесено в проект при его обсуждении на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 года. Народный комиссар юстиции Д. И. Курский, выступавший на третьей сессии ВЦИК девятого созыва с докладом о проекте Уголовного кодекса, справедливо отметил, что понятие преступления является ведущим понятием для всего кодекса¹.

Материальное понятие преступления, данное в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, было воспринято и уголовными кодексами других союзных республик.

¹ См. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва (12—27 мая 1922 г)», М., 1922, Бюллетень № 3, стр. 27.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года не содержали в себе статьи, специально посвященной понятию преступления, однако вводная статья, говорившая о задачах советского уголовного законодательства, по существу давала и определение понятия преступления. Основные начала провозглашали, что уголовное законодательство СССР и союзных республик «имеет своей задачей судебноправовую защиту государства трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ее правопорядок».

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года давалось определение понятия преступления в несколько иной редакции по сравнению с Уголовным кодексом РСФСР 1922 года. Статья 6 этого кодекса гласила: «Общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Это было подлинно марксистское, материалистическое определение понятия преступления, вскрывавшее его действительную классовую природу.

Социалистический уголовный закон, давая материальное определение понятия преступления, тем самым определял и общественный смысл социалистического уголовного права. В этом отношении ст. 6 УК РСФСР 1926 года дополняла ст. 1 этого же кодекса, гласящую, что уголовное законодательство имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно опасных действий (преступлений).

Уголовные кодексы Армянской ССР 1927 года и Азербайджанской ССР 1927 года содержали такое же определение понятия преступления, как и ст. 6 УК РСФСР 1926 года. Почти идентичное постановление содержалось и в ст. 6 УК Узбекской ССР 1926 года; в ст. 4 УК Украинской ССР 1927 года; в ст. 5 УК Грузинской ССР 1928 года и в ст. 4 УК Белорусской ССР 1928 года. Уголовный кодекс Туркменской ССР 1927 года, определяя понятие преступления, не пользовался термином «общественно опасное деяние». В ст. 5 он давал следующее определение понятия преступления: «Преступлением признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-дейханской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Более подробное, чем в уголовных кодексах других союзных республик, определение понятия преступления содержалось в ст. 5 УК Таджикской ССР 1935 года: «Общественно опасным признается всякое действие

или бездействие, направленное против советского строя и его основы — общественной собственности (государственной, колхозной, кооперативной) или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в ст. 7 дали еще более развернутое определение понятия преступления: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно, иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом». Это понятие преступления принято без изменений уголовными кодексами всех союзных республик (например, ст. 7 УК РСФСР 1960 г.).

В соответствии со ст. 7 Основ определяется и классовый, общественный смысл советского уголовного законодательства. В ст. 1 Основ говорится: «Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств». Определение понятия преступления, данное в ст. 7, включает в себя наряду с раскрытием его материального содержания также и указание на формальный момент — деяние, предусмотренное уголовным законом. Это означает отказ от существовавшей ранее в нашем уголовном законодательстве допустимости применения статей Особенной части уголовного кодекса по аналогии в отношении тех деяний, которые не были предусмотрены уголовным законом.

Одно время в нашей юридической печати было распространено мнение, что наличие материального понятия о преступлении в советском уголовном законодательстве тесным образом связано с допустимостью применения статей Особенной части уголовного кодекса по аналогии. Однако следует признать, что между этими институтами вовсе не существует подобной зависимости. Социалистическое уголовное законодательство должно было при определенных условиях отказаться от института аналогии и в целях укрепления социалистической законности дать исчерпывающий перечень преступных деяний. Отказ от института аналогии был осуществлен Основами уголовного законодательства 1958 года, и тем не менее это вовсе не означало отказа от материального понятия преступления. Материальное понятие преступления необходимо для того, чтобы раскрыть

классовое, политическое содержание уголовного законодательства социалистического государства. Наличие его позволяет сделать важный практический вывод, что не считается преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части уголовного кодекса, но в силу малозначительности не является общественно опасным. Оно дает возможность также признать, что в тех случаях, когда в силу изменившейся социально-политической обстановки деяние перестало являться общественно опасным, лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности. Материальное понятие преступления служит, наконец, и для правильного понимания и раскрытия содержания конкретных составов преступлений, предусмотренных советским уголовным законодательством. Оно является одним из принципиальных ведущих положений социалистического уголовного права.

Понятие преступления, данное в Основах уголовного законодательства, содержит указание лишь на один из самых существенных признаков преступления — общественную опасность совершенного деяния (действия или бездействия). Преступление является общественно опасным деянием, предусмотренным уголовным законом, т. е. нарушающим определенную норму права, охраняемую уголовным законом. Поэтому преступление, являясь общественно опасным действием (бездействием), одновременно является действием (бездействием) против правным. В силу ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и постановлений Общей части уголовных кодексов союзных республик преступлением может быть признано лишь виновное общественно опасное действие или бездействие, т. е. совершенное лицом умышленно или по неосторожности.

Преступлением является общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Это означает, что оно запрещено под страхом применения наказания. Преступление неразрывно связано с наказанием. Поэтому наказуемость виновного общественно опасного деяния является также существенным признаком преступления. В характере и размере наказания, установленного уголовным законом за то или иное преступление, выражается оценка социалистическим государством степени общественной опасности совершенного преступления. Таким образом, следует считать, что преступление есть общественно опасное, противоправное, виновное, наказуемое деяние, посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права

граждан или нарушающее социалистический правопорядок.

Уголовное законодательство социалистического государства открыто провозглашает, что признает преступными те действия, которые представляются опасными для интересов трудящихся, строящихся под руководством рабочего класса новое общество. Социалистическому уголовному праву нет необходимости скрывать свое подлинное общественное содержание, ибо оно имеет целью защиту интересов всех трудящихся. Поэтому правильное материальное определение понятия преступления только и возможно в уголовном законодательстве социалистического государства.

Государства народной демократии являются особой формой диктатуры пролетариата. Как государства социалистические, они в своем законодательстве проводят защиту интересов всех трудящихся. Поэтому уголовное законодательство стран народной демократии, так же как и советское уголовное право, дает, хотя и в различной форме, подлинно материальное понятие преступления.

Так, Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики признает общественно опасным всякое действие или бездействие, которое подвергает опасности или наносит ущерб государственному, общественному или хозяйственному строю Венгерской Народной Республики, а равно личности и правам граждан.

Материальным понятием преступления пользуется Уголовный кодекс Болгарской Народной Республики, ст. 2 которого признает преступлением всякое виновно совершенное общественно опасное деяние, объявленное законом наказуемым, а ст. 3 объявляет общественно опасным деяние, создающее угрозу или причиняющее вред государственному или общественному строю народной республики или установленному в ней правопорядку.

В проекте Общей части Уголовного кодекса Народной Республики Польши преступление определяется как деяние, каемое законом, являющееся общественно опасным посягательством на политический и экономический строй Народной Польши, на ее суверенитет, на интересы народа, на власть трудящихся, на строительство социализма в Польше, на личность граждан и их права, а также на народно-демократический правопорядок.

Как общественно опасное деяние рассматривает преступление Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики. В § 2 он признает, что преступлением является только такое общественно опасное деяние, результат которого предусмотрен в законе и причинен по вине лица, совершившего это деяние.

Таким образом, раскрытие материального классового содержания понятия преступления является одной из основных черт социалистического уголовного права.

Было бы неправильно общественное свойство всякого преступления по социалистическому уголовному праву именовать, как делали некоторые советские криминалисты и криминалисты стран народной демократии, классовой опасностью. Такая характеристика встречается, например, в некоторых работах криминалистов Германской Демократической Республики¹.

Признание того или иного деяния преступным в период перехода от капитализма к социализму в социалистическом государстве определяется интересами рабочего класса и всех трудящихся, а в период перехода от социализма к коммунизму — интересами всего народа, строящего под руководством рабочего класса коммунистическое общество. Характеристика преступления в социалистическом государстве как классово опасного деяния может дать повод к неправильным выводам, что каждое преступление непосредственно угрожает классовым интересам и что каждый преступник является классовым врагом. А это в свою очередь может неправильно ориентировать работу судебных органов на огульное усиление репрессий. Такая характеристика объективного свойства всякого преступления ведет к затушевыванию различия между антагонистическими и неантагонистическими общественными противоречиями, которые находят свое выражение в совершении различных преступлений.

Преступления, совершенные классово враждебными элементами и направленные против основ социалистического государства, выражают собой антагонистические общественные противоречия; преступления, совершенные отдельными трудящимися в силу пережитков прошлого в их сознании, порождены неантагонистическими общественными противоречиями — отставанием общественного сознания таких трудящихся от их общественного бытия.

Первые преступления представляют собой проявление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и происки агентуры империализма. Борьба с ними является борьбой с подрывной деятельностью империалистического лагеря. Борьба со второй группой преступлений представляет собой борьбу за выработку новой общественной дисциплины и перевоспитание отсталых слоев трудящихся в духе социализма. В связи со сказанным представляется более правильным характеризовать объективное общественное свойство преступления не как классово опасное, а как общественно опасное деяние.

¹ См. Иохим Реннеберг, Объективная сторона преступления, М., 1957.

Все советское социалистическое право, устанавливая определенные нормы поведения людей, стремится всемерно содействовать успешному развитию нашего общества по пути коммунизма. Эта цель в полной мере присуща уголовному праву социалистического государства. Советское уголовное право не только ведет решительную борьбу со всеми теми, кто нарушает общественную дисциплину и мешает советскому народу строить коммунистическое общество, но вместе с тем оно выступает как проводник новой социалистической морали, содействуя отсталой части населения освободиться от пережитков капитализма в сознании, от эгоистических навыков, привычек и стремлений, приводящих к совершению тех или иных преступлений. Эти высокие воспитательные задачи социалистического уголовного права связаны с тем, что общественно опасное действие или бездействие, караемое советским уголовным законом, есть одновременно и такое поведение лица, которое противоречит коммунистической нравственности. Всякое поведение лица, опасное для социалистического общества, неизбежно порицается коммунистической моралью. В. И. Ленин в своей исторической речи о задачах молодежи, произнесенной на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г., указывал, что «нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»¹, что «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»².

Как указывает новая Программа КПСС, «простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками»³.

Все, что считается общественно опасным и преступным с точки зрения советского уголовного права, является одновременно и безнравственным поведением с точки зрения моральных требований советского народа. Чем более общественно опасно данное деяние, чем тяжелее совершенное преступление, тем большее моральное негодование вызывает оно у всех советских людей, тем большее порицание заслуживает оно с точки зрения коммунистической нравственности. Конституция СССР в ст. 133 определяет, что «измена родине: нарушение присяги, переход на

сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние». В этом выражается не только признание измены родине самым опасным и самым тяжким преступлением, которое только может совершить гражданин СССР, но вместе с тем в этих словах Конституции СССР выражаются и моральное негодование советского народа по адресу изменника, ненависть и презрение к нему, самая суровая оценка его поведения коммунистической нравственностью. Точно так же постановление ст. 131 Конституции СССР о том, что «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа», не только говорит об особой общественной опасности этих лиц, как посягающих на основы нашего строя, но выражает вместе с тем и суровое порицание их с точки зрения коммунистической нравственности. Все другие нормы социалистического уголовного права, признающие преступлениями различные посягательства на личность, хулиганство, нарушения трудовой дисциплины на транспорте и другие действия, являющиеся проявлением пережитков прошлого в сознании людей, полностью отражают в себе моральные взгляды советского народа.

Все такие преступления вместе с тем являются аморальными поступками — поведением, противоречащим коммунистической нравственности, мешающим советскому народу строить коммунистическое общество. Поэтому уголовные законы социалистического государства, признающие определенное поведение преступлением, выражают вместе с тем и его отрицательную моральную оценку нашим обществом. Преступление в нашем обществе всегда является безнравственным действием или бездействием лица.

Передовые нравственные и правовые воззрения рабочего класса, осуществляющего свою руководящую роль в советском обществе, лежат в основе норм советского социалистического права.

Разумеется, не всякое поведение лица, противоречащее коммунистической нравственности, является преступным. Нормы морали, определяющие поведение советских людей, более широки по своему объему, чем нормы советского права. Коммунистическая нравственность осуждает бытовое разложение, беспринципность, трусость, подхалимство и другие пережитки прошлого, которые вместе с тем могут не заключать в себе состава преступления, да и вообще признаков правонарушения. В этих случаях к нарушителям норм коммунистической нравственности не применяется государственное принуждение. С ними советские люди ведут борьбу мерами общественного воздействия.

Хотя всякое преступление в нашем обществе есть одновременно не только действие противоправное, но и аморальное, однако этот последний признак нет необходимости специально

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 269.

² Там же, стр. 270.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 119.

вводить в определение понятия преступления, так как понятие противоправности деяния тем самым предполагает его противоречие коммунистической морали¹.

Грань между преступным и не преступным, но противоречащим коммунистической нравственности поведением исторически изменчива. Поведение, которое в определенное время осуждается лишь коммунистической нравственностью, при известных условиях может быть признано преступлением. Так, прогул как действие, дезорганизующее работу социалистической промышленности, всегда осуждался коммунистической нравственностью. Изданный 26 июня 1940 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР признал это деяние преступным. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. уголовная ответственность за прогул была полностью отменена, тем не менее это действие продолжает отрицательно оцениваться коммунистической нравственностью.

«В процессе перехода к коммунизму, — как указывает новая Программа КПСС, — все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми»².

Некоторые однородные по своему характеру действия в одних случаях являются лишь аморальными поступками, а в других — одновременно и преступными действиями. Так, недонесение о краже государственного или общественного имущества, совершенной особо опасным рецидивистом или в крупных размерах, считается преступлением (ст. 190 УК РСФСР). Недонесение об иных видах краж социалистической собственности не влечет за собой уголовной ответственности, хотя и осуждается коммунистической моралью. Признание по советскому уголовному праву преступления одновременно и действием, противоречащим коммунистической нравственности, усиливает воспитательное воздействие наказания, применяемого советским судом³.

¹ Иной позиции в этом вопросе придерживается А. А. Герцензон. Он полагает, что в определении понятия преступления по советскому уголовному праву должна быть отражена отрицательная морально-политическая оценка (см. А. А. Герцензон, Понятие преступления в советском уголовном праве, стр. 51—52).

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 119.

³ Н. Д. Дурманов в работе «Понятие преступления» (стр. 246) с полным основанием отмечает: «Признание преступления одновременно и анти-моральным поступком значительно усиливает роль наказания, применяемого судом. Наказание, применяемое советским судом, включает в себе не только элементы кары, но и моральное порицание преступника и совершенного им деяния от лица советского общества». Этот момент подчеркивал М. М. Исаев («Советское право в период Великой Отечественной войны», ч. 2, М., 1948, стр. 11—15). См. также А. А. Герцензон, Понятие преступления в советском уголовном праве, стр. 51—57.

Общественная опасность каждого конкретного преступления находит свое выражение в признании его наказуемым. Возможны случаи, когда совершенное действие отвечает внешним признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, но тем не менее по существу в данном конкретном случае не может быть признано общественно опасным и, следовательно, не должно влечь уголовной ответственности и наказания. Это может иметь место или в силу малозначительности совершенных действий и отсутствия вредных последствий, или в силу изменившейся социально-политической обстановки.

Последнее положение нашло свое признание еще в ст. 16 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года: «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию».

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года не содержал никаких постановлений, относящихся к этим вопросам. Однако уже в 1924 году сессия ВЦИК поручила Президиуму разработать вопрос о прекращении дел по незначительным проступкам до судебного разбирательства по мотивам нецелесообразности. В соответствии с этим 9 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК дополнил Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР ст. 4-а, согласно которой прокурор и суд имели право «отказаться в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, но не может считаться общественно опасным (ст. 6 УК РСФСР 1926 г.) вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным». Хотя эта статья и была ранее включена в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, но по существу в значительной степени являлась нормой не процессуального, а материального уголовного права. Именно поэтому впоследствии это положение было непосредственно отражено в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного» (примечание к ст. 6). Кроме того, согласно ст. 8 УК РСФСР 1926 года конкретное действие, являвшееся в момент совершения преступлением, но к моменту расследования или рассмотрения его судом потерявшее характер общественно опасного в силу изменившейся социально-политической обстановки, не влекло применения меры наказания. Следует иметь в виду, что в силу ст. 8 УК суд

мог также признать, что и само лицо, совершившее преступление, не является более общественно опасным, и не применять к нему наказания.

Положения, содержащиеся в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК РСФСР 1926 года, были отражены и в общесоюзном законодательстве. Постановлением ЦИК и СНК СССР 13 октября 1929 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года были дополнены статьей 6¹, согласно которой «уголовное преследование может быть прекращено во всякой стадии процесса в случае, когда совершенные обвиняемым действия хотя формально и заключают в себе признаки общественно опасных деяний, но по своей маловажности и по отсутствию вредных последствий или в силу конкретной социально-политической обстановки не имеют и не могут иметь общественно опасного характера». В соответствии с этой статьей Основ уголовного судопроизводства были введены соответствующие нормы в Уголовно-процессуальные кодексы Украинской ССР, Грузинской ССР и Туркменской ССР. В РСФСР, Белорусской, Узбекской, Азербайджанской, Армянской и Таджикской союзных республиках соответствующая норма была более правильно помещена не в уголовно-процессуальных, а в уголовных кодексах.

В принятых второй сессией Верховного Совета СССР пятого созыва в 1958 году Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик оба вопроса нашли свое разрешение как проблемы материального уголовного права.

Принцип, выраженный ранее в примечании к ст. 6 УК РСФСР 1926 года, проводится ч. 2 ст. 7 Основ, которая определяет: «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР 1960 г.).

Принцип, выраженный ранее в ст. 8 УК РСФСР 1926 года, нашел свое признание в ч. 1 ст. 43 Основ: «Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного». Кроме того, в силу этой же статьи суд не применяет наказание в том случае, когда само лицо перестало быть общественно опасным. Это положение воспроизводится и в уголовных кодексах отдельных союзных республик (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР 1960 г.).

Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 года при прекращении дела в силу явной малозначительности совершенного деяния и отсутствия вредных последствий формально необходи-

мо было одновременно установить наличие обоих признаков. Однако указание на отсутствие вредных последствий было по существу излишне. Покушение на преступление часто может совершаться отсутствием вредных последствий, тем не менее, по общему правилу, оно не может быть признано маловажным, малозначительным деянием и влечет за собой уголовную ответственность. Вместе с тем возможны случаи, когда совершенное действие вызывает те или иные вредные последствия, но они не могут быть признаны с точки зрения уголовного права общественно опасными. Например, умышленное повреждение не имеющего ценности чужого листа бумаги не может быть признано общественно опасным и влечь за собой ответственность за умышленное повреждение чужого имущества. Решающее значение здесь имеет малозначительность самого деяния в целом, исключающая необходимость применения уголовного наказания. Поэтому Основы уголовного законодательства 1958 года при решении этого вопроса правильно не упоминают об отсутствии вредных последствий; они говорят в ст. 7 лишь о малозначительности деяния как обстоятельстве, позволяющем сделать вывод, что совершенное деяние не является преступлением, не включает в себе состава преступления.

Малозначительность совершенного деяния должна быть такой, что уголовная ответственность и наказание в данном конкретном случае являлись бы излишними с точки зрения осуществления общих задач уголовного законодательства СССР. Это имеет решающее значение для понимания ч. 2 ст. 7 Основ. Формулировка этого положения, данная Основами, позволит практике более широко прекращать дела в уголовном порядке в отношении лиц, совершивших малозначительные правонарушения. Примечание к ст. 6 УК РСФСР 1926 года применялось в практике судебно-прокурорской работы в сравнительно редких случаях. Вторая часть ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик применялась в 1959 и 1960 годах значительно чаще. При этом следует отметить, что примечание к ст. 6 УК РСФСР 1926 года применялось в отношении таких деяний, которые в силу своей малозначительности явно не могли быть признаны общественно опасными и по общему правилу не должны были влечь никакой ответственности. Новое в практике применения ч. 2 ст. 7 Основ (до издания уголовных кодексов союзных республик) заключалось в том, что она применялась также и в тех случаях, когда степень общественной опасности деяния хотя и незначительна, но все же не была таковой, чтобы можно было вообще не возлагать на виновное лицо никакой ответственности. В новых условиях развития Советского государства, в период развернутого строительства коммунистического общества, уголовная ответственность частично заменяется ответственностью в общественном порядке. Пленум

Верховного Суда СССР в постановлении от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания»¹ указал: «Суды должны шире практиковать передачу на рассмотрение общественности дел о правонарушениях, не представляющих значительной общественной опасности, прекращая подобные дела производством в уголовном порядке в соответствии с ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». В постановлении от 19 декабря 1959 г. «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями»² Пленум Верховного Суда СССР еще раз подчеркнул необходимость расширения практики передачи на рассмотрение общественности дел о правонарушениях, не представляющих значительной общественной опасности, с прекращением этих дел в уголовном порядке. В постановлении от 26 марта 1960 г. о выполнении судебными органами приведенных выше постановлений Пленума Верховного Суда СССР отмечалось, что суды все еще продолжают принимать к рассмотрению в уголовном порядке дела и назначать меры уголовного наказания в отношении лиц, совершивших деяния, не представляющие большой общественной опасности, вместо передачи таких дел на рассмотрение общественности. Пленум Верховного Суда СССР в этом постановлении рекомендовал народным судам по делам частного обвинения (оскорбления, побои и др.) разъяснять потерпевшим целесообразность рассмотрения этих дел общественностью и шире практиковать с учетом мнения потерпевшего передачу таких дел в товарищеские суды или на рассмотрение общественности по месту работы или жительства виновного. Практика передачи дел на рассмотрение товарищеских судов нашла свое особое правовое обоснование и в новых уголовных кодексах отдельных союзных республик.

Один из первых кодексов, принятых после издания Основ, — Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 года в санкциях ряда статей Особенной части определяет, в каких случаях вместо назначения уголовного наказания дело может быть передано на рассмотрение товарищеского суда. В качестве примера можно сослаться на ч. 2 ст. 98 этого кодекса, предусматривающую ответственность за неосторожное телесное повреждение средней тяжести. В ряде статей предусматривается, что ответственность в уголовном порядке может иметь место лишь в тех случаях, когда соответствующие действия были совершены виновным уже после применения к нему мер общественного воздействия. Таковой является, например, ч. 1 ст. 99, говорящая об ответственности за умышленное нанесение удара, побоев или иных насильственных действий, причинивших физическую боль потерпевшему.

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 4.

² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 1.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года вопрос об освобождении от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд специально определяется ст. 51. В ней говорится о следующих деяниях, которые могут быть переданы на рассмотрение товарищеских судов:

1) умышленное легкое телесное повреждение или нанесение побоев, не повлекшее расстройство здоровья (ч. 2 ст. 112); распространение в коллективе ложных, позорящих члена коллектива измышлений (ч. 1 ст. 130); оскорбление (ст. 131);

2) иное деяние, за которое согласно статьям Особенной части Уголовного кодекса допускается применение мер общественного воздействия. Сюда относятся, например, причинение имущественного ущерба государству или общественным организациям путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 94); присвоение найденного ценного имущества, заведомо принадлежащего государству или общественной организации (ст. 97); оставление в опасном для жизни состоянии (ч. 1 ст. 127) и некоторые другие;

3) другое малозначительное преступление, если по характеру совершенного деяния и личности виновного он может быть исправлен без применения наказания с помощью мер общественного воздействия. Это может иметь место в тех случаях, когда в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса не предусмотрено назначение мер общественного воздействия.

Следует также отметить, что в ряде статей Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года содержится указание, что деяние является преступным при условии, если за такое деяние к лицу, его совершившему, уже применялись меры общественного воздействия. Сюда относятся, например, мелкое хищение государственного или общественного имущества (ст. 96); незаконное изготовление, сбыт, хранение спиртных напитков (ч. 1 ст. 158); мелкое хулиганство (ч. 3 ст. 206) и некоторые другие.

Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 года в рассматриваемом вопросе занимает более правильную позицию. Он точно фиксирует круг тех преступлений, которые могут быть переданы на рассмотрение товарищеских судов. В ч. 1 ст. 52 он определяет: «Если лицо совершило малозначительное преступление, за которое по закону может быть назначено лишение свободы на срок не свыше одного года или другое более мягкое наказание, и если исправление виновного возможно без применения наказания с помощью мер общественного воздействия, суд и органы расследования вправе освободить такое лицо от уголовной ответственности и направить дело на рассмотрение товарищеского суда».

Основания освобождения от уголовной ответственности, ранее выраженные в ст. 8 УК РСФСР 1926 года, нашли свое воплощение и дальнейшее развитие в ст. 43 Основ уголовного

законодательства 1958 года. Здесь объединены различные основания освобождения от уголовной ответственности.

Прекращение уголовного преследования в случаях, когда в силу изменения обстановки совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного (ч. 1 ст. 43 Основ), означает, что это деяние было преступлением в момент его учинения, но к моменту расследования или рассмотрения в суде оно уже не заключает в себе состава преступления, так как в этот момент не может расцениваться как опасное для основ советского строя или социалистического правопорядка. Уголовное преследование прекращается здесь по существу за отсутствием состава преступления в действиях лица, хотя следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 6 специально регулирует вопрос о прекращении уголовного дела вследствие изменения обстановки.

Иной характер носит другой случай, о котором говорит ч. 1 ст. 43 Основ. Прекращение уголовного преследования может иметь место и тогда, когда личность виновного перестала быть общественно опасной. Это означает, что совершенное деяние и в момент его совершения, и в момент расследования или рассмотрения его в суде было и остается преступным, заключало и заключает в себе состав преступления, но в данное время не представляется целесообразным подвергать виновного наказанию потому, что личность виновного перестала быть общественно опасной в силу изменившейся обстановки.

Часть 2 ст. 43 предоставляет суду право освободить виновного от наказания, если это лицо перестало быть общественно опасным в результате последующего безупречного поведения и честного отношения к труду. Разумеется, в действиях такого лица заключался и заключается определенный состав преступления.

После XXI съезда КПСС в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступностью было введено в практику судов, работы прокуроров, органов следствия и дознания при наличии ходатайств общественных организаций и коллективов трудящихся прекращение уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, и чистосердечно раскаявшихся в совершенном. Эти лица передавались на поруки для перевоспитания и исправления общественным организациям или коллективам трудящихся, возбудивших такие ходатайства.

В подобных случаях прекращение уголовного преследования надлежало производить в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, поскольку лицо признавалось не представляющим такой общественной опасности, которая делает необходимым применение к нему наказания по суду. Следует отметить, что приказ Генерального

Прокурора СССР от 20 июля 1959 г. «О практике органов прокуратуры по привлечению к уголовной ответственности и осуществлению надзора за правильным применением мер уголовного наказания»¹ ссылается на ст. 43 как на основание прекращения уголовного преследования при передаче правонарушителей общественным организациям и коллективам трудящихся на поруки. Однако этот приказ ссылался и на ч. 2 ст. 7 Основ, что, как нам представляется, было излишним, поскольку речь шла о лицах, совершивших преступные деяния, которые не могут считаться незначительными.

Новая практика нашла свое законодательное выражение в новых уголовных кодексах отдельных союзных республик.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 52 определяет условия освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, с передачей виновного на поруки организациям или коллективам трудящихся. Передача на поруки может иметь место при совершении лицом преступления, не представляющего большой общественной опасности. Для возможности передачи виновного на поруки необходимо, чтобы совершенное им деяние не повлекло тяжелых последствий, чтобы само лицо не представляло большой общественной опасности и чистосердечно раскаялось в совершенном преступлении. На поруки не может быть передано лицо, которое ранее было осуждено за совершение умышленного преступления или уже ранее передавалось на поруки. Передать на поруки можно лишь общественной организации или коллективу трудящихся, которые возбудили о том ходатайство. Не может быть передано на поруки лицо, которое не считает себя виновным или по какой-либо причине настаивает на рассмотрении дела в суде. Прекращение уголовного преследования с передачей виновного на поруки для перевоспитания и исправления может быть произведено судом, прокуратурой, следователем и органом дознания (ст. 9 УПК РСФСР 1960 г.). Если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление, не подчиняется нормам социалистического общежития или оставило трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия, то организация или коллектив трудящихся, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства и направляют это решение в прокуратуру или суд для рассмотрения вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности за то преступление, в связи с совершением которого он был передан на поруки (ст. 52 УК РСФСР 1960 г.).

При передаче лица на поруки в его действиях всегда имеется определенный состав преступления, за которое оно подлежит

¹ См. «Социалистическая законность» 1959 г. № 9.

уголовной ответственности, если меры общественного воздействия на него оказались безуспешными.

Уголовный кодекс Грузинской ССР в ст. 53 допускает передачу на поруки лишь при совершении преступлений, за которые по закону может быть назначено лишение свободы на срок не свыше трех лет или другое более мягкое наказание. Эта позиция нам представляется более правильной, более соответствующей задаче борьбы за укрепление социалистической законности.

Постановления, аналогичные постановлениям ч. 2 ст. 7 и ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, содержатся и в ряде уголовных кодексов стран народной демократии. Закон 1957 года о дополнении к Уголовному кодексу ГДР установил в § 8, что не является преступлением действие, хотя формально и соответствующее содержащемуся в законе описанию состава преступления, но не представляющее опасности в силу его малозначительности и отсутствия вредных последствий для ГДР, социалистического строительства, интересов трудящихся и отдельных граждан. Такие действия могут наказываться как нарушения. Наказание не назначается, если к моменту уголовного преследования деяние не является больше общественно опасным или если после совершения преступления все поведение лица коренным образом изменилось и это дает основание полагать, что оно будет соблюдать социалистическую законность (§ 9). Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики в § 56 содержит положение о том, что решение о признании лица виновным и применении к нему наказания не выносится в случае, если преступление оказывается настолько малозначительным, что применение минимальной меры наказания, предусмотренной законом, не является необходимым, а равно и в случае, если преступление и совершившее его лицо к моменту рассмотрения дела не являются уже общественно опасными. Уголовный кодекс Болгарской Народной Республики в ст.ст. 7 и 11 содержит постановление о том, что при незначительности или маловажности совершенного деяния и отсутствии вредных последствий или их незначительности деяния, внешне подходящее под признаки той или иной статьи Уголовного кодекса, не считается преступлением и не влечет за собой уголовной ответственности. Согласно ст. 12 того же кодекса деяние, которое ранее считалось преступлением, но в силу изменившейся социально-политической обстановки утратило характер общественно опасного, не влечет за собой уголовной ответственности.

В проекте первого Уголовного кодекса РСФСР все преступления были разделены на две группы: 1) преступления, направленные против тех пережитков дореволюционного строя, сохра-

нение которых вызывалось переходным временем, и 2) преступления, направленные непосредственно против порядка управления и общественных отношений, установленных Советской властью. В проекте, разработанном НКЮ после IV Всероссийского съезда деятелей юстиции и представленном на рассмотрение ВЦИК, это деление отсутствовало.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года проводил несколько иное деление преступлений на группы: 1) преступления, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными, по которым определенный кодексом низший предел наказания не подлежит понижению судом, и 2) все остальные преступления (ст. 27 УК РСФСР 1922 г.). Это деление подчеркивало политическое различие в характере этих преступлений.

В директивных указаниях Верховного Суда РСФСР сложилось другое деление всех преступлений. Так, директивное письмо Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР № 1 за 1923 год делило все преступления на: 1) преступления, которые угрожают основам советского строя (преступления контрреволюционные, шпионаж, бандитизм, корыстные хозяйственные и должностные преступления с тяжелыми для государства последствиями); 2) все остальные преступления.

Такое деление преступлений по существу было воспринято Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года и уголовными кодексами отдельных союзных республик.

Основные начала в ст. 2 различали две категории преступных деяний: посягательства, направленные против основ советского строя, признаваемые наиболее опасными, и все остальные преступления. По первой категории преступлений закон устанавливал наказание не ниже определенного предела. Такое наказание, например, было установлено за все контрреволюционные преступления, за ряд должностных преступлений и т. д. По второй категории преступлений наказания устанавливались не свыше определенного предела. Например, по ст. 168 УК РСФСР 1926 года за присвоение чужого имущества, вверенного для определенной цели, виновный мог быть наказан лишением свободы на срок до двух лет. Подобное деление в значительной мере вскоре утратило значение, так как целый ряд уголовных законов, изданных в последующие годы, устанавливал непосредственно в законе как высший, так и низший пределы карательной санкции или даже абсолютно определенное наказание. Например, выпуск недоброкачественной продукции по ст. 128-а УК РСФСР 1926 года карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет, хулиганство без отягчающих обстоятельств влекло за собой по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. один год тюремного заключения. К тому же

и не все преступления, по которым закон устанавливал наказание не ниже определенного предела, могли по существу считаться посягательствами, направленными против основ советского строя. Таковым, например, не являлось злоупотребление властью, предусмотренное ст. 109 УК РСФСР 1926 года, где было установлено наказание не ниже 6 месяцев лишения свободы.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года этого деления не знают. Однако из всех преступлений они выделяют «особо тяжкие», по которым устанавливается наказание лишением свободы на срок до 15 лет. Такими преступлениями, например, является большинство особо опасных государственных преступлений.

При определении порядка применения условно досрочного освобождения от наказания или замены неотбытой части наказания более мягкой Основы уголовного законодательства в первоначальной редакции ст. 44 указывали, что к осужденным за особо опасные государственные преступления, а также другие тяжкие преступления, в случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, условно досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием могли быть применены после фактического отбытия не менее двух третей назначенного срока наказания. Для осужденных за другие преступления условно досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким могут быть применены по отбытии не менее половины назначенного срока наказания. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года дал в ст. 53 перечень указанных тяжких преступлений. К ним, кроме особо опасных государственных преступлений, были отнесены: бандитизм, массовые беспорядки, повреждение путей сообщения и транспортных средств, которые повлекли или могли повлечь крушение поезда, аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи, изготовление или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, хищение государственного и общественного имущества в крупных размерах; грабеж при отягчающих обстоятельствах, разбой, умышленное уничтожение или повреждение при отягчающих обстоятельствах государственного или общественного имущества или личного имущества граждан, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование при отягчающих обстоятельствах, превышение власти или служебных полномочий при отягчающих обстоятельствах, получение взятки при отягчающих обстоятельствах, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления, повлекшее тяжкие последствия, принуждение к даче показаний при отягчающих обстоятельствах, злостное хулиганство, ряд воинских преступлений — неповиновение, совершенное при отягчающих обстоятельствах, сопротив-

ление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, совершенные при отягчающих обстоятельствах, насильственные действия в отношении начальника. Согласно ст. 53 УК РСФСР 1960 года то же правило о порядке применения условно досрочного освобождения и замены наказания более мягким применяется и к лицам, ранее судимым за какое-либо из вышеперечисленных преступлений и после этого осужденных за совершение кражи при отягчающих обстоятельствах, а также к лицам, ранее судимым за кражу, совершенную при отягчающих обстоятельствах, и вновь осужденным за совершение такой же кражи. Следовательно, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года отнес совершенную в этих условиях кражу к тяжким преступлениям. Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 года, в первоначальной редакции, к тяжким преступлениям, кроме особо опасных государственных преступлений, отнес: бандитизм, массовые беспорядки, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, хищение государственного или общественного имущества при отягчающих обстоятельствах, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование при отягчающих обстоятельствах, разбой при отягчающих обстоятельствах, вторичное осуждение за злостное хулиганство и вторичное осуждение за некоторые воинские преступления — неповиновение при отягчающих обстоятельствах, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей при отягчающих обстоятельствах, насильственные действия в отношении начальника (ст. 46). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» выделил из группы тяжких преступлений преступления особо опасные, отнес к ним: особо опасные государственные преступления, бандитизм, изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, повлекшее тяжкие последствия, или изнасилование несовершеннолетней, разбой, получение, дачу взятки или посредничество во взятке, совершенные при отягчающих обстоятельствах. Согласно этому Указу к лицам, осужденным за перечисленные преступления, не применяются условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием. В соответствии с этим были внесены изменения в уголовные кодексы союзных республик.

При решении вопроса о передаче дела в товарищеский суд Уголовный кодекс РСФСР 1960 года пользуется понятием малозначительного преступления (ст. 51). При определении условий освобождения виновного от уголовной ответственности с передачей его на поруки этот кодекс пользуется

понятием преступления, не представляющего большой общественной опасности (ст. 52).

В практике нередко возникает вопрос о разграничении преступления и проступка (административного или дисциплинарного). Он возникает, например, при разграничении должностных преступлений и дисциплинарных должностных проступков, воинских преступлений и воинских дисциплинарных проступков, при разграничении преступлений и дисциплинарных проступков работников торговли, преступлений, совершенных колхозниками, и нарушений, влекущих ответственность по Уставу сельскохозяйственной артели, при разграничении преступлений и дисциплинарных проступков, связанных с нарушением правил охраны труда и правил производства работ во взрывоопасных цехах и угольных шахтах, при нарушениях общественного порядка, влекущих уголовную ответственность, и нарушениях общественного порядка, которые дают лишь основание для наложения административных взысканий, и т. д.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть в общетеоретическом плане вопрос о разграничении преступлений и проступков по советскому праву. Данный вопрос неоднократно привлекал к себе внимание в советской юридической литературе¹. Ряд криминалистов считают, что при совершении дисциплинарного или административного проступка отсутствует общественная опасность совершенного деяния, тогда как общественная опасность деяния является необходимым свойством преступления. Такое разграничение преступления и проступка проводится Н. Д. Дурмановым, М. А. Шнейдером, Б. С. Маньковским, В. Н. Кудрявцевым. Одним из основных аргументов в защиту этого взгляда является указание, что советское законодательство не считает преступлением действие, лишенное признаков общественной опасности.

Иная точка зрения на этот вопрос заключается в признании, что каждое правонарушение именно потому, что оно есть право-

¹ См. П. И. Гришаев, *Понятие преступления. Причины преступности*, М., 1960; Н. Д. Дурманов, *Понятие преступления*; В. Ф. Кириченко, *Ответственность за должностное преступление по советскому уголовному праву*, М., 1956; В. Н. Кудрявцев, *Что такое преступление*; А. Е. Лунев, *Административная ответственность*, М., 1960; А. А. Пионтковский, *Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права*, «Советское государство и право» 1961 г. № 4; А. Б. Сахаров, *Должностное преступление и дисциплинарный проступок*, «Советское государство и право» 1955 г. № 2; Ю. В. Субоцкий, *Административное правонарушение и преступление*, «Вестник Московского университета» 1959 г. № 2; М. В. Турецкий, *Уголовная ответственность и ответственность дисциплинарная*, М., 1957; М. А. Шнейдер, *Советское уголовное право, часть Общая (учебное пособие)*, М., 1956; Л. Шуберт, *Об общественной опасности деяния*, М., 1960; Ц. А. Ямпольская, *Служебная дисциплина и дисциплинарный проступок*, «Советское государство и право» 1942 г. № 12.

нарушение, представляет собой известную общественную опасность. В зависимости от степени этой опасности следует различать преступления и проступки. Такой взгляд в нашей литературе защищают В. Ф. Кириченко, А. Б. Сахаров, А. Е. Лунев, М. В. Турецкий. Последний правильно при этом отмечает, что если дисциплинарные проступки не опасны для общества, для Советского государства в целом, то трудно объяснить, чем же тогда вызвано установление определенных, довольно серьезных санкций за их совершение, издание специальных дисциплинарных уставов отдельных ведомств, Положений о дисциплинарной ответственности судей и предоставление органам контроля права наложения дисциплинарной ответственности за нарушение государственной дисциплины¹. Следует признать правильным, что различие между преступлением и дисциплинарным или административным проступком заключается в степени их общественной опасности. Необходимо, однако, подчеркнуть, что это различие не только количественное, но и качественное. Оно определяет принципиально различный характер санкций за совершение того или иного из указанных правонарушений.

При отграничении преступления от дисциплинарного и административного проступка, в частности, необходимо учитывать наличие или отсутствие общественно опасных последствий в связи с совершенным действием, а также степень тяжести наступивших последствий. Это имеет существенное значение для разграничения должностного преступления и дисциплинарного проступка, воинского преступления и воинского проступка. При оценке степени общественной опасности деяния как критерия для отнесения его к преступлению или к дисциплинарному или административному проступку следует исходить из характера общественной опасности совершенного деяния в целом, учитывая при этом все субъективные и объективные обстоятельства.

Следует иметь в виду, что соотношение между преступлением и проступком не является раз и навсегда данным, а меняется в зависимости от конкретных исторических условий развития Советского государства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. об амнистии, исходя из достигнутого укрепления социалистического государства, признал необходимым заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления.

В развитии советского уголовного права наметился за последнее время (начиная с 1953 г.) процесс экономии уголовной

¹ См. М. В. Турецкий, *Уголовная ответственность и ответственность дисциплинарная*, стр. 10.

репрессии, отказа от уголовной ответственности за малозначительные преступные деяния. Разумеется, что при проведении этой политики, соответствующие правонарушения меняли свою правовую природу, превращаясь из преступлений в административные и дисциплинарные проступки. При этом следует отметить, что при осуществлении этой линии в нашем законодательстве появлялись правонарушения, которые не могли быть отнесены ни к административным, ни к дисциплинарным проступкам. Так, в силу Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «Об ответственности за мелкую спекуляцию» ответственность за подобного рода деяния не считалась уголовной, хотя вопрос о ней и решался судом, но в особом, упрощенном порядке. Уголовная ответственность за мелкую спекуляцию имела место лишь в том случае, если такая спекуляция совершалась повторно. Очевидно, что различную степень общественной опасности мелкой спекуляции, совершенной повторно и впервые, можно выразить как отношение преступления и проступка.

Решения XXI съезда КПСС сыграли большую роль в развитии нашего уголовного права, в частности, широко поставили вопрос о замене уголовной ответственности ответственностью общественной. Это есть новая форма выражения указанного процесса в развитии нашего уголовного законодательства.

В соответствии с решениями XXI съезда КПСС государственная функция по охране общественного порядка была частично передана общественным организациям и коллективам трудящихся. Это нашло свое выражение, между прочим, в том, что дела о совершении преступлений, не представляющих значительной общественной опасности, передаются на рассмотрение товарищеских судов для применения к виновным мер общественного воздействия вместо наказания по суду.

По этому пути пошла наша судебная практика в 1959 и 1960 годах и вновь изданные уголовные кодексы отдельных союзных республик. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в своих постановлениях дает новые правовые основания для создания в теории права нового понятия правонарушения — антиобщественного проступка, ответственность за который определяется ни в административном и ни в дисциплинарном, а в общественном порядке. Так, из текста ст. 96 УК РСФСР 1960 года вытекает, что мелкое хищение государственного или общественного имущества, совершенное впервые, по общему правилу не влечет уголовной ответственности. Оно не влечет уголовной ответственности даже в случае его вторичного совершения, если лицо за ранее совершенное хищение не подвергалось мерам общественного воздействия. Какова в таком случае природа этого мелкого хищения? Очевидно, по степени своей общественной опасности Уголовный кодекс не признает его преступлением; это

есть проступок, ответственность за который определяется в общественном порядке. При разработке проектов уголовных кодексов отдельных союзных республик были внесены предложения таким путем провести разграничение уголовной и общественной ответственности за совершение и других деяний, не представляющих серьезной общественной опасности. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года наряду с использованием указанного критерия разграничения уголовной и общественной ответственности за малозначительные правонарушения дает и иное решение этого вопроса. В ст. 51 определяются случаи возможного освобождения от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. Речь идет о деяниях, предусмотренных Уголовным кодексом, но совершенных впервые, если в карательной санкции оговорена возможность ответственности в общественном порядке, а также и о других, малозначительных преступлениях, если по характеру совершенного деяния и личности виновного он может быть исправлен с помощью мер общественного воздействия. Очевидно, что при совершении в этих условиях правонарушения впервые степень общественной опасности деяния не достигает того уровня, который требуется для уголовной ответственности. Поэтому и здесь совершенное правонарушение является по существу уже не преступлением, а своеобразным антиобщественным проступком.

Разграничение между ответственностью уголовной и ответственностью перед товарищеским судом в уголовных кодексах отдельных союзных республик проводится, как мы видели, по-разному. Однако все они дают основание для постановки вопроса о разграничении преступления и антиобщественного проступка.

В Особой части уголовных кодексов отдельных союзных республик конкретизируется в виде определенных составов преступлений общее понятие о преступлении советского уголовного права. Для уголовной ответственности лица за совершенное деяние необходимо установить наличие состава преступления. Однако до недавнего времени, до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, в исключительных случаях наше уголовное законодательство (ст. 3 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., ст. 16 УК РСФСР 1926 г.) допускало возможность применения статей Особой части уголовного кодекса по аналогии¹ к тем общественно опасным

¹ См. Я. М. Брайнин, Советское уголовное право. Общая часть, вып. I, изд-во Киевского государственного университета, 1955, стр. 190—202; А. А. Пионтковский, Некоторые вопросы общей теории государства и права, «Советское государство и право» 1956 г. № 1; А. А. Пионтковский и В. М. Чхиквадзе, Укрепление социалистической законо-

деяниям, которые непосредственно в нем не были предусмотрены.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 16 определял: «Если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Впервые аналогия была введена в наше уголовное законодательство Уголовным кодексом РСФСР 1922 года. До издания первого уголовного кодекса вопрос о применении уголовных законов по аналогии не возникал, так как суд и без того, руководствуясь своим социалистическим правосознанием, мог признать преступлением любое общественно опасное деяние, не предусмотренное уголовным законом. Предоставление суду права в исключительных случаях применять статьи Особенной части уголовного кодекса по аналогии диктовалось всей политической обстановкой периода перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства после победоносного окончания гражданской войны и изгнания иностранных интервентов из пределов нашей Родины. В условиях новой экономической политики Советская власть допустила в известных пределах развитие капитализма под контролем Советского государства.

Переход к новой экономической политике вызвал новые формы классовой борьбы со стороны буржуазных элементов общества. Эта борьба могла выражаться и в таких общественно опасных действиях, которые не были заранее предусмотрены при составлении уголовного кодекса. Поэтому построение нашего уголовного законодательства на принципе «нет преступления без указания о том закона» было бы политически ошибочным. Это легко могло бы быть использовано враждебными буржуазными элементами для уклонения от уголовной ответственности за те или иные явно общественно опасные действия, которые не были предусмотрены в уголовном законе. Отсутствие достаточного опыта по борьбе с общественно опасными действиями, которые могли быть совершены отдельными неустойчивыми элементами из среды трудящихся, оправдывало допустимость применения аналогии в борьбе с этими преступлениями. Вот почему при принятии Уголовного кодекса РСФСР 1922 года на третьей сессии ВЦИК IX созыва народный комиссар юстиции Д. И. Курский правильно указывал: «Если мы хотим создать кодекс, с помощью которого можно было бы наиболее успешно бороться с опасными для советского строя явлениями, то мы должны

сти и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса, «Советское государство и право» 1956 г. № 4; «Труды первой научной сессии ВЦИОУ», Секция уголовного права, М., 1940; М. Д. Шаргородский, Уголовный закон, М., 1948, стр. 183—199.

иметь статьи, дающие возможность судье действовать по аналогии, дающие возможность судье руководствоваться социалистическим правосознанием, чтобы найти выход из положения»¹. В связи с этим Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 10 определял: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил Общей части». Однако при этом имелось в виду, что пользование аналогией должно носить исключительный характер, чтобы не подорвать проведение начал социалистической законности в осуществлении правосудия. Циркуляр НКЮ РСФСР, изданный в июне 1922 года в связи с введением Уголовного кодекса, специально подчеркнул это: «По общему правилу, наказание или другие меры социальной защиты могут применяться судом лишь в отношении деяний, точно указанных в Уголовном кодексе. Изъятие из этого правила допускается лишь в исключительных случаях, когда деяние подсудимого хотя точно и не предусмотрено в Уголовном кодексе, но суд признает его явно опасным с точки зрения основ нового правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью». Принцип допущения применения статей Особенной части по аналогии был признан и Основными началами уголовного законодательства 1924 года. В ст. 3 Основных начал указывалось, что если общественно опасные действия прямо не предусмотрены уголовным законодательством, то «основание и пределы ответственности, а также меры социальной защиты определяются судом по аналогии с теми статьями уголовных кодексов, которые предусматривают наиболее сходные по важности и роду преступления». Положение о возможности применения статей Особенной части по аналогии было воспринято уголовными кодексами всех союзных республик.

Аналогия сыграла значительную роль в развитии советского уголовного законодательства. Судебная практика путем применения аналогии создала ряд новых составов преступлений, которые затем были включены в наше уголовное законодательство. Достаточно указать, что такое тягчайшее преступление, как экономическая контрреволюция, оказалось первоначально не предусмотренным уголовным кодексом. Понятие этого преступления было создано судебной практикой на основе правильного применения аналогии, а затем уже введено в уголовное законодательство.

Допущение применения статей Особенной части по аналогии сохранилось в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года и в уголовных кодексах других союзных республик, изданных в тот же

¹ Д. И. Курский, Избранные статьи и речи, М., 1948, стр. 86.

период, вплоть до издания Основ уголовного законодательства 1958 года.

Как уже указывалось, аналогия была введена для эффективной защиты Советского государства и социалистического правопорядка от общественно опасных деяний в определенный период развития нашего государства. Однако то, что являлось политически целесообразным и полезным для дела укрепления социалистического государства и социалистического правопорядка в одних исторических условиях, могло перестать быть таковым в других. Поэтому после ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране в интересах укрепления социалистической законности целесообразно было признать, что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию за деяние, уголовная ответственность за которое не предусмотрена законом. У нас накопился большой опыт борьбы как с разнообразными преступными происками наших врагов, так и с нарушениями социалистического правопорядка со стороны отдельных неустойчивых элементов из среды трудящихся. Это позволяло дать в уголовном законодательстве исчерпывающий перечень составов преступлений, который без помощи аналогии мог служить эффективным орудием в борьбе с посягательствами на государственные интересы и со всеми другими нарушениями социалистического правопорядка. Отказ от аналогии должен был содействовать повышению качества работы судебных и прокурорских органов. Он должен был заставить с большим вниманием относиться к вопросу о правильной квалификации совершенного деяния. Изучение судебной практики за многие годы показало, что применение аналогии было связано главным образом с явной устарелостью действовавшего законодательства. Это можно было учесть при подготовке новых уголовных кодексов путем создания новых составов преступлений или в необходимых случаях путем уточнения уже имеющихся в законе. Изучение практики Верховного Суда СССР показало, что он в крайне редких случаях пользовался аналогией. Суды первой инстанции прибегали к аналогии, и практика знала весьма значительное число случаев неосновательного и ошибочного ее использования. Так иногда аналогию применяли в тех случаях, когда обычные приемы толкования закона должны были бы привести к выводу, что данное действие охватывается соответствующим составом преступления, указанным в действующем уголовном законодательстве. Порой суд, стремясь применить за совершенное преступление более суровое наказание, чем то, которое указано в действующем законе, неосновательно использовал для этого аналогию. Допустимость применения Особенной части по аналогии вела в ряде случаев к установлению ответственности за такие действия, которые лишь данному судье представлялись

общественно опасными, но которые в действительности такой опасности для основ советского строя или социалистического правопорядка не представляли. Все это приводило к нарушению социалистической законности, колебало стабильность советских законов. Поэтому задача дальнейшего укрепления социалистической законности в работе судебных и прокурорских органов и усиления охраны гарантированных Конституцией СССР прав и свобод советских граждан требовала, чтобы вопрос о том, что считается преступлением, решался лишь уголовными законами Советского государства. Поэтому в условиях упрочения советского общественного и государственного строя являлось политически целесообразным создать новые уголовные кодексы с исчерпывающим перечнем преступных деяний. Отказ от аналогии был осуществлен Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года. В ст. 7 Основы дали материальное понятие преступления и вместе с тем указали, что преступление должно быть предусмотрено уголовным законом. Таким образом, отказ от аналогии в советском праве вовсе не означал, что наше уголовное законодательство встало на позиции формального определения преступления. Понятие о преступлении, данное ст. 7 Основ, воспроизвели и все новые уголовные кодексы союзных республик.

Отказу от аналогии предшествовало продолжительное обсуждение вопроса об отношении к этому институту советских криминалистов. После принятия Конституции СССР 1936 года и вступления нашей страны в период завершения строительства социалистического общества ряд советских криминалистов высказались за исключение аналогии из нашего уголовного законодательства. Эта точка зрения нашла значительное число сторонников уже на первой научной сессии ВИЮН в 1938 году (А. А. Герцензон, А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин и др.).

Но некоторые криминалисты держались по вопросу об аналогии иной точки зрения. Так, А. Я. Вышинский считал, что нельзя создать такого уголовного кодекса, в котором были бы предусмотрены все возможные преступления¹. Еще в 1953 году он критиковал учебник Общей части уголовного права за то, что в нем не подвергалась критике позиция противников аналогии, не защищалась необходимость института аналогии в уголовном праве². Позицию А. Я. Вышинского в отношении

¹ См. А. Я. Вышинский, К положению на фронте правовой теории, М., 1937, стр. 32.

² См. «Советское государство и право» 1953 г. № 4, стр. 24. Сравнительно недавно еще в защиту аналогии в советском праве выступал Я. М. Браинин. Он также выдвигал прежде всего аргумент, что «уголовный кодекс не может исчерпывающим образом предусмотреть все такие действия, которые могут представлять опасность для интересов Советского государства и социалистического правопорядка» (см. Я. М. Браинин, Советское уголовное право. Общая часть, стр. 200). На необидительность

аналогии следует признать методологически ошибочной, так как неправильно рассматривать вопрос о том, может или нет социалистическое уголовное право обойтись без аналогии, вне связи с конкретной обстановкой данного исторического периода. Единственно правильным является исторический подход к решению этого вопроса. Ныне господствующее мнение советских криминалистов сводится к тому, что в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму, в условиях борьбы за дальнейшее укрепление социалистической законности и развертывание социалистической демократии, отказ от применения статей Особенной части по аналогии полностью соответствует задаче укрепления социалистической законности.

Законодательство стран народной демократии, учитывая опыт развития советского уголовного законодательства, признает возможным строить свои уголовные кодексы без аналогии. Так, не знает аналогии Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики. Авторы чехословацкого учебника Общей части уголовного права считают, что опыт СССР помог им предусмотреть все необходимые составы преступлений, благодаря чему стало возможным при выработке нового уголовного кодекса обойтись без аналогии. Этими же соображениями объясняет польский криминалист Л. Лернелл отсутствие аналогии в проекте Уголовного кодекса Польши. Не предусматривает аналогии и опубликованная Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики. Аналогия, введенная в 1948 году в Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии, была там отменена в целях дальнейшего укрепления народно-демократической законности специальным постановлением Народного Собрания от 3 февраля 1956 г. В уголовном законодательстве Румынии аналогия была отменена 29 февраля 1956 г.

Поскольку допустимость применения статей Особенной части по аналогии признавалась советским уголовным законодательством в продолжении 36 лет (с 1922 г. по 1958 г.), то представляется целесообразным изложить взгляд теории советского уголовного права в этот период на условия применения аналогии.

Применение статьи Особенной части уголовного кодекса по аналогии предполагало признание, что в действующем законо-

этого аргумента указано в тексте. Кроме того, существование аналогии в советском уголовном праве находится, по мнению Я. М. Брайнина, в полном соответствии с присущим советскому праву материальным взглядом на преступление (там же). Необходимость допущения аналогии при наличии материального понятия преступления в социалистическом уголовном праве вовсе не вытекает из существа материального понятия преступления. Об этом хорошо свидетельствует развитие нашего уголовного законодательства и уголовного законодательства стран народной демократии.

дательстве существует пробел и данное общественно опасное деяние не предусмотрено в перечне преступлений.

Аналогией в науке логики называют сходство понятий или предметов. Умозаключение по аналогии — это предположение о сходстве двух или нескольких предметов или понятий, основанное на совпадении одного или нескольких их существенных свойств. Однако механическое перенесение понятия об умозаключении по аналогии на применение аналогии в уголовном праве было бы ошибочным. Применение статей Особенной части уголовного кодекса по аналогии являлось не только логической, но и политической проблемой. Поэтому не всегда совпадение двух или нескольких существенных свойств деяния, предусмотренного уголовным законом, и деяния, которое предполагалось квалифицировать по аналогии, могло оправдать применение в данном случае статьи Особенной части уголовного кодекса по аналогии.

Анализ действовавшего уголовного законодательства и практика его применения позволяли выставить ряд положений, которыми следовало руководствоваться при использовании аналогии.

Для признания правомерным применения статей Особенной части уголовного кодекса по аналогии оно должно было удовлетворять следующим условиям:

1. Вопрос о применении статьи Особенной части по аналогии мог быть поставлен лишь в отношении такого деяния, которое подходило под общее понятие преступления, т. е. было общественно опасным действием или бездействием, направленным против советского строя или правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период. Так как применение статей Особенной части по аналогии могло иметь место лишь в исключительных случаях, то необходимым условием для этого было признание, что деяние, за которое привлекают к уголовной ответственности по аналогии, представляет собой явную общественную опасность. Как справедливо отмечал Н. Д. Дурманов, одним из важнейших критериев для отнесения деяния к числу общественно опасных должна была служить оценка совершенного с точки зрения коммунистической нравственности¹. Хотя, разумеется, это не являлось единственным критерием, так как могли иметь место поступки, осуждаемые коммунистической нравственностью и вместе с тем еще не являющиеся общественно опасными. Однако, если деяние не осуждалось коммунистической нравственностью, оно не могло влечь за собой уголовной ответственности путем применения аналогии.

2. По аналогии статьи Особенной части могли быть применены лишь в тех случаях, когда совершенное общественно опас-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 246.

ное деяние прямо не предусматривалось уголовным кодексом. Это условие было непосредственно сформулировано в самом законе (ст. 16 УК РСФСР 1926 г.). Общественно опасное деяние, прямо предусмотренное определенной статьей уголовного кодекса, надлежало квалифицировать по этой статье. Квалификация такого деяния путем использования аналогии по другой статье уголовного кодекса для назначения таким путем осужденному более тяжкого наказания являлась грубым нарушением социалистической законности.

3. Аналогия не могла применяться в тех случаях, когда из анализа соответствующих постановлений Особенной части уголовного кодекса можно было сделать определенный вывод, что данное деяние закон не считал возможным признать общественно опасным. Во всех случаях, когда уголовный закон признавал общественно опасным совершенное деяние лишь при наличии определенных ограничительных условий, при отсутствии их совершенное деяние не могло быть признано общественно опасным, преступным.

В частности, если уголовный кодекс считал деяние преступным лишь при наличии умысла в действиях лица, нельзя было привлекать к уголовной ответственности, пользуясь аналогией, за то же деяние, совершенное по неосторожности. Поэтому, когда уголовный кодекс устанавливал ответственность лишь за умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам (ст. 175 УК РСФСР 1926 г.), то, очевидно, из этого следовало сделать вывод, что уголовный закон сознательно не считал необходимым признавать общественно опасным совершение тех же действий по неосторожности.

По тем же основаниям неправильным являлось применение аналогии в тех случаях, когда для состава преступления закон требовал особых качеств субъекта. Так, субъектом (в смысле исполнителя) воинских преступлений может быть лишь военнослужащий или лицо, приравненное к нему законом в отношении уголовной ответственности за преступления против порядка службы; при установлении ответственности за должностные преступления требуется, чтобы его субъектом было должностное лицо. Совершение таких же действий лицом, не обладавшим теми особыми качествами, наличия которых закон требует для субъекта данного преступления, не могло караться по аналогии по этим статьям уголовного кодекса.

4. Аналогия могла иметь место лишь в отношении тех статей уголовного кодекса, которые предусматривали наиболее сходные по роду преступления. Поскольку признавалось недопустимым применять аналогию по субъективной стороне состава преступления и по субъекту преступления, постольку применять ее считалось возможным лишь по объекту преступления или по объективной стороне состава преступления.

От применения аналогии следует отличать применение уголовного закона путем его распространительного толкования. Если применение уголовного закона по аналогии есть восполнение пробела уголовного законодательства, то распространительное толкование есть лишь исправление недостатка текста уголовного закона, раскрывающее подлинную мысль законодателя. Наша судебная практика иногда неосновательно ссылалась на применение закона по аналогии, когда на деле речь шла о распространительном толковании его или даже о применении закона в полном соответствии с его непосредственным содержанием.

§ 2

Определение понятия преступления в буржуазном уголовном праве

В буржуазной теории уголовного права даются по преимуществу формальные определения понятия преступления. Внешняя формулировка их весьма разнообразна. Так, русский дореволюционный криминалист Таганцев считал преступлением уголовно-наказуемую неправду, деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии. Другой дореволюционный русский криминалист Сергеевский определял преступление как наказуемое правонарушение. Французский криминалист Гарро понимал под преступлением деяние, запрещенное или предписанное заранее изданным законом под страхом наказания. Немецкий криминалист Биндинг называл преступлением нарушение нормы закона с карательной санкцией. Все эти определения по существу сводятся к тому, что преступным деянием является то, что действующим уголовным законодательством признается преступлением, т. е. все эти определения ровно ничего не определяют и являются антинаучной пустой тавтологией. Вместе с тем формальные определения преступления прикрывают классовое содержание понятия преступления в буржуазном уголовном законодательстве, скрывают глубоко антинародный характер буржуазного уголовного права.

В буржуазной теории уголовного права были, правда, отдельные попытки дать материальное определение понятия преступления. Однако над всеми этими определениями довлело общее представление буржуазных идеологов, что преступление есть вечное явление, что оно всегда было и всегда будет до тех пор, пока существует человеческое общество. Многие из таких определений были непосредственно связаны с различными течениями идеалистической философии, под влиянием которых в значительной мере всегда находились все учения так называемой

классической школы уголовного права. В этих определениях отразилось стремление провести разграничение между основными видами правонарушений — неправдой гражданской и неправдой уголовной. Обычно к преступлению, неправде уголовной, относили нарушение всеобщей воли, нарушение существа права, непризнание в принципе правового порядка и т. п., а к гражданской неправде, гражданскому правонарушению — нарушение права отдельного лица, спор о понимании права, непризнание воли отдельной личности и т. п. Таким путем карательная деятельность эксплуататорского государства, при помощи которого господствующий класс держит в узде эксплуатируемые массы народа, изображалась как утверждение всеобщей силы, набрасывался идеалистический покров на классовую расправу, чинимую эксплуататорами. Русский криминалист XIX столетия Неклюдов признавал преступлением всякое посягательство, направленное, как он писал, «на самый корпус права, все равно личный или вещный». К гражданской неправде он относил посягательство на установленные между людьми отношения по поводу каких-либо объектов права, личных или вещных. Другой русский криминалист XIX столетия Спасович считал преступлением нарушение учреждений, установленных в интересах общественного порядка и признанных необходимыми условиями общежития. Все эти определения были не в состоянии вскрыть действительного социального содержания понятия о преступлении. По своему объективному смыслу они в разной форме скрывали действительный классовый смысл признания отдельных действий преступлением в законодательстве эксплуататорского общества.

Широкую известность в буржуазной литературе по уголовному праву приобрела попытка одного из наиболее реакционных сторонников антропологической школы итальянского криминалиста Гарофало дать понятие «естественного» преступления. Он определял преступление как действие, вредное для общества и в то же время оскорбляющее среднюю меру чувства жалости и честности, которыми обладает каждый цивилизованный человек. Эта попытка дать материальное определение понятия преступления была явно несостоятельной. Прежде всего она оставляла без ответа вопрос о том, почему буржуазное уголовное право считает преступлением целый ряд действий, совершенно не связанных с каким-либо оскорблением чувства жалости или честности, такие, например, как государственные преступления, преступления должностные и ряд других. Совершенно бездоказательным являлось утверждение автора о существовании всеобщих, независимых от классовой принадлежности отдельных лиц чувств жалости и честности. Неуловима и та средняя мера этих «всеобщих» чувств, оскорбление которых составляет «естественное» преступление. Признак «общественной вредности», определяющий преступность деяния, выставленный Гарофало,

сам по себе не способен объяснить, почему в буржуазном обществе многие деяния, полезные с точки зрения дальнейшего развития общества, считаются преступлениями. Таким образом, материальное определение понятия преступления, даваемое Гарофало, не могло объяснить, почему буржуазное уголовное законодательство признает те или иные действия преступными. Его объективный смысл заключается в том, чтобы скрыть действительную классовую сущность буржуазного уголовного законодательства.

Такой же глубоко реакционный смысл имели и многие другие попытки буржуазной науки (Амон, Дюргейм и др.) дать определение понятия преступления по существу.

В последнее время в буржуазной теории уголовного права был выдвинут ряд «социально-этических» материальных определений понятия преступления. В этом отношении особенно стараются западногерманские криминалисты, запятнавшие себя сотрудничеством с фашистскими палачами. Так, Маурах определяет преступление как действие, недостойное с точки зрения культурных убеждений общества и противоречащее всему установленному порядку¹. Вельцель определяет преступление как деяние, по своим последствиям или по своему действию особо отрицательно оцениваемое и потому нетерпимое в социальном отношении². Объективный смысл этих «социально-этических» определений преступления тот же самый — скрыть их действительную классовую сущность в буржуазном государстве.

Таким образом, буржуазная теория уголовного права, давая «материальное» понятие преступления, лишь скрывала его классовое содержание, точно так же, как она делала это путем формальных определений. Для того чтобы понять, что считается преступлением в буржуазном государстве, необходимо исходить из действительной классовой структуры буржуазного общества, из подлинной роли буржуазного государства и буржуазного уголовного права в классовой борьбе. Сделать это буржуазная теория уголовного права не могла и не хотела, так как это означало бы измену классовым интересам ее хозяев.

Формальное понятие преступления содержится во многих буржуазных уголовных кодексах. Так, ст. 1 Французского уголовного кодекса 1810 года определяет преступление, проступок и нарушение как наказуемое по настоящему кодексу правонарушение.

Статья 1 Швейцарского уголовного кодекса 1937 года провозглашает, что никто не может быть наказан, если он не совершит «деяния, точно запрещенного под страхом наказания».

¹ Maurach, Deutsches Strafrecht, Allgemeiner Teil, Berlin, 1954, S. 105.

² Welzel, Das deutsche Strafrecht, 1958, S. 1—6.

Понятие преступления как деяния, запрещенного под страхом наказания, исторически было связано с одним из основных принципов, на которых формально строилось буржуазное уголовное право с момента прихода буржуазии к власти: «нет преступления без указания о том закона» (*nullum crimen sine lege*)¹. Это положение является выражением принципов буржуазной демократии в организации репрессии. Наиболее радикальная конституция французской революции — конституция 1793 года определяла принцип формальной свободы следующим образом: «Свобода есть принадлежащее человеку право делать все, что не нарушает прав других».

Идеологи идущей к власти буржуазии в XVIII столетии изображали этот принцип как священный принцип, на котором должно строиться всякое разумное общество. Чазаре Беккариа по этому поводу писал: «Мнение, что каждый гражданин вправе делать все, что не противно законам, не опасаясь никаких последствий, кроме тех, которые могут быть порождены самим действием, является политическим догматом, в который народы должны верить и который высшие власти должны исповедовать путем ненарушимого соблюдения законов. Это священный догмат, без которого не может существовать законное общество»². Требование свободно делать все, что не запрещено законом, в тех условиях, когда оно было выставлено, означало требование свободы для развития капитализма, свободы для создания новой формы эксплуатации человека человеком на основе наемного труда. Царство разума буржуазных идеологов, мыслителей XVIII столетия было не чем иным, как «идеализированным царством буржуазии» (Энгельс). Маркс в «Капитале» показал экономические корни и объективный классовый смысл лозунга формальной свободы. Превращение рабочей силы в товар является его экономической предпосылкой; свобода эксплуатации капиталистами рабочей силы является его социальным смыслом. «Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, напр. рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица»³. Формальная свобода фактически означает прикрытие экономической несвободы, экономической кабалы всех эксплуатируемых капиталом.

Принцип формальной свободы находит свое выражение в буржуазном уголовном праве в положении «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без указания о том закона). Во имя формальной свободы уголовный кодекс должен точно указать, какие действия являются преступными. С проведением в законодательстве этого принципа появляется и формальное понятие преступления. Принцип «нет преступления без указания о том закона» был выдвинут буржуазией еще в тот период, когда она шла к власти.

Положение, что нельзя преследовать за деяние, не запрещенное в момент его совершения под страхом наказания, является одним из требований Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Статья 5 Декларации гласит: «Закон вправе запрещать только поступки, вредные для общества. Все, что не воспрещено законом, не может быть возбранено, и никто не может быть принужден сделать то, чего закон не предписывает». Статья 8 Декларации определяет, что «никто не может быть наказан иначе, как на основании закона, изданного и обнародованного до совершения преступления и примененного в установленном порядке». Это требование имело исторически прогрессивное значение в борьбе с произволом феодально-абсолютистского государства. Оно являлось одним из основных принципов, на которых покоилось проведение буржуазной законности в области уголовного права. Если положение, аналогичное принципу, что можно карать лишь за деяния, ответственность за которые предусмотрена законом, и встречалось в других более ранних памятниках права, то там оно имело иной политический смысл. Так, в памятнике английского права XIII столетия, в так называемой Великой хартии вольностей, в ст. 39 говорится: «Ни один свободный человек не будет арестован и заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных ему по закону страны». В этом положении Великой хартии вольностей была выражена гарантия прав и интересов английских феодальных баронов от произвола королевского абсолютизма. С приходом буржуазии к власти принцип «нет преступления без указания о том закона», как и все формально демократические принципы, используется буржуазией для прикрытия своего классового господства, для культивирования и поддержания «правовых иллюзий» — представления об ограниченности и связанности государственной власти внешней, стоящей над обществом силой «внеклассового» закона. Классовый интерес буржуазии поддерживает представление о «внеклассовом» характере буржуазного государства. Это, конечно, было и остается лишь обманом, выгодным для господствующего класса. Принцип «нет преступления без указания о том закона» в дей-

¹ См. Б. С. Утевский, К вопросу о происхождении принципа «*nullum crimen sine lege*», «Ученые записки ВШЮН», вып. 1, 1940, стр. 14; его же, Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права, «Ученые труды ВШЮН», вып. 2, 1940.

² Ч. Беккариа, О преступлениях и наказаниях, М., 1940, стр. 230.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1955, стр. 182.

ствительности никогда не являлся препятствием для защиты классовых интересов буржуазии. То, что закон считает преступлением, определяется ее классовыми интересами. Провозглашенные в буржуазном законодательстве формально-демократические лозунги, как известно, систематически нарушаются на деле. Они являются демократией лишь для меньшинства, для богатых, для эксплуататоров. Нарушение принципа «нет преступления без указания о том закона» совершается прежде всего путем издания всяких исключительных законов с крайне широкими и неопределенными, «каучуковыми» составами преступлений для подавления борьбы трудящихся за свободу. Когда классовому господству буржуазии угрожает серьезная опасность, всякие демократические маски сбрасываются. От положения «нет преступления без указания о том закона» не остается и следа; в движение приводится оружие террора военно-полицейских банд для расправы со всеми подозрительными. В более или менее «мирной» обстановке нарушение принципа «нет преступления без указания о том закона» совершается путем «тонкого» толкования уголовного закона судебными органами буржуазного государства. Буржуазный суд, отвергая на словах применение уголовных законов по аналогии (так как это противоречит принципу «нет преступления без указания о том закона»), на деле, однако, под флагом уяснения «воли закона» признает преступными такие действия, которые вовсе не имел в виду поставить под угрозу наказания данный уголовный закон. Признавая на словах принцип «нет преступления без указания о том закона», судебная практика буржуазных государств фактически от него отказывается, когда этого требуют классовые интересы буржуазии¹.

В тех случаях, когда соответствующие действия непосредственно не угрожают классовым интересам буржуазии, буржуазный суд для поддержания «правовых иллюзий» не прочь «пококлетничать» этим принципом. Когда, например, в прошлом столетии в судебной практике Германии впервые возникло дело о краже электрической энергии, суд отказался осудить виновных, ссылаясь на то, что такое преступление неизвестно действующему законодательству. Понадобилось издание специального уголовного закона, запрещавшего кражу электрической энергии под страхом наказания, чтобы суды Германии стали преследовать за такие деяния.

В современных буржуазных странах принцип «нет преступления без указания о том закона» является известным препятствием на пути реакционных стремлений империалистической буржуазии, направленных к ломке существующей законности и

¹ См. Я. М. Браунин, Аналогия и правило *nullum crimen, nulla poena sine lege* в истории западноевропейского уголовного права, «Ученые записки Украинского института юридических наук», М., 1940.

усилению во всех областях общественной жизни гнета трудящихся.

При всей своей ограниченности буржуазно-демократические свободы могут быть использованы рабочим классом в борьбе с угнетателями. Поэтому в связи с обострением классовых противоречий в период империализма, особенно в период общего кризиса капитализма, буржуазия ломает свою собственную законность и переходит ко все более террористическим методам сохранения своего господства. Империалисты ведут усиленное наступление на демократические завоевания трудящихся.

Защита элементарных буржуазно-демократических свобод есть борьба против наступления политической реакции. Борьба против нарушения положения «нет преступления без указания о том закона» является в этих условиях одной из форм борьбы против полицейского произвола реакционных сил империализма, борьбы против преследования людей за прогрессивные убеждения.

Принцип «нет преступления без указания о том закона» характерен для континентального буржуазного уголовного права. Он не может считаться принципом английского уголовного права, где нет уголовного кодекса и преследование за преступление может иметь место не только на основании норм статутного права (отдельные законы, изданные в течение последних шести столетий), но и на основании норм общего права (обычай). Формальноправовые гарантии личности в организации репрессии в Англии основываются не столько на нормах материального уголовного права, сколько почти исключительно на нормах процессуального уголовного права. Это не мешает, разумеется, тому, что и здесь эти гарантии являются фактически гарантиями свободы для богатых, демократией денежного мешка. Энгельс писал об английском уголовном процессе: «Жестокость по отношению к беднякам и покровительство богатым представляет настолько всеобщее явление во всех судебных учреждениях, практикуется так открыто, так бесстыдно и описывается в газетах так цинично, что редко можно читать газету без внутреннего возмущения»¹. За сто лет, прошедших с того времени, как эти строки были написаны, мало что изменилось. Об этом свидетельствует один современный автор, описавший деятельность английского суда и пожелавший укрыться под псевдонимом «Со-лиситор» (адвокат). «Богатые всегда имеют преимущество над бедными!... В уголовных делах бедные находятся в очень тяжелом положении, особенно в полицейских судах». К крайне сложному и запутанному английскому праву больше чем к какому-либо другому буржуазному законодательству могут быть отнесены гневные слова В. И. Ленина: «Когда насквозь буржуазные и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 640.

большую часть реакционные юристы капиталистических стран в течение веков или десятилетий разрабатывали детальнейшие правила, написали десятки и сотни томов законов и разъяснений законов, *притесняющих* рабочего, связывающих по рукам и ногам бедняка, ставящих тысячи придирок и препон любому простому трудящемуся человеку из народа, — о, тогда буржуазные либералы и господин Каутский не видят тут «произвола»! Тут «порядок» и «законность»! Тут все обдуманно и прописано, как можно «дожать» бедняка. Тут есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников, .. умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов»¹. Не в меньшей мере эти слова Ленина могут быть отнесены и к современному праву США, воплотившему в себе худшие традиции английского права.

Формально-юридическое понятие о преступлении послужило опорой для многих построений буржуазной теории уголовного права XIX столетия, получившей наименование классической школы в противовес появившимся в конце XIX века уголовно-антропологическому и уголовно-социологическому направлениям в буржуазной науке уголовного права. Классическая школа была выразительницей буржуазного юридического мировоззрения в теории уголовного права. Предметом своего исследования она считала уголовноправовые нормы как таковые. Путем формально логической их обработки она пыталась построить все основные институты уголовного права. Она занималась лишь юридической сущностью преступления и наказания, отрывая юридические нормы от реальных общественных отношений, игнорируя политический смысл основных юридических институтов буржуазного уголовного права. Отрыв правовой формы от ее социально-политического содержания позволял проводить защиту своеобразных интересов эксплуататорских классов под флагом защиты от нарушений правовой нормы, якобы выражающей требования самой «справедливости». Классическая школа была не только метафизической по своей методологии, но и идеалистической по своему мировоззрению. Она идеалистически трактовала основные вопросы уголовного права — вину, причинную связь, противоправность, объект преступления и т. д. Всем своим учением она призывала эксплуататорскую сущность буржуазного уголовного права. Разработка юридических институтов представителями классической школы имела некоторое относительно прогрессивное значение в тот период, когда буржуазия вела борьбу против произвола феодально-абсолютистского государ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 252—253.

ства и отстаивала формально демократические принципы. Реакционную политическую роль теория классической школы приобретает в эпоху империализма. В этот период на нее все большее влияние оказывает реакционная неокантианская философия. Это «неоклассическое» направление является, как мы увидим в дальнейшем, теоретической базой для обоснования ломки буржуазной законности и усиления произвола буржуазного суда в расправе с трудящимися при внешнем сохранении прежних юридических понятий.

В буржуазном уголовном законодательстве все преступления по тяжести наказания обычно делятся на две или три группы. Большинство уголовных кодексов держится трехступенчатой системы: преступления, проступки и нарушения. Так построены Французский уголовный кодекс 1810 года, Германский уголовный кодекс 1871 года, Швейцарский уголовный кодекс 1937 года. Так же было построено дореволюционное русское уголовное уложение 1903 года. По тяжести грозящего наказания это уложение делило все преступные деяния на следующие три группы: 1) тяжкие преступления, к которым относились деяния, караемые смертной казнью, каторгой и ссылкой; 2) преступления, караемые исправительным домом, тюрьмой и крепостью; 3) проступки — деяния, караемые штрафом и арестом.

Подобное деление преступлений в буржуазном уголовном законодательстве используется для того, чтобы регулировать особенности применения тех или иных институтов Общей части сразу в отношении больших групп преступлений. Устанавливается, например, наказуемость покушения при всех тяжких преступлениях, наказуемость покушения на совершение иных преступлений в случаях, специально указанных в законе, и ненаказуемость покушения при совершении проступков. Таким же путем регулируется вопрос об ответственности за соучастие, пределы ответственности за умышленную и неосторожную вину, порядок применения давности и т. д. Вместе с тем это деление используется в буржуазном уголовном законодательстве и судебной практике и в политических реакционных целях для отказа от принципа вины при ответственности за «нарушения» и проведения в этой области ответственности в порядке объективного вменения, а также для упрощения в этих случаях уголовного процесса и отказа от ряда формальноправовых гарантий для обвиняемого. В английском уголовном праве все преступления делятся по характеру их преследования на две группы: преступления, по которым установлен порядок преследования с предъявлением обвинительного заключения, и пре-

ступления, по которым возможно преследование в порядке суммарной юрисдикции без предъявления обвинительного акта. Первая группа преступлений в свою очередь делится по ряду как материальноправовых, так и процессуальных различий на следующие три группы: «тризн» (*treason*), «фелония» (*felony*) и «мисдиминор» (*misdeminor*)¹. «Тризн» (буквально «измена») называются все преступления которые выражают собой посягательство на внутреннюю или внешнюю безопасность государства («разнообразные виды войны против короля»), а также посягательства на личность короля, наследника престола, их супругов, старшей незамужней дочери короля и некоторых высших должностных лиц. «Фелонией» считаются все другие тяжкие преступления, которые по общему праву влекли за собой ранее конфискацию имущества, а также те преступления, которые отдельными статутами непосредственно объявлены «фелонией». К «мисдиминор» относятся все преступления, которые не входят в группы «тризн» или «фелония». Запутанная классификация преступлений в английском уголовном праве унаследована от феодальной эпохи и отражает в себе феодальные пережитки, которыми пронизано современное английское право.

¹ См. Г р ю н х у т, Английское уголовное право, «Современное зарубежное уголовное право», т. III, М., 1961; Э. Д ж е к к с, Английское право, М., 1947; К. К е н н и, Основы уголовного права, М., 1949; Н. Н. П о л я н с к и й, Уголовное право и уголовный суд Англии, М., 1937; «Introduction au droit criminel de l'Angleterre». Ouvrage publié sous la direction de Marc Ancel et de L. Radzinourcz, Paris, 1959.

Глава III

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1

Причины преступности в эксплуататорском обществе

Вопрос о том, почему люди совершают преступления, неоднократно привлекал к себе внимание отдельных философов, ученых и политиков. Сторонники идеалистических философских систем пытались объяснить совершение преступлений решением свободной, ни от чего не зависимой человеческой воли. Сторонники материализма неоднократно высказывали мысль о зависимости совершения преступлений от условий общественной жизни людей. Это было связано с тем значением, которое придавала материалистическая философия роли воспитания в деле формирования человека. Еще великий материалист древнего мира Демокрит говорил: «Воспитание перестраивает человека и, преобразуя, создает ему вторую природу»¹. В сочинениях многих прогрессивных деятелей XVIII столетия, и в первую очередь французских материалистов, можно встретить немало отдельных высказываний об общественных причинах преступности. Гельвеций видел источник преступлений во власти попов и деспотическом правительстве, которые препятствуют воспитанию подлинно добродетельных граждан. Гольбах считал, что

¹ «Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности», 1935, стр. 234.

несправедливость, доводя до отчаяния бедняка, заставляет его совершать преступления. Беккариа писал о причинах краж: «Кража является обычно преступлением нищеты и отчаяния, преступлением той несчастной части человечества, которой право собственности (ужасное и, может быть, не необходимое право) оставило возможность одного лишь голого существования»¹. Даже будущий вождь жирондистов умеренный Бриссо де Варвилль в работе, изданной еще до Французской революции, утверждал, что сама собственность есть кража. Разумеется, эти выпады против собственности вообще были лишь литературной формой борьбы против феодальной собственности².

Гневные строки о социальном неравенстве как источнике преступлений можно найти в работе революционного демократа XVIII столетия, вождя якобинцев, друга народа Марата, опубликованной впервые еще за десять лет до начала Французской революции. Марат выставлял требование о том, чтобы беднякам не только была дана работа, но и чтобы государство их просветило. Он рассматривал существовавшие законы как орудие угнетения народа: «...поскольку часть нации не ставится в государстве ни во что, законы его становятся пристрастными и общество в этом случае является не чем иным, как органом

¹ Ч. Беккариа, О преступлениях и наказаниях, стр. 14.

² С непониманием этого была связана ошибочная политическая оценка воззрений Беккариа, которая давалась некоторыми авторами в советской литературе по уголовному праву. Так, Б. С. Утевский писал, что приведенное отношение Беккариа к праву частной собственности «несовместимо с причислением его к апологетам буржуазии, а следовательно, и к представителям буржуазного уголовного права» (Б. С. Утевский, История науки уголовного права, М., 1948, стр. 46). Б. С. Утевский рассматривает воззрение Беккариа в параграфе, посвященном «уголовно-правовым воззрениям демократов, социалистов и революционеров в Западной Европе». Такую же политическую оценку Беккариа Б. С. Утевский давал и в написанном им разделе учебника «Уголовное право. Общая часть» (ВИЮН, 1948), где Беккариа причисляется к революционным демократам наряду с Маратом (стр. 205).

Отнесение Беккариа к революционным демократам ошибочно. Он формулировал в своем трактате прогрессивные для того времени буржуазно-правовые требования в области уголовного права. Объективно-исторически его трактат, содержащий яркую критику феодальной юстиции, наряду с трудами других просветителей XVIII столетия содействовал идейной подготовке буржуазной революции во Франции. Однако сам он не был революционером. Он был сторонником «просвещенного» абсолютизма. В § XXVIII своего трактата он писал: «Счастливым было бы человечество, если бы впервые для него законы издавались теперь, когда мы видим восседающими на престолах Европы благодетельных монархов, покровительствующих мирным добродетелям, наукам и искусствам, отцов своего народа, увенчанных гражданами. Умножение их власти составляет счастье подданных, просвещенные граждане должны еще более желать постоянного усиления их власти» (Беккариа, О преступлениях и наказаниях, стр. 332—333). Беккариа защищал заимствованное из философии Бэкона учение о «двойственной

угнетения, при котором человек подавляет человека»¹. Марат призывал к уничтожению существующих законов и обосновывал право бедняков сопротивляться им.

В буржуазной теории уголовного права XIX столетия, находившейся по преимуществу под влиянием различных идеалистических философских систем, долгое время господствовал взгляд, что преступление порождается всецело произволом человеческой воли. Немецкая идеалистическая философия конца XVIII и начала XIX веков старательно стремилась обосновать эти воззрения, переводя на философский язык лишь взгляды на этот счет официальных церковных учений. Этим маскировались действительные причины преступности в буржуазном обществе, коренящиеся в условиях существования в нем эксплуатируемых трудящихся масс.

Вопрос об общественных корнях преступности в буржуазном обществе в первой половине XIX столетия ставился сторонниками утопического социализма. Ими было высказано много ценных мыслей о социальной обусловленности преступности в буржуазном обществе. Сен-Симон и Фурье, критикуя основы капиталистического общества, показали, что ужасающие условия жизни эксплуатируемых масс приводят к тому, что люди не могут не совершать преступлений. Они красноречиво доказывали, что только в социалистическом обществе может исчезнуть преступность. Английский социалист-утопист Роберт Оуэн не только указывал, что в совершении преступлений виновата сама капиталистическая система, но и практически организованными

истине», означавшее примирение буржуазной идеологии с учением феодальной церкви: «Пусть богослов устанавливает границу между справедливым и несправедливым в смысле внутреннего зла или добра того или другого действия; установить границы справедливого или несправедливого в смысле политическом, т. е. с точки зрения пользы или вреда для общества, — задача публициста. Одна задача не предвещает другую, потому что каждому ясно, насколько добродетель политическая уступает неизменной, исходящей от бога, добродетели» (там же, стр. 190). Беккариа неоднократно выступает против революционного насилия, и цель своей книги видит не в ослаблении, а в усилении «законной власти» (стр. 184—185). Беккариа на политической арене выступал не как революционер, а как либерал. Потому его всячески превозносили либеральные буржуазные юристы в XIX веке. «Либералы, — писал В. И. Ленин, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархов и уничтожить власть помещиков» (В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96). Одним из таких идеологов буржуазии и был Беккариа. Революционные же демократы, к которым он не принадлежал, были выразителями интересов широких народных масс, боровшихся за революционное уничтожение крепостничества и всех феодальных властей.

¹ Жан Поль Марат, План уголовного законодательства, М., 1951, стр. 35; А. А. Герцензон, Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата, М., 1956.

им коммунистическими общинами доказывал необходимость и возможность бороться с преступностью путем изменения общественных условий. Социалисты-утописты не были идеологами рабочего класса. «Эти три великих утописта, — указывал Энгельс, — сходились между собою в том, что никогда не выступали защитниками интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата. Подобно философам XVIII века, они хотели с самого начала освободить все человечество, а не только данный общественный класс»¹. Они полагали, что буржуазное общество продолжало существовать только потому, что открытые ими истинные законы разума и справедливости не были еще известны человечеству. Они не понимали, что классовая борьба является законом общественного развития. Они не были революционерами. Они наивно надеялись на благосклонное отношение к своим проектам общественного преобразования самой буржуазии и существующего правительства.

Разумеется, сторонники утопического социализма, не зная подлинных законов развития буржуазного общества, не могли научно решить вопрос о причинах преступности в капиталистическом обществе².

О социальной обусловленности преступления ставил вопрос в первой половине прошлого столетия один из представителей так называемой моральной статистики Кетле: «Печальное условие человеческого бытия: мы можем вычислить заранее, какое количество лиц обагрят свои руки в крови себе подобных, сколько будет подлогов, сколько отравлений, подобно тому, как мы можем определить заранее количество долженствующих случиться рождений и смертей». Однако сам Кетле не в состоянии был раскрыть закономерности развития преступности в буржуазном обществе, он мог лишь дать ее внешнее статистическое описание. Маркс в письме к Кугельману в 1869 году писал о Кетле: «...он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему никогда не удавалось. Он не двигался вперед, а только расширял материал своего наблюдения и исчисления»³.

Особо следует сказать о взглядах на причины преступности представителей русской передовой общественной мысли.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 19.

² О взглядах социалистов-утопистов на причины преступности см. М. Гернет, От Томаса Мора до УК РСФСР. «Проблемы преступности», кн. 3, изд-во НКВД РСФСР, 1928; А. А. Герцензон, К изучению истории уголовно-правовых теорий XVIII—XIX вв., М., 1947.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 7.

«У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция», — отмечал В. И. Ленин¹.

Поэтому в работах русских революционных демократов можно найти немало страниц, вскрывающих социальные корни преступности.

В конце XVIII века великий русский мыслитель, материалист и революционер А. Н. Радищев — этот непримиримый «рабства враг» и «самодержавству противник» — подверг беспощадной критике всю карательную систему царизма с ее гнусным сословным неравенством и лицемерием, всеобщим взяточничеством, безграничным издевательством и над людьми, и над законом. Самодержавие он рассматривал как «наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Для него самодержавный царь — «злодей, злодеев всех лютейший... преступник изо всех первейший». Он предрекал гибель самодержавия и смерть царя на плахе.

С гневной страстностью революционера он вскрывал социальные источники преступления. «Я видел (да и может ли быть иначе), — писал Радищев, — что закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производивших». Радищев видел эти причины в ужасающей народной нищете, в рабском бесправии крепостных крестьян, в безграничном произволе взяточника-чиновника, в жестокой алчности помещика-самодура. Радищеву принадлежит заслуга впервые в истории, задолго до работ так называемых моральных статистиков, поставить вопрос о всестороннем научном статистическом обследовании причин преступности. В работе «О законоположении» он подробно намечает те стороны общественной жизни и государственной деятельности, которые должны быть исследованы с этой целью.

Как материалист, подходил к решению вопроса о причинах преступности Герцен. Еще в 1845 году он писал в дневнике, что преступление всегда есть действие более или менее вынужденное обстоятельствами, а наказание он клеймил там как мерзость и нелепость². Спустя 20 лет в полемике с славянофилами Герцен доказывал, что борьбу с преступностью можно успешно вести лишь путем замены существующего строя иным общественным устройством. Как материалист он считал, что нужно создать такие условия жизни, которые не толкали бы людей на преступление³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 201—202.

² См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1954, стр. 401.

³ См. Я. М. Брайнин, Вопросы преступления и наказания в произведениях А. И. Герцена, «Сборник юридического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко», № 8, 1955; Б. В. Здра-

Капиталистические порядки он называл «людоедством в образованной форме». Грядущую революцию он считал «законным возмездием палачам и извергам старого строя». Он звал к ниспровержению не только «самодержавия петербургского царя», но и «свободы мещанской республики», как препятствий, стоящих на пути прогрессивного развития человечества.

Белинский усматривал причины преступности в буржуазном обществе в устройстве самого этого общества. По поводу романа Эжена Сю «Парижские тайны» он писал: «Эжен Сю показывает в своем романе, как иногда сами законы французские бесчестно покровительствуют разврату и преступлению. И, надо сказать, он показывает это очень ловко и убедительно; но он не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества...»¹. Условия, в которых живут рабочие в буржуазном обществе, толкают их на совершение преступлений: «Не все поверят без труда, что в Англии и во Франции голодная смерть для бедных — самое возможное и несколько не необыкновенное дело. Несколько недель, два-три месяца болезни или недостатка в работе — и бедный пролетарий должен умереть с семейством, если не прибегнет к преступлению, которое должно привести его на гильотину»². На чердаках и в подвалах, в жилищах нищеты и отчаяния живут не только высокие добродетели, но там же гнездится и преступление. Белинский разоблачал лживое равенство перед законом рабочего и буржуа. «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаковым судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто»³. Поэтому подлинными преступниками Белинский считал тех, кто доводит работника до такого состояния, когда он от голода или отчаяния становится вором или убийцей, хотя при этом буржуа

во мьсл ов, Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов, М., 1959; А. А. Пионтковский, Из истории правовых идей 40-х годов прошлого столетия в России, «Ученые труды ВШЮН», вып. X, 1947.

¹ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, М., 1941, стр. 315.

² Там же, стр. 313.

³ Там же, стр. 312.

и считается правым по закону гражданскому. «Огромной корпорацией разных служебных воров и грабителей»¹ клеймил Белинский в «Письме к Н. В. Гоголю» царское самодержавие и призывал к революционной борьбе за уничтожение крепостного права и всего режима полицейского произвола царской власти. Белинский был социалистом, но в отличие от западных социалистов-утопистов он хорошо понимал, что осуществление социализма возможно только путем революции. «Смешно и думать, что это может сделаться, — писал он, — само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови».

Великий русский материалист и революционер-демократ Н. Г. Чернышевский в произведении «Антропологический принцип в философии», касаясь вопроса о причинной обусловленности человеческих поступков, материалистически разрешал также и вопрос о причинах преступности: «Психология говорит, что самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей, что человек поступает дурно, то есть вредит другим, почти только тогда, когда принужден лишить их чего-нибудь, чтобы не остаться самому без вещи, для него нужной. Например, в случае неурожая, когда пищи недостаточно для всех, число преступлений и всяких дурных поступков возрастает: люди обижают и обманывают друг друга из-за куска хлеба»². Источник преступлений Чернышевский видел в материальной нужде. «Если бы устранить одну эту причину зла, быстро исчезло бы из человеческого общества, по крайней мере, девять десятых всего дурного: число преступлений уменьшилось бы в десять раз, грубые нравы и понятия в течение одного поколения заменились бы человеческими»³. Преступление можно побороть не наказанием, а лишь переустройством общества — эта идея проходит красной нитью через все высказывания Чернышевского о преступлениях. Необходимо применение революционного насилия против угнетателей народа. Чернышевский звал народ к топору для плебейской расправы с злейшими преступниками — крепостниками-помещиками, царскими слугами.

Добролюбов в «Темном царстве» писал о том, что всякое преступление есть не следствие природы человека, а следствие ненормального отношения к обществу, в какое он поставлен. «И чем эта ненормальность сильнее, чем чаще совершаются преступления даже натурами порядочными, тем менее обдуманно-

¹ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, стр. 468.

² Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. 3, Госполитиздат, 1951, стр. 217.

³ Там же, стр. 218.

сти и систематичности и более случайности, почти бессознательности, в преступлении»¹. Это положение Добролюбов применяет для объяснения преступлений, которые совершаются лицами, принадлежащими к угнетенным классам общества. Он считал, что преступность исчезнет, «если условия быта низших классов будут изменены в пользу их материального благосостояния». Действенное средство борьбы с преступностью Добролюбов видел в переустройстве общества, путь к которому лежит через народную революцию. Добролюбов призывал народ к восстанию против виновников его страданий, против «подлых рыцарей кнута», против «внутренних турок», против царского самодержавия. Специально отметим, что Добролюбов «ненормальными общественными отношениями» объяснял и преступность представителей эксплуататорских классов. «В темном царстве», рассматриваемом нами, ненормальность общественных отношений доходит до высших своих пределов, и поэтому понятно, что его обитатели теряют решительно всякий смысл в нравственных вопросах. В преступлении они видят только внешнюю, юридическую его сторону, которую справедливо презирают, если могут как-нибудь обойти. Внутренняя же сторона, последствия совершаемого преступления для других людей и для общества, — вовсе им не представляются»².

Учение Маркса — Энгельса, открывшее закономерности развития капиталистического общества, со всей глубиной вскрыло причины преступности в буржуазном обществе, коренящиеся в его классовой структуре.

Буржуазная профессорская наука уголовного права или сознательно замалчивала эти выводы, или неуклюже пыталась их «опровергнуть».

Бурный рост преступности во всех странах Западной Европы в последнее десятилетие прошлого века, связанный с углублением противоречий капитализма, выдвинул перед буржуазной наукой со всей остротой вопрос о причинах преступности и мерах борьбы с ней.

Уголовно-антропологическая и уголовно-социологическая школы по-разному ответили на него. Однако между этими школами было и нечто общее. Они выполняли одну общую реакционную задачу. Буржуазия использовала их «теории» для борьбы с натиском марксистских идей в понимании причин преступности, для прикрытия подлинных причин роста преступности в капиталистическом обществе. Этой реакционной цели служат эти «теории» и по сей день. Поэтому необходимо остановиться на критике их более подробно.

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские сочинения, т. II, 1946, стр. 36.

² Там же.

Сущность уголовно-антропологической теории¹, развитой в работах ее основателя — итальянского профессора судебной медицины Чезаре Ломброзо, выступившего со своими работами в 70-х годах прошлого столетия (основная из них — «Преступный человек»), сводится к следующему.

Преступление, по его учению, есть биологическое явление, подобное болезни, смерти, рождению и т. п. Поэтому причины совершаемых преступлений Ломброзо ищет в самой природе человека. Преступление есть проявление особых свойств человеческой природы. Ими обладает не каждый человек. Они состоят из целой серии особых анатомо-физиологических и психических свойств, совокупность которых делает их обладателя особой разновидностью человека — «прирожденным преступником» — фатально обреченным на совершение преступлений (*l'homme delinquente*). Антропологи по внешним признакам пытались выделить преступников из общей массы людей. Так, для убийцы они считали характерным стеклянный холодный взгляд, большой орлиный нос, развитые клыки и скулы и особенно большие выдающиеся челюсти; для вора — блуждающие глаза, маленький лоб, сдвинутые брови, редкую бороду, оттопыренные уши, кривой или курносый нос; для насильника — блестящие глаза, изнеженные черты лица, женственные движения, вздутые губы, разбитый и сиплый голос. Ломброзо и его ученики исследовали преступников буквально с головы до пят, стремясь везде найти какие-либо отклонения от нормального человека.

В своем «открытии» особого «преступного человека» Ломброзо не был оригинален. Еще в XVIII столетии пользовалась широким распространением «физиономистика» Лафатера, который доказывал возможность по внешним чертам лица определить характер человека и его наклонности. В начале XIX столетия пользовалась известностью «френология» Галля, учившего, что по особенностям черепной коробки человека можно определить его внутренний мир, наклонности и способности, в частности способность стать преступником.

На протяжении всей своей деятельности Ломброзо давал различные объяснения якобы открытому им явлению природной преступности. Сначала он объяснял ее атавизмом: преступник не что иное, как дикарь, который родился среди современной европейской цивилизации и потому органически не может приспособиться к ее правилам поведения. Потом Ломброзо стал объяснять природную преступность «нравственным помешательством — сумасшествием лишь в одной специальной области — в области нравственности». Наконец, впослед-

¹ См. Д. А. Дриль, Учение о преступности и мерах борьбы с нею, СПб., 1912; Б. Ошеревич, К постановке вопроса о методических основах антропологической школы уголовного права, «Проблемы уголовной политики», кн. III, М., 1937.

ствии он стал рассматривать прирожденную преступность как форму эпилепсии.

Если бы уголовно-антропологическая теория была верна, то вся проблема преступности разрешалась бы чрезвычайно просто: нужно было бы будущего преступника, по остроумному замечанию одного из критиков этой теории, лишь «измерить, взвесить и... повесить», так как прирожденный преступник уже от рождения обречен на совершение преступлений. Близкие к этому политически глубоко реакционные выводы и делали криминалисты-антропологи из своего учения. Они выступали защитниками широкого применения смертной казни, предлагали ввести пожизненное заключение или изоляцию преступников на неопределенный срок, защищали применение репрессии в отношении «опасных» лиц, которые еще и не совершили никаких преступлений, выступали за устранение процессуальных гарантий, боролись против суда присяжных и т. п. Криминалисты-антропологи обосновывали усиление репрессии и превращение ее в ничем не прикрытую расправу с лицами, почему-либо опасными для буржуазного «порядка». Чтобы оправдать расправу буржуазии с политическими преступниками, они всячески старались очернить революционеров и изобразить их как «прирожденных преступников»¹. Они являлись выразителями той политической реакции, которая торжествовала в Европе после подавления Парижской Коммуны 1871 года.

Учение о прирожденной преступности было подвергнуто критике в самой буржуазной теории уголовного права. Ближайшие наблюдения над личностью преступников показали, что в действительности нет ни одного антропологического признака или их совокупности, на основании которых можно было бы выделить преступника из общей массы людей. Признаки прирожденного преступника, указанные Ломброзо, встречаются как среди преступников, так и среди остальных людей. К тому же во взглядах самих уголовных антропологов оказались многочисленные разногласия о возможности отнесения тех или иных признаков к чертам прирожденного преступника. Тип прирожденного преступника, нарисованный Ломброзо, оказался по меньшей мере продуктом его пылкого воображения и неосновательных обобщений.

Глубоко антинаучным следует признать исходное положение Ломброзо о том, что преступление есть биологическое, естественное явление. Преступление — явление социальное. Уголовные антропологи в исследовании преступности основывались на идеях вульгарных материалистов, этих дешевых разносчиков материализма, которые, не понимая специфичности закономер-

ностей общественного развития, пытались объяснить общественные явления закономерностями, установленными естествознанием. Уголовные антропологи биологизировали общественное явление — преступление. Для объяснения преступности Ломброзо использовал распространенный в буржуазной биологической науке, сам по себе лженаучный, идеалистический взгляд на наследственность как на абсолютно неизменное начало, передающее неизменный комплекс свойств вида из поколения в поколение. На этом построена вся его теория о прирожденном преступнике, фатально обреченном на совершение преступлений.

Понятие о преступлении меняется в процессе развития человеческого общества, соответствуя в каждый данный исторический период интересам господствующего класса. Поэтому и причины совершения преступления нужно искать не в каких-либо постоянных свойствах природы преступного человека, а вне ее, в окружающих общественных условиях, в классовой структуре общества.

Объяснение изменчивых общественных явлений постоянными свойствами природы человека есть одна из форм антинаучного идеалистического взгляда на общественные явления. Такой же антинаучный характер носило и все учение криминалистов-антропологов, пытавшихся объяснить преступность в буржуазном обществе биологическими причинами. По своему общественно-политическому смыслу эта теория имела глубоко реакционное значение. Она не только обосновывала ничем не ограниченную расправу со всеми лицами, опасными для буржуазного порядка, но и отвлекала внимание от действительных причин растущей преступности в капиталистическом обществе, маскировала их.

В конце XIX столетия уголовно-антропологическая теория утратила свое влияние, уступив место уголовно-социологическим учениям. Но после первой мировой войны в связи с обострением всех противоречий капитализма и повсеместным ростом в буржуазных странах преступности буржуазная наука пытается вновь использовать антропологическую теорию в своих классовых реакционных целях. При этом уголовно-антропологическая теория возрождается на новой основе. Неантропологические теории опираются то на учение о внутренней секреции, то на психоанализ Фрейда, то на учение Кречмера о различии конституций человека. В зависимости от этого преступность то объясняется результатом деятельности определенной комбинации желез внутренней секреции, то проявлением деятельности «бессознательной» сферы в человеческой психике, то «неполноценностью» физической и психической конституции человека. В методологическом отношении все эти «неантропологические» теории исходят из той же антинаучной концепции, из которой

¹ См. Ломброзо и Ласки, Политические преступления, СПб., 1906.

исходила уголовно-антропологическая теория Ломброзо. Они проповедовали наследственную передачу предрасположения к совершению преступлений и пытались общественные явления объяснить теми или иными особенностями, притом ложно понятыми, природы человека. Реакционный политический смысл неоантропологических теорий преступности заключается в стремлении скрыть подлинные причины бурного роста преступности в буржуазном обществе в период империализма. Тем самым они служат идеологическим орудием укрепления позиций господствующего класса. С большой откровенностью высказывал взгляд буржуазного идеолога на значение возрождения «неоантропологических» теорий немецкий криминалист Мецгер. Он писал, что такое объяснение преступности означает «отход от одностороннего мировоззрения, достигшего наивысшего развития в материалистической системе К. Маркса»¹.

Фашистские мракобесы не только всячески культивировали неоантропологические теории преступности, но и использовали их для «обоснования» своей чудовищной карательной политики, для массового уничтожения «неполноценных» людей, под которыми они понимали всех тех, кто не желал мириться с их преступным «новым порядком».

Неоантропологические теории получили широкое распространение среди реакционно настроенных американских криминалистов. Так, некий доктор Абрахамсон опубликовал в США книгу «Преступление и человеческая душа». Автор исходит из работ Ломброзо, Кречмера и Фрейда, которые позволили ему якобы заглянуть в «глубь человеческой души, за пределы тех непосредственных мотивов, которые приводят к совершению преступления». Через всю работу красной нитью проходит реакционная антинаучная идея, что у определенной категории лиц имеется наследственная склонность, предрасположение к совершению преступлений. В соответствии с морганистско-вейсманистским реакционным идеалистическим учением о наследственности автор утверждает, что наследственная склонность к совершению преступлений существует сама по себе независимо от отдельного человека извечно, «до того, как человек появился на свет», до времени существования его родителей и прародителей «и своими корнями уходит в глубь времен»². Эти неоантропологические бредни используются для сокрытия действительных причин преступности в США и оправдания аппарата классового насилия американской буржуазии как якобы необходимого противодействия наследственным биологическим преступным склонностям отдельных личностей. Реакционная американская бур-

жуазия использует неоантропологические теории для разжигания расовой ненависти к негритянскому населению. Фальсифицируя действительность, они стремятся «доказать» особую якобы преступность негров как представителей «низшей» расы, и тем самым оправдать дискриминацию негритянского населения и позорные суды Линча.

Среди американских неоантропологов возрождается в чистом виде уголовно-антропологическая теория Ломброзо. Для доказательства того, что преступление является естественным биологическим явлением, они пишут нелепые «ученые» труды о черном и белом преступнике, о преступности среди собак и других животных. Показательным в этом отношении является трехтомное издание «Американский преступник», предпринятое Гарвардским университетом совместно с департаментом душевных болезней штата Массачусетс. Уже по первому тому этой «ученой» стряпни, посвященной «белому преступнику», можно судить о взглядах ее автора и его политических устремлениях. Путем якобы более точных измерений автор стремится доказать справедливость теории Ломброзо, что преступник является по своим биологическим свойствам низшим существом. Он стремится поддержать реакционные расовые измышления об особой преступности негров как якобы низшей расы. Путем возрождения теории Ломброзо он старается прикрасить подлинные источники роста преступности в США, заключающиеся в эксплуатации трудящихся масс монополистическим капиталом. Он проповедует применение ножа для борьбы с «социальным раком», т. е. преступностью, и таким путем оправдывает террористическую карательную политику американской буржуазии¹.

В 80-х и 90-х годах прошлого столетия в буржуазной науке уголовного права получает распространение так называемая уголовно-социологическая школа. Ее сторонники объясняли преступность совокупностью различного рода факторов. Одни из них делили все факторы на три группы: индивидуальные, физические и социальные; другие — различали лишь факторы индивидуальные и факторы социальные, сводя влияние фактора фи-

¹ Hooton, The American criminal, volume 1, 1939; Б. С. Никифоров, Реакционная американская биокримнология, «Буржуазное право на службе американского империализма», вып. 1, М., 1951; Ф. М. Решетников, О некоторых характерных чертах современной американской кримнологии, «Советское государство и право» 1958 г. № 10. О распространении среди криминалистов США биологической концепции преступности свидетельствует изданная в Бостоне в 1959 году книга Шелдона Глюка «The problem of delinquency», где собраны высказывания многих криминалистов по вопросам о причинах преступности, детской преступности и о мерах предупреждения преступлений.

¹ Mezger, Moderne Strafrechtsprobleme, 1927, S. 28.

² Abrahamson, Crime and the human mind, New York, 1945, p. 18 —

зического на преступность к косвенному влиянию факторов социального порядка. Один из представителей уголовно-социологической школы — немецкий криминалист Лист так формулировал взгляды криминалистов-социологов на причины преступности: «Мы должны рассматривать преступление как необходимый продукт окружающего преступника общества и хозяйственных отношений, с одной стороны, и с другой — особенностей личности преступника, которые частью являются прирожденными, частью — приобретенными в процессе его развития и жизненной судьбы». Это эклектическое сочетание в объяснении причин преступности влияния окружающей преступника среды и его прирожденных «дурных» склонностей характерно для всей буржуазной «социологической» теории преступности. Теория факторов преступности не способна скрыть закономерность, определяющую развитие преступности в буржуазном обществе. Она не в состоянии рассматривать общество как «живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»¹. Теория факторов преступности метафизически вырывает отдельные общественные явления из их общей связи и рассматривает их влияние на преступность или подменяет изучение преступления как общественного явления рассмотрением особенностей преступности отдельных категорий лиц.

Признание криминалистами-социологами множественности взаимно друг с другом не связанных причин, факторов преступности было выражением общей ограниченности методологии буржуазной социологии, не способной понять взаимную связь между отдельными общественными явлениями буржуазного общества, не способной проникнуть в сущность изучаемых явлений. Буржуазные криминалисты-социологи в методологическом отношении стояли на позициях философии позитивизма (Конт, Спенсер и др.), которая сводила задачи науки к внешнему описанию явлений, считая сущность вещей вообще непознаваемой.

Рост преступности в капиталистическом обществе определяется существующими в нем производственными отношениями, его классовой структурой. Эксплуатация народных масс буржуазией порождает нищету трудящихся, их культурную отсталость, безработицу, промышленные кризисы, алкоголизм, проституцию, милитаризм, войны — словом все те условия, которые неизбежно влекут за собой рост преступности в буржуазном обществе. Эксплуатация трудящихся масс, нужда и нищета есть

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 5, стр. 165.

«коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития»¹.

Объяснение причин преступности, которое давалось криминалистами-социологами, было поверхностно эмпирическим. Они не могли вскрыть законов развития преступности в буржуазном обществе, так как неспособны были рассматривать преступность как органическую часть всего капиталистического общества. Даже в тех случаях, когда под давлением очевидных фактов криминалисты-социологи должны были признать, что решающее значение среди факторов преступности имеют факторы экономического характера, то и тогда они понимали под этим бедность, нищету, низкий заработок, экономические затруднения, но вовсе не сам характер производственных отношений капиталистического общества.

Исследование причин преступности криминалистами-социологами преследовало задачу найти средства успешной борьбы с преступностью в рамках самого буржуазного общества и тем самым содействовать его укреплению. Изучая причины преступности, они делали вывод о необходимости проведения некоторых социальных реформ для укрепления буржуазного общества. «Хороший закон о рабочих жилищах имеет большее значение в борьбе с преступностью, чем дюжина уголовных законов», — демагогически заявлял криминалист-социолог Лист. Впрочем, благие либеральные пожелания не мешали им заниматься выработкой более действенных, с их точки зрения, мер для непосредственной борьбы с преступностью в буржуазном обществе. Многие из этих мер означали усиление репрессии, усиление классового насилия буржуазии и ломку буржуазной законности в организации репрессии (так называемые меры безопасности и идея «опасного состояния» личности). Относительно более либеральную программу борьбы с преступностью защищали многие криминалисты-социологи дореволюционной России (борьба против смертной казни, борьба за введение условно-досрочного освобождения, борьба против идеи «опасного состояния» личности)².

После второй мировой войны неопантпологическое и социологическое направления в области изучения причин преступности по существу объединились в одну общую отрасль — криминологию, где преобладающее значение приобрели неопантпологические установки.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 436.

² См. С. Остроумов, Преступности и ее причины в дореволюционной России, М., 1960.

Изучению вопросов криминологии посвящен ряд монографий и курсов, по вопросам криминологии издаются специальные журналы, существует международное общество криминологии и ряд отдельных национальных обществ и институтов, учреждены специальные кафедры криминологии на многих юридических факультетах. Повышенный интерес к вопросам криминологии среди буржуазных юристов был связан с вызывающим серьезное беспокойство в буржуазном мире дальнейшим повсеместным ростом преступности. Для иллюстрации взглядов современных теоретиков криминологии на причины преступности приведем высказывания на этот счет современных буржуазных авторов. Вольмор, автор вышедшей в 1949 году книги о преступнике, в ответ на вопрос, что более важно, наследственность или среда при изучении преступника, писал, что и то, и другое одинаково важно и никакое изучение преступника не может отвлекаться от этих важных обстоятельств¹. Датский криминолог Стефан Гурвич в вышедшей в 1952 году книге о криминологии писал, что определенная наследственная комбинация психических способностей предрасполагает к антисоциальному поведению преступного характера. Автор указывает, что эта точка зрения проводится и в соответствующих документах Объединенных наций: «Преступление само по себе не передается по наследству, но индивидуальная биологическая наследственность определяет жизненное поведение»².

Эрнст Зеелинг, профессор в Сааре, в вышедшем во Франции в 1956 году курсе криминологии писал, что без криминогенной предрасположенности не может быть совершено преступление; психофизиологические особенности преступника в основном определяются его конституцией, окружающая среда имеет решающее значение лишь для проявления преступных действий, определяет момент их совершения и способ действия; криминогенное предрасположение лица может и не проявиться в обычных условиях, но это означает лишь, что существует резервная армия преступников³. Криминолог Западной Германии Ф. Бауер в книге «Преступление и общество» изображает как общепринятый взгляд, что преступление является продуктом индивидуальных предрасположений и окружающей среды. При этом он основное внимание уделяет био-психологическим свойствам личности и открыто ведет борьбу с марксистским объяснением причин преступности, представляя его к тому же в явно искаженном виде⁴.

Учение современных криминологов стремится доказать, что преступление представляет собой явление, существующее во всяком обществе, корни его лежат не в классовой структуре эксплуататорского общества, а в определенной комбинации биологических наследственных особенностей личности. Реакционный характер всей этой теории не может вызывать каких-либо сомнений.

Для того чтобы понять действительные причины и общие тенденции развития преступности в буржуазном обществе, необходимо исходить из его классовой структуры, из характера производственных отношений капиталистического общества.

Развитие капиталистического общества связано с массовой безработицей, с ростом алкоголизма, проституции, с развращением трудящихся буржуазной моралью. В каждой капиталистической стране среди трудящихся наряду с сознательными людьми, ведущими упорную борьбу за общее дело, всегда есть немало лиц отсталых, проникнутых идеологией частного собственника, поработанных буржуазной моралью. В. И. Ленин писал: «В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть — и, пока существуют классы, пока полностью не укрепились, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно будут — представители класса не мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так»¹. Различные жизненные конфликты, экономические трудности и общие условия жизни в капиталистическом обществе могут толкать их на совершение преступлений. Процесс деклассирования мелкой буржуазии, частичное превращение безработных в люмпенпролетариев, воспитание в буржуазных семьях «золотой молодежи», бездельников, любящих широко пожить, создает различные формы опасной профессиональной преступности в буржуазном обществе.

Осуждение за совершение преступлений лиц, принадлежащих к эксплуататорским классам, — редкое явление в буржуазном обществе. Их преступления — мошенничества, подлоги, злостные банкротства, аферы, коварные корыстные убийства и т. п., порожденные конкуренцией внутри класса буржуазии, необузданной жадностью наживы, моральным разложением правящих классов, часто остаются вовсе безнаказанными. Маркс приводит следующую характеристику деятельности капитала: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение;

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 50.

¹ Vollmer, The Criminal, Booklyn, 1949, p. 90.

² Stephan Hurwitz, Criminology, 1952, London — Copenhagen, p. 50.

³ Ernst Seeling, Traité de Criminologie, 1956, p. 142.

⁴ Fritz Bauer, Das Verbrechen und die Gesellschaft, 1957, S. 31,

при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹. В картине преступности буржуазного общества находят свое отражение не только горе и нищета народных масс, но и аморальный облик буржуазии. Цифры уголовной статистики, разумеется, не отражают действительной картины преступности эксплуататорских классов. Граница между «законным» бизнесом буржуа и преступлением более чем условна. Громадные размеры всевозможных мошенничеств, не доходящих до суда, не поддаются учету. Об этом свидетельствуют многочисленные наблюдения. Вот, например, что писал об этом профессор Чикагского университета Сесерланд в книге «Принципы криминологии»: «Современные размеры мошенничества не могут быть охарактеризованы имеющейся статистикой. Инсул (известный миллионер-мошенник), после того, как он скрылся из Америки, чтобы избежать преследования за мошенничество и присвоение, говорил, что он не может понять, почему народ в США так ненавидел его — ведь он делал только то, что делают все деловые люди. Фальшивые балансы, которые официальные бухгалтеры могли бы заметить и раскрыть, дутые запродажи, при помощи которых мошеннически увеличивается ценность заложенного имущества; махинации с арендой платой со стороны продавцов недвижимого имущества с целью мошеннического повышения его цены; раздутые и вводящие в заблуждение уверения со стороны фабрикантов, торговцев и лиц, рекламирующих медицинские средства, зубную пасту, косметику и многие другие предметы; продажа банковскими дельцами их собственного обесцененного имущества, находящегося в залоге у банков, которыми они сами управляют, значительная часть современных объявлений о продажах — являются этим видом преступности». Автор показывает, далее, мошеннические проделки в страховых предприятиях, бесконечные махинации при платеже налогов, мошенничества буржуазных адвокатов, мошенничества церковных пасторов при расходовании капиталов церковью не по назначению. Автор говорит о бесконечном взятничестве, остающемся безнаказанным, о связи политических деятелей, суда и полиции с преступными организациями². Он мог бы рассказать о еще более тяжких преступлениях капиталистов, которые остаются безнаказанными в буржуазном обществе. Воротилы финансового капитала не останавливаются перед предательством национальных интересов страны в целях по-

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 764 (примечание).

² Sutherland, Principles of Criminologie, 1934.

лучения сверхприбылей или для борьбы с рабочим классом. Измена родине, шпионаж в пользу врага, коллаборационизм — эти преступления верхушки буржуазного общества с особой наглядностью проявились в ряде стран в период борьбы с фашистской агрессией.

Подлинными преступлениями, с точки зрения всего прогрессивного человечества, являются эксплуатация трудящихся масс кучкой капиталистов, подготовка и ведение агрессивных войн, военно-полицейский террор, расовая дискриминация, колониальный разбой империалистов — то, что буржуазный закон считает «правомерной деятельностью». Правильно указывал А. М. Горький: «По существу дела банкир разнится от бандита только тем, что бандитизм считается деянием уголовно наказуемым и преследуется законом, а банкиризм не только пользуется покровительством закона, но банкиры сами законодательствуют, т. е. создают законы, облегчающие труды банкиризма по ограблению населения»¹.

Процесс капиталистического воспроизводства есть вместе с тем процесс воспроизводства на более широкой основе капиталистических противоречий. Развитию капитализма внутренне присущи, с одной стороны, количественный рост пролетариата, ибо «накопление капитала есть увеличение пролетариата»², а с другой — производство относительного перенаселения, промышленной резервной армии, ибо «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»³. Законом капиталистического развития является абсолютное и относительное обнищание рабочего класса. Маркс в «Капитале» показал, что в капиталистическом обществе «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе»⁴. В эпоху империализма происходит усиление процесса обнищания рабочего класса.

Говоря о закономерности развития капитализма, новая Программа Коммунистической партии Советского Союза указывает: «Экономические законы его развития неизбежно приводят к образованию огромной армии безработных, постоянно пополняемой разоряющимися крестьянством и городской мелкой буржуазией. Непрерывно усиливается эксплуатация рабочего класса, всех трудящихся, растет общественное неравенство, увеличивается

¹ «Поэма в прозе» (неопубликованная статья М. Горького), «Литературная газета» 2 апреля 1949 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 675.

³ Там же, стр. 693.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 651.

расстояние между имущими и неимущими, растут страдания и бедствия миллионов»¹.

Развитие капитализма все время порождает условия, толкающие людей на совершение преступлений.

Справедливо будет сделать вывод, что и количественный рост преступности является тенденцией, внутренне присущей развитию капиталистического общества. В общем уголовная статистика всех капиталистических стран отмечает достаточно отчетливо это явление. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии», указывая на быстрое возрастание преступности в Англии с 1805 по 1842 год, в связи с развитием капитализма, писал, что «британская нация стала самой богатой преступниками нацией в мире. Из публикуемых ежегодно «таблиц преступности» министерства внутренних дел видно, что число преступлений возрастает в Англии с невероятной быстротой... За 37 лет число арестов возросло в семь раз»².

По вычислениям некоторых криминалистов, во Франции общая преступность за 50 лет — с 1825 по 1875 год — возросла на 133%. В Италии число донесений о преступлениях и проступках за 20 лет — с 1875 по 1895 год — увеличилось на 33%. В Австрии по ряду вычислений число осужденных на каждые 100 тыс. населения в 1870 году было 1510, а в 1906 году уже 2300. В Германии в 1882 году приходилось 996 осужденных на 100 тыс. населения, а в 1911 году их приходилось 1182. Аналогичная картина наблюдается и в ряде других капиталистических стран. Рост преступности обгоняет рост населения.

Та же картина наблюдалась и в дореволюционной России³. «Должно быть, есть что-то гнилое, — писал К. Маркс более 100 лет назад, — в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения»⁴.

Сильный скачок сделал рост преступности в эпоху империализма в связи с общим кризисом капитализма. В Англии число осужденных в 1924 году составляло 691 тыс., а в 1926 году их было 750 тыс. В Германии в 1927 году к уголовной ответственности привлекались 917 542 человека. Общее число лиц в возрасте уголовного совершеннолетия определялось там в 35 млн. Таким образом, из каждых 35 человек один привлекался к уголовной ответственности. После второй мировой войны рост преступности в капиталистических странах еще бо-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 8.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 362.

³ См. С. С. Остроумов, Преступность и ее причины в дореволюционной России.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 515.

лее усилился. Особенно быстро росла преступность в США. По свидетельству начальника федерального бюро расследований, сообщенному в 1945 году на 52 международном съезде начальников полиции, «беззаконие достигло фантастических масштабов». В октябре 1945 года в США количество серьезных преступлений увеличилось на 19% по сравнению с октябрём 1944 года; количество убийств — на 32%, хищений автомашин — на 38%, крупных краж — на 38%, грабежей — на 26%. О характере преступности в США могут дать некоторое представление следующие официальные данные, относящиеся к 1945 году. В этом году в США было совершено 11 тыс. убийств, около 12 тыс. изнасилований, до 60 тыс. вооруженных нападений, 54 тыс. грабежей и около 1 млн. 200 тыс. значительных краж. Особенно следует отметить рост количества убийств. По официальным данным в 1941 году было совершено 7562 убийства. В 1945 году было совершено по официальным данным 11 тыс. убийств. Сравнительно ничтожное число наиболее тяжелых преступлений в США доходит до суда, а еще меньшая часть их оканчивается осуждением виновных. Особенно бурно растет в США преступность молодежи. 21% всех арестов приходится на лиц в возрасте моложе 21 года. Из всех возрастных групп наибольшее количество арестов падает на возраст 17 лет. На возраст до 21 года падает 15% всех убийств, 30% всех краж, 51% всех грабежей, 62% всех похищений автомобилей. В 1945 году по сравнению с 1939 годом преступность несовершеннолетних женского пола возросла на 198%, несовершеннолетних мужского пола по убийствам — на 48%, изнасилованиям — на 70%. В 1946 году генеральный прокурор США опубликовал письмо президента Трумэна, в котором последний писал, что со времени вступления США в войну количество преступлений, совершенных молодежью, возросло на 350%. На дактилоскопические карточки в Федеральном бюро к этому времени были занесены отпечатки пальцев 6 млн. преступников, т. е. одного из каждых 13 человек населения США¹. За первые шесть месяцев 1947 года преступность в США возросла на 20% по сравнению с соответствующим периодом 1946 года. За полгода количество арестов мужчин увеличилось на 20,5%, женщин — на 15,7%. В 1947 году в США было зарегистрировано 1 665 110 случаев серьезных преступлений. В последние годы преступность в США еще более возросла.

Общее число зарегистрированных тяжелых преступлений с 1936 по 1953 год в США выросло с 1 433 812 до 2 159 080, т. е. на 52%; по сравнению с 1945 годом преступность в США в 1953 году возросла на 38%. В 1956 году было

¹ См. А. А. Герцензон, Преступность в капиталистических странах во время второй мировой войны, «Советское государство и право» 1948 г. № 1.

зарегистрировано 2 563 150 случаев совершения тяжких преступлений, что на 13,3% превышало количество преступлений, совершенных в 1955 году.

Накопление новых миллиардов долларов американскими банками и капиталистами сопровождается после войны ростом безработицы, нищеты трудящихся, дальнейшим моральным разложением и общим возрастанием преступности в стране. А. М. Горький свои наблюдения над жизнью США выразил следующими словами: «Банкиры рождают бандитов». Рост преступности в США в наши дни подтверждает справедливость этих слов.

В целом ряде других капиталистических стран преступность в послевоенные годы так же значительно возросла. В Японии число осужденных в 1953 году в два раза превысило число осужденных в 1945 году.

В Англии по сравнению с 1938 годом число преступлений в 1954 году (несмотря на некоторое сокращение непосредственно в послевоенные годы) повысилось на 53%, а среднегодовое количество заключенных возросло более чем в два раза¹.

Говоря об общем развитии преступности в буржуазном обществе, нельзя не отметить постоянного все возрастающего роста рецидива, особенно его наиболее опасной формы — профессиональной преступности различного рода деклассированных элементов.

Так, в Германии с 1882 по 1896 год при общем росте осужденных за совершение преступлений на 38,5% число уже один раз ранее судившихся выросло на 85%, судившихся от двух до пяти раз — на 193%, судившихся шесть и более раз — на 277%.

Этот процесс роста рецидива и профессиональной преступности продолжался и в XX столетии, особенно в период общего кризиса капитализма. В Бельгии почти удвоилось количество рецидивистов в период с 1945 по 1953 год. Особо зловещий характер приобрела организованная преступность в США.

Большую роль в хозяйстве, общественно-политической жизни и в повседневном быту США играют преступные организации различного рода гангстеров². Они построены по типу хорошо организованных трестов с громадными капиталами и большим аппаратом громил, убийц, шантажистов и вымогателей,

¹ «Introduction au droit criminel de l'Angleterre», p. 252.

² См. Б. С. Никифоров, Организованная преступность в США на службе монополий, М., 1954; «Организованная преступность в Соединенных Штатах Америки. Сборник материалов, опубликованных в США», М., 1953; В. Минаев, Американская плутократия и гангстеризм, «Большевик» 1948 г. № 24; А. А. Герцензон, Преступность в США (стенограмма лекции), М., 1948; его же, Преступность в странах империализма, М., 1957; А. И. Денисов, Б. Е. Гусев, Преступность в обществе всеобщего благоденствия, «Советское государство и право» 1960 г. № 7.

которые своими щупальцами проникают во все поры жизни США. На содержании у этих организаций нередко находятся местная прокуратура, суд, полиция и многие политические деятели. Банды гангстеров безнаказанно орудуют под носом полиции, но зато оказывают ей «услуги» в терроризировании рабочих и расправе с прогрессивно мыслящими людьми. Это ни для кого не является секретом. Об этом открыто пишут в газетах, ученых трактатах, а иногда и в отчетах конгресса. Цитированный уже нами американский профессор Сезерланд в «Принципах криминологии» писал: «Современные органы по применению закона действуют заодно с преступными организациями, ибо они находятся под контролем политиков, которые или являются преступниками в обычном смысле этого слова и взяточниками и взяточдателями, или имеют дружественные связи с преступными организациями на основе совместного участия в их деятельности». Эти преступные организации извлекают сотни миллионов прибыли из торговли «живым товаром», содержания публичных домов и различных притонов, из торговли запрещенными наркотиками. В период действия в США «сухого закона», запрещавшего продажу спиртных напитков, быстро выросла громадная преступная организация по контрабанде и продаже алкоголя. Главарь этой банды «знаменитый» бандит-миллионер Аль-Капоне имел собственный флот, аэропланы, автомобильный парк, дома, виллы, громадные вклады на текущих счетах. Шайка Аль-Капоне открыто занималась не только контрабандой и организованной продажей по всей стране алкоголя, но и вымогательством, подкупом должностных лиц, убийствами тех, кто мог разоблачить ее преступные махинации. Весь личный состав полиции по борьбе с продажей алкоголя находился на содержании бандитов. По официальным данным из 17 972 лиц, состоявших в разное время в рядах этой полиции, 13 588 были уличены во взяточничестве. Попытки привлечь Аль-Капоне к ответственности неизменно оканчивались провалом. Когда центральное правительство решило прекратить этот явный публичный скандал и поддержать сомнительный престиж продажной «законности», то ему удалось привлечь обнаглевшего бандита лишь за уклонение от уплаты налогов со своих преступных «доходов».

Особой формой преступных организаций США является рекетирство. Под этим понимают систематические вымогательства с легальных или нелегальных, больших или малых торговых, ремесленных и промышленных предприятий под угрозой расправы с их владельцами или причинения им того или иного имущественного ущерба. Рекетиры собирают громадную дань с населения США. Свои взносы рекетиром промышленники и торговцы перелагают, разумеется, на потребителей. По приблизительным подсчетам некоторых американских криминалистов

Причины преступности в СССР

доходы рекетиров и других гангстеров определяются в 12—18 млрд. долларов. Доходы преступных организаций пожирают значительную часть национального дохода всей страны. Этим объясняется громадное влияние преступных организаций на всю экономическую и общественно-политическую жизнь США.

Американские преступные организации являются в руках монополистического капитала мощным дополнительным аппаратом эксплуатации и терроризирования широких народных масс. Полиция и крупные предприниматели в своей борьбе с рабочим классом нередко прибегают к услугам профессиональных преступников. Исследователь преступности в США Генри Родс на основе многочисленных фактов приходит в книге «Преступники — каких мы заслуживаем», к выводу, что «очень трудно установить границу между уголовным преступлением, бизнесом и политической деятельностью». Преступные организации проводят своих людей на должности губернаторов и членов верховных судов отдельных штатов.

Пышные фразы идеологов буржуазной демократии о том, что суд является бескорыстным и непоколебимым стражем «личной свободы», звучат в стране «долларовой демократии» как едкая насмешка над действительностью.

Моральное разложение господствующих классов в капиталистическом мире находит свое отражение и в моральной деградации буржуазного искусства, литературы и кино. Одним из последних слов растленной буржуазной «культуры» является культ преступника «бандита, вора, убийцы и шантажиста». Литература и кино становятся орудием деморализации народа и в первую очередь подрастающего поколения. Преступность несовершеннолетних в США растет особо бурно. Согласно данным доклада подкомитета по изучению преступности несовершеннолетних в США численность населения в возрасте от 10 до 17 лет за 1949—1957 гг. выросла на 25%, а преступность несовершеннолетних в тот же период выросла более чем в два с половиной раза. Согласно данным официальной статистики за период с 1954 по 1958 год число арестованных за совершенные преступления в среднем за год возросло для лиц старше 18 лет на 1%, а для лиц в возрасте моложе 18 лет — на 10%. Особенно велико участие молодежи в совершении наиболее серьезных преступлений. Так, в 1958 году из общего числа арестованных лиц до 18 лет было 12,1%, в числе арестованных за кражи автомобилей их было 64,1%, за кражи со взломом — 42,2%, за воровство — 48,5%, за укрывательство похищенного — 30,9%, за ограбление — 22,8%, за изнасилование — 18,5%.

Картина преступности в США — свидетельство глубочайшего гниения и морального разложения буржуазного общества в период общего кризиса капитализма.

Социалистическая революция, уничтожая эксплуатацию человека человеком, создает реальные условия для успешной борьбы с преступностью.

В. И. Ленин в работе «Государство и революция» указывал на неизбежность отмирания преступности в будущем в процессе строительства коммунистического общества. Отметив, что коренная социальная причина преступности («нарушения правил общежития») есть эксплуатация масс, Ленин писал: «С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство»².

О заметном сокращении преступности в нашей стране в связи с упрочением советского общественного и государственного строя, повышением благосостояния и культурного уровня населения, ростом сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга специально говорит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. об амнистии.

Серьезные успехи достигнуты у нас в борьбе за ликвидацию детской преступности. Число осужденных несовершеннолетних по сравнению с довоенным временем сократилось у нас в пять раз. Удельный вес молодежи в возрасте до 18 лет составил к общему числу осужденных в 1946 году — 11,7%, в 1954—5,8%, в 1955—5,6%, в 1958—5,3%, в 1959—3,3%³.

Н. С. Хрущев в беседе 14 ноября 1957 г. с корреспондентом американского агентства «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро отметил сокращение преступности в нашей стране.

¹ А. А. Герцензон, Об изучении и предупреждении преступности, «Советское государство и право» 1960 г. № 7; П. И. Гришаев, Понятие преступления, Причины преступности; А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961. А. А. Пионтковский, К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с ней, «Советское государство и право» 1959 г. № 3; М. А. Шнейдер, Советское уголовное право; Rolf Schüsseler, Die Rechtsverletzungen im sozialistischen Staat und ihre Bekämpfung, 1958.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 436.

³ См. Л. Смирнов, Второй конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с преступниками, «Социалистическая законность» 1961 г. № 1, стр. 50.

Тем не менее преступность и теперь является у нас серьезным антиобщественным явлением, наносящим существенный ущерб государственным и общественным интересам, правам и интересам граждан.

Чтобы правильно разобраться в вопросе о причинах преступности в СССР, следует подойти к нему исторически. Необходимо рассмотреть причины преступности в период перехода от капитализма к социализму, с одной стороны, и причины преступности в условиях перехода от социализма к коммунизму — с другой.

Обращаясь к рассмотрению причин преступности первого периода, необходимо указать на ее два основных источника: 1) сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, поддержанное всей международной буржуазией, 2) сопротивление стихии мелкобуржуазной анархичности, буржуазных привычек и навыков, которым были подвержены еще достаточно широкие слои трудящихся. Это сопротивление приняло особо острые формы в обстановке хозяйственной разрухи, наступившей в результате первой империалистической войны, последующей иностранной интервенции и гражданской войны.

Сопротивлению свергнутых эксплуататорских классов в СССР способствовало то, что наша страна первая вступила на путь социалистического развития и свергнутые эксплуататорские классы пользовались поддержкой всей международной буржуазии в борьбе против Советской власти.

Ожесточенное контрреволюционное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов выражалось в организации заговоров и мятежей, саботажа и вредительства, террористических актов и диверсий, в антисоветской клеветнической пропаганде и агитации, провокациях, шпионаже и измене.

В тот период, когда в области экономики в нашей стране решался исторический вопрос «кто кого», это сопротивление выражалось не только в форме совершения контрреволюционных преступлений, но и различного рода злоупотреблений, направленных на преодоление тех ограничений развития капитализма, которые ставились Советской властью: невыполнение обязательств, взятых представителями частного капитала по договорам с государственными или общественными учреждениями или предприятиями, различные формы спекуляции, мошеннические операции в отношении использования государственных кредитов для развития частных предприятий, наконец, непосредственное расхищение социалистической собственности.

Причиной многих преступлений в этот период были пережитки прошлого, буржуазные привычки и навыки в сознании трудящихся. Следует иметь в виду, что в переходный от капи-

тализма к социализму период преступность, порожденная пережитками прошлого в сознании людей, имеет еще свои корни в характере производственных отношений: в многоукладности народного хозяйства, в борьбе частного капиталистического сектора против социалистического, в большом значении, которое имеет в экономике страны простое товарное производство крестьян-единоличников, стихийно порождающее и капитализм, и буржуазные привычки и навыки. Борьба с подобными рода преступлениями выступала в этот период как борьба против разложения, недисциплинированности, распущенности, хаоса, как борьба за создание новой общественной дисциплины.

«Пока буржуазия не свергнута и затем пока не исчезло совершенно мелкое хозяйство и мелкое товарное производство, до тех пор буржуазная обстановка, собственнические привычки, мещанские традиции будут портить пролетарскую работу как извне, так и изнутри рабочего движения, не в одной только сфере деятельности, парламентской, а неизбежно во всех и всяческих областях общественной деятельности, на всех, без исключения, культурных и политических поприщах»¹. Борьбу за новую общественную дисциплину, против всех и всяческих проявлений стихии мелкобуржуазной анархичности и недисциплинированности В. И. Ленин рассматривал как особую форму классовой борьбы.

Успехи социалистического строительства, повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, сокращение, а затем и полная ликвидация безработицы, все большее вовлечение крестьянских масс в социалистическое строительство в деревне явились решающими обстоятельствами, которые обусловили снижение преступности уже в условиях переходного периода от капитализма к социализму. Эту общую тенденцию к понижению преступности можно проследить на цифровых данных о количестве возникших уголовных дел за вторую пятилетку существования Советской власти.

Годы	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Число преступлений (в относительных цифрах)	100	64	80	80	72	72 ²

Следует иметь в виду, что в 1927 году еще существовала безработица (так, на первое апреля 1928 года в стране было 1 млн. 576 тыс. безработных). Она была полностью ликвидирована в СССР лишь в последнем квартале 1930 года³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 96.

² См. «Итоги Советской власти за 10 лет», изд. ЦСУ, 1927, стр. 111.

³ См. «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах», М., 1957, стр. 247.

Общая тенденция к снижению преступности уже в переходный период от капитализма к социализму не исключала того, что в силу тех или иных конкретно-исторических обстоятельств возможно было временное возрастание количества отдельных видов преступлений.

Сокращение преступности можно наблюдать и в странах народной демократии. В декабре 1955 года на IV съезде польских юристов Савицкий указывал на значительное сокращение преступлений против жизни (в 1948 году они составляли 8% всех преступлений, а в 1954 — лишь 4%), против собственности отдельных граждан (за период с 1949 по 1954 год число их сократилось на одну треть). Значительное место в общей преступности все еще занимают посягательства на здоровье и достоинство граждан и хулиганство.

При общих благоприятных тенденциях к сокращению преступности докладчик отметил рост посягательств против социалистической собственности¹.

Значительные успехи во всех областях социалистического строительства в Германской Демократической Республике привели к заметному сокращению преступности за последнее десятилетие. Об этом свидетельствуют следующие цифры:

Годы	Абсолютные цифры	Относительные цифры	На 100 тыс. лиц в возрасте, в котором возможно привлечение к уголовной ответственности
1949	106 449	100	772
1950	77 842	73	569
1951	87 107	82	644
1952	81 188	79	620
1953	76 315	72	561
1954	67 911	64	500
1955	62 058	68	459
1956	50 747	48	377
1957	61 995	58	467

Несмотря на некоторое увеличение числа осужденных в 1957 году по сравнению с предыдущим годом, все же общая тенденция к сокращению преступности за эти годы неоспорима².

В условиях перехода от социализма к коммунизму объективно создаются все более и более благоприятные условия для успешной борьбы с преступностью. Социализм безраздельно господствует в нашей экономике, уничтожена эксплуатация че-

¹ См. J. Renneberg, Aktuelle Probleme des Strafrechts in der Volksrepublik Polen, «Staat und Recht», 1956, № 3, S. 396—397.

² См. H. H. Harland, Der gegenwärtige Stand des Kriminalität in der DDR, «Neue Justiz», 1958, № 12, S. 401.

ловека человеком, отсутствует безработица, производственные отношения в нашем обществе носят характер товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, уничтожены классовые антагонистические противоречия, неуклонно поднимается материальный и культурный уровень широких народных масс. Совершенно очевидно, что построение социализма означает ликвидацию основных корней, питающих преступность. Поступательному развитию социалистического общества внутренне присуща общая тенденция к отмиранию преступности. Поэтому в период постепенного перехода от социализма к коммунизму и создаются невиданные до сих пор возможности успешной борьбы с преступностью. Но они могут быть превращены в действительность лишь в результате коллективных сознательных усилий советских людей. Субъективному фактору — нашему умению и организованности — принадлежит громадная роль в осуществлении процесса ликвидации преступности в нашей стране.

У нас ликвидированы эксплуататорские классы. Это значит, что внутри страны нет теперь социальной базы для особо опасных государственных преступлений. Острота классовой борьбы перенесена на внешние отношения социалистических государств с лагерем империализма.

В основном особо опасные государственные преступления являются деятельностью агентуры империалистического лагеря, который нередко вербует для этого оказавшихся за пределами нашей Родины «перемещенных лиц». Разведка империалистических государств использует в своих преступных целях и отдельных морально-разложившихся лиц, буржуазных перебежцев из среды населения нашей страны. Н. С. Хрущев в докладе XXI съезду партии подчеркивал, что «наши враги затрачивают огромные средства на подрывную работу против социалистических стран»¹.

Бдительность советских людей в отношении происков вражеской агентуры помогает органам государственной безопасности успешно пресекать ее преступную деятельность.

Большинство преступлений в наших условиях совершается под влиянием пережитков прошлого в сознании людей. Поведение человека определяется не только потребностями, но и характером сознания и связанной с ним направленностью воли. Это относится как к действиям правомерным, так и действиям преступным. Мотивы, цели и воля лица, совершающего преступление, непосредственно связаны с его моральным воззрением и представлениями, противоречащими социалистическим моральным и правовым воззрениям и представлениям. Эти мотивы антиобщественного поведения выражают взгляды и мо-

¹ «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза», стенографический отчет, т. 1, М., Госполитиздат, 1959, стр. 105.

ральные воззрения и представления, сложившиеся и получившие широкое распространение в эксплуататорском обществе, поэтому их с полным основанием можно рассматривать как пережитки прошлого.

Борьба с пережитками приобретает особое значение в период развернутого строительства коммунистического общества. Осуществление грандиозных планов по строительству коммунизма требует усиления борьбы за коммунистическую сознательность советских людей в духе соблюдения высоких принципов морали нового общества, преодоления пережитков капитализма в их сознании. Поэтому Программа КПСС уделила большое внимание проблеме коммунистического воспитания трудящихся и особенно подрастающего поколения.

Наличие еще у определенных кругов трудящихся социалистического общества моральных воззрений и представлений, свойственных эксплуататорскому обществу, выражает отставание общественного сознания от общественного бытия. Для того чтобы уменьшить и окончательно ликвидировать этот разрыв, громадное значение имеет улучшение организации всей культурно-воспитательной работы. Несомненно, что в тех селениях, рабочих поселках и городах, где широкая сеть культурно-воспитательных учреждений (клубов, спортивных площадок, библиотек, кино, театров, курсов по усовершенствованию профессиональных знаний и т. п.) занимает досуг молодежи, там выше ее сознательность и дисциплинированность на работе и в быту. Там же, где нет необходимой заботы о широком культурном обслуживании молодежи, создается благоприятная почва для алкоголизма, недисциплинированности, хулиганства. Однако было бы ошибочным всю проблему причин преступности в СССР сводить исключительно к ряду недочетов в организации культурно-воспитательной работы в широком смысле этого слова.

При всей важности усиления культурно-воспитательной работы для борьбы с пережитками прошлого нельзя упускать из виду и тех реально существующих условий, которые делают живучими эти пережитки.

Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии отметил: «Борьба с пережитками капитализма в сознании людей, изменение выработанных веками навыков и нравов миллионов людей, начатое нашей революцией, — дело длительное и не простое. Пережитки прошлого — страшная сила, которая, как кошмар, довлечет над умами живущих. Они коренятся в быту и в сознании миллионов людей еще долго после того, как исчезают породившие их экономические условия»¹.

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Госполитиздат, 1961, стр. 133.

Живучесть пережитков прошлого в сознании части советских людей определяется внешними и внутренними условиями. Внешними условиями является существование лагеря империализма, который пытается различными путями оказать идеологическое разлагающее воздействие на сознание советских людей и поддержать пережитки буржуазных взглядов и буржуазной морали. Сбрасывать со счетов возможность этого влияния было бы по меньшей мере близорукостью. «Нельзя также забывать, что преодоление пережитков капитализма в сознании людей, воспитание нового человека происходит в обстановке ожесточенной идеологической борьбы между миром социализма и миром капитализма. Идеологи империализма делают все для того, чтобы поддерживать и оживлять буржуазные нравы и предвзятости в сознании советских людей, чтобы затормозить наше движение к коммунизму»¹.

При рассмотрении внутренних условий, поддерживающих пережитки прошлого в сознании части советских людей, необходимо иметь в виду следующее.

Противоречие между растущими потребностями членов социалистического общества и материальными средствами их удовлетворения является одним из тех неантагонистических противоречий при социализме, которое преодолевается в процессе общественного развития. Целью социалистического производства является максимальное удовлетворение восторонних и непрерывно растущих потребностей членов социалистического общества. Однако при настоящем развитии производительных сил мы еще не можем в полной мере удовлетворить, особенно в связи с быстро протекавшим процессом перераспределения населения между сельскими местностями и городом, возросшие потребности населения в жилище и в предметах потребления.

Несмотря на громадные и все возрастающие темпы социалистического строительства, потребуется не менее 10 лет для ликвидации все еще острой нужды в жилой площади в городах. Новая Программа КПСС ставит задачу обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма. Уже в ближайшие десять лет, создавая материально-техническую базу коммунизма, Советский Союз превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США, значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток, СССР станет страной самого короткого рабочего дня.

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Госполитиздат, 1961, стр. 134.

Уровень развития производительных сил в условиях перехода от социализма к коммунизму требует еще осуществления строгого контроля за мерой труда и мерой потребления.

К. Маркс в «Критике Готской программы» указывал, что социализм, как низшая фаза коммунистического общества «во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹.

Поскольку уровень развития производительных сил не позволяет осуществить распределение предметов потребления по потребностям, а сам труд не стал еще первой жизненной потребностью всех без исключения членов социалистического общества, то возможны отдельные случаи уклонения от контроля и за мерой труда, и за мерой потребления. Противоречие между индивидуальными потребностями и средствами к их удовлетворению, находящимися в распоряжении отдельных лиц, могут служить побудительной причиной корыстных преступлений. Неантагонистическое по своей природе противоречие между потребностями населения в материальных предметах потребления и средствами к их удовлетворению может при наличии тех или иных экономических трудностей, неполадок снабжения и т. д. явиться источником, оживляющим пережитки прошлого, и породить антиобщественные мотивы поведения отдельных граждан социалистического общества.

Достаточно указать, что острый недостаток тех или иных предметов потребления, например в годы Великой Отечественной войны, являлся благоприятной почвой, на которой развивалась спекуляция. Возможность полного удовлетворения потребности населения в недостающих продуктах делает спекуляцию беспредметной, влечет за собой ее полное исчезновение.

Недостаток жилища при быстром росте городов (за годы Советской власти население городов и рабочих поселков увеличилось более чем в три с половиной раза), при громадном разращении жилищного фонда во время войны, при невозможности выделять значительные средства на жилищное строительство в предвоенные годы привел к скученности населения, что является основой для столкновений на почве различного рода бытовых взаимоотношений, порождающих в ряде случаев преступления против личности.

Серьезным источником ряда преступлений являются некоторые пережитки прошлого, сохранившиеся не только в сознании, но и в самом быту советских людей. В этом отношении особую пагубную роль играет алкоголизм².

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 13.

² См. Г. А. Мендельсон и Ю. М. Ткачевский, Алкоголизм и преступность, М., 1959.

Алкоголизм занимает одно из важных мест среди причин совершения таких преступлений, как убийства, телесные повреждения, изнасилования, побои, оскорбления и другие преступления против личности, а также хулиганство, нарушения дисциплины на транспорте, влекущие тяжелые последствия. Он является в ряде случаев непосредственной причиной многих хищений. О роли алкоголизма в развитии преступности красноречиво говорят следующие факты. Среди осужденных всегда имеется значительный процент лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Так, приблизительно 70—80% осужденных за умышленное убийство по различным мотивам совершили преступления в той или иной степени опьянения.

По некоторым предварительным данным среди лиц, осужденных за хулиганство, совершивших преступления в состоянии опьянения было 90—95%.

Алкоголизм является одним из тяжких наследий прошлого, он деморализует трудящихся, разрушает советскую семью, наносит непоправимый вред здоровью, является основной причиной многих тяжких преступлений. Поэтому успешность борьбы с преступностью в нашей стране во многом зависит от активной борьбы с алкоголизмом.

Все сказанное о живучести пережитков прошлого в сознании некоторой части советских людей как основной причине большинства преступлений, совершаемых в настоящее время в нашей стране, не может поколебать того факта, что социалистическое общество, уничтожив эксплуатацию человека человеком, создало все возможности для успешной борьбы с преступностью. Но если и сейчас, несмотря на значительное снижение, преступность представляет еще серьезное антиобщественное явление, то это в значительной мере находит свое объяснение в том, что мы недостаточно использовали возможности, заключенные в нашем строе, для борьбы с преступностью, слишком терпимо относились к таким отрицательным общественным явлениям, как пьянство, не уделяли должного внимания предупреждению преступности, недостаточно вовлекали до недавнего времени в борьбу за это широкие круги советской общественности. Эти упущения сами являлись одной из причин преступности в нашей стране. Поэтому проблема причин преступности в СССР тесным образом связана с вопросом о мерах предупреждения преступлений.

Следует различать два вида мер социального предупреждения преступлений в нашем обществе: общие и специальные. Общие меры социального предупреждения выражаются в осуществлении дальнейшей программы социалистического строительства, направленной на поднятие материального и культур-

ного уровня широких народных масс, улучшение жилищных условий, повышение заработной платы низкооплачиваемым категориям трудящихся, сокращение продолжительности рабочего времени. Осуществление грандиозного плана коммунистического строительства, намеченного контрольными цифрами развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг., создает благоприятные условия для еще более успешной борьбы за ликвидацию преступности в нашей стране.

Специальными мерами общественного предупреждения преступлений можно назвать те, которые непосредственно предназначаются для предупреждения преступлений.

В связи с этим следует особо остановиться на мерах по предупреждению хищений социалистической собственности, преступлений против личности, преступности молодежи и рецидива преступности.

Изучение судебной практики по делам о хищениях социалистической собственности показывает, что хищения нередко крайне облегчаются порочной организацией учета и плохой охраной денежных и иных материальных ценностей, невниманием к подбору кадров, в распоряжении которых находятся эти ценности, отсутствием повседневного контроля государственных и общественных организаций за расходованием средств, за состоянием учета, отпуском товаров и т. д.

Наши суды до недавнего времени крайне редко выносили частные определения, направленные на усиление охраны социалистической собственности в том или ином предприятии или учреждении и устранение тех условий, которые способствовали совершению хищений. Задача изучения следственной и судебной практики по делам о хищении социалистической собственности заключается в разработке конкретных мероприятий по предупреждению этих преступлений.

Привлечение советской общественности к борьбе за проведение широких мероприятий по охране социалистической собственности и предупреждению хищений должно сберечь многие миллионы государственных и общественных средств. В статье директора Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы В. Колмакова «Заглянем в бухгалтерию»¹ были приведены многочисленные факты, когда различного рода жулики использовали отсутствие необходимого контроля за расходованием денег и иных материальных ценностей для расхищения государственного и общественного имущества на огромные суммы. Соответствующие государственные органы, опираясь на широкий актив советской общественности, могут и обязаны провести необходимые мероприятия по предупреждению хищений государственного и общественного имущества, что бу-

дет иметь громадное значение для охраны социалистической собственности. Наше новое уголовно-процессуальное законодательство (ст. 21 УПК РСФСР 1960 г.) возлагает на органы дознания, следователя, прокурора и суд обязанность выявлять причины и условия совершения преступления и принимать меры к их устранению. Это прежде всего должно быть осуществлено в борьбе с хищениями социалистической собственности.

Для предупреждения преступлений против личности, хулиганства, нарушений трудовой дисциплины на автотранспорте и ряда других исключительное значение имеет организованная и последовательная борьба с алкоголизмом. На XIII съезде комсомола Н. С. Хрущев призвал молодежь решительно бороться с пьянством: «У нашей молодежи, — сказал он, — ясная цель. Она не страдает от безработицы, эксплуатации, и незачем молодому человеку затуманивать свой мозг алкоголем. Поэтому партия призывает комсомол, молодежь бороться с явлениями пьянства в своей среде. Комсомольцы должны служить лучшим примером для всей молодежи как в труде, так и в быту.

Большую работу может провести комсомол с таким злом, как самогонварение, которое способствует распространению пьянства»¹.

Злоупотребление алкоголем имеет значительное распространение не только среди молодежи, но и среди трудящихся более зрелого возраста. Поэтому успешность борьбы со многими преступлениями зависит от организованной и глубоко продуманной системы борьбы с алкоголизмом. Наряду с вовлечением советской общественности в борьбу с алкоголизмом необходимо провести также ряд государственных мероприятий в этом отношении. Мы не предлагаем ввести «сухой закон», так как это не привело бы к желаемым результатам. Но целый ряд мер по ограничению потребления алкогольных напитков провести можно и необходимо. Например, запрещение продажи спиртных напитков в праздничные и предпраздничные дни, а также в дни получения заработной платы большинством трудящихся, несомненно, благоприятно повлияло бы на борьбу с хулиганством и рядом преступлений против личности. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 декабря 1958 г. о дальнейших мерах по борьбе с пьянством² послужило основанием для целой серии мероприятий по борьбе с алкоголизмом, как-то: сокращена сеть пивных и увеличено число кафе и закусочных, усилена антиалкогольная пропаганда, организованы лечебные учреждения по борьбе с привычными алкоголиками, введена административная ответственность за появление на улице и в других

¹ См. «Известия» 25 января 1957 г.

¹ «Правда» 19 апреля 1958 г.

² См. «Справочник партийного работника», вып. II, 1959, стр. 404—408.

общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, и т. д.

Н. С. Хрущев в беседе с колхозниками села Калиновки специально подчеркнул, что «мы должны объявить пьянству самую суровую борьбу и положить конец этому злу»¹. К делу борьбы с алкоголизмом должно быть привлечено самое широкое внимание всей советской общественности, всех трудящихся. Следует принять решительные меры по ограничению продажи алкогольных напитков молодежи.

Для борьбы за ликвидацию преступности несовершеннолетних необходимо привлечь общественные организации трудящихся, следует в различных формах усилить надзор за несовершеннолетними, которые оказываются слишком рано предоставленными самим себе в результате занятости на производстве обоих родителей. Наряду с этим должна быть установлена более реальная ответственность родителей за воспитание своих детей.

Большая роль в общих мероприятиях по борьбе с преступностью должна быть отведена предупреждению рецидива. До недавнего времени ни теория советского уголовного права, ни наше законодательство не уделяли должного внимания этому вопросу. Однако у нас еще имеются преступники-рецидивисты. Закрывать на это глаза — значило бы обезоруживать себя в борьбе с крайне опасными формами преступной деятельности и не использовать тех возможностей, которые имеются в нашем распоряжении для борьбы с ними. Опытные преступники-рецидивисты представляют большую опасность не только сами по себе, но и потому, что оказывают растлевающее влияние на неустойчивую часть молодежи, стремясь увлечь ее на преступный путь.

Принятые Верховным Советом СССР в декабре 1958 года Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик положили конец какой-либо недооценке значения борьбы с рецидивистами. Основы предусматривают назначение для особо опасных рецидивистов наказания сроком до 15 лет лишения свободы, позволяют применять к ним заключение в тюрьме на весь срок наказания или на его часть и не допускать условно-досрочного их освобождения.

Улучшение постановки исправительно-трудового дела, принятие всех необходимых мер для вовлечения в нормальную трудовую жизнь лиц, освобожденных после отбытия наказания, устранение ненужных правоограничений, препятствующих им начать новую, честную жизнь, должны содействовать предупреждению рецидива. Как указывает новая Программа КПСС, в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колени человек может вернуться к полезной деятельности.

¹ См. «Правда» 17 октября 1958 г.

Вместе с тем следует с большой осмотрительностью направлять в места лишения свободы лиц, не представляющих серьезной опасности для общества. Это надо иметь в виду в первую очередь при совершении преступлений молодежью или при наличии обстоятельств, свидетельствующих о случайном характере совершенного деяния. В этих случаях необходимо более широко применять условное осуждение.

Пленум Верховного Суда СССР указал судам на необходимость особо заботиться о том, чтобы избранная мера наказания соответствовала тяжести совершенного преступления, исходила из учета личности осужденного, была целесообразной¹. Применяя к виновным в совершении тяжких преступлений, а также к особо опасным рецидивистам строгие меры наказания, суды должны вместе с тем лицам, не представляющим большой опасности и способным встать на путь исправления без изоляции их от общества, назначать меры наказания, не связанные с лишением свободы. При рассмотрении дел о несовершеннолетних суды должны специально обсуждать вопрос о возможности исправления виновного без назначения уголовного наказания и применять в необходимых случаях принудительные меры воспитательного характера.

Борьба с преступностью в условиях развернутого строительства коммунистического общества не может означать ничего иного, как борьбу за полную ликвидацию преступности в нашей стране.

В. И. Ленин в работе «Государство и революция» писал: «...избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно привыкнув к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»².

Программа КПСС ставит своей задачей ликвидацию преступности и устранение причин, ее порождающих. Необходима повседневная и глубоко продуманная борьба Советского государства и общественных организаций трудящихся за ликвидацию преступности в нашей стране. Без изучения причин преступности эта борьба не может быть столь эффективной, как это было бы желательно.

Нельзя умалять значения непосредственной борьбы с преступностью путем применения к лицам, совершившим преступ-

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами мер уголовного наказания» от 19 июня 1959 г., «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 4, стр. 5.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 434.

ление, наказания по суду. В этом отношении большое значение имеет повышение качества следственной работы. Известно, что сила общепредупредительного действия наказания заключается не в его суровости, а в его неизбежности.

Необходимо добиться, чтобы ни одно преступление не осталось не раскрытым и чтобы ни одно виновное лицо не могло уклониться от ответственности.

Особое значение в соответствии с требованиями новой Программы КПСС приобретает разработка системы мер по профилактике преступлений. Изучение следственной и судебной практики под углом зрения причин совершения преступлений и условий, облегчивших их совершение, много может дать для разработки конкретных мер по предупреждению преступлений.

Мы должны активно использовать все реальные возможности по борьбе с общественно опасными деяниями. Борьба за ликвидацию преступности является не только делом государственных органов, но и делом всей советской общественности. Существенную роль в этом отношении должны сыграть товарищеские суды, коллективы трудящихся, берущие на поруки и перевоспитание отдельных правонарушителей, и бригады трудящихся по охране общественного порядка. Пленум Верховного Суда СССР постановил обратить специальное внимание судов на необходимость установления тесной связи суда с общественными организациями трудящихся. Суды должны разъяснять им законодательство, направленное на борьбу с преступностью, а также рассматривать дела, имеющие общественное значение, с участием общественных обвинителей и общественных защитников¹.

Новая Программа КПСС с полным основанием указывает: «Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания»².

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами мер уголовного наказания» от 19 июня 1959 г., «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 4, стр. 5.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 106.

Глава IV

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Понятие состава преступления в советском уголовном праве¹

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в ст. 3 определяют: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Указанная статья Основ воспроизводится кодексами союзных республик (например, ст. 3 УК РСФСР 1960 г.). Это значит, что для привлечения к уголовной ответственности и признания лица виновным по советскому уголовному праву необходимо установить, что в совершенных им действиях имеется состав определенного преступления.

¹ Я. М. Браинин, Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве, «Юридический сборник», № 4, изд. Киевского университета, 1950; его же, К вопросу о составе преступления как основании уголовной ответственности по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1954 г. № 7; М. А. Гельфер, Состав преступления, М., 1960; В. И. Курляндский, Некоторые вопросы учения о составе преступления в теории советского уголовного права, «Советское государство и право» 1951 г. № 11; А. А. Пионтовский, Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления, «Советское государство и право» 1954 г. № 6; его же, Основание уголовной ответственности, «Совет-

Установление в действиях лица определенного состава преступления является по советскому праву единственным основанием уголовной ответственности этого лица. Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению во всякой стадии процесса, если в деянии отсутствует состав преступления (п. 2 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., п. 2 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.). Это является основой осуществления социалистической законности в работе органов суда и прокуратуры.

Совершение деяния, соответствующего признакам какого-либо состава преступления, указанного в уголовном законе, является юридическим фактом, порождающим определенное правоотношение между виновником преступления и Советским государством в лице его соответствующих органов власти — следствия, прокуратуры и суда¹. Уголовный закон не только определяет объем карательных прав органов государства в отношении виновного, но и права и обязанности последнего при назначении наказания и в процессе его применения. Суд не имеет права назначить наказание выше того предела карательной санкции, который установлен в уголовном законе, предусматривающем соответствующий состав преступления. Он может, учитывая исключительные обстоятельства дела и личность виновного, назначить осужденному наказание ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом за данное преступ-

ское государство и право» 1959 г. № 11; К. Полак, Учение о составе преступления в буржуазной уголовноправовой литературе, «Советское государство и право» 1940 г. № 12; А. И. Санталов, Состав преступления и некоторые вопросы общей части уголовного права, «Правоведение» 1960 г. № 1; А. Б. Сахаров, К вопросу о понятии состава преступления, «Советское государство и право» 1952 г. № 7; А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957; его же, Понятие преступления и состав преступления, «Советское государство и право» 1955 г. № 7; Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, Состав преступления как основание уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1954 г. № 5; В. М. Чхиквадзе, Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве, «Советское государство и право» 1955 г. № 4; М. А. Шнейдер, Учебно-методическое пособие для студентов ВЮЗИ по изучению Общей части советского уголовного права, М., 1957, тема 4.

¹ О правоотношении в области уголовного права см. А. А. Пионтковский, Некоторые вопросы общей теории государства и права, «Советское государство и право» 1956 г. № 1; Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, изд-во МГУ, 1956, стр. 248 и сл.; А. А. Ривлин, Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях, «Правоведение» 1959 г. № 2; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 45—50. Вопрос о правоотношении в области уголовного права должен быть специально освещен в первом томе курса Общей части при рассмотрении предмета теории советского уголовного права.

ление, или перейти к другому, более мягкому виду наказания, обязательно указав при этом в приговоре мотивы такого смягчения (ст. 37 Основ уголовного законодательства; ст. 43 УК РСФСР 1960 г.). По общему правилу суд назначает виновному наказание лишь в рамках карательной санкции уголовного закона, связанной с определенным составом преступления, учитывая при этом характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

Состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности, но, разумеется, его установление в действиях лица еще не предрешает вопроса о конкретном размере наказания, назначаемого виновному судом. Когда мы говорим об основании уголовной ответственности лица, то речь идет о том, на каком основании его привлекают к уголовной ответственности, на каком основании его признают виновным и подвергают в соответствии с законом уголовному наказанию. Судья признает обвиняемого виновным не потому, что он кажется ему опасным, а потому, что он установил в действиях лица определенный состав преступления, предусмотренный законом. Однако хорошо известно, что карательные санкции в советском уголовном законодательстве носят относительно определенный характер. Суду предоставляется возможность в пределах карательных санкций широко индивидуализировать наказание в зависимости от конкретных особенностей дела.

В работах по вопросам уголовного права неоднократно можно встретить рассуждения об объективных и субъективных основаниях уголовной ответственности. В связи с этим возникает вопрос об отношении объективных и субъективных оснований уголовной ответственности к составу преступления. Признание состава преступления единственным основанием уголовной ответственности означает, что лишь в пределах состава преступления можно различать объективные и субъективные основания уголовной ответственности. Всякая попытка создать в теории советского уголовного права какие бы то ни было особые основания уголовной ответственности, лежащие за пределами состава преступления, практически означала бы умаление значения состава преступления. Установление состава преступления в этом случае еще не решало бы вопроса о том, виновно или нет лицо в совершении преступления. Тем самым создавалось бы теоретическое оправдание для всевозможных нарушений социалистической законности, судебское усмотрение ставилось бы выше прямых требований советского закона¹.

¹ После издания Основ уголовного законодательства 1958 года была сделана попытка иной интерпретации положения, выраженного в ст. 3 этого закона. Так, Б. С. Никифоров выступил с утверждением, что основанием уголовной ответственности является не состав преступления, а «виновность

Составом преступления советская теория уголовного права считает совокупность признаков, характеризующих по советскому уголовному законодательству определенное общественно опасное деяние как преступление.

Например, в главе о преступлениях против личной собственности Уголовного кодекса РСФСР 1960 года в ст. 144 кража определяется как тайное похищение имущества граждан; клеветой согласно ст. 130 УК признается распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений. Вопрос о том, имеется ли в действиях лица определенный состав преступления, является тем вопросом, который повседневно решается работниками суда и прокуратуры в их практической работе.

Понятием состава преступления юристы пользуются как для обозначения совокупности признаков, характеризующих опреде-

в совершении преступления», которая включает в себя как обстоятельства, относящиеся к составу преступления, так и многие другие обстоятельства, которые подлежат учету при назначении наказания (см. «Научная сессия ВИЮН, посвященная Основам законодательства Союза ССР и союзных республик, принятым второй сессией Верховного Совета СССР пятого созыва», М., 1959, стр. 10). Нетрудно видеть, что Б. С. Никифоров вопреки смыслу закона пытался по существу возродить отвергнутое в результате широкой научной дискуссии предложение о введении отягчающего от понятия «вины» понятия «виновности», которое и является основанием уголовной ответственности (О вине как субъективной стороне состава преступления см. гл. IX настоящей работы). Такое понимание ст. 3 Основ уголовного законодательства внесло бы полную неопределенность в решение вопроса о том, когда судебные и прокурорские органы могут возбуждать уголовное преследование против того или иного лица, а также о том, когда суд может и должен признавать лицо виновным в совершении преступления. Для правильного понимания ст. 3 следует иметь в виду, что и ст. 16 Основ говорит непосредственно о составе преступления, провозглашая, что лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления, и, наконец, Основы уголовного судопроизводства 1958 года со всей решительностью определяют, что уголовное дело не может быть возбуждено, возбужденное дело подлежит прекращению, а при рассмотрении в суде суд обязан вынести оправдательный приговор, если в совершенном лицом деянии нет состава преступления (ст. 5 и ст. 43). Правильное понимание ст. 3 Основ дано в работах: А. А. Герцензон, П. С. Ромашкин, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, «Советское государство и право» 1959 г. № 2; А. А. Герцензон, Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, М., 1959, стр. 28; А. А. Пионтковский, Основание уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1959 г. № 11; М. А. Гельфер, Состав преступления, стр. 71; «Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», М., 1960, стр. 16; Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский, Основание уголовной ответственности, «Правоведение» 1961 г. № 2; П. Гиндев, Причината връзка и вината в наказателното право в светлината на диалектическия материализъм, София, 1961, стр. 180—181.

ленное преступление по уголовному законодательству, так и для обозначения конкретного деяния, соответствующего этим признакам.

Следует иметь в виду, что состав преступления имеет место не только тогда, когда совершено оконченное преступление, но и в тех случаях, когда лицо покушалось на преступление или готовилось к нему, ибо и такие действия советский уголовный закон признает наказуемым общественно опасным деянием. Состав преступления имеется не только в действиях лица, непосредственно совершившего преступление, но и в действиях лиц, принимавших участие в его совершении в качестве пособников, подстрекателей или организатора. Такие общественно опасные действия также наказуемы по закону¹. Когда при обвинении лица в соучастии в каком-либо преступлении соучастие в действительности не будет установлено, то обвинение должно быть прекращено за отсутствием состава преступления в действиях этого лица. Точно так же следует поступить и в тех случаях, когда не было доказано обвинение в приготовлении или покушении на совершение преступления.

Уголовной ответственности и наказанию может быть подвергнуто лишь лицо, в действиях которого установлен судом состав преступления.

¹ В выступлениях некоторых советских криминалистов (З. А. Вышинская, А. В. Кузнецов, Некоторые замечания к проекту «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», «Советское государство и право» 1958 г. № 8) утверждалось, что в покушении и приготовлении к совершению преступления, а также в деятельности отдельного соучастника, за исключением исполнителя, не содержится якобы состава преступления. Если бы это было так, то в подобных случаях нельзя было бы привлекать к уголовной ответственности, и дело подлежало бы прекращению за отсутствием состава преступления. Признаки состава преступления определяются нормами и Общей, и Особенной частей уголовного кодекса. В покушении (или приготовлении) есть состав преступления покушения или приготовления к определенному преступлению, что находит свое выражение в юридической квалификации совершенного деяния путем указания статьи Особенной части, предусматривающей окончанный состав преступления, и статьи Общей части, предусматривающей покушение или приготовление (например, покушение на убийство из корыстных побуждений — ст. 15 и п. «а» ст. 102 УК РСФСР 1960 г., приготовление к спекуляции — ст.ст. 15 и 154 УК). То же самое следует сказать и о соучастии. Состав преступления в действиях соучастника в каком-либо преступлении находит свое юридическое выражение в указании статьи Особенной части, предусматривающей исполнение оконченного состава преступления, и статьи Общей части, предусматривающей деятельность отдельного соучастника (например, подстрекательство к корыстному убийству — ст. 17 и п. «а» ст. 102 УК РСФСР 1960 г., пособничество спекуляции — ст.ст. 17 и 154 этого же кодекса).

Обстоятельные аргументы в пользу наличия в указанных случаях состава преступления даются А. И. Санталовым в статье «Состав преступления и некоторые вопросы Общей части уголовного права» («Правоведение» 1960 г. № 1).

Из этого правила Основные начала 1924 года делали исключение относительно применения ссылки и высылки. Согласно ст. 22 Основных начал эти наказания могли быть применены по приговору суда к лицам, признанным социально опасными, независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, а также в случаях, когда они будут судом оправданы по обвинению в определенном преступлении. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 12 июля 1946 г. указал судам, что данное постановление Основных начал следует считать утратившим силу в связи с изданием в 1938 году Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик. По смыслу этого Закона наказание могло быть применено лишь к лицам, совершившим определенное преступление. Поэтому после издания постановления от 12 июля 1946 г. применение по суду любого наказания, в том числе ссылки и высылки, стало возможным лишь в тех случаях, когда подсудимый был признан приговором суда виновным в совершении определенного преступления, т. е. когда в его действиях был установлен определенный состав преступления.

Уголовное наказание во всех без исключения случаях может применяться только судом. Это нашло свое законодательное выражение в Основах уголовного законодательства и Основах уголовного судопроизводства, принятых в декабре 1958 года. В ч. 2 ст. 3 Основ уголовного законодательства указывается: «Уголовное наказание применяется только по приговору суда». В более развернутом виде то же положение дается в ст. 7 Основ уголовного судопроизводства: «Правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда».

В период развернутого строительства коммунистического общества происходит передача все большего числа государственных функций общественным организациям трудящихся, моральный фактор — сила убеждения приобретает все большее значение в регулировании общественных отношений. Это, однако, не означает какого-либо ослабления контроля за строгим соблюдением норм социалистического права. Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК XXII съезду партии говорил: «Мы должны воспитывать уважение к советским законам. В полную меру надо использовать и силу закона и силу общественного воздействия, влияния»¹.

Одним из основных средств упрочения Советского государства является борьба за дальнейшее укрепление социалистической законности. Новая Программа КПСС указывает: «Недо-

бросовестность работника, злоупотребление властью, бюрократизм должны решительно пресекаться и сурово караться, невзирая на лица. Долг советских людей — стоять на страже законности и правопорядка, проявлять нетерпимость к злоупотреблениям и бороться с ними»¹. В борьбе за укрепление социалистической законности особое место принадлежит советскому суду и прокуратуре.

Улучшение работы судебных и прокурорских органов, повышение меткости нашей репрессии в борьбе со всеми нарушениями социалистического правопорядка является необходимым условием борьбы за дальнейшее укрепление социалистической законности. Качество работы суда и прокуратуры в области осуществления социалистического правосудия определяется хорошо проведенным предварительным и судебным следствием, правильностью и обоснованностью судебного приговора, строгим соблюдением социалистической законности.

Правильная квалификация совершенных обвиняемым действий является необходимым условием соблюдения социалистической законности. Неправильная квалификация деяния нарушает советский закон, препятствует нормальному осуществлению правосудия, подрывает авторитет суда и может существенно нарушить как интересы социалистического государства, так и интересы отдельных граждан.

Положение о прокурорском надзоре в СССР 1955 года (ст. 17) вменяет в обязанность прокуратуре:

а) привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился бы от ответственности;

б) строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах.

«Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства).

В статьях Особенной части уголовных кодексов союзных республик описаны конкретные составы преступлений, определены объективные и субъективные признаки определенных общественно опасных деяний. Определение признаков конкретного состава преступления требует знания не только Особенной части уголовного кодекса, но и его Общей части, которая содержит

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», изд-во «Правда», 1961, стр. 105.

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Госполитиздат, 1961, стр. 102.

постановления, относящиеся к характеристике признаков, общих для всех составов преступлений, без знания которых признаки состава каждого конкретного преступления не могут быть надлежащим образом установлены.

В связи с этим общее понятие состава преступления в теории советского уголовного права приобретает большое научно-познавательное значение. Оно является, подобно всякой научной абстракции, необходимой ступенью в процессе познания конкретных составов преступлений, теоретической основой для раскрытия их содержания и для правильного применения на практике советского уголовного закона. Оно служит борьбе за укрепление социалистической законности и повышение качества работы судебных и прокурорских органов социалистического государства. Поэтому в интересах дела необходимо отвергнуть любые попытки ликвидировать учение об общем составе преступления или свести его к не имеющим принципиального значения некоторым техническим указаниям о порядке разграничения отдельных составов преступлений. Именно к этому по существу и вели предложения вынести за пределы состава преступления рассмотрение вопроса о субъекте преступления, о вменяемости, о противоправности деяния, о вине как основании уголовной ответственности, о причинной связи и др.

Все эти предложения фактически означали отрицание теоретико-познавательного значения общего понятия состава преступления для изучения советского уголовного права. Если бы теория последовала по такому пути, то это неизбежно ослабило бы наши усилия по воспитанию кадров советских юристов в духе укрепления социалистической законности, а анализ отдельных составов преступлений и правильная квалификация совершенного деяния (и тем самым правильное применение советского уголовного закона) лишились бы общей теоретической базы.

Так, А. Н. Трайнин не только пытался вынести основные элементы состава преступления (вина, причинная связь, общественная опасность деяния) в качестве общих оснований ответственности за пределы состава преступления, но и считал, что теория уголовного права должна иметь дело лишь с конкретными составами преступлений. Он отрицал теоретико-познавательное значение за понятием общего состава преступления. «Неправильным является также различие общего и специального составов... В действительности при анализе состава преступления задача заключается не в установлении его общих или специальных элементов. Состав один и не может быть расчленен на два состава — общий и специальный. Там, где имеется состав преступления, неизменно встает вопрос об уголовной ответственности и наказании. Содержатся ли эти черты в том,

что ряд авторов называет «общим» или «абстрактным» составом в отличие от состава конкретного или специального? Общий состав уголовной ответственности за собой не влечет и влечь не может. Представляя собой совокупность элементов конкретного преступления, состав не может ни в одном своем «роде» или «виде» быть общим. Состав преступления всегда реален, всегда конкретен»¹.

Н. Д. Дурманов, сближаясь в этом отношении со взглядами, высказанными А. Н. Трайниным, считал, что в советском уголовном праве существуют лишь составы отдельных конкретных преступлений, а также материальное понятие преступления и нет места для общего понятия состава преступления: «от понятия общего состава преступления надо полностью отказаться»².

Этот взгляд основан, как нам представляется, на игнорировании в процессе научного познания взаимоотношения между абстрактным и конкретным, между общим и особенным понятием. Общее понятие состава преступления не существует как таковое в законе, оно есть результат обобщения конкретных составов преступлений. Однако это не значит, что оно лишено реального основания в советском уголовном праве. Общее здесь, как и всюду, само существует в отдельном, в конкретных составах преступлений. В. И. Ленин писал о связи общего и отдельного: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»³.

Против вынесения за рамки состава преступления различных оснований уголовной ответственности и ликвидации общего учения о составе преступления основательно возражали М. Д. Шаргородский и Н. С. Алексеев: «Таким образом, проблема причинения (а ее нельзя рассматривать без деяния и его последствий), т. е. объективная сторона состава, проблема вины (а ее нельзя рассматривать без тех форм, в которых вина проявляется), т. е. субъективная сторона и субъект преступления изымаются для изучения из рамок состава. Что же остается в составе? Один объект. Таким образом, фактически ликвидируется изучение общего состава преступления. Это нужно совершенно ясно сказать: от состава, вернее от изучения состава, ничего не остается.

¹ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 135—136.

² Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 7.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

Если учесть, что в нашей литературе за последнее время отмечалась и другая тенденция (тенденция поглотить состав понятием вины или виновности с присоединением иногда и обстоятельств, в состав не входящих), то станет ясным, что вопрос идет о том, следует ли вообще сохранять в общей части уголовного права изучение общего состава преступления, а может быть, и в особенной части — конкретных составов, или нужно это изучение пересмотреть, разорвав состав на части»¹.

Практически отказ от рассмотрения общего понятия состава преступления и его признаков в Общей части курса советского уголовного права приведет к тому, что вся проблема квалификации совершенного деяния, лишенная общей теоретической базы, сведется к кустарному рассмотрению отдельных элементов конкретных составов преступлений. Общая часть курса советского уголовного права окажется оторванной от задач Особенной части курса. Тем самым будут открыты ворота для проникновения вульгарно-социологических схем, уводящих советскую теорию уголовного права от ее основной практической задачи — укреплять социалистическую законность в работе суда, содействовать меткости нашей репрессии.

Общее учение о составе преступления является основой для правильного определения в каждом конкретном случае наличия или отсутствия в действиях лица того или иного состава преступления, т. е. теоретической базой правильной квалификации совершенного деяния. Поэтому общее учение о составе преступления имеет большое значение для укрепления социалистической законности в работе наших судебных органов.

Для понимания учения о составе преступления в советском уголовном праве необходимо уяснить взаимоотношение общего понятия состава преступления и материального понятия преступления, данного в ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 7 УК РСФСР 1960 г.). Эти понятия не являются тождественными, хотя они тесно друг с другом связаны.

Материальное понятие преступления ставит своей задачей дать общее определение понятия преступления по социалистическому уголовному праву путем вскрытия его социально-политического содержания. Для этого нет необходимости перечислять в определении все признаки, присущие всякому преступлению, а достаточно указать наиболее существенные из них, характеризующие его как общественно опасное деяние, влекущее уголовную ответственность. Материальное понятие преступления конкретизируется в уголовном законодательстве в форме

отдельных составов преступлений. Каждый состав преступления, указанный в уголовном законе, есть понятие об этом преступлении советского уголовного законодательства. Общее материальное понятие преступления как общественно опасного деяния раскрывает социально-политический смысл любого преступления, известного советскому уголовному праву. Поэтому оно и кладется в основу раскрытия содержания необходимых признаков любого состава преступления по нашему уголовному законодательству.

Каждый состав преступления как совокупность признаков, характеризующих определенное общественно опасное деяние, есть юридическое понятие об отдельном преступлении. Установление этих признаков в действиях лица является правовым основанием его уголовной ответственности. Общее понятие состава преступления (или, как его иногда называют, общий состав преступления) включает в себе то общее, что характеризует необходимые признаки каждого состава преступления. Общее понятие состава преступления есть результат обобщения необходимых признаков, присущих конкретным составам преступлений, без знания которых невозможна правильная квалификация совершенного преступления.

Общее материальное понятие преступления и общее понятие состава преступления выражают различным путем существенные стороны одних и тех же явлений общественной жизни — общественно опасных деяний, которые предусмотрены в качестве преступлений в советском уголовном законодательстве.

Общее методологическое требование, которым необходимо руководствоваться в процессе познания советского права, состоит в том, что положения советского права могут быть правильно поняты лишь в связи с выяснением их социально-политического содержания, их политических задач. Это требование должно быть полностью применено и к общему учению об основных признаках состава преступления. Раскрытие социально-политического смысла отдельных признаков состава преступления может быть произведено, лишь опираясь на материальное понятие преступления, данное в советском уголовном законодательстве. Поэтому нельзя признать наличие в действиях лица состава преступления, если совершенное деяние не может быть признано общественно опасным для советского общественного и государственного строя или социалистического правопорядка. Общественная опасность деяния — необходимый признак состава преступления. Следует подчеркнуть, что в отличие от раскрытия содержания материального понятия преступления общее учение о составе преступления включает в себя рассмотрение и таких правовых вопросов, касаться которых нет необходимости при раскрытии общей политической характеристики преступления как деяния, опасного для советского государственного

¹ М. Д. Шаргородский, Н. С. Алексеев, Актуальные вопросы советского уголовного права, «Ученые записки ЛГУ», серия юридических наук, вып. 5, Л., 1954.

и общественного строя или социалистического хозяйства (например, взаимоотношение общего и непосредственного объекта, структура объективной стороны состава, взаимоотношение объективной и субъективной сторон состава преступления и т. д.). Вместе с тем рассмотрение основных вопросов общего учения о составе преступления есть рассмотрение всех необходимых, существенных признаков любого преступления в их единстве и тесной связи социально-политических и правовых черт всякого преступления.

Общее понятие состава преступления должно содержать в себе все основные признаки в их общей обрисовке, свойственные каждому составу преступления в отдельности. Лишь при этом условии общее абстрактное понятие состава преступления будет помогать изучению конкретных составов преступлений.

Каждый состав преступления содержит в себе характеристику: 1) объекта преступления; 2) объективной стороны преступления; 3) субъекта преступления и 4) субъективной стороны преступления.

Характеристику законом объективной стороны преступления принято называть объективной стороной состава преступления. Характеристику законом субъективной стороны преступления принято называть субъективной стороной состава преступления.

В общем учении о составе преступления рассматриваются свойственные всем составам преступлений общие черты объекта преступления, объективной стороны состава преступления, субъекта преступления, субъективной стороны состава преступления. Анализ отдельных составов преступлений раскрывает конкретные, свойственные данному преступлению особенности объекта и субъекта, объективной и субъективной сторон состава преступления. А. Н. Трайнин считал ошибочным различие среди признаков состава преступления — объекта, объективной стороны состава преступления, субъекта и субъективной стороны состава преступления: «Эта классификация глубоко ошибочна: не существует таких «элементов состава», как «объективная сторона», «субъективная сторона» и т. д. В действительности имеются: элементы состава, характеризующие субъективную сторону преступления (вина, мотив, цель и др.), и элементы состава, характеризующие объективную сторону (действия, причинная связь, последствие, время и место совершения преступления и др.). Равным образом нет элемента состава — «субъект преступления». Как было отмечено выше, субъект преступления — человек не является элементом состава, хотя бы и «основным». Элементами состава в действительности являются лишь признаки, характеризующие или, точнее, ограничиваю-

щие круг субъектов, могущих нести ответственность за конкретные преступления»¹.

Эти положения А. Н. Трайнина не могли быть признаны убедительными. Состав преступления, указанный в законе, есть правовое понятие о преступлении. Как и всякое понятие, оно отражает в себе существенные признаки определенного явления реальной действительности — общественно опасного деяния. Поэтому, когда мы говорим, что каждый состав преступления характеризуется определенным объектом, объективной стороной и т. д., то мы и даем описание тех признаков, которые характеризуют объект, объективную и субъективную стороны, а также субъекта определенного преступления. Позиция А. Н. Трайнина в этом вопросе сводилась лишь к тому, что простую, ясную и установившуюся юридическую терминологию он заменял более сложной и громоздкой.

Объектом преступления является то, на что направлено, на что посягает преступление, совершенное данным лицом. Каждое преступление посягает прямо или косвенно на существующие в СССР социалистические общественные отношения.

С объективной стороны состав всякого преступления выражается в изменениях во внешнем мире, которые созданы общественно опасным поведением лица. Всякое преступление по своим объективным свойствам характеризуется определенными фактическими чертами поведения лица и общественным свойством — общественной опасностью (противоправностью) деяния. Рассмотрение общих объективных свойств преступного поведения лица входит в общее учение о составе преступления. Рассмотрение конкретных черт общественно опасного поведения при совершении отдельных преступлений дается в Особенной части курса уголовного права.

Преступление по своим объективным чертам может выражаться или в совершении лицом каких-либо действий, или в бездействии лица.

Особенность способа действия в ряде составов преступлений является необходимой чертой объективной стороны состава преступления. Так, ст. 107 УК РСФСР 1960 года предусматривает ответственность за доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. Иногда способ действия выступает в качестве обстоятельства, делающего преступление более опасным, квалифицированным. Например, убийство является квалифицированным, когда оно совершено

¹ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 172; см. его же, Общее учение о составе преступления, стр. 119—121.

способом, опасным для жизни многих людей; получение взятки является квалифицированным, когда оно было связано с применением со стороны принявшего взятку вымогательства и т. д.

При обрисовке объективной стороны ряда составов преступлений уголовный закон дает иногда специальные указания на время и место совершения преступного действия или бездействия.

В ряде составов преступлений объективная сторона полностью исчерпывается совершением определенного действия или бездействия; при других преступлениях для наличия состава недостаточно совершения определенного действия или бездействия, а необходимо еще наступление в дальнейшем определенного преступного результата. Например, для состава преступления убийства недостаточно одного действия, направленного на лишение жизни человека, — выстрела, удара, дачи яда и т. д., а необходимо наступление от этого определенных последствий — смерти человека. Для злоупотребления властью недостаточно одного действия должностного лица — умышленного использования своего служебного положения вопреки интересам службы, а необходимо наступление указанных в законе последствий. В тех случаях, когда для состава преступления необходимо наступление определенного результата как последствия совершенного лицом деяния, нужно всегда установить наличие причинной связи между действием (бездействием) и наступившим преступным результатом. Учение о причинной связи входит в общее учение об объективной стороне состава преступления.

Объективным свойством всякого преступления является его общественная опасность. Это — социальная характеристика преступления. Посягая на существующие в СССР общественные отношения, преступление нарушает вместе с тем и определенные нормы советского права, нарушение которых карается законом. Поэтому общественная опасность деяния означает вместе с тем и его противоправность. Учение о противоправности (общественной опасности) деяния также входит в общее учение об объективной стороне состава преступления.

Противоправный характер совершенного деяния устраняется при наличии ряда объективных обстоятельств, сопровождающих его совершение. Это так называемые обстоятельства, исключаящие противоправность (общественную опасность) совершенного деяния. Учение о них также входит в общее учение о составе преступления. При разрешении ряда вопросов, относящихся к обстоятельствам, исключаящим противоправность совершенного деяния, необходимо предварительное знание основных вопросов субъективной стороны состава преступления. Поэтому учение об обстоятельствах, исключаящих противоправность деяния, излагается нами после рассмотрения субъекта и субъективной стороны состава преступления.

Субъектом преступления могут быть лишь вменяемые физические лица, достигшие определенного возраста. Учение об этих общих свойствах субъекта преступления входит в общее учение о составе преступления. При анализе конкретных составов преступлений указываются особые свойства субъекта отдельных преступлений, предусмотренных Особой частью уголовного кодекса.

Причинение невиняемым или малолетним другому лицу хотя бы и тяжкого вреда (например, лишение жизни) не является преступлением. Они не могут подлежать уголовной ответственности. Поэтому в их действиях нет и состава преступления. Нельзя согласиться с А. Н. Трайниным, который считал ошибочным отнесение вменяемости и достижения законом установленного возраста уголовной ответственности к учению о субъектах преступления и предлагал рассматривать их вне связи с учением о составе преступления¹. Впрочем, это не мешало А. Н. Трайнину, исключив вменяемость из учения о субъекте, включить ее в понимание действия как элемента объективной стороны состава преступления: «Во всех случаях, когда психика субъекта потрясена или расстроена, то есть во всех случаях, когда уголовный закон говорит о невиняемости лица, нет и не может быть уголовно-правового действия. Что бы ни предпринимал шизофреник — хранил оружие, уничтожал имущество, наносил ранение — он не «действует» в смысле уголовно-правовом»². Таким образом, уголовная дееспособность оказалась и у А. Н. Трайнина включенной в состав преступления, но только не в надлежащем месте.

К субъективной стороне состава преступления относится прежде всего вопрос о вине и ее формах. О составе преступления можно говорить лишь в том случае, если установлена вина лица, совершившего данное деяние. При отсутствии вины в действиях лица нет и состава преступления, хотя бы в результате и наступили определенные общественно вредные изменения во внешнем мире. Учение о вине и ее формах — умысле и неосторожности — входит в учение об общем составе преступления. Одни преступления могут быть совершены умышленно, другие — только неосторожно, но ни одно преступление не может быть совершено без наличия вины в той или иной из указанных форм.

Наряду с виной как необходимым элементом состава в субъективную сторону могут входить и иные субъективные моменты.

Ряд составов преступлений включает в субъективную сторону в качестве необходимого элемента определенный мотив деятельности, т. е. те побуждения, которыми руководствовались

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 191.

² Там же, стр. 135.

лицо при совершении преступления. В сущности без определенного мотива не совершается ни одно умышленное преступление. Однако для большинства умышленных преступлений мотив его совершения лежит за пределами состава преступления: телесное повреждение остается телесным повреждением независимо от того, какими мотивами руководствовался виновный — местию, ненавистью, ревностью и т. д.

Мотив введен в состав некоторых преступлений или в качестве необходимого основного элемента самого состава преступления, или в качестве лишь квалифицирующего обстоятельства. В качестве основного элемента состава преступления корыстный мотив введен, например, в состав похищения или повреждения документов, штампов, печатей, бланков, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РСФСР 1960 года. Убийство считается квалифицированным, если оно совершено из корыстных побуждений (п. «а» ст. 102 УК РСФСР 1960 г.). В ряде случаев определенный мотив выступает в качестве обстоятельства, делающего преступление менее опасным.

Поскольку мотив не является необходимым признаком состава каждого умышленного преступления, то рассмотрение его при анализе субъективной стороны состава преступления дается в плоскости выяснения влияния мотива на формирование преступного умысла лица. Но даже в тех случаях, когда мотив не входит в состав преступления ни в качестве основного, ни в качестве квалифицирующего признака, установление его все же является крайне важным. Суд при определении наказания должен учитывать характер мотива совершенного преступления. Поэтому рассмотрение мотивов преступления должно найти место и в учении о наказании при рассмотрении обстоятельств, влияющих на размер наказания, устанавливаемого судом, при выяснении вопроса об индивидуализации наказания.

Некоторые составы преступлений требуют в качестве одного из признаков субъективной стороны состава преступления наличие специальной цели действия. Так, состав изготовления поддельных денег или ценных бумаг, предусмотренный ст. 24 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, требует наличия специальной цели — их сбыта, т. е. выпуска поддельных денег или ценных бумаг в оборот.

Вопрос о специальных целях действия как элементе субъективной стороны составов некоторых преступлений не входит в учение об общем составе преступления, а рассматривается при анализе соответствующих преступлений в Особой части курса.

Каждый состав преступления представляет собой юридическое понятие об определенном общественно опасном деянии. В нем определяются те необходимые признаки действия (без-

действия), при наличии которых закон устанавливает возможность привлечения лица к уголовной ответственности и признания его виновным в совершении преступления. В ряде случаев сам закон указывает необходимые признаки данного состава преступления. Так поступил, например, Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 130 при определении понятия клеветы, указав на необходимые объективные и субъективные признаки этого состава преступления: клевета, т. е. распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений.

В других случаях закон определяет лишь в общей форме состав преступления, предоставляя уточнение необходимых его признаков практике и теории на основе правильного понимания закона и задач борьбы социалистического государства с такого рода преступлениями. Например, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года не указывает необходимых признаков убийства, незаконного лишения свободы и других преступлений. Эти признаки установлены судебной практикой и теорией.

Каждое конкретное преступление, кроме необходимых признаков соответствующего состава преступления, может обладать еще рядом других объективных и субъективных признаков, которые, однако, не имеют юридического значения для установления состава преступления в действиях лица. Однако они могут оказать существенное влияние на степень общественной опасности совершенного деяния и поэтому учитываются судом при определении меры наказания. Закон иногда, учитывая эти признаки преступного деяния, использует их для образования самостоятельных составов преступлений. В этих случаях они становятся необходимыми признаками либо более опасного (квалифицированного), либо менее опасного вида соответствующего преступления.

Каждое преступное деяние есть определенное общественно опасное поведение человека, его действие или бездействие. В нем находит свое выражение антиобщественная цель деятельности виновного, направленность его воли, отношение к правам других лиц, государственным и общественным интересам, правилам социалистического общежития. Каждое преступное деяние представляет собой единство объективных и субъективных свойств определенного общественно опасного деяния, подобно тому как и всякое поведение людей как деятельность, обусловленная сознанием, представляет собой единство субъективного и объективного.

Объективные признаки преступления всегда выступают в единстве с его субъективными признаками. Диалектическое понимание единства объективного и субъективного в поведении людей служит основой правильного понимания состава преступления по социалистическому уголовному праву.

В теоретическом анализе можно рассматривать отдельно объективные и субъективные свойства преступного деяния, не забывая при этом об их связи, об их внутреннем единстве. Субъективное в преступлении всегда находит свое выражение в объективном, однако от этого оно не перестает быть субъективным. Умысел и неосторожность лица, выраженные в определенных общественно опасных действиях, познаются судом на основе различных объективных обстоятельств, установленных в процессе судебного следствия. На этот путь познания субъективных намерений действующих лиц указывал В. И. Ленин: «...по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»¹.

Из понимания преступного деяния как единства его объективных и субъективных свойств исходит советская теория уголовного права в полном согласии с учением марксистской психологии. Понимание преступного деяния как единства его объективных и субъективных свойств разделяется большинством советских теоретиков уголовного права. Правильно отмечал А. Н. Трайнин, что в уголовном праве действие не равнозначно любому телодвижению². Н. Д. Дурманов рассматривает каждый поступок человека как единство его сознания и соответствующего телодвижения³. Иную позицию занимает А. А. Герцензон, который к преступному деянию отнес объект преступления и лишь внешнюю, объективную сторону деяния⁴. Это приводит к тому, что в составе преступления признаки объективные оказываются оторванными от признаков субъективных и само преступное действие рассматривается лишь как механическое телодвижение, лишенное элементов сознательности.

Следует отметить, что некоторые «школки» современной буржуазной теории уголовного права в своих интересах извращенно используют правильное положение о понимании действия человека как единства объективного и субъективного.

В финальной теории уголовного права превратно используется правильное положение о том, что каждое действие человека является его волевым действием, что человек способен ставить себе определенные цели, сознательно использовать имеющиеся в его распоряжении средства и предвидеть возможные послед-

ствия своего поведения. Из правильного положения, что всякое действие, в том числе и преступное, следует рассматривать как единство объективного и субъективного, «финалисты» делают неправильные выводы, что решающим и определяющим в оценке поведения лица являются субъективные моменты. «Финалисты» сущность преступного деяния видят не в характере совершенного деяния, а в характере опасности воли лица, его совершившего. Отсюда и трактовка преступления не как правонарушения, а как отклонения воли от правового мышления. На этом основана и защита оценочного понимания вины как «упрека» суда в отношении личности обвиняемого и понимание противоправности не как объективного элемента состава преступления, а как оценки волеосуществления¹. Такое оценочное понимание вины и противоправности является теоретическим обоснованием неограниченного судебного усмотрения, обоснованием ломки буржуазной законности, так как здесь не преступное деяние, а оценка судом субъективного настроения личности является основой уголовной ответственности.

Одно и то же преступное деяние в зависимости от тех или иных обстоятельств, относящихся к объекту преступления, его объективной или субъективной стороне или к субъекту преступления, может быть более или менее общественно опасным. Эти обстоятельства могут быть учтены в Особенной части уголовного кодекса при определении ответственности за те или иные преступления. В связи с этим можно различить простой состав преступления — без наличия каких-либо смягчающих или отягчающих обстоятельств — и состав преступления со смягчающими или отягчающими обстоятельствами.

Простым составом преступления является состав убийства, предусмотренный ст. 103 УК РСФСР 1960 года. Это убийство без наличия каких-либо отягчающих или смягчающих обстоятельств. Квалифицированным составом преступления является убийство, предусмотренное одним из пунктов ст. 102 УК РСФСР 1960 года. Примером состава преступления при наличии признаков, смягчающих общественную опасность деяния, является состав, предусмотренный ст. 104 УК РСФСР 1960 года, — умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием или тяжёлым оскорблением со стороны потерпевшего.

Кроме деления по степени общественной опасности, составы преступления можно классифицировать по характеру их структуры, т. е. по способу описания или всех признаков состава преступления, или хотя бы одного из них. Так, А. Н. Трайнин

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 5, стр. 423—424.

² См. А. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 37.

³ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 50.

⁴ См. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, стр. 285.

¹ Hans Welzel, Das neue Bild des Strafrechtssystems, 1957.

предлагал различать составы преступлений простые и сложные¹.

Составы простые он в свою очередь делил на составы описательные и бланкетные. Описательные составы это те, в которых в сжатой и четкой форме описываются необходимые признаки преступления. Например, ст. 131 УК РСФСР 1960 года предусматривает оскорбление, т. е. умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. Бланкетные составы преступлений — это те, в которых закон не дает непосредственного описания признаков преступления, а отсылает к каким-либо другим нормам права. Например, ст. 140 УК РСФСР 1960 года предусматривает нарушение должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда. Для того чтобы установить признаки этого состава преступления, необходимо обратиться к нормативным актам, определяющим правила техники безопасности, промышленной санитарии и охраны труда.

Сложные составы А. Н. Трайнин делил на альтернативные составы, составы с двумя действиями, составы с двумя формами вины, составы с двумя объектами.

Альтернативными составами являются те, в которых описан ряд действий, причем установление одного из них является уже достаточным для признания наличия в действиях лица состава преступления. Например, ст. 195 УК РСФСР 1960 года устанавливает ответственность за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие документов, штампов, печатей, бланков, находящихся в государственных учреждениях, предприятиях или общественных организациях. Очевидно, что для наличия состава преступления в действиях лица достаточно лишь одного из указанных действий.

Составами с двумя действиями являются те, которые предусматривают совершение не одного действия, как в простых составах, и не альтернативно одного или другого, а совершение двух или более действий. Примером такого состава может являться спекуляция, предусмотренная ст. 154 УК РСФСР 1960 года. Для оконченного состава спекуляции необходимо установить наличие скупки и перепродажи товаров или иных предметов с целью наживы.

Составами с двумя формами вины являются те составы преступления, в которых их субъективная сторона не является однородной. Так, умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 года, предполагает наличие умысла на причинение телесного повреждения и неосторожности в

отношении наступившего от него последствия — смерти потерпевшего.

Составами с двумя объектами являются те составы преступлений, при которых совершение преступного действия одновременно заключает в себе посягательство на два объекта. Так, состав обмеривания и обвешивания, предусмотренный ст. 156 УК РСФСР 1960 года, одновременно посягает на интересы потребителя и нарушает установленный порядок советской торговли.

Совершенствование нашего уголовного законодательства связано с проведением четкой характеристики признаков отдельных составов преступлений. Это должно содействовать укреплению социалистической законности в работе органов советской юстиции, повышению качества их работы. В этом направлении идет развитие всего советского уголовного права, свидетельством чего являются законодательные акты в области уголовного права, принятые Верховным Советом СССР в декабре 1958 года, и изданные на их основе уголовные кодексы отдельных союзных республик.

§ 2

Понятие состава преступления в буржуазном уголовном праве¹

Одним из основных положений буржуазного уголовного права периода победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы (1789—1871 гг.) было формальное признание принципа «нет преступления без указания о том закона». Проведение этого принципа требовало более или менее точного указания в уголовном законе признаков каждого состава преступления. Разработка буржуазной теории уголовного права юридического учения о составе преступления содействовало укреплению буржуазной законности. Оно служило укреплению буржуазных порядков, соответствовало в то время классовым интересам буржуазии. Это играло исторически прогрессивную роль в борьбе с произволом феодально-абсолютистского государства. Однако фактически указанный принцип никогда полностью не был осуществлен и всегда грубо нарушался в любом буржуазном государстве.

Понятие состава преступления (*Corpus delicti*) возникло еще в средневековой науке уголовного права и имело тогда

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, стр. 105—117.

¹ К. Полак, *Учение о составе преступления в буржуазной уголовно-правовой литературе*, «Советское государство и право» 1940 г. № 12.

исключительно процессуальное значение. Оно охватывало совокупность тех объективных признаков, наличие которых свидетельствовало о действительном совершении преступления. Установление *corpus delicti* было задачей общего розыска (*inquisitio generalis*). Установление его давало основание для начала специального розыска самого преступника (*inquisitio specialis*). Так, наличие трупа убитого, орудий убийства, следов крови и т. п. было составом преступления, ибо оно свидетельствовало о совершении убийства и служило достаточным основанием для возбуждения расследования в целях розыска преступника.

Понятие состава преступления было перенесено в материальное уголовное право лишь в конце XVIII и начале XIX столетия в связи с созданием уголовных кодексов, Особенная часть которых предусматривала отдельные виды преступлений. При этих условиях для возможности привлечения к уголовной ответственности требовалось установить в действиях обвиняемого наличие признаков определенного преступления, указанных в уголовном кодексе. Составом преступления (*corpus delicti*) стали именовать совокупность необходимых признаков соответствующего преступления, предусмотренного уголовным законом. При этом, однако, в буржуазной теории уголовного права не всегда одинаково понимали те признаки, которые относятся к составу преступления. Одни криминалисты включали сюда лишь те объективные признаки, которые характеризовали само преступное действие лица. При такой трактовке вопрос о вине, о субъективной стороне совершенного действия, исключался из признаков, относящихся к составу преступления. В связи с этим вопрос о вине и ее формах не входил в учение о составе преступления. Другие криминалисты понимали под составом преступления совокупность всех признаков преступления (как объективных, так и субъективных), при наличии которых мог быть поставлен вопрос о привлечении лица за совершенное преступление к уголовной ответственности. В связи с этим в учение о составе преступления включалось и рассмотрение вопроса о вине и ее формах. Так, известный немецкий криминалист А. Фейербах, воспитанный на кантианской философии с ее резким противопоставлением объекта субъекту, объективного субъективному, относил к составу преступления лишь объективные свойства преступного деяния, а субъективный момент — вину выносил за пределы состава преступления и рассматривал как другое необходимое условие наряду с составом преступления для возможности привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания. Следует иметь при этом в виду, что субъективную сторону преступления он сводил к умыслу или неосторожности. Вынесение вины за пределы состава преступления в теории А. Фейербаха не могло колебать проводимой им борьбы за укрепление буржуазной законности.

Другой немецкий криминалист Бернер, воспитанный на гегелевской философии с ее признанием единства противоположности субъективного и объективного, субъекта и объекта, относил к составу преступления не только его объективное свойство — действие, но и его субъективное свойство — вину.

Однако это различие в понимании состава преступления не влекло за собой политического различия в понимании основ уголовной ответственности — установления в действиях лица всех объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного уголовным законом.

Видный дореволюционный русский криминалист Таганцев трактовал состав преступления как совокупность характеристических признаков преступного деяния¹. К ним он относил: а) виновника преступного деяния; б) объект посягательства и в) само преступное посягательство, рассматриваемое с внутренней и внешней стороны. Установление признаков состава преступления Таганцев считал основой уголовной ответственности. В своих взглядах на состав преступления он выступал как проводник идей буржуазной законности. Сторонники классической школы уголовного права обычно относили к составу преступления и объективные, и субъективные признаки преступного деяния.

Социологическая и антропологическая школы уголовного права, возникшие в период перерастания промышленного капитализма в империализм, теоретически обосновывали возможность применения наказания не в зависимости от характера того или иного состава преступления, а в связи с характером «опасного состояния» личности самого преступника. Пытаясь ослабить или даже полностью устранить значение состава преступления как основы для применения уголовной репрессии, они тем самым теоретически оправдывали ломку буржуазной законности в организации репрессии буржуазного государства. Стремление к разрушению буржуазией своей собственной законности нашло свое полное выражение в реакционных построениях немецкой теории уголовного права эпохи империализма. Уголовное право, направленное на борьбу с преступными действиями, очерченными в конкретных составах преступлений (*Tatstrafrecht*), немецкие криминалисты пытались заменить уголовным правом, ведущим борьбу с опасными для господствующего правопорядка личностями (*Täterstrafrecht*). В этом нашли свое отражение в уголовном праве общие политические черты империализма — стремление к насилию и реакции.

Было бы, однако, ошибочным упрощать позиции криминалистов-социологов в вопросе об отношении к составу преступления.

¹ См. Н. С. Таганцев, Русское уголовное право (лекции), СПб., 1902, стр. 366—367.

Выдвинутые криминалистами-социологами понятия «антисоциального настроения», «опасного состояния» личности как основы применения репрессивных мер в конечном счете вели к отрицанию значения составов преступлений, указанных в законе. Однако один из наиболее видных представителей социологической школы уголовного права — немецкий криминалист Лист, определяя преступление как состояние, с которым правопорядок связывает наказание в качестве юридического последствия, провозглашал, что Особенная часть уголовного кодекса является хартией личной свободы граждан¹.

Реакционные тенденции социологической школы, объективно направленные на подрыв значения состава преступления, получили свое полное развитие в теории и практике уголовного права фашистских государств.

Типы преступных деяний, с которыми закон должен связывать применение определенных наказаний, заменяются типами различных «преступных деятелей» как основы для применения наказаний. Эти реакционные положения немецких криминалистов были использованы фашизмом для оправдания его чудовищной, реакционной карательной системы. Борьба с «опасным состоянием» личности лежит в основе всех мероприятий американского империализма по борьбе с так называемой антиамериканской деятельностью. Это является выражением отказа американских империалистов от соблюдения элементарных требований буржуазной законности, прямой ломкой принципов формальной демократии. Комиссии по борьбе с антиамериканской деятельностью для преследования прогрессивных деятелей созданы в большинстве штатов. Через законодательные органы отдельных штатов проходят законы, по своей реакционности оставляющие далеко позади пресловутый японский закон об «опасных мыслях». Сенат штата Нью-Джерси в апреле 1949 года одобрил пять законопроектов, направленных на организацию полицейской расправы с прогрессивными людьми. Эти законопроекты запрещают коммунистическую партию, требуют подписку о «лояльности» от лиц, поступающих на службу штата, от школьных учителей и юристов. Всем этим лицам запрещается членство в так называемых подрывных организациях, в списки которых министерство юстиции США заносит любые общественные организации, осмеливающиеся выступить за мир и международное сотрудничество.

В США законы Смита, Маккарена — Вуда и Маккарена — Уолтера позволяют преследовать прогрессивных людей за опасные мысли и заключать без предъявления обвинения в концентрационные лагеря всех признанных американской охранкой

¹ Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, Berlin, 1923.

«подозрительными»¹. В августе 1954 года с нарушением правил парламентской процедуры Конгресс принял, а президент утвердил антикоммунистический и антипрофсоюзный закон. По этому закону каждый, кто является членом коммунистической партии, может подлежать тюремному заключению на основании профашистского закона Маккарена о «внутренней безопасности» (1950 г.), а любой профсоюз, если власти признают, что в него «проникли коммунисты», лишается права вести переговоры с предпринимателями об условиях труда, заключать коллективные договоры и т. д., что было завоевано рабочим классом в долгой борьбе. Американские реакционеры выбрасывают как ненужную ветوشь провозглашенные в конституции США демократические свободы и права личности, чтобы подавить все честное и передовое, ведущее мужественную борьбу за мир, демократию и социализм.

Было бы ошибочным полагать, что лишь только буржуазные криминалисты — антропологи и социологи — своими работами теоретически обосновывали ломку буржуазной законности в области уголовного права. Этому немало содействовали и некоторые теории криминалистов, сторонников классической школы, в период империализма.

На почве идеалистической неокантианской философии немецким криминалистом Белингом было развито «учение», согласно которому наличие состава преступления не решает еще вопроса о том, что лицо совершило преступление. Состав преступления — это лишь совокупность фактических признаков деяния; противоправность деяний лежит за пределами состава преступления; все указанные в законе составы преступлений носят чисто описательный характер, в них не выражено еще оценки деяния как противоправного². Эти фактические признаки принадлежат к области «сущего», тогда как противоправность, характеризующая каждое преступление, принадлежит якобы к принципиально иной области — «должного», к области оценки деяния судом. Поэтому противоправность деяния устанавливает суд по своему усмотрению, независимо от закона. Тем самым и вопрос о том, виновно или нет лицо в совершении преступления, решается усмотрением суда.

С помощью такого «теоретического» обоснования буржуазный суд получал возможность обходить закон и по своему усмотрению выносить оправдательные приговоры заведомым негодяям, шпионам, провокаторам и гангстерам, связанным различными нитями с эксплуататорскими классами, и, наоборот,

¹ См. С. Л. Зивс, Реакционная сущность уголовного права США, М., 1954; его же, Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах, М., 1958, стр. 81—92.

² Belling, Die Lehre vom Verbrechen, 1906, S. 7; его же, Die Lehre vom Tatbestand, 1930, S. 9.

осуждать ни в чем не повинных, но опасных для буржуазии лиц, оценивая их действия как противоправные.

Современные немецкие криминалисты Западной Германии продолжают «традиции» белинговского учения о преступлении и аналогичным путем обосновывают ломку буржуазной законности и неограниченное расширение судейского усмотрения. Один из видных криминалистов Западной Германии — глава так называемой финальной теории уголовного права Вельцель пытается все основные институты уголовного права обосновывать не на законе, а на оценке судом волевой стороны совершенного деяния. В этом плане он трактует и противоправность. Он объявляет, что противоправность не является элементом состава преступления, а представляет собой оценку состава преступления¹. Тем самым установление состава преступления для Вельцеля не является основанием ответственности. Это лишь возможный повод для уголовной ответственности. Вопрос о противоправности совершенного деяния и тем самым вопрос об уголовной ответственности решается судом на основе его усмотрения в соответствии с «социально-этическим воззрением общества». Криминалисты демократической Германии ведут упорную борьбу с реакционными идеалистическими теориями о составе преступления криминалистов Западной Германии и вскрывают их реакционный политический смысл, их роль в деле оправдания произвола и беззакония, который творит буржуазный суд в расправе с борцами за мир и за единую демократическую Германию. Криминалист ГДР И. Реннеберг справедливо отмечает, что финальное учение Вельцеля, где по существу проповедуется признание лица виновным на основании признания опасными его воли и умонастроения, является теоретической основой террористической юстиции, осуществляемой боннским государством против демократических и патриотических сил Западной Германии².

Необходимо указать, что в нашей литературе было дано неправильное освещение вопроса о понимании состава преступления буржуазной теорией уголовного права. А. Н. Трайнин считал, что для классической школы как выразительницы формально-демократических идей в уголовном праве характерна объективная конструкция состава преступления, выдвигание на первое место преступного действия. При этом он заключал в одни общие скобки учение о составе преступления и Фейербаха и Белинга³.

¹ Hans Welzel, Um die finale Handlungslehre, 1949; S. 24; его же, Das neue Bild des Strafrechtssystems, S. 16—24.

² См. Иохим Реннеберг, Объективная сторона преступления.

³ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 19—25.

Хотя А. Фейербах и выносил вину за пределы состава преступления, его конструкция не могла вести к ослаблению законности, ибо он понимал вину как определенное психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности, которое необходимо установить для возможности уголовной ответственности. Иной политический смысл имеет вся конструкция понимания Белингом состава преступления как фактических признаков деяния, лишенных элемента противоправности. Она сводила на нет значение состава преступления как основания уголовной ответственности и являлась теоретической базой для оправдания судейского усмотрения и ломки буржуазной законности в эпоху империализма. Поэтому строго объективное понимание состава преступления Белингом вовсе не характерно для классической школы уголовного права XIX столетия, для защиты формально-демократических идей в уголовном праве. Наоборот, его учение является продуктом гниения и распада формально-демократических начал в организации репрессии.

Глава V

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву¹

Всякое преступление, совершенное в нашей стране, прямо или косвенно посягает на общественные отношения социалистического общества. Объектом преступления могут быть любые общественные отношения, охраняемые социалистическим уголовным законом. Однако не все общественные отношения социалистического общества охраняются уголовным законом. Те, которые не охраняются уголовным законом, не могут являться и объектом преступления. Но даже нарушения тех общественных отношений, которые могут являться предметом уголовноправовой защиты, не при всех условиях вызывают необходимость применения мер уголовноправового принуждения. Обычно применение подобных мер связано с совершением та-

¹ М. А. Гельфер, *Объект преступления*, М., 1960; Н. И. Загородников, *Понятие объекта преступления в советском уголовном праве*, «Труды ВЮА», вып. XIII, М., 1951; его же, *Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве*, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VII, 1959; Г. А. Кригер, *К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве*, «Вестник МГУ», вып. 1, М., 1959; В. Н. Кудрявцев, *К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления*, «Советское государство и право» 1951 г. № 8; его же, *О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву*, «Труды ВЮА», вып. XIII, М., 1951; Б. С. Никифоров, *Объект преступления по советскому уголовному праву*, М., 1960; М. И. Федоров, *Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву*, «Ученые

ких посягательств, которые представляют повышенную общественную опасность. Это имеет место либо при умышленном посягательстве на эти отношения, либо при неосторожном посягательстве, но в случаях причинения при этом существенного ущерба. Лишь при наличии указанных условий данные отношения охраняются уголовным законом и становятся объектом преступлений. Общественные отношения как объект уголовноправовой защиты и как объект преступления являются тождественными.

Советская теория уголовного права с первых лет ее существования рассматривает объект преступления в качестве общественного отношения. Уже в нашем учебнике *Общей части советского уголовного права*, изданном в 1924 году, подчеркивалось, что объектом всякого преступления являются общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовноправового принуждения¹. Взгляд на объект преступления как на общественное отношение проводился нами как в последующих изданиях учебника *Общей части*, так и в шести изданиях учебника *Общей части советского уголовного права* коллектива авторов². В советской литературе по вопросам уголовного права этот взгляд является общепризнанным. Он выражен в работах А. Н. Трайнина, Н. Д. Дурманова, Н. И. Загородникова, М. А. Шнейдера, Б. С. Никифорова и других криминалистов³. Многочисленные кандидатские диссертации, защищенные на

записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957. Вопрос об объекте преступления привлекает также внимание и криминалистов стран народной демократии. В Германской Демократической Республике ему была посвящена работа проф. Гератса «Учение об объекте преступления» (Берлин, 1955). В Польской Народной Республике вопрос об объекте преступления детально исследован в книге проф. Л. Лернелла «Общественная собственность как объект уголовноправовой охраны», изданной в 1959 году Институтом права Польской академии наук. В Чехословацкой Социалистической Республике этому вопросу посвящена работа Б. Выбирала «Понятие и значение объекта преступления в чехословацком социалистическом уголовном праве» (Прага, 1956). Ф. Полячек в работе о составе преступления уделил объекту преступления особое внимание (см. в русском переводе Франтишек Полячек, *Состав преступления по чехословацкому уголовному праву*, М., 1960, стр. 69—84).

¹ См. А. А. Пионтковский, *Уголовное право РСФСР. Часть Общая*, М., 1924, стр. 129—130.

² См. А. А. Пионтковский, *Советское уголовное право, Общая часть*, т. 1, 1928, стр. 187—189; его же, *Советское уголовное право. Общая часть*, т. I, М., 1929, стр. 233—236; «Уголовное право. Общая часть», М., 1943, стр. 111; «Уголовное право. Общая часть», М., 1948, стр. 291; «Советское уголовное право. Часть Общая», М., 1952, стр. 175; «Советское уголовное право. Общая часть», 1959, стр. 117.

³ А. Н. Трайнин в работе «Состав преступления по советскому уголовному праву» писал: «В марксистском понимании понятие объекта преступления сомнений вызывать не может. Объектом всякого посягательства являются общественные отношения, установленные в интересах господ-

темы Особенной части советского уголовного права, единодушно исходят из понимания объекта как общественного отношения. Такое понимание объекта тесным образом связано с материальным понятием преступления по советскому уголовному праву как деяния опасного для основ советского строя или социалистического правопорядка.

Нельзя согласиться с мнением, распространенным среди криминалистов Германской Демократической Республики, что объектом каждого преступления являются классовые отношения¹. Объектом любого преступления в ГДР являются определенные общественные отношения переходного периода от капитализма к социализму. Среди общественных отношений этого периода следует различать отношения между классами и другие общественные отношения, которые регулируются социалистическим государством в интересах рабочего класса и всех трудящихся. Утверждение, что объектом преступления всегда являются классовые отношения, ведет к смешению общественных отношений классового по своей структуре общества переходного периода. Поэтому преступление следует определять не как классово опасное деяние, а как общественно опасное деяние, хотя выбор объекта охраны уголовного закона соответствует классовым интересам рабочего класса и всех трудящихся.

Преступление может иметь своим объектом общественные отношения, непосредственно относящиеся к базису и к над-

ствующего класса. Объектом преступления в понимании социалистического уголовного права являются социалистические общественные отношения» (стр. 175). Н. Д. Дурманов считает, что трактовка преступления как деяния, опасного для общественных отношений, является общепризнанной в советской юридической науке (см. «Понятие преступления», стр. 96). Как социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом, понимает объект преступления в социалистическом уголовном праве Н. И. Загородников (см. «Значение объекта преступления для определения меры наказания по советскому уголовному праву», «Труды ВЮА», вып. X, М., 1949, стр. 12). В. Н. Кудрявцев в статье «О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву» («Труды ВЮА», вып. XIII, М., 1951, стр. 64) рассматривает общественные отношения как объект преступления. М. А. Шнейдер признает, что преступление всегда направлено против социалистических общественных отношений и потому является общественно опасным («Советское уголовное право», М., 1955, стр. 113). Взгляд на объект преступления как на общественное отношение лежит в основе работ Б. С. Никифорова об объекте преступления. Авторы учебного пособия «Советское уголовное право. Часть общая» (ЛГУ, 1960) объектом преступления считают социалистические общественные отношения, выгодные и удобные советскому народу, ответственность за нарушение которых предусмотрена действующими уголовными законами (стр. 236).

¹ Критику этого положения см. в нашем предисловии к русскому переводу работы Йохима Реннеберга «Объективная сторона преступления».

стройке. Объектом преступных посягательств может быть экономическая основа СССР — социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, политическая основа СССР — Советы депутатов трудящихся, деятельность органов государственного управления и народного хозяйства, общественный порядок, трудовая дисциплина на фабриках, заводах, в учреждениях, совхозах и колхозах, отношения, связанные с осуществлением прав личной собственности, советский гражданин как субъект социалистических общественных отношений и т. д.

Положение о том, что объектом преступления являются общественные отношения, нашло свое признание в законодательных актах, изданных еще в первые годы существования Советского государства. В введении к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 года указывалось, что уголовное право «имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата». При определении уголовного права в п. 2 Руководящих начал еще более отчетливо была выявлена мысль, что объектом преступления являются общественные отношения: «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушений (преступлений) посредством репрессии (наказания)». Та же мысль проводилась и в п. 3 при определении советского уголовного права: «Советское уголовное право имеет задачей — посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Наконец, в определении понятия преступления (п. 5 Руководящих начал) также с полной отчетливостью проводилась мысль, что объектом преступления являются общественные отношения: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом».

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года ставил своей задачей правовую защиту государства трудящихся от общественно опасных элементов путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания и других мер социальной защиты (ст. 5). Таким образом, он признавал, что объектом уголовноправовой защиты, а тем самым и объектом преступления являются общественные отношения, существующие в государстве трудящихся. Определение понятия преступления, данное в ст. 6 этого кодекса, также исходило из понимания объекта преступления как общественных отношений: «Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку,

установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Об объекте преступления как общественном отношении говорила ст. 6 УК РСФСР 1926 года. Она указывала, что преступление посягает на советский строй или правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период.

Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 года в ст. 2 содержал более конкретное указание на объект посягательств основных групп преступлений. Закон говорил, что правосудие в СССР имеет своей задачей защиту от всяких посягательств:

а) установленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;

б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Понятие об объекте преступления как общественном отношении лежит в основе действующих законодательных актов по уголовному праву и судостроительству. Понятие преступления, данное ст. 7 Основ уголовного законодательства 1958 года, исходит из трактовки объекта как общественного отношения. Оно более конкретно по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством определяет объект преступления по советскому уголовному праву. Это — 1) советский общественный или государственный строй, 2) социалистическая система хозяйства, 3) социалистическая собственность, 4) личность, 5) политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, 6) социалистический правопорядок. В ст. 1 Основ при определении задач советского уголовного законодательства — охраны советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств — по существу обрисовывается и общий объект преступления по советскому уголовному праву, поскольку, как мы уже отмечали, объект уголовноправовой защиты тождествен с объектом преступления. Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик 1958 года в формулировках, близких к Закону о судостроительстве 1938 года, указывают на объекты посягательств ряда преступлений. В ст. 2 этих Основ отмечается, что правосудие в СССР

призвано охранять от всяких посягательств: а) закрепленный Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественный и государственный строй Союза ССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность; б) политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан СССР, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик; в) права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Понятие об объекте преступления как общественном отношении лежит в основе всех уголовных кодексов союзных республик (см., например, ст. ст. 1 и 7 УК РСФСР 1960 г.). Общественные отношения социалистического общества являются общим объектом, на который в конечном счете посягает любое преступление, предусмотренное советским уголовным законодательством.

Объект преступления является необходимым признаком состава каждого преступления. Не может быть признано преступлением деяние, которое не направлено ни на какой объект или направлено на объект, не охраняемый уголовным законом. Если даже лицо считает, что оно при этом совершает преступление, то все же совершенное им деяние представляет собой в таком случае лишь «мнимое преступление», которое не влечет за собой уголовной ответственности.

Объект преступления является тем необходимым признаком состава преступления, который в значительной мере определяет природу данного преступления и степень его общественной опасности. Исходя из объекта преступления, мы устанавливаем, какое преступление совершено — убийство или оскорбление, хищение государственного имущества или взяточничество, вредительство или спекуляция и т. д.

Каждый состав преступления есть юридическое понятие об определенном общественно опасном деянии. Однако следует иметь в виду, что состав преступления, описанный в уголовном законе, не всегда непосредственно содержит в себе указания, характеризующие объект данного преступления.

В Особенной части уголовного кодекса в качестве объекта преступления общественные отношения непосредственно указаны лишь в сравнительно немногочисленных случаях. Несмотря на это, они всегда могут быть установлены на основе понимания общего социально-политического смысла борьбы с подобного рода общественно опасными деяниями, на основе уяснения политических задач уголовного закона, определяющего признаки данного состава преступления, на основе расположения данного состава преступления в системе Особенной части.

В ряде случаев для характеристики объекта преступления указывается на нарушение тех или иных норм права, регулирующих соответствующие общественные отношения. Например, ст. 25 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления говорит о нарушении правил о валютных операциях; ст. 140 УК РСФСР 1960 года — о нарушении правил об охране труда. Таким путем раскрываются те общественные отношения, которые являются объектом данного преступления.

Многие составы преступлений построены так, что при характеристике объекта в них указаны не общественные отношения, а их элементы или материальное, имущественное выражение соответствующих общественных отношений (государственное имущество, общественное имущество, личное имущество граждан) или субъекты этих отношений.

В связи с этим, несмотря на единство исходных взглядов советских криминалистов на объект преступления как на общественное отношение, в теории уголовного права существуют значительные расхождения в понимании ряда основных вопросов учения об объекте преступления по социалистическому уголовному праву.

Всякое преступление, как мы указали, прямо или косвенно посягает на социалистические общественные отношения. Поэтому следует признать, что непосредственным объектом посягательства при совершении ряда преступлений могут быть не сами общественные отношения, а их элементы, их материальное выражение — при посягательстве на социалистическую и личную собственность, их субъекты — при посягательстве на личность советского гражданина. Это создает необходимость и в теории уголовного права при анализе конкретных составов преступлений специально учитывать непосредственный объект преступления, который имеет нередко большое значение для понимания данного состава преступления, для выяснения характера нарушаемых преступлением общественных отношений и позволяет отличить данный состав от других смежных с ним составов преступлений.

Ряд советских криминалистов в последние годы выступили с предложением отказаться от понятия непосредственного объекта преступления в теории уголовного права. Свой взгляд они основывают на том, что если общим объектом всех преступлений являются общественные отношения социалистического общества, то объектом каждого конкретного преступления должны быть отдельные виды общественных отношений, а не что-либо иное. Поэтому непосредственный объект, не являющийся общественным отношением, не может быть назван объектом преступления. Наименование его объектом преступления с точки зрения этих теоретиков представляет собой нарушение основных логических правил о взаимоотношении рода и вида. Поэтому

они считают, что государственное имущество при хищении является не объектом преступления, а лишь предметом посягательства. С точки зрения этих криминалистов в преступлениях против личности человек — не объект преступления, а только предмет посягательства¹. В частности, при убийстве жизнь человека оказывается также всего лишь предметом посягательства². Резко различая объект преступления и предмет посягательства, сторонники этого взгляда вместе с тем относили рассмотрение вопроса о предмете посягательства к учению об объекте преступления, не раскрывая связи между «объектом» и «предметом» преступления. Необходимо признать, что указанные взгляды получили значительное распространение как в работах советских юристов, так и в некоторых работах юристов стран народной демократии.

При исследовании имущественных преступлений этот вопрос был выдвинут в работе Д. Н. Розенберга «О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства)»: «Право, в данном случае имущественное, характеризуются отношением между людьми и в этом качестве оно выступает как объект, а не как предмет преступления. Предметом преступления имущественного характера может быть только имущество как вещь внешнего мира, обладающая определенными свойствами»³. Б. С. Никифоров также предложил именовать чужое имущество при хищении не объектом преступления, а лишь предметом посягательства; объектом преступления при этом он называет общественное отношение собственности в смысле права собственности⁴. Такого же рода взгляды высказывали в своих работах, посвященных рассмотрению посягательства на социалистическую собственность, С. И. Тихенко, Б. А. Куринов, Т. А. Сергеева. Подобные

¹ См., например, М. И. Федоров, Понятие объекта преступлений по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 190.

² Так, Тибор Хорват, исходя из того, что при анализе состава преступления всегда нужно иметь в виду различие между объектом и предметом посягательства, проводит взгляд, что объектом убийства является человек как социальное существо, а предметом — человек в биологическом смысле (Тибор Хорват, Борьба с преступлениями против жизни в Венгерской Народной Республике, автореферат канд. диссертации, 1955, стр. 6).

³ Д. Н. Розенберг, О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства), «Ученые записки Харьковского института», вып. 3, 1948, стр. 71.

⁴ См. Б. С. Никифоров, Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 23. Следует, правда, отметить, что Б. С. Никифоров в дальнейшем, видимо, отказался от концепции «объекта и предмета» (см. Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 130).

взгляды были высказаны также в работах, относящихся к рассмотрению посягательств против личной собственности граждан, Я. М. Брайниным, А. А. Филимоновой, М. А. Гельфером и Б. С. Никифоровым. Эта точка зрения получила широкое распространение в авторефератах кандидатских диссертаций по Особенной части, в частности в работах, посвященных уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и за посягательства на личную собственность граждан. Тех, кто не разделял этих взглядов, пытались даже обвинять в «некритическом перенесении» в советскую теорию уголовного права буржуазных концепций. В работах, специально посвященных понятию объекта преступления, также настойчиво проводилась мысль о том, что «разграничение объекта и предмета преступления имеет большое как теоретическое, так и практическое значение»¹. Специально вопросу о соотношении предмета и объекта преступления посвятил свою работу В. Н. Кудрявцев. По его мнению, подмена объекта предметом принижает якобы значение социалистических базисных и надстроечных отношений, служащих объектом охраны советского уголовного закона². Г. А. Кригер к предмету посягательства в отличие от его объекта относит по существу все элементы общественных отношений — физических и юридических лиц, их действия, вещи и процессы, служащие условием существования или формой выражения конкретных социалистических общественных отношений³. Авторы учебного пособия по уголовному праву, написанного коллективом кафедры уголовного права Ленинградского университета, считают предметом посягательства элементы того общественного отношения, которое является объектом преступления⁴.

Отрицание понятия непосредственного объекта посягательства и введение в учение об объекте преступления различия между объектом и предметом содержатся и в работах криминалистов демократической Германии. Так, Гератс в специальной работе, посвященной учению об объекте преступления, проводит различие между объектом преступления и предметом. Предметом он считает то, на что воздействует преступник; предмет отличается от объекта тем, что не является общественным отношением⁵. Так же решается этот вопрос в учебнике

¹ Н. И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды ВЮА», вып. XII, М., стр. 44.

² См. В. Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. XIII, М., стр. 51.

См. Г. А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник МГУ» 1955 г. № 1, стр. 123.

⁴ См. «Советское уголовное право. Часть Общая», изд-во Ленинградского университета, 1960, стр. 245.

⁵ См. Gerats, Die Lehre vom Objekt des Verbrechens, 1955, S. 22.

Общей части уголовного права, изданном в ГДР в 1957 году¹. Эта точка зрения проводится и в ряде других работ по Особенной части².

Нам представляется, что отказ от понятия непосредственного объекта и введение в учение об объекте преступления понятия предмета посягательства не вызываются необходимостью и являются методологически необоснованными. Если это только переименование непосредственного объекта в предмет посягательства, то оно является ненужным, так как непосредственный объект и есть предмет, на который воздействуют. Поэтому определять предмет как нечто, на что непосредственно воздействует преступник (имущество, здоровье человека и т. д.), и оставляя этот предмет в учении об объекте, не называть его объектом является неоправданным изменением ранее установившейся и более правильной терминологии. О предмете как элементе состава преступления в отличие от объекта можно и должно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления на него (предмет) не происходит посягательства. Так, объектом взяточничества является нормальная работа государственного аппарата, а предметом взяточничества являются определенные материальные ценности; объектом спекуляции являются советская торговля и интересы потребителя, а предметом спекуляции являются продукты сельского хозяйства, промышленные товары или иные предметы; объектом контрабанды является монополия внешней торговли Советского Союза, а предметом контрабанды являются товарно-материальные ценности, незаконно перевозимые через советскую границу и т. д. При таком понимании предмета преступления он не относится к объекту, а является принадлежностью объективной стороны состава этих преступлений.

Отказ от понятия непосредственного объекта преступления является и методологически необоснованным. Встречающиеся в нашей литературе высказывания, что различие общего объекта (как общественного отношения) и непосредственного объекта (который в большинстве случаев не является общественным отношением) научно несостоятельно, так как не соответствует отношению «рода» и «вида», являются слишком поспешными и необудительными. Отношение между объектом преступления

¹ «Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik», 1957, S. 312—325.

² Так, Дрезлер и Наундорф в работе «Преступления против личности» считают объектом убийства отношения, которые служат защите человеческой личности (U. Dressler und M. Naundorf, Verbrechen gegen die Person, 1955, S. 18), а предметом другого человека (там же, стр. 20); объектом телесного повреждения они называют общественные отношения, служащие поддержанию и защите здоровья людей, а предметом посягательства — живого человека (там же, стр. 48). Таким же образом решается вопрос и об объекте и предмете других преступлений против личности.

как общественным отношением и непосредственным объектом преступления следует рассматривать в плоскости взаимоотношения категорий материалистической диалектики — «сущности» и «явления». Непосредственный объект преступления — это предмет воздействия преступника, который мы можем непосредственно воспринимать (государственное, общественное или личное имущество граждан, здоровье, телесная неприкосновенность, свобода и достоинство граждан, представитель власти, государственные или общественные учреждения и т. д.). Общественное отношение как объект преступления — это то, что стоит за непосредственным объектом и что еще необходимо вскрыть, чтобы более глубоко понять истинное общественно-политическое значение рассматриваемого преступления¹. Поэтому непосредственный объект тесным образом связан с объектом как общественным отношением. При более внимательном рассмотрении он оказывается или материальной предпосылкой существования и развития соответствующих общественных отношений, или материальной формой их выражения, или их субъектом. Непосредственным объектом преступлений против личности является жизнь, здоровье, свобода, достоинство советских граждан. Но вместе с тем эти преступления нарушают общественные отношения социалистического общества, поскольку являются посягательством не на изолированного человека — «Робинзона», а на человека — субъекта общественных отношений социалистического общества. Без понимания этого нельзя понять специфики постановлений советского уголовного законодательства о преступлениях против личности.

Объектом преступлений против личности в нашем уголовном законодательстве являются те или иные блага личности трудящихся социалистического общества, т. е. субъектов социалистических общественных отношений. Это, конечно, не означает, что у нас не охраняются личные блага иностранцев, однако наше уголовное законодательство в области борьбы с преступлением против личности строится, исходя из интересов охраны личности граждан социалистического общества.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в главе о преступлениях против социалистической собственности, говоря о различных видах хищения, считает государственное общественное имущество непосредственным объектом посягательства. Право собственности всегда есть право на определенное имущество, право на те или иные материальные ценности. Хищение как

¹ В этом отношении справедливым является замечание М. Д. Шаргородского и Н. С. Алексеева: «Проблема объекта преступления является не менее важной и философски глубокой проблемой, чем проблема вины и причинения» (М. Д. Шаргородский и Н. С. Алексеев, Актуальные вопросы советского уголовного права, «Ученые записки ЛГУ», № 182, серия юридических наук, вып. 5, 1954, стр. 188—189).

посягательство на социалистическую собственность всегда выражается в посягательстве на государственное или общественное имущество, оно связано с уменьшением фондов материальных ценностей, находящихся в государственной собственности или в собственности общественных учреждений или предприятий. Посягая на государственное или общественное имущество, преступник тем самым посягает и на те производственные, экономические отношения социалистического общества, выражением которых является право государственной или общественной собственности на это имущество, принадлежность его государству или общественным организациям трудящихся.

Излишнее увлечение в советской уголовноправовой литературе проблемой разграничения объекта и предмета преступления повлекло за собой ослабление внимания к теоретической разработке действительно существенных вопросов учения об объекте преступления по социалистическому уголовному праву (правовые отношения и регулируемое ими общественное содержание как объекты преступления, связь между непосредственным объектом преступления и общественным отношением как объектом преступления).

Преступление есть вид правонарушения, которое может влечь за собой применение наказания. Поэтому всякое преступление посягает на право. Если под правом понимать лишь совокупность правовых норм, установленных или санкционированных господствующим классом, то необходимо сделать вывод, что в правовом аспекте объектом всякого правонарушения, в том числе и преступления, является норма права. Однако распространенное в советской юридической литературе определение права как совокупности норм, выдвинутое А. Я. Вышинским еще в 1938 году на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства, не может быть признано полностью правильным. Это определение охватывает лишь так называемое право в объективном смысле и оставляет за пределами понятия права как субъективное право, так и правовое отношение в целом. Нам представляется, что определение права, данное в «Манифесте Коммунистической партии», как воли господствующего класса, возведенной в закон, не дает основания для такого узко нормативного понимания права. Воля, возведенная в закон, есть воля господствующего класса, который осуществляет государственное руководство обществом. Эта воля находит свое выражение не только в нормах права, но и в охраняемых принудительной силой государства правовых отношениях.

Поэтому понятие права как воли господствующего класса, возведенной в закон, предполагает единство правовой нормы и правоотношения. Процесс реализации требований правовой нормы осуществляется в форме правоотношений. Такое понимание

права дает возможность включить в его содержание и субъективное право, в первую очередь — субъективные права граждан как субъектов социалистических правоотношений. Серьезным пробелом советской теории государства и права является недостаточное внимание к проблеме субъективного права. Это связано с односторонне нормативным пониманием права, которое долгое время было господствующим в советской теории государства и права¹.

Понимание права как единства правовой нормы и правоотношения позволяет более глубоко раскрыть природу правонарушения по социалистическому праву. О. С. Иоффе, исследуя объект гражданского правоотношения, правильно считает, что в силу диалектической взаимосвязи, существующей между нормой права и правоотношением, невозможно нарушить правовую норму без нарушения конкретного правоотношения, как нельзя нарушить правоотношение, не нарушив в то же время закрепляющей его правовой нормы. Отсюда он делает вполне обоснованный вывод: «Норма и правоотношение представляют собой единый объект посягательства при совершении гражданского правонарушения, однако в пределах этого единства сохраняется различие между нормой и правоотношением»². Такое понимание объекта правонарушения по существу применимо не только в области гражданского права, но и в любых других областях права. Предпосылкой такого понимания правовой характеристики объекта правонарушения является признание, что право не сводится только к нормам права, а должно быть понимаемо как единство правовой нормы и соответствующего ей правоотношения³.

Необходимо уточнить, чему причиняется ущерб при совершении правонарушения. В правоотношении при совершении правонарушения ущерб всегда причиняется субъективным правам отдельного лица, государственного учреждения или другого юридического лица или самого Советского государства. Нарушение обязанности, лежащей на другой стороне правоотношения, при правонарушении является лишь общим способом посягательства на субъективные права как объект правонарушения. Субъективные права граждан как объект посягательства специально подчеркиваются в определении понятия преступления,

¹ См. А. А. Пионтковский, Некоторые вопросы общей теории государства и права, «Советское государство и право» 1956 г. № 1; его же, К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права, «Советское государство и право» 1958 г. № 5.

² О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, М., 1955, стр. 80.

³ Такого вывода О. С. Иоффе, к сожалению, не делает, поскольку он не возражает против «общепринятого в советской литературе определения права» («Ответственность по советскому гражданскому праву», стр. 80).

данном в ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Всякое правоотношение является специфическим идеологическим общественным отношением, принадлежащим к надстройке. Правоотношение является правовой формой, содержание которой составляют иные общественные отношения. Например, экономические отношения собственности выступают в форме соответствующих правовых имущественных отношений, но от этого данные экономические отношения не перестают принадлежать к базису; они являются материальным содержанием соответствующих правовых отношений собственности.

Различие между правоотношениями как формой общественных отношений и общественными отношениями как их содержанием необходимо иметь в виду и при рассмотрении объекта правонарушения. Каждое правонарушение, в том числе и преступление, посягает не только на правовые отношения, но и на общественные отношения, являющиеся содержанием последних.

Поясним это положение, рассмотрев посягательство на социалистическую собственность. Собственность как экономическая категория есть общественные отношения людей по поводу присвоения материальных благ, прежде всего средств производства, в определенной экономической формации. Общественные отношения, определяющие присвоение средств производства, т. е. собственность на средства производства, являются основой производственных отношений. Собственность как юридическая категория, как право собственности, это — охраняемое государством право владеть, пользоваться и распоряжаться определенным имуществом. Право собственности есть вместе с тем не отношение лица к вещи, а правовое отношение между людьми по поводу определенных материальных благ. Владение, пользование и распоряжение вещью потому является правом собственности лица, что ему соответствует установленная законом обязанность других лиц не нарушать владения собственника, не препятствовать ему пользоваться и распоряжаться вещью. Право собственности является юридическим закреплением определенных форм производственных отношений. Право собственности в каждую историческую эпоху обуславливается формой собственности на средства производства, формой производственных отношений. Отношения собственности как общественно-производственные отношения складываются независимо от воли и сознания отдельных лиц. Они относятся к базису. Юридические отношения собственности представляют собой волевые отношения между людьми и принадлежат к надстройке. При хищении происходит посягательство на чужое имущество, которое является непосредственным объектом преступления. Посягательство на чужое имущество — это посягательство на право лица

владеть собственностью, пользоваться и распоряжаться ею, т. е. нарушение охраняемого законом правоотношения по поводу данного имущества. Переходя далее от явления к сущности, мы должны признать, что посягательство на это правоотношение всегда связано с посягательством на те общественные отношения, которые являются его содержанием, т. е. с посягательством на производственные отношения и всецело зависящие от них формы распределения продуктов производства. Поэтому посягательства на социалистическую собственность есть посягательства на основу советского строя. Так должен быть разрешен вопрос об объекте преступления как общественном отношении и о непосредственном объекте посягательства при различных видах хищения имущества.

Общественные отношения собственности и в буржуазном, и в социалистическом государстве неразрывно связаны с правом на определенное имущество, одно без другого не существует. Это и должно быть положено в основу понимания социалистической теорией уголовного права объекта имущественных преступлений в буржуазном праве и в основу понимания объекта преступлений против социалистической и личной собственности по советскому уголовному праву. Буржуазные криминалисты, считая объектом имущественных преступлений чужое имущество, остаются на поверхности явлений. Они не вскрывают и не способны вскрыть экономические отношения частной собственности, выражением которых является право частной собственности на это имущество. Тем самым они скрывают классовый смысл борьбы с подобными преступлениями в буржуазном обществе как борьбы за охрану неприкосновенности частной собственности — основы буржуазного общества.

В Особенной части уголовных кодексов все составы преступлений расположены по определенной системе. В основу этой классификации кладется деление преступлений по различию в объекте посягательства. В связи с этим наряду с понятием об общем объекте преступления по социалистическому уголовному праву как общественных отношениях социалистического общества необходимо говорить об объектах преступлений, являющихся едиными для определенной группы преступлений, например, объект должностных преступлений, объект хозяйственных преступлений, объект преступлений против порядка управления, объект преступлений против личности и т. д. (групповой или родовой объект преступления). Родовым объектом преступления является определенная категория общественных отношений, за исключением тех преступлений, которые объединяются по посягательству на субъекта общественных отношений, — преступлений против личности.

По этим родовым объектам посягательства преступления могут быть объединены в сравнительно немногочисленные группы. Такие преступления, как убийство, телесное повреждение, аборт; доведение до самоубийства, изнасилование, клевета, оскорбление и некоторые другие, объединяются в главу о преступлениях против личности. Глава об особо опасных государственных преступлениях по общности родового объекта посягательства (Советское государство) объединяет такие преступления, как измена родине, террористический акт, вредительство, диверсия, саботаж, антисоветская агитация и т. д.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и уголовные кодексы других союзных республик в соответствии с прежним общесоюзным законодательством содержали в некоторых случаях описание общих объектов преступлений для определенных групп преступных деяний. Например, в ст. 59 УК РСФСР 1926 года содержалось описание общего объекта посягательства как для всех преступлений против порядка управления вообще, так и для особо опасных для Союза ССР преступлений против порядка управления. В ст. 193¹ этого же кодекса говорилось об общем объекте воинских преступлений. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и Закон об уголовной ответственности за воинские преступления, принятые в 1958 году, таких описаний групповых объектов преступлений не знают.

Внутри группы преступлений, объединяемых по общему объекту посягательства, специфические особенности каждого преступления определяются прежде всего характером непосредственного объекта этого преступления или стоящего за ним конкретного общественного отношения. Так, преступления против личности объединяют посягательства на различные блага: жизнь, здоровье, личную свободу, достоинство. Эти непосредственные объекты посягательства определяют специфические особенности отдельных преступлений против личности — убийства, телесного повреждения, лишения свободы, клеветы. Хозяйственные преступления объединяют в себе посягательства на промышленность, торговлю, сельское хозяйство, финансовую систему.

Некоторые составы преступлений по своему существу содержат одновременно посягательства не на один, а на два или несколько объектов. Например, разбой, являясь преступлением против личной собственности граждан, вместе с тем является одновременно и посягательством против личности. Заведомо ложный донос должностному лицу, имеющему право возбуждать уголовное преследование, имеет также два непосредственных объекта посягательства — он посягает на нормальную работу судебно-следственного аппарата, побуждая начать неосно-

вательное уголовное преследование против невиновных лиц, и на интересы отдельной личности, которые могут пострадать, если в результате ложного доноса человек подвергнется уголовному преследованию.

Установление непосредственного объекта совершенного преступления является необходимым условием правильной квалификации этого деяния. Так, в тех случаях, когда объектом кражи является социалистическая собственность, встает вопрос о применении ст. 89 УК РСФСР 1960 года. Хищение имущества, принадлежащего на правах личной собственности отдельному трудящемуся, не может быть квалифицировано по указанной статье, за исключением случаев, когда оно находится в ведении государственных или общественных учреждений или предприятий, при материальной ответственности их за сохранность этого имущества.

Выяснение социально-политического смысла преступления позволяет правильно решить вопрос об его объекте и тем самым правильно квалифицировать совершенное преступление. Преступные деяния, внешне схожие по своим объективным признакам, могут иметь различный общественно-политический смысл. Истребление государственного имущества может быть и диверсионным актом агента иностранной разведки, и хулиганской выходкой отдельных неустойчивых элементов, сохранивших в своем сознании пережитки прошлого; убийство представителя власти может быть и террористическим актом, и бытовым убийством; незаконное распоряжение должностного лица государственным имуществом может быть и злоупотреблением служебным положением, и хищением государственного имущества и т. д.

Примером того, какое значение для квалификации совершенного преступления имеет правильное установление объекта посягательства, может служить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1946 г. по делу М. Проживавший в г. Ашхабаде М., не расторгнув брака с К., с которой он уже давно не находился в фактических брачных отношениях, зарегистрировал в сентябре 1945 года брак с В. Между судебными инстанциями возникли разногласия по поводу квалификации совершенного М. деяния. Народный суд квалифицировал его как преступление против личности — двоеженство, предусмотренное Уголовным кодексом Туркменской ССР 1927 года (вступление в новый брак при наличии брака, заключенного и в установленном порядке не расторгнутого). Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда Туркменской ССР и Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР квалифицировали эти действия как преступление против порядка управления: сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, и сообщение ложных сведений органам, ведущим регистрацию актов

гражданского состояния. Перед Пленумом Верховного Суда СССР встал вопрос, как правильно квалифицировать действия М. Исходя из социально-политического смысла статьи Уголовного кодекса Туркменской ССР о двоеженстве, Пленум Верховного Суда СССР признал, что она охватывает те случаи, когда указанные в ней действия выступают в виде пережитков родового быта и, сопровождаясь двоеженством или многоженством, т. е. одновременным осуществлением брачных отношений с двумя или несколькими женами, посягают тем самым на честь и достоинство женщины, препятствуя ее раскрепощению. Что касается тех случаев, когда вступление в новый брак при наличии другого нерасторгнутого брака не сопровождается фактически двоеженством и не представляет собой посягательства на честь и достоинство женщины, то такие действия должны рассматриваться как преступление против порядка управления. Поэтому действия М. Пленум Верховного Суда СССР счел необходимым квалифицировать по соответствующей статье главы о преступлениях против порядка управления.

§ 2

Понятие объекта преступления в буржуазном уголовном праве

Как не в состоянии буржуазная теория уголовного права разрешить вопрос о понимании преступления, так не может она правильно ответить и на вопрос о том, что является объектом преступления. В период борьбы с феодализмом буржуазные идеологи в области уголовного права выдвинули свое понятие объекта преступления: интересы общества или интересы отдельного лица.

Зачатки деления преступлений на преступления против интересов отдельного лица и преступления против интересов общества можно встретить у представителей теории естественного права, этих первых идеологов растущей буржуазии среди правоведов. Наиболее отчетливо такое деление проведено у Пuffендорфа. Он различает преступления против: 1) бога, 2) всего общества, 3) отдельного лица, 4) отдельной семьи, 5) вещей и 6) чести.

Противопоставление преступлений против личности и общества еще яснее выражено у идеологов буржуазии непосредственно перед эпохой французской революции. Так, Монтескье делит все преступления на следующие группы:

1) Преступления против религии. К ним он относил лишь те, которые затрагивают религию непосредственно (например,

святотатство). Действия, нарушающие отправление религиозных обязанностей, он относил к преступлениям, нарушающим спокойствие и безопасность граждан.

2) Преступления против нравственности. В эту группу входили оскорбления публичной и частной благопристойности.

3) Преступления против общественного спокойствия. К ним Монтескье относил лишь нарушения полицейских правил, так как те из этих преступлений, которые, возмущая спокойствие, нарушают в то же время и безопасность граждан, должны быть отнесены к четвертому разряду.

4) Преступления против безопасности граждан. Сюда входили преступления против личности и имущества¹.

Первые три группы объединяют преступления против общественных интересов; последняя группа — преступления против частных интересов. В классификации Монтескье преступления против личности и имущества впервые заключаются в общие скобки как группа посягательств против интересов отдельной личности. В этом находит свое отражение трактовка собственности как одного из прав личности. Государственным преступлениям в классификации Монтескье совершенно не уделено места.

Чезаре Беккариа, считающийся отцом буржуазной классической теории уголовного права, говорил о делении преступлений: «Некоторые преступления разрушают непосредственно само общество или вызывают гибель того, кто является его представителем, другие нарушают личную безопасность граждан, посягая на их жизнь, имущество и честь, третьи являются действиями, которые противоречат тому, что ввиду общественного блага закон предписывает каждому гражданину делать или не делать»². Первая группа преступлений есть не что иное, как преступления против государства — «оскорбление величества» по терминологии того времени. Характерное для буржуазной идеологии объединение преступлений против личности в тесном смысле этого слова и преступлений против имущества в одну группу проводит и Беккариа. О религиозных преступлениях он вовсе не упоминает, не считая их подлинными преступлениями.

Деление преступлений, проводимое в работах криминалистов-идеологов восходящей к власти буржуазии, с победой ее получает законодательное признание. Оно проводится уголовными кодексами, созданными французской буржуазией в 1791 и 1810 годах. Деление преступных деяний на преступления против личных благ и преступления против общества с этого времени получает постепенно всеобщее признание. Его начинают

рассматривать как само собой разумеющееся, естественное и непреложное. В основе всех современных буржуазных уголовных кодексов лежит эта же группировка преступлений.

Указанное понятие об объекте, связанное с отрицанием возможности карать лишь за умонастроение и за религиозные преступления, имело определенное исторически прогрессивное значение.

С приходом буржуазии к власти, когда перед буржуазной теорией уголовного права встала задача изучения позитивного уголовного законодательства, получило распространение нормативное понимание объекта преступления. Нормативная теория объекта преступления, как и соответствующая ей нормативная теория права, является идеалистической теорией.

Нормативная теория права и нормативная теория объекта преступления рассматривают нормы в отрыве от тех общественных отношений, которые они выражают и регулируют. В нормативной теории объекта преступления исчезает всякое указание на реальное общественное содержание объекта преступления в буржуазном уголовном праве. В связи с этим и само преступление понимается как голое нарушение нормы, «непослушание правопорядка». Юридическая форма преступления представляется здесь криминалистам сущностью самого преступления. Они не видят и не желают видеть ни действительного социального содержания преступления, ни действительного объекта преступления — общественных отношений буржуазного общества. Нормативная теория объекта преступления не только извращает действительную сущность преступления в буржуазном обществе, но и служит средством маскировки классового содержания буржуазного уголовного закона.

Среди немецких криминалистов сторонником нормативной теории объекта преступления был Биндинг, среди французских — Ортолан. Дореволюционный русский криминалист Таганцев, определяя преступление как посягательство на правовую норму в ее реальном бытии, считал объектом преступления норму права, нашедшую выражение в жизненном интересе, входящем в сферу субъективных прав и охраняемом этой нормой. Другой русский дореволюционный криминалист — Фойницкий считал, что всякое преступное деяние имеет два объекта: посредственный — нарушаемая им заповедь и непосредственный — то отношение, которое ограждается данной заповедью, составляя ее реальное проявление. На первый взгляд может показаться, что понимание Фойницким объекта преступления как будто приближается к пониманию его как общественного отношения — «ближайшим объектом преступления является то отношение, которое составляет реальное содержание данной нормы».

¹ См. Монтескье, О духе законов, СПб., 1900, стр. 189—190.

² Ч. Беккариа, О преступлениях и наказаниях, стр. 228.

Но, однако, при более внимательном рассмотрении взглядов Фойницкого нетрудно видеть, что под отношениями он имеет в виду вовсе не то, что понимаем мы под общественными отношениями. Это вовсе не отношения людей в процессе производства, обмена, распределения хозяйственных благ и т. д. Для него «отношение» — это то, как должен вести себя гражданин по отношению к жизни другого, имуществу, свободе другого лица и т. д., руководствуясь данной нормой. Таким образом, «отношения» Фойницкого — это не общественные отношения между людьми, а должное поведение данного лица в каждом конкретном случае в соответствии с требованиями общей нормы. Поэтому между взглядом на объект преступления, проводимым Фойницким, и представлением об объекте преступления советской теории уголовного права не существует ничего общего. Взгляд Фойницкого на объект преступления не может изменить данной уже оценки нормативного понятия об объекте преступления. Фойницкий не понимал, что нормы являются выражением реально существующих общественных связей людей в процессе общественной жизни. В совершении преступления он не видит нарушения этих отношений. Его взгляд является идеалистическим взглядом на объект преступления.

В буржуазной теории уголовного права встречается деление объекта на объект действия и объект защиты. Объект действия является с этой точки зрения всегда предметом нашего чувственного восприятия (человек, имущество). При этом так называемые формальные преступления признаются не имеющими объекта действия. Объектом защиты являются государственные или общественные интересы или интересы отдельного лица, которые служили законодателю основанием для установления соответствующих карательных санкций. Это не материальный объект, а всего лишь мыслимый, абстрактный (неприкосновенность человеческой личности при убийстве, порядок имущественных отношений при краже, существование государства при государственной измене и т. д.)¹. Авторы, выражающие это мнение, исходят из теоретически ошибочных положений: они разрывают связь между непосредственным объектом преступления и общественными отношениями как объектом уголовно-правовой охраны, они извращенно, идеалистически трактуют общественные отношения (например, отношения собственности) не как реальные, а как мыслимые отношения.

В период перехода капиталистического общества в стадию империализма в буржуазной теории уголовного права получает распространение представление об объекте преступления как о правовом благе. Эта теория также служит средством маски-

ровки классового содержания буржуазного уголовного закона, маскировки того, что преступление в буржуазном обществе всегда нарушает порядок, угодный и выгодный интересам эксплуататорского класса.

Теория объекта преступления как правового блага опиралась на реакционную теорию права немецкого юриста Иеринга, развитую им во второй половине XIX века для оправдания насилия со стороны буржуазного государства. Иеринг определял право как всякий защищаемый государством интерес. Криминалисты-социологи (например, Лист) определяют объект преступления как защищенный правом жизненный интерес. Эта теория является поверхностно-эмпирической теорией объекта преступления. В своих построениях криминалисты-социологи исходят из грубо механического представления об обществе как совокупности людей, каждый из которых, действуя для себя, действует якобы и для других. Для них «защищенный интерес» есть якобы лишь условие, необходимое для существования отдельной личности. Они не способны были понять классовой структуры буржуазного общества. Поэтому и теория объекта преступления как правового блага не в состоянии была дать действительного понятия об объекте преступлений, совершаемых в буржуазном обществе.

Указанная теория направляла внимание юристов при решении вопроса о противоправности деяния не на норму закона, а на стоящее за пределами закона благо. Это могло прокладывать дорогу усмотрению судьи, ибо если у судьи нет желания применить наказание в данном случае, то он может признать отсутствие посягательства на правовое благо. Как справедливо отмечают юристы демократической Германии, учение о правовом благе во времена Веймаровской Германии служило основанием для освобождения от наказания убийц революционных рабочих. Впрочем, для фашиствующих криминалистов Западной Германии теория защищенного правового блага представляется как некое препятствие, которое необходимо устранить, чтобы дать полный простор судейскому усмотрению в расправе с антифашистскими деятелями. Автор финальной теории в уголовном праве Вельцель утверждает, что посягательство на правовое благо может и отсутствовать, когда суд признает на основе общей направленности воли лица наличие преступления. Другой сторонник этих «идей» — Маурах заявляет, что отрицательная оценка поведения в такой мере уже определяет наказуемость, что идея защиты правового блага полностью исчезает. Таким образом, эти криминалисты считают, что защита уголовным законом правовых благ имеет второстепенное значение для признания наличия преступления и что могут быть преступления, когда отсутствует посягательство на какое-либо правовое благо. Подобное представление о преступлении без

¹ Theodor Ritter, Lehrbuch des Österreichischen Strafrechts, Allgemeiner Teil, 1954, S. 89.

объекта посягательства означает лишь одно — оправдание наказуемости «неодобрительного поведения», т. е. настроения, не согласного с режимом и господствующей идеологией Западной Германии¹.

Как на разновидность фашистских теорий объекта преступления следует указать и на теорию, видящую объект преступления в обязанности и отрицающую одновременно за «правовым благом» качество объекта преступлений. В связи с этим авторы подобной теории видят сущность преступлений в непослушании, в нарушении возложенной на данное лицо обязанности. Эти солдатски фашистские теории грубо противопоставлялись в писаниях фашистских криминалистов буржуазно-либеральным идеям в области уголовного права.

¹ Gerats, Die Lehre vom Objekt des Verbrechens, S. 12—13.

Глава VI

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Общественная опасность и противоправность преступного деяния¹

Объективная сторона состава преступления представляет собой характеристику уголовным законом внешних признаков преступного деяния. По своим объективным общественным свойствам всякое преступление является общественно опасным деянием, т. е. действием или бездействием, посягающим на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан или на социалистический правопорядок. Поэтому всякое преступление по советскому уголовному праву характеризуется не только определенными фактическими признаками деяния, но и его общественным свойством — опасностью для советского строя или социалистического правопорядка.

Общественная опасность деяния есть его социально-политическая характеристика в целом. Это — объективное обществен-

¹ Л. Шуберт, Об общественной опасности преступного деяния, М., 1960; В. Н. Кудрявцев, О противоправности преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1; его же, Объективная сторона преступления, М., 1960.

ное свойство всякого преступления. Во время дискуссий по вопросу о составе преступления наш взгляд на общественную опасность деяния как объективную категорию в ряде случаев получил ложную интерпретацию. Из того обстоятельства, что общественная опасность рассматривается нами как объективный признак преступного деяния, изучение которого тем самым должно найти место при рассмотрении его объективных свойств (объективная сторона состава преступления), делался неправильный вывод, что мы якобы считаем, что общественная опасность деяния характеризует лишь опасность его фактических объективных признаков, а не всего деяния в целом¹. Совершенно очевидно, что если бы общественная опасность деяния выражала опасность лишь его объективных фактических черт, то следовало бы сделать вывод, что одно и то же преступление (например, убийство), совершенное умышленно или по неосторожности, представляет всегда одну и ту же степень общественной опасности. Общественная опасность деяния есть его опасность для социалистического правопорядка. Она находит свое выражение в признании данного деяния преступным и установлении за него в законе определенного наказания.

Общественная опасность, являясь объективным свойством преступного деяния, отличается от других его объективных чисто фактических признаков — лишения жизни, нанесения телесного повреждения, похищения секретного документа и т. д. Фактические объективные признаки преступного деяния могут быть непосредственно восприняты органами наших чувств — зрением, осязанием, слухом. Общественное свойство преступного деяния — его опасность для социалистического правопорядка — не поддается чувственному восприятию, но тем не менее оно объективно существует и может быть познано нашим рассудком путем уяснения вредного, отрицательного значения данного деяния для развития и укрепления социалистических общественных отношений и охраны прав и интересов отдельных граждан. В общественных явлениях всегда необходимо различать их фактиче-

¹ Чтобы положить конец этому превратному толкованию наших взглядов, нами в учебнике «Советское уголовное право. Часть Общая» (М., 1952) специально было написано: «Общественная опасность деяния есть социальная характеристика деяния в целом. Это есть объективное свойство преступного деяния в целом» (стр. 80). Тем не менее в работах, изданных после 1952 года, можно встретить необоснованное приписывание нам иных взглядов на общественную опасность деяния, лишь мешающих читателю уяснить суть принципиальных споров о составе преступления и общественной опасности деяния. Такую позицию занял А. Н. Трайнин («Общее учение о составе преступления», стр. 78, 79). Без всякого основания о таких же мнимых ошибках «отдельных авторов» пишет Г. А. Кригер в статье «Индивидуализация наказания по советскому уголовному праву» (см. «Применение наказания по советскому уголовному праву», изд.-во МГУ, 1958, стр. 70).

ские черты и их общественную характеристику, их социальный смысл.

Общественная опасность преступного деяния порождается тем, что оно или непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба. Степень общественной опасности деяния находит свое выражение в характере карательной санкции уголовного закона. Таким образом, общественная опасность деяния прежде всего определяется самим законодателем в соответствии с опасностью этого деяния для системы социалистических общественных отношений.

Степень общественной опасности конкретного преступного деяния определяет суд, когда назначает наказание осужденному в рамках санкции уголовного закона, руководствуясь своим социалистическим правосознанием.

Признание советским законом того или иного деяния общественно опасным определяется социалистическим государством в соответствии с потребностями укрепления и защиты общественных отношений социалистического общества в соответствии с интересами всех трудящихся.

Общественно опасными для социалистического государства являются происки агентов империалистического лагеря и их пособников, пытающихся подорвать обороноспособность нашей великой Родины, посягательства антиобщественных элементов на личность советского гражданина, действия воров и других туеядцев, пытающихся жить за счет хищений государственного или общественного имущества или личной собственности граждан или получать нетрудовой доход путем спекуляции. Общественную опасность представляют собой нарушения государственной дисциплины, обман государства, выпуск недоброкачественной продукции, халатное отношение должностных лиц к своим служебным обязанностям и т. д.

Перечень общественно опасных действий дается в Особенной части уголовных кодексов союзных республик.

Степень общественной опасности различных групп и отдельных видов преступлений неодинакова. Так, государственные преступления являются значительно более общественно опасными для Советского государства, чем преступления против порядка управления. Убийство более общественно опасно, чем телесное повреждение, кража государственного имущества более общественно опасна, чем кража имущества отдельных граждан, и т. д.

Круг деяний, которые признаются советским уголовным законом общественно опасными, не является неизменным. Некоторые действия, которые не считались преступными, могут стать общественно опасными и быть признаны советским уголовным законом преступлениями, и, наоборот, отдельные деяния могут

потерять свою общественную опасность и перестать считаться преступлениями. В зависимости от изменения социально-политической обстановки в стране может меняться и степень общественной опасности отдельных преступлений.

Так, во время Великой Отечественной войны многие преступные деяния стали рассматриваться как более общественно опасные и карались гораздо строже, чем в мирное время. Иногда это изменение степени общественной опасности деяния требовало качественно иной юридической квалификации преступления. Например, те хищения социалистической собственности, которые до войны влекли уголовную ответственность или по статьям о должностных преступлениях, или по статьям об имущественных преступлениях, во время Отечественной войны, когда социалистическая собственность приобрела особое значение для обороны страны, правильно карались более сурово по Закону 7 августа 1932 г. В условиях военного времени изменился характер общественной опасности нарушений трудовой дисциплины на транспорте. В силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. работники железнодорожного транспорта отвечали за нарушения по службе как за воинские преступления. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1943 г. распространил это положение и на работников водного транспорта. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий приравнял самовольный уход с таких предприятий к дезертирству, принимая во внимание то огромное значение, которое имела работа военной промышленности для обороноспособности страны. В условиях Отечественной войны был признан общественно опасным и влекущим за собой уголовную ответственность целый ряд новых действий, например, распространение ложных слухов, вызывающих тревогу среди населения, невыполнение ряда обязанностей военного времени и т. д.¹

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. об амнистии отразил назревшее изменение степени общественной опасности многих преступлений. Указ признал, что в связи с возросшей силой советского строя необходимо было пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить ответственность за отдельные преступления. Изменение степени и характера общественной опасности целого ряда деяний учитывалось и при разработке

уголовных кодексов отдельных союзных республик. Это привело не только к снижению карательных санкций за многие преступления, но и к полному отказу от уголовной ответственности за многие деяния, которые ранее признавались преступными. Так, при подготовке нового Уголовного кодекса Узбекской ССР было исключено 109 статей из прежнего Уголовного кодекса: представление неправильных сведений о количестве подлежащих учету предметов, о поголовье скота или составе имущества, несообщение сведений об обработке хлопковых площадей, одновременное участие одного лица в двух или более обществах в качестве их членов и т. д. Одновременно в новый кодекс были включены такие деяния, которые ранее не предусматривались в качестве преступления: неосторожное истребление и повреждение имущества, систематическое невыполнение плановых заданий по поставкам продуктов, нетрудовое торговое посредничество, незаконная перевозка пассажиров и грузов и т. д.

В Уголовный кодекс РСФСР 1960 года было включено 25 новых составов преступлений: злостное уклонение от оказания помощи родителям, нарушение тайны переписки, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, надругательство над могилой и т. д. При подготовке нового Уголовного кодекса РСФСР было исключено более 60 составов преступлений, известных ранее действовавшему уголовному законодательству.

Преступное деяние всегда нарушает нормы, охраняемые уголовным законом. Этот нормативный момент в уголовном праве находит выражение в признании преступлением лишь общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Преступление является по своим объективным общественным свойствам не только общественно опасным, но одновременно и противоправным деянием. При этом необходимо подчеркнуть, что противоправность деяния в уголовном праве мы понимаем в смысле противоречия его правовой норме, нарушение которой карается уголовным законом. Поэтому то или иное действие или бездействие может считаться противоправным с точки зрения гражданского права или права административного, но не быть таковым для уголовного права. Это вместе с тем означает, что уголовное право всегда имеет дело с деяниями определенной степени общественной опасности, и именно такой, которая для защиты и укрепления общественных отношений социалистического общества требует применения наказания. Как мы ранее показали, всякое правонарушение независимо от формы ответственности за него представляется общественно опасным, так как оно или причиняет вред общественным отношениям, или заключает в себе опасность такого причинения. Однако не всякое правона-

¹ См. «Советское право в период Великой Отечественной войны», ч. 2, М., 1948.

рушение является преступлением. Им является лишь правонарушение определенной степени общественной опасности. Поэтому, когда в дальнейшем мы говорим об общественной опасности деяния как необходимом элементе состава преступления, то мы имеем в виду такую степень общественной опасности, которая обосновывает уголовную ответственность за совершение такого деяния.

Общественная опасность является материальной характеристикой общественного свойства всякого преступления. Противоправность есть лишь юридическое выражение этого свойства. Поэтому отношение между противоправностью деяния и его общественной опасностью может быть выражено как отношение между правовой формой деяния и его материальным социально-политическим содержанием. Наше социалистическое уголовное право, определяя понятие преступления, придает решающее значение материальной характеристике преступления как деяния общественно опасного.

Прекращение уголовного преследования в соответствии с постановлением ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, которые не могут быть признаны общественно опасными в силу своей малозначительности, означает, что в них отсутствует состав преступления по советскому уголовному праву и они не могут быть признаны преступлением.

Противоправность деяния, а тем самым и его общественная опасность, является необходимым признаком состава каждого преступления, известного нашему законодательству. В ряде случаев указанные в законе фактические признаки, определяющие характер данного преступления, вместе с тем включают в себе обязательно и признак общественной опасности (противоправности) совершенного деяния (например, клевета, изнасилование). В ряде случаев признак противоправности специально вводится законом в определение понятия отдельного преступления (например, незаконное лишение свободы). Иногда его вносит судебная практика и советская теория уголовного права при раскрытии признаков соответствующих составов преступлений. Так Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» определял хищение как умышленное незаконное обращение в свою собственность государственного и общественного имущества независимо от форм и способов его совершения. Убийство, например, определяется в теории советского уголовного права как противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни человека; взяточничество — как противоправное получение должностным лицом

имущественных ценностей за совершение или несовершение в интересах дающего определенных действий и т. д. Вопрос о противоправности деяния, тесно связанный с его фактическими чертами, решается в процессе установления состава преступления, а не после этого.

Преступление в ряде случаев нарушает ту норму права, которая непосредственно только и может быть извлечена из уголовного закона. Например, уголовные законы об ответственности за убийство устанавливают вместе с тем и правовую норму о неприкосновенности жизни человека. Во многих случаях преступления связаны с нарушением правовых норм, уже выраженных ранее в других отраслях права. Однако установление уголовной ответственности за их нарушение придает особое уголовноправовое качество противоправности деяния, нарушающего эти нормы. То обстоятельство, что угроза применения наказания за нарушение ряда норм различных отраслей права (гражданского, хозяйственного, административного и т. д.) обуславливает особый характер противоправности совершенного преступного деяния, не означает, что в самом преступном деянии следует различать две противоправности: противоправность гражданскоправовую, административноправовую и т. п., с одной стороны, и противоправность уголовноправовую — с другой. Установление карательной санкции за соответствующее нарушение норм права придает специфический характер противоправности совершенного преступного деяния — противоправности в смысле уголовного права. Оно одновременно свидетельствует о качестве особого характера общественной опасности этого деяния, требующей установления за него уголовной ответственности. Объективным свойством преступления и необходимым объективным признаком состава преступления является единая противоправность в смысле уголовного права. Поэтому мы не можем согласиться с мнением В. Н. Кудрявцева, что противоправность хищения, убийства, взяточничества и т. д. характеризует якобы не уголовную, а лишь гражданскоправовую, административноправовую и тому подобную противоправность деяния¹.

Признание противоправности деяния необходимым элементом состава преступления влечет за собой ряд практических выводов.

Всегда отсутствует состав преступления там, где нет противоправности (общественной опасности) совершенного деяния. Нет состава преступления, например, при совершении правомерного акта необходимой обороны или крайней необходимости. Нет состава преступления, когда деяние лица в силу малозначительности лишено характера общественной опасности. В нем

¹ См. В. Н. Кудрявцев, О противоправности преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 74.

отсутствует состав преступления в силу отсутствия материальной характеристики всякого преступления — общественной опасности данного действия лица.

На то обстоятельство, что при этом в действиях лица отсутствует именно состав преступления, было особо указано еще в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 июня 1926 г., которое специально поставило вопрос о необходимости перенести в уголовный кодекс норму о малозначительности деяния, содержащуюся ранее в ст. 4-а УПК РСФСР 1923 года. Пленум Верховного Суда РСФСР признал, что прекращение уголовного преследования при малозначительности и отсутствии вредных последствий совершенного деяния должно быть производимо в порядке п. 5 ст. 4 УПК РСФСР 1923 года, т. е. за отсутствием в действиях лица состава преступления. Ту же мысль проводило и письмо НКЮ и Верховного Суда РСФСР по применению Уголовного кодекса РСФСР 1926 года: «Уголовный кодекс 1926 г. делает практический вывод из того определения сущности преступления, которое содержалось в Уголовном кодексе 1922 г. и содержится в Уголовном кодексе 1926 г. ...Из такого отношения к сущности преступления вытекает, что, если данное конкретное действие лишено указанных признаков социальной опасности, оно не может рассматриваться как преступление, хотя бы формально и подходило под признаки какой-либо статьи особенной части уголовного кодекса». Указанное письмо подчеркивало, что отсутствие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года нормы, соответствующей примечанию к ст. 6 УК РСФСР 1926 года, приводило к тому, что встречались случаи осуждения за такие действия, которые не заключали в себе по существу состава преступления. Практика Верховного Суда СССР также считала, что прекращение дела в порядке примечания к ст. 6 УК РСФСР 1926 года означало прекращение преследования за отсутствием в действиях лица состава преступления. Поэтому, в частности, освобождение из мест заключения в силу прекращения дела по признакам, указанным в этом примечании, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 21 сентября 1939 г. влекло за собой, как и в других случаях прекращения дела за отсутствием в действиях лица состава преступления, выдачу заработной платы за два месяца.

Признание отсутствия состава преступления в действиях, которые хотя формально и подпадают под признаки какой-либо статьи Особенной части уголовного кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишены характера общественно опасных, непосредственно вытекало из того определяющего значения, которое имеет материальное понятие преступления для раскрытия признаков состава преступления по советскому уголовному праву.

В оценке значения примечания к ст. 6 УК РСФСР 1926 года среди советских криминалистов не было единства мнений. Изложенный здесь взгляд разделяется Н. Д. Дурмановым¹ и В. М. Чхиквадзе². Иную позицию в этом вопросе занимал А. Н. Трайнин. По его мнению, признаки, указанные в примечании к ст. 6 УК РСФСР 1926 года, не устраняли состава преступления в действиях лица, а устраняли лишь наказуемость совершенного деяния³. Эта позиция А. Н. Трайнина была связана с его общим ошибочным, с нашей точки зрения, взглядом, что общественная опасность деяния не принадлежит к признакам состава преступления. В основе этого взгляда лежал отрыв материального понятия преступления от формальных признаков преступного деяния по советскому уголовному праву.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ч. 2 ст. 7 указывают, что не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. В этом случае не может быть возбуждено уголовное преследование, а возбужденное подлежит прекращению за отсутствием состава преступления в действиях лица (п. 2 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства, п. 2 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.).

По общему правилу действие или бездействие, воспроизводящее признаки того или иного конкретного состава преступления, одновременно является и противоправным, общественно опасным. Однако при некоторых обстоятельствах действие, заключающее в себе по своим внешним чертам фактические признаки состава того или иного преступления, в действительности не является ни общественно опасным, ни противоправным и поэтому не может считаться преступным. В этих случаях в действиях лица отсутствует состав преступления. К таким обстоятельствам, исключающим общественную опасность (противоправность) деяния, относятся: а) необходимая оборона, б) крайняя необходимость, в) согласие потерпевшего, г) осуществление общественно полезных профессиональных функций, д) исполнение обязательного приказа, е) осуществление своего права, ж) исполнение закона. Совершенные при этом действия при определенных условиях являются правомерными. Поэтому они и формально не противоправны, и по содержанию не общественно опасны, а в большинстве случаев являются общественно полезными.

Советское уголовное законодательство предусматривает лишь два первых обстоятельства (необходимая оборона и крайняя

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 260—265.

² См. В. М. Чхиквадзе, Советское военно-уголовное право, М., 1948, стр. 151.

³ См. А. Н. Трайнин, Учение о составе преступления, стр. 163.

необходимость), при наличии которых наказание не применяется вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами (ст.ст. 13 и 14 Основ уголовного законодательства). Однако, исходя из общих принципов социалистического права и общественно полезного характера совершенных действий, мы должны признать правомерными при определенных условиях и соответствующие действия лица, вызванные согласием потерпевшего, осуществлением лицом общественно полезных профессиональных функций, исполнением обязательного приказа, осуществлением своего права или исполнением закона (см. гл. X).

Общественная опасность (противоправность) является объективным социально-политическим свойством всякого преступления. Поэтому при отсутствии признаков общественной опасности (противоправности) в совершенном деянии следует признать, что в нем нет и состава преступления. Если, например, гражданин, осуществляя право необходимой обороны, убивает нападающего на него бандита, то в его действиях отсутствует состав преступления. Он действует правомерно, его действие не только не является общественно опасным, но, наоборот, будет общественно полезным. Общественная опасность (противоправность) как общее объективное свойство всякого преступления является необходимым объективным признаком любого состава преступления. Оно должно быть поэтому рассмотрено в общем учении о составе преступления.

Нельзя сводить состав преступления лишь к совокупности фактических объективных и субъективных признаков деяния. Состав преступления как совокупность только фактических признаков соответствующего деяния есть пустое понятие, не выражающее сути преступления как деяния, опасного для основ советского государственного и общественного строя или социалистического правопорядка. При таком понимании состава преступления фактические свойства деяния механически отрываются от его общественного свойства, что ведет к выхолащиванию политического содержания всего учения о составе преступления и тем самым основных институтов советского уголовного права. При подобном взгляде установление в действиях лица состава преступления теряет значение единственного основания уголовной ответственности и превращается лишь в повод для решения судом вопроса о том, совершил ли обвиняемый или нет преступное деяние. Такое понимание состава преступления открывало бы путь к необоснованному судебному усмотрению и нарушению требований социалистической законности. Правильное решение этого вопроса имеет большое принципиальное значение для воспитания кадров судебно-прокурорских работников в

духе укрепления социалистической законности. Поэтому данный вопрос явился предметом широкой дискуссии как в советской юридической литературе, так и среди криминалистов стран народной демократии.

Чтобы глубже понять политический смысл этих споров, необходимо напомнить, что в буржуазной литературе по уголовному праву широким распространением пользуется взгляд, что противоправность, хотя и характеризует преступление, но тем не менее не является элементом самого состава преступления и находится за его пределами.

Таким образом, противоправность оказывается здесь не объективным общественным свойством самого преступления, признанным законом, а лишь субъективной оценкой деяния судом, особого рода «оценочным» суждением, поэтому как бы и не принадлежащим к миру реальной действительности. Реакционный политический смысл подобных теорий, отрывавших вопрос о противоправности деяния от точных указаний уголовного закона, заключался в расширении судебного усмотрения, в ломке буржуазией ее собственной законности, которая определяется в уголовном праве, в частности, точной фиксацией признаков состава преступления. При таком понимании противоправности вопрос о наличии или отсутствии в действиях лица признаков преступления решается в конечном счете произволом суда. Несмотря на наличие состава преступления, действия лица в результате произвольной оценки буржуазного суда могут быть признаны непротивоправными, т. е. непротивными, когда это соответствует интересам эксплуататорских классов.

Состав преступления в такой интерпретации становился лишь совокупностью фактических признаков деяния, которое может быть, а может и не быть признано преступлением. Тем самым «соответствие составу» становилось лишь одним из элементов понятия преступления. Следовать по такому пути в теории советского уголовного права — значило бы, не отдавая себе в том отчета, теоретически обосновывать возможность нарушения социалистической законности. Поэтому нами всегда проводился взгляд, что общественная опасность деяния является необходимым элементом состава преступления¹. Против этого положения выступал А. Н. Трайнин.

Он считал, что противоправность и общественная опасность лежат за пределами состава преступления, являясь некими общими основаниями наказуемости деяния: «Общеправность действия поэтому с объективной стороны в такой же мере, как виновность с субъективной стороны лежит за пределами

¹ См. хотя бы «Советское уголовное право. Общая часть», М., 1959, стр. 124.

состава преступления, ему предшествует в качестве предпосылок наказуемости лица.

Эти замечания в той же мере приложимы к признаку «противоправность»... Они — общественная опасность и противоправность — непосредственно вливаются, так сказать транслируются в наказуемость и поэтому всегда и безусловно ею предполагаются... общественная опасность и противоправность лежат за пределами диспозиции в качестве общих оснований наказуемости действий¹. Эти положения повторялись им неоднократно: «Как подробно было развито выше, общественная опасность и противоправность не являются элементами состава преступления»².

Позднее А. Н. Трайнин проводил ту же мысль, утверждая, что общественная опасность есть свойство преступления, но не есть признак (или элемент) состава преступления. Он писал: «Таким образом, для понимания элементов состава преступления необходимо иметь в виду следующее: во-первых, элементами состава преступления являются лишь те признаки, которым закон придает уголовноправовое значение и поэтому вводит в диспозицию норм Особенной части; во-вторых, некоторые признаки, бесспорно имеющие уголовноправовое значение, остаются вне состава, являясь не элементами состава, а основанием, предпосылкой, условием наказуемости. К последним относится, с одной стороны, вменяемость лица и его возраст, а, с другой стороны — общественная опасность действия и его противоправность»³.

Подобное вынесение противоправности деяния за пределы состава преступления прежде всего означает, что установление состава преступления в действиях лица по советскому уголовному праву не есть еще решение вопроса о виновном совершении им общественно опасного деяния. Тем самым открываются широкие возможности для необоснованного судебного усмотрения. Установление состава преступления перестает быть единственным основанием уголовной ответственности. Вынесение общественной опасности и противоправности за пределы состава преступления, превращение состава преступления в голую совокупность неких фактических признаков деяния неизбежно должны влечь за собой независимое от намерений авторов подобной конструкции выхолащивание политического содержания всех основных институтов Общей части социалистического уголовного права.

Такая трактовка состава преступления противоречит и основам образования правовых понятий. Для нас правовые понятия должны выражать общественный смысл, социально-полити-

ческую сущность соответствующих явлений — правовых институтов и учреждений¹. Это особенно нужно иметь в виду, когда речь идет об основных понятиях соответствующей юридической науки. Именно поэтому мы не довольствуемся общим формальным определением преступления, а строим советское уголовное право на основе материального понятия преступления.

В основе всего советского уголовного права лежит материальное понятие преступления, раскрывающее его социально-политическое содержание как деяния, опасного для основ советского государственного и общественного строя или социалистического правопорядка. Поэтому следует признать, что общественная опасность является необходимым признаком каждого состава преступления, известного социалистическому уголовному законодательству, как правового понятия о каждом отдельном преступлении.

Логическим выводом из противоположных взглядов является утверждение о существовании каких-то формальных составов преступлений, не являющихся основанием уголовной ответственности. Примером этого является утверждение, что в действиях лица, совершившего акт необходимой обороны, имеется формально «состав преступления»². С этим нельзя согласиться. Необходимая оборона по советскому уголовному законодательству является правом гражданина защищать Советскую власть, социалистическую собственность, личность и имущество как свое, так и других граждан. При определенных условиях необходимая оборона становится даже обязанностью советского гражданина. Поэтому усматривать в осуществлении акта необходимой обороны «состав преступления» — значит противоречить и существу дела и социалистическому правосознанию. При вынесении противоправности деяния за пределы состава преступления пришлось бы во многих общественно полезных действиях усматривать наличие формального «состава преступления» (в получении заведующим юридической консультации вознаграждения за оказанную консультацию — формальный состав взяточничества; в любом аресте, произведенном с санкции прокурора, — формальный состав лишения свободы и т. д.). Вряд ли нужно так «криминализировать» правомерные действия советских граждан.

В интересах борьбы за укрепление социалистической законности следует последовательно проводить и в теории, и в практике судебно-прокурорской работы основное положение советского материального и процессуального уголовного права о том, что состав преступления является единственным основанием

¹ См. А. А. Пионтковский, К методологии изучения действующего права, «Ученые записки ВЮОН», вып. VI, 1946.

² См., например, Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, Состав преступления как основание уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1954 г. № 5.

¹ А. Н. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 61.

² Там же, стр. 141.

³ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 86.

возможности привлечения к уголовной ответственности. Там, где нет противоправности (общественной опасности) деяния — отсутствует и состав преступления; там, где имеется состав преступления, — налицо и общественно опасное деяние. Советской теории уголовного права нет необходимости сохранять в какой бы то ни было форме концепцию формального состава преступления, лишенного признака общественной опасности деяния¹. Центральным вопросом имевшей место в нашей печати дискуссии о составе преступления являлся вопрос о составе преступления как единственном основании уголовной ответственности. Подводя итоги этой дискуссии, В. М. Чхиквадзе, выражая мнение большинства советских криминалистов, справедливо писал: «Признание состава преступления единственным основанием уголовной ответственности означает, что лишь в пределах состава, в рамках состава преступления следует различать объективные и субъективные основания уголовной ответственности, что нет каких-либо оснований уголовной ответственности, лежащих вне состава преступления. Вынесение общественной опасности и противоправности деяния за пределы состава преступления означало бы выхолащивание сущности состава преступления, превращение состава в пустое понятие, лишенное социально-политического содержания»².

Неправильного взгляда на вопрос об общественной опасности деяния придерживались и ряд авторов Чехословацкой Социалистической Республики. Подобно А. Н. Трайнину, они утверждали, что общественная опасность деяния лежит за пределами состава преступления³. Эти же ошибки были присущи работам проф. Ф. Полячека. Позднее он признал их и подверг справедливой критике те учебники Общей части уголовного права, в которых проводился взгляд, что общественная опасность

¹ Достоин сожаления, что вопрос об общественной опасности (противоправности) деяния и составе преступления не нашел необходимого освещения в учебнике «Советское уголовное право. Часть Общая» (1960 г.), написанного членами кафедры уголовного права юридического факультета Ленинградского университета. Из изложения вопроса о составе преступления (стр. 223—229) и объективной стороне состава преступления (стр. 253) можно, однако, сделать вывод, что авторы этого учебника, видимо, не относят общественную опасность и противоправность к признакам состава преступления.

² В. М. Ч х и к в а д з е, Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве, «Советское государство и право» 1955 г. № 4; стр. 58. В последнем издании своей работы о составе преступления А. Н. Трайнин под влиянием критики устранил непосредственное утверждение, что противоправность (общественная опасность) деяния лежит за пределами состава преступления, но по существу продолжал придерживаться прежней своей позиции, что противоправность не является признаком (или элементом), принадлежащим к составу преступления (см. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 73—86).

³ Tilpovski, Tober, Dolensky, O obecnečasti trestniho Zakona, Praha, 1951; «Trestni pravo časti obecne», Praha, 1953, S. 114—115.

лежит за пределами состава преступления¹ и что состав преступления не является единственным основанием уголовной ответственности. Правильный взгляд последовательно защищается им в изданной посмертно работе «Состав преступления по чехословацкому уголовному праву»².

Обстоятельную критику взглядов А. Н. Трайнина и тех чехословацких криминалистов, которые их разделяют, дал доцент кафедры уголовного права Братиславского университета Л. Шуберт. Он последовательно защищает взгляд, что состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности, и ведет решительную борьбу с теми, кто выносит общественную опасность за пределы состава преступления³. Проблема общественной опасности деяния и отношения к составу преступления привлекает внимание криминалистов и в Польше, и в Болгарии⁴.

Буржуазные криминалисты, представители классической школы, при характеристике объективных свойств преступления пользуются лишь понятием противоправности. Они признают противоправным все то, что противоречит велениям или запретам права. Это полностью соответствует их представлению и об объекте преступления как правовой норме. Такое понимание противоправности скрывает действительный общественный смысл преступления в буржуазном обществе.

Не выясняют общественного содержания понятия противоправности преступления и буржуазные криминалисты-социологи. В своих работах они пользуются понятием материальной противоправности. Материальная противоправность для них означает общественную опасность совершенного деяния. Понятию материальной противоправности криминалистов-социологов соответствует их представление об объекте преступления как о правовом благе. В своих работах они исходят из внеклассового представления об обществе, поэтому их понятие материальной противоправности не может вскрыть подлинного общественного смысла преступлений, известных буржуазному праву. За фразами об опасности преступлений для всего общества они скрывают истинный смысл признания общественно опасными тех действий в буржуазном обществе, которые опасны для порядка, удобного и выгодного эксплуататорскому меньшинству.

¹ Poláček, Objektivne stránka skutkovéis podestata trestanéko cinu, «Slovensky Akademic», Rochnik, III, 1955.

² См. Франтишек Полячек, Состав преступления по чехословацкому уголовному праву, М., 1960, стр. 87—89.

³ См. Л. Шуберт, Об общественной опасности преступного деяния.

⁴ I. Andrejew, Ustawowe Znamiona przestepstwa, Warszawa, 1959; К. Лютов, Общественота опасност на деяние то по наказателното право на НРБ, София, 1960.

Столь же апологетический характер носят и другие попытки расшифровать содержание понятия противоправности, которые давались в буржуазной теории уголовного права. Эти попытки нередко опирались на реакционные неокантианские философские течения. Так, ряд буржуазных криминалистов видит сущность противоправности деяния в его противоречии целям всеобщих «норм культуры», хотя нетрудно заметить, что так называемые всеобщие нормы культуры в буржуазном обществе всегда выступают лишь в качестве идеологической завесы для защиты своекорыстных интересов эксплуататорских классов. Другие буржуазные криминалисты предлагали считать правомерными такие действия, которые были совершены «правильными средствами для достижения правильных целей». Признание цели или средства «неправильными» должно характеризовать противоправность деяния. Смысл и этого «раскрытия» понятия противоправности деяния заключался не только в маскировке действительной классовой сущности вопроса, но и в оправдании таким путем судейского усмотрения.

Современные криминалисты Западной Германии широко используют понятие материальной противоправности деяния как его «социальной неадекватности» (Вельцель) для теоретического обоснования нарушений судом буржуазной законности, освобождения суда от прямых требований закона. С помощью такой материальной противоправности верховный суд Федеративной Республики Германии признает виновными в «государственной измене» борцов за мир и национальную независимость и освобождает от ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления против человечности.

§ 2

Преступное действие и бездействие.

Преступные последствия¹

По своим объективным свойствам всякое преступление является общественно опасным действием или бездействием.

¹ Н. Д. Дурманов, Понятие преступления; В. Н. Кудрявцев, Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. XVI, М., 1953; его же, Объективная сторона преступления; Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, М., 1958; А. С. Михлин, Понятие и виды последствий преступления, «Вопросы уголовного права и процесса», М., 1958; А. М. Рейтборг, Значение последствий преступления для назначения наказания, автореферат канд. диссертации, 1948; А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления.

Действие или бездействие лица являются поступком, выражающим его волю. Этим человеческое поведение принципиально отличается от поведения животных. Волевое действие (бездействие) человека всегда предполагает наличие определенных целей в сознании этого лица, которые и определяют направленность его воли, находящей свое выражение в том или ином его поступке.

Эта особенность человеческого поведения имеет существенное значение для понимания преступного действия или бездействия.

Следует отметить, что характеристика преступления как волевого поведения человека — действия или бездействия — еще не решает вопроса о наличии или отсутствии вины лица и о ее формах. Вопрос о вине решается в зависимости либо от предвидения или возможности предвидения определенных преступных последствий совершенного действия, либо от осознания или возможности осознания таких черт совершенного действия или бездействия, которые образуют объективные признаки того или иного состава преступления. Совершенное сознательно действие может заключать в себе состав неосторожного преступления. Например, сознательная стрельба в цель, повлекшая за собой смерть потерпевшего, при отсутствии необходимых мер предосторожности со стороны стрелявшего даст состав неосторожного убийства; те же последствия, наступившие от выстрела в цель, когда были приняты все необходимые меры предосторожности, не заключают в себе состава преступления за отсутствием вины лица; наконец, стрельба в цель с намерением лишить жизни лицо, находящееся в данный момент по другую сторону мишени, даст состав оконченного умышленного убийства при наступлении смерти потерпевшего¹.

В связи со сказанным не могут быть признаны действиями человека его рефлекторные реакции, не могущие подлежать контролю со стороны его сознания.

Лицо не может подлежать уголовной ответственности, если оно действует против своей собственной воли, под влиянием физического принуждения или непреодолимой силы. Деяние, совершенное лицом при этих условиях, не является его поступком, его действием или бездействием, потому что преступление всегда является волевым действием или бездействием лица.

Нет состава недонесения о достоверно известном готовящемся бандитском налете, если лицо было лишено преступниками свободы, чтобы воспрепятствовать донесению об этом органам власти. Нет состава повреждения имущества в действиях человека, которого умышленно толкнули, чтобы он, падая, повредил это имущество. Повредивший чужое имущество является лишь

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 39.

орудием в руках другого лица, которое и подлежит уголовной ответственности. В обоих случаях лицо находилось под влиянием физического принуждения. Причиненный результат не является последствием поведения данного лица, его действием или бездействием, а есть выражение воли другого лица. Для того чтобы физическое принуждение исключало уголовную ответственность, необходимо, чтобы совершенное лицом в результате физического принуждения ни в какой мере не было выражением его воли. Поэтому, если, например, лицо совершило какое-то деяние под воздействием побоев, это не может устранить его уголовной ответственности. В подобном случае применение в отношении виновного лица физического насилия должно расцениваться судом как обстоятельство, смягчающее, но не исключающее ответственность такого лица. Лицо не может подлежать при этом уголовной ответственности лишь тогда, когда оно действовало в состоянии крайней необходимости.

Нет состава преступления — уклонения свидетеля от явки в суд, если свидетель не явился вследствие тяжелой болезни, железнодорожного крушения или разлива реки. В этих случаях лицо не могло выполнить лежащих на нем обязанностей потому, что не в состоянии было преодолеть те препятствия, которые возникли на пути к их выполнению. Непреодолимая сила исключает здесь уголовную ответственность. Следует иметь в виду, что понятие непреодолимой силы не является абсолютно неизменным. Для признания наличия непреодолимой силы необходимо учесть как способности данного лица, так и те требования, которые к нему предъявляются в определенной ситуации. Поэтому правильно будет признать, что одни и те же обстоятельства могут быть признаны непреодолимыми для гражданских лиц и преодолимыми для военнослужащих, к которым предъявляются повышенные требования. Военский долг обязывает военнослужащего преодолевать всякие препятствия, стоящие на пути к выполнению отданного приказа.

Совершение преступного деяния под влиянием психического принуждения (угрозы), хотя бы и подкрепленного физическим насилием, по общему правилу влечет за собой уголовную ответственность. Однако совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения является обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 2 ст. 33 Основ уголовного законодательства). Уголовная ответственность за действия (бездействие), совершенные под влиянием психического принуждения, может быть исключена лишь тогда, когда будет признано, что они совершены в состоянии крайней необходимости. Например, кассир не может быть привлечен за растрату денег, когда он их отдал под угрозой немедленного лишения его жизни.

Было бы неправильным характеризовать преступное действие лишь как определенное телодвижение, а преступное без-

действие как отсутствие того телодвижения, которое в данной обстановке должно было иметь место со стороны данного лица. Необходимо учитывать, при каких условиях оно совершается и какое волевое содержание в него вкладывается. Н. Д. Дурманов правильно отмечает, что телодвижение, взятое само по себе, в отрыве от конкретных условий, в которых оно имело место, вне связи с орудиями, которые оно направляло, и в отрыве от тех изменений, которые оно вызвало, представляет собой голую абстракцию¹. Понятие действия в уголовном праве более сложно, чем телодвижение. Оно включает в себя сознательную направленность воли на определенный объект, всю совокупность актов поведения, направленных на объект, не только телодвижение, но и те силы и объективные закономерности, которыми пользуется лицо в определенных условиях места и времени для осуществления своего деяния.

Одно и то же телодвижение в зависимости от конкретной обстановки может иметь различный смысл. Взмах топора может быть и покушением на убийство, и покушением на повреждение государственного или общественного имущества, и простой попыткой срубить высохшую ветку дерева. Понятие действия предполагает определенную волевою направленность, выраженную во внешнем поведении лица в определенной конкретной обстановке. Нажатие кнопки, соединяющей электропровода, может в зависимости от конкретных обстоятельств означать пуск в действие атомной электростанции, раскрытие ворот шлюза на водном канале, взрыв горной породы, диверсионный акт, повлекший разрушение важного промышленного агрегата.

Общественно опасное поведение человека может выражаться в совершении каких-либо активных действий (преступное действие, в тесном смысле слова) или в пассивном поведении в воздержании от совершения тех или иных действий, которые субъект обязан был совершить (преступное бездействие).

Конкретные формы преступного поведения разнообразны. Они рассматриваются в Особенной части уголовного права. Они могут характеризоваться определенным способом действия, местом и временем совершения преступления. Все формы преступного поведения в теории уголовного права пытались иногда свести к двум основным формам — насилию и обману. Еще Цицерон говорил об этих способах совершения преступлений: «*Duobis modis fit injuria, aut vi, aut fraude*». Однако есть много преступлений, совершение которых не связано ни с тем, ни с другим.

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 53.

Особенность способа действия в ряде составов преступлений признается необходимой чертой объективной стороны соответствующего преступления. Так, закон различает отдельные виды похищения имущества граждан по способу его совершения: кража — тайное похищение имущества, грабеж — открытое похищение имущества, разбой — нападение с целью завладения имуществом, связанное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия. Иногда способ действия выступает в качестве обстоятельства, делающего преступление более общественно опасным, квалифицированным. Например, квалифицированным видом грабежа является грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Нередко тот или иной способ совершения преступления, не предусмотренный законом, учитывается судом при определении конкретной меры наказания виновному.

Некоторые способы совершения преступления закон рассматривает всегда как обстоятельства, отягчающие ответственность, хотя бы они и не были предусмотрены в качестве квалифицирующих обстоятельств в той или иной статье Особенной части уголовного кодекса. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 34 относят к ним: совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим, совершение преступления с использованием условий общественного бедствия, совершение преступления общественно опасным способом.

При обрисовке объективной стороны ряда составов преступлений уголовный закон дает специальные указания о времени и месте совершения преступления. Например, ряд воинских преступлений может быть совершен лишь в военное время (мародерство, злоупотребление в военное время знаками Красного Креста и т. д.); ст. 164 УК РСФСР 1960 года предусматривает ответственность за производство промысла морских котиков и морских бобров в открытом море, а равно в запретных зонах.

Уголовный закон может связывать окончанный состав преступления с совершением самого действия или бездействия либо с наступлением вследствие этого дальнейших определенных преступных последствий.

Под преступным результатом (преступными последствиями) следует понимать те предусмотренные уголовным законом изменения в окружающем мире, которые производятся под влиянием действия или бездействия лица и которые принадлежат к объективным признакам состава преступления. Эти преступные последствия прямо или косвенно причиняют ущерб тем или иным охраняемым законом объектам или по крайней мере создают опасность такого причинения. Последний случай предусмотрен, в

частности, ст. 23 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, говорящей об умышленном разрушении или повреждении путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, которое повлекло или могло повлечь крушение поезда, аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта или связи. Здесь возможность наступления вредных последствий рассматривается наряду с их наступлением как определенный преступный результат, предусмотренный законом. Этот результат выражается в создании совершенным лицом действием таких изменений во внешнем мире, которые представляют собой реальную возможность наступления указанных вредных последствий.

Преступный результат может вызывать определенные изменения или в соответствующих общественных отношениях, охраняемых уголовным законом, или в непосредственном объекте посягательства — личности советского гражданина, социалистической собственности, работе государственного аппарата и т. д.

Последствия преступления (преступный результат) нередко носят явно ощутимый материальный характер — ущерб социалистической собственности, ущерб личной собственности граждан, причинение вреда здоровью человека, лишение жизни человека и т. д. Материальный ущерб не всегда связан в уголовном праве с разрушением или повреждением предметов внешнего мира. Хищение причиняет материальный ущерб, тем не менее оно не связано ни с разрушением, ни с повреждением предметов.

Преступный результат может носить и нематериальный характер. Например, нарушение нематериальных субъективных прав граждан, политических, трудовых и иных прав, нарушение общественного порядка, подрыв авторитета власти и т. д.

Установление преступного результата, требуемого уголовным законом, имеет крайне важное значение для правильного применения уголовного закона. Большое количество составов умышленных преступлений требует для оконченого состава преступления наступления определенных преступных последствий (хищения или истребления имущества, причинения вреда личности и т. д.). Ненаступление в этих случаях указанных в законе последствий означает наличие лишь покушения на совершение преступления. Для состава ряда преступлений обязательно наступление существенного вреда (например, должностная халатность). В ряде случаев состав преступления будет иметь место при наступлении тяжких последствий (например, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, предусмотренное ч. 1 ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) или заведомого создания угрозы наступления таких последствий (ч. 2 ст. 22 того же

Закона). В ряде случаев наступление тяжких последствий меняет квалификацию совершенного преступления, делая его более общественно опасным (например, злоупотребление властью, предусмотренное ч. 2 ст. 170 УК РСФСР 1960 г.). При определении меры наказания в рамках, установленных карательной санкцией, судебная практика всегда учитывает тяжесть причиненных виновным последствий для интересов личности, общественных организаций или Советского государства.

В понимании природы «возможности наступления вредных последствий» как элемента состава преступления в советской теории уголовного права не существует единства мнений. Возможность наступления преступных последствий Н. Д. Дурманов признает лишь свойством самого преступного действия¹. Другие советские криминалисты признают, что возможность наступления вредных последствий не совпадает с самим действием, а является определенным результатом, последствием действия человека².

Реальная возможность наступления вредных последствий есть определенный этап в процессе становления преступного деяния. В одних случаях эта реальная возможность лежит исключительно в самом совершенном преступном действии, в других — в дальнейших изменениях в состоянии объективной действительности, вызванных им. Поэтому реальная возможность наступления вредных преступных последствий в зависимости от конкретных особенностей преступления может быть или свойством самого преступного действия, или определенным его последствием. Не исключена возможность и в уголовном законе рассматривать в известных случаях реальную возможность наступления вредных последствий как своеобразное преступное последствие. Новое советское уголовное законодательство (Закон об уголовной ответственности за государственные преступления, Закон об уголовной ответственности за воинские преступления, уголовные кодексы отдельных союзных республик) по сравнению с прежним уголовным законодательством значительно сокращает количество подобных составов, что связано со стремлением ограничить уголовную ответственность, особенно по деяниям, совершаемым неосторожно.

Те составы преступлений, в которых уголовный закон считает объективной стороной состава сам факт совершения действия или бездействия, независимо от дальнейших последствий, вызванных им во внешнем мире, принято называть «формальными составами преступлений» (например, оставление в опас-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступлений по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 40.

² См. В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, стр. 172; Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 24.

ности, оскорбление), а соответствующее преступление — «формальным преступлением»¹.

Те составы преступлений, в которых уголовный закон для наличия объективной стороны состава преступления требует наступления в результате действия или бездействия определенных преступных последствий, принято называть «материальными составами преступлений» (например, убийство, телесное повреждение, кража, истребление имущества и др.), а соответствующее преступление — «материальным преступлением».

В первом случае сам факт совершения действия или бездействия (например, оскорбления) включает в себе состав оконченного преступления, независимо от того, произошли ли от этого какие-либо дальнейшие последствия (например, тяжелые душевные переживания потерпевшего от нанесенного оскорбления).

Во втором случае факт совершения действия или бездействия (например, при убийстве или нанесении тяжкого телесного повреждения — выстрел или удар по голове) не включает еще в себе состава оконченного преступления; лишь наступившие от этого дальнейшие вредные последствия (лишение жизни человека, причинение тяжкого телесного повреждения) включают в себе состав оконченного преступления.

Ряд материальных составов преступлений в уголовном законодательстве построен так, что для наличия состава преступления требуется не только наступление определенного результата, но и определенный характер самого действия. Например, для состава злоупотребления властью требуется как совершение должностным лицом действия — использования своего служебного положения вопреки интересам службы, так и причинение существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан (ч. 1 ст. 170 УК РСФСР 1960 г.).

Преступления, совершенные путем активных действий, называются преступным содеянием (*delictum commissio-nis*); преступления, совершенные путем бездействия, называются преступным бездействием. Преступное содеяние может быть как формальным, так и материальным преступлением.

Большинство составов преступлений по своим объективным свойствам являются таковыми, что предполагают совершение

¹ Пользование здесь условной терминологией формального состава преступления следует отличать от пользования аналогичным термином в спорах о принадлежности общественной опасности (противоправности) к элементам состава преступления. Используя это внешнее сходство в терминологии, Н. Ф. Кузнецова неосновательно обвиняет ряд советских криминалистов в теоретической непоследовательности (см. Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 49).

виновным активных действий. Составы преступлений, которые предусматривают бездействие, сравнительно немногочисленны. Таковы, например, недонесение об известных готовящихся или совершенных государственных преступлениях (ст. 26 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления); уклонение от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 17 того же Закона); уклонение от призыва по мобилизации (ст. 18); уклонение в военное время от выполнения повинности или уплаты налогов (ст. 19); среди должностных преступлений — халатность (ст. 172 УК РСФСР 1960 г.); среди преступлений против личности — оставление в опасности (ст. 127 УК РСФСР 1960 г.), неоказание помощи больному (ст. 128); неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст. 129); злостное уклонение от уплаты алиментов или от содержания детей (ст. 122); злостное уклонение от оказания помощи родителям (ст. 123); ряд составов преступлений в главе о преступлениях против порядка управления. Несколько больше составов преступлений, предусматривающих бездействие, среди воинских преступлений: неповиновение, неисполнение приказа, неявка в часть, бездействие власти и др. В условиях военного времени, в период Великой Отечественной войны на граждан был возложен государством ряд специальных обязанностей, невыполнение которых (бездействие) в ряде случаев влекло за собой уголовную ответственность¹.

Из преступлений, совершенных путем бездействия, можно выделить преступления, выражающиеся в упущении или в чистом бездействии (*delictum ommissionis*). Они имеют место лишь тогда, когда закон требует совершения определенных действий, несовершение которых и образует состав оконченного преступления. Это есть формальные составы преступлений, совершенных путем бездействия. Таковы, например, неоказание помощи, непредставление тех или иных сведений, неявка по мобилизации и т. д.

Другую группу преступлений, совершенных путем бездействия, можно условно назвать смешанным бездействием (*delictum commissionis per ommissionem*). Например, мать не кормит своего ребенка, который в результате этого погибает от голода, — это есть материальное преступление, совершенное путем бездействия. Для состава таких преступлений необходимо наступление определенных вредных последствий в результате бездействия лица. Смешанное бездействие может иметь место лишь тогда, когда на данном лице в силу тех или иных обстоятельств лежала обязанность воспрепятствовать наступлению преступного результата. Специальная обязанность к совершению

активных действий, направленных на предотвращение наступления преступного результата, может вытекать: а) из закона или иного нормативного акта (например, обязанность родителей заботиться о детях), б) из принятых на себя обязательств по договору или службе (например, обязанность стрелочника перевести стрелку или подать сигнал для предотвращения крушения поезда), в) из таких предшествующих действий данного лица, которые ставят государственные или общественные интересы или интересы отдельных граждан в реальную опасность (например, обязанность хирурга, вскрывшего брюшную полость, завершить начатую операцию).

Деление составов преступлений на так называемые формальные и материальные имеет существенное значение для уяснения тех случаев, когда для состава преступления необходимо установить причинную связь между действием лица и наступившими последствиями. Причинная связь всегда предполагает процесс, протекающий во времени. Причинная связь устанавливается между предшествующим и последующим событиями. Поэтому, разумеется, в тех составах преступления, где объективная сторона сводится к совершению только определенного действия или бездействия и наступление тех или иных последствий не имеет значения для состава, там не должен ставиться вопрос о причинной связи как необходимым элементе объективной стороны состава преступления.

Указанное деление составов преступлений является почти общепринятым в советской юридической литературе. Особую позицию в этом вопросе занимал А. Н. Трайнин, который пытался опровергнуть тот факт, что в ряде преступлений объективные признаки состава исчерпываются совершением определенного действия или бездействием, а в других — для состава преступления необходимо еще установить наступление дальнейших последствий от совершенных действий или бездействия. А. Н. Трайнин при этом рассуждал следующим образом. Уголовный закон охраняет соответствующие объекты от посягательств на них, посягнуть на объект всегда означает в той или иной мере причинить ему ущерб; ущерб, причиненный объекту посягательства, и является последствием, образующим необходимый элемент состава каждого преступления¹. Однако эти положения не могут быть признаны правильными.

Различие между «формальными» и «материальными» преступлениями и соответствующее этому различие в конструкции составов преступлений реально существует в действительности и в советском уголовном законодательстве и отвергать его — значит спорить против достаточно очевидных фактов. Составы

¹ См. «Советское право в период Великой Отечественной войны», ч. II, 1948, стр. 15—21.

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 137—141.

преступлений разглашения государственной тайны и утраты документов, содержащих государственную тайну, являются окончательными с момента совершения соответствующих действий, хотя бы от этого в действительности никаких вредных последствий для государственных интересов не произошло и их наступление было своевременно предупреждено. В ряде случаев общественно опасными являются не только такие действия, которые непосредственно причиняют ущерб государственным или общественным интересам или личным интересам граждан, но также и такие, которые содержат в себе опасность такого причинения. Кроме того, в тех случаях, когда само общественно опасное действие или бездействие связано с наступлением определенных вредных последствий для охраняемых советским законом государственных или общественных интересов или личных интересов граждан, уголовный закон может связать наличие оконченного состава преступления с самим фактом совершения или несовершения умышленно или неосторожно того или иного действия. Поэтому высказывание А. Н. Трайнина, что «при установлении отсутствия... последствия (объекту никакого ущерба ни морального, ни материального действием не причинено) отпадает основание говорить о составе преступления»¹, не было основано на законе и могло совершенно превратно ориентировать судебнопрокурорских работников. Подобное утверждение означает, что для признания наличия в действиях лица состава преступления иногда недостаточно того, что требует закон, а необходимо еще установить такие объективные обстоятельства, которые не принадлежат к составу преступления. Следуя этой теории, можно прийти к выводу, что если в результате утраты документа, содержащего государственную тайну, не наступили вредные последствия для интересов внешней безопасности Советского государства, то суд не может признать наличие состава преступления в действиях лица. Указанные положения А. Н. Трайнина необходимы были ему для того, чтобы оправдать свою теорию оснований уголовной ответственности, чтобы утверждать, что причинная связь при всяком преступлении является объективным основанием уголовной ответственности.

В. И. Курляндский по поводу этого положения А. Н. Трайнина справедливо писал: «Трудно представить себе следователя или судью, которые для решения вопроса о возможности привлечения, например, дезертира к уголовной ответственности стали бы, помимо установления самого факта дезертирства, выяснять еще и другие «признаки» состава: наступили ли фактически вредные последствия для Вооруженных Сил в результате

такого дезертирства, действительно ли боевая мощь части, из которой дезертировал субъект, ослабла и, при утвердительном ответе, находятся ли эти последствия в причинной связи с действиями преступника и т. д.»¹.

М. Д. Шаргородский с полным основанием отмечает, что отрицание формальных преступлений и требование для состава преступления во всех случаях установления последствий находятся в противоречии с действующим правом и судебной практикой и не соответствуют задачам советского уголовного законодательства².

Конечно, последствия во многих случаях могут наступать и при так называемых формальных преступлениях, но они лежат за пределами состава преступления. Их наступление или ненаступление, тяжесть причиненного при этом реального ущерба для охраняемых советским уголовным законом объектов могут быть учтены судом при определении конкретных размеров наказания. Для правильного решения вопроса об индивидуализации наказания не могут быть безразличными все те последствия, которые лежат за пределами как формального, так и материального состава преступления и которые могут свидетельствовать о большей или меньшей общественной опасности совершенного преступного деяния.

Нельзя согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, что вопрос о «материальных» и «формальных» составах — это вопрос не о структуре преступлений или составов преступлений, а о доказательствах, о том, нужно или нет в определенных случаях отдельно от действия доказывать еще и наличие последствий³. Вопрос о том, что нужно доказать по делу для признания лица виновным, определяется признаками состава преступления, следовательно и структурой состава преступления. Доказывать наступление определенного преступного последствия от совершенного действия или бездействия и наличие причинной связи между действием и бездействием лица и определенными преступными последствиями необходимо для установления наличия лишь «материального» состава преступления.

¹ «Советское государство и право» 1952 г. № 8, стр. 77.

² См. М. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, изд-во ЛГУ, 1955, стр. 25—26.

³ См. Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 49.

¹ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 203.

Глава VII

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ)

§ 1

Философские основы решения проблемы причинной связи в праве

Вопрос о причинности является, как известно, одним из тех вопросов, различное решение которых определяется различием основных философских направлений — материализма и идеализма. Для всякого материалиста причинная связь есть объективная, существующая вне нашего сознания между явлениями внешнего мира. С точки зрения идеалистического мировоззрения причинная связь — это субъективная категория, которая существует якобы лишь в сознании познающего субъекта (субъективный идеализм), или хотя и объективная категория, но которая выводится не из внешнего мира, а из объективно существующего разума, логики, идеи (объективный идеализм). В. И. Ленин показал зависимость различного понимания причинности от исходных положений философии материализма и идеализма. «...Субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу

частью разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности и Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм. Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»¹.

Идеалистическое понятие о причинности в современной буржуазной философии обычно опирается или на учение Юма или на учение Канта.

По учению Юма причинность есть лишь привычка нашего сознания считать, что за данным явлением обычно следует другое определенное явление. Юм не отрицал, что идею причинности человек заимствует из опыта: «Идея причины и действия имеет своим источником *опыт*, который учит нас, что такие-то определенные объекты во всех предыдущих случаях постоянно были соединены друг с другом»². Априорный характер понятия причинности он отрицал: «Знание отношения причинности отнюдь не приобретается путем априорных заключений, но проистекает всецело из опыта»³. Однако если идея причинности по учению Юма имеет своим источником опыт, то вместе с тем она все же не выражает объективной связи между предметами внешнего мира: «Между объектами нет доступной нашему наблюдению необходимой связи, и только при помощи действующей на воображение привычки, а не иного какого принципа, можем мы вывести из существования одного объекта заключение о существовании другого»⁴. Для Юма причинная связь есть субъективная категория. Она существует в сознании наблюдающего субъекта и основывается на привычке заключать о существовании одного объекта на основе существования другого: «Постоянное соединение причины и действия в прежних случаях порождает в духе привычку, в силу которой он всегда соединяет их в мысли и заключает о существовании одного на основании существования его обычного спутника»⁵. Наши предположения о будущем основываются поэтому, по мнению Юма, не на знании действительных, объективно существующих вне сознания субъекта связей между явлениями внешнего мира, а исключительно на привычке нашего сознания: «Предположение: *будущее похоже на прошлое*... проистекает исключительно из привычки, которая

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 142.

² Д. Юм, Трактат о человеческой природе, кн. I, Юрьев, 1906, стр. 85.

³ Д. Юм, Исследование о человеческом уме, СПб., 1916, стр. 27.

⁴ Д. Юм, Трактат о человеческой природе, стр. 100.

⁵ Там же, стр. 123.

принуждает нас ожидать в будущем той последовательности объектов, к которой привыкли (в прошлом)»¹.

Энгельс в «Диалектике природы» показал несостоятельность рассуждений Юма: «...благодаря деятельности человека и создается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Правда, одно правильное чередование известных естественных явлений может дать начало представлению о причинности — теплота и свет, получаемые от солнца, — но здесь нет настоящего доказательства, и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся *post hoc* никогда не может обосновать *propter hoc*. Но деятельность человека дает возможность доказательства причинности»². Правильность представлений о причинной связи между явлениями внешнего мира доказывается практической деятельностью людей на основе представления об этих связях. Практика является критерием истинности наших представлений о причинности.

В отличие от Юма Кант не выводит понятие причинности из опыта, а объявляет, что оно существует в сознании человека до всякого опыта, считает его априорным понятием нашего рассудка, привнесенным им в опыт. По учению Канта, внешний мир сам по себе — вещь в себе — непознаваем. Предметом нашего опыта являются лишь восприятия внешнего мира нашими чувствами, т. е. наши ощущения. Это «явление», феномен, и есть предмет опыта. Опыт, с помощью которого мы приобретаем наши знания, представляет собой синтез чувственного восприятия и рассудка. Опытные суждения приобретают объективное значение, значение всеобщей необходимости в силу существования априорных понятий рассудка, которыми обладает каждый человек. Такой категорией рассудка является и понятие причинности. Природу, с точки зрения Канта, мы познаем лишь как совокупность «явлений». Поэтому закономерность природы есть не объективно существующая вне человеческого сознания связь между предметами внешнего мира, а лишь связь между «явлениями», привнесенная нами в качестве категорий рассудка во всякий опыт. Отсюда известное идеалистическое положение философии Канта: «рассудок не почерпает свои законы (*a priori*) из природы, а предписывает их ей»³. Идеалистическое понятие причинности Канта как априорной категории рассудка было одной из составных частей всей идеалистической трансцендентальной философии Канта. По поводу повторения эмпириокритицизмом кантианских взглядов на причинность В. И. Ленин справедливо писал: «Кантианско-

махистская формула: «человек дает законы природе» есть формула фидеизма»¹, т. е. поповщина, так как разум, мышление, сознание являются здесь первичным, природа — вторичным.

Различие между юмовским и кантовским пониманием причинности — это второстепенные различия между сторонниками одного и то же философского лагеря — идеализма. Несмотря на различное понимание ими причинности, они сходятся в основном — в трактовке причинности как субъективной категории, в отрицании объективной, существующей вне человеческого сознания закономерности внешнего мира. В этом выражается борьба идеализма с материализмом в вопросе о причинности. В. И. Ленин писал по поводу борьбы Беркли с материализмом:

«Перед нами два философских направления в вопросе о причинности. Одно «pretendует объяснять вещи телесными причинами», — ясно, что оно связано с «абсурдной» и опровергнутой епископом Беркли «доктриной материи». Другое сводит «понятие причины» к понятию «метки или знака», служащего «для нашего осведомления» (богом). С этими двумя направлениями в costume XX века мы встретимся при разборе отношения к данному вопросу махизма и диалектического материализма»².

В буржуазной юридической литературе широко распространено мнение, что юрист может разрешить вопрос о причинной связи в праве независимо от решения проблемы причинности в философии. Так, Трэгер, автор известной в буржуазной юридической литературе работы «Понятие причинности в уголовном и гражданском праве», полагает, что философия как таковая неспособна дать какое-либо разъяснение по вопросу о причинности в области права. Он считает, что для понимания причинности в праве безразлично, является ли закон причинности априорным понятием или его заимствуют из опыта. Понятие причинности в праве для Трэгера означает лишь установление того, что должен понимать юрист под словами закона о причинении смерти, телесного повреждения, убийства и т. п. вне всякой связи с тем, как решает вопрос о причинной связи философия³. Как мы увидим в дальнейшем, сам Трэгер фактически проводит чисто идеалистическую концепцию понимания причинности в праве.

С взглядами о независимости юриспруденции от философии в вопросе о причинности можно встретиться и у более старых писателей. Рюмелин, например, писал: «Для юриспруденции

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 149.

² Там же, стр. 19.

³ Träger, Der Kausalbegriff im Straf- und Zivilrecht, Berlin, 1929. S. 2.

¹ Д. Юм, Трактат о человеческой природе, стр. 128.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 405.

³ Кант, Пролегомены, М.—Л., 1934, стр. 203.

должно быть безразличным, признается ли правильным трансцендентальный идеализм или реализм, исходят ли из реально действующих причин или понимают каузальность как форму нашего сознания»¹. В дореволюционной русской юридической литературе высказывались аналогичные взгляды. Так, С. В. Познышев заявлял, что вопрос о том, представляет ли причинная связь объективно существующий порядок или, как учил Кант, лишь присущую нашему духу форму познания, является вопросом, лежащим якобы за пределами его работы о причинной связи в уголовном праве². Впрочем, это не мешало ему солидаризироваться с Юмом в понимании причинности, а через несколько страниц признать, что причинная связь есть объективная связь между явлениями³. (Пример философской беспечности, далеко не единственный в буржуазной правовой литературе.)

Современные криминалисты Западной Германии нередко также прокламируют независимость решения проблемы причинной связи в уголовном праве от философии. Маурах провозглашает, что этот вопрос должен решаться не с точки зрения философского или естественнонаучного понимания причинности, а в зависимости от практических потребностей, т. е. предоставляет решение этого вопроса полностью усмотрению суда⁴. О причинности в «юридическом смысле» говорит в своих работах и другой криминалист Западной Германии — Зауэр⁵.

Попытки разрешить вопрос о причинной связи в праве независимо от решения этой проблемы тем или иным философским направлением являются несостоятельными. Нетрудно обнаружить, что всякое такого рода «независимое» решение вопроса о причинности в праве всегда носит на себе печать определенного философского направления. Распространенный среди буржуазных юристов философский нигилизм фактически означает зависимость юриста от философских предрассудков тех или иных школ реакционной идеалистической философии. Это и не может быть иначе, ибо различное понимание причинности определяется различием в основных философских направлениях.

Многие буржуазные юристы открыто стремятся установить связь своего решения вопроса о причинности в праве с идеалистической философией. Так, Липман в работе «Введение в уголовное право — критика основных криминалистических понятий» специально подчеркивает, что он исходит при решении во-

проса о причинности в праве из общего теоретико-познавательного понимания причинности Канта, разделяемого «почти всеми философскими работниками в области учения о причинности»¹.

Мецгер так же отчетливо декларирует свои общие идеалистические позиции при рассмотрении вопроса о причинности в уголовном праве: «Понятие причины есть не юридическое, а логическое понятие. Это — одна из категорий форм нашего познания, первоначальное, априорное средство нашего мышления для восприятия предметного мира»².

Среди русских дореволюционных криминалистов кантианские основы решения вопроса о причинности в уголовном праве открыто провозглашал Мокринский: «Причинность не есть что-либо, что существует вне нас, как нечто реальное, что могло бы служить предметом чувственного восприятия, причинность есть форма нашего сознания. Причинность есть постулат, предпосылка познания. Как существам мыслящим, нам свойственно считать существующее необходимо существующим, полагать, что иным, не тем, каково оно есть, оно и не могло быть. Это не значит, что мы родимся с понятием о причинности, но оно составляет необходимый атрибут мысли и крепнет по мере ее развития. Понятие причинности — априорно и абсолютно; не оно покоится на опыте, но утверждения опыта логически покоятся на нем; оно не терпит исключения и вместе с тем сохраняет общеобязательный характер»³.

Другой дореволюционный русский криминалист, писавший об ответственности за бездействие, безапелляционно заявлял, что идеалистическое представление о причинности твердо установилось в науке: «Принципы причинности есть общее предположение нашего мышления... Намеченное еще Д. Юмом, развитое Шопенгауэром и Дж. Ст. Миллем и ныне твердо установленное понятие причины не подлежит никаким модификациям... Причинная связь не есть связь вещей в себе, которая нам так же мало доступна, как познание сущности вещей. Причинная связь есть связь явлений, связь актов сознания. Причинность есть та форма нашего познания, через посредство которой мы познаем бытие и деятельность сил...»⁴.

Ведет воинственную борьбу с материалистическим пониманием причинности автор специальной монографии о причинной связи в праве Гесс, заявляя, что «объективная причинная связь есть сказка»⁵.

¹ Rümelin, Die Verwendung der Kausalbegriff im Straf — und Zivilrecht, Berlin, 1900, S. 183.

² См. С. В. Познышев, Основные начала науки уголовного права, М., 1912, стр. 317.

³ См. там же, стр. 327.

⁴ Maurach, Deutsches Strafrecht. Allgemeiner Teil, S. 152.

⁵ Sauer, Allgemeine Strafrechtslehre, Berlin, 1949, SS. 41, 71, 72.

¹ M. Liermann, Einleitung in das Strafrecht, Berlin, 1900, S. 49—50.

² Mezger, Strafrecht, Lehrbuch, 1931, Berlin, S. 111.

³ С. П. Мокринский, Наказание, его цели и предположения, ч. III, Томск, 1905, стр. 309.

⁴ Н. С. Тимашев, Проблема невмешательства в уголовном праве, «Журнал Министерства юстиции» 1916 г. № 10, стр. 100—101.

⁵ Цит. Träger, Der Kausalbegriff im Straf — und Zivilrecht, S. 149.

Понимание причинности философией диалектического материализма должно служить основой для решения вопроса о причинности в каждой конкретной области знания, в том числе и в области юридических наук. Решение вопроса о причинности диалектическим материализмом — есть единственно научное решение этой проблемы.

Решение вопроса о причинности в праве с позиций диалектического материализма означает прежде всего, что причинность мы рассматриваем как объективную категорию. Причинность есть вне нас, вне человеческого сознания существующая связь между явлениями внешнего мира. Наше понятие о причинности исходит из существующей вне нашего сознания взаимной связи между явлениями внешнего мира, их взаимодействия. «Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания», — указывает Энгельс в «Диалектике природы»¹. Причинная связь есть частица объективно существующего вне нашего сознания всеобщего взаимодействия вещей. «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие»². В. И. Ленин в своих замечаниях на «Науку логики» Гегеля определяет причинность как малую частичку всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичку не субъективной, а объективно реальной связи³. Причину и следствие В. И. Ленин рассматривает как моменты в цепи взаимной связи явлений внешнего мира, всемирной взаимозависимости событий: «Причина и следствие, ergo, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи»⁴. Взаимозависимость явлений природы, взаимозависимость событий общественной жизни, взаимозависимость поведения людей выражаются в наших понятиях о причинной связи между ними. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин подчеркивал, что наши понятия о причинности отображают объективно существующие связи между явлениями внешнего мира, но отображают эту связь приблизительно, упрощенно. «Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса»⁵. Сказанное отнюдь не означает,

что мы не можем с полной достоверностью установить причинные связи между явлениями. Познаваемость причинных связей между явлениями есть познаваемость внешнего мира. Это является одним из основных положений материалистической философии. Сказанное означает, что наши понятия о причинных связях не исчерпывают полностью всеобщей универсальной связи между явлениями внешнего мира и в этом смысле являются объективной, но относительной истиной, приближением к абсолютной истине.

Причина и следствие являются лишь изолированными моментами в общей цепи взаимосвязи явлений внешнего мира. Причину и следствие нужно рассматривать как соотносительные понятия, имеющие значение лишь в применении к определенному явлению. То, что выступает следствием данного явления, само оказывается причиной другого явления.

Энгельс в «Анти-Дюринге» писал об этом: «...причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»¹.

Понимание причинности как объективно существующей связи между явлениями внешнего мира есть материалистическое понимание причинности. Однако материализм бывает различный. Диалектический материализм есть высшая форма материализма. В понимании причинности между диалектическим материализмом и материализмом антидиалектическим, механистическим имеется существенное различие. Все явления в природе и обществе причинно обусловлены. Беспричинных явлений нет. Это одинаково признает и механистический и диалектический материализм. Но диалектический материализм на этом не останавливается. Он понимает необходимость как проявление внутренней закономерности явлений и отличает ее от случайности, которая также представляет собой объективную категорию, выражающую однако иного рода связи между явлениями внешнего мира.

Механистический материализм понимает необходимость как внешнее сцепление явлений и отрицает объективное существование случайности. Его сторонники считают случайность лишь субъективной категорией, незнанием причин соответствующего явления. Случайно то, причины чего нам неизвестны, — считают представители механистического материализма.

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 183.

² Там же, стр. 184.

³ См. В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 143.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 22.

Для диалектического материализма объективно существующие причинные связи между явлениями внешнего мира не исчерпываются необходимыми связями. Наряду с ними определенное значение имеют объективно случайные причинные связи. Отрицание определенной роли и значения за случайностью как объективной категорией неизбежно сводит само понятие необходимости к фатализму, абсолютной неизбежности наступления определенных явлений. Энгельс в письме к И. Блоху в сентябре 1890 года писал об историческом процессе: «Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов (экономический базис и различные моменты надстройки — А. П.), в котором, в конце концов, экономическое движение как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно определяема, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени»¹. В январе 1894 года в письме к Штаркенбургу он писал: «Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководясь общей волей, по единому общему плану, даже в рамках определенного, ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность»².

Для выяснения нашего понимания проблемы причинности в праве необходимо критически внимательно рассмотреть решение вопроса о причинной связи в праве, даваемое буржуазной юридической наукой.

§ 2

Теории причинной связи в буржуазной юридической науке и их философские основы

Вопрос о значении причинной связи при определении ответственности за совершенное преступление в теории уголовного права исторически возник в связи с рассмотрением преступлений против жизни и здоровья. Итальянские юристы средних веков выработали целый ряд правил, которые, как им казалось,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1947, стр. 422—423.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1947, стр. 470.

могли содействовать определению ответственности за убийство, явившееся результатом нанесения раны потерпевшему. Они считали, что для признания наличия причинной связи при убийстве требуется непосредственное лишение жизни другого человека, например, убийство топором, выстрел в упор. Всякое привходящее обстоятельство, содействующее наступлению преступного результата, устраняло вменение содеянного в вину данному лицу. Это так называемая теория исключительной причинности, сложившаяся под влиянием аристотелевского представления о действующей причине (*causa efficiens*). Криминалисты феодальной эпохи проводили различие между безусловно смертельными ранами и ранами не смертельными. При наличии последних они отрицали причинную связь между ранением и наступившей смертью потерпевшего. Для признания причинной связи между нанесением раны и смертью потерпевшего они требовали, чтобы смерть наступила до истечения «критических дней»; большинство считало таким сроком сорок дней. Данное положение теории уголовного права эпохи феодализма нашло свое отражение как в судебной практике, так и в законодательстве того времени. В качестве примера можно указать на постановления об этом Воинских артикулов Петра I. Артикул 154 устанавливал наказание отсечением головы, если «кто кого волею и нарочно без нужды и без смертного страха умертвит, или убьет его, тако что от того умрет». В толковании к этому артикулу специально рассматривался вопрос о причинной связи между действиями виновного и смертью потерпевшего. «Но надлежит подлинно велять, что смерть всеконечно ли от битья приключилась. А ежели сыщется, что убиенный был бит, а не от тех побоев, но от других случаев, которые к тому присовокупились, умре, то надлежит убийцу не животом, но по рассмотрению судейскому, наказать или тюрьмою или денежным штрафом, шпицрутеном и прочая». Морской устав Петра I также включал постановления, содержащие решение вопроса о причинной связи: «Кто кого убьет так, что он не тот час, но по некотором времени умрет, то надлежит о том свидетельствовать накрепко, что он от тех ли побоев умер, или иная какая болезнь приключилась и для того тот час по смерти его докторам взрывать то мертвое тело и осмотреть, от чего ему смерть случилась» (ст. 108).

Для установления причинной связи между нанесенным ранением и смертью потерпевшего Воинские артикулы также обязывали произвести судебно-медицинское вскрытие и перечисляли 15 видов ран, которые «за смертельные почитаются». При отсутствии развитого учения о формах вины указанные взгляды на причинность влекли за собой некоторое ограничение пределов ответственности, которая строилась в значительной мере на основе принципа объективного вменения. Взгляды

феодалной доктрины уголовного права на причинную связь сохранились в современном англо-саксонском праве. Англо-американская судебная практика знает немало случаев, когда теория «исключительной причинности» используется для освобождения от ответственности фабрикантов и заводчиков за увечья, нанесенные рабочим на их фабриках и заводах. Как пережиток феодалной теории уголовного права в английском праве следует рассматривать, в частности, то, что до сих пор для признания причинной связи при убийстве требуется, чтобы не истек определенный срок между действием преступника и смертью потерпевшего (год и один день после причинения повреждения)¹.

В общей форме вопрос о значении причинной связи в уголовном праве был поставлен в буржуазной уголовноправовой литературе XIX столетия, однако буржуазные уголовные кодексы, как правило, обходили его молчанием.

Наиболее распространенной теорией причинности в буржуазной уголовноправовой литературе является так называемая теория *conditio sine qua non* (причина — условие). Согласно этой теории действие человека тогда является причиной данного события, когда оно (действие) было одним из необходимых условий наступления этого события. Теория *conditio sine qua non* исходит из предположения о полной равноценности всех предшествующих близких или отдаленных условий наступления данного события. Каждое из них, если оно удовлетворяет указанному требованию, может рассматриваться как причина произошедшего.

Пропаганду теории причинности *conditio sine qua non* среди криминалистов обычно связывают с именем немецкого юриста Бури, который в конце 60-х и начале 70-х годов прошлого столетия опубликовал ряд работ, посвященных вопросу о причинной связи в уголовном праве. Уже в первой из них он следующим образом определил понимание причинной связи в уголовном праве: «Рассматривая следствие, возникшее из действия различных сил, мы найдем, что, если представить себе хотя одно из этих действий не происходившим, если выделить какую-нибудь одну из этих сил, то и самое следствие в конкретной его обстановке изменится. Это значит, другими словами, что для следствия, возникшего из совокупного действия различных сил, всякая отдельная сила есть *conditio sine qua non*, а поэтому всякая отдельная сила, в том числе и действие человека, хотя бы изолированное от других оно и не могло произ-

¹ О взгляде англо-американского права на причинную связь см. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, 1957, Тбилиси, стр. 68—78.

вести последствия, должна быть признана ответственной за последствия в полном объеме ввиду его неделимости»¹.

В понимание причинной связи Бури в своих первоначальных выступлениях не вносил субъективных моментов. В отличие от многих криминалистов он рассматривал причинную связь независимо от виновности субъекта. «Эта причинная связь есть чисто объективное явление, которое не может быть ни установлено, ни устранено знанием, а поэтому причинная связь должна быть принимаема и тогда, когда А не имел никакого предварительного знания о том действии, которое позднее присоединилось к его действию»². Теория *conditio sine qua non* разделяется многими буржуазными криминалистами. На ее позициях, в частности, стоял и учебник уголовного права Листа: «Причинная связь между телодвижением и результатом имеет место тогда, когда результат без телодвижения не мог бы наступить, когда, следовательно, нельзя мысленно исключить телодвижение без того, чтобы не отпал и наступивший результат (*conditio sine qua non*). Само собой разумеется, что при этом ставится вопрос о результате в его конкретном выражении»³.

В прошлом столетии эта теория причинности являлась господствующей и в гражданском праве.

В юридической литературе при попытке определить философские корни теории *conditio sine qua non* обычно расценивают ее как позитивистскую теорию причинности. Так оценивает эту теорию Липман в цитированной уже работе⁴. То же повторяет Мецгер⁵. С философией позитивизма Джона Стюарта Милля связывает ее русский дореволюционный криминалист Таганцев⁶. В советской юридической литературе как позитивистскую теорию причинности ее трактует Н. Д. Дурманов⁷. Нам представляется такая оценка этой теории неверной потому, что не существует вообще никакой специальной теории причинности позитивизма. Например «позитивистское» учение о причинности Маха и Авенариуса в действительности есть не какое-либо особое, стоящее над материализмом и идеализмом учение о причинности, а чисто идеалистическая теория причинности. В. И. Ленин справедливо отмечает, что «в самой основе своей учение Маха и Авенариуса о причинности есть идеалистическая

¹ Цит. Сергеевский. О значении причинной связи в уголовном праве, ч. 2, 1880, стр. 31.

² См. там же, стр. 32.

³ Liszt, Lehrbuch, Berlin, 1922, S. 124.

⁴ Liepmann, Einleitung in das Strafrecht, S. 54.

⁵ Mezger, Strafrecht, Lehrbuch, S. 113.

⁶ См. Н. С. Таганцев, Русское уголовное право (лекции), часть Общая, т. I, СПб., 1902, стр. 663.

⁷ См. Н. Д. Дурманов, Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве, «Вопросы уголовного права», сб. 1, М., 1945.

ложь, какими бы громкими фразами о «позитивизме» ее ни прикрывали»¹.

Методологическую оценку любой теории причинности в праве необходимо прежде всего свести к характеру понимания ее сторонниками самой причинности как объективной или как субъективной категории. В этом отношении теория причинности в праве может быть или материалистической, или идеалистической, но не какой-либо особой, позитивистской. В тех случаях, когда юристы, придерживающиеся теории *conditio sine qua pop*, рассматривают причинную связь как нечто объективное, существующее помимо сознания познающего субъекта, они стоят на материалистических позициях в этом вопросе. Примером могут служить указанные выше формулировки Бури, данные им в его первых очерках о причинной связи в уголовном праве, хотя следует сразу отметить, что он недолго удержался на этих позициях. На стихийно материалистических позициях стоят многие сторонники теории причинности *conditio sine qua pop* как среди теоретиков, так и среди практиков-юристов, которые не углубляются в философские основы понимания причинности.

Сторонники теории причинности *conditio sine qua pop* в советской юридической литературе всегда понимали вместе с тем причинность как объективную категорию, т. е. сознательно стояли на материалистических позициях.

Можно также привести целый ряд примеров, когда сторонники теории причинности *conditio sine qua pop* сознательно связывают свои воззрения на причинность в праве с идеалистическим понятием о причинной связи. Так, Лист, защищая в своих работах теорию причинности *conditio sine qua pop* и в уголовном, и в гражданском праве, вместе с тем декларирует свои чисто кантианские взгляды на причинность, как субъективную категорию, априорно присущую нашему разуму форму познания². В дореволюционной русской уголовноправовой литературе С. П. Мокринский объединял теорию причинности *conditio sine qua pop* в уголовном праве со своими общими кантианскими взглядами на причинность³.

Возможность обоснования указанной теории причинности в уголовном и гражданском праве как на материалистическом, так и на идеалистическом представлении о причинности не является случайной. Она имеет свои корни в общей истории борьбы материализма и идеализма. Понимание причинности как любого предшествующего условия данного явления, без которого это последнее не возникло бы, не было изобретением буржуазной юридической литературы. Прямо или косвенно оно было заим-

ствовано из философской литературы, обобщавшей механистическое мировоззрение естествоиспытателей, сложившееся в XVII и XVIII веках.

Представление о причинности механистического естествознания XVII и XVIII столетий явилось реакцией на учение о причинности средневековой схоластики, приспособившей к нуждам католической церкви философию Аристотеля. В соответствии с учением о различии материи и ее форм, скрытых качествах материи и с признанием божественной целесообразности в природе учение средневековых перепатетиков различало причины материальные (*causa materialis*) и формальные (*causa formalis*), причины действующие (*causa efficiens*) и конечные (*causa finalis*). Новое естествознание вместо скрытых качеств перепатетиков пыталось объяснить все явления природы при помощи механического движения. Оно было связано с пониманием необходимости в природе как абсолютной необходимости, не различающей объективно существующих необходимых и случайных связей между явлениями природы. С таким пониманием причинности мы встречаемся уже в философии Гоббса. Причинность он понимает, как объективно существующую связь между предметами материального мира, как проявление действия тел друг на друга. Причина, по его мнению, — это сумма всех условий, необходимых для наступления данного явления, и каждое из них в отдельности: «Причина же есть сумма или агрегат всех тех акциденций как действующего фактора, так и подвергающегося действию объекта, сочетание которых производит указанное действие... Раз все эти акциденции имеются в наличности, то и действие должно наступить, если же одной из них не хватает, то и действие не будет иметь места»¹.

Гоббс понимал необходимость как абсолютную необходимость, отрицая всякое значение за случайностью как объективной категорией. «Всякое действие, когда-либо наступившее, происходит от необходимой причины. Ибо наступившее действие имело, поскольку оно наступило, достаточную причину, именно все то, чем действие необходимо вызывается, т. е. оно имело необходимую причину»². Случайность Гоббс понимал лишь как субъективную категорию, как выражение нашего незнания: «Случайным, или возможным, называется вообще то, необходимую причину чего нельзя разглядеть»³. В результате отрицания случайности как объективной категории необходимость в учении Гоббса приобретала по существу характер лишь внешнего сцепления событий.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 151.

² Liszt, Lehrbuch, S. 128.

³ См. С. П. Мокринский, Наказание, его цели и предположения, ч. 3, стр. 308—309.

¹ Т. Гоббс, Избранные сочинения, М.—Л., 1926, стр. 55.

² Там же, стр. 86.

³ Там же, стр. 91.

Типичными для французского материализма можно считать взгляды на причинность, развитые Гольбахом в его «Системе природы». Причиной он признавал объективно существующую связь между предметами внешнего мира. Тот предмет, который приводит в движение другой предмет или производит в нем какие-либо изменения, является причиной. Следствие — это изменение, вызванное в каком-либо предмете движением. Понимание причинности французского материализма опиралось на общее понимание механического движения. Механика в то время была наиболее развитой частью науки о природе. С помощью ее законов ученые пытались объяснить все явления природы. Всю природу французские материалисты мыслили как необъятную цепь механических причин и следствий, вытекающих друг из друга. Это приводило их к пониманию необходимости как абсолютной необходимости, как фатальности, не признающей значения за объективной случайностью. «Все наши поступки подчинены фатальности, управляющей нашей частной системой, так как она управляет совокупной системой вселенной; ничто в нас, как и в природе, не происходит случайно, — писал Гольбах, — ибо случай, как мы это доказали, представляет собой лишенное смысла слово»¹.

Для Гольбаха случайность является субъективной категорией: «Мы считаем случайными события, причины и способы, действия которых мы не знаем»². По мнению Гольбаха, люди прибегают к слову «случайность», чтобы скрыть свое неведение о действительных причинах данного явления. Согласно такому пониманию необходимости все, что совершилось, только так и могло произойти. Поэтому каждое событие, хотя бы самое маловажное, при этом оказывается с абсолютной необходимостью обусловленным всем прошлым мира. Такое представление приводило к признанию одинаковой необходимости любого из предшествующих, хотя бы и самых отдаленных, условий данного события. Каждое из них оказывалось его причиной. Этот тезис неприемлем для диалектического материализма, так как среди условий, определяющих то или иное явление, не все играют одинаковую роль в его происхождении и развитии. Из них всегда одни являются важными, решающими, другие — второстепенными, несущественными.

Представление о причинности механистического материализма, отображая взгляды современного ему естествознания о всеобщем значении механических связей, выражало лишь внешнюю связь, внешнее сцепление явлений объективного мира, но

не их внутреннюю закономерность. Свое понимание необходимости сторонники механистического материализма применяли не только к объяснению явлений природы, но и к объяснению общественных явлений. При объяснении исторических событий они могли ограничиться указанием на самые ничтожные обстоятельства как на якобы достаточные причины этих событий. Так, тот же Гольбах писал: «Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение у какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины — являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, чтобы посылать миллионы людей на бойню, чтобы разрушать крепости, превращать в прах города, чтобы погружать народы в нищету и траур, чтобы вызвать голод и заразные болезни и распространять отчаяние и бедствие на длинный ряд веков»¹. Механистический материализм, отрицая объективное существование случайности во внешнем мире, фактически возводил случайность в ранг необходимости. Его сторонники не могли вскрыть внутренней закономерности общественного развития. Приложение механистического материализма к общественным явлениям приводило, как известно, к идеалистическому взгляду на историю.

Энгельс в «Диалектике природы» указал на ошибочность представления французского материализма о необходимости: «Согласно этому воззрению в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию,.. что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру — все это факты, которые вызваны неизменным сцеплением причин и следствий, связаны незыблемой необходимостью, и газовый шар, из которого возникла солнечная система, был так устроен, что эти события могли произойти только так, а не иначе»². Механистическое представление о причинности французского материализма приводит фактически к предопределенности всех событий и, таким образом, оказывается близким теологическому взгляду на природу. «С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу», — отмечает Энгельс³.

Идеалистическая философия всегда стремилась теоретическим выводам естествознания придать идеалистическое обоснование и таким путем подчинить естествознание своему влиянию.

¹ П. Гольбах, Система природы или о законах мира физического и мира духовного, М., 1940, стр. 131.

² Там же.

¹ П. Гольбах, Система природы или о законах мира физического и мира духовного, стр. 147.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 503.

³ Там же.

Идеалистическую трактовку механистического объяснения природы пыталась дать и немецкая критическая философия Канта. Несмотря на диаметрально противоположность кантовского понятия о причинности понятию о причинности механистического материализма, сам механистический характер понимания необходимости сохранился и в философии Канта. Представлению о причинности механистического материализма XVIII столетия Кант придал лишь характер априорного понятия о причинности нашего рассудка, существующего до всякого опыта. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как Кант трактует одну из известных своих антиномий — антиномию свободы и необходимости. «Допустим, что нет никакой иной причинности, кроме причинности согласно законам природы; тогда все, что случается, предполагает предшествующее состояние, за которым оно неизбежно следует согласно правилу. Но предшествующее состояние само должно быть чем-то таким, что случилось, (возникло во времени, так как не существовало раньше), так как если бы оно существовало всегда, то и следствие его не возникло бы во времени, а существовало бы всегда. Следовательно, причинность причины, благодаря которой нечто случается, сама есть нечто случившееся, предполагающее согласно закону природы опять некоторое предшествующее состояние с его причинностью, а это состояние предполагает еще более раннюю причинность и т. д.»¹ Именно метафизический механистический характер понимания причинности, который был свойствен и французскому материализму, использует Кант для доказательства необходимости в конце концов свободной причинности, начинающей причинный ряд, т. е. божества.

Механистическое представление о причинности вошло и в учение английского позитивизма. Так, Джон Стюарт Милль понимал причинную связь как неизменное следование за одним событием другого: «Закон причинной связи, признание которой является главной основой индуктивной науки, есть просто та общеизвестная истина, что наблюдение открывает для всякого факта в природе неизменное следование за каким-либо другим, ему предшествовавшим»². Причинную связь он понимал, таким образом, как внешнее сцепление событий. Все предшествующие условия он считал одинаково необходимыми для возникновения последующих. Поэтому его понятие о необходимости не знает случайности как объективной категории: «Все явления суть необходимые или, другими словами, безусловные последствия какого-либо прежнего сочетания постоянных причин»³. При этом свое механистическое представление о необхо-

димости Милль связывает с общим идеалистическим тезисом позитивизма о непознаваемости сущности вещей. Он заявляет, что его понятие причинной связи независимо от всех соображений относительно конечного происхождения явлений и от всякого другого вопроса о природе «вещей в себе»¹.

После всего сказанного должно стать понятным, почему теория причинности в праве *conditio sine qua pop* могла быть обоснована на почве как материализма, так и идеализма.

Основные черты понимания причинности механистического материализма свойственны и теории причинности *conditio sine qua pop*, когда юристы, разделяющие эти взгляды, трактуют причинность как объективно существующую связь между явлениями внешнего мира. Это общее заключается в понимании причинности как абсолютной необходимости, отрицании случайности как объективной категории, понимании необходимости как внешнего сцепления событий, признании равенства всех предшествующих условий события как одинаково необходимых условий наступления определенного результата, признании причинной любого из таких условий.

Однако подобно тому, как Кант объявил такого рода общее механистическое понимание закона причинности априорной категорией нашего рассудка, многие буржуазные юристы объединяли с кантовским понятием о существовании причинной связи теорию причинности *conditio sine qua pop*. Так поступает Лист, когда вслед за Кантом объявляет причинность априорной формой нашего познания, но понимает причинную связь в праве как *conditio sine qua pop*. В русской дореволюционной литературе пример такого сочетания идеалистического понимания причинности с теорией *conditio sine qua pop* давал Мокринский.

В силу всего сказанного нет ничего удивительного в том, что Мокринский, объявляя причинность априорной категорией, для иллюстрации своего понимания закона причинности, пользуется работой сторонника французского материализма немецкого юриста конца XVIII столетия Гомеля.

«Каждое событие, как бы оно ни было маловажным, необходимо обусловлено всем мировым прошлым и всем настоящим. Вместе с тем, составляя часть целого, оно необходимо обуславливает все существующее и все то, что имеет осуществиться в будущем. По меткому и образному замечанию Гомеля, стоило бы изъять из вселенной только один атом, и весь мир распался бы»².

¹ Дж. Ст. Милль, Система логики силлогистической и индуктивной, М., 1914, стр. 295.

² С. П. Мокринский, Наказание, его цели и предположения, ч. III, стр. 309. О Гомеле (1722—1781 гг.), немецком криминалисте XVIII столетия, которого прогрессивные юристы того времени называли «немецким

¹ Кант, Критика чистого разума, Петроград, 1915, стр. 276.

² Дж. Ст. Милль, Система логики силлогистической и индуктивной, М., 1914, стр. 295.

³ Там же, стр. 313.

Без понимания связи теории *conditio sine qua non* с механистическим представлением о необходимости нельзя понять ни развития учения о причинности в буржуазной юридической литературе, ни теоретическую борьбу вокруг вопроса о причинной связи в теории социалистического уголовного права.

Теория причинности *conditio sine qua non* была господствующей в буржуазной юридической литературе вплоть до начала текущего столетия. В буржуазной уголовноправовой литературе господствующее положение она занимала и в последствии. Однако нередко она вызывала возражения.

Основное возражение против этой теории причинности заключалось в том, что она ставит вопрос о возможности ответственности за очень далеко идущие последствия совершенного деяния. Против нее выступили прежде всего цивилисты, так как в области гражданского права во многих случаях по буржуазному праву ответственность за последствия может наступать при наличии их невиновного причинения. Поэтому именно здесь в первую очередь начали раздаваться критические голоса о непригодности теории *conditio sine qua non* для разрешения вопросов гражданской ответственности. Типичным в этом отношении является аргумент, выдвигаемый цивилистом П. Эртманном: «Если мой пес надоедает прохожему и он вследствие этого изменяет маршрут своей ежедневной прогулки, а затем, спустя несколько недель, прохожий попадает под автомобиль, гуляя по вновь избранному маршруту, то я должен буду нести ответственность, ибо если бы моя собака не вела себя определенным образом, то прохожий не изменил бы прежнего направления своей прогулки и не попал бы под автомобиль. Моя собака, за которую я должен отвечать и при отсутствии вины с моей стороны, согласно ст. 833 гражданского уложения создала условие, без которого не могло наступить увечье или смерть прохожего»¹.

По поводу подобного приложения теории причинности *conditio sine qua non* к определению гражданской ответственности Эртманн отмечает, что оно «приводит к таким выводам, для которых выражение «сумасшедшие», пожалуй, было бы слишком мягким»². Критикуя теорию причинности *conditio sine qua non*, буржуазные юристы не способны были вскрыть методологические основы указанных выводов из этой теории. Признавая неудовлетворительность ее, цивилисты искали иное обоснование

Беккариа, см. Hans Gerats, Das Menschenrecht der Bürgerlichen Freiheit in der naturrechtslehre von C. F. Hommel, Karl-Marx Universität Leipzig 1409—1959, Beiträge zur Universitätsgeschichte, SS. 93—114.

¹ Oertmann, Recht des Bürgerlichen Gesetzbuch, II, Berlin 1927, S. 55.

² Там же.

ответственности за последствия совершенных действий. Одни из них предлагали заменить теорию причинности *conditio sine qua non* другой теорией, получившей наименование «адекватной теории причинности». Об этой теории речь будет ниже. Другие считали целесообразным в области гражданского права во всех случаях при определении ответственности за причиненный ущерб ввести как обязательный момент элемент вины¹.

В области уголовного права ответственность предполагает установление вины лица в совершении преступления. Поэтому лишь только те последствия совершенного действия, которые лицо предвидело или должно было предвидеть, могли быть вменены ему в уголовную ответственность. Следовательно те возражения против теории причинности *conditio sine qua non*, которые делала цивилисты, были ослаблены в области уголовного права. Ответственность лица за отдаленные последствия своих действий отпадала потому, что они не могли быть им предусмотрены. Тем не менее и здесь против этой теории приводился ряд возражений. Укажем на наиболее существенные из них.

Теория причинности *conditio sine qua non* позволяет в уголовном праве ставить вопрос о причинной связи между действием лица и самыми отдаленными последствиями этого действия.

Хотя теория причинности *conditio sine qua non* исходит из признания принципиального равенства всех условий, необходимых для наступления данного преступного результата, однако в действительности сторонникам ее приходится отступать от этого положения при разрешении конкретных вопросов ответственности за совершенное преступление.

Сторонники теории причинности *conditio sine qua non* не проводят последовательно своих взглядов на причинность при определении содержания умысла и неосторожности. Если понимать причинность в уголовном праве как любое из необходимых условий наступления результата, то для наличия умысла было бы достаточным требовать установления сознания того,

¹ Примером такого решения вопроса может служить мнение дореволюционного русского цивилиста Г. Ф. Шершеневича. «Единственно верным следует признать понятие о причинной связи как непрерывном ряде, какое дается нам логикой. Ответственность является правовым последствием, а потому и основание ее, т. е. причинную связь, нельзя искать там, где невозможно правовое воздействие. За пределами правовой досягаемости бесцельна причинная связь для юриста.

С этой точки зрения мы должны признать, что последствия незаконного действия, за которые действовавший отвечает, не могут идти дальше того, что можно было предусмотреть в момент совершения действия на основании общежитийского опыта среднему разумному человеку» (см. Г. Ф. Шершеневич, Общая теория права, М., 1910, вып. 3, стр. 688—689).

что данное условие может содействовать наступлению преступного результата. Однако фактически криминалисты, сторонники этой теории, для установления умысла требуют осознания значительно более конкретного развития причинной связи между действием и наступившим результатом. В качестве примера такой непоследовательности приводится обычно следующий: А направляет Б в лес в надежде, что во время наступающей грозы Б будет убит молнией. С точки зрения теории причинности *conditio sine qua non* было бы последовательным в случае гибели Б привлекать к уголовной ответственности А за оконченное умышленное убийство, а в случае, когда все обошлось благополучно, — за покушение на убийство. Однако криминалисты, сторонники теории *conditio sine qua non*, такого вывода не делают, ссылаясь на то, что это противоречит их «правовому чувству». Следовательно, для признания наличия умышленного убийства они требуют фактически иной, более тесной связи между действием субъекта и наступившим результатом — смертью потерпевшего. Тем самым они отступают при решении вопроса о причинной связи в этих случаях от последовательного проведения принципов теории причинности *conditio sine qua non*.

Не могла эта теория причинности удовлетворительно объяснить и объем уголовной ответственности при совершении умышленного преступления, связанного с наступлением определенных квалифицирующих последствий (например, умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего). Судебная практика буржуазных стран и буржуазная теория уголовного права обычно признают, что для ответственности за квалифицированное по последствиям умышленное преступление не требуется виновного отношения лица к этим последствиям. Однако при этом буржуазные криминалисты признают наличие умышленного преступления с квалифицирующими последствиями все же не всегда, когда в соответствии с теорией причинности *conditio sine qua non* следовало бы признать наступление такого последствия. Так, если кому-либо было умышленно нанесено тяжкое телесное повреждение и он погиб во время автомобильной катастрофы, когда его везли в больницу, то, хотя, с точки зрения рассматриваемой теории причинности, налицо причинная связь между действием лица и наступившим конечным результатом — смертью потерпевшего (если бы его не ранили, его не повезли бы в больницу и он не попал в автомобильную катастрофу), все же ее сторонники не предлагают в этом случае привлекать за нанесение квалифицированного вида умышленного тяжкого телесного повреждения. Следовательно, в этих случаях они фактически держатся иной концепции причинной связи, чем та, которая дается теорией причинности *conditio sine qua non*.

Порочность этой теории была порождена непониманием ее сторонниками различия между необходимостью и случайностью как объективными категориями, а также трактовкой самой необходимости как любого внешнего сцепления событий. Тем же непониманием страдали и сами критики теории *conditio sine qua non* в буржуазной юридической литературе.

Недостатки теории *conditio sine qua non* породили в буржуазной уголовноправовой литературе стремление создать иную концепцию понимания причинной связи в праве.

Некоторые криминалисты, оставаясь на почве этой теории, пытались внести в нее поправки для проведения между всеми предшествующими данному событию условиями объективного различия, позволяющего выделить из них причины в тесном смысле этого слова.

Примером подобной теории причинной связи может служить теория, развитая немецким криминалистом Биндингом. Из всех предшествующих условий данного события он стремится выделить такое условие, которому принадлежит решающая роль в воспроизведении этого события; его-то Биндинг и считает причиной наступившего результата в тесном смысле слова. Биндинг полагал, что вызвать какое-либо изменение во внешнем мире — это значит нарушить равновесие между существующими противодействующими и содействующими данному изменению условиями в сторону последних. Причиной он признает положительные условия, содействующие результату и достигшие перевеса над отрицательными условиями (противодействующими результату)¹. Теория Биндинга носит на себе ясно выраженную печать представления о причине, заимствованного из механики: причина движения есть сила, которая нарушает покой, существующее равновесие тел. Он представляет мир как систему равновесия, где движение есть лишь некое внешнее возмущение, нарушающее равновесие сил. Человеческое действие, нарушающее это равновесие, является для него причиной наступивших последствий². Данной теории присущи по существу те же черты, что теории причинности *conditio sine qua non*. Все даже идущие последствия, наступившие от причины — перевешивающего условия, могут быть поставлены с нею в связь. Она также не проводит различия между необходимыми и случайными связями.

¹ Binding, Normen und ihre Übertretung, Berlin, 1890, Bd. I, S. 115.

² Метафизический характер представления о внешнем мире Биндинга был понятен для нашего дореволюционного криминалиста Н. С. Таганцева. «Как перенесем мы, — спрашивает он, излагая теорию Биндинга, — идею покоя и равновесия на вечно движущийся и изменяющийся мир жизненных явлений — мир, коего все содержание исчерпывается понятием движения и переменны» (Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, т. I, стр. 668).

Другие криминалисты стремились внести в понимание причины в уголовном праве непосредственно элемент вины. Примером в этом отношении может служить работа о теории причинности русского дореволюционного криминалиста Н. Д. Сергеевского. В соответствии с основными положениями теории причинности *conditio sine qua non* он признает равенство всех предшествующих данному явлению условий и считает, что «нет причин главных и второстепенных — все они одинаково необходимы для воспроизведения явления»¹. Он признает действие человека тогда причиной какого-либо явления, когда исключение этого действия из ряда предшествующих этому явлению фактов «повлекло бы за собой или невозникновение его, или изменение, или перемещение в условиях времени»². Такое понятие причинности Сергеевский считал вообще правильным, но тем не менее старался показать, что в области уголовного права оно не имеет практического применения³. Тем самым он одновременно держался различных понятий о причинности — одного общеправового, которым необходимо пользоваться при познании внешнего мира, а другого — специально уголовноправового, которым надлежит пользоваться в области уголовного права. Причиной какого-либо события для уголовного права, с точки зрения Сергеевского, является лишь то действие лица, в момент совершения которого у него была возможность предвидеть данное явление как последствие своего действия. Не трудно видеть, что таким образом вопрос о понимании причинной связи в уголовном праве подменяется у Сергеевского другим вопросом — о субъективных условиях вменения лицу причиненного преступного результата. Причинность и виновность сливаются у него в одно понятие причинения в смысле уголовного права. Причинной связью в уголовном праве он считает лишь ту причинную связь, которая охватывалась или могла охватываться предвидением лица.

Теория причинности *conditio sine qua non* неприемлема для теоретической разработки нашего советского права (хотя бы ее сторонники и исходили из представления о причинности как объективной категории) как механистическая в своей основе теория причинности⁴.

¹ Н. Д. Сергеевский, О значении причинной связи в уголовном праве, ч. 1, стр. 26.

² Там же, стр. 27.

³ См. там же, стр. 36.

⁴ Неправильным является игнорирование связи принципа равноценности условий с механистическим материализмом. Отрицание этого не позволяет правильно понять корни существования теории *conditio sine qua non* в советской теории уголовного права. Поэтому нельзя согласиться с Т. В. Церетели, когда она утверждает, что «принцип равноценности условий является последовательным выводом из отрицания объективной реаль-

Специального внимания заслуживает теория адекватной причинности. Эта теория причинности в праве получила заметное распространение прежде всего среди цивилистов. К началу XX столетия она стала господствующей в литературе гражданского права. Многие буржуазные юристы считали, что таким путем, наконец, достигнуто соответствие «правовому чувству» решения всех вопросов, связанных с установлением причинной связи при определении ответственности за наступившие последствия¹.

Появление теории адекватной причинности в юридической литературе связывается обычно с именем Криза, по специальности не юриста, а физиолога, который опубликовал в 1888 году работу «О понятии объективной возможности и ее некоторых применениях», основанную на выводах ранее опубликованной им книги о «Принципах исчисления вероятности». Среди отдельных приложений своего понятия «объективной возможности» Криз рассматривает и применение этого понятия в области права при определении ответственности за наступившие последствия от совершенного лицом действия. Появление работ Криза по времени совпадает с распространением в буржуазной философской литературе эмпириокритицизма Маха и Авенариуса. Это совпадение во времени не являлось случайным. Методологическая основа теории «адекватной причинности» Криза тождественна с основами этого реакционного направления в буржуазной философской мысли.

Хотя работа Криза и носит название «О понятии объективной возможности...», но это не должно вводить в заблуждение читателя. Понятие возможности, с точки зрения автора, является чисто субъективной категорией.

Ход рассуждений Криза примерно можно обрисовать следующим образом. Каждое событие, которое наступает фактически, является необходимым результатом предшествующих ему условий. Утверждение о вероятности чего-либо носит субъективный характер. Вероятность означает всегда, что кто-то не знает, наступит или нет данное событие. Она означает неизвестность всех условий, необходимых для наступления этого события. Там, где условия в точности известны, нельзя говорить о вероятности наступления данного события, а нужно говорить о его неизбежности. В зависимости от характера и объема знания субъекта об условиях наступления данного события

ности причинных отношений, из агностицизма любого оттенка» (Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, автореферат докт. диссертации, М., 1949, стр. 3). В опубликованной диссертационной работе о причинной связи она усматривает философские корни этой теории также в английском агностицизме (см. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 36).

¹ Träger, Der Kausalbegriff im Straf- und Zivilrecht, S. 115.

можно говорить о степени вероятности его наступления. По-этому то, что одному лицу представляется мало вероятным, другому, более осведомленному, представляется весьма вероятным. В отличие от суждения о вероятности, которое всегда, по мнению Криза, носит субъективный характер, суждение о возможности носит объективный характер. Вероятность наступления какого-либо события в тех случаях, когда известны обычные, общие, родовые условия его наступления, Криз называет общепринятой вероятностью или объективной возможностью наступления. Таким образом, объективность в понятии возможности по этой теории заключается в общепринятости суждений о вероятности наступления данного результата. Следовательно «объективный» характер возможности, по учению Криза, есть не выражение состояния объективно существующей реальности, взаимной связи между реальными явлениями внешнего мира, а — лишь вероятность, присущая сознанию многих лиц. Это нечто вроде кантовской трансцендентальной апперцепции или «всеобщего опыта» эмпириокритической философии. Благодаря тому, что объективность возможности у Криза есть лишь особый характер сознания, разделяемого многими, т. е. все же нечто субъективное, Кризу можно было без нарушения элементарной последовательности рассматривать объективную возможность как особый вид вероятности, которую он трактует открыто как субъективную категорию.

Для признания объективной возможности какого-либо события, по мнению Криза, нужно, во-первых, знание на основании всеобщего опыта о закономерной связи бытия и, во-вторых, знание о конкретных фактах. Эти знания служат основой для прогноза о возможности наступления определенных событий. Свое представление об объективной возможности Криз считает приложимым не только для предвидения наступления в будущем тех или иных событий, но и для оценки причин уже произошедших событий, для понимания самой причинной связи. Объективная возможность имеет своей предпосылкой определенное знание о типичных связях между явлениями. Поэтому при каждом конкретном рассмотрении наличия причинной связи между данным условием и наступившим результатом можно воспользоваться «всеобщим опытом» и выяснить, способно ли данное условие вообще приводить к наступлению рассматриваемого результата или же данное условие привело к наступлению этого события исключительно в силу индивидуальных особенностей конкретного случая. Там, где рассматриваемое условие может считаться благоприятствующим наступлению данного результата вообще, независимо от индивидуальных особенностей каждого конкретного случая, там имеется условие, благоприятствующее *in abstracto*, там можно говорить об адекватном

причинении данным условием рассматриваемого результата. Там, где нет этой типичной связи между условием и наступившим результатом, где условие лишь в силу индивидуальных особенностей данного конкретного случая привело к наступлению рассматриваемого результата, там отсутствует адекватная причинная связь между ними. В применении к человеческому поведению Криз выставляет положение, что лицо может отвечать лишь за адекватные последствия своих действий.

По вопросу о том, какие причинные связи следует рассматривать как типичные, какими качествами должно обладать человеческое действие, чтобы его можно было считать благоприятствующим условием наступления рассматриваемого результата вообще (*in abstracto*), — нет единства мнений среди сторонников теории адекватной причинности. В связи с этим различают субъективную теорию адекватной причинности и объективную теорию адекватной причинности. Сам Криз являлся сторонником первой.

По мнению Криза, вопрос о типичности или нетипичности соответствующей связи может быть поставлен лишь в отношении таких обстоятельств, которые сами представляют собой виновное поведение субъекта. Лишь в отношении виновного действия лица он ставит вопрос о том, способно ли было это действие вообще привести к последствиям, подобным тем, которые имели место на самом деле. Все элементы поведения лица, которые охватываются его сознанием, Криз именуется «психологическим составом» поведения лица. Лишь «психологический состав» может быть предметом оценки как типичный для причинения данного результата.

Точка зрения Криза по существу приводит к тому, что при определении типичности причинной связи можно принимать во внимание лишь те обстоятельства, которые были известны субъекту, и, следовательно, к уголовной ответственности можно привлекать лишь за умышленное совершение преступления. Криз в отдельных своих выступлениях пытался сделать этот вывод менее категоричным, считая возможным привлекать при обсуждении вопроса о типичности причинения не только те факты, которые были известны виновному, но и те, которые могли быть ему известны. Таким образом, предпосылкой решения вопроса о причинной связи, с точки зрения разбираемой теории, должно являться выяснение, насколько действие субъекта, исходя из известных ему или могущих быть известными условий, способно вообще причинить рассматриваемый результат.

Поскольку теория Криза требовала обязательно установления виновного поведения лица для признания наличия причинной связи между его действием и наступившим результатом, то, очевидно, она не могла быть использована буржуазными

юристами в тех случаях, когда, как это имеет место в гражданском праве, ответственность могла наступать и без вины. Поэтому в применении к гражданскому праву теория адекватного причинения была подвергнута существенным изменениям. В связи с этим возникла объективная теория адекватного причинения, автором которой обычно считают Рюмелина.

Криз для выяснения тех условий, которые дают основание для суждения о возможности наступления преступного результата, берет условия, познаваемые до наступления преступного результата, т. е. *ex ante*. Изменение, внесенное Рюмелиным в адекватную теорию причинности, заключается в том, что при решении вопроса о возможности наступления данного результата он привлекает и условия, которые стали известны уже после наступления этого результата. Вопрос о значении условия как адекватного для причинения рассматриваемого результата должен быть разрешен с точки зрения последующего объективного прогноза, т. е. *ex post*, который решается судом.

Критическая оценка теории адекватной причинности должна прежде всего выяснить ее методологические основы. В основе как субъективного, так и объективного варианта теории адекватной причинности лежит субъективистское представление о причинности. Независимо от того, с чьей точки зрения решается вопрос о вероятности наступления результата — с точки зрения лица, совершившего данное действие, или с точки зрения судьи, — адекватная теория причинности исходит из понимания причинности не как объективно существующей вне человеческого сознания связи между явлениями внешнего мира, а как существующего в человеческом сознании представления о типичных связях между явлениями, опирающегося на «всеобщий опыт».

В основе адекватной теории причинности лежит субъективистское, идеалистическое представление о причинности. Идеалистическое понятие о причинности проявляется в адекватной теории прежде всего в представлении о «всеобщем опыте». История философии свидетельствует о том, что понятие «опыт» может быть истолковано и материалистически, и идеалистически. «Всеобщий опыт» в построениях сторонников адекватной теории причинности не представляет собой совокупности объективных истин, достигнутых на данной ступени развития человеческого знания. «Всеобщий опыт» в теории Криза есть расплывчатое представление об обычной последовательности в наступлении определенных явлений. Это по существу идеалистическое понимание опыта, широко распространенное в то время, когда создавалась адекватная теория причинности в буржуазной философской литературе «нового позитивизма» Маха и Авенариуса. В основе теории адекватной причинности

лежит понятие о причинности юмовского агностицизма: причинная связь есть лишь привычка нашего сознания. Некоторые сторонники адекватной теории причинности сами открыто подчеркивают идеалистический характер своих исходных позиций¹.

Идеалистический характер всей адекватной теории причинности отчетливо обнаруживается и в подходе ее к решению проблемы причинной связи в каждом конкретном случае. Для всех оттенков этой теории является характерным, что вопрос о причинной связи решается не путем конкретного рассмотрения объективно существующих связей между действием лица и наступившим результатом, а путем предположения о вероятности наступления данного результата или с точки зрения самого субъекта виновного действия или с точки зрения pronципального судьи. Трактовка причинной связи не как объективной связи между явлениями внешнего мира, а лишь как субъективной вероятности наступления данного явления при определенных предшествующих событиях не является чем-то исключительно свойственным лишь теории причинности, развитой в буржуазной юридической науке. Юристы в этом отношении вовсе не были оригинальными. Они заимствовали эту идею из буржуазной общеполитической литературы конца прошлого столетия. Некоторые тезисы Авенариуса, выставленные в его сочинении «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты меры сил», вышедшем в 1876 году, т. е. за 12 лет до появления работы Криза относительно понимания причинности, могут служить тому доказательством. Так, в § 82 этой работы мы читаем: «...причинность мы лишь мысленно привносим в цепь событий почти так же, как фетишизм создает одушевленный предмет, лишь мысленно привнося человеческую душу...» А § 83 гласит: «...необходимость может иметь и иной смысл, а именно: если наступает А, то за ним во всяком случае последует В; значит, необходимость, в точном смысле слова, означает известную степень вероятности (именно, достоверность), с какою можно ожидать или

¹ Так, Липман в цитированной уже работе писал об этом: «После исследования Юма и Канта мы знаем, что причинная связь между явлениями вовсе не дается опытом. Более того, опыту мы обязаны только знанием о повторяемой последовательности двух явлений; выражаемая в причинном отношении необходимая зависимость между ними, связь, которая их друг с другом объединяет, для нас остается просто непознаваемой: она не может быть ни непосредственно познана, ни опосредственно путем логической дедукции. Отсюда следует чрезвычайно важный, криминалистами нередко не принимаемый во внимание вывод: причинное отношение находится не в вещах, — оно является синтезом нашего сознания, понятием рас-судка, при помощи которого мы мыслим одно явление необходимо связанным с другим» (M. Lipman, Einleitung in das Strafrecht, S. 49).

ожидаешь наступления последующего события. Эта вероятность основывается на опыте, поскольку он представляет систему скомбинированных суждений, почерпнутых из восприятий (таким образом подчеркивается чисто идеалистическое понятие самого опыта, — А. П.), ибо, с одной стороны, в опыте Б всегда следует за А, а с другой — за А никогда не следует не Б. Кроме того, эта вероятность растет в силу того, что ряды событий, однородных с АБ, увеличивают нашу уверенность относительно последнего»¹. По этому поводу В. И. Ленин с полным основанием писал: «Это — вполне определенный субъективизм в вопросе о причинности. И, если оставаться сколько-нибудь последовательным, то нельзя придти к иному выводу, не признавая объективной реальности, как источника наших ощущений»².

Подмена в теории адекватной причинности вопроса об отсутствии или наличии причинной связи суждением о вероятности ожидания данного последствия в момент совершения лицом соответствующего действия тесно связана с субъективистским пониманием причинности. Поскольку причинность рассматривается не как объективно существующая связь между явлениями внешнего мира, а лишь как привычка, выработанная нашим сознанием, связывать с определенным действием или явлением наступление определенных событий, то очевидно, что необходимость наступления определенного события превращается лишь в субъективную вероятность ожидания его наступления. Для всех видов адекватной теории причинности является характерным отождествление причинной связи с вероятностью ожидания события данного рода со стороны того или иного лица. Конечно, человек при помощи своего разума решает вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между явлениями внешнего мира. Однако сама причинная связь принадлежит объективному миру и ее существование нельзя отождествлять с суждением о ней хотя бы и пронизательного наблюдателя.

Адекватная теория причинности в силу ее субъективистского характера практически означала защиту полного судебного усмотрения в решении вопроса о причинении тех или иных последствий в результате действий данного лица.

Идеалистический характер носят и другие теории буржуазных криминалистов, пытающихся создать особое понятие о при-

¹ Р. Авенариус, *Философия как мышление о мире* сообразно принципу наименьшей траты меры сил, СПб., 1899, стр. 31.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 14, стр. 145.

чинности в «юридическом» смысле слова. Таким, например, является понятие о причинности в уголовном праве как оценочной категории, выдвинутое в буржуазной правовой литературе криминалистами, которые в своих работах стремятся опереться на то направление неокантианской философии, которое в «ценностных суждениях» видит особенность общественных наук сравнительно с естественными. Они считают, что понятие причинности в уголовном праве устанавливает не объективно существующие связи между действием и наступившим преступным результатом, а выражает собой лишь оценку пределов власти лица над последствиями его действий. Причинность и здесь трактуется не как объективная категория, а как чисто субъективное оценочное понятие. С точки зрения этих криминалистов, в уголовном суде при установлении ответственности лица речь идет не о познании реальной связи между определенными явлениями, а лишь об оценке человеческих поступков. Наконец, следует упомянуть и о тех буржуазных теориях, которые отвергают вообще применимость категорий причинности в области права, в частности в области уголовного права. Так поступает, например, глава современной нормативной школы права в буржуазной юриспруденции Г. Кельзен. Повторяя известные положения философии Канта о причинности, он считает, что категория причинности применима лишь в области познания сущего, а не в области должного, частью которой является вся область права. Поэтому он отрицает значение категории причинности при определении уголовной ответственности. Он заменяет выявление причинной связи при определении уголовной ответственности установлением пределов нормативной связанности субъекта. В отрицании многими буржуазными криминалистами необходимости установления причинной связи при ответственности за преступления, совершенные путем бездействия, он видит подтверждение своих общих взглядов о неприменимости категории причинности в области уголовного права.

Все эти теории открыто выступают против допустимости использования в области уголовного права «естественнонаучного», т. е. по существу материалистического, понятия причинной связи. Они ставят себе в заслугу борьбу с материализмом в теории уголовного права. Они выражают влияние реакционной идеалистической философии в разработке конкретных вопросов теории уголовного права.

В политическом отношении все приведенные теории объективно направлены на обоснование ломки буржуазной законности в эпоху империализма, так как они оправдывают субъективный произвол буржуазного суда в решении конкретных вопросов судебной практики.

Решение вопроса о причинной связи в теории советского права и судебной практике¹

Для советской теории права неприемлемы решения вопроса о причинной связи, которые давались буржуазными учеными. Советские криминалисты должны разрешать вопрос о причинной связи в праве, исходя из основных принципов диалектического материализма. Они должны рассматривать причинную связь в праве как объективно существующую связь между действием человека и определенным результатом, о вменении которого в ответственность идет речь. Для нас, разумеется, неприемлемо субъективистское понимание причинной связи в праве как лишь присущего нашему сознанию представления о взаимной зависимости явлений внешнего мира, отрицающее реально существующие связи между ними. Непригодным для нас является и материалистическое, но механистическое решение вопроса о причинной связи, выражением которого в области права может быть признана теория причинности *conditio sine qua non* в ее материалистической интерпретации.

Вопрос о причинной связи должен быть разрешен путем конкретного рассмотрения реально существующей взаимосвязи

¹ Б. С. Антимонов, К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве, «Труды научной сессии ВИЮН», М., 1948; Н. Д. Дурманов, Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве, «Вопросы уголовного права», 1945; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву; Х. Кадри, К вопросу о причинной связи в советском уголовном праве, «Ученые записки Тартуского университета», вып. 61, 1959 (на эстонском языке, резюме на русском); М. И. Ковалев и П. Т. Васильков, Причинная связь в уголовном праве, М., 1958; В. И. Кофман, Основные вопросы причинной связи в свете общей проблемы гражданской ответственности, «Вестник Ленинградского университета» 1950 г. № 10; В. Н. Кудрявцев, Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву, М., 1954; его же, Объективная сторона преступления; А. А. Пионтковский, Проблема причинной связи в праве, «Ученые записки ВИЮН», 1949; его же, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954; И. Реннеберг, Объективная сторона преступления; И. С. Самощенко, К вопросу о причинности в области юридической ответственности, «Вопросы общей теории советского права», М., 1960; П. Г. Семенов, Проблема причинной связи в советском праве, «Ученые записки ВИЮН», вып. 8, 1958; Т. А. Сергеева, Вопросы причинной связи в практике по уголовным делам Верховного Суда СССР, «Советское государство и право» 1950 г. № 3; А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве; М. Д. Шаргородский, Причинная связь в уголовном праве, «Ученые труды ВИЮН», вып. 10; его же, Некоторые вопросы причинной связи в теории права, «Советское государство и право» 1956 г. № 7.

симости соответствующих явлений. Отдельные науки для осуществления своих задач из общего комплекса взаимосвязи данного явления с другими должны выделить те связи, которые относятся к предмету их изучения. В области права нас интересует связь между противоправным поведением человека и теми изменениями в окружающем мире, которые выражаются в причинении имущественного ущерба (гражданское право) или наступлении каких-либо преступных последствий (уголовное право).

При рассмотрении последствий любых человеческих действий, в том числе и действий противоправных, особое значение имеет понимание различия между необходимостью и случайностью как объективными категориями. Последствия человеческих действий подчинены закономерностям внешнего мира с его взаимной связью и переплетением необходимости и случайности. В любой области отношений между людьми требуется различать необходимые и случайные последствия человеческих действий.

Необходимое последствие есть проявление закономерности развития данного явления, оно внутренне ему присуще. Случайное последствие закономерно не вытекает из данного явления, хотя оно само причинно обусловлено. Оно наступает потому, что в своем развитии данная закономерность переплетается с действием других посторонних для нее обстоятельств. Случайные последствия возникают под влиянием воздействия другой цепи причинности, оказавшей влияние на развитие рассматриваемых событий. Различие между необходимостью и случайностью как объективными категориями в диалектическом материализме является выражением иного, более глубокого понимания необходимости, чем то, которое дается механистическим материализмом. Как мы уже указывали, для механистического материализма необходимость есть лишь внешняя связь между явлениями, внешнее сцепление событий. Для диалектического материализма необходимость есть проявление внутренней закономерности явлений. Различие необходимости и случайности как объективных категорий является основой решения всей проблемы причинности в праве.

Отмеченное выше различие понятий необходимости и случайности прежде всего позволяет установить объективные пределы ответственности за наступившие последствия как в гражданском, так и в уголовном праве. Вопрос об ответственности за наступившие последствия может быть поставлен и положительно решен лишь тогда, когда эти последствия были необходимыми, закономерными последствиями совершенного лицом действия, имели в нем свое основание.

Поэтому, когда А причиняет Б легкое телесное повреждение и Б гибнет от того, что ему упал на голову кирпич, сорвав-

шийся с карниза дома в то время, когда он шел в больницу, нет объективных оснований для уголовной ответственности А за смерть Б, так как это последствие было объективно случайным, оно не вытекало закономерно из нанесенного ему легкого телесного повреждения. В этом смысле легкое телесное повреждение не было причиной смерти потерпевшего. Иначе решает вопрос теория причинности *conditio sine qua non*. Для нее в этом случае существуют объективные основания для уголовной ответственности, и если уголовная ответственность исключается, то не вследствие объективных, а вследствие субъективных оснований — отсутствия вины лишь потому, что лицо не предвидело и не должно было предвидеть возможности наступления этих последствий.

Вопрос о различии между необходимыми и случайными последствиями совершенного действия может быть установлен в каждом отдельном случае путем конкретного анализа развития причинного ряда, начиная с соответствующего действия человека вплоть до конечного результата, относительно которого ставится вопрос о возможном его вменении данному лицу.

Можно встретиться со взглядами, что марксистское понимание необходимости и случайности применимо лишь к рассмотрению общих закономерностей общественной жизни и явлений природы, но неприменимо к рассмотрению отдельных индивидуальных явлений — человеческих действий и их последствий, чем занимается суд при установлении причинной связи между действиями лица и тем результатом, о вменении в ответственность которого идет речь. Этот взгляд является ошибочным. Он означает по существу проповедь методологического дуализма в изучении внешнего мира. Категории необходимости и случайности сохраняют свое полное значение и при рассмотрении индивидуальных явлений. Энгельс в «Диалектике природы» как раз иллюстрирует категорию случайности и необходимости рассмотрением судьбы отдельных индивидуумов, тем, что может случиться с отдельным зерном, когда оно попадает в ту или иную обстановку, как случайные обстоятельства отражаются на его судьбе. «Можно сколько угодно утверждать, что разнообразие находящихся на определенном участке бок о бок органических и неорганических видов и индивидов покоится на ненарушимой необходимости, но для отдельных видов и индивидов оно остается тем, чем было, т. е. случайным»¹. В. И. Ленин касается вопроса о диалектике необходимого и случайного, в частности, при рассмотрении отдельного явления и его связи с общим. «Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами). И т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия *необходимо-*

сти, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопологаем одно другому»¹. Понятие необходимости и случайности как объективных категорий при всей специфике проблемы установления причинной связи в праве должно быть положено в основу решения вопроса о наличии причинной связи между действием лица и тем событием, о вменении которого в ответственность идет речь.

Проблема различия необходимых и случайных связей является задачей всякого научного познания. Необходимые связи являются решающими, определяющими для данного процесса. Они выражают то положение, что одно явление порождает при определенных условиях как свое необходимое следствие другое. Случайное явление не связано с сущностью предшествующих ему явлений, не имеет в них своей основы, хотя косвенно и может быть зависимо от них. Деятельность судьи при установлении определенных фактов и их взаимосвязи принципиально ничем не отличается от процесса научного познания. Суд устанавливает в своем приговоре объективную истину. Установление причинной связи между действием лица и рассматриваемым судом преступным результатом есть установление необходимой закономерной связи между ними, такой связи, которая определяла наступление данного преступного последствия.

Для выяснения ряда вопросов учения о преступлении и правильного понимания причинной связи в праве имеет существенное значение понимание самой необходимости, взятой в процессе ее развития. Закономерные, необходимые последствия данного явления, прежде чем наступить в действительности, ранее выступают лишь как реально возможные, как нечто внутренне присущее развитию данных действий, событий.

Еще в своей докторской диссертации молодой Маркс писал о связи реальной возможности и необходимости: «Относительная необходимость может быть выведена только из *реальной возможности*, т. е. существует круг условий, причин, оснований и т. д., которыми опосредствуется эта необходимость. Реальная возможность служит объяснением относительной необходимости»². Поэтому диалектика возможности и действительности имеет существенное значение для понимания проблемы причинной связи в праве. Реальная возможность наступления определенных событий не есть субъективное предположение о его возможном наступлении, а есть объективная категория, выра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 504.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 38.

Важно подчеркнуть, что диалектический материализм, признавая самостоятельное объективное значение за случайностью, не отрывает необходимости от случайности, признает их взаимную связь. Энгельс считал бессодержательной метафизикой утверждение: «то, что необходимо, не может быть случайным, а то, что случайно, не может быть необходимым». Однако признавая диалектическое единство случайности и необходимости, нельзя сводить эту связь между ними лишь к случайности, вплетенной в процесс развития необходимой связи как нечто несущественное для нее, но вместе с тем и дающее конкретную форму для проявления определенной необходимой связи между явлениями. Следует различать и иной вид связи необходимости и случайности, где случайность является результатом пересечения двух необходимых процессов, взаимно друг с другом не связанных. Случайное последствие для одного из них является необходимым последствием для другого. В литературе справедливо отмечалось, что важная проблема — классификация случайностей — не получила еще должного освещения в работах наших философов¹. Для правильного понимания проблемы причинной связи в праве указанное различие следует учитывать. Игнорированием этого обстоятельства и объясняются в значительной мере те необоснованные возражения против защищаемого здесь решения вопроса о причинной связи в праве, с которыми нам пришлось встретиться в нашей правовой литературе при обсуждении проблемы причинной связи в праве.

Во многих случаях решение вопроса о причинной связи между действиями лица и наступившим преступным результатом не представляет каких-либо трудностей в судебно-прокурорской работе. Наличие причинной связи между действием лица и инкриминируемым ему преступным результатом часто настолько очевидно, что установление ее не вызывает сомнений в процессе расследования преступления и судебного рассмотрения дела. Однако в ряде случаев установление причинной связи требует глубокого анализа всех конкретных обстоятельств дела, а иногда и помощи со стороны компетентной судебной экспертизы. Такие трудности возникают в практической работе по делам об авариях на транспорте, при определении ответственности за так называемые несчастные случаи на производстве, при привлечении должностных лиц к уголовной ответственности за халатное отношение к своим служебным обязанностям, а также по делам о неосторожных убийствах, телесных повреждениях и некоторых других преступлениях.

¹ См. А. Гульга, О. Яхот, Н. Иванов, О необходимости и случайности, «Коммунист» 1957 г. № 17, стр. 97—98, а также О. Яхот, Необходимость и случайность, М., 1956, стр. 20—39.

Особые трудности возникают в тех случаях, когда причинная связь между действием лица и рассматриваемым последствием переплетается с действиями других лиц, обстоятельствами и событиями, не зависящими от действий данного лица.

При установлении уголовной ответственности исследуется вопрос о наличии причинной связи между определенным действием лица и преступным результатом, о вменении которого в ответственность данному лицу идет речь. Тем самым из совокупности разнообразных явлений, связанных с наступлением рассматриваемого события и ему предшествующих во времени, выделяется определенное человеческое действие и исследуется его роль в наступлении данного события — смерти другого лица, повреждения его здоровья, хищения или истребления государственного или общественного имущества, нарушения прав и интересов отдельных граждан и т. д.

Рассматривая поэтому вопрос о последствиях совершенного преступного действия, мы должны установить объективно существующую связь между данным человеческим действием и теми общественно опасными последствиями, которые произошли от него во внешнем мире. Поэтому в каждом конкретном деле является прежде всего необходимым разрешить вопрос, есть ли вообще какая-либо объективная связь между определенным действием лица и теми событиями, которые вменяются ему в ответственность.

Причинная связь есть процесс, протекающий во времени. Поведение человека, которое мы рассматриваем как причину данного события, всегда должно во времени предшествовать этому событию. Причина во времени всегда предшествует следствию. Поэтому при решении вопроса о причинной связи в уголовном праве необходимо прежде всего установить, что рассматриваемое действие лица во времени предшествовало тому событию, которое ему вменяется в ответственность. Если материалами дела это не доказано, следует сделать вывод, что отсутствует причинная связь между поведением данного лица и тем событием, о вменении которого идет речь. Это самое элементарное требование, которое необходимо соблюдать при установлении причинной связи.

Начальник станции И. обвинялся в том, что из-за его нераспорядительности имел место простой вагонов. Однако в результате судебного следствия было установлено, что И. вступил в исполнение обязанностей начальника станции уже после того, как простой образовался, а это значило, что между его поведением и простоем вагонов отсутствовала причинная связь.

Однако последовательность во времени между действием или бездействием лица и определенными событиями еще не означает наличия причинной связи между ними. Последователь-

жающая состояние самой объективной действительности, возможность ее развития в определенном направлении, наличие объективных условий для наступления соответствующего явления. Реальная возможность превращается в действительность в общественных отношениях людей в результате деятельности людей, а в природе — в результате стихийных сил или сознательного воздействия человека. При этом для установления необходимой причинной связи всегда следует выяснить реальную возможность наступления рассматриваемого события от совершенного действия. Установление необходимой причинной связи в отличие от случайной связи требует выяснения, было ли наступившее в действительности последствие реально возможным последствием совершенного виновным действия. Необходимая причинная связь между данным действием и последствием создается в результате превращения этой реальной возможности в действительность. Реальная возможность наступления определенного последствия означает возможность дальнейшего развития событий под влиянием совершенного действия в соответствии с закономерностью внешнего мира; необходимыми последствиями являются те, которые были внутренне присущи данному действию в конкретных условиях его совершения. Случайными последствиями рассматриваемого деяния будут те, которые в этой конкретной обстановке не вызывались закономерным развитием событий, не были внутренне присущи совершенному действию, а наступили в результате пересечения данной цепи причинности с другой.

При рассмотрении вопроса о причинной связи необходимо всегда учитывать роль объективной случайности в наступлении тех или иных последствий от совершенных действий. Всякий процесс развития закономерной связи включает в себя и элемент случайности, который, однако, еще не меняет существа данной связи. С этим мы постоянно встречаемся в процессе закономерного наступления определенных последствий человеческого поведения. Действие человека создает реальную возможность наступления того или иного результата. Однако процесс превращения этой возможности в действительность может опосредствоваться случайными для данного действия моментами, которые вместе с тем не меняют общего характера необходимой закономерной связи между действием лица и наступившими последствиями. Проиллюстрируем это примерами из судебной практики.

С. открыл беспорядочную стрельбу в узком проходе между двумя стоящими у платформы поездами, где находилось много народа, и при этом убил двух человек из числа провожавших. С. своим поведением создал реальную возможность гибели людей в проходе между поездами. Но был ли при этом убит Петров или Иванов, зависело от случайных для действий С. об-

стоятельств. Петров оказался убитым потому, что в момент выстрела он пытался войти в тамбур вагона. Тем не менее наступивший преступный результат является необходимым последствием действий С.; реальная возможность гибели людей была создана его действиями, случайность, которая при этом опосредствовала превращение возможности в действительность, не меняет характера необходимой причинной связи между действиями С. и наступившими последствиями. Или другой случай убийства, по которому Судебная коллегия Верховного Суда СССР вынесла определение 19 ноября 1947 г. Шофер Ч. зашел в будку нарядчика гаража, расположенную недалеко от пешеходной дорожки, и предложил находившемуся там М. испробовать имевшиеся у них пистолеты. Ч. и М. стрельбой в цель создали реальную опасность для проходивших по тропинке людей. То, что при этом была убита Попова, могло зависеть от случайных для действия виновных обстоятельств, например, она торопилась на лекцию и пошла ближайшим путем по пешеходной тропинке или, быть может, остановилась недалеко от будки, услышав стрельбу, и поэтому оказалась убитой. Тем не менее ее смерть являлась закономерным последствием поступка М. и Ч., реальная возможность гибели людей была создана их действиями. Случайность, которая при этом опосредствовала превращение этой возможности в действительность, не меняет характера необходимой причинной связи между их поступком и наступившим преступным последствием. Эти последствия имели свое основание в действиях М. и Ч.

Иной характер имеет взаимоотношение между закономерным развитием причинной связи и случайностью, когда наступившее последствие не имело опоры в поведении данного лица. Например, когда Сидоров наносит побои Алексееву, который вынужден отправиться в больницу и по дороге гибнет от свалившегося ему на голову кирпича или погибает от заражения крови, которое произошло из-за небрежности врача, плохо продезинфицировавшего инструменты после вскрытия нарыва у другого лица, во всех этих случаях гибель Алексеева не является закономерным последствием действий Сидорова. Нанесением побоев Сидоров не создал реальной возможности гибели Алексеева, этим не было определено направление развития событий, приведших к гибели Алексеева. Этот результат чисто внешне связан с теми действиями, которые были совершены Сидоровым. Смерть Алексеева была поэтому объективно случайным последствием действий Сидорова. Сидоров не вызвал своими действиями смерть Алексеева. Она явилась необходимым последствием действий других лиц (небрежность врача) или других событий (падение кирпича, пожар в больнице). Между действиями Сидорова и смертью Алексеева нет внутренней необходимой связи, а имеется лишь чисто внешнее сцепление событий.

ность во времени между определенными событиями нельзя смешивать с причинной связью между ними. Судебная практика показывает, что недостаточное изучение в процессе расследования преступления и в процессе судебного следствия действительного развития причинной связи между определенными явлениями приводило к тому, что иногда внешняя последовательность событий принималась за причинную связь между ними. Это влекло за собой неосновательное осуждение лица за то преступление, которое оно в действительности и не совершило.

С подобного рода ошибками, когда внешняя последовательность события принимается за причинную связь, практика сталкивается нередко по делам об авариях на железнодорожном и водном транспорте. Для вменения в ответственность последствий нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта необходимо, разумеется, прежде всего установить, что эти нарушения имели место по времени до наступления тех тяжелых последствий, о вменении которых в ответственность данному работнику транспорта идет речь. Однако одной лишь внешней последовательности во времени и здесь еще недостаточно для того, чтобы признать наличие причинной связи между ними.

Поучительным примером в этом отношении может служить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. по делу дежурного по станции Т., осужденного за нарушение трудовой дисциплины на транспорте, повлекшем тяжкие последствия.

Приговором по делу установлено, что 18 октября 1947 г. со станции Скотоватая Южно-Донецкой железной дороги был отправлен поезд № 246 по неприготовленному маршруту. Поезд потерпел крушение. По делу были осуждены дежурный по станции Т. и старший стрелочник Л. Виновность их заключалась по приговору в следующем: Л., получив распоряжение от Т. о приготовлении маршрута для отправления поезда № 246, не выполнил его, но доложил Т., что маршрут готов. Т., дав распоряжение Л. о приготовлении маршрута для отправления поезда № 246, в нарушение приказа № 382/Ц НКПС от 8 мая 1943 г., не закончив операцию по отправлению поезда, сдал дежурство.

Коллегия Верховного Суда СССР приговор в отношении Т. отменила и дело о нем в уголовном порядке производством прекратила, указав, что хотя Т. и сдал дежурство до окончания операции по отправлению поезда, но эти его действия в причинной связи с отправлением поезда по неправильному маршруту не стоят. Считая в этой части определение коллегии неправильным, Председатель Верховного Суда СССР внес протест в Пленум Верховного Суда СССР, который признал соображения Коллегии правильными, так как Т., получив сооб-

щение Л. о приготовлении маршрута, не обязан был по положению проверить правильность этого донесения. Поэтому преждевременный уход Т. в нарушение существовавшего приказа не может рассматриваться как обстоятельство, повлекшее крушение. Т. может подлежать ответственности лишь за само нарушение трудовой дисциплины. Между действием Т. и крушением поезда отсутствовала причинная связь.

Примером того, когда при установленном нарушении работником водного транспорта трудовой дисциплины, по времени предшествующем аварии на транспорте, все же отсутствует причинная связь между этим нарушением и аварией, может служить дело А. и других, по которому Коллегия Верховного Суда СССР вынесла определение от 9 июня 1951 г. А. был признан виновным в том, что, будучи третьим помощником капитана парохода «Карамзин», нарушил трудовую дисциплину на водном транспорте. Находясь на вахте при проведении ходовых испытаний парохода и обнаружив встречное судно (мотобот), А. не вызвал на мостик капитана, который в это время производил вычисления в штурманской рубке, а сам якобы не принял должных мер к расхождению со встречным судном. В результате этого, по мнению суда первой инстанции, и произошло столкновение судов. В кассационной жалобе осужденный указал, что им были приняты все необходимые меры и никаких других мер капитан судна, если бы его и вызвали на капитанский мостик, не мог бы предпринять. Коллегия Верховного Суда СССР не нашла причинной связи между нарушением трудовой дисциплины, совершенным А., и происшедшей аварией. В определении по этому делу Коллегия указала: «Нарушение А. пп. «ж» и «м» ст. 183 Устава службы на судах морского флота СССР, выразившееся в невызове капитана на мостик парохода, не находится в причинной связи с аварией. Установлено, что авария произошла в результате грубого нарушения трудовой дисциплины старшим штурманом встречного судна Б., который осужден по этому делу. Б. при встрече судов и их расхождении действовал неправильно: вместо того, чтобы уклониться вправо и разойтись левыми бортами, уклонился влево, в результате чего произошло столкновение судов. Заключение судоводительской экспертизы подтверждено, что А. принял все зависящие от него меры к безопасному расхождению судов и действия его были правильными. При таких обстоятельствах в действиях А. отсутствует состав преступления, предусмотренного ч. I ст. 59^{3б} УК РСФСР (1926 года. — А. П.). Допущенное же А. формальное нарушение пп. «ж» и «м» ст. 183 Устава службы на судах Морфлота СССР, как не находящееся в причинной связи с аварией, представляет собой служебный проступок, за допущение которого А. может нести только лишь дисциплинарную, а не уголовную ответственность».

Судебная практика показывает, что в ряде случаев следственные органы, вместо того чтобы установить наличие причинной связи между действием или бездействием лица и определенным преступным результатом по делам об авариях на транспорте, по делам о несчастных случаях на производстве, по делам о халатном отношении к своим служебным обязанностям, возбуждают уголовное преследование против лиц, хотя и имевших определенное отношение к данному участку работы учреждения или предприятия, но не совершивших вообще никаких незаконных действий, которые состояли бы в причинной связи с инкриминируемыми им последствиями.

Приведем ряд примеров такого рода ошибочного возбуждения уголовного преследования и неосновательного осуждения из числа дел, рассмотренных Верховным Судом СССР и прекращенных за отсутствием состава преступления в действиях привлеченных к ответственности лиц.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1948 г. было прекращено уголовное преследование против Ю., которому вменялось в вину, что в результате его бездеятельности хлебная вертушка в составе 48 вагонов простояла 98 часов вместо установленной нормы в 24 часа. При рассмотрении материалов дела Пленум нашел, что перепростой вагонов был вызван иными причинами, чем мнимая бездеятельность Ю. «Этот перепростой не находился в причинной связи с каким-либо бездействием со стороны Ю., так как по делу установлено, что весы мельзавода, в адрес которого прибыла хлебная вертушка, вышли из строя, тогда как зерно должно было приниматься клиентом на этих весах; неисправность последних явилась причиной перепростоя вагонов». Отсутствие причинной связи между поведением Ю. и инкриминируемым ему событием дало основание Пленуму Верховного Суда СССР дело о нем производством прекратить, так как в действиях Ю. не было состава преступления.

По делам о несчастных случаях на производстве требуется внимательный анализ конкретных обстоятельств дела, чтобы установить причинную связь между действиями или бездействием лица, ответственного за безопасность на производстве, и наступлением несчастного случая. К уголовной ответственности должны быть привлечены действительные виновники этих «несчастных случаев», действие или бездействие которых было причиной «несчастного случая». Отсутствует причинная связь, например, тогда, когда «несчастный случай» на производстве явился результатом самочинных действий потерпевшего («вины потерпевшего»), а не тех или иных распоряжений должностного лица, ответственного за данный участок работы. Примером в этом отношении может служить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 6 декабря

1950 г. по делу Б., который был признан виновным в том, что, работая техником на строительстве жилого дома, допустил нарушение правил по технике безопасности, в результате чего погиб рабочий Бабаян. Коллегия отменила приговор народного суда и дело производством прекратила за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления по следующим основаниям. Б. поручил рабочим поднять трубы с первого этажа на четвертый и, разъяснив способ подъема труб, ушел на другой объект. После ухода Б. Бабаян вопреки его указаниям, по собственной инициативе, изменил процесс поднятия труб, в результате чего упал с четвертого этажа и получил смертельные телесные повреждения. Ссылка суда в приговоре на то, что Б., дав задание и показав способ поднятия, должен был остаться на месте и проследить, как рабочие выполняют его задание, несостоятельна и не может служить основанием для признания Б. виновным в смерти Бабаяна, ибо смерть последнего произошла в результате его же самочинных, не вызывавшихся необходимостью действий. Коллегия таким образом нашла, что смерть Бабаяна не стояла в причинной связи с каким-либо противоправным действием Б.

Обвинение в халатности предполагает установление наличия причинной связи между действием или бездействием обвиняемого и наступившим преступным результатом, т. е. теми последствиями, о которых говорит ст. 172 УК РСФСР 1960 года и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик. Приговором народного суда А. был признан виновным в том, что, работая заведующим фермой колхоза, халатно относился к своим служебным обязанностям и не осуществлял должного контроля по уходу за скотом, вследствие чего на ферме произошел падеж мелкого скота. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 5 января 1949 г. по этому делу указала, что из приговора нельзя сделать вывод, в чем именно выразилось халатное отношение А. к своим обязанностям. А. показал, что скот падал от различных заболеваний, на что были составлены соответствующие акты, но эти акты не были приняты во внимание комиссией, проверявшей его работу, потому, что они не были подписаны ветеринарным врачом. Объяснения осужденного нашли свое подтверждение в показаниях допрошенных свидетелей, которые утверждали, что скот пал от заболеваний и что ветеринарный врач никогда не приезжал на вызов колхоза. Обвиняемый может нести ответственность за последствия, находящиеся в причинной связи с его противоправными действиями или бездействием. Такой причинной связи по делу не было установлено. Поэтому за отсутствием состава преступления дело против А. было производством прекращено.

Для того чтобы признать данное действие причиной наступившего результата, недостаточно, чтобы оно было только одним из условий его наступления. Если один гражданин нанес другому легкую рану и тот погиб во время автомобильной катастрофы, когда шел на перевязку в больницу, то хотя нанесение раны и было одним из необходимых условий гибели потерпевшего, однако оно не может быть признано причиной его смерти. Смерть явилась случайным последствием действий лица, нанесшего потерпевшему рану, не в его действиях смерть потерпевшего имела свое основание. Между этими явлениями была лишь случайная связь. Смерть потерпевшего является для действия лица, нанесшего ему рану, случайным последствием — она является необходимым последствием для действия лица, виновного в автомобильной катастрофе. Это объективно случайное последствие есть результат пересечения действия двух различных причинных цепей.

Решение вопроса о наличии или отсутствии причинной связи между действиями данного лица и вменяемыми ему событиями может быть произведено лишь на основе внимательного рассмотрения всей конкретной обстановки, в которой были совершены указанные действия.

Наша судебная практика считает установление того обстоятельства, что поведение лица было одним из условий наступления результата, еще недостаточным для признания этого поведения причиной произошедшего события. Советский суд признает действия лица причиной наступившего общественно опасного последствия только в тех случаях, когда оно вытекало из совершенного обвиняемым действия, в нем имело свое основание, когда это действие создавало реальную возможность наступления преступного последствия.

Наша судебная практика считает, что преступный результат является случайным последствием совершенных действий, когда при их совершении объективно не содержалось реальной возможности наступления этих последствий, т. е. когда это наступление не являлось закономерным последствием совершенного действия, когда наступившие последствия не имели своего основания в совершенном данным лицом действии.

Примером прекращения уголовного преследования в силу того, что последствия, наступившие от действия лица, носили случайный характер, может служить определение Коллегии Верховного Суда СССР от 5 апреля 1949 г. по делу Ч. Она была признана виновной в том, что, будучи главным кондуктором товарного поезда и находясь во время следования не на тормозной площадке головной части поезда, а в полувагоне, груженном бревнами, утерала документы на вагоны и вызвала этим задержку поезда. Как было установлено материалами дела, в полувагон, где в нарушение правил эксплуатации нахо-

дилась Ч., проникли двое неизвестных и, угрожая сбросить с поезда, ограбили ее, забрали документы и деньги. Хотя нарушение Ч. трудовой дисциплины и было одним из условий наступившего в конечном счете результата (утрата документов и задержка поезда), тем не менее это нарушение не было причиной утраты документов и задержки поезда (причиной его было нападение на Ч. грабителей). Наступивший результат имел свое основание не в действиях Ч., а в действиях ограбивших ее лиц. Поэтому Коллегия с полным основанием прекратила против нее уголовное преследование.

Приведем еще пример в доказательство того, что наша судебная практика не придерживается положений, вытекающих из теории причинности *conditio sine qua non*. Определением Коллегии Верховного Суда СССР от 22 февраля 1949 г. по делу В. был отменен вынесенный в отношении его обвинительный приговор. В. был признан виновным в том, что, будучи дорожным мастером околота дистанции пути, без разрешения руководства назначил Мындрова путевым обходчиком и нарушил режим его работы, в результате чего 28 июля 1948 г. Мындров был задавлен поездом. Коллегия отменила приговор по следующим основаниям. Как видно из материалов дела, Мындров 28 июля после окончания работы был направлен в связи с полученным назначением в свою бригаду. Показаниями свидетелей установлено, что Мындров шел к бригаде по нечетному пути. Навстречу ему показался поезд, тогда Мындров перешел на четный путь, не обратив внимания, что по этому пути также следует поезд. Из показаний свидетелей видно, что Мындрову махали фуражками, кричали, чтобы он сошел с пути, но тот не обратил внимания на это и был настигнут поездом, проходившим по четному пути. Таким образом Мындров попал под поезд по своей личной неосторожности. Обвинение В. в том, что он без разрешения администрации назначил Мындрова путевым обходчиком и что от этого последовала смерть последнего, является неправильным, так как нет причинной связи между назначением Мындрова путевым обходчиком и его смертью. Поэтому Коллегия прекратила уголовное преследование против В. за отсутствием состава преступления. Хотя действия В. и были одним из необходимых условий смерти Мындрова (если бы он не назначил Мындрова путевым обходчиком, то тот бы и не погиб), однако они не были причиной гибели Мындрова.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» специально указало, что допускаются ошибки при исследовании вопроса о наличии причинной связи между действием подсудимого и наступившими последствиями, вменяемыми ему в вину. Наиболее часто эта ошибка допускается в тех случаях, когда действия подсудимого лишь косвенно обусловили наступ-

ление обстоятельств, послуживших непосредственной причиной смерти потерпевшего¹. Эта констатация означает, что отдельное необходимое условие наступления рассматриваемого события необоснованно принимается за причину его наступления. По существу тем самым Верховный Суд СССР отвергает теорию причинности *conditio sine qua non*.

Человек своими действиями может вызвать разнообразные механические, физические, биологические и иные изменения во внешнем мире. Он может своими действиями психологически влиять на поведение других лиц. Он может комбинировать и использовать различные силы природы для достижения определенных целей, вмешиваться на основе знания обстоятельств дела в ход событий и т. д. Поведение человека не всегда непосредственно порождает данное последствие. Когда последнее имеет место, вопрос о причинной связи не вызывает каких-либо сомнений. Например, Иванов наносит топором тяжкое телесное повреждение Петрову, от которого последний умирает. В этих случаях не возникает сомнений в наличии причинной связи. Однако для того, чтобы разобраться в более сложных случаях, необходимо оценить характер связи между действием лица и рассматриваемым последствием, необходимо установить, создало ли поведение лица в определенной конкретной обстановке реальную возможность наступления данного результата, определило ли направление развития явлений, приведших к наступлению рассматриваемого последствия.

Этим путем мы распознаем необходимый характер наступивших последствий. Необходимыми последствиями действий лица могут быть признаны лишь те последствия, которые в данной конкретной обстановке являлись реально возможными последствиями, которые закономерно наступили при определенных условиях от совершения данных действий.

Суд в своих суждениях о причинной связи должен отобразить характер объективно существующей связи между действием лица и тем последствием, о вменении которого в ответственность данному лицу идет речь.

Развитое понимание причинной связи как условия уголовной ответственности дает возможность правильно уяснить те составы преступлений нашего уголовного законодательства, где для окончательного состава преступления не требуется обязательного наступления от данного действия определенных последствий, а достаточно того, что они могли наступить. Для уголовной ответственности в этих случаях требуется совершение виновным действий, могущих повлечь указанные последствия. Это означает, что для состава преступления требуется, чтобы виновным были совершены действия, которые производят изме-

нения во внешнем мире, создают реальную возможность наступления этих последствий. Действие лица определяет в известном направлении развитие событий, которые если и не приводят к наступлению данного последствия, то лишь потому, что посторонние обстоятельства или действия третьих лиц не дали возможность наступления вреда превратить в действительность.

При совершении одного преступления в результате совместных действий нескольких лиц всегда возникает вопрос о роли и значении действий каждого из виновных. Суд сталкивается с этим не только тогда, когда преступление является результатом совместных умысленных действий нескольких лиц, но и неосторожных. При соучастии нескольких лиц в совершении одного преступления представляется необходимым выяснить степень участия каждого.

С совершением преступления в результате неосторожных действий нескольких лиц суд нередко сталкивается, в частности, при рассмотрении дел о нарушениях трудовой дисциплины на транспорте. При исследовании совокупности причин тех или иных явлений нужно различать причины главные и второстепенные. Здесь оказывается необходимым выяснить сравнительное значение роли каждого из виновных.

Вопрос о причинной связи при совершении преступлений путем бездействия должен быть разрешен так же, как он разрешается в случаях совершения преступления путем активных действий. Бездействие лица должно быть не только одним из необходимых условий, но и причиной наступившего результата.

Следует иметь в виду, что в человеческом обществе с его широким разделением труда не только активные действия людей могут вызвать определенные изменения во внешнем мире, их может вызвать и бездействие лица. При разделении труда в работе заводского конвейера выпуск продукции может прекратиться не только тогда, когда кто-либо повредил конвейер путем активных действий, но и тогда, когда кто-нибудь из работающих не совершил той производственной операции, которая ему поручена. При известных условиях бездействие лица не есть «ничто», а является определенным поведением. Бездействие одного лица может определенным образом обуславливать поведение другого лица, заставить его бездействовать или совершать какие-либо активные действия. Целый ряд общественно опасных деяний может быть совершен путем бездействия лица, когда на нем лежит обязанность совершать определенные активные действия для нормальной работы государственного аппарата или производственного процесса, для охраны здоровья граждан и т. д. В судебной практике не возникает

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 4, стр. 45.

сомнения, что стрелочник, который своевременно не перевел стрелки и тем направил поезд на закрытый путь, своим бездействием причинил аварию на железнодорожном транспорте; что машинист, не давший установленного сигнала, вызвал гибель детей, шедших по железнодорожной линии; что должностное лицо своим бездействием может причинить существенный ущерб порученному ему делу, общественным интересам государства или правам и интересам отдельных граждан.

При совершении преступлений путем бездействия само преступное поведение лица выражается в невыполнении им специальной обязанности. Только при наличии такой обязанности к совершению активных действий можно говорить о преступном бездействии и, в частности, о совершении материального преступления путем бездействия. Лишь в этом случае может идти речь о причинной связи между бездействием лица и наступившими последствиями.

При отсутствии такой обязанности не может ставиться вопрос и об уголовной ответственности лица за бездействие. Однако возможны случаи, когда и нарушение такой обязанности все же не создает причинной связи между бездействием и тем событием, о вменении которого в ответственность идет речь. Поучительным примером в этом отношении может служить дело В., по которому Судебная коллегия Верховного Суда СССР вынесла определение 17 декабря 1947 г. В. был осужден за нарушение трудовой дисциплины на автотранспорте, повлекшее за собой тяжелые последствия.

В. должен был доставить пассажиров, едущих в бакинский театр русской драмы. На шоссе управляемая В. машина следовала за грузовой машиной, груженной навалом редькой. Грузовая машина на дороге остановилась, к ней подбежала группа подростков, которые начали растаскивать с машины редьку. В момент приближения к грузовой машине машины, управляемой В., лица, сопровождавшие машину, груженную редькой, стали разгонять подростков. В. снизил скорость и для избежания наезда на эту машину сделал поворот влево в объезд. Большинство подростков стало разбегаться от грузовой машины направо, но двое из них бросились влево, в сторону объезжавшей эту машину автомашины, управляемой В. Один из мальчиков, Мануков Сергей 15 лет, спрыгнув с автомашины, груженной редькой, ударился о правый борт автомашины, управляемой В. В. вновь резко повернул автомашину влево, чтобы избежать катастрофы, но Мануков все же попал под колесо его автомашины. В. остановил машину, поднял пострадавшего и передал его пассажирам, находившимся в кузове.

По прибытии в Баку В. собирался доставить пострадавшего в больницу, однако, обнаружив, что Мануков находится в бес-

сознательном состоянии, он испугался возможной ответственности и решил вести Манукова к себе домой и там в случае необходимости вызвать врача. В. привез пострадавшего к себе домой, где последний вскоре скончался. В. вновь поехал в Баку, чтобы доставить своих пассажиров из театра обратно на промыслы. На заданный ему вопрос, что с мальчиком, он отвечал, что тот почувствовал себя хорошо и в состоянии был сам отправиться домой. По возвращении к себе домой В., опасаясь ответственности, зарыл труп мальчика во дворе. Судебно-медицинским обследованием трупа установлено, что смерть Манукова Сергея последовала от острой потери крови, явившейся следствием травматического разможнения жизненно необходимых органов. Судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что полученное Мануковым Сергеем телесное повреждение являлось, безусловно, смертельным и своевременно оказанная соответствующая медицинская помощь не могла бы предотвратить его гибель.

Для признания наличия в действиях В. состава преступления необходимо было установить сознательное или небрежное нарушение им трудовой дисциплины на транспорте, повлекшее за собой несчастный случай, который В. если и не предвидел, то по обстоятельствам дела должен был бы предвидеть. Материалы настоящего дела свидетельствовали, что В. не совершил никакого нарушения трудовой дисциплины на транспорте. Наоборот, все его поведение в обстановке, в которой произошел несчастный случай, свидетельствовало о том, что он соблюдал все необходимые правила движения на автотранспорте. Причинение им тяжелого телесного повреждения мальчику Манукову, от чего последовала смерть потерпевшего, было совершено им при таких обстоятельствах, которые исключали с его стороны даже неосторожную вину. Как это видно из обстоятельств дела, несчастный случай наступил по вине самого потерпевшего. Поэтому В. не мог подлежать уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины на транспорте, повлекшее тяжелые последствия. Однако то обстоятельство, что В. на своей автомашине переехал Манукова, наложило на него обязанность принять необходимые меры к оказанию потерпевшему медицинской помощи. Из страха возможной ответственности за происшедший несчастный случай он нарушил эту обязанность и не отвез находившегося в опасном для жизни состоянии потерпевшего в больницу. Судебно-медицинская экспертиза установила, что своевременное оказание помощи потерпевшему не смогло бы предотвратить наступление смертельного исхода. Смерть Манукова не находилась в причинной связи с нарушением В. этой обязанности. По указанным же основаниям он не мог подлежать уголовной ответственности за неосторожное убийство. Поэтому В. мог подлежать уголовной ответственности лишь за

свое бездействие — заведомое оставление потерпевшего в опасном для жизни состоянии. Указанная квалификация и была дана Коллегией Верховного Суда СССР действиям В.

В буржуазной теории уголовного права многие сторонники теории *conditio sine qua non* отрицают причинную связь при определении ответственности за совершение материального преступления путем бездействия на том основании, что «из ничего ничего не происходит». В этом проявляется механистическое существо понимания причинности сторонниками этой теории, непонимание ими качественного своеобразия общественных закономерностей по сравнению с закономерностями природы. Разумеется, и в человеческом обществе из ничего ничего не происходит. Однако при определенных условиях бездействие человека вовсе не есть «ничто». Бездействие человека в определенных условиях есть, как мы показали, особого рода поведение человека. В обществе существует поэтому реальная возможность совершить целый ряд общественно опасных деяний путем бездействия, когда на данном лице в силу его общественного положения, должности, характера работы, взятых на себя обязательств лежала обязанность совершить определенные действия для нормальной работы государственного аппарата, производственного процесса, для охраны младенчества и материнства, для народного здоровья и т. д.

Отрицание наличия причинной связи при бездействии сторонниками теории *conditio sine qua non* используется рядом буржуазных теоретиков права для отрицания вообще необходимости установления причинной связи при решении вопроса об ответственности за совершенные преступные действия. Такой вывод настойчиво защищает в ряде своих произведений Ганс Кельзен, глава современного буржуазного нормативизма. Категории сущего, к каковым принадлежит категория причинности, не могут быть применены в области должного. Право есть область должествования. Поэтому здесь, по мнению Кельзена, категория причинности лишена всякого значения. Доказательство этого Кельзен видит как раз в попытке ряда буржуазных криминалистов обосновывать уголовную ответственность за материальное преступление, совершенное путем бездействия, при одновременном отрицании причинной связи между преступным результатом и бездействием лица. Причинная связь заменяется при этом нормативной связью.

Отрицание причинной связи при ответственности за бездействие используют криминалисты-неокантианцы и для борьбы с материалистическим пониманием причинной связи, которое они именуют «метафизическим». Так, Зауэр по этому вопросу писал: «Кто причинность понимает метафизически как фактически заключающуюся в вещах силу и поэтому бездействие по-

нимает натуралистически как ничто, тот должен известное положение старых криминалистов, что из ничего ничего не может произойти, признать неопровержимым аргументом против признания причинной связи при бездействии»¹. Зауэр без достаточного к тому основания полагал, что лишь при субъективистской трактовке причинной связи как субъективной вероятности можно разрешить вопрос об обосновании ответственности при бездействии. По этому пути идут и другие криминалисты Западной Германии. По мнению Маураха, бездействие как естественное научное понятие не может объяснить уголовной ответственности за так называемое смешанное бездействие². Для этого требуется не натуралистическое, а социально-оценочное, т. е. субъективистское, понимание причинной связи. По мнению Вельцеля, на место действия как причины нужно поставить волю лица, отрицательно оцениваемую судом, чтобы обосновать ответственность за бездействие³.

В советской юридической литературе нет полного единства мнений по вопросу о причинной связи при преступлениях, совершенных путем бездействия. Против положения о возможности на общих основаниях решать вопрос об ответственности при так называемых материальных преступлениях, совершенных путем бездействия, выступил М. Д. Шаргородский. Вот его соображения на этот счет: «При бездействии причинная связь отсутствует вообще. И вопрос, который нужно решать в этом случае — не о том, когда бездействие является причиной наступившего результата, а только о том, когда субъект отвечает за бездействие. Решение вопроса заключается в том, что если преступник, не желая наступления преступного результата, не совершил действия, которое мог и должен был совершить, его действие должно рассматриваться как самостоятельное преступление и караться лишь тогда, когда оно специально предусмотрено законом. Когда преступник желал наступления преступного результата и сознательно бездействовал для того, чтобы результат наступил, то, хотя причинной связи нет, виновный отвечает как за причинение, ибо он обязан был действовать. Гоббс в свое время писал: «Там, где нет никакого действия, нет никакой причины. Ибо ничего нельзя назвать причиной там, где нет ничего, что можно было бы назвать действием»⁴.

¹ Sauer, Grundlage des Strafrechts, Berlin, 1922, S. 454.

² Maurach, Deutsches Strafrecht, Allgemeiner Teil, Berlin, 1954, S. 176.

³ Welzel, Das deutsche Strafrecht, Berlin, 1958, S. 28—32, 177—184.

⁴ «Социалистическая законность» 1945 г. № 3, стр. 47. Ту же позицию М. Д. Шаргородский защищал в статье «Вопросы уголовного права в практике Верховного Суда СССР»: «Верховный суд, несомненно, признает возможность причинной связи между бездействием и наступившим преступным результатом, с чем согласно и большинство теоретических

Указанные утверждения М. Д. Шаргородского основываются на отрицании специфичности общественных закономерностей, специфичности связей общественных явлений по сравнению с закономерностями природы. Отрицание причинной связи при совершении преступления путем бездействия приводит к обоснованию уголовной ответственности на голом нормативном велении.

Среди цивилистов отрицание причинной связи при бездействии нашло свое выражение в работах Б. С. Антимонова и Е. А. Флейшиц¹.

Позиция М. Д. Шаргородского была подвергнута справедливой критике в нашей печати в работах Т. В. Церетели², Н. Д. Дурманова³. При этом правильно отмечалось, что в основе отрицания причинной связи при бездействии в советской юридической литературе лежит воззрение вульгарного материализма, отрицающего качественную особенность человеческого поведения сравнительно с явлениями окружающей природы. Человек как субъект целой сети общественных отношений может быть поставлен в такие условия, что получает господство над силами природы, связями и отношениями между людьми. В этих условиях его бездействие может стать моментом, меняющим существующие связи между соответствующими явлениями и входящим тем самым в причинную цепь, приводящую к наступлению преступного результата.

В литературе по уголовному праву Германской Демократической Республики господствующим также является взгляд, признающий причинную связь при преступлениях, совершенных путем бездействия⁴.

В советской теории уголовного права долго безраздельно господствовала теория *conditio sine qua non*. В порядке само-

работников, но с чем мы не согласны» («Социалистическая законность» 1947 г. № 9, стр. 11). В работе «Вопросы общей части уголовного права» (изд-во ЛГУ, 1955) М. Д. Шаргородский придерживается своей прежней позиции: «Автор настоящей работы, как и ранее, считает, что при бездействии имеет место не причинение, а невоспрепятствование наступлению результата, вызванного другими причинами...» (стр. 55).

¹ См. Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, М., 1950, стр. 144—152; Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, М., 1951, стр. 70—72.

² См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 179—186.

³ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 55.

⁴ John Lekschas, Die Kausalität bei Verbrecherischen Handlung, Berlin, 1952; Иоахим Реннеберг, Объективная сторона преступления, «Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik, Allgemeiner Teil», 1957.

критики необходимо отметить, что такая точка зрения проводилась в трех изданиях нашего учебника Общей части советского уголовного права, вышедших в 1924, 1927 и 1929 годах. Решение вопроса о причинной связи, основанное на различии необходимых и случайных связей, стало проводиться нами, начиная с первого, во всех шести изданиях коллективного учебника Общей части советского уголовного права, подготовленного Всесоюзным институтом юридических наук. Эта точка зрения встретила поддержку в печати со стороны М. Д. Шаргородского¹. Н. Д. Дурманов считает нужным также различать необходимую причинную связь и объективно случайное причинение². Среди цивилистов Б. С. Антимонов при разработке вопроса о причинной связи в гражданском праве исходил из того, что при изучении отдельных фактов можно и должно устанавливать различие случайных и необходимых факторов³. Эта точка зрения среди советских цивилистов заняла господствующее положение⁴.

Против развиваемых нами положений о понимании причинной связи в праве выступал А. Н. Трайнин. Он писал по нашему адресу: «Автор, таким образом, опираясь на учение Энгельса о необходимости и случайности, пытается в объективных свойствах причинения отыскать различие между необходимым и случайным в уголовном праве. Такой метод, естественно, не может помочь разрешению вопроса»⁵. С каких же философских позиций пытался решить проблему причинной связи А. Н. Трайнин? Он выставлял положение, что «причинность как объективное основание ответственности будет всегда там, где действие (или бездействие) человека было одним из необходимых условий наступления преступного результата»⁶. Очевидно, что эта была по существу формулировка теории причинности *conditio sine qua non*. При материалистическом понимании причинности как объективной категории это есть позиция механистического материализма. Более подробно, чем в учебнике уголовного права, обоснование наших взглядов на проблему причинной связи в праве было дано нами в докладе «Проблема

¹ См. М. Д. Шаргородский, Причинная связь в уголовном праве, «Ученые труды ВЮИОН», вып. X, 1947, стр. 203.

² См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 58.

³ См. Б. С. Антимонов, К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве, «Труды научной сессии ВЮИОН 1—6 июля 1946 г.», М., 1948, стр. 78.

⁴ См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, М., 1955, стр. 51—96; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательствах, М., 1950, стр. 301—308; Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения, М., стр. 52—69.

⁵ А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1941, стр. 61.

⁶ Там же, стр. 58.

причинной связи в праве», прочитанном во Всесоюзном институте юридических наук в 1948 году¹.

В дальнейшем вопрос о причинной связи в праве привлек внимание целого ряда советских криминалистов и цивилистов. Против развиваемого нами взгляда на причинную связь в уголовном праве выступил В. Н. Кудрявцев в статье «К вопросу о причинной связи в уголовном праве»². Им было, как нам представляется, неосновательно выдвинуто возражение о будто бы метафизическом разрыве нами случайности и необходимости и якобы вредности для практики отказа от возможности привлечения к уголовной ответственности за объективно случайные последствия совершенного лицом деяния. Такого же рода возражения повторялись и в других работах³. Не будучи в состоянии фактически противопоставить развитым нами взглядам какое-либо иное решение вопроса о причинной связи в уголовном праве, он фактически скатывался на позиции теории *conditio sine qua non*. В своей более поздней работе он выдвинул положение, что причинная связь может быть признана элементом состава преступления лишь в том случае, если действие или бездействие лица создавало реальную возможность наступления вредных последствий⁴. При таком понимании по существу уже трудно провести различие между его взглядами и теми, которые неоднократно ранее высказывались нами в печати. Т. В. Церетели в автореферате докторской диссертации «Причинная связь в уголовном праве» показывала методологическую несостоятельность буржуазных концепций причинной связи в уголовном праве (теории *conditio sine qua non* и адекватной теории причинности). Она правильно вскрывала идеалистическое существо этих теорий. Вместе с тем она считала, что развитые нами положения о понимании причинной связи в уголовном праве не могут быть восприняты советским уголовным правом, так как ей представлялась сомнительной возможность обосновать ответственность только за те последствия, которые с внутренней необходимостью вытекают из данного явления⁵. Вместо этого она предлагала при решении вопроса о причинной связи в уголовном праве руководствоваться следующими положениями: «Причинная связь между действием человека и наступившим общественно опасным последствием существует тогда, когда без данного поведения преступное последствие не имело бы места, если при этом в момент совершения поступка

лицо имело реальную возможность вмешаться в объективный ход событий и своим вмешательством оказать воздействие на этот ход событий»¹. При отсутствии такой возможности у лица отсутствует и причинная связь между его действием и наступившим последствием. Совершенное лицом при этих условиях действие следует признать лишь несущественным, незначительным условием наступившего последствия, неспособным обосновать уголовную ответственность за это последствие².

Нам представляется, что эти предложения Т. В. Церетели были принципиально неприемлемыми. Ставить вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между действием лица и определенным событием в зависимости от возможности лица вмешаться в объективный ход событий значит не что иное, как в вопрос о причинной связи, определенный объективный процесс, вносить субъективный элемент и сблизиться, как нам кажется, с теми теориями причинной связи, развитыми в буржуазной юридической литературе, которые трактовали причинную связь как пределы власти лица над событиями. В обстоятельной монографии о причинной связи в уголовном праве, опубликованной в 1957 году, Т. В. Церетели фактически отказалась от того решения вопроса о причинной связи, которое давалось ею ранее, и стала защищать взгляд, что поступок человека находится в причинной связи с общественно опасным последствием, когда он «был одним из необходимых условий его возникновения». Тем самым она встала на позиции теории *conditio sine qua non* в ее материалистической интерпретации³. Для избежания тех неприемлемых для советской теории уголовного права и судебной практики выводов, которые следуют из этой позиции, Т. В. Церетели предлагает, чтобы криминалист не проникал в бесконечную цепь причинных зависимостей, а прерывал свое исследование там, где общественно опасное и виновное поведение уже не могут предполагаться⁴.

Т. А. Сергеева в статье «Вопросы причинной связи в судебной практике по уголовным делам Верховного Суда СССР» придерживается правильного взгляда, что следует различать при установлении причинной связи последствия необходимые и случайные. Однако она возражает против выдвинутого нами положения, что необходимые последствия деяния ранее выступают

¹ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, автореферат докт. диссертации, стр. 11.

² См. там же.

³ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 165. В рецензии В. П. Смирнова на работу Т. В. Церетели отмечалось, что автору следовало бы объяснить причину изменения своих взглядов на вопрос о причинной связи в уголовном праве («Правоведение» 1957 г. № 3, стр. 156).

⁴ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 165.

¹ См. «Ученые записки ВЮИОН и ВЮА», М., 1949.

² См. «Советское государство и право» 1950 г. № 1.

³ См. В. Н. Кудрявцев, Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву, 1953, стр. 87—88.

⁴ См. В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, стр. 208.

⁵ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, автореферат докт. диссертации, стр. 7.

лишь как реально возможные. При этом она пытается найти различие в трактовке этого вопроса в нашей работе «Проблема причинной связи в праве», с одной стороны, и в написанных нами параграфах учебника Общей части уголовного права (ВИОН) — с другой. Она полагает, что мы в первой из упомянутых работ для раскрытия понятия необходимости прибегаем к категории реальной возможности, не придавая ей, однако, самостоятельного значения, а в учебнике якобы «категория реальной возможности приобретает самостоятельное значение; и вместо критерия необходимости по существу выдвигается критерий реальной возможности, которым и предлагается руководствоваться суду при установлении наличия причинной связи»¹. Мы вынуждены решительно возразить против подобного истолкования выдвинутых нами положений по вопросу о причинной связи в праве.

Критерий реальной возможности выдвигался и выдвигается нами для раскрытия понятия необходимости и, разумеется, не взамен установления необходимой связи между явлениями, ибо нам прекрасно было известно, что возможность не есть еще действительность. Поэтому указания Т. А. Сергеевой, что реально возможные последствия могут стать необходимыми, но могут и не стать таковыми, правильны, но это не оспаривалось и не могло оспариваться в предложенном нами решении вопроса о причинной связи в праве.

А. Н. Трайнин в 1951 году объявил «механистическим» решение вопроса о причинной связи в уголовном праве, даваемое на основе понимания диалектическим материализмом необходимости и случайности. В отличие от своих положений о причинной связи, развитых в работе «Учение о соучастии», он стремился здесь отмежеваться от теории причинности *conditio sine qua pop.* Он выдвинул положение, что для признания наличия причинной связи как элемента состава преступления необходимо установить определенную «степень причинения»², созданную действием данного лица. Это положение вносит полную неопределенность в решение вопроса о причинной связи, так как трудно определить, какая «степень причинения», т. е., видимо, активности лица в воспроизведении преступного результата, требуется для признания действия лица причиной наступившего результата. При таком подходе к проблеме при-

¹ «Советское государство и право» 1950 г. № 3, стр. 29—30. Такую же позицию занимает Т. А. Сергеева в своей книге «Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам» (1949, стр. 77). Единственное отличие от ее прежней позиции заключается в том, что если раньше она усматривала в наших работах противоречие, то теперь даже без всякой оговорки приписывает нам подмену установления необходимой связи установлением реальной возможности.

² См. А. Н. Трайнин, Вопрос о причинной связи в социалистическом уголовном праве, «Советское государство и право» 1951 г. № 5.

чинной связи исключается по существу возможность ставить вопрос о причинной связи при бездействии, так как степень причинения как определенная степень активности лица здесь равна нулю. Если с помощью «степени причинения» А. Н. Трайнин хотел провести различие между главными и неглавными причинами, то это имело смысл в области уголовного права лишь при совершении одного преступления в результате совместных действий ряда лиц. Когда речь идет о действии одного лица, вопрос может стоять лишь о том, имеется ли причинная связь или нет между его действием (или бездействием) и рассматриваемым событием. Задача советской теории уголовного права — помочь практике в решении этого вопроса.

В работах криминалистов Германской Демократической Республики обнаруживается критическое отношение к использованию категории необходимости и случайности для решения вопроса о причинной связи в области уголовного права¹. На развитие их взглядов известное влияние могла оказать и переведенная на немецкий язык упомянутая статья А. Н. Трайнина, дававшая одностороннее представление о состоянии теории советского уголовного права по этому вопросу. Так, Иоахим Реннеберг выдвигает обвинение в отношении защищаемых в настоящей работе взглядов в метафизическом противопоставлении необходимости и случайности, в скатывании якобы на позиции адекватной теории причинности². Вместе с тем следует отметить, что криминалисты демократической Германии отвергают поправку к теории *conditio sine qua pop.*, выдвинутую А. Н. Трайниным, об определенной «степени причинения», которая якобы только и может создать объективные предпосылки для уголовной ответственности. Они считают, что теория «степени причинения» принципиально не отличается от адекватной теории причинности³. Позиция криминалистов демократической Германии по существу является переходом их на позиции теории *conditio sine qua pop.* в ее материалистической интерпретации. Но это означает, как мы уже показали выше, переход на позиции механистического материализма в теории уголовного права. Для того чтобы отмежеваться от этого, им приходится объявлять, что марксизм признает понятие причины как *conditio sine qua pop.*⁴

Против решения вопроса о причинной связи в праве на основе различия между необходимыми и случайными послед-

¹ John Lekschas, Die Kausalität bei der Verbrecherischen Handlung; Иоахим Реннеберг, Объективная сторона преступления.

² См. Иоахим Реннеберг, Объективная сторона преступления, стр. 67—70.

³ См. там же, стр. 73.

⁴ См. там же, стр. 59—60 (примечание).

ствиями в чехословацкой теории уголовного права выступал Ф. Полячек¹.

Таким образом, среди советских криминалистов и криминалистов стран народной демократии, несмотря на общность исходных материалистических позиций, нет единства мнений в понимании причинной связи в уголовном праве. Поэтому представляется целесообразным остановиться на некоторых положениях, выдвинутых против развиваемых нами взглядов по данному вопросу.

Первое возражение сводится к тому, что выдвинутый нами взгляд о различии между необходимыми и случайными последствиями означает якобы метафизическое противопоставление необходимости и случайности, что определенное событие является для нас или случайным или необходимым². Нам представляется, что это возражение не имеет под собой достаточного основания. Вспомним один из приведенных ранее примеров. Если один гражданин нанес другому легкое ранение и тот погиб на пути в больницу, так как на него наехал автомобиль, которым управлял шофер, грубо нарушивший правила уличного движения, то смерть потерпевшего явилась объективно случайным последствием ранее нанесенного потерпевшему легкого ранения. Этот тип случайности, представляющий специфический интерес для правильного решения вопроса о причинной связи в уголовном праве, является результатом пересечения в пространстве и во времени двух взаимно не связанных причинных рядов. На этом примере нетрудно показать, что при таком понимании случайности вовсе не происходит метафизического разрыва случайности и необходимости.

В данном случае событие — гибель потерпевшего — является одновременно и случайным и необходимым. Смерть потерпевшего является случайным последствием действий лица, нанесшего ему легкое ранение, и одновременно необходимым последствием нарушения трудовой дисциплины на автотранспорте, совершенного водителем автомашины. Таким образом, случайность как объективная категория и здесь имеет относительный характер. А. Н. Трайнин, повторяя аргумент, уже выдвинутый ранее В. Н. Кудрявцевым, хотел показать, что случайное последствие в смысле материалистической диалектики может вовсе не оказаться «случаем» в смысле уголовного права. Это он

¹ См. Ф. Полячек, Состав преступления по чехословацкому праву, М., 1960, стр. 152.

² Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 94—98; Иоахим Реннеберг, Объективная сторона преступления, стр. 69—71. Это возражение фигурирует и в весьма содержательной работе болгарского криминалиста Панайота Гиндева «Причинната връзка и вината наказателното право в светлината на диалектическия материализъм», стр. 99.

хочет доказать следующим примером. В глухом месте, где обычно нет движения транспорта, Иванов нанес Петровой легкое телесное повреждение. Петрова упала. Неожиданно появившаяся машина наехала на Петрову и задавила ее. В этом примере случайное причинение и «случай» в смысле уголовного права совпадают, для Иванова уголовная ответственность за убийство не наступает. «Достаточно, однако, видоизменить психическое отношение субъекта к наступившему результату — смерти Петровой, — писал А. Н. Трайнин, — чтобы соотношение случайного причинения и «случая» радикально изменилось. Действительно, если Иванов знал, что по обычно непроезжей улице должна в этот день проехать машина, поэтому намеренно оставил Петрову лежать на улице, то при том же объективном развитии событий нет «случая» в смысле уголовного права, а есть умышленное убийство Петровой»¹.

Этим примером Трайнин хотел доказать, что объективно случайное причинение превращается в необходимое в зависимости от субъективного восприятия лица. Однако это рассуждение не может быть признано убедительным. Действие человека всегда представляет собой единство его субъективной и объективной сторон. В первом и во втором вариантах приведенного примера действия лица вовсе не являются однородными. В первом случае действие — нанесение раны — случайно пересеклось с другой цепью причинности; во втором случае действие лица заключалось не только в нанесении раны, но и в использовании причиненного ранения для поставления в опасность жизни потерпевшей; поэтому преступное действие здесь заключается в создании реальной возможности гибели потерпевшей; ее смерть — закономерное последствие совершенного действия. В первом случае действие лица не создавало реальной возможности гибели потерпевшей; ее смерть является не закономерным, а объективно-случайным последствием совершенного действия.

Неосновательным представляется и соображение, близко связанное с предыдущим, что развиваемый нами взгляд якобы не может объяснить, как быть в том случае, когда пересечение двух рядов развития причинной связи сознательно направлялось действующим лицом. Реннеберг и некоторые другие авторы полагают, что с точки зрения защищаемой нами теории следует либо освободить преступника от уголовной ответственности ввиду якобы случайности общественно опасных последствий его действий, либо признать необходимой ту связь, которая была бы случайна, если бы не осознавалась действующим лицом, хотя эти субъективные моменты ничего не меняют в самом внешнем объективном ходе событий.

¹ «Советское государство и право» 1951 г. № 5, стр. 26.

Авторы этого аргумента не учитывают того, что при тех условиях, о которых они говорят, совершенное лицом действие существенно меняет свое содержание, превращается в такое действие, закономерным последствием которого является наступление исследуемого общественно опасного события. Поясним это на простом житейском примере. Два лица, не видевшие друг друга десяток лет, приехали в Москву — один в отпуск, другой в служебную командировку — и встретились в сквере около Большого театра. Встреча их была объективно случайной. Однако если те же лица, живущие в разных городах нашей страны, предварительно написали друг другу и приехали в Москву, чтобы увидеться во время командировки одного и отпуска другого, и в назначенный час встретились у Большого театра, то, хотя внешний ход событий и не изменился, но внутреннее содержание их действий другое, их встреча уже не объективно случайная, а необходимая¹.

Рассматриваемое возражение покоится на упрощенном понимании человеческого действия. Как мы уже показали выше, действие человека, в том числе и преступное, необходимо рассматривать как единство объективного и субъективного, и притом не абстрактно, а в связи со всей конкретной обстановкой его совершения. При таком единственно правильном с точки зрения диалектического материализма понимании человеческого поведения становится очевидным необоснованность рассматриваемого возражения, выдвинутого против защищаемого нами понимания причинной связи в уголовном и гражданском праве².

Одним из аргументов противников нашего взгляда является утверждение, что мы якобы отождествляем понимание случайности диалектическим материализмом с условным, субъективным пониманием «случая» в уголовном праве как невиновного причинения определенного результата. Это утверждение основано на недоразумении. Действительно, те объективно случайные последствия совершенного лицом деяния, о которых мы только что говорили, всегда являются для данного лица и в субъективном отношении «случаем». Но вместе с тем не все, что в объективном отношении представляет собой необходимое последствие совершенного деяния, может дать основание для уголовной ответственности, так как, разумеется, возможно, что лицо не предвидело необходимых последствий своего действия, не могло и не должно было по обстоятельствам дела их предвидеть. Необходимые последствия в субъективном отношении могут быть и «случаем».

¹ Аналогичный пример см. О. Яхот, *Необходимость и случайность* М., 1956, стр. 28—29.

² Этот вопрос был хорошо освещен в брошюре М. И. Ковалева. П. Т. Васькова «Причинная связь в уголовном праве», стр. 41—48.

Положительное решение вопроса о наличии причинной связи еще не предрешает вопроса об уголовной ответственности данного лица за причиненный им результат. Советскому уголовному законодательству неизвестно объективное вменение, т. е. ответственность за причиненный результат без наличия вины умышленной или неосторожной.

Каждое преступление есть определенное единство объективной и субъективной сторон преступления. Для уголовной ответственности лица за причиненный им преступный результат требуется, чтобы причинная связь охватывалась или по крайней мере по обстоятельствам дела должна была и могла охватываться его предвидением. Для уголовной ответственности необходимо установить вину лица в совершении преступления.

Глава VIII

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Понятие субъекта преступления¹

Советский суд осуждает за совершение преступлений агентов империалистического лагеря и их пособников, а также отдельных нарушителей социалистического правопорядка из отсталой части трудящихся, у которых имеются эгоистические стремления, привычки и другие пережитки капитализма, приводящие к совершению преступных деяний.

Борьба с преступлениями против социалистической собственности приобрела особо важное значение в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Расхитители социалистической собственности пытаются нажиться за счет труда всего советского народа. Они предпочитают паразитическое существование честному труду, возможность которого в нашем обществе предоставлена каждому гражданину. Советский суд сурово карает всех тех, кто расхищает государственное и общественное имущество и тем самым подрывает основы советского строя.

Труд является не только правом, но и обязанностью советского гражданина, делом чести каждого члена социалистического общества, способного к труду. В СССР уничтожена эксплуатация человека человеком. Получение нетрудового дохода нетерпимо в нашем обществе.

¹ См. В. С. Орлов, Субъект преступления по советскому уголовному праву, М., 1958; Ш. С. Рашковская, Субъект преступления, М., 1960.

Одной из еще распространенных форм получения нетрудовых доходов за счет честных советских людей является спекуляция. В. И. Ленин в свое время назвал спекулянта нашим «внутренним врагом»¹. Советский суд ведет решительную борьбу со спекулянтами, самогонщиками и другими туеядцами².

Должностные лица государственного аппарата являются слугами народа. Должностные лица, забывшие свой долг перед народом и злоупотребляющие своим служебным положением, пренебрегающие общегосударственными интересами и нуждами трудящихся или халатно относящиеся к своим служебным обязанностям, подлежат уголовной ответственности.

Пережитки капитализма в сознании людей являются источником и ряда других преступлений: преступлений против личности, посягательств на личную собственность граждан, хулиганства, самоуправства и т. д. Убийцы, хулиганы, воры, насильники и другие особо опасные преступники подлежат наказанию по всей строгости советского уголовного закона.

Все перечисленные категории преступников и есть те реальные субъекты преступлений, с которыми фактически имеет дело советский суд. Быть субъектом преступления — значит

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 303—304.

² Борьба с туеядцами и другими паразитическими элементами осуществляется не только на основе уголовного законодательства. Президиум Верховного Совета РСФСР 4 мая 1961 г. принял Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Указ установил, что совершеннолетние трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы или совершающие иные антиобщественные поступки, подвергаются по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, с обязательным привлечением к труду по месту поселения. Этим же мерам воздействия, назначаемым как по постановлению районного (городского) народного суда, так и по общественному приговору, вынесенному коллективом трудящихся, подвергаются также лица, устранившиеся на работу на предприятия, в учреждения или состоящие членами колхозов лишь для видимости, а в действительности ведущие паразитический образ жизни.

Согласно Указу постановление районного (городского) народного суда в отношении лица, уклоняющегося от общественно полезного труда и ведущего антиобщественный паразитический образ жизни, является окончательным и обжалованию не подлежит, общественный приговор о выселении подлежит утверждению исполнительным комитетом районного (городского) Совета депутатов трудящихся, решение которого является окончательным. Указом предусматривается, что если лицо, подвергнутое выселению, примерным поведением и честным отношением к труду докажет свое исправление, то в отношении такого лица по истечении не менее половины срока выселения может быть поставлен вопрос о досрочном освобождении от наказания.

быть виновным в совершении преступления и нести за него уголовную ответственность.

Быть субъектом преступления по советскому уголовному праву могут только вменяемые физические лица, достигшие к моменту совершения преступления 16-летнего возраста (по некоторым преступлениям — 14-летнего).

Субъектом преступления может быть только физическое лицо — человек. Не могут быть субъектами преступления юридические лица. Совершенное от имени юридического лица то или иное преступление не делает его субъектом преступления. Юридическое лицо не может нести уголовную ответственность за совершенное деяние. Субъектом преступления и здесь остаются те физические лица, которые его фактически совершили. Это непосредственно выражено в нашем уголовном законодательстве. Статьи 4 и 5 Основ уголовного законодательства указывают, что действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик распространяется на советских граждан, иностранцев и лиц без гражданства, т. е. физических лиц, совершивших соответствующее преступление. Ни при каких условиях юридические лица (предприятия, учреждения, учебные заведения, колхозы и т. д.) по нашему законодательству не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Поэтому в случае нарушения на каком-либо предприятии правил охраны труда к уголовной ответственности может быть привлечено не само предприятие, а лишь физические лица, виновные в несоблюдении этих правил. За выпуск каким-либо предприятием недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции в уголовном порядке отвечает не само предприятие, а определенные физические лица из числа административно-технического персонала, виновные в выпуске такой продукции. Устав Международного военного трибунала, созданного после окончания второй мировой войны для суда над главными немецкими военными преступниками, а в соответствии с ним и обвинительное заключение по делу главных немецких военных преступников ставили вопрос о признании ряда гитлеровских групп и организаций преступными. Однако было бы ошибочно полагать, что на процессе в Нюрнберге ставился вопрос об уголовной ответственности юридических лиц за совершенные преступления. Смысл предъявления обвинения о признании соответствующих организаций преступными заключался в следующем. Для того чтобы определить объем уголовной ответственности каждого из главных преступников, которые совершали свои преступные деяния путем использования фашистских организаций, составляющих часть государственного аппарата гитлеровской Германии, нужно было установить, организаторами и руководителями каких именно преступных организаций они являлись. Кроме того, признание отдельных групп и организаций пре-

ступными имело еще и другое значение. Оно было обязательным для всех судов, которым в дальнейшем предстояло разбирать дела об уголовной ответственности членов этих организаций. Преступный характер данных организаций считался доказанным и не мог подвергаться оспариванию. Международный военный трибунал не решал вопроса об ответственности юридических лиц, так как в этом не было и надобности. Уголовная ответственность юридического лица предполагает применение к нему наказания, высшей мерой которого является роспуск юридического лица по суду. Но фашистские организации уже были ранее распущены компетентными военными властями союзных держав.

Субъектом преступления может быть или гражданин СССР, или лицо без гражданства, или иностранец. Согласно ст. ст. 4 и 5 Основ уголовного законодательства все лица, совершившие преступления на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступного деяния.

Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые согласно действующим законам и международным соглашениям не подсудны по уголовным делам советским судебным учреждениям, в случае совершения этими лицами преступления на территории СССР разрешается дипломатическим путем. Граждане СССР, совершившие преступление за границей, а равно лица без гражданства, находящиеся на нашей территории, за преступления, совершенные за границей, подлежат уголовной ответственности по законам союзной республики, на территории которой они были привлечены к уголовной ответственности или преданы суду. Иностранцы за преступления, совершенные вне пределов СССР, подлежат ответственности по советским уголовным законам в случаях, предусмотренных международными соглашениями. По некоторым преступлениям в силу их характера иностранные граждане и лица без гражданства не могут быть субъектами преступления. Так, субъектом измены родине как особо опасного государственного преступления (ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) могут быть только граждане СССР. Иностранцы, и лица без гражданства, совершившие какое-либо посягательство на внешнюю безопасность СССР, отвечают за совершенное преступление по другим статьям этого Закона.

По ряду преступлений, предусмотренных Особенной частью уголовного кодекса, субъектом преступления может быть не любое вменяемое физическое лицо, а лишь лицо, обладающее определенными качествами (специальный субъект). Так, в качестве субъекта (исполнителя) должностного преступления может быть лишь должностное лицо, т. е. лицо, занимающее

определенную должность в государственном или общественном учреждении или в аппарате управления государственного или общественного предприятия. Поэтому не могут быть признаны должностными лицами и отвечать в уголовном порядке за должностные преступления рядовые рабочие и колхозники. Одной из ошибок нашей судебной практики, ныне в значительной мере уже изжитой, было неосновательное привлечение к уголовной ответственности за должностные преступления рядовых колхозников и рабочих. Советская теория уголовного права помогла судебной практике занять правильную позицию в понимании должностных преступлений и признаков, характеризующих их субъекта. В разное время против неосновательного расширения понятия должностного лица выступали А. Н. Трайнин, В. Д. Меньшагин, М. Д. Шаргородский и другие советские криминалисты.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года полностью устранил почву для такого расширительного толкования понятия должностного лица, установив (ст. 100) специальную ответственность за недобросовестное отношение лица, которому поручена охрана государственного или общественного имущества, к своим обязанностям, повлекшее расхищение, повреждение или гибель этого имущества в крупных размерах, при отсутствии признаков должностного преступления.

Субъектом (исполнителем) воинского преступления (ст. 1 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления) могут быть лишь военнослужащие, военнообязанные во время прохождения ими учебных сборов, лица офицерского, сержантского и рядового состава органов государственной безопасности, а также лица, в отношении которых имеется специальное указание в законодательстве Союза ССР. Для состава некоторых воинских преступлений требуется, чтобы субъект преступления принадлежал к определенной категории должностных лиц военнослужащих. Так, по ст. 24 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления за злоупотребление властью, превышение власти и халатное отношение к службе могут быть привлечены лишь военнослужащие, начальники или должностные лица.

Целый ряд других составов преступлений описан в законе так, что субъектом их может быть не всякое вменяемое физическое лицо, а лишь лицо, обладающее определенными качествами. Так, по ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта могут быть привлечены к уголовной ответственности лишь работники транспорта, по ст. 152 УК РСФСР 1960 года за выпуск недоброкачественной продукции подлежат ответственности директор предприятия, главный инженер и начальник отдела технического конт-

роля, а также другие должностные лица, выполняющие их обязанности.

При вынесении судебного приговора суд обязан внимательно изучить личность обвиняемого, чтобы назначить ему наказание, отвечающее задачам социалистического правосудия. Это выдвигает вопрос о необходимости классификации преступников.

Наказание, назначаемое судом, в каждом конкретном случае должно отвечать тому социально-политическому смыслу, который имеет борьба с данными общественно опасными действиями. Общественная опасность лиц, совершающих преступления, различна в зависимости от степени общественной опасности этих деяний. Однако и при совершении одних и тех же преступных деяний общественная опасность отдельных преступников может быть различна.

В этом отношении большое значение имеет вопрос, насколько совершенное преступление выражает укоренившиеся у данного лица пережитки прошлого — эгоистические стремления и другие «традиции» старого мира, соответствует ли оно само по себе общему моральному облику данного лица или совершено под влиянием неблагоприятно сложившихся исключительных обстоятельств. При индивидуализации наказания всегда необходимо учитывать конкретную общественную опасность не только совершенного преступления, но и лица, его совершившего.

Поэтому при рассмотрении судом уголовных дел необходимо различать, с одной стороны, преступников случайных, к которым следует применять условное осуждение или ограничиваться мерами общественного воздействия, и, с другой стороны, рецидивистов и других тяжких преступников, которые подлежат длительной изоляции от общества с применением мер исправительно-трудового воздействия. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик допускают применение к особо опасным рецидивистам лишения свободы на срок до 15 лет (ст. 23). Лишение свободы может быть назначено этим лицам в виде заключения в тюрьму на весь срок наказания или часть его.

Согласно ст. 44 Основ уголовного законодательства в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступниками» условно досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким не применяются:

- 1) к особо опасным рецидивистам;
- 2) к лицам, к которым были применены условно досрочное освобождение от лишения свободы либо замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, если эти лица до истечения неотбытого срока наказания совершили новое

умышленное преступление, за которое они осуждены к лишению свободы;

3) к лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, бандитизм, изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, повлекшее тяжкие последствия, или изнасилование несовершеннолетней, разбой, получение, дачу взятки или посредничество во взяточничестве при отягчающих обстоятельствах.

Основы не раскрывают понятия особо опасного рецидивиста. Это раскрывается в уголовных кодексах отдельных союзных республик.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в примечании к ст. 24, говорящий о лишении свободы, определяет, что опасным рецидивистом может быть признано:

1) лицо, ранее судимое за особо опасное государственное преступление, бандитизм, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах, разбой и вновь совершившее какое-либо из перечисленных преступлений, независимо от того, за какое из них это лицо было осуждено в первый раз;

2) лицо, ранее дважды судимое за кражу, грабеж, мошенничество, спекуляцию, взяточничество или злостное хулиганство и после этого совершившее какое-либо из преступлений, перечисленных в пункте первом, а также лицо, ранее судимое за какое-либо из преступлений, перечисленных в пункте первом, и после этого дважды совершившее кражу, грабеж, мошенничество, спекуляцию, взяточничество или злостное хулиганство;

3) лицо, ранее трижды судимое за кражу, грабеж, мошенничество, спекуляцию, взяточничество или злостное хулиганство и после этого совершившее какое-либо из этих преступлений. При наличии указанных признаков суд может признать, но может и не признать лицо особо опасным рецидивистом. Суд, рассматривая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела. При признании лица особо опасным рецидивистом не учитываются преступления, совершенные им в возрасте до 18 лет, а также те преступления, по которым судимость была погашена или снята в установленном порядке.

Кроме влияния на характер отбытия лишения свободы и запрещения применять к лицу, признанному особо опасным рецидивистом, условно-досрочного освобождения или смягчения наказания, в ряде статей Особенной части УК РСФСР

1960 года признак субъекта преступления — «особо опасный рецидивист» выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства. Так, совершение умышленного убийства особо опасным рецидивистом рассматривается как умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (п. «л» ст. 102); квалифицированным видом разбоя является разбой, совершенный особо опасным рецидивистом (п. «г» ч. 2 ст. 91); хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества, считается квалифицированным, если оно было совершено особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 93).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступниками» установил, что особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления, терроризирующие в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие с этой целью преступные группировки или активно участвующие в таких группировках, наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет или смертной казнью.

В буржуазной теории уголовного права было много попыток дать классификацию преступников. Делалось это для создания целесообразной, с точки зрения буржуазных теоретиков, системы мер борьбы с преступностью, связанных с индивидуальными особенностями преступников.

Наиболее распространенными являются классификации преступников по их психическому состоянию (преступники нормальные, психически дефективные и психически больные) и по интенсивности их преступного настроения — преступники привычные и случайные.

Объективно политически классификация преступников в буржуазной юридической литературе служила теоретической основой для оправдания суровых мер безопасности, которые применялись к наиболее опасным для буржуазного порядка преступникам. Она вела к назначению мер уголовноправового принуждения в зависимости не от совершенного преступления, а исключительно от характера личности преступника.

В последние десятилетия в буржуазной теории уголовного права получила широкое распространение «криминальная биология», основной задачей которой является стремление доказать существование различных биологических типов преступников, биологически неполноценных людей, склонных к совершению преступлений. В отношении этих лиц необходимо якобы принимать предупредительные принудительные меры, не дожидаясь того, когда они совершат преступление. При совершении преступления ответственность виновных должна определяться

не в зависимости от тяжести совершенного деяния, а в зависимости от «типа преступника». Эти псевдонаучные криминально-биологические изыскания имели ярко выраженный политический характер. Они были направлены на обоснование права государства наказывать человека не за то, что он в действительности совершил, а за то, что он принадлежит к тому или иному преступному типу. Реакционное значение этого учения хорошо видно из того, что оно использовалось немецкими, итальянскими и испанскими фашистами как псевдонаучное оправдание уничтожения их политических противников, принадлежащих якобы к неполноценным лицам — «преступным типам». В колониальных странах выводы «криминальной биологии» служили оправданием при расправе с так называемыми преступными племенами, единственная вина которых заключалась в том, что они не желали больше нести на себе ярмо колониальных рабов империализма. Учение «криминальной биологии» о преступных типах фашистские мракобесы использовали для идеологического обоснования массового уничтожения еврейского населения. В современной Западной Германии коммунисты и им сочувствующие объявляются типами людей, имеющих «антигосударственные противоправные намерения». Они причисляются если не к особо криминально-биологическому типу преступника, то по крайней мере к особому «нормативному типу преступника», в политическом отношении враждебному режиму ФРГ с ее властью магнатов капитала и фашистской военщины. Учение о типах преступников в его «биологической» и «нормативной» интерпретации служит теоретическим оправданием для нарушений самой элементарной буржуазной законности.

Необходимо отметить, что не все сторонники криминальной биологии осмеливаются делать вывод о применении к лицам, признаваемым «преступными типами», мер принуждения до того, как они совершили какое-либо преступное деяние. Фашизм научил некоторых горячих апологетов криминальной биологии быть осторожными с такими выводами¹.

Уголовная ответственность юридических лиц была известна феодальному уголовному праву. Например, во Франции специально изданный ордонанс 1670 года определял порядок судебного процесса и те наказания, которые могли быть нало-

¹ Так, криминалист Западной Германии Мецгер, потративший много усилий на пропаганду криминальной биологии, в настоящее время высказывается против допустимости применения принуждения до совершения преступления, признавая, что преступником лицо может считаться лишь тогда, когда оно совершит преступное действие (см. John Lekschas, Zur 8 Tagung der Kriminalbiologischen Gesellschaft in Graz, 1954, «Staat und Recht», 1955, Heft 2).

жены за преступления, совершенные корпорациями, общинами. С провозглашением французской революцией XVIII столетия необходимости установления личной виновности для уголовной ответственности в буржуазном праве получает признание положение о недопустимости уголовной ответственности юридических лиц. Дореволюционное русское уголовное законодательство частично считало возможной такую ответственность. Уложение о наказаниях 1885 года в ст. 530 устанавливало уголовную ответственность еврейских обществ за укрывательство военных беглецов — евреев. Существование этой статьи объяснялось общей политикой национального угнетения, проводившейся царским самодержавием в отношении еврейского населения. Уголовная ответственность юридических лиц известна уголовному праву англосаксонских стран. Это связано с сохранением в английском праве многих пережитков феодальной эпохи. Корпорации могут быть осуждены к денежному штрафу за клевету, за причинение вреда, за нарушение отдельных обязанностей, возложенных на них законом. В уголовном законодательстве США имела место демагогическая попытка использовать принцип уголовной ответственности юридических лиц для «борьбы» с преступной деятельностью синдикатов и трестов, что не могло в действительности нанести ущерб интересам американских монополистов. Ответственность юридических лиц широко используется в США для борьбы с профсоюзами и другими демократическими общественными организациями. Реакционный закон Тафта—Хартли, запрещающий политическую деятельность профсоюзов, устанавливает для них наказание непосильным штрафом. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк предусматривает наложение штрафа в размере 5 тыс. долларов в тех случаях, когда юридическое лицо осуждается за преступление, за которое физическому лицу могло бы быть назначено тюремное заключение. Британский империализм прибегает к установлению уголовной ответственности целых коллективов для борьбы с революционным движением в колониях. Например, в Индии, когда она была колонией, английский империализм широко прибегал к наложению коллективных штрафов на отдельные деревни, где были «совершены действия, опасные для поддержания порядка, или где скрываются лица, имеющие отношение к совершению таких преступлений» (ст. 26 ордонанса об исключительных полномочиях 1932 г.).

Следует иметь в виду, что за последние десятилетия буржуазная теория уголовного права все чаще отказывается от положения о том, что юридические лица не могут быть субъектами преступления. Так VI Международный конгресс по уголовному праву, имевший место в Риме в 1953 году, высказался в принципе за допустимость уголовной ответственности юридических лиц и за возможность применения в отношении их

карательных санкций. VII международный конгресс по уголовному праву, состоявшийся в Афинах в 1957 году, на котором специально обсуждался вопрос о понятии исполнителя преступления и соучастия, также в своей резолюции отметил, что «юридические лица могут нести ответственность за преступления только в случаях, предусмотренных отдельными законодательными системами». В качестве наказания к ним может быть применен штраф, налагаемый независимо от таких мер, как роспуск юридического лица, приостановление его деятельности или назначение попечителя. Резолюция отметила, что мнения участников конгресса разделились по вопросу возможности применения правил о соучастии к юридическим лицам. По мнению одних, они не могут применяться, по мнению других, этот вопрос должен решаться каждой конкретной правовой системой¹.

Если раньше нормы об уголовной ответственности юридических лиц содержались по преимуществу в англо-американском уголовном праве, то после второй мировой войны они появились в законодательстве континентальных буржуазных стран. Это было связано, с одной стороны, с установлением уголовной ответственности юридических лиц за нарушения финансового законодательства и, с другой стороны, с ответственностью некоторых изменнических организаций за сотрудничество с врагами².

Не вызывает каких-либо сомнений, что субъектом преступления не могут быть вещи или животные. Это сейчас представляется само собой разумеющимся. Однако судебным хроникам средних веков известны многочисленные процессы быков, поранивших человека; свиней, загрызших детей; саранчи, уничтожившей посевы; гусениц, повредивших плодовые деревья, и т. д. В 1474 году в Базеле к смертной казни путем сожжения был приговорен петух, обвинявшийся в том, что якобы снес яйцо, — это служило доказательством его связи с «нечистой силой». В России в 1593 году был осужден за государственное преступление церковный колокол, в который ударили при восстании народа в г. Угличе. «Мятежный» колокол был наказан кнутом и сослан в Сибирь в г. Тобольск. Во Франции последний процесс против крыс и мышей, повредивших хлебные поля, состоялся в 1710 году.

Привлечение к уголовной ответственности животных и вещей нельзя объяснить только заблуждением. Это было связано с общим представлением феодальной эпохи об уголовной ответственности, которая мыслилась не как ответственность лишь

¹ См. «Социалистическая законность» 1958 г. № 2, стр. 46.

² Pierre Faivre, La responsabilité pénale des personnes morales. «Revue de science criminelle et de droit pénale comparé», 1958, № 3, p. 547—574. Там же приводится новейшая библиография по вопросу уголовной ответственности юридических лиц.

за виновное совершение преступления, а как ответственность за всякие опасные и вредные действия. Такие действия могли совершаться и людьми, и животными, такая опасность могла представляться исходящей от тех или иных предметов. Тем самым создавалась возможность распространять понятие об уголовной ответственности не только на людей, но и на животных и даже на вещи.

§ 2

Вменяемость

«Невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»¹, — указывал Энгельс. Лживым является утверждение идеалистической философии о независимости воли от законов материального мира. Основным положением марксистского философского материализма является тезис о том, что бытие определяет сознание. Поэтому поведение людей в конечном счете детерминировано их общественным бытием. Признание детерминированности человеческого поведения не исключает, однако, ответственности человека за свои поступки.

В. И. Ленин писал по вопросу о детерминизме и ответственности: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»².

Обоснование диалектическим материализмом ответственности человека за свои проступки принципиально отлично от того решения, которое давалось этому вопросу во всей предшествующей истории философии. Марксистский философский материализм отвергает не только лживое утверждение идеалистической философии о существовании свободы воли, независимой от законов природы, независимой от воздействий на нее окружающего мира. Марксистский философский материализм отвергает и положение механистического, вульгарного материализма, сводящего детерминированность человеческого поведения к фатализму, к его предопределенности, отвергающего всякую активную роль человеческой воли и сознания.

Подлинно научный марксистский детерминизм дает единственно правильное решение вопроса об ответственности человека

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 106.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 5-е, стр. 159.

за свои поступки, исходя из признания способности человека активно воздействовать на окружающий мир, исходя из понимания свободы воли как способности принимать решения со знанием дела. Идеалистическая философия и механистический материализм в решении этого вопроса исходили из признания несовместимости понятий свободы и необходимости, из метафизического, антидиалектического противопоставления их. Идеалистическая философия, объявляя волю свободной, отвергала тем самым ее причинную обусловленность. Механистический материализм, признавая обусловленность человеческого поведения, отвергал полностью свободу воли, признавая ее лишь иллюзией человеческого разума. В основе решения вопроса об ответственности человека за свои поступки, даваемого диалектическим материализмом, лежит признание диалектической связи между необходимостью и свободой.

«Свобода, — указывали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — определялась до сих пор философами двояко: во-первых, как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид, — так она определялась всеми материалистами; с другой же стороны, — как самоопределение, избавление от действительного мира, как лишь мнимая свобода духа, — так она определяется у всех идеалистов, особенно у немецких»¹.

Буржуазная философия и буржуазная теория уголовного права уделяли очень много внимания вопросу обоснования уголовной ответственности. В решении его нашла свое отражение борьба между материализмом и идеализмом.

Религиозные учения и их верная служанка идеалистическая философия утверждали, что свобода воли есть особое свойство человеческой души, независимое ни от телесной природы, ни от внешних условий жизни, благодаря которому человек способен по своему усмотрению давать то или иное определение воли. Этим обосновывалась ответственность людей за грех перед богом и за преступления перед светской властью. В феодальном обществе эти взгляды служили усилению власти попов и помещиков: их роль заключалась в оправдании расправы, чинимой за малейшие нарушения порядка, удобного и выгодного феодалам.

Против этой идеологии выступали передовые мыслители XVII и XVIII столетий, выражавшие прогрессивные для своего времени взгляды буржуазии, развивавшейся в недрах феодального общества. Философ-материалист XVII столетия Спиноза отрицал существование свободы воли. Спиноза дока-

зывал, что свобода воли есть лишь иллюзия, что человек никогда и ни в чем не бывает свободен, его поступки всегда детерминированы внешней необходимостью. Для иллюстрации своей мысли он приводил пример с камнем, который под влиянием внешнего толчка получил определенное количество движения и продолжает двигаться после прекращения толчка. «Представьте себе, пожалуйста, что камень, продолжая свое движение, мыслит и сознает, что он изо всех сил стремится не прекращать этого движения. Этот камень, так как он сознает только свое собственное стремление (conatus) и так как он отнюдь не индифферентен, будет думать, что он в высшей степени свободен и продолжает движение не по какой иной причине, кроме той, что он этого желает. Такова же та человеческая свобода, обладанием которой все хвалятся и которая состоит только в том, что люди сознают свое желание, но не знают причин, какими они детерминируются. Так, ребенок думает, что он свободно стремится к молоку, а рассердившийся мальчик, что он свободно желает мщения, робкий же — что он желает бегства. Так, пьяный думает, будто он по свободному решению воли разглашает то, относительно чего впоследствии, протрезвившись, он хотел бы, чтобы это осталось невысказанным. Так же и человек, находящийся в бреду или болтавший по природе, и многие другие же сорта полагают, что они поступают по свободному решению своей воли, а не уносятся порывом непреодолимого влечения. И так как этот предрассудок врожден всем людям, то люди не так-то легко от него избавляются»¹. Спиноза отрицал, что люди свободны в чем бы то ни было.

Отрицание Спинозой, а затем и французскими материалистами свободы воли было связано с их общей борьбой против религиозного мировоззрения феодального общества, борьбой за развитие естественнонаучного мировоззрения. Оно имело поэтому исторически прогрессивное значение.

Один из виднейших французских материалистов XVIII столетия Гольбах считал, что поступки людей никогда не бывают свободными; они являются необходимым следствием их темперамента, предвзятых идей, истинных или ложных понятий о счастье, их взглядов, сложившихся под влиянием воспитания, примера, ежедневного опыта. Человек не бывает свободным ни одну минуту своей жизни. По мнению Гольбаха, преступления совершаются лишь потому, что «все способствует тому, чтобы сделать людей преступными и порочными; их религиозные верования, их нравственность, их воспитание, наблюдаемые ими примеры»². Детерминизм французских материалистов в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 281.

¹ Б. Спиноза, Переписка, Партиздат, 1932, стр. 189—190.

² П. Гольбах, Система природы, М., 1940, стр. 120.

применении к человеческому поведению превращался в фатализм. Гольбах приходил к выводу, что «наши мысли и размышления, наш способ видеть, чувствовать, судить, комбинировать идеи не могут быть ни произвольными, ни свободными. Одним словом, наша душа не властна над возникающими в ней движениями»¹. Признание обусловленности человеческих поступков, однако, не только не устраняет, по его мнению, смысла уголовной ответственности, но, наоборот, делает разумным признание наказания за совершенное преступление: наказание может побудить людей совершать одни действия и заставить их воздерживаться от других. Наказание может изменить волю человека. Вменить какое-либо действие кому-либо в вину — значит приписать этому человеку совершение данного действия; вменение в вину имеет место несмотря на то, что человеческое поведение причинно обусловлено. Устанавливая наказание, законодатель поступает «подобно тому человеку, который, строя дом, снабжает его водосточными трубами, чтобы помешать дождевой воде подмыть фундамент его жилища»².

Идеи французских материалистов о причинной обусловленности человеческого поведения давали основание для определенных революционных выводов. На это указывает Маркс в «Святом семействе». «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»³. Чтобы успешно бороться с преступностью, необходимо уничтожить антисоциальные источники преступности, изменить условия, под влиянием которых формируется человеческий характер.

Немецкая идеалистическая философия конца XVIII и начала XIX столетий, выражая мировоззрение слабой и трусливой немецкой буржуазии, искавшей соглашения с феодальным помещиком, выступала в защиту принципа свободы воли человека как основания уголовной ответственности.

Кант открыто ставил перед своей философией политически реакционную задачу. Он стремился ограничить область знания, чтобы дать место вере и обосновать допущение бога, свободы воли и бессмертия души. Таким путем он отстаивал примирение с основами религиозного мировоззрения феодального мира.

Кант рассматривал человека одновременно и как объект нашего познания — «явление» («эмпирический характер человека»), и как непознаваемую вещь, «вещь в себе» («умопостижимый или интеллигибельный характер человека»).

Человек как «явление», как существо, данное нам на опыте, доступное нашему познанию, рассматривается Кантом, как и

всякое другое «явление», т. е. то, что дано в наших восприятиях, с точки зрения его причинной обусловленности. Человеческое поведение, как и всякое «явление», он считает здесь подчиненным закону причинности, признаваемому им априорной категорией нашего рассудка. Такая точка зрения на поведение человека относится к области того, что Кант именуется теоретическим разумом. Это область как бы естественно научного объяснения поведения человека. При таком рассмотрении человеческого поведения, по мнению Канта, никогда нельзя самого человека признать ответственным за свои поступки потому, что его поведение в каждый данный момент полностью причинно обусловлено всеми предшествующими обстоятельствами. Однако человек как «вещь в себе», как существо, не доступное нашему познанию, в своем поведении, по учению Канта, не подчинен закону причинности. Человека как «вещь в себе» нельзя познать, но можно и должно мыслить как разумное существо, которое обладает свободной волей и ею руководствуется в своем поведении независимо от какого-либо воздействия на эту волю. При оценке поведения человека для Канта решается вопрос не о том, в силу каких причин совершается данный поступок, а вопрос о том, как должен был бы поступить человек, поскольку он является разумным существом, обладающим свободной волей. Так рассматривает Кант человека в его практическом поведении. Это — область, по терминологии Канта, практического разума. Лишь при таком подходе к рассмотрению поведения человека можно, как кажется Канту, обосновать ответственность человека за свои поступки. Признание наличия у человека свободной воли, т. е. возможности действовать независимо от каких бы то ни было влияний, и является предпосылкой уголовной ответственности. С точки зрения Канта, вменить в вину преступление — значит признать данное лицо свободной причиной совершенного им преступления.

Таким путем Кант защищал индетерминизм — одно из основных положений религиозной идеологии феодального мира. Дуализм кантовского практического и теоретического разума основывался на предположении о полной несовместимости необходимости и свободы.

При решении проблемы уголовной ответственности Кант также исходит из представления о несовместимости понятий свободы и необходимости¹.

Иначе решал вопрос о взаимоотношении свободы и необходимости Гегель. Он выставил положение, что свобода есть познанный необходимость, сделав этим крупный шаг вперед в решении философской проблемы о взаимоотношении данных

¹ П. Гольбах, Система природы, М., 1940, стр. 119.

² Там же, стр. 134.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 145—146.

¹ См. А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте, «Ученые труды», вып. I, М., 1940, стр. 23—33.

понятий. Гегель в диалектике понятий свободы и необходимости, в понимании им свободы как осознанной необходимости угадывал диалектику взаимоотношений людей с окружающим миром — природой и обществом. Конечно при этом нужно иметь в виду, что необходимость Гегель понимал идеалистически. Под необходимостью он понимал проявление в действительности объективно разумного. Подлинно свободно, с его точки зрения, действует тот, кто сознательно осуществляет в действительности объективно разумное. В этом выражалось идеалистическое существование его понимания свободы как осознанной необходимости. Свое положение о «подлинной свободе» Гегель использует в конце концов в политически реакционных целях. По его учению, сам разум находил свое воплощение в прусском государстве того времени и его реакционном феодальном законодательстве, лишь слегка затронутым буржуазным влиянием. Поэтому быть «подлинно свободным» для Гегеля по существу означало сознательно-подчиняться реакционным законам прусского полицейского государства. Тем самым Гегель использовал свое понятие о «подлинной свободе» для обоснования реакционных политических выводов из своей философии — примирения с существующими современными ему реакционными порядками, борьбы с прогрессивными идеями о свободе личности, выдвинутыми французской революцией. Понятие о «подлинной свободе» Гегель не мог применить к обоснованию уголовной ответственности, так как для него преступление всегда было чем-то неразумным, проявлением не подлинной свободы воли, а ее произвола. Основание уголовной ответственности Гегель усматривал в произволе человеческой воли, формальной свободе, в способности человека абстрагироваться от всякого воздействия внешнего мира и выбирать произвольно то или иное решение. Поэтому гегелевское обоснование уголовной ответственности не выходило за рамки обычного субъективно-идеалистического ее обоснования. Содержание поступка определяется свободным независимым от внешнего воздействия самоопределением воли человека. Гегель заявлял, что обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь тогда, когда он сам допускает такое господство. Гегель вел острую борьбу против исторически прогрессивных идей французских материалистов об обусловленности человеческого поведения общественной средой¹.

Буржуазная теория уголовного права в вопросе об обосновании уголовной ответственности занималась повторением основных положений идеалистической философии о свободе воли.

Различное обоснование уголовной ответственности давалось и в дореволюционной русской литературе по уголовному праву.

¹ См. А. А. Пионтковский, Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве, М., 1948, стр. 72—82, 225—229.

Официальная профессорская наука обосновывала уголовную ответственность или исходя непосредственно из идеалистических представлений о свободе воли, или исходя из философии позитивизма, прикрывающей идеалистическое существование квинзачной фразеологией. Таганцев пытался обосновать уголовную ответственность на философии позитивизма. Он считал, что вопрос о свободе или несвободе воли есть «метафизическая проблема», лежащая за пределами области познания «конечных вещей». В обосновании уголовной ответственности он сознательно, но безуспешно стремился стать выше споров между индетерминизмом и детерминизмом, подобно тому, как вся философия позитивизма полагала, что она якобы преодолела односторонность идеалистических и материалистических взглядов и стоит вне споров по коренным вопросам философии. В действительности же она колебалась в решении основных вопросов между материализмом и идеализмом, капитулируя в конечном счете перед идеализмом. Таганцев разделял понятие о причинности, развиваемое Миллем, которое по существу воспроизводило представление о причинности философии агностицизма Юма. Причинность, с точки зрения Милля, есть лишь привычная для нас неизменность последовательности событий. Применение такого понимания причинности к человеческому поведению означает, что причинная обусловленность действий людей есть лишь наша привычка считать сознательную человеческую деятельность неизменно обусловленной какими-либо мотивами. Признаваемый всеми простой эмпирический факт, что преступление совершается при участии такого рода нормальных психических сил человека, и есть, с точки зрения Таганцева, основание уголовной ответственности лица за совершенное преступление¹. Обоснование уголовной ответственности, даваемое Таганцевым, разделял и другой видный сторонник классической школы уголовного права в России — Сергеевский. Он называл взгляд на уголовную ответственность Таганцева, мало разобравшись в его философских основах, теорией закономерности человеческой деятельности в обосновании уголовной ответственности. В русской дореволюционной уголовно-правовой литературе было сравнительно немного защитников обоснования уголовной ответственности непосредственно на принципах индетерминизма (например, Спасович, Будзинский). Так, Спасович считал, что субъектом преступлений может быть только лицо нравственно свободное. Он в своем учебнике уголовного права повторял идеалистическое положение о том, что если нет такой свободы, то нельзя никого винить за совершенное деяние и не может иметь место ни ответственность за преступление, ни наказание преступника. Эта внутренняя свобода является, с его точки зрения,

¹ См. Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, т. I, стр. 405—414.

основой и для свободы действия, т. е. независимости человека от внешнего на него влияния. Таким идеалистическим пониманием свободы он обосновывает уголовную ответственность¹. Будзинский писал, что свобода воли в смысле независимости ее от каких-либо влияний является основанием уголовного права; если бы человек не имел свободы воли, он не отличался бы от животного².

В период империализма в буржуазной теории уголовного права наряду с индетерминистическим обоснованием уголовной ответственности широкое распространение получили взгляды криминалистов-антропологов и криминалистов-социологов, которые отрицали свободу воли как основание уголовной ответственности и усматривали основание ее в простой необходимости защищать общество от социально опасной личности. Если борьба французских материалистов с идеалистическим обоснованием уголовной ответственности имела исторически прогрессивное значение, то выступления криминалистов-антропологов и криминалистов-социологов на основе философии вульгарного материализма и позитивизма против обоснования уголовной ответственности на принципе свободной воли имели политически реакционное значение. Они служили теоретическим оправданием всей реакционной карательной политики империалистической буржуазии. Уголовной ответственности подлежит всякое опасное для буржуазии лицо. Вина заменялась «опасным состоянием» личности. Такое обоснование уголовной ответственности было по существу особого рода «ученым» оправданием любых судебно-полицейских расправ эксплуататорских классов с опасными для них элементами³.

Современные наследники уголовноправовых идей социальной защиты криминалистов-социологов и криминалистов-антропологов, сторонники направления буржуазной теории уголовного права, известного под названием «новой социальной защиты», отвергают как индетерминистическое обоснование уголовной ответственности криминалистов-классиков, так и детерминистическое ее обоснование криминалистами-социологами и криминалистами-антропологами. Они пытаются вместе с тем сохранить понятие ответственности как определенного явления человеческого сознания и социальной жизни и использовать его в целях осуществления задач уголовной политики по перевоспитанию

преступника и его приспособлению к требованиям норм общественной жизни¹. Такая позиция сторонников новой социальной защиты по существу означает уход от теоретического рассмотрения обоснования уголовной ответственности. Поэтому они охотно сближают свои воззрения с одним из вариантов неопозитивизма — с философией феноменологизма, ставящей задачей ограничить научное познание лишь внешним описанием явлений, данных нам в наших чувственных восприятиях.

Передовая русская общественная мысль развивалась на основе материалистической философии.

В работах русских революционных демократов содержатся ценные материалистические положения по вопросу о понимании свободы, необходимости и основаниях уголовной ответственности. В борьбе с идеологией церковного мракобесия крепостников и идеалистических «теорий» либералов они подвергали резкой критике религиозно-идеалистические выдумки об абсолютной свободе человеческой воли. В своих выступлениях по этому вопросу они выходили за пределы представлений механистического материализма XVIII столетия с его трактовкой человека как машины. В ряде случаев в трактовке свободы воли и ответственности человека за свои поступки они приближались к решению этого вопроса, даваемому диалектическим материализмом. Особенно следует отметить взгляды А. И. Герцена. В «Письме сыну» — А. А. Герцену — он вскрывает идеалистические основы распространенного представления о свободе воли и связь его с религиозной идеологией. «Смысл, который обыкновенно придают словам *свобода* или *свободная воля*, очевидно, вытекает из религиозного и идеалистического дуализма, разделяющего самые неразрывные вещи. Для него воля так же относится к действию, как душа — к телу.»² Вместе с тем Герцен выступает и против механистического материализма современных ему физиологов, отрицавших полностью свободу человеческой воли. Герцен, признавая определяемость содержания человеческой воли законами внешней необходимости, вместе с тем подчеркивает и активную роль сознания и воли человека в процессе воздействия его на окружающий мир.

«Было бы нелепостью, — писал он, — считать человека исключением из общих законов природы и навязывать ему какую-то субъективную произвольность, стоящую вне закона.»

¹ См. отчет о докладе Марка Анселя «Responsabilité et défense sociale», «Revue de science criminelle et de droit pénal comparé», 1959, № 1, p. 173—184.

² А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. II, Госполитиздат, 1946, стр. 279.

¹ См. В. Спасович, Учебник уголовного права, т. I, СПб., 1863, стр. 114—117.

² См. С. Будзинский, Начала уголовного права, Варшава, 1870, стр. 72.

³ Joachim Renneberg, Die Kriminal-soziologischen und Kriminalbiologischen Lehren und Strafrechtreformvorschläge Listz's und die Zerstörung der Gesetzlichkeit in bürgerlichen Strafrecht, 1956.

Однако это нисколько не мешает человеку воспитывать в себе способность, составленную из разума, чувства и воспоминания, взвешивающую возможность и определяющую выбор действия. Эта способность развивается не по милости божией, не по воображаемой схеме свободы, а просто самими органами человека, его врожденными и приобретенными способностями, которые на тысячи ладов формируются и слагаются в социальной жизни. С этой точки зрения, *действия* человека — конечно, результат организма и развития; тем не менее этот результат не так обязателен и произволен, как дыхание и пищеварение.

Физиология разлагает сознание свободы на составные элементы, упрощает, стараясь объяснить его условиями индивидуального организма, и теряет его бесследно»¹.

Герцен выступает против подмены психологии физиологией, которая проводилась механистическим материализмом. Для него человек — «прежде всего есть существо нравственное, т. е. существо социальное, имеющее свободу определять свои действия в границах своего сознания и своего разума»². В книге «С того берега» Герцен специально рассматривает вопрос о зависимости человека от окружающей среды. Как материалист он, разумеется, признает определяющее значение среды в формировании личности человека, вместе с тем он признает и независимость человека от конкретного воздействия на него окружающей обстановки: «Нравственная независимость человека — такая же непреложная истина и действительность, как его зависимость от среды, с той разницей, что она с ней в обратном отношении: чем больше сознание, тем больше самобытности, чем меньше сознания — тем связь со средою теснее, тем больше среда поглощает лицо»³. Из приведенных высказываний Герцена видно, что он вплотную подошел к пониманию того, что свобода человека основана на познании им необходимости, господствующей в окружающем мире.

Добролюбов в статье «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» указывал, что абсолютная свобода воли, с которой носятся все идеалисты, в действительности не существует. «Всякий понимает, что человек не может делать все, что только захочет, следовательно, свобода его есть свобода относительная, ограниченная. Кроме того, самое маленькое размышление может убедить всякого, что поступков совершенно свободных, которые бы ни от чего, кроме нашей воли, не зависели, — никогда не бывает. В решениях своих мы постоянно руководствуемся какими-нибудь

чувствами или соображениями. Предположить противное — значит допустить действие без причины»¹. Добролюбов подчеркивает, что нельзя рассматривать волю человека в отрыве от других психических способностей человека. Все волевые действия обусловлены тем запасом знания, который скопился в нашем мозгу. «Так называемая свобода выбора — в сущности означает именно возможность, существующую в нашем уме, сличить несколько предметов и определить, какой из них лучше. Здесь очень кстати припомнить известный афоризм, что «всякий преступник есть прежде всего худой счетчик». Действительно, большая часть преступлений и безнравственных поступков совершается по невежеству, по недостатку здравых понятий о вещах, по неумению сообразить настоящее положение дел и последствия поступка; и только немногие безнравственные действия совершаются вследствие твердого, но ложного убеждения»². Добролюбов, таким образом, связывал понимание свободы воли с объемом познания человеком окружающего мира, он приближался к диалектическому пониманию взаимоотношения свободы и необходимости.

Чернышевский в работе «Антропологический принцип в философии», ведя последовательную борьбу с идеалистическим мировоззрением, материалистически рассматривает человеческую волю, подчеркивая ее причинную обусловленность. Нынешняя психология, указывает он, не допускает, например, таких предположений: «Человек поступил в данном случае дурно, потому что захотел поступить дурно, а в другом случае хорошо, потому что захотел поступить хорошо». Он говорит, что дурной поступок или хороший поступок был произведен непременно каким-нибудь нравственным или материальным фактом или сочетанием фактов, а «хотение» было тут только субъективным впечатлением, которым сопровождается в нашем сознании возникновение мыслей или поступков из предшествующих мыслей, поступков или внешних фактов»³.

Из признания причинной обусловленности человеческого поведения Чернышевский делает вывод, что скорее нужно говорить не о вине преступника, а о его беде, ибо общественное устройство определяет поведение человека. «Вы вините человека, всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, — всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а беда его»⁴.

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1945, стр. 178.

² Там же, стр. 179.

³ См. Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. III, М., 1951, стр. 210.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. 5, М., стр. 165.

¹ А. И. Герцен, Избранные философские произведения, стр. 280.

² Там же.

³ Там же, стр. 107.

Специально следует отметить отношение к вопросу о свободе воли и ответственности человека за свои поступки основоположников русской физиологии. Под непосредственным влиянием материалистических идей Чернышевского писал Сеченов свое произведение «Работа головного мозга». Сеченов показал полную несостоятельность идеалистических учений, что человек как «существо духовное» стоит в какой-то мере вне законов материального мира. В этой работе он наглядно показал правоту Чернышевского в его борьбе с реакционным мракобесием, справедливость его материалистического мировоззрения. Сеченов считал обычное представление о свободе воли «метафизической фикцией». Признавая волю несвободной, он вместе с тем не отрицал ни ответственности, ни вменяемости лица как предпосылок его ответственности за совершенные действия. В статье «Учение о несвободе воли с практической стороны» он специально обращается к рассмотрению вопроса об ответственности человека за свои поступки при отрицании наличия у него свободной воли. Он доказывает, что отказ от идеалистического учения о свободе воли вовсе не влечет за собой отрицания ответственности человека. Однако при этом общество не может смотреть на пороки своих членов иначе как на продукты наследственного предрасположения, невежества, грубости нравов, дурного воспитания, бедности, праздности, лени и пр. Поэтому Сеченов считал, что общество не может относиться со злобой к своим порочным членам и наказывать их в виде возмездия за дурные дела. Отрицание свободы воли должно влечь за собой отказ от взгляда на наказание как на акт возмездия. Принудительные меры в отношении преступников должны преследовать цель их исправления. При этом судебное разбирательство должно выяснить, действовало ли лицо сознательно и в полном разуме, каковы были мотивы поступка, равно как и все внешние и внутренние условия его совершения¹.

Великий русский физиолог академик Павлов в своих высказываниях о свободе воли подходил к правильному пониманию взаимоотношения свободы и необходимости. Признавая материальную обусловленность психической жизни человека, он вместе с тем считал вопрос о свободе воли вопросом «величайшей жизненной важности». Отвечая психологам, он писал, что признание обусловленности человеческого поведения не устраняет вопроса об ответственности человека: «...жизненно остается все то же, что и при идее свободы воли с ее личной, общественной и государственной ответственностью: во мне остается возможность, а отсюда и обязанность для меня знать себя и по-

¹ См. И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. I, М.—Л., 1952, стр. 437—443.

стоянно, пользуясь этим знанием, держать себя на высоте моих средств»¹.

Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности дает естественно-научное объяснение способности человека сознательно воздействовать на окружающий мир для достижения своих целей. В этом находит выражение высокая степень развития регулятивной функции человеческого мозга, выработанная в процессе воздействия внешней среды на человека. Отражение внешнего мира в сознании человека, познание им отношений между явлениями внешнего мира влечет за собой образование в коре головного мозга временных связей, ассоциаций, пользование которыми позволяет человеку понимать характер совершаемых действий и предвидеть их последствия.

Важнейшим вопросом всей философии является отношение мышления к бытию. Основным положением марксистского философского материализма является тезис о том, что бытие определяет сознание.

Бытие представляет собой объективный мир, оно первично и является источником ощущений, представлений, понятий, всего сознания человека, а сознание само является отображением бытия. «Ощущение есть субъективный образ объективного мира...», — указывает В. И. Ленин². Это положение является краеугольным камнем всей материалистической теории познания. Цели практической деятельности человека детерминированы его бытием. «Цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его, как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»³.

Содержание волевых действий людей определяется ощущениями, представлениями и понятиями человека, которые сами являются лишь отражением в человеческом сознании внешнего мира.

Марксистский философский материализм в отличие от метафизического материализма не ограничивается лишь утверждением о первичности бытия и производном характере сознания. Он ставит и разрешает вопрос о процессе взаимодействия между ними. Бытие определяет сознание, но вместе с тем признание обусловленности человеческой воли не означает отрицания активной роли воли человека в общественной жизни людей. В отличие от метафизического материализма, рассматривающего сознание как нечто пассивное, марксистская философия

¹ И. П. Павлов, Полное собрание трудов, т. III, М.—Л., 1949, стр. 454—455.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 106.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 162—163.

признает активное воздействие человеческого сознания, человеческой воли на окружающий мир. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его», — указывает В. И. Ленин¹.

Активная роль человеческого сознания основывается на познании человеком окружающего мира. Чем более глубоки и обширны эти познания, тем более свободно может воздействовать человек на окружающий мир. Этим определяется и отношение марксистской философии к проблеме свободы воли. Марксизм, разумеется, отрицает как вздорную выдумку идеалистов представление о свободе воли в смысле независимости воли от законов материального мира. Но марксизм признает свободу воли как возможность человека принимать решения со знанием дела.

Детерминизм не означает фатализма. Конкретная обстановка, в которой оказывается лицо, не обрекает его фаталистически действовать в определенном направлении.

Человек может противостоять непосредственному воздействию конкретной ситуации, в которой он оказывается. «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»².

Воздействие внешних обстоятельств на человека всегда проходит через его сознание. «Все, что побуждает к деятельности отдельного человека, неизбежно проходит через его голову, воздействуя на его волю»³. В поведении человека выражается отношение самой личности к внешним обстоятельствам. Человек как мыслящее существо, принимая соответствующие решения, способен оценивать фактические обстоятельства, при которых он действует, характер, значение и последствия своих действий и сознательно использовать определенные обстоятельства для достижения своих целей, выбирать определенное поведение из тех реальных возможностей, которые имеются в конкретной обстановке. В этом выражается активная роль сознания и воли человека в деле изменения окружающих явлений, в которых протекает его жизнь. Человек способен принимать решения, понимая не только существующие связи между явлениями внешнего мира, но и требования, предъявляемые к нему социалистическим законом и правилами социалистического общежития, сознательно сообразуясь или пренебрегая ими при достижении своих целей.

Эта активная роль человеческого сознания и воли является основой для того, чтобы поставить каждому гражданину в заслугу то, что сделано им для содействия успеху строительства коммунизма в нашей стране; она является и основой для вме-

нения ему в вину всего того, что сделано им во вред этому общему делу всего советского народа¹. Способность человека принимать решения, сознавая смысл, значение и последствия совершаемых действий в конкретной обстановке, определяет ответственность человека за свои поступки.

Способность понимать совершаемое и сознательно руководить своими поступками отличает вменяемого человека от невменяемого, который не может нести ответственности за свои поступки. Способность человека принимать решение с пониманием производимых им действий и служит основанием уголовной ответственности лица за совершенное преступление.

Социалистическое общество создает материальные предпосылки для того, чтобы граждане СССР действовали сообразно требованиям социалистического права. Наличие пережитков прошлого в сознании отсталой части населения нашей страны является основным источником преступлений.

Буржуазное уголовное право сурово карает безработного, который под давлением нужды совершает кражу, посягает на частную собственность буржуа, чтобы прокормить себя и свою семью. Буржуазный суд не считается с тем, что в данных условиях лицо не имело возможности противостоять конкретной ситуации, в которой оно оказалось. Суд эксплуататорского государства исходит из представления об абсолютной свободе человеческой воли, сознательно закрывает глаза на зависимость поведения человека от внешних обстоятельств.

Марксизм отвергает утверждение идеалистической философии о независимости воли от законов материального мира. Признание марксизмом активной роли человеческого сознания и воли вместе с тем означает, что марксизм признает

¹ Исходя из признания активной роли человеческой личности в отношении окружающего мира, решает вопрос об ответственности человека за свои поступки и психолог С. Л. Рубинштейн. «Предусматривая осознаваемые им последствия своих действий, человек самоопределяется по отношению к так или иначе в зависимости от его действий складывающейся действительности. Действие детерминировано, определяется по мере того, как самоопределяется по отношению к действительности субъект этого действия, действующий человек. Действие зависит от субъекта, определяется им. Поэтому-то действие, совершенное человеком, может быть показательным для него и он ответствен за свое действие. Когда одно из возможных действий — любое — совершилось, оно всегда оказывается причинно обусловленным, но это не значит, что одно из них было предопределено до того, как произошло самоопределение субъекта по отношению к складывающейся действительности. Это самоопределение субъекта по отношению к действительности является необходимым звеном в процессе детерминации действия. Пока оно не совершилось, нет всех условий, детерминирующих действие, значит, до этого оно и не детерминировано. Предполагать, что оно было детерминировано до этого и исключать, таким образом, свободу человека — значит, подменять детерминизм предопределением» (С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 284—285).

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 184.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 5-е, стр. 440.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 671.

свободу воли как способность принимать решение со знанием дела.

В «Анти-Дюринге» Энгельс, как мы отметили в начале настоящего параграфа, касается вопроса о свободе воли в тесной связи с вопросом о вменяемости. Понятие свободы воли Энгельс формулирует применительно к познанию законов природы: «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это верно как о законах внешней природы, так и о тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека, — о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»¹.

Данное Энгельсом понятие свободы воли относится не только к области использования человеком закономерностей природы для достижения определенных практических результатов. Такое же понятие свободы воли лежит и в основе сознательного воздействия людей на исторический ход развития человеческого общества, когда это воздействие совершается на базе раскрытия марксистско-ленинской теории закономерностей этого развития. В социалистическом обществе на основе познанных закономерностей общественного развития советские люди строят коммунизм.

Такое понятие свободы воли как способности принимать решение «со знанием дела» может быть отнесено и к обычной житейской практике людей, когда решение принимается человеком для достижения определенной цели на основе понимания конкретной обстановки, конкретных событий и обстоятельств, в которых действует лицо.

В нашей печати был высказан взгляд, что понятие свободы воли, данное Энгельсом, неприменимо к обоснованию ответственности за совершенные перед социалистическим государством преступления². На данном вопросе необходимо поэтому особо остановиться.

Обратимся к той оценке, которая дается В. И. Лениным в работе «Марксизм и эмпириокритицизм» приведенным выше положениям Энгельса. Ленин прежде всего подчеркивает их общее гносеологическое значение: «...ни А. Луначарский, ни куча других махистов, желающих быть марксистами, «не заметили» гносеологического значения рассуждений Энгельса о свободе и необходимости. Читать — читали и переписать — переписали, а

что к чему, не поняли»¹. Далее В. И. Ленин указывает, на каких гносеологических посылах основываются рассуждения Энгельса.

В основе этих рассуждений лежит материалистическая теория познания, признающая объективное существование внешнего мира и его закономерностей и возможность правильного отражения их в сознании человека.

Определение свободы воли, данное Энгельсом, есть прямой вывод из общего положения материализма о первичности природы, бытия и вторичности сознания. «...Энгельс не занимается вымучиванием «определений» свободы и необходимости, тех схоластических определений, которые всего более занимают реакционных профессоров (вроде Авенариуса) и их учеников (вроде Богданова). Энгельс берет познание и волю человека — с одной стороны, необходимость природы — с другой, и вместо всякого определения, всякой дефиниции, просто говорит, что необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой; Энгельс считает это до такой степени самоочевидным, что не теряет лишних слов на пояснение своего взгляда»². Понятие свободы воли, данное Энгельсом, есть единственное понятие о свободе воли, которое приемлемо для материалиста. По мере роста познания окружающего нас мира возрастает и способность активного воздействия на него, способность действовать со знанием дела. Это относится не только к развитию коллективного знания всего человечества, но и к развитию сознания отдельного человека. На этот момент В. И. Ленин обращает специальное внимание: «Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида и развитие коллективных знаний всего человечества на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас». Гносеологически нет решительно никакой разницы между тем и другим превращением, ибо основная точка зрения тут и там одна — именно: материалистическая, признание объективной реальности внешнего мира и законов внешней природы...»³. Когда в процессе развития индивидуального сознания у лица накапливается известная элементарная сумма знаний о связях между явлениями внешнего мира и о тех требованиях, которые предъявляются к отдельному гражданину, он признается ответственным за свои поступки, ибо он может понимать совершаемое и руководить своими

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 114.

² См. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 37.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 175.

² Там же, стр. 176.

³ Там же, стр. 176—177.

поступками. Когда говорят, что преступник, как и всякое другое вменяемое лицо, обладает свободой воли в смысле способности принимать решение с пониманием совершаемого, сознательно преследовать в данной конкретной обстановке свои цели, то этим вовсе никто не хочет сказать, что совершение преступления является «осознанной необходимостью». Это значит лишь, что при совершении преступления лицо сознательно использовало объективно существующие связи между явлениями внешнего мира для достижения своих целей, сознавая характер, фактические последствия своих действий и предъявляемые к нему требования социалистического закона и правил социалистического общежития.

Только при таком понимании свободы воли человека возможно говорить об активной роли социалистического права в деле строительства социалистического и коммунистического общества, только при таком понимании свободы воли можно говорить о регулирующей воспитательной силе советского закона. Закон обращается к воле и сознанию людей. При признании недетерминированности человеческого поведения очевидно, что закон бессилён был бы оказать какое-либо влияние на характер и направление человеческого поведения. При понимании детерминизма как фатализма пережитки капитализма в сознании людей должны были бы с фатальной необходимостью влечь за собой совершение общественно опасных деяний, каждая личность превращалась бы в безвольный механизм, рушились бы теоретические основы для активной, воспитательной роли социалистического права.

Возможность лица принимать решение с большей или меньшей степенью понимания обстоятельств дела и общественного смысла совершенного деяния не может быть безразличной при определении объема уголовной ответственности. К человеку, развитому в культурном и политическом отношении, могут быть предъявлены более высокие требования, его ответственность за совершенное преступление должна быть большей, чем ответственность человека, недостаточно развитого, малограмотного, культурный рост которого тормозился условиями жизни в эксплуататорском обществе. Это и находило свое выражение в нашей судебной практике, особенно в первые годы существования Советской власти.

Отсюда, однако, было бы ошибочным делать вывод, что лица, чуждые советской идеологии, враждебные нам по своему морально-политическому облику, несут в нашем обществе меньшую ответственность за совершаемые ими преступления. Такие лица подлежали и подлежат особо суровой ответственности. Изменники родине и другие агенты империалистического лагеря, коварно посягая на основы нашего строя и внешнюю безопас-

ность СССР, сознательно ставят целью своей деятельности служение империалистической реакции. За совершаемые преступления они должны нести суровую ответственность перед советским народом¹.

Свобода воли в ее материалистическом понимании служит основанием уголовной ответственности не только тогда, когда совершается умышленное преступление, но и тогда, когда преступление совершается по неосторожности. При умышленном преступлении лицо, сознавая смысл и значение совершаемых действий в данной конкретной обстановке, сознательно пресле-

¹ Поэтому явно ошибочным было утверждение Б. С. Утевского о меньшей якобы ответственности старых царских чиновников и унаследованных от буржуазии служащих за совершенные ими должностные преступления в советском государственном аппарате сравнительно с ответственностью за должностные преступления, совершенные отдельными представителями новой советской интеллигенции, работающими в государственных и общественных учреждениях. Свою точку зрения он пытался обосновать тем, что с последних можно больше спрашивать (см. Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, стр. 292). Равным образом в связи с этим совершенно неверным является и то объяснение, которое дается Б. С. Утевским истории советского законодательства по борьбе с должностными преступлениями: «История советского законодательства о должностных преступлениях свидетельствует об определенном процессе усиления ответственности должностных лиц, которое стало возможным благодаря созданию новых кадров советских специалистов, выходящих из рабочего класса и крестьянства, овладевших и техникой и большевизмом, хорошо понимающих все значение государственной службы и могущих нести всю полноту ответственности за нарушение обязанностей по своей службе» (там же). По Б. С. Утевскому получается, что процесс усиления ответственности должностных лиц определяется созданием новых кадров, овладевших техникой и большевизмом. Именно эти кадры, по его мнению, только и могут подлежать повышенной уголовной ответственности. Это положение является явно ошибочным и неправильно объясняет действительные причины тех изменений, которые происходили в нашей борьбе с должностными преступлениями. Об этих ошибках см. рецензию М. Я. Турецкого на книгу Б. С. Утевского «Общее учение о должностных преступлениях» («Социалистическая законность» 1950 г. № 11). В действительности, повышение ответственности за некоторые должностные преступления связано с нашей общей борьбой за охрану социалистической собственности, за высокую государственную дисциплину. Политически сознательный гражданин социалистического общества не совершает преступлений. В наших условиях преступления являются в основном проявлением пережитков прошлого в сознании людей. Из положений Б. С. Утевского получается, что чуждые и разложившиеся элементы, пробравшиеся в государственный аппарат, не могут нести всю полноту ответственности за нарушение обязанностей по своей службе». Б. С. Утевский путает совершенно различные вещи: возросшее чувство ответственности перед социалистическим государством и народом за свою работу у каждого политически развитого советского гражданина и уголовную ответственность всякого рода жуликов, проходимцев и разгильдяев. Высокое сознание ответственности за порученное государственное дело вызывает у каждого честного советского человека нетерпимость ко всему, что мешает работе, суровое осуждение тех, кто безответственно, во вред социалистическому государству, относится к своим служебным обязанностям.

дует общественно опасные цели, пренебрегая требованиями социалистического закона. При совершении преступления по неосторожности свобода воли в указанном понимании потому является основанием уголовной ответственности, что у человека была возможность принять решение с пониманием характера своих действий и их последствий, но он, однако, вследствие проявленной невнимательности к охране государственных или общественных интересов или интересов отдельных граждан совершает общественно опасное деяние, нарушающее социалистический правопорядок.

Понятие свободы воли (в том смысле, как это дано выше) кладется многими научными работниками в области советского права в обоснование уголовной и гражданской ответственности. Без такого понимания свободы воли ответственность человека за свои поступки не может быть обоснована с позиции диалектического материализма.

Б. С. Маньковский при обосновании уголовной ответственности с позиций диалектического материализма исходит из понятия свободы воли, сформулированного Энгельсом в «Анти-Дюринге»: «Марксистское понимание свободы воли не только как познанной необходимости, но и как господства над последней дает возможность уяснить все значение волевого момента в поведении личности, роли ее сознания, ибо вина и ответственность в уголовном праве могут быть обоснованы только с этой точки зрения, а не с метафизической точки зрения ничем не обусловленной свободы воли»¹. Активная роль человеческого сознания является основой ответственности человека за совершенные им действия: «Деятельная сторона человеческого сознания — основа ответственности за совершаемые действия, поскольку личность принимает решение со знанием дела. Только с этих позиций марксизма могут быть научно объяснены основания уголовной ответственности. Конечно, преступник детерминирован в своем поведении рядом причин. Но детерминированность его поведения никоим образом фатально не предопределяет его к совершению данного посягательства. При наличии обусловленности воли и сознания данного правонарушителя никоим образом не исключается активная роль сознания. Сознание личности является одним из факторов, обуславливающих совершение преступления, и в силу этого правонарушитель должен нести уголовную ответственность»². Учебник *Общей части советского уголовного права (ВИЮН)* в разделе

¹ Б. С. Маньковский, *Проблема ответственности в уголовном праве*, М.—Л., 1949, стр. 46.

² Там же, стр. 52.

о вине, написанном нами, исходил во всех изданиях из тех же принципиально правильных положений¹.

На основе материалистического понимания свободы воли решают вопрос об ответственности и авторы учебника по психологии. Приведя высказывание Энгельса о том, что свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела, авторы учебника указывают: «Следовательно, человек несет ответственность за свои действия, поступки и тем больше отвечает за них, чем выше его развитие, чем больше он обладает возможностью принимать решения со знанием дела»².

Авторы учебника судебной психиатрии, решая вопрос об основаниях уголовной ответственности, исходят из того, что «активная роль воли и сознания человека, способность его действовать со знанием дела обуславливает и ответственность его за совершенные им действия»³.

Советские цивилисты при рассмотрении вопроса об обосновании гражданской ответственности лица за виновно причиненный государственный ущерб исходят из того же понимания свободы воли. Л. А. Лунц справедливо указывает, что «человеческая воля в наших социалистических условиях приобретает такое значение в общественной жизни, какого она ранее никогда не имела и иметь не могла», что только при марксистско-ленинском понимании свободы воли можно говорить о воспитательной функции советского права и советского суда⁴.

Е. А. Флейшиц связывает принцип вины в советском гражданском праве с понятием о свободе воли как способности принимать решения со знанием дела⁵. Б. С. Антимонов, приводя слова Энгельса о свободе воли как способности принимать решения со знанием дела, пишет: «Такой свободой все вменяемые люди, конечно, располагают. Это, и только это, дает основание говорить о должном и недолжном поведении и, в случае совершения человеком недолжного, осуждать его действия. В этом состоит единственно возможная база понятия вины и вместе с тем внутреннее основание воспитательной силы закона»⁶. Г. К. Матвеев также кладет в обоснование гражданской ответственности по социалистическому праву понятие

¹ См. «Уголовное право. Общая часть», М., 1948, стр. 335—336.

² «Психология», учебник для педагогических институтов под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова, М., 1956, стр. 398.

³ «Судебная психиатрия», М., 1949, стр. 12.

⁴ См. И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательствах*, М., 1950, стр. 326.

⁵ См. Е. А. Флейшиц, *Обязательства из причинения вреда и из неосознательного обогащения*, стр. 77.

⁶ Б. С. Антимонов, *Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении*, М., 1950, стр. 29.

Энгельса о свободе воли, правильно считая, что в зависимости от решения проблемы свободы и необходимости решается и вопрос о теоретических предпосылках обоснования ответственности человека за свои поступки¹.

Как видно из изложенного, советские юристы, психологи и психиатры, писавшие относительно обоснования ответственности лица за совершенное правонарушение, исходят из признания активной роли человеческой воли в ее воздействии на внешний мир, из понимания свободы человека как способности его принимать решения и действовать «со знанием дела».

Иную позицию в этом вопросе занял, как мы уже указывали, Б. С. Утевский. Он пишет: «Указания Энгельса о свободе и о действовании со знанием дела не могут быть применимы к гражданам СССР, не освободившимся от влияния капиталистического окружения, от влияния враждебной растленной реакционной идеологии или от пережитков прошлого в сознании людей, не господствующим над этими влияниями и пережитками, но подчинившимся их господству над собой и избравшим решение, противоречащее их долгу и нарушающее уголовные законы Советского государства»². Б. С. Утевский исходит из того, что действовать со «знанием дела» могут лишь те лица, которые сознательно совершают что-либо в соответствии с исторической закономерностью развития общества. Таким образом, преступник действует несвободно. Почему же тогда он подвергается ответственности, а иногда и лишается свободы за свое несвободное поведение? По мнению Б. С. Утевского, «это основание заключается в том, что гражданин, совершивший преступление, имел возможность выбрать решение, соответствующее интересам социалистического государства, т. е. решение свободное, соответствующее законам общественного развития, но вместо этого подчинил свое решение пережиткам капитализма в своем сознании или влиянию капиталистического окружения»³. Прежде всего следует отметить, что такое обоснование уголовной ответственности явно неприменимо к обоснованию ответственности агентов империалистического лагеря — шпионов и диверсантов.

Они подлежат уголовной ответственности не потому, что имели возможность выбрать решение, «соответствующее интересам социалистического государства, т. е. решение свободное, соответствующее законам общественного развития», а потому, что сознавали совершаемые ими действия и их последствия для нашего социалистического государства и могли этого не делать.

¹ См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, стр. 135—169.

² Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 38.

³ Там же, стр. 41.

Чтобы объяснить свою формулу уголовной ответственности, автору приходится для обоснования ответственности создать особое понятие свободы воли, понятие «формальной свободы воли», которое ведет к совершению несвободного поступка. Нетрудно видеть, что понятие формальной свободы и есть не что иное, как признание полной недетерминированности выбора человеческого поведения.

Отказ от решения проблемы ответственности на основе понимания диалектическим материализмом свободы воли ведет к переходу или на позиции идеализма, или на позиции вульгарного материализма с его фаталистическим представлением о детерминированности человеческого поведения. Б. С. Утевский сумел одновременно воспроизвести не только идеалистические взгляды по этому вопросу, но и встать на позиции вульгарного материализма. Так, по мнению Б. С. Утевского, в капиталистическом обществе только сознательные борцы за дело освобождения трудящихся обладают свободной волей и действуют свободно, все же другие люди действуют несвободно.

Такой подход к обоснованию уголовной ответственности является неприемлемым. Он лишает нас возможности поставить вопрос об уголовной ответственности злейших преступников перед человечеством, военных преступников и поджигателей новой мировой войны. Ответственность этих лиц перед всем миролюбивым человечеством обусловлена тем, что они сознательно используют достижения науки, расширившие власть человека над природой, для осуществления своих человеконенавистнических целей. Эти злейшие преступники действуют свободно, с пониманием, что они творят, действуют «со знанием дела», хотя и вопреки закономерностям исторического развития человеческого общества, пытаюсь установить мировое господство и увековечить капиталистическое рабство¹.

На фаталистическую позицию скатывается Б. С. Утевский и тогда, когда он объявляет, что лица, совершающие в нашей стране преступления под влиянием пережитков прошлого, являются рабами этих пережитков. Так, в отношении граждан

¹ С полным основанием в таком же смысле решается этот вопрос и в нашей философской литературе. А. Шишкин, исходя из марксистско-ленинского понимания свободы воли, правильно отмечает: «Детерминизм, следовательно, признает возможность сознательного выбора определенной позиции и предполагает ответственность индивида за занимаемую позицию в исторической борьбе, а следовательно, и моральную оценку этой позиции. Стремления современной империалистической буржуазии развязать новую мировую войну вполне детерминированы природой монополистического капитализма. Однако народы мира не ограничиваются констатированием этого объективного факта, а требуют привлечения к ответственности поджигателей войны, активно борются за предотвращение новой войны» («Основы коммунистической морали», М., 1955, стр. 92—93).

СССР, не освободившихся от пережитков прошлого в сознании, он пишет: «Знают ли такие люди, что они действуют не свободно, вопреки «знанию дела», или же они этого не сознают, они в том и другом случае действуют не свободно, без знания дела или вопреки знанию дела. Они рабы слепой необходимости»¹.

Корень методологических ошибок Б. С. Утевского — непонимание общегносеологического значения решения Энгельсом вопроса о свободе и необходимости.

Марксистское понимание свободы воли, данное Энгельсом, тесным образом связано с основным положением материалистической теории познания: признанием первичности бытия и вторичности сознания, воли. Оно вместе с тем выражает и активную роль человеческого сознания и воли в процессе воздействия человека на окружающий внешний мир. В применении к обоснованию уголовной ответственности это выражается в способности принимать решение, сознавать совершенное и руководить своими поступками.

При определении ответственности по социалистическому праву речь идет о свободе воли лица, основанной на понимании тех требований, которые предъявляются к человеку правилами социалистического общежития и требованиями советского права в соответствии с имеющимися материальными возможностями для их выполнения. Своей предпосылкой это понятие свободы имеет возможность осознания лицом тех фактических изменений в окружающем мире, которые связаны с совершением определенных действий.

Взгляд Б. С. Утевского, что марксистское понимание свободы воли как действия со знанием дела неприменимо к обоснованию ответственности человека за свои поступки, встретила решительное осуждение многих криминалистов, цивилистов и философов².

¹ «Советское социалистическое уголовное право. Часть Общая» М., 1950, стр. 69.

² См. «Вопросы вины и ответственности в советском уголовном праве, «Советское государство и право» 1951 г. № 1; Б. С. Маньковский, Против извращения обоснования ответственности в советском уголовном праве, «Вопросы философии» 1951 г. № 6; Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, стр. 147—149, 160—161. Отрицательное отношение к себе встретила позиция Б. С. Утевского и среди философов. Так, в докладе, сделанном от кафедры марксизма-ленинизма во время научной конференции Харьковского юридического института на тему «Свобода и необходимость в общественном развитии» И. П. Горбатенко правильно указывал: «Взгляд, согласно которому марксистское понимание свободы воли, как действие со знанием дела, не применимо для обоснования ответственности в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия, что эти действия совершаются будто бы не свободно, ведет к фатализму и к идеалистической теории обоснования ответственности. В советской правовой науке этот взгляд распространялся Б. С. Утевским, но он был решитель-

Субъектом преступления может быть не всякое физическое лицо, а лишь вменяемое. Лицо, находящееся в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности и не является субъектом преступления. К вменяемому лицу, совершившему то или иное преступление, применяется судом определенное наказание. Невменяемое лицо, совершившее общественно опасное действие, не подлежит наказанию, к нему могут быть применены лишь меры медицинского характера.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 13 июля 1944 г. по делу Д. специально указал: «Наказание не может быть применено к лицу, которое не признано виновным. Одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого. Поэтому к лицу невменяемому не может быть применено наказание». Таким образом, решение суда о применении к невменяемому мер медицинского характера не может рассматриваться как судебный приговор, оно является определением о прекращении дела и одновременном применении мер медицинского характера. Лишь при установлении вменяемости лица может быть поставлен вопрос о его виновности. Уголовный закон обращается лишь к вменяемым лицам. От них закон может требовать совершения определенных действий или воздержания от них под угрозой применения наказания. Они несут ответственность за свои поступки, так как способны отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Социалистическое уголовное законодательство содержит определенные указания о том, когда лицо должно быть

тально осужден советскими криминалистами, как ничего общего не имеющий с марксизмом» («Научная конференция по работам, выполненным в 1954 г. Тезисы докладов», 1955, стр. 20). Против взгляда Б. С. Утевского выступил Л. И. Котов («Развитие нравственных убеждений и привычек в процессе коммунистического воспитания», М., 1961, стр. 31).

¹ В. С. Орлов, Субъект преступления по советскому уголовному праву; «Судебная психиатрия», учебник для вузов, 1954; В. С. Трахтеров. Юридические критерии невменяемости в советском уголовном праве, «Ученые записки Ленинградского юридического института», 1947; его же, Формы невменяемости в советском уголовном праве, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 1, 1940; его же, Вменяемость как условие уголовной ответственности, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 2, 1957; Ц. М. Фейнберг, Учение о вменяемости в различных школах уголовного права и в судебной психиатрии, «Проблемы судебной психиатрии», сб. 5, М., 1946; ее же, Вопросы вменяемости и судебно-психиатрическая экспертиза в Англии и США, «Проблемы судебной психиатрии», сб. 4, М., 1944.

признано невменяемым, а следовательно, и не подлежащим уголовной ответственности за совершенное им действие.

Уже Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года устанавливали, что суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяния в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда они не отдавали себе отчета в своих действиях. Такое же постановление содержалось и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года.

Вопрос о невменяемости определялся ст. 7 Основных начал 1924 года. Она устанавливала, что меры медицинского характера подлежат применению в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или таком болезненном состоянии, когда они не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно в отношении тех, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. В соответствии с этой статьей Основных начал уголовные кодексы отдельных союзных республик называли условия, при которых лицо должно было быть признано судом невменяемым. Статья 11 УК РСФСР 1926 года устанавливала, что наказание не могло применяться к лицам, совершившим преступление в состоянии хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в ч. 1 ст. 11 уточнили понятие невменяемости и указали, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния» (ч. 1 ст. 11 УК РСФСР 1960 г.). К такому лицу могут быть по назначению суда применены принудительные меры медицинского характера, установленные законодательством союзных республик.

Закон при определении содержания понятия невменяемости пользуется психологическим и медицинским критериями, т. е. психологическими и медицинскими признаками, которые характеризуют невменяемое лицо. Психологический критерий иногда именуют юридическим критерием. Это наименование не является точным. Установление психологического критерия невменяемости не может считаться исключительной компетенцией юристов. Как для установления медицинского критерия, так и для установления психологического критерия одинаково

необходимо иметь заключение судебнопсихиатрической экспертизы¹.

Медицинский критерий невменяемости заключается в установлении наличия у лица хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния (имеется в виду болезненное состояние психики). Хроническими душевными болезнями считаются шизофрения, прогрессивный паралич, эпилепсия и др. К временному расстройству душевной деятельности относятся различные формы так называемого «исключительного состояния», например, патологический аффект, патологическое опьянение. При обрисовке понятия невменяемости в уголовных кодексах отдельных республик до издания Основ уголовного законодательства 1958 года лишь Уголовный кодекс Таджикской ССР не упоминал о временном расстройстве душевной деятельности. К иному болезненному состоянию, которое может дать основание для признания лица невменяемым, следует отнести, кроме упомянутого в законе слабоумия, также психическое состояние лунатика или лица, находящегося в бреду под влиянием инфекционного заболевания.

Психологический критерий невменяемости заключается в отсутствии у лица способности отдавать отчет в своих действиях (интеллектуальный момент) или руководить своими поступками (волевой момент).

Для установления состояния невменяемости необходимо установить один из указанных моментов. Тем не менее следует иметь в виду, что деление психологического критерия на интеллектуальный и волевой часто имеет лишь относительное значение. Волевая деятельность человека всегда опирается на работу его сознания. Расстройство волевой деятельности человека всегда является одновременно и глубоким нарушением всей его психической деятельности, в том числе и мышления.

Слова закона «не могли отдавать себе отчет» показывают, что для признания невменяемости требуется, чтобы лицо или не понимало фактической стороны своих действий, или не могло сознавать их общественный смысл. Все психически нормальные люди понимают общественное значение и характер таких действий, как убийство, кража, измена родине и т. п. Вот несколько примеров, свидетельствующих о неспособности лица отдавать себе отчет в своих действиях. Душевнобольной под влиянием бредовой идеи, что он обладает особой силой влиять на окружающие события, производит несколько выстрелов

¹ Правильный взгляд на этот вопрос развивает И. Ф. Случевский в тезисах доклада «О понятии невменяемости и спорных вопросах, с этим понятием связанных» («Теоретическая конференция по вопросам борьбы с общественно-опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых» (Тезисы докладов), изд-во ЛГУ, 1956).

в воздух на месте скопления публики, желая этим вызвать «международные осложнения». Больная душил своего ребенка, полагая, что она его ласкает. Возможны случаи, когда душевнобольные осознают фактическую сторону совершаемых действий, но это не сопровождается пониманием их общественной опасности. Больная сознает, что душил своего ребенка, но полагает, что она делает это для общего блага, по велению «закона».

Состояние невменяемости будет и тогда, когда лицо отдает себе отчет в совершаемых им действиях, но в силу душевной болезни не способно руководить своими поступками. Это можно иллюстрировать следующим примером. Б., 30 лет, художник-график по профессии, с 20 лет злоупотреблял морфием. На протяжении ряда лет он трижды добровольно поступал на лечение в психиатрическую клинику. Б. обвинялся в том, что пытался получить выигранный по подделанной им облигации. Свой поступок Б. объяснял тем, что в тот день у него не было морфия и не было денег для его приобретения, что он испытывал тяжелые физические страдания и, несмотря на то, что понимал противозаконность совершаемого им поступка, не имел достаточной силы воли, чтобы удержаться от его выполнения. Судебнопсихиатрическая экспертиза пришла к заключению, что Б., находясь в состоянии морфийного голода (абстиненции), хотя и отдавал себе отчет в своих действиях, но не мог руководить ими.

Отсутствие способности руководить своими поступками при наличии способности отдавать отчет в совершенных действиях наблюдается, в частности, при эпидемическом энцефалите и эпилепсии. Так, один больной эпидемическим энцефалитом испытывал непреодолимое желание щипать и кусать окружающих, прекрасно понимая всю непристойность такого поведения. Больные эпилепсией иногда обнаруживают непреодолимое стремление совершать поджоги (пиромания) при полном сознании характера совершаемых действий.

Для признания состояния невменяемости необходимо установить его медицинский и психологический критерий. Психологический критерий невменяемости следует рассматривать в единстве с его медицинским критерием. При невменяемости речь идет об отсутствии у лица способности отдавать отчет в своих действиях или руководить своими поступками вследствие болезненного состояния его психики. Поэтому случаи, когда лицо не отдает себе отчета в своих действиях по причине незнания или тех или иных обстоятельств, не имеют отношения к вопросу о его невменяемости. Следует также иметь в виду, что не всякое даже хроническое душевное заболевание обязательно сопровождается отсутствием способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить своими поступками. Некоторые хронические душевные заболевания, например эпилепсия или легкие формы шизофрении, по своей интенсивности

могут и не достигать такой степени, при которой лицо не отдает себе отчета в своих действиях и не может руководить своими поступками. В этих случаях при наличии медицинского критерия невменяемости отсутствует психологический критерий, поэтому лицо не может быть признано невменяемым.

Советское уголовное право не устанавливает для несовершеннолетних особых критериев невменяемости. Но само собой разумеется, что требования, предъявляемые к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет, в смысле нормы их поведения, должны быть несколько иными, чем требования, предъявляемые к взрослым. Там, где у совершеннолетнего мы признаем способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, мы можем при наличии определенных фактических обстоятельств не признавать такой способности у несовершеннолетнего. Также и при рассмотрении медицинских критериев невменяемости, исключающих способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, должны учитываться особенности психических заболеваний и их течения у несовершеннолетних.

Проведение судебнопсихиатрической экспертизы для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого является обязательным в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими (п. 2 ст. 79 УПК РСФСР 1960 г.)¹.

Заключение эксперта о психическом состоянии обвиняемого не является абсолютно обязательным для суда, который может с ним и не согласиться. Суд мотивированным определением может в соответствии со ст. 290 УПК РСФСР 1960 года назначить дополнительную или повторную экспертизу².

Статья 11 Основ уголовного законодательства указывает во второй своей части, что наказанию не подлежит лицо, которое хотя и совершило преступление в состоянии вменяемости, но к моменту вынесения судом приговора заболело душевной болезнью, лишающей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими (ч. 2 ст. 11 УК РСФСР 1960 г.).

¹ Порядок производства судебнопсихиатрической экспертизы регулируется Инструкцией о производстве судебнопсихиатрической экспертизы в СССР, утвержденной Министерством здравоохранения СССР по согласованию с Министерством юстиции СССР, Министерством внутренних дел СССР и Прокуратурой СССР 31 мая 1954 г.

² Дополнительная экспертиза назначается в случае недостаточной ясности или полноты заключения, она поручается тому же или другому эксперту. Повторная экспертиза назначается в случае необоснованности заключения эксперта или сомнений в его правильности, она поручается другому эксперту или другим экспертам (ст. 81 УПК РСФСР 1960 г.).

К лицам, признанным невменяемыми, не могут быть применены меры наказания, к ним могут применяться лишь медицинские меры. Применение принудительных мер медицинского характера к душевнобольным регулируется законодательством отдельных союзных республик. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года разрешает этот вопрос в ст. ст. 58—61. Он различает следующие принудительные меры медицинского характера: 1) помещение в психиатрическую больницу общего типа и 2) помещение в психиатрическую больницу специального типа.

Принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа может быть применено судом в отношении душевнобольного, который по психическому состоянию и характеру совершенного общественно опасного деяния нуждается в больничном содержании и лечении в принудительном порядке.

Помещение в психиатрическую больницу специального типа может быть назначено судом в отношении душевнобольного, представляющего по своему психическому состоянию и характеру совершенного им общественно опасного деяния особую опасность для общества. Лица, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора, исключающего возможность совершения ими нового общественно опасного деяния.

Прекращение применения принудительных мер медицинского характера производится судом по заключению лечебного учреждения в случае выздоровления лица или такого изменения характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер. Изменение вида принудительных мер медицинского характера также производится судом по заключению лечебного учреждения. Если суд не сочтет необходимым применение к душевнобольному принудительных мер медицинского характера, а также в случае прекращения применения таких мер, суд может передать его на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении.

К лицу, которое после совершения преступления или во время отбывания наказания заболело душевной болезнью, лишившей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, также могут быть по определению суда применены указанные принудительные меры медицинского характера. После выздоровления к этому лицу может быть применено судом наказание, если не истекли сроки давности или нет других оснований для освобождения его от уголовной ответственности и наказания. Если к такому лицу после выздоровления применяется наказание, то время, в течение которого применялись принудительные меры медицинского характера, засчитывается в срок наказания. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года в разделе восьмом (ст. ст. 403—413)

специально регулирует производство по применению принудительных мер медицинского характера. В частности, кодекс вводит обязательное производство предварительного следствия по делам об общественно опасных деяниях невменяемых, а также по делам о преступлениях лиц, заболевших душевной болезнью после совершения преступления. Он признает обязательным участие защиты по таким делам, которая допускается к участию в деле с момента установления факта душевного заболевания лица, совершившего общественно опасное деяние.

Специального внимания заслуживает вопрос о совершении преступления в состоянии опьянения. Основные начала 1924 года не содержали по этому вопросу никаких особых постановлений. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в примечании к ст. 11, говорящей о невменяемости, специально оговаривал, что действие этой статьи не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

По Уголовному кодексу Украинской ССР 1927 года в отличие от Уголовного кодекса РСФСР 1926 года лицо, находившееся во время совершения преступного действия в состоянии опьянения, считалось невменяемым, если не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить своими поступками. В тех случаях, когда лицо привело себя в состояние опьянения для совершения преступления, оно при всех условиях, независимо от степени опьянения, подлежало уголовной ответственности. Последнее в теории уголовного права называется *actio libera in causa*, т. е. случаями, где преступный результат хотя и был учинен в момент, когда виновный находился в состоянии невменяемости, тем не менее его наступление было обусловлено предшествующими действиями лица, совершенными им, когда он находился еще в состоянии вменяемости. Приведенное постановление Уголовного кодекса Украинской ССР 1927 года охватывало лишь случаи *actio libera in causa*, совершенные в состоянии опьянения, и притом когда виновный привел себя умышленно в это состояние для совершения преступления. Однако случаи *actio libera in causa* могут иметь место и в иных условиях (сон, гипнотическое состояние). Такое состояние может иметь место не только в результате умышленной, но и в результате неосторожной деятельности лица. Ответственность в этих случаях должна определяться на общем основании как за умышленное или неосторожное совершение преступления. Несмотря на указанное различие формулировок Уголовных кодексов РСФСР и Украинской ССР по вопросу о значении состояния опьянения, судебная практика и в РСФСР, и в УССР одинаково считала, что состояние опьянения не может, по общему правилу, устранить вменяемость.

Единое для уголовного законодательства всех союзных республик решение этого вопроса было дано в Основах уголовного законодательства 1958 года. Основы в ст. 12 определили, что лица, совершившие преступление в состоянии опьянения, не освобождаются от уголовной ответственности. Закон считает их вменяемыми. Лишь в тех случаях, когда на почве опьянения возникает действительное расстройство душевной деятельности (белая горячка на почве хронического отравления алкоголем, патологическое опьянение на почве острого отравления алкоголем), лицо, совершившее в этом состоянии преступление, считается действовавшим в состоянии невменяемости.

Специальное провозглашение в законе ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, имеет важное предупредительное значение для лиц, злоупотребляющих алкоголем. Они должны знать, что за преступления, совершенные ими в состоянии опьянения, будут отвечать в полной мере без каких-либо скидок на то состояние, в каком они находились.

Таким образом, ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения, независимо от степени опьянения определяется по той статье Особенной части уголовного кодекса, которая предусматривает наказание за совершенное преступление при условии, когда лицо могло сознавать совершаемое им деяние и руководить своими поступками.

Для успешной борьбы с преступлениями, совершенными алкоголиками, нельзя ограничиваться применением к ним наказания, но необходимо применять и принудительные меры лечения. Уголовные кодексы отдельных союзных республик вводят специальные принудительные меры медицинского характера в отношении преступников — алкоголиков и наркоманов, а также предусматривают возможность установления попечительства в отношении их. Так Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 62 определяет, что в случае совершения преступления алкоголиком или наркоманом суд по ходатайству общественных организаций, коллектива трудящихся, товарищеского суда или органа здравоохранения наряду с наказанием за совершенное преступление может применить к такому лицу принудительное лечение. В случае осуждения указанных лиц к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, они подлежат принудительному лечению в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом. В случае осуждения этих лиц к лишению свободы к ним применяется принудительное лечение во время отбытия наказания, а после освобождения из мест лишения свободы в случае необходимости продления такого лечения — в указанных медицинских учреждениях. Прекращение принудительного лечения производится судом по представлению лечебного учреждения, в котором лицо находится на излечении.

В случае совершения преступления лицом, злоупотребляющим спиртными напитками и ставящим в связи с этим свою семью в тяжелое материальное положение, суд согласно той же статье Уголовного кодекса РСФСР в случае применения за совершенное преступление наказания, не связанного с лишением свободы, вправе по ходатайству общественной организации, коллектива трудящихся или товарищеского суда установить над таким лицом попечительство.

Уголовные кодексы стран народной демократии содержат постановления о невменяемости, близкие по своему содержанию к формуле невменяемости, принятой в советском уголовном законодательстве. Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики в § 11, озаглавленном «Невменяемость», содержит следующее постановление: «Кто вследствие душевного расстройства не мог во время совершения деяния сознавать его общественно опасный характер или руководить своими действиями, не подлежит уголовной ответственности за такое деяние».

Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики в ч. 1 § 10 содержит постановление о том, что «не могут быть привлечены к уголовной ответственности лица, совершившие преступление в состоянии душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, если они не могут отдавать себе отчета в общественной опасности своих действий или руководить ими».

Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии в ст. 13 определяет, что «не вменяется в вину деяние, совершенное лицом, которое вследствие недостаточного умственного развития или постоянного либо временного расстройства сознания не могло понимать свойств и значения деяния или руководить своими поступками».

Требование, чтобы душевнобольные, совершившие какие-либо преступления, не подлежали уголовной ответственности, было одним из прогрессивных положений буржуазной уголовно-правовой теории. В Европе в XVIII столетии уголовная ответственность душевнобольных была еще обычным явлением. Французские психиатры отмечают, что во Франции в XVIII веке освобождение преступника от уголовной ответственности в связи с его психической ненормальностью было явлением совершенно исключительным. Для этого необходимо было помешательство явное для всех и каждого. Судьба таких освобожденных от наказания была кошмарной — с ними обращались, как с животными, заковывали их в кандалы, содержали в ужасающих условиях в смиренных домах. При совершении

наиболее серьезных преступлений (преступления против бога, против государя и отцеубийство) даже явное помешательство не освобождало виновного от уголовной ответственности.

Большую роль в деле признания недопустимости подвергать наказанию душевнобольных сыграли работы французского психиатра Пинеля (1745—1826 гг.), учение которого развилось под непосредственным влиянием идей французских материалистов. В результате распространения его идей во Франции были сняты цепи с душевнобольных и с ними стали обращаться не как с преступниками, а как с больными людьми. В психиатрических исследованиях Пинель показал значение для раскрытия душевного заболевания не только расстройств интеллекта, но и расстройства воли. Это послужило в дальнейшем основанием для разработки правильного понимания содержания психологического критерия невменяемости, состоящего из интеллектуального и волевого моментов.

Русская судебная хроника XVIII века знает целый ряд случаев осуждения заведомо душевнобольных к смертной казни (например, в 1716 году был казнен душевнобольной Ивашко-самозванец), к пожизненному или длительному тюремному заключению. Однако не подлежит сомнению, что в России никогда преследования душевнобольных не были так широко распространены, как это имело место в Западной Европе в связи с обвинениями в колдовстве или одержимости бесом, что влекло за собой жестокие пытки и мучительную казнь на костре.

Наиболее часто применяемой мерой в отношении душевнобольных, совершивших те или иные преступления, было помещение их в принудительном порядке в монастыри. Опасных душевнобольных заковывали при этом в кандалы и цепи. Вопрос о гуманном отношении к душевнобольным преступникам в России был поставлен раньше, чем во Франции (еще до того, как там были проведены реформы Пинеля), хотя это не привело к серьезным практическим результатам. В 1776 году специальным указом Екатерины II предписывалось содержать душевнобольных преступников в Суздальском монастыре нескованными, «караульным же с ними сколь возможно поступать без употребления строгости, а поелику они люди в уме поврежденные, то с ними обращаться с возможною по человечеству умеренностью».

Разумеется, это не означало, что в действительности обращение с душевнобольными преступниками стало соответствовать требованиям гуманности. Обращение с душевнобольными лицами, даже не совершившими никаких преступлений, в «сумасшедших домах» царской России еще и спустя столетие после этого указа отличалось жестокостью и было направлено не столько на их лечение, сколько на усмирение.

Освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии душевной болезни, впервые

в истории уголовного законодательства было провозглашено во Французском уголовном кодексе 1810 года: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения действия обвиняемый находился в состоянии безумия (démence)». Этот кодекс для определения понятия невменяемости пользуется лишь медицинским критерием. Так же поступает построенный по его образцу Бельгийский уголовный кодекс 1867 года.

Большинство буржуазных уголовных кодексов пользуется для определения состояния невменяемости не только медицинским, но и психологическим критерием. Так общими критериями невменяемости пользуется Швейцарский уголовный кодекс 1937 года, ст. 10 которого гласит: «Не подлежит наказанию тот, кто, будучи поражен душевной болезнью, слабоумием или тяжким изменением сознания в момент совершения деяния, не обладал способностью оценивать противоправность своего деяния или руководствоваться этой оценкой».

Английское уголовное право не знает законодательного определения понятия невменяемости. Это понятие определяется положениями, изложенными в постановлении совещания английских судей, принятом более 100 лет назад (в 1843 г.). Английское право исходит из презумпции вменяемости лица, совершившего преступление. Обязанность опровергнуть эту презумпцию лежит на защите. Для этого защита должна явно доказать, что во время совершения преступления обвиняемый действовал под влиянием такого дефекта сознания, проистекающего из душевной болезни, при котором он не мог понимать природы и свойства совершаемого им действия или, если он это понимал, не мог отдавать себе отчета в противоправности того, что он совершал¹. Презумпция вменяемости каждого лица, совершившего преступление, является по существу одним из пережитков феодального права. Эта презумпция может фактически легко привести к наказуемости душевнобольных, когда защите не удастся явно доказать их невменяемость. Практика знает даже случаи осуждения к смертной казни душевнобольных, признанных виновными в совершении убийств.

§ 4

*Несовершеннолетние*²

Ни в одной стране мира нет такой всесторонней заботы о подрастающем поколении, как в СССР. Советское государство

¹ См. К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 55—64.

² Ю. Блиека, Уголовная ответственность несовершеннолетних по советскому праву, автореферат канд. диссертации. Вильнюс, 1958;

уделяет особое внимание коммунистическому воспитанию молодежи, которая окружена у нас всенародной любовью. Советское государство проводит широкую систему воспитательных мероприятий для предупреждения совершения преступлений несовершеннолетними. Детская преступность в СССР в настоящее время порождается отдельными случаями безнадзорности малолетних и несовершеннолетних, пробелами в работе отдельных школ и детских учреждений, недостатками воспитательной работы родителей в некоторых семьях. Советское государство в тех случаях, когда оказывается недостаточно ограничиться в борьбе с преступностью несовершеннолетних мерами воспитательного порядка, не отказывается от применения принудительных мер к таким правонарушителям.

Субъектом преступления может быть физическое лицо, достигшее определенного возраста. Малолетние не могут быть субъектами преступления. Возраст, с которого несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности, определялся нашим уголовным законодательством не всегда одинаково.

Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», установил, что дела о несовершеннолетних обоюбого пола в возрасте до 17 лет, замеченных в совершении общественно опасных деяний, подлежат ведению комиссии по делам несовершеннолетних. Только начиная с 17 лет лица, совершившие какие-либо преступления, могли подлежать уголовной ответственности в судебном порядке. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года внесли существенные изменения в постановления указанного декрета. Не подлежали суду и наказанию за совершенные ими общественно опасные действия лишь несовершеннолетние в возрасте до 14 лет. Лица в возрасте от 14 до 18 лет, совершившие общественно опасные деяния, подлежали уголовной ответственности, если они действовали «с разумием». К несовершеннолетним этого возраста, действовавшим «без разумия», как и к совершеннолетним до 14-летнего возраста, могли быть применены лишь воспитательные меры. Действовать «с разумием» — означало поступать, отдавая себе отчет в своем поведении. Декрет СНК

РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» определил, что все лица, совершившие общественно опасные действия в возрасте до 18 лет, по общему правилу, подлежат ведению комиссии по делам несовершеннолетних. Однако в отношении лиц в возрасте от 14 до 18 лет комиссия имела право передать дело для рассмотрения в судебном порядке, если считала невозможным применить к ним меры медико-педагогического порядка. По Уголовному кодексу РСФСР 1922 года несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста, подлежали уголовной ответственности; дела же о несовершеннолетних в возрасте до 16 лет рассматривались комиссиями по делам несовершеннолетних, причем в отдельных случаях комиссии могли передавать дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 14 до 16 лет, в суд.

Статья 8 Основных начал 1924 года определяла, что меры медико-педагогического характера должны применяться к малолетним, а в отношении несовершеннолетних лишь в тех случаях, когда соответствующие органы признавали невозможность применения к ним наказания (мер судебного-исправительного порядка). Основные начала не определяли сами их возраста, представляя решение этого вопроса законодательству отдельных союзных республик.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 12 воспроизвел приведенные выше постановления Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Согласно ст. 50 УК РСФСР 1926 года при назначении несовершеннолетнему лишения свободы или исправительных работ срок наказания подлежал обязательному смячению для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет наполовину, а для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет — на одну треть. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. «Об изменении ст. ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст. ст. 47 и 174 Исправительно-трудоуого кодекса РСФСР» определено, что дела о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет вовсе не подлежат передаче в суд. Таким образом, возраст, с которого могла иметь место уголовная ответственность, был определен в 16 лет.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» внесло существенные изменения в борьбу с преступностью несовершеннолетних.

Оно установило уголовную ответственность несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста в случае совершения ими краж, насилий, телесных повреждений, увечий, убийств или попыток к убийству.

Н. П. Грабовская, Уголовноправовая борьба с преступлениями несовершеннолетних в СССР, изд-во Ленинградского университета, 1961; сб. «Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в зарубежных странах», М., 1961; В. Тадевосян, Борьба за ликвидацию правонарушений несовершеннолетних в СССР, «Социалистическая законность» 1957 г. № 10; его же, В. И. Ленин о детях и борьба с преступностью несовершеннолетних, «Социалистическая законность» 1958 г. № 4; О. П. Федоров, Уголовная ответственность несовершеннолетних преступников, «Ученые записки МГУ», вып. 145, кн. 4, изд-во МГУ, 1949.

Статья 8 Основных начал 1924 года была отменена, а правительствам союзных республик было предложено привести уголовное законодательство в соответствие с настоящим постановлением. Одновременно устанавливалась суровая ответственность (тюремное заключение на срок не ниже пяти лет) для лиц, уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» отмечало непрерывное улучшение материально-культурного уровня трудящихся города и деревни и отпуск огромных средств государством на содержание детских учреждений. Указанное постановление объясняло наличие беспризорных детей в столицах и других городах страны плохой работой местных советских и партийных органов, профсоюзных и комсомольских организаций в области ликвидации и предупреждения детской беспризорности и отсутствием организованного участия в этом советской общественности. Постановлением были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних. Эти комиссии сыграли в свое время положительную роль в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Однако, поскольку комиссии применяли лишь меры педагогического воздействия, у части несовершеннолетних иногда могло ослабиться чувство ответственности за свои поступки. Применение наказаний к несовершеннолетним преступникам могло оказать воспитательное воздействие не только на виновного несовершеннолетнего, но и на его окружение, на его сверстников. Советское государство в своей неустанной заботе о подрастающем поколении проделало огромную работу по ликвидации беспризорности — этого основного источника преступности несовершеннолетних. Установление уголовной ответственности за ряд преступлений начиная с 12-летнего возраста, видимо, было продиктовано желанием указать несовершеннолетним, что Советская власть предъявляет серьезные требования к своим подрастающим гражданам.

В судебной практике возникал вопрос о том, имело ли постановление 7 апреля 1935 г. в виду только умышленное убийство и умышленное телесное повреждение или также убийство и телесное повреждение, совершенные по неосторожности. Президиум Верховного Совета СССР разъяснил 7 июля 1941 г. в порядке п. «б» ст. 49 Конституции СССР, что уголовная ответственность по постановлению от 7 апреля 1935 г. устанавливается и за неосторожное совершение этих преступлений.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. перечень преступлений, по которым ответственность наступает с 12-летнего возраста, был пополнен деяниями,

могущими вызвать крушение поездов (развинчивание рельсов; подкладывание на рельсы различных предметов и т. п.).

Отменяя ст. 8 Основных начал 1924 года, постановление от 7 апреля 1935 г. не указало, с какого возраста должны нести ответственность несовершеннолетние за другие преступления. Между тем уголовные кодексы отдельных союзных республик различно решали этот вопрос. Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года устанавливал ответственность по всем преступлениям начиная с 14-летнего возраста. Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 года указывал, что к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет меры уголовного наказания применяются только за преступления, предусмотренные постановлением от 7 апреля 1935 г., а по всем другим преступлениям наказание применяется с 16 лет. Письмо Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. высказалось за такой же принцип, какой был проведен Уголовным кодексом Белорусской ССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» установил, что за преступления, не предусмотренные в постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г., несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности начиная с 14 лет. В соответствии с этим Указом уголовные кодексы всех союзных республик установили, что к уголовной ответственности по общему правилу надлежит привлекать с 14-летнего возраста.

Постановление от 7 апреля 1935 г. говорило о применении к несовершеннолетним «всех мер наказания». Конечно, это положение нельзя было понимать буквально. Так, к несовершеннолетним в возрасте от 12 до 14 лет исправительные работы вообще не применимы. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. говорил только о привлечении к уголовной ответственности без упоминания о том, что должны применяться все меры наказания. Очевидно, что нельзя было к несовершеннолетним, не достигшим не только 16 лет, но даже и 18 лет, применять такую меру наказания, как лишение избирательных прав, поскольку таковыми правами они вообще не обладают. По конкретному делу о нескольких несовершеннолетних в возрасте от 13 до 15 лет Пленум Верховного Суда СССР вынес 18 сентября 1941 г. постановление о недопустимости ставить вопрос о применении к несовершеннолетним лишения прав.

Большое значение в борьбе с преступностью несовершеннолетних имело постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнад-

зорностью и хулиганством», вызванное обстановкой военного времени. Этим постановлением в дополнение к существовавшим трудовым колониям для содержания осужденных детей и подростков предусматривалась организация трудовых воспитательных колоний. В эти колонии могли направляться подростки в возрасте до 16 лет: а) беспризорные, не имеющие родителей вовсе или длительное время живущие без родителей и не имеющие определенного местожительства, б) задержанные за мелкое хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, если возбуждение уголовного преследования против них будет признано нецелесообразным, в) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме.

Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. усиливало воспитательный момент в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних. Отказ от уголовного преследования органами милиции и прокуратуры и прекращение дела судом предусматривались не только по делам о мелкой краже и мелком хулиганстве, но и по другим незначительным преступлениям. Инструкция НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокуратуры СССР «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» от 21 июня 1943 г., изданная на основании постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г., предусматривала продолжительность содержания несовершеннолетних в колонии до наступления 16-летнего возраста, а достигших этого возраста, но нуждающихся еще в получении определенной трудовой квалификации, — и до 17-летнего возраста; воспитанники, не достигшие 14-летнего возраста, не подлежали выпуску из колонии, за исключением случаев, когда их хотят взять для дальнейшего воспитания родители, опекуны или прямые родственники.

Среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, заметное место занимают кражи. В связи с изданием Президиумом Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. Указов «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» Пленум Верховного Суда СССР принял 17 февраля 1948 г. специальное постановление о порядке применения этих Указов в отношении несовершеннолетних. Это постановление является проявлением социалистического гуманизма в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Ввиду его принципиального значения остановимся на нем более подробно.

Пленум Верховного Суда СССР отметил, что суды подходили иногда недостаточно вдумчиво к делам, по которым в качестве обвиняемых привлекались несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет. Суды не всегда учитывали, что эти Указы бы-

ли направлены против преступных элементов, которые не желают честно трудиться, а хотят жить на чужой счет. Между тем, когда речь шла о детях и подростках в возрасте от 12 до 16 лет, которые по самому своему возрасту еще не приступили или только приступают к трудовой деятельности, отдельные случаи воровства не могли еще обычно рассматриваться как проявление паразитических стремлений, как желание уклониться от общественно полезной трудовой деятельности. Поэтому их действия не всегда имели характер той повышенной общественной опасности, которая требует применения суровых мер наказания к взрослым преступникам. Не всегда учитывалось, что нередко случаи воровства в этом возрасте продиктованы не корыстными побуждениями, а выступают скорее в форме своеобразного детского озорства, например в случаях краж фруктов из садов или овощей с огородов.

В некоторых случаях суды осуждали подростков за мелкие кражи, совершенные ими у родителей или других близких членов семьи. Суды не учитывали, что в этих случаях нельзя подходить с обычной оценкой, отвлекаясь от особых отношений, связывающих членов семьи, совместно пользующихся семейным имуществом, когда при внешних признаках кражи действия обвиняемого приобретают скорее характер самоуправства.

В целях устранения недочетов в судебной практике по делам о несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет, привлекаемых к уголовной ответственности по Указам от 4 июня 1947 г., Пленум Верховного Суда СССР постановил, что в случае совершения хищений в незначительных размерах несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет суды должны ставить на обсуждение вопрос о прекращении дела в уголовном порядке за нецелесообразностью применения мер уголовного наказания и о направлении обвиняемых в трудовые воспитательные колонии или о передаче обвиняемого на попечение родителей или опекунов.

Пленум Верховного Суда СССР указал, что в тех случаях, когда дело в отношении несовершеннолетнего в возрасте от 12 до 16 лет не подлежало прекращению, суд мог при наличии смягчающих обстоятельств назначить пониженное наказание ниже низшего предела карательной санкции или применить условное осуждение с приведением в обоих случаях в приговорах обоснованных мотивов смягчения наказания.

Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судебных органов на недопустимость осуждения несовершеннолетних за отдельные мелкие хищения, носящие характер детского озорства (например, мелкая кража яблок в саду или овощей в огороде и т. д.), а также за кражу у родителей или других совместно проживающих с ними членов семьи, за исключением случаев, когда сами потерпевшие обратятся в соответствующие

органы с просьбой возбудить против несовершеннолетнего дело в уголовном порядке.

Практика показала, что привлечение к уголовной ответственности в возрасте от 12 до 14 лет было у нас исключительно редким явлением. Так, при обследовании работы более 500 народных судов было обнаружено всего лишь 8 дел о преступлениях несовершеннолетних в возрасте от 12 до 14 лет. Поэтому многие советские юристы высказывали вполне обоснованное предложение об установлении возраста уголовной ответственности за наиболее тяжкие преступления не с 12, а с 14 лет, а для всех остальных преступлений — начиная с 16 лет. Закон давал право прокурорам и судьям прекращать уголовное преследование против несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, когда они совершали какое-либо незначительное преступление.

Новым этапом в развитии советского уголовного законодательства о борьбе с детской преступностью является принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, которые в ст. 10 установили в качестве общего правила, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. Лица, совершившие преступления в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат уголовной ответственности лишь за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбойное нападение, кражу, злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжелые последствия, а также за умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда. Таким образом, по действующему законодательству дети в возрасте до 14 лет вовсе не могут подлежать уголовной ответственности.

Лишение свободы несовершеннолетние по приговору суда отбывают в специальных колониях для несовершеннолетних с особым учебно-трудовым режимом, приспособленным для исправительно-трудового воздействия на осужденного. Лишение свободы несовершеннолетнему не может быть назначено на срок свыше 10 лет. Не могут быть приговорены к смертной казни лица, не достигшие в момент совершения преступления 18 лет. Ссылка и высылка не могут быть применены к лицам, не достигшим 18-летнего возраста. При назначении судом наказания несовершеннолетие подсудимого всегда является обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность.

Если суд найдет, что исправление лица, совершившего в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного

наказания, он может применить к такому лицу принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся наказанием.

Виды принудительных мер воспитательного характера и порядок их применения устанавливаются законодательством союзных республик.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 63 устанавливает возможность применения в этих случаях судом следующих принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним: 1) возложение обязанности публично или в иной форме, определенной судом, принести извинение потерпевшему; 2) объявление выговора или строгого выговора; 3) предостережение; 4) возложение на несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста, обязанности возместить причиненный ущерб, если несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок и сумма ущерба не превышает 20 руб., или возложение обязанности своим трудом устранить причиненный материальный ущерб, не превышающий 20 руб.; при причинении ущерба на сумму свыше 20 руб. возмещение ущерба производится в гражданском порядке; 5) передача несовершеннолетнего под строгий надзор родителям или лицам, их заменяющим; 6) передача несовершеннолетнего под наблюдение коллектива трудящихся, общественной организации, с их согласия, а также отдельным гражданам, по их просьбе; 7) помещение в специальное лечебно-воспитательное или воспитательное учреждение для детей и подростков; 8) направление несовершеннолетнего в воспитательную колонию для несовершеннолетних. Сроки, порядок и условия нахождения несовершеннолетних в воспитательных колониях и специальных лечебно-воспитательных учреждениях определяются Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года производство по делам о несовершеннолетних регулирует в специальном VII разделе (ст. ст. 391—402). При этом он, в частности, определяет, что задержание несовершеннолетнего и заключение его под стражу в качестве меры пресечения могут применяться лишь в исключительных случаях; вводит как специальную меру пресечения в отношении несовершеннолетних правонарушителей отдачу несовершеннолетнего под присмотр; устанавливает участие педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, ознакомление законных представителей несовершеннолетнего с материалами дела, участие в судебном заседании родителей или иных законных представителей обвиняемого, участие в судебном заседании представителей учебно-воспитательных учреждений и общественных организаций. Кроме применения судом вместо наказания принудительных мер воспитательного характера, суд, прокурор, а также следователь, с согласия прокурора, вправе прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего,

не достигшего 18 лет, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, и направить дело на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, если по обстоятельствам дела и данным, характеризующим личность правонарушителя, его исправление возможно без применения уголовного наказания. Обвиняемый и его законный представитель, а также потерпевший вправе в течение пяти дней обжаловать такое определение суда или постановление следователя или прокурора в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору (ст. 8 УПК РСФСР 1960 г.).

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 19 июля 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания» указал судам, что при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетнего судьи обязаны в каждом отдельном случае особо обсуждать вопрос о возможности исправления виновного без назначения уголовного наказания, применяя в этих случаях принудительные меры воспитательного характера.

Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 29 августа 1961 г. утвердил Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних. Они организуются на основе широкого участия представителей советской общественности. Их главной задачей является предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Они рассматривают дела о несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, совершивших общественно опасные действия; о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, совершивших общественно опасные действия, не предусмотренные ст. 10 Основ уголовного законодательства (ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.), о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, совершивших преступления, в отношении которых судебные и прокурорские органы направили материалы в комиссию по делам несовершеннолетних, о несовершеннолетних, совершивших иные антиобщественные поступки (мелкое хулиганство, мелкая спекуляция и т. п.). Комиссии входят в соответствующие органы с представлением о привлечении к ответственности родителей, неправильно относящихся к воспитанию детей, а также лиц, создающих условия для совершения несовершеннолетними правонарушений, подстрекающих или привлекающих их к совершению преступлений и других антиобщественных поступков.

В уголовном законодательстве стран народной демократии возраст, с которого наступает уголовная ответственность, определяется различно. Согласно § 10 Уголовного кодекса Чехословацкой Социалистической Республики лицо, не достигшее к моменту совершения деяния 15-летнего возраста, не подлежит уголовной ответственности. Кодекс содержит специальный раздел об особых положениях по применению наказания к несовер-

шеннолетним (§ 56—63). В качестве общего правила при применении наказания к несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет устанавливается (§ 56), что суд должен исходить из особой заботы, проявляемой государством в отношении молодежи. Наказание, применяемое к несовершеннолетнему, преследует прежде всего цель воспитания его как честного трудящегося человека с учетом его личных качеств, его воспитания в семье и среды, из которой он вышел (§ 57). Лишение свободы, назначаемое несовершеннолетнему, отбывается в специальных учреждениях для несовершеннолетних или в особых отделениях тюрем. В отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление, суд может отказаться от применения наказания, если несовершеннолетний по существенным причинам не мог полностью сознавать общественную опасность своих действий или если речь идет о малозначительном преступном деянии, или если суд считает, что цель наказания может быть достигнута мерами принудительно-воспитательного характера.

Возраст, с которого возможна уголовная ответственность, Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии определяет в разделе «Вменяемость». Согласно ст. 14 не вменяется в вину деяние, совершенное малолетним, не достигшим 14 лет, и несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, если он не мог понимать свойств и значения деяния или не мог руководить своими поступками. Специальный VII раздел Общей части кодекса предусматривает особые правила ответственности несовершеннолетних (ст. ст. 43—47).

Применение наказаний в отношении несовершеннолетних преследует прежде всего цель перевоспитания их и подготовки к общественно полезному труду. К несовершеннолетним применяются смягченные виды наказания. Несовершеннолетние, которым деяние не может быть вменено в вину, могут по решению суда быть помещены в трудовую воспитательную школу или другое подобное учреждение, если необходимость этого вызывается конкретными обстоятельствами (ст. 47).

В ГДР борьба с преступностью несовершеннолетних регулируется законом о суде по делам о несовершеннолетних от 23 мая 1952 г. Закон определяет организацию судов по делам о несовершеннолетних, их судопроизводство и основные принципы применения к несовершеннолетним правонарушителям воспитательных мер и мер наказания. Несовершеннолетний может быть привлечен к уголовной ответственности в случае, если к моменту совершения преступного деяния он достиг достаточной зрелости в нравственном и духовном развитии, чтобы понимать общественную опасность своего поступка и действовать в соответствии с этим пониманием. Суды, как правило, применяют к несовершеннолетним правонарушителям воспитательные меры. Суд может назначить наказание лишь в случае, когда примене-

ние воспитательных мер оказывается недостаточным. Воспитательные меры применяют и тогда, когда несовершеннолетние правонарушители не могут еще подлежать уголовной ответственности. В борьбе с преступностью несовершеннолетних в ГДР достигнуты значительные успехи¹.

На постановления буржуазного уголовного права XIX века об ответственности несовершеннолетних большое влияние оказало французское законодательство. Уголовная ответственность по действующему французскому уголовному законодательству может иметь место начиная с 13 лет, ранее она могла иметь место и по достижении 7-летнего возраста. Французский уголовный кодекс 1810 года предписывал о каждом несовершеннолетнем подсудимом ставить специально вопрос, действовал ли он «с разумением» или «без разумения». В последнем случае несовершеннолетний подлежал оправданию, но суд мог отдать его под присмотр родителей или поместить в исправительный приют на срок по усмотрению суда, но не дольше достижения подсудимым совершеннолетия. Несовершеннолетний, признанный действовавшим «с разумением», подлежал наказанию, но наказание смягчалось. Этот порядок ответственности несовершеннолетних во Франции был изменен лишь после второй мировой войны (см. ниже).

В Англии уголовная ответственность может наступать начиная с 8 лет, в Греции — с 13, в Западной Германии — с 14, в Швеции — с 15, в Финляндии — с 16, в Египте — с 7, в Ливане — с 7, в Ираке — с 7, в Израиле — с 9 лет, в Иране — с 11, в США согласно нормам common law уголовная ответственность допустима начиная с 7 лет².

На развитие законодательства буржуазных стран об уголовной ответственности несовершеннолетних в первой четверти XX века заметное влияние оказали США. В этой стране в связи с громадным ростом детской преступности впервые возникли суды для несовершеннолетних, призванные сделать более эффективной борьбу с несовершеннолетними преступниками. Эти специальные суды были образованы в Чикаго (в 1889 г.), в Нью-Йорке (в 1901 г.). Беря пример с них, вся страна довольно быстро покрылась сетью судов для несовершеннолетних. Ведению их подлежат преступления несовершеннолетних в возрасте до

17 лет, в отдельных штатах до — 18 и 19 лет, а в штате Арканзасе — до 21 года. Большую роль в системе судов для несовершеннолетних играет институт обследователей-попечителей. Суд может поставить несовершеннолетнего под их наблюдение и в зависимости от его дальнейшего поведения оставить его на свободе или поместить в государственное или общественное воспитательное учреждение. Это не исключает, однако, применения к несовершеннолетним тюремного заключения.

Все эти воспитательные меры в отношении несовершеннолетних преступников и «детские суды» не могли справиться с ростом преступности несовершеннолетних в США. Жизнь показала, что внешне либерально-филантропическими мерами нельзя остановить развитие детской преступности в капиталистическом обществе. Преступность несовершеннолетних в США неуклонно возрастает. Распад семьи, деморализация молодежи буржуазной литературой и кино — одна из причин роста преступности несовершеннолетних.

Рост детской преступности в европейских странах вызвал стремление использовать опыт США в борьбе с детской преступностью. Суды для несовершеннолетних были введены в Бельгии (законами 1912 г.). Перед первой мировой войной они были образованы и в дореволюционной России (в столицах и в некоторых крупных городах). В Англии законом 1908 года функции суда для несовершеннолетних были поручены издавна существующим мировым судам. Во Франции детские суды были введены в 1945 году. В связи с этим из законодательства было устранено прежнее требование обязательной постановки вопроса о том, действовал ли несовершеннолетний с разумением или нет. Ведению детских судов подлежат дела о несовершеннолетних, совершивших преступные деяния в возрасте от 13 до 18 лет.

В 1933 году английским парламентом был принят закон о малолетних и несовершеннолетних, который регулировал также вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних. Уголовная ответственность устанавливалась уже с 8-летнего возраста, но до 14 лет несовершеннолетний не мог быть помещен в тюрьму, а от 14 до 17 лет мог быть помещен лишь в том случае, если суд придет к заключению, что он «столь непокорного характера или настолько испорчен, что его нельзя поместить в специальное убежище». Лишение прав и каторга неприменимы к лицам, не достигшим 17 лет, а смертная казнь — к не достигшим 18 лет. Вместо смертной казни суд приговаривает таких лиц к лишению свободы на срок «по усмотрению его величества», а фактически — министра внутренних дел, в месте и на условиях, установленных этим министром. Несовершеннолетние могут быть отданы на попечение родственников и других благонадежных лиц, под которыми понимаются также местные органы образования и воспитания. Несовершеннолетние могут быть

¹ См. Н. С. Алексеев, Борьба с преступностью несовершеннолетних в ГДР, М., 1959.

² V Congrès International de défense sociale, L'intervention administrative ou judiciaire en matière d'enfance et d'adolescence socialement inadaptés, «Rapport général d'information», Stockholm, 1958, p. 8—9.

помещены в особые школы закрытого типа, состоящие под правительственным контролем. Помещение в школу назначается сроком на три года, но после года пребывания в ней несовершеннолетний может быть отпущен для воспитания в родной или иной семье, оставаясь под надзором школы, в зависимости от обстоятельств до 18 лет или до 21 года. При разработке «новой» системы мер борьбы с несовершеннолетними преступниками английское законодательство не отказалось от использования такой варварской меры, как телесные наказания, издавна применяемые в Англии к несовершеннолетним (да и не только к несовершеннолетним) преступникам. К несовершеннолетним в возрасте до 16 лет суды по этому закону имели право применять наказание березовыми розгами взамен всякого другого наказания. В вопросе о телесных наказаниях английское лейбористское правительство после большого шума провело мизерную реформу. Закон об уголовной юстиции, изданный 30 июня 1948 г., отменил порку для несовершеннолетних в качестве наказания по суду, но полностью сохранил ее в качестве «воспитательной» меры в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников и в учреждениях для беспризорных. Порка применяется в виде ударов палками или ремнем. В качестве дисциплинарного взыскания в тюрьмах для несовершеннолетних применяются розги.

Организация «детских судов» в европейских странах не могла и здесь остановить неуклонного роста преступности несовершеннолетних. Например, в Лондоне число осужденных в возрасте до 21 года за 15 лет (с 1930 по 1945 г.) возросло в два с половиной раза. Количество осужденных судами о несовершеннолетних в 1938 году было 55 511, в 1948 году — 71 998 и в 1956 году — 67 724. Осужденные за более серьезные преступления по возрасту в 1956 году распределялись следующим образом:

возраст от	8	до	10	лет	—	8,4%
"	"	10	"	12	"	— 18,9%
"	"	12	"	14	"	— 30,3%
"	"	14	"	16	"	— 30,1%
"	"	16	"	17	"	— 12,3%

Таким образом, осужденных в возрасте до 14 лет было более половины — 57,6%¹.

¹ По данным доклада английской делегации на V Международном конгрессе социальной защиты в Стокгольме 25—30 августа 1958 г.

Глава IX

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1

Понятие вины по советскому уголовному праву¹

Учение о вине является одной из важнейших частей теории советского уголовного права. Без вины не может быть уголовной ответственности по социалистическому уголовному праву. Правильное понимание вины имеет большое значение в борьбе за укрепление социалистической законности.

Осуществление социалистического правосудия основано на материалистическом мировоззрении. Задача советского уголовного процесса — установить объективную истину по делу, без чего не могут быть осуществлены цели социалистического

¹ М. М. Исаев, А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военного уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1947; И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, М., 1958; Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, М., 1949; Б. С. Маньковский, Советская социалистическая законность и понятие вины, «Социалистическая законность» 1951 г. № 5; его же, «Вопросы вины в советском уголовном праве», «Советское государство и право» 1951 г. № 10; В. Д. Меньшагин, Формы виновности по воинским преступлениям, «Ученые записки ВИЮН», вып. IV, 1945; В. В. Николаев, Преодоление неправильных теорий в уголовном праве — важное условие укрепления социалистической законности, «Коммунист» 1956 г. № 12; А. А. Пионтковский, Против извращения понятия вины по социалистическому уголовному пра-

правосудия¹. Важнейшей частью этого является установление вины определенного лица в совершенном преступлении. Для материалиста истина — это правильное отражение внешнего мира в сознании человека. Советский суд в приговоре должен установить истину, т. е. он должен правильно отобразить в нем определенное явление внешнего мира — реально существующую вне сознания судьи вину обвиняемого в совершении преступления.

Вина определенного лица в совершении преступления существует независимо от того, познана она или не познана судебными органами. Материализм признает не только существование внешнего мира независимо от сознания человека, но и познаваемость внешнего мира. Поэтому мы признаем, что в процессе расследования и судебного рассмотрения дела вина определенного лица в совершении преступления может быть познана. На практике это не всегда может удасться. Тем не менее принципиальное признание возможности установления вины как объективно существующего факта является основой работы советских судебных и прокурорских органов.

Марксистско-ленинская материалистическая теория отражения лежит как в основе понимания вины теорией советского уголовного права и процесса, так и в основе всей практической работы органов советского суда и прокуратуры.

При разработке проблемы вины советская теория уголовного права должна исходить из положений марксистского философского материализма. Из этих положений исходят судебные и прокурорские органы в работе по установлению истины в уголовном процессе. Необходимо признать, что вина какого-либо лица в совершении преступления существует независимо от сознания следователя и судьи, а процесс расследования дела есть процесс познания объективной истины — достоверное установление факта вины или невиновности лица в совершении рассле-

дуемого преступного деяния. Стремлением установить истину по делу проникнута вся работа советского следователя, прокурора, судьи, защитника. Задачей советского уголовного процесса является полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона. Вывод суда о виновности подсудимого, для того чтобы он выражал объективную истину, не может быть основан на предположениях. Он должен базироваться на строго установленных фактах. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года в ст. 43 определяют: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого доказана».

Материалистическое понимание вины как факта объективной действительности лежит и в основе указаний Верховного Суда СССР о том, что признание лица виновным не может основываться лишь на предположениях суда, а должно опираться на факты, твердо установленные в процессе судебного рассмотрения дела.

Изучение практики Верховного Суда СССР убедительно показывает, что в постановлениях его Пленума и в определениях коллегий по конкретным судебным делам в продолжении многих лет неоднократно подчеркивалось, что вывод суда о вине обвиняемого должен быть основан на тщательном исследовании всех данных, как уличающих, так и оправдывающих его. Поэтому Верховный Суд СССР всегда считал, что приговор не может быть оставлен в силе при наличии неустраняемых противоречий в материалах дела; что обвинение не может быть построено на заранее принятой версии, находящейся в противоречии с фактическими обстоятельствами, установленными по делу; что приговор не может быть основан на данных, недостаточно исследованных по делу; что обвинительный приговор не может быть основан на голословных обвинениях, не подкрепленных имеющимися в деле материалами; что обвинение не может быть основано только на подозрениях потерпевшего, возникших ввиду существующих у него неприязненных отношений с подсудимым; что косвенные улики могут быть положены в основу обвинения только в том случае, если установленные ими факты в их совокупности находятся в связи с содержанием обвинения и создают уверенность в его обоснованности; что обвинение не может быть основано на противоречивых и неопределенных данных; что обвинение не может считаться доказанным, если по делу установлены обстоятельства, находящиеся в противоречии с версией обвинения¹. Все эти указания Верховного Суда СССР

¹ См. «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР», М., 1948.

ву, «Социалистическая законность» 1952 г. № 2; его же, Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского права, «Вопросы философии» 1955 г. № 1; его же, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954; Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, М., 1950; К. Ф. Тихонов, К вопросу о содержании вины по советскому уголовному праву, «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. VIII, Саратов, 1959; Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950; Т. В. Церетели, К вопросу о понятии вины, «Известия отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР» 1960 г. № 1; М. А. Шнейдер, Рецензия на книгу Б. С. Утевского «Вина в советском уголовном праве», (М., 1950), «Социалистическая законность» 1951 г. № 2; его же, Формы виновности по советскому уголовному праву, «Социалистическая законность» 1947 г. № 3.

¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 19—52.

об обоснованности судебного приговора имеют своей предпосылкой материалистическое понимание вины как составной части объективной истины по делу.

Суд сам не создает вину обвиняемого, а лишь познает в процессе судебного разбирательства дела, существует или нет объективно, в действительности вина обвиняемого в рассматриваемом преступлении. Обвинительный приговор суд выносит, когда материалами дела доказано, что вина обвиняемого существует объективно, а не является лишь предположением суда. Только приговор, основанный на фактах, твердо установленных в процессе судебного рассмотрения дела и доказывающих истину — действительную виновность лица в совершении данного преступления, может соответствовать целям и задачам социалистического правосудия. Такой приговор будет убедительным. Он будет иметь большое воспитательное значение. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 июля 1950 г. о судебном приговоре с полным основанием требовал, чтобы в приговоре были приведены мотивы, на основании которых суд пришел к выводу о виновности или невиновности подсудимого.

Основы уголовного судопроизводства в ст. 43 обязывают суд мотивировать обвинительный и оправдательный приговор.

Вся работа кассационных и надзорных инстанций должна также содействовать установлению объективной истины по делу. Кассационная и надзорная инстанции проводят проверку законности и обоснованности приговора, а значит и соответствия выводов суда о виновности лица действительным обстоятельствам дела. Не может быть признан законным необоснованный приговор. Эта проверка служит дополнительной гарантией правильного отображения в обвинительном приговоре объективно существующего факта — вины обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении.

Что должен отобразить суд в своем приговоре, чтобы признать лицо виновным в совершении преступления?

Согласно советскому уголовному закону для признания лица виновным недостаточно установить, что это лицо совершило рассматриваемые судом деяния. Советское уголовное право не знает так называемого объективного вменения, т. е. вменения в ответственность деяния лишь на основе установления факта его причинения данным лицом. Советское уголовное законодательство требует, и советский суд должен последовательно проводить это в жизнь, чтобы для признания лица виновным было обязательно установлено умышленное или неосторожное совершение им общественно опасного деяния, предусмотренного

уголовным законом, т. е. установление в его действиях определенного состава преступления. Вина лица есть его умысел или неосторожность, выраженные в совершенном преступлении. Такое понятие вины является единым и для материального уголовного права, и для уголовного процесса¹.

Правильное установление характера субъективной стороны состава преступления, совершенного обвиняемым, является необходимым условием надлежащей квалификации деяния и правильного осуществления задач социалистического правосудия. Недостаточное внимание к установлению в действиях лица требуемой законом умышленной или неосторожной вины при совершении преступления может влечь за собой неправильную квалификацию содеянного или неосновательное осуждение лица при отсутствии в его действиях вины, а следовательно и состава преступления.

Укрепление социалистической законности в работе суда и прокуратуры и неуклонная борьба за максимальную меткость нашей репрессии требуют решительной борьбы с подобными рода ошибками, подрывающими социалистическую законность и наносящими существенный вред как интересам социалистического государства, так и интересам отдельных граждан. Правильное понимание судебными и прокурорскими органами субъективной стороны состава каждого преступления имеет поэтому большое политическое значение для укрепления социалистической законности и правильного осуществления задач социалистического правосудия. Этим определяется громадная политическая роль тех норм социалистического уголовного права, которые говорят о понятии и содержании вины в советском праве.

Даже в самые напряженные моменты классовой борьбы в жизни Советского государства, когда в порядок дня был поставлен красный террор для защиты завоеваний социалистической революции от посягательств свергнутых эксплуататорских классов, вина лица выступала в качестве условия его уголовной

¹ Правильно писал Н. Н. Полянский относительно попытки противопоставить понятия «вины» в материальном и процессуальном уголовном праве как «вины» и «виновности»: «Вина в советском уголовном и процессуальном праве есть единый институт. Понятия «вина» и «виновность» представляют собой не наименование двух различных институтов, а только различные термины для выражения единого понятия... Различение понятия «вины» и «виновности» в итоге приводит к схоластическому различению материальноправового и процессуального понятий, обозначаемого или термином «вина», или термином «виновность», что решительно противоречит практически целесообразному требованию, чтобы каждое понятие использовалось по возможности в одном и том же значении как в теории, так и в практике его применения» (Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, изд-во МГУ, 1956, стр. 246—248).

ответственности. В. И. Ленин считал нелепостью, когда при подавлении сопротивления эксплуататоров, пытающихся восстанавить свое господство, некоторые утверждали: «...не ищите (И?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом»¹, т. е. отвергали значение установления вины лица при осуществлении репрессии.

Понятием вины как предпосылки уголовной ответственности пользуются уже первые декреты Советской власти в области уголовного права. Обычно в декретах, определяющих уголовную ответственность за совершение того или иного преступления, содержались указания, что ответственности подлежат лица, виновные в данном преступлении. Например, декрет СНК РСФСР от 14 ноября 1917 г. о рабочем контроле определял, что «виновные в сокрытии материалов, продуктов, заказов и неправильном ведении отчетов и т. п. злоупотреблениях подлежат уголовной ответственности»; обращение Совета Народных Комиссаров к Военно-Революционному комитету от 15 ноября 1917 г. о борьбе со спекуляцией указало, что «все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальному постановлению Военно-Революционного комитета немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта, впредь до предания военно-революционному суду». Обращение Совета Народных Комиссаров от 26 ноября 1917 г. ко всему населению о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемых центральной радой, указывало, что «контрреволюционное восстание будет подавлено и виновные понесут кару, отвечающую тяжести их преступления». Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. о взяточничестве говорит об ответственности лиц, виновных в принятии взятки, виновных в даче взятки. Декрет СНК от 22 июля 1918 г. о спекуляции определяет ответственность за различные виды спекулятивных действий лиц, виновных в сбыте, скупке или хранении с целью сбыта, в виде промысла, нормированных продуктов питания по ценам выше твердых, виновных в подделке продовольственных карточек, в отпуске нормированных товаров помимо продовольственной карточки и т. п. Постановление СНК от 30 июля 1918 г. определяло ответственность лиц, «виновных в созыве населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами с контрреволюционными целями...». Эти примеры можно было бы умножить. Они свидетельствуют о том, что советское уголовное право с первых дней его существования строилось на принципе вины.

Указание на различные формы вины при определении уголовной ответственности содержится уже в первых декретах Со-

ветской власти, определявших ответственность за совершение тех или иных общественно опасных деяний. Советское уголовное законодательство начиная с первых декретов Советской власти, определявших нашу борьбу с деяниями, опасными для основ Советской власти или социалистического правопорядка, неизменно считало, что решение вопроса о виновности лица определяется установлением того, что оно умышленно или неосторожно совершило общественно опасное деяние.

В одном из первых декретов по борьбе с саботажем, в обращении Народного комиссариата почт и телеграфов «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников» говорилось об ответственности за «легкомысленное или злостно-преступное отношение к интересам народа высших чиновников или части рядовых служащих». Декрет СНК о роспуске Петроградской городской думы говорил об ответственности за умышленную порчу или уничтожение городского имущества. Обращение Совета Народных Комиссаров от 16 ноября 1917 г. к Военно-Революционному Комитету о борьбе со спекуляцией специально предусматривало ответственность за злостную задержку грузов. Инструкция Народного комиссариата юстиции об освидетельствовании душевно больных, изданная в июне 1918 года, говорила об ответственности за сообщение заведомо ложных сведений с целью добиться признания лица душевно больным. Постановление Народного комиссариата юстиции о порядке введения в действие декрета об отмене наследования различало ответственность лиц, виновных в умышленном непредоставлении сведений о наследственном имуществе или умышленно или по грубой небрежности препятствующих поступлению наследственного имущества в ведение Советов депутатов. Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. «О национализации имущества низложенного российского императора и членов императорского дома» определял, что за умышленное несообщение сведений об этом имуществе виновные подлежат ответственности как за его присвоение. Декрет СНК от 27 июля 1918 г. о торговых книгах установил ответственность за заведомо ложное заявление об утрате книг тем или иным образом. Изданный в тот же день декрет о порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий говорил о злонамеренном неисполнении требований закона. Декрет СНК от 23 августа 1918 г. об обложении налогом торговых предприятий устанавливает ответственность за представление заведомо неверных сведений. Изданное в 1919 году постановление Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви предусматривало установление уголовной ответственности за всякое незаконное пользование имуществом, принадлежащим республике, или

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 366.

за умышленную порчу его. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что уже первые декреты Советской власти, определявшие ответственность за различного рода преступления, связывали признание лица виновным с совершением соответствующих действий умышленно, а в ряде случаев и по неосторожности.

Постановления об умысле и неосторожности по существу сохранились в Руководящих началах 1919 года, в пп. «в» и «з» ст. 12. Эта статья предлагала суду при определении меры наказания в каждом конкретном случае учитывать условия совершения преступления. Пункт «в» предлагал суду различать, «совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и несознательности», а пункт «з» — устанавливать, «обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности». Руководящие начала не раскрывали непосредственно содержания умысла и неосторожности как условий уголовной ответственности. О субъективной стороне совершенного преступления говорили пп. «а» и «б» этой же статьи в связи с конкретным содержанием умысла лица, совершившего преступление. Пункт «а» предлагал суду учитывать, «совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности...», а пункт «б» — «совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в интересах личных совершающего деяние».

Если Руководящие начала обрисовывали субъективную сторону преступления нечетко и неполно, то Уголовный кодекс РСФСР 1922 года дал в ст. 11 четкое определение понятий умысла и неосторожности как необходимых условий уголовной ответственности. «Наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т. е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление, или б) действовали неосторожно, т. е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть».

Основные начала уголовного законодательства 1924 года требовали в качестве необходимого условия применения наказания наличие вины в форме умысла или неосторожности. В ст. 6 они устанавливали, что наказания применяются лишь в отношении лиц, которые: «а) действуя умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, или б) действуя неосторожно, не предвидели последствий

своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия».

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 10 воспроизводил с незначительными редакционными изменениями приведенное постановление Основных начал. Это постановление было воспринято также уголовными кодексами всех других союзных республик.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, выражая итог предшествующего развития советского уголовного законодательства по вопросу о вине, в ст. 3 определили, что «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Это положение воспроизводится в уголовных кодексах всех союзных республик (например, ст. 3 УК РСФСР 1960 г.). В Основах дается определение совершения преступления умышленно (ст. 8) и по неосторожности (ст. 9).

Таким образом, лишь при наличии вины умышленной или неосторожной лицо, совершившее общественно опасное деяние, может подлежать уголовной ответственности и к нему может быть применено наказание.

Строгое различие форм вины (умысла и неосторожности) при совершении преступления проводится социалистическим законом со всей определенностью.

Признание лица виновным по советскому уголовному праву есть признание его виновным в деянии, опасном для основ советского строя или социалистического правопорядка, т. е. в деянии, противоречащем интересам всех трудящихся, мешающем советским людям строить коммунистическое общество в нашей стране. Поэтому признание советским судом кого-либо виновным есть признание его виновным перед социалистическим государством и советским народом. Советский суд выносит свой приговор именем социалистического государства. Разумеется, иной классовый смысл имеет признание кого-либо виновным судом буржуазного государства. Буржуазное уголовное право и буржуазный суд тщательно маскируют свою классовую природу и скрывают свой классовый характер. В действительности они объявляют преступлением лишь то, что посягает прямо или косвенно на классовые интересы буржуазии, лишь только то, что нарушает «порядок», удобный и выгодный для интересов эксплуататоров. Поэтому очевидно, что признание кого-либо виновным буржуазным судом означает признание его виновным перед буржуазным государством, признание его виновным в деянии, преступном с точки зрения классовых

интересов эксплуататоров. Это положение достаточно очевидно. Этим определяется различие классового политического содержания понятия вины в советском и буржуазном уголовном праве.

Теория советского уголовного права обязана помогать судебной практике в правильном разрешении вопроса о вине обвиняемого, этого основного вопроса социалистического правосудия. Вина по советскому уголовному праву есть умысел или неосторожность лица, выраженные в совершенном им деянии, опасном для основ советского строя или социалистического правопорядка. Та же мысль выражается формулой — вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершенному им деянию, опасному для основ советского строя или социалистического правопорядка.

Умысел и неосторожность при совершении преступления в реальной жизни всегда наполнены определенным материальным содержанием (например, умысел на измену социалистическому отечеству, умысел на хищение социалистической собственности, умысел на оскорбление, умысел на повреждение имущества). Поэтому в конкретных умышленных объективно опасных действиях всегда находит свое выражение тот или иной преступный умысел. Точно так же и материальное содержание неосторожности определяется наступившими общественно опасными последствиями действий лица или в некоторых случаях возможностью их наступления: неосторожное оглашение государственной тайны, неосторожное лишение жизни, неосторожное телесное повреждение, неосторожное нарушение трудовой дисциплины на транспорте и т. д. В советском уголовном праве речь идет всегда об умысле или неосторожности в отношении таких деяний, которые посягают на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан или иначе посягают на социалистический правопорядок. Этим определяется принципиально иное по своему содержанию понятие умысла и неосторожности в советском уголовном праве сравнительно с понятием умысла и неосторожности в буржуазном уголовном праве.

Социально-политическое содержание понятия умысла и неосторожности в советском уголовном праве раскрывается материальным понятием преступления как общественно опасного действия или бездействия, направленного против основ советского строя или нарушающего социалистический правопорядок. Умысел и неосто-

рожность при совершении действий, не представляющих опасности для основ советского строя или социалистического правопорядка, не включают в себе признаков вины. Вина есть не просто психологическое понятие, но понятие социально-политическое.

Однако без определенного психологического содержания не может идти речи о вине. Вина представляет собой субъективную сторону таких деяний, которые расцениваются социалистическим государством как опасные для основ советского строя или социалистического правопорядка. Вне этой государственной оценки деяния нельзя говорить о вине. Там, где имеется умысел или неосторожность в отношении какого-либо деяния, которое не расценивается социалистическим законом как общественно опасное, нет и вины. Разнообразные правомерные действия граждан СССР, соответствующие требованиям социалистического права, совершаются им сознательно, умышленно, однако при этом не может быть и речи о вине и ответственности. Поэтому нельзя говорить о вине по отношению к умышленно совершенным действиям во исполнение обязательного приказа, при осуществлении акта необходимой обороны или крайней необходимости, как нельзя говорить о вине при совершении любых других правомерных деяний¹. Установление в действиях лица определенной формы вины является необходимым условием правильной юридической и политической оценки совершенного общественно опасного деяния. Различную общественно-политическую и юридическую оценку будет иметь убийство в зависимости от того, совершено ли оно по неосторожности или умышленно, был ли при этом антисоветский умысел или нет. Правильная юридическая оценка совершенного преступления есть не что иное, как его правильная юридическая квалификация с точки зрения советского уголовного закона. В признании тех или иных действий или бездействий граждан преступлением выражается политика Советского государства и Коммунистической партии в борьбе с общественно опасным поведением граждан. Советский уголовный закон вместе с тем выражает в этом и нравственные воззрения советского народа. Признание лиц виновными и правильная квалификация содеянного выражают поэтому не только юридическую, но и моральную оценку совершенного общественно опасного действия от имени социалистического государства и советского народа. Поэтому данное выше понятие вины

¹ Ошибочным является следующее утверждение Б. С. Утевского: «В сознании лица, совершающего в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости действия, формально являющиеся преступлением (?), происходит определенный психический процесс. Такое лицо предвидит результаты своих действий и желает их наступления, т. е. оно действует с умыслом. В его действиях имеется субъективная сторона определенного состава преступления, т. е. вина как элемент состава преступления» («Вина в советском уголовном праве», стр. 63).

может быть представлено в более развернутом виде: вина есть умысел или неосторожность лица, выраженные в деянии, опасном для основ советского строя или социалистического правопорядка, и осуждаемые поэтому социалистическим законом и коммунистической нравственностью¹.

По поводу приведенного понятия вины по советскому уголовному праву иногда делаются замечания, что оно слишком узко и не отражает всего содержания этого института. Так, отмечают, что в этом понятии вины нет никаких указаний на процесс формирования виновного психического отношения лица к преступному результату, на роль мотива в определении характера умысла; не показано, что в вине выражаются пережитки прошлого в сознании отсталой части советских людей, нарушение долга советского гражданина и т. п.

Подобные возражения не могут поколебать правильности приведенного определения понятия вины. Всякое определение должно содержать в себе указание на существенные признаки предмета. Чем сложнее и многограннее какое-либо правовое явление, тем большее количество определений может быть ему дано. Это зависит от того, какое свойство предмета принимается за существенное. Однако этот вопрос должен быть разрешен на основе объективного критерия — практических потребностей, практических задач, решению которых служит данный юридический институт в системе социалистического права. Практика в процессе познания выступает и как критерий истины, и как «практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»². Поэтому, когда мы хотим дать понятие вины, для того чтобы решить, что именно должен установить суд для признания лица виновным в совершении преступления, то нам нужно в понятие вины внести именно те признаки этого явления, которые являются необходимыми для решения этого практического вопроса. Установлением умысла или неосторожности в действиях лица, совершившего общественно опасное деяние, решается вопрос о его виновности. Поэтому всякое другое определение вины, охватывающее какую-либо иную сторону этого явления, непригодно для решения этого основного практического вопроса в деятельности суда (например, вина есть субъективное основание уголовной ответственности, вина есть выражение пережитков прошлого у лица или его классовой враждебности, вина есть нарушение морального долга советского гражданина и т. п.).

¹ В этом смысле правильно определяет понятие вины в социалистическом праве Б. С. Маньковский (см. «Советская социалистическая законность и понятие вины в уголовном праве», «Социалистическая законность» 1951 г. № 5).

² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

Соединение в понятии вины различных сторон этого явления, взаимно друг с другом не связанных, даст лишь эклектическое определение вины, указывающее на различные стороны данного явления и только (например, вина есть психическое отношение лица к совершенному преступлению в форме умысла или неосторожности и нарушение морального долга советского гражданина). В логическом отношении в этом случае определение понятия вины строилось бы так же, как строятся высмеянные В. И. Лениным в его работе «Еще раз о профсоюзах» эклектические определения типа, что стакан есть «и стеклянный цилиндр и инструмент для питья»¹. Такое определение является эклектическим, ибо в нем объединяются два внутренне не связанных качества, указывающие лишь на различные стороны предмета.

Если данное понятие вины необходимо для решения вопроса о виновности в каждом судебном деле, то это не значит, что изучение проблемы вины в советском уголовном праве должно ограничиться лишь вопросами о понимании содержания умысла и неосторожности. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»² — вот первое требование диалектического подхода к изучению вопроса.

Указанное понятие вины ни в какой мере не закрывает путь для всестороннего исследования проблемы вины в советском уголовном праве: значения мотива в образовании умысла, что иногда является решающим для понимания характера и направленности самого умысла; роли пережитков прошлого в сознании людей или классово враждебной идеологии в формировании умысла или неосторожности, ведущих к совершению преступления; связанного с виной правового и морального осуждения преступления и лица, его совершившего; правовых последствий признания лица виновным; методов доказывания вины в судебном процессе и т. д.

Процесс установления объективной истины, правильного отображения в сознании судьи наличия или отсутствия определенного факта — вины лица в рассматриваемом судом преступлении, нередко довольно сложный процесс, связанный с всесторонним исследованием всех доказательств, представленных по делу, и их оценкой на основе внутреннего убеждения — жизненного опыта советского судьи, правильного понимания общественно-политического значения определенных событий и их внутренней связи, правильного понимания политических задач социалистического правосудия.

На те трудности, которые встречаются иногда при отыскании истины в судебном процессе, специально указывал В. И. Ленин,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

² Там же.

отметив, что «бывают случаи убийства, когда очень нелегко решить, было ли это вполне справедливое и даже обязательное убийство (напр., необходимая оборона) или непростительная небрежность или даже тонко проведенный коварный план»¹. Какие бы ни были трудности в установлении вины лица, вывод суда о признании данного лица виновным будет истинным, когда этот вывод правильно отображает фактически существующую независимо от сознания судьи индивидуальную вину лица в совершении преступления.

Умысел или неосторожность лица, выраженные в определенных общественно опасных действиях, познаются судом на основе различных объективных обстоятельств, установленных в процессе судебного следствия. Общей предпосылкой этого является признание, что всякое поведение человека, всякое его волевое действие или бездействие, представляет собой определенное единство субъективного и объективного в поведении лица.

По объективным признакам, характеризующим содержание и форму преступного действия, может быть познана и субъективная сторона преступной деятельности. Маркс в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» писал: «...собрание валежника и кража леса — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»².

Об этом, как мы уже указывали, говорил В. И. Ленин, отмечая, что о реальных помыслах и чувствах отдельных личностей мы судим по действиям этих личностей³.

Единство объективного и субъективного в деянии человека не означает их тождество. Субъективное находит свое выражение в объективном, однако от этого оно не перестает быть субъективным и не утрачивает своего качества субъективного. Объективное, будучи выражением субъективного, не перестает все же быть объективным.

Вина лица всегда выражается в совершении определенных общественно опасных действий (или бездействия). Объективные признаки преступления при этом выступают в единстве с его субъективными признаками. Вопрос о том, виновно или не виновно лицо в совершенном деянии, решается путем установления наличия или отсутствия в его действиях определенного состава преступления. Установление субъективной стороны состава преступления есть завершающий момент установления в дей-

ствиях лица состава преступления. Этим вместе с тем решается вопрос о виновности лица.

Каждое преступное деяние есть определенное общественно опасное поведение человека. В нем находят свое выражение антиобщественные цели деятельности виновного, направленность его воли, его отношение к правам других лиц, государственным или общественным интересам. Однако было бы ошибочным отождествлять вину с самим преступным деянием, как это делал однажды М. А. Чельцов-Бебутов, когда он написал: «Гражданин наказывается за совершение преступления, за виновное нарушение законодательного запрета, иначе говоря, нормы поведения. Такое противоправное поведение и есть вина, вызывающая правовое осуждение» (разрядка наша. — А. П.)¹.

Признание виной противоправного поведения представляет собой подмену понятия вины формальным понятием преступления.

В основе понимания преступления по социалистическому праву лежит диалектическое единство объективных и субъективных свойств деяния, противоправных, общественно опасных действий и определенной формы виновности. Вина есть субъективная сторона этого единства. Поэтому ошибочно как отождествлять преступление с виной, так и отрывать вину от ее объективного выражения в общественно опасном деянии, которое является мерой степени вины лица перед социалистическим государством и советским народом.

Понятие вины в своей основе должно являться единым для всех отраслей социалистического права. Вина есть субъективная сторона правонарушения. Вина в гражданском праве есть психическое отношение нарушителя социалистического гражданского правонарушения в форме умысла или неосторожности к совершению им противоправному действию и его последствиям². В связи со сказанным нельзя согласиться с той трактовкой различия между виной в уголовном и гражданском праве, которую дает О. С. Иоффе. Для него вина в уголовном праве представляет собой «не просто субъективное отношение к действию, а своеобразное единство субъективного и объективного»³. По его мнению, результат «представляет собой один из

¹ См. М. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность» 1947 г. № 4.

² См. Г. К. Матвеев, Вина как основание гражданской ответственности по советскому праву, автореферат докт. диссертации, Киев, 1951, стр. 22. В связи с этим он справедливо отмечает, что неправильно сводить вину к противоправному поведению, что «противопоставление либо отождествление противоправности и виновности недопустимы» (там же, стр. 21).

³ О. С. Иоффе, Значение вины в советском гражданском праве, «Ученые записки ЛГУ» 1951 г. № 129, стр. 127.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 49—50.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 122.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 5-е, стр. 423—424.

составных элементов вины»¹. При таком понимании вины оно отождествляется с понятием преступления. Что касается гражданского права, то здесь автор считает, что для привлечения к гражданской ответственности необходимо наличие лишь субъективного элемента виновности². Но при определении объема ответственности учитываются только объективные последствия правонарушения. Таким образом, для автора вина в гражданском праве оказывается оторванной от ее объективного выражения в определенном противоправном деянии. Нам представляется, что для привлечения к уголовной и гражданской ответственности необходимо установить наличие правонарушения как единства его объективных и субъективных признаков. Вина, являясь субъективной стороной этого единства, не должна отождествляться с самим правонарушением.

В советской юридической литературе в течение ряда лет шли острые дискуссии о понятии вины в уголовном праве. Этот спор в основном шел между сторонниками «психологического» и «оценочного» понимания вины. Для того чтобы уяснить методологическую суть этого спора и его значение для развития теории советского уголовного права и дальнейшего укрепления социалистической законности, необходимо ознакомиться с пониманием вины в буржуазном уголовном праве.

Древние памятники права уделяли мало внимания субъективной стороне совершенного преступления. При определении уголовной ответственности они исходили из объективного вменения — и умышленное, и неосторожное, и случайное причинение вреда порождало право частной мести, влекло возмещение ущерба, уплату штрафа или другое наказание. В древнем праве разделение преступлений на умышленные и неосторожные впервые начинает проводиться по преимуществу в отношении наиболее тяжких преступлений против личности.

«Русская правда» также назначала «продажи» и «виры» не в зависимости от характера вины, а в зависимости от объективных условий — причиненного вреда, звания потерпевшего и т. д. «А кто убьет княжа мужа, то 80 гривен; пакиль людин, то 40 гривен». Однако было бы неправильно утверждать, что «Русская правда» вовсе не обращала внимания на субъективную сторону преступления. В ряде отдельных постановлений она это учитывала: ответственность за убийство в разбое была более суровой, чем убийство в «сваде», т. е. в ссоре; закуп

¹ О. С. Иоффе, Значение вины в советском гражданском праве, «Ученые записки ЛГУ» 1951 г. № 129, стр. 128.
² См. там же.

должен был платить за пропажу коня, если он его не ввел во двор и не запер, где ему велел господин, но за пропажу коня при соблюдении этих условий закуп не нес ответственности и т. п.

В Уложении 1649 года в ряде отдельных постановлений проводилось различие между умышленным, неосторожным и случайным причинением вреда. Для обозначения умышленной деятельности Уложение пользовалось такими выражениями: умышление, хитрость, нарочное дело, нарядное дело, воровство. Неосторожность Уложение именovalo небрежением, леностью. Случайные действия назывались в Уложении бесхитростными или совершенными «изволением божиим». Уложение не всегда придерживалось этой терминологии; иногда неосторожные действия оно называло бесхитростными. Уложение отказалось от преследования за случайные действия, хотя иногда оно смешивало случайность с неосторожностью и назначало за нее наказание. За действия, совершенные по небрежности, кроме возмещения вреда, назначался обычно еще и штраф.

Воинский устав Петра I различал в отдельных постановлениях преступления, совершенные умышленно и неосторожно, хотя различие между ними, а также между неосторожными и случайными действиями проводилось недостаточно четко. Неосторожные преступления Устав называл небрежными, а иногда невольными, невинными. Эта невыдержанность терминологии могла влечь за собой смешение неосторожных и случайных деяний. Ненарочные, т. е. случайные, деяния не влекли за собой уголовной ответственности. Так, убийство солдатом, стрелявшим в цель, случайно подвернувшегося человека Устав считал «весьма неумышленным и ненарочным убийством, у которого никакой вины не находится».

Уложение о наказаниях 1845 года различало умышленное и неумышленное совершение преступления. Среди умышленных преступлений Уложение различало преступления, совершенные с заранее обдуманном намерением и без этого; случайно причиненный вред не влек за собой уголовной ответственности в силу специального об этом постановления. Уложение о наказаниях не содержало определения понятия умысла и неосторожности и тем самым полностью представляло решение данного вопроса произволу феодально-крепостнической юстиции. Это давало широкую возможность суду в расправе с трудящимися признавать виновными лиц, заведомо невиновных, и осуждать их в порядке «объективного вменения».

Уголовное уложение 1903 года в Общей части давало определение понятия умышленного и неосторожного преступления. Преступное деяние считалось умышленным не только тогда, когда виновный желал его учинения, но также — когда он сознательно допускал наступление последствия, обуслови-

вающего преступность этого деяния. Преступное деяние считалось неосторожным не только тогда, когда виновный его не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть, но также и тогда, когда он, хотя и предвидел наступление последствия, обуславливающего преступность этого деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратит (ст. 48).

Уголовное уложение 1903 года отразило в себе развитие царского самодержавия по пути превращения его из феодальной в буржуазную монархию. В связи с этим оно восприняло многие положения буржуазного уголовного законодательства. Однако за лицемерной маской «законности» оно цинично расправлялось со всеми «внутренними врагами», малейшим проявлением революционного движения против самодержавия. Этому служили и внешне отшлифованные понятия о формах вины (умысле и неосторожности), которыми кичились некоторые дореволюционные русские криминалисты.

Многие буржуазные уголовные кодексы не содержат в Общей части специальных постановлений об умысле и неосторожности. Так, например, поступает Французский уголовный кодекс 1810 года. Однако в Особенной части кодекса при описании целого ряда преступлений закон непосредственно указывает на характер субъективной стороны совершаемого деяния. Понятие умысла и неосторожности и общие правила об ответственности за умышленные и неосторожные преступления разрабатываются теорией уголовного права и самой судебной практикой.

В английском праве определение понятия умысла и неосторожности дается судебной практикой. Более или менее общепринятым является определение умысла (*criminal intention*), согласно которому умыслом считается сознательное совершение деяния, о котором лицо знает, что оно может причинить вред личности или имуществу других. Понятие умысла в английском праве охватывает умысел как прямой, так и эвентуальный, хотя последним понятием английская уголовноправовая литература непосредственно не пользуется. Неосторожное совершение преступления по английскому праву влечет за собой ответственность лишь в тех случаях, относительно которых была явно выражена наказуемость неосторожного совершения соответствующего деяния. Неосторожность (*criminal inattention or negligence*) определяется как отсутствие внимания к возможным последствиям своего поведения. Фактически вопрос о форме виновности при осуждении за отдельные преступления в громадном большинстве случаев решается произволом суда.

Германский уголовный кодекс 1871 года также не содержит в Общей части специальных постановлений об умысле и неосторожности. В ст. 59 кодекса содержится лишь постановление о том, что если «кто при совершении преступного деяния не

сознавал наличия фактических обстоятельств, принадлежащих к составу преступления или устанавливающих его наказуемость, то ему эти обстоятельства не могут быть вменены в вину, при наказании за неосторожно совершенное действие это постановление применяется лишь в тех случаях, когда это незнание не было вызвано самой неосторожностью лица».

Принцип допустимости уголовной ответственности лишь при установлении индивидуальной вины лица был когда-то одним из прогрессивных правовых требований, выдвинутых идеологами идущей к власти буржуазии в ее борьбе с феодальной юстицией. Однако всегда, когда буржуазия достигала политического господства, она не проводила полностью в жизнь даже свои формальные буржуазноправовые положения. Буржуазное уголовное законодательство никогда не руководствовалось в полной мере принципом ответственности лишь при наличии установленной субъективной вины лица в совершении преступления, т. е. деяния, которое представлялось опасным с точки зрения классовых интересов буржуазии. В буржуазном уголовном законодательстве, особенно в англо-американском праве, во многом в неприкрытом виде сохранились реакционнейшие положения об объективном вменении, т. е. ответственности без вины. Так, в английском уголовном праве широко используется презумпция вины при определении уголовной ответственности за ряд преступлений, в том числе и за такие, которые наказываются весьма сурово. Тем самым английское уголовное право позволяет фактически применять наказание при отсутствии в действительности субъективных оснований ответственности. К этому же приводит и установление в английском праве системы «абсолютных запрещений», где для наказуемости лица достаточно установить наличие нарушения соответствующего запрещения¹. Примером допустимости ответственности без вины может служить закон о государственной измене, изданный в Англии в 1911 году. Он содержит специальное указание, что по делам о нарушении государственной тайны «нет необходимости доказывать, что подсудимый виновен в совершении того или иного действия, свидетельствующего о наличии у него цели, клонящейся к причинению ущерба безопасности или интересам государства». Согласно этому закону для осуждения лица за государственную измену достаточно, если из его общей репутации и поведения суд может усмотреть наличие цели, клонящейся к нанесению ущерба государству. Установление вины лица заменяется здесь открытым признанием подозрительности личности.

Во французском уголовном законодательстве «полицейские нарушения» и ряд проступков влекут за собой ответственность без наличия вины.

¹ См. К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 41—50.

Еще больше нарушений принципа ответственности при наличии вины давала практика буржуазного суда. Отсутствие в буржуазном уголовном законодательстве строгих определений форм вины и неопределенность обрисовки субъективной стороны многих составов преступлений дает в этом отношении буржуазному суду широкие возможности. Элементарные формально-правовые гарантии личности, провозглашенные в буржуазном уголовном законодательстве, на деле могут быть в любой момент сведены на нет, когда дело идет о судебной расправе с трудящимися.

В. И. Ленин в конце прошлого столетия писал о царском «правосудии»: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли — говорят дипломаты. Закон дан для того, чтобы извращать понятие вины и ответственности — могут сказать наши юристы»¹. Буржуазный суд на основе своего «внутреннего» убеждения, когда этого требуют классовые интересы буржуазии, мог признать виновным лицо, заведомо невинное в совершении преступления.

Буржуазная теория уголовного права, до того как капитализм вступил в империалистическую стадию развития, обычно определяла вину как психическое отношение лица к содеянному в форме умысла или неосторожности. Такое понимание вины имело определенное прогрессивное значение в борьбе с произволом феодальной юстиции и в укреплении начал буржуазной законности. Это было связано с тем, что буржуазия вела борьбу против объективного вменения, получившего широкое распространение в феодальной юстиции. Указанное понятие вины требовало, чтобы суд в каждом случае при признании кого-либо виновным установил наличие определенного психического отношения лица к совершенному им преступному деянию. Однако такое понятие вины в буржуазной теории уголовного права носило формальный характер, поскольку при этом не вскрывался и не мог вскрываться классовый характер понятия преступления. Буржуазная теория уголовного права защищала формальное понятие преступления как деяния, запрещенного законом. Поэтому даваемое ею понятие вины носило также формально психологический характер. К тому же следует иметь в виду, что буржуазные криминалисты, как правило, связывали понятие вины с идеалистическим представлением о свободе воли. Но исторически прогрессивным в этом было то, что вина трактовалась как строго определенный факт, который должен быть установлен судом в процессе рассмотрения дела для признания лица виновным в совершении преступления. В этом заключались определенные формально-правовые гарантии личности в уголовном законодательстве, которые могли быть использованы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 366.

трудящимися для защиты от произвола буржуазного суда. Против этих положений буржуазной теории домонополистического периода в развитии капитализма и были направлены усилия буржуазных криминалистов в эпоху империализма. Криминалисты эпохи империализма обосновывали в области уголовного права ломку буржуазной законности и нередко отрицали необходимость установления вины для уголовной ответственности. Открыто защищали необходимость отбросить понятие вины как основание уголовной ответственности криминалисты-антропологи и многие криминалисты-социологи. На месте понятия вины они ставили понятие «опасного состояния» личности, служащее основанием для применения суровых карательных мер, лицемерно именуемых мерами социальной защиты. Такое обоснование уголовной ответственности имело сугубо реакционный политический смысл. Это было особого рода «ученое» оправдание любых полицейских расправ эксплуататорских классов с опасными для них личностями.

Немецкие фашистские мракобесы не только всячески культивировали различного рода неоантропологические теории, но и использовали их для «обоснования» своей чудовищной карательной политики, направленной на массовое истребление «неполноценных» людей, под которыми они понимали всех тех, кого считали опасными для преступного фашистского «нового порядка». Ныне реакционные неоантропологические теории получили широкое распространение среди американских криминалистов. Одной из форм идеологического оправдания ломки буржуазной законности являются различного рода идеалистические теории в области уголовного процесса и материального уголовного права. Идеалистическая философия всегда подменяла в процессе познания существующий вне сознания человека объективный мир субъективными ощущениями, субъективным сознанием, понятием и т. п. Софизм идеалистической философии состоит в том, писал В. И. Ленин, что ощущение принимается не за образ внешнего мира, а за «единственно сущее»¹. Материю как объективно существующую реальность идеализм заменяет совокупностью ощущений. Причинную связь как объективную связь между явлениями внешнего мира он подменяет привычкой нашего сознания связывать последовательность определенных событий или превращает в априорную субъективную категорию, которую человеческое сознание привносит в опыт, чтобы ориентироваться в нем.

Среди буржуазных процессуалистов широкое распространение получила субъективно-идеалистическая трактовка истины в уголовном процессе, фактически отрицающая возможность установления объективной истины в судебном разбирательстве

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 40.

дела. Для субъективно-идеалистической философии предметом познания является не объективный мир, а лишь его воздействие на наши чувства, лишь чувственное восприятие внешнего мира, ощущений. Поэтому для субъективно-идеалистической философии истиной не могло являться правильное отражение внешнего мира в сознании человека. Для нее истиной является лишь внутренняя согласованность, непротиворечивость наших суждений. На этом основывается субъективная уверенность лица в их правильности, которая заменяет собой объективную истину. Буржуазная уголовно-процессуальная наука в соответствии с этим провозглашает, что задачей уголовного процесса является установление не объективной достоверности, а лишь субъективной уверенности суда в виновности обвиняемого, основанной на внешней непротиворечивости полученных судом впечатлений. Буржуазная процессуальная наука, зараженная предрассудками идеалистической философии, не считает задачей уголовного процесса установление объективной достоверности совершения обвиняемым преступления. Буржуазные процессуалисты утверждают, что для признания обвиняемого виновным фактически нельзя и требовать большего, чем установление вероятности совершения им преступления. Если при этом они и продолжают говорить об установлении «материальной истины» в уголовном процессе, то в действительности имеют в виду достижение лишь субъективной уверенности суда в виновности обвиняемого, основанной на любых предвзятых или поверхностных впечатлениях. Многие буржуазные процессуалисты наивно полагают, что в разработке теории судебных доказательств они независимы от каких-либо философских учений. Эту мысль, например, высказывает английский процессуалист Нокс, автор одной из работ о судебных доказательствах¹. Однако это не мешает ему повторять обычные измышления буржуазной идеалистической философии о недостижимости полной достоверности, т. е. объективной истины в «человеческих делах» и необходимости поэтому для суда руководствоваться в своих приговорах лишь вероятностью совершения обвиняемым преступления². Подобное понятие истины, служащее философским оправданием произвола буржуазного суда при установлении вины обвиняемого в уголовном процессе, является одним из орудий маскировки классовой расправы буржуазного суда. Оно используется для того, чтобы любое усмотрение буржуазного суда провозгласить установлением истины в уголовном процессе. Буржуазные процессуалисты таким путем подводят «философское» обоснование

под извращение понятия вины и ответственности буржуазным судом.

В области материального уголовного права идеологическим оправданием ломки буржуазной законности были так называемые оценочные теории вины, созданные на базе неокантианской философии. Их сущность заключалась в том, что они отрицали за виной качество определенного факта объективной действительности и суть вины видели в «упреке» суда по отношению к поведению обвиняемого, в отрицательной оценке судом деяния обвиняемого, как противоречащего нормативному велению. Предпосылкой этого понимания вины было резкое противопоставление неокантианской философией области «сущего» и области «должного». Право говорит лишь о должном и недолжном. Область права, по мнению неокантианцев, есть лишь область оценки поведения людей как соответствующего или несоответствующего требованиям права. Установление вины, с точки зрения неокантианцев, не есть установление строго определенных фактов объективного мира, принадлежащих к области сущего, а есть лишь отрицательная оценка судом поведения лица, как противоречащего нормативному велению, признание упречности его поведения. Отсюда и название этих теорий — «оценочные» теории вины.

Софизм идеалистической философии заключается здесь в том, что существующая вне сознания судьбы индивидуальная вина лица, выраженная в строго определенных фактах, имевших место во внешнем мире, заменяется субъективным отрицательным оценочным суждением судьи о всем поведении лица. Идеалистическая теория в уголовном праве сознательно подменяла то, что суд должен был отразить в своем суждении о виновности лица, — объективную истину по делу — самим оценочным суждением судьи, лишенным всякой объективной определенности, складывающимся под влиянием его классовых интересов, политических воззрений, предвзятых идей и настроений. Оценочная теория вины подрывала буржуазную законность в области уголовного права, так как она фактически означала освобождение суда от обязанности искать объективную истину по делу. Политически она играла ту же роль, что и субъективистское понятие истины в уголовном процессе. Оценочная теория вины в буржуазной науке уголовного права выступала в различных формулировках. Виной объявлялась то упречность поведения, то отрицательная оценка поведения, то совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние и лицо, его совершившее, заслуживающих правового неодобрения со стороны суда, и т. д. При этом, несмотря на некоторые нюансы формулировок, суть их оставалась одна и та же: за виной отрицалось качество строго определенного явления внешнего мира, которое

¹ Nokes, An Introduction to Evidence, Londres, 1952, p. 3.

² Там же, p. 407—408.

должно быть правильно отражено в сознании суда, вина порождалась субъективной оценкой судом поведения лица. Характерным для всех оценочных теорий была и их борьба против признания умысла и неосторожности формами вины. Выраженные в действиях умысел и неосторожность представляют собой для суда определенные явления внешнего мира. Рассмотрение их как форм вины было несовместимо с оценочным, нормативным понятием вины. В связи с этим и умысел, и неосторожность рассматривались не как формы вины, а лишь как обстоятельства, которые наряду с другими могли быть учтены судом для вынесения своего оценочного суждения о поведении обвиняемого.

Появление оценочной концепции вины в буржуазной уголовной литературе обычно связывается с опубликованием в 1907 году работы немецкого криминалиста Райнгарда Франка «О построении понятия вины»¹. Он выступает против господствующего понятия вины как психического отношения лица к совершенному деянию в форме умысла или неосторожности. По его мнению, такое понятие вины не может объяснить, почему вина обвиняемых в одном и том же преступлении при одних обстоятельствах признается большей, а при других меньшей. С его точки зрения, умысел и неосторожность не являются формами вины и вина не является лишь родовым понятием умысла и неосторожности. По мнению Франка, вина есть собирательное понятие, одним из элементов которого является умысел и неосторожность. Наряду с ними составными элементами вины являются, как утверждает Франк, также и вменяемость лица, и все сопровождающие совершение преступления обстоятельства. Объединяющим все эти элементы вины и самым существенным в понятии вины он считает упречность (*Vorwurfbarkeit*). Вина и есть упречность². Поэтому виновное действие — упречное действие, т. е. такое, за которое лицу, его совершившему, можно сделать упрек. Противоправное поведение можно вменить кому-либо в вину лишь тогда, когда ему можно сделать упрек в том, что он совершил это деяние. Закон лишь в общей форме устанавливает, какое поведение заслуживает упрека. Однако то, что вообще заслуживает упрека, может при определенных обстоятельствах, сопровождающих совершение данного деяния, не заслуживать упрека, не быть упречным. Виновное поведение есть всегда упречное поведение³. В дальнейшем оценочное понимание вины в буржуазно-юридической литературе эволюционировало в том направлении, что умысел и неосторожность, а также со-

провожающие совершение преступления смягчающие и отягчающие обстоятельства перестали рассматриваться как составные элементы вины, а лишь — как объект для соответствующей нормативной оценки. Вина открыто превращалась лишь в «упрек», в оценочное суждение судьи о поведении обвиняемого.

Оценочное понятие вины ныне защищается как неокантианцами, подвизающимися в области общей теории права и государства, так и неокантианцами, занимающимися в угоду империалистической буржуазии искажением понятия вины в области уголовного права. Глава современных неокантианцев среди буржуазных юристов Кельзен отстаивает оценочное понятие вины, лишенное всякого психологического содержания. Смысл «теоретической» работы неокантианцев Кельзен видит в освобождении юриспруденции от всяких элементов объяснительных наук — социологических, исторических и психологических. Правовые понятия должны быть чисто нормативными, оценочными, лишенными всяких примесей «сущего», реальной действительности. В этом смысле его так называемого чистого учения о праве. В соответствии с этим и сущность вины усматривается в отрицательной оценке судом поведения обвиняемого как противоречащего нормативным велениям или запретам. Кельзен ведет настойчивую борьбу с психологическим пониманием вины как остатком материалистического воззрения в области теории¹. В политическом отношении оценочное понимание вины Кельзеном является лишь «философским» обоснованием полного усмотрения суда в решении вопроса о виновности, «философским» обоснованием расправ буржуазного суда над трудящимися. Оправдывая разрушение буржуазией ее же собственной законности в эпоху империализма, Кельзен грубо извращал понятие вины и ответственности, защищал положение, что не вина лица является предпосылкой применения наказания, а, наоборот, раз применено наказание, то это означает, что имеется и вина как отрицательная оценка поведения лица.

О преодолении психологического понимания вины и установлении оценочного понимания вины много и назойливо писали буржуазные криминалисты-неокантианцы. Зауер сущностью вины объявляет осуждение поведения обвиняемого со стороны правопорядка². Вина есть упрек, неодобрение, отрицательная оценка — твердили все мейеры, франки, вольфы, гиппели, мецгеры и другие неокантианцы. Им вторили и русские дореволюционные криминалисты. Так, Немировский в «Основных началах уголовного права» писал, что упрек, вытекающий из несоответствия деяния юридической норме, и составляет вину.

¹ Reinhard Frank, *Über den Aufbau des Schuldbegriffs*, Giessen, 1907.

² Там же, S. 11.

³ Там же, S. 11—12.

¹ Kelsen, *Hauptprobleme des Staatsrechtslehre* 1911, Berlin, S. 130—138.

² Sauer, *Grundlagen des Strafrechts*, 1921, S. 542.

В отношении чего же неокантианские криминалисты направляют упрек, что подлежит отрицательной оценке при признании человека виновным? В этом вопросе все они сходятся на том, что дело здесь не ограничивается лишь умыслом и неосторожностью. Наряду с умыслом и неосторожностью лица объектом оценки оказывается и многое другое. Так, для Немировского таким объектом является преступное настроение личности, включающее в себя и умысел, и неосторожность, и общие свойства личности; для других неокантианцев подобным объектом являются все объективные и субъективные обстоятельства дела, характеризующие и преступное деяние, и личность, и все поведение обвиняемого и т. п. Умысел и неосторожность при этом утрачивают свое значение формы виновности¹.

Реакционный политический смысл оценочных теорий вины заключается в том, что они при внешнем сохранении прежних понятий уголовного права фактически освобождали буржуазный суд от ставших стеснительными для него требований буржуазного закона и объявляли любое усмотрение буржуазного суда решением вопроса о виновности. Виновным становится каждый, кто опасен для буржуазии. Оценочные теории вины обосновали проведение волчьей морали в деятельности буржуазного суда. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» — вот подлинный смысл этих теорий. Реакционные теории вины явились продуктом гниения и распада буржуазной правовой идеологии эпохи империализма. В настоящее время их широко использует империалистическая буржуазия в судебной расправе с борцами за мир и со всеми прогрессивно мыслящими людьми.

Оценочное понятие вины вошло составной частью и в модное ныне в литературе по уголовному праву Западной Германии так называемое финальное учение о преступном деянии. Глава этой школы Вельцель утверждает, что умысел не является признаком вины. Вина, по его мнению, является оценкой умысла

¹ Б. С. Маньковский правильно указывает на политический смысл такого расширения понятия вины: «Уголовно-политическое назначение этих установок состоит в том, чтобы умысел и неосторожность как формы вины оттеснить на второстепенное место, потопить их в условиях, предшествующих виновности, и в целой серии всякого рода критериев, симптомов виновности, что в этом плане однозначно критериям «опасного состояния». В более тонкой форме криминалисты-неокантианцы пытаются по существу ликвидировать понятие вины, базирующееся на принципах формальной буржуазной законности, путем его «расширения». По форме ведется «борьба» за «углубление» и «расширение» понятия вины, а на деле проводится сочетание вины с теорией «опасного состояния», отказ от вины и сохранение ее лишь терминологически. Такой постановкой вопроса умаляется роль умысла и неосторожности как форм виновности, а это ведет к усилению объективного вменения в судебной практике буржуазного государства» («Проблема ответственности в уголовном праве», М.—Л., 1949, стр. 87).

лица, поэтому сам умысел не является частью этой оценки, он является лишь ее предметом. Вина есть упрек в отношении умысла (решимости) или, более широко (если охватывать и случаи совершения преступления по неосторожности), в отношении волеобразования в том, что оно не является тем, каким должно быть¹. Криминалист Западной Германии Мецгер в своем введении к комментированному изданию Германского уголовного кодекса пишет о том, что новейшее развитие теории уголовного права привело к признанию, что вина есть в первую очередь оценочное суждение об определенном характере внутреннего поведения человека. Нормативное понимание вины, понимание вины как упречности поведения ныне является общепризнанным². Криминалист Западной Германии Ланге на страницах швейцарского журнала уголовного права в статье «Основные вопросы реформы немецкого уголовного права» писал, что «вина в своей основе не является определенной психической стороной поведения, которая может быть констатирована, но является упреком в отсутствии социально-этических устремлений»³. Против этих идеалистических концепций вины, развиваемых в Западной Германии, острую борьбу ведут криминалисты Германской Демократической Республики. И. Лекшас в работе «Вина как субъективная сторона преступного деяния» разоблачает идеалистический характер этих теорий и их реакционный политический смысл. Он справедливо отмечает, что при этом вина из головы лица, совершающего преступление, перекладывается в голову судьи и существует лишь постольку, поскольку судья признает виновный упрек. Таким путем открываются ворота для судейского произвола. Вина вследствие этого при совершении государственной измены существует всегда, когда судья объявит, что она, по его мнению, имеется налицо. Это дает возможность выносить многочисленные обвинительные приговоры революционным рабочим. Нет необходимости

¹ Hans Welzel, Um die finale Handlungslehre, Berlin, 1949, S. 24—26; Richard Busch, Moderne Wandlungen der Verbrechenslehre, Berlin, 1949, S. 10—11.

² «Strafgesetzbuch, Siebente neubearbeitete Auflage», Bd. 1, Berlin, 1954, S. 11—12. Такое понимание вины является господствующим в тех буржуазных странах, в которых теория уголовного права развивалась под влиянием немецкой доктрины уголовного права. Так, нормативное (оценочное) понимание вины является господствующим в австрийской теории уголовного права (см. статью Новоковского «Австрийское уголовное право» в сб. «Современное зарубежное уголовное право», т. III, 1961). Оценочная теория вины находит полное признание в уголовном праве Греции. Греческие криминалисты под виной понимают «упрек», отрицательное оценочное суждение в отношении всего поведения обвиняемого, а виновностью считают умысел и неосторожность лица. См. статью Мангакиса «Уголовное право Греции. Общая часть» в сб. «Современное зарубежное уголовное право», т. III, 1961.

³ Dr. Richard Lange, Grundfragen der deutschen Strafrechtsreform, «Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», 1955, Heft 4, S. 394.

доказывать какую-либо вину лиц, выступающих в защиту прав народа: привлечены к ответственности — этого достаточно, чтобы признать их виновными¹.

Долгом советских криминалистов является последовательная защита линии материализма в теории уголовного права от всяких идеалистических штатаний в вопросе о понятии вины, мешающих укреплению социалистической законности в работе органов суда и прокуратуры. Поэтому проникновение в советскую науку уголовного права оценочной концепции вины должно было встретить решительный отпор советских криминалистов. В этом заключалась суть всей дискуссии о вине, которая имела место в 1950—1955 гг. в нашей юридической литературе.

Первая попытка внести оценочное понимание вины в советскую теорию уголовного права была сделана после окончания Великой Отечественной войны. Н. Д. Дурманов в 1945 году писал: «Виновность есть оценочная категория, ничего общего не имеющая с установлением совершенно объективного факта, является ли данное лицо причиной, так сказать, автором данного результата»². Хотя не всякое причинение данного результата есть его виновное причинение, тем не менее вина лица является основной частью той объективной истины, которую должен установить советский суд в приговоре, является тем объективным фактом, который должен установить суд. Именно лишь при установлении вины лица можно признать его «автором данного результата». Высказанное мельком оценочное понимание вины в работах Н. Д. Дурманова не получило дальнейшего развития. Но такое понимание вины было положено Б. С. Утевским в основу его работы «Вина в советском уголовном праве». Подобное понимание вины, по утверждению Б. С. Утевского, дало ему якобы возможность «установления и теоретического обоснования того положения, что наряду с более узким пониманием вины как элемента состава преступления, как субъективной стороны преступления, т. е. умысла или неосторожности, советское социалистическое уголовное право знает более широкое понима-

¹ См. И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, М., 1958, стр. 38—41.

² Н. Д. Дурманов, Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве, «Вопросы уголовного права», сб. 1, М., 1945, стр. 52. В. Макашвили правильно выступил против утверждения Н. Д. Дурманова об оценочной природе вины, отметив, что «советскому уголовному праву с самого начала его зарождения и на всем протяжении развития было чуждо нормативное понимание вины. Ни постановления Уголовного кодекса, ни судебная практика, ни наука советского уголовного права не рассматривают вину как чисто оценочную категорию» (В. Макашвили, Вина и сознание противоправности, «Методические материалы ВЮЗИ», М., 1945, стр. 91).

ние вины — вины как основания уголовной ответственности»¹. Лишь это последнее понятие вины, по мнению Б. С. Утевского, и решает вопрос о виновности или невиновности обвиняемого.

Как утверждает Б. С. Утевский, вина в качестве общего основания уголовной ответственности есть «совокупность обстоятельств, заслуживающих, по убеждению советского суда, отрицательной общественной (морально-политической) оценки от имени социалистического государства и требующих уголовной ответственности подсудимого»². Решающим в таком понимании вины является субъективная отрицательная оценка судом по своему усмотрению (независимо от того, что в действиях лица уже установлен определенный состав преступления) достаточно неопределенной совокупности объективных и субъективных обстоятельств. Субъективное усмотрение судьи открыто поставлено здесь на место социалистического закона. Это особенно очевидно из рассмотрения данного им итогового понимания вины, сводящегося к следующим признакам:

«1) Наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого; совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления,

2) отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени социалистического государства всех этих обстоятельств,

3) убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность»³.

Защита взгляда, что вина есть лишь оценочная категория — отрицательное суждение судьи о поведении лица (а в этом, если только не играть словами, суть оценочного понимания вины), могло оказать лишь вредное влияние на нашу судебную практику. Советское государство воспитывает суд не так, чтобы он мог сказать обвиняемому: «Моя оценка твоего поведения и есть твоя вина». Это привело бы к оправданию грубых нарушений социалистической законности в работе суда. Поэтому оценочная концепция вины встретила решительное осуждение большинства советских криминалистов.

Решение вопроса о вине, данное в «оценочной» теории Б. С. Утевского, в методологическом отношении аналогично решению этого вопроса в оценочных теориях вины, выдвинутых задолго до него буржуазными криминалистами. По этой теории установление умысла и неосторожности при совершении преступления не решает еще вопроса о вине лица; умысел и

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 59.

² Там же, стр. 103.

³ Там же.

неосторожность являются лишь субъективными обстоятельствами, которые наряду со многими иными субъективными и объективными обстоятельствами учитываются судом при вынесении своего морально-политического осуждения обвиняемому. За виной таким путем отрицается качество строго определенного факта, который должен установить суд для вынесения обвинительного приговора. Суть вины сводится к морально-политическому осуждению судом по своему усмотрению всего поведения лица в целом. Таким образом, решение вопроса о вине не означало правильного отражения в приговоре определенного объективно существующего факта — совершения данным лицом преступления умышленно или неосторожно. Вина переставала быть основной частью той объективной истины, которую должен установить суд в своем приговоре. Тем самым проблема установления вины как проблема установления объективной истины по делу заменялась вопросом о том, является ли личность обвиняемого по всем обстоятельствам дела опасной по мнению суда и подлежащей поэтому уголовной ответственности.

Б. С. Утевский пытался провести различие между неокантианскими теориями вины и собственной оценочной теорией: «Советская теория уголовного права понимает оценку обвиняемого и его действий, даваемую советским судом, как оценку партийную, т. е. оценку с точки зрения интересов социалистического государства трудящихся. Это обстоятельство и является решающим для проведения самого резкого принципиально-политического различия между неокантианскими оценочными теориями и оценкой советским судом при решении вопросов вины»¹. Разумеется, бесспорной истиной является утверждение, что советский суд руководствуется в своей деятельности интересами социалистического государства, интересами трудящихся. Но при решении спора о понимании вины суть вопроса заключается не в этом. Она заключается в том, считать ли вину объективно существующим вне сознания судьи фактом, который должен быть установлен в процессе судебного рассмотрения дела, или рассматривать вину как чисто оценочную категорию, порицание, упрек, отрицательную оценку судом всякого рода субъективных и объективных обстоятельств. Первая точка зрения есть позиция материализма, на которой стоит наше социалистическое законодательство и вся наша судебная практика. Вторая точка зрения есть позиция идеализма в понимании вины.

Рассмотрение вины как оценочной категории вело к обоснованию полного судебного усмотрения в решении вопроса о вине лица, к умалению роли и значения точных составов преступлений. Она ставила усмотрение суда выше прямых требований социалистического закона.

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, стр. 88.

Установление в действиях подсудимого состава преступления согласно «оценочной» теории вины Б. С. Утевского не есть еще решение вопроса о вине этого лица. Следовательно, суд может согласно оценочной теории вины не признать лицо виновным и оправдать его при наличии состава преступления. Однако советский закон не предоставляет суду такого права.

С признанием лица виновным, разумеется, связана всегда не похвала, а его осуждение, отрицательная оценка совершенного им деяния как преступления, как деяния, опасного для основ советского строя или социалистического правопорядка.

При установлении вины речь всегда идет об умысле или неосторожности в отношении деяния, которое оценивается социалистическим государством, социалистическим уголовным законом как опасное для основ советского строя или социалистического правопорядка. Эту оценку осуществляет советский суд как орган Советской власти в своей практической работе, решая вопрос о вине лица.

Оценка судом совершенного деяния выражается в его квалификации как, например, хищения, злоупотребления властью, халатности и т. д., а также в мере назначенного судом наказания. При определении меры наказания суд оценивает степень вины лица, общественную опасность его личности и совершенного им преступления. Однако то, что вина предполагает оценку социалистическим законом совершенного деяния как преступного, что с признанием наличия вины связано всегда осуждение виновного, не означает, что вина и есть лишь оценка, как твердят сторонники оценочной теории вины в буржуазной юридической литературе и как за ними, к сожалению, некритически повторяли это некоторые советские криминалисты. Нельзя сводить вину к оценочному суждению судьи. Глубоко ошибочной является подмена индивидуальной вины преступника, существующей до того, как было вынесено какое-либо мнение советского суда по делу, существующей объективно вне сознания судьи, отрицательным суждением его об общественно опасном поведении преступника. Поступать так — значит скатываться на позиции идеалистического понимания вины, изобретенного реакционной неокантианской философией. Без четкого и ясного понимания того, где проходит различие между идеалистическим и материалистическим пониманием вины, не может вестись плодотворная теоретическая разработка проблемы вины в советской теории уголовного права¹.

¹ Оценочная концепция вины Б. С. Утевского нашла свое отражение в работе Т. А. Сергеевой «Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам», М., 1950.

Хотя русский язык, а за ним и судебная практика всегда слово «вина» и «виновность» употребляют в смысле тождественных понятий, Т. А. Сергеева пыталась уверить читателей, что необходимо вкладывать в них раз-

В процессе дискуссии сторонники оценочного понимания вины обвиняли своих противников в том, что те якобы полностью отрицают оценочную деятельность суда. Это обвинение было несправедливым и основывалось на смешении совершенно различных вещей и понятий. Некоторые сторонники оценочного понимания вины смешали оценку судом доказательств по делу с оценочным пониманием вины. Оценка доказательств по делу для установления виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении для советского суда имеет своей предпосылкой материалистическое представление о вине как объективно, независимо от сознания судьи, существующем факте. Оценочное понятие вины покоится на идеалистическом понимании вины, на отрицании за виной строго определенного факта объективного существования вне сознания судьи. Процесс формирования судейского убеждения о виновности подсудимого есть процесс познания, правильного отражения в сознании судьи определенного объективно существующего факта — совершения подсудимым умышленно или по неосторожности преступления. Формирование убеждения советского суда о виновности подсудимого не имеет ничего общего с идеалистической оценочной теорией вины. Неправильно изображали сторонники оценочного понимания вины и действительную активную роль советского суда в процессе применения уголовного закона.

Суд в своей деятельности подчинен закону. Признание судом наличия состава преступления в действиях обвиняемого есть государственная оценка его действий, оценка, которая выражает волю всего советского народа. Эту оценку обязан проводить и проводит советский суд как орган власти в своей практической работе, решая вопрос о вине лица. Сказанное, разумеется, не означает отрицание активной, творческой роли суда

личное содержание. Она пользуется термином «виновность» для обозначения общего основания уголовной ответственности и термином «вина» для обозначения субъективного ее основания (стр. 11). С точки зрения Сергеевой, установление вины лица в совершенном преступлении еще недостаточно для признания его ответственным за совершенное преступление. «Виновность является общим основанием уголовной ответственности. Только при наличии виновности человека он может быть подвергнут наказанию» (стр. 14). Так же как и Б. С. Утевский, Т. А. Сергеева смешивает вопрос об установлении вины лица в совершении определенного преступления с установлением тех обстоятельств, которые оказывают влияние на степень ответственности лица.

В статье «К вопросу об индивидуализации уголовной ответственности» («Советское государство и право» 1951 г. № 10) Т. А. Сергеева пыталась утверждать, что в ее работе «Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам» вопрос шел не о том, когда лицо подлежит уголовной ответственности, а лишь о том, какие обстоятельства оказывают влияние на индивидуализацию наказания, и отмежевывается от оценочной концепции вины Б. С. Утевского. Однако при этом критика оценочной теории вины Б. С. Утевского, данная Т. А. Сергеевой, полностью применима и к ее собственной теории «вины» и «виновности».

в процессе применения уголовного закона. Процесс применения судом абстрактной нормы уголовного закона к конкретному случаю требует от суда как уяснения общественного смысла тех конкретных преступных деяний, с которыми ведет борьбу Советское государство, так и пониманием ответственной роли советского уголовного закона в деле охраны социалистического общества от всякого рода преступлений. Квалификация совершенного преступления есть оценка судом конкретного случая в соответствии с требованиями уголовного закона. Поэтому правильная квалификация преступлений требует от суда не только понимания необходимых признаков соответствующих составов преступлений, предусмотренных советским уголовным законом, но и умения найти в каждом случае судебной практики признаки определенного состава преступления в их конкретном индивидуальном выражении. Советский суд может правильно разрешить эти задачи, лишь руководствуясь политикой Коммунистической партии и Советского государства, руководствуясь своим марксистско-ленинским мировоззрением и основанным на нем социалистическим правосознанием. Этот процесс применения норм советского уголовного права к конкретному случаю, который осуществляет суд в своей практической работе, есть не механический, а активный творческий процесс.

Требование строжайшего соблюдения социалистической законности не противоречит, а соответствует задаче глубоко осмысленного применения закона в конкретном случае. Социалистическая законность указывает определенные пути и средства для того, чтобы вынесенный судебный приговор во всей полноте соответствовал жизненной правде, чтобы не допустить формально-бездушного отношения к людям, не допустить того, чтобы приговор советского суда представлял собой нечто формально правильное, а по сути издевательство. Советское уголовное законодательство дает суду возможность в соответствии с его социалистическим правосознанием в необходимых случаях учесть и в полной мере оценить различного рода конкретные обстоятельства совершенного преступления для смягчения ответственности или даже ее полного отпадения (ст.ст. 7, 37, 38, 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Социалистическая законность сочетает в себе твердость в осуществлении общих требований закона и необходимую гибкость в процессе его конкретного применения.

Если применение судом норм права есть не механический процесс, а активный, творческий, требующий большого напряжения всех духовных сил судьи, высокого политического и культурного его развития и сознания им ответственности за свою работу перед советским народом, то все же процесс применения норм права не является нормотворческим процессом. Суд в своей практической работе по

применению норм права не создает новых норм. Он действует в соответствии с требованиями закона, и процесс его применения не может противоречить закону.

Активная творческая роль советского суда проявляется каждый раз в процессе назначения наказания. Во всех случаях советский уголовный закон предоставляет суду возможность в рамках карательных санкций назначать виновному наказание в соответствии с общественной опасностью деяния, общественной опасностью личности виновного и степенью его вины. Социалистическому правосознанию суда принадлежит решающая роль в деле назначения конкретного наказания виновному в процессе индивидуализации наказания. Судья всесторонне оценивает общественную опасность деяния в конкретной обстановке его совершения, учитывает мотивы, которыми руководствовалось при этом лицо, степень осуществления им преступного намерения, его роль в совершении преступления, политические задачи борьбы с данным родом общественно опасными деяниями и все смягчающие или отягчающие ответственность виновного обстоятельства. Социалистическое правосознание помогает суду выбрать наказание, которое воспринимается советским народом как справедливое. Именно поэтому оно приобретает громадное воспитательное значение, содействует борьбе социалистического государства с пережитками прошлого в сознании отсталой части населения нашей страны, содействует укреплению общественной дисциплины и организованности во всех областях нашего великого строительства.

К чести советской науки уголовного права оценочная теория вины Б. С. Утевского встретила решительное осуждение со стороны большинства советских криминалистов. Резкой критике она была подвергнута во время дискуссии по вопросу о вине и ответственности, организованной сектором уголовного права и процесса Института права Академии наук СССР¹, резко отрицательные отзывы о работе Б. С. Утевского были помещены в нашей юридической и общей печати². Суровой критике подвергли участники Всесоюзного совещания научных работников в области уголовного права, созванного для обсуждения макета учебника Общей части советского уголовного права, оценочную

теорию вины Б. С. Утевского, как теоретически ошибочную и вредную для дела укрепления социалистической законности¹. В нашей печати не было высказано взглядов, направленных непосредственно в защиту оценочной концепции вины Б. С. Утевского. Однако некоторые участники дискуссии, хотя и отмежевались от оценочной теории вины Б. С. Утевского, на деле оказались весьма близки к ней и не могли поэтому оказать советским юристам помощи в деле разоблачения оценочной концепции вины. Мы имеем в виду взгляды по вопросу о вине, высказанные А. Н. Трайниным и А. Я. Вышинским.

Взгляды А. Н. Трайнина о вине как основании уголовной ответственности, которые высказывались им во втором издании его работы о составе преступления, обнаруживают идейную близость со взглядами Б. С. Утевского, несмотря на признание им ошибочным понятия о вине, развитого Б. С. Утевским².

Вина в социалистическом уголовном праве выступает у А. Н. Трайнина в двух качествах — в качестве элемента состава преступления и в качестве основания уголовной ответственности. Вина как элемент состава каждого преступления является родовым понятием двух форм вины — умысла и неосторожности; поэтому для вины как элемента состава сохраняет значение определение: вина есть психическое отношение лица к преступному действию и его результату в форме умысла или неосторожности. Это определение отражает объективный процесс, объективный факт и именно поэтому сообщает вине как элементу состава преступления устойчивый характер³.

Однако эти признаки вины как элемента состава преступления, по мнению А. Н. Трайнина, явно недостаточны для признания наличия вины как основания уголовной ответственности. «Вина как основание уголовной ответственности неизбежно должна содержать дополнительные признаки, сообщающие ей именно это качество, т. е. признаки, действительно обосновывающие применение самой острой формы государственного принуждения — уголовного наказания»⁴. Это утверждение не могло означать ничего иного, как то, что установление умышленного или неосторожного совершения общественно опасного деяния

¹ См. «Советское государство и право» 1951 г. № 1.

² Об этом см. указанные выше статьи Б. С. Маньковского, В. В. Николаева, А. А. Пионтковского и рецензию М. А. Шнейдера, а также рецензию М. Н. Меркушева на книгу Б. С. Утевского «Вина в советском уголовном праве», «Советское государство и право» 1951 г. № 7, его же рецензию на книгу Т. А. Сергеевой «Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР», «Советская книга» 1951 г. № 10. Достоинно сожаления, что Б. С. Утевский и после проведенной широкой дискуссии о вине не пожелал считаться с мнением советской научной общественности по этому вопросу. Опубликованная им в 1961 году статья «Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности»

(«Правоведение» 1961 г. № 2) свидетельствует о том, что он ничего не забыл и ничему не научился. Н. С. Алексеев, В. П. Смирнов, М. Д. Шаргородский в статье «Основание уголовной ответственности по советскому праву» («Правоведение» 1961 г. № 2) дали достойную отповедь новой попытке Б. С. Утевского пропагандировать свои взгляды, вредность которых для дела укрепления социалистической законности достаточно очевидна («Правоведение» 1961 г. № 2).

¹ См. «Советское государство и право» 1952 г. № 2.

² См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 125.

³ См. там же.

⁴ Там же, стр. 125—126.

(т. е. установление тем самым и состава преступления в действиях лица) еще не служит основанием его ответственности за совершенное преступление, так как в этом нет еще «признаков, действительно обосновывающих» применение наказания. В чем же это качественное отличие вины как основания уголовной ответственности от вины как элемента состава? Несмотря на отсутствие у А. Н. Трайнина требуемой четкости и ясности в изложении данного вопроса, все же можно было сделать вывод, что этот качественный момент заключается в «отрицательной оценке»: «Именно эта, в основе своей классовая, общественная, моральная оценка психического состояния лица и сообщает вине значение основания уголовной ответственности»¹. Если под этим «оценочным» моментом понимать то, что при вине речь идет об умысле и неосторожности в совершении опасного для основ советского строя или социалистического правопорядка деяния, а поэтому и осуждаемого советским законом и коммунистической нравственностью, то такой «оценочный момент» присущ всегда вине как субъективной стороне состава преступления. Умысел и неосторожность в отношении деяния, не представляющего опасности для основ советского строя или социалистического правопорядка, разумеется, не могут быть признаны виной. Поэтому если бы только в этом видеть «оценочный момент», то не было бы никакого качественного различия между тем, что А. Н. Трайнин называл виной как субъективной стороной состава преступления и виной как основанием уголовной ответственности. Поскольку же А. Н. Трайнин требовал для наличия вины как основания уголовной ответственности еще и оценки всего психического состояния лица, производимого судом, и в этом видел дополнительные признаки вины, то тем самым фактически он не признавал за установлением состава преступления в действиях лица решающего значения в установлении вины лица в совершенном преступном деянии. Это вело к тому, что вопрос о вине мог якобы решаться не на основе закона, а на основе судейского усмотрения. Поэтому, с точки зрения А. Н. Трайнина, вина есть психическое состояние личности обвиняемого, заслуживающее по мнению суда отрицательной оценки. По своему содержанию это не так уже резко отличалось от признанного А. Н. Трайниным ошибочным оценочного понятия вины, данного Б. С. Утевским. Следует отметить, что А. Н. Трайнин в новом издании своей работы о составе преступления под влиянием критики снял указанные ошибочные положения о вине. В частности, он отказался от различия между виной как основанием уголовной ответственности и виной как элементом состава преступления². Тем более достойно сожаления, что изменение своей позиции в

¹ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 126.

² А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступлений, стр. 195.

этом вопросе он сопровождал несправедливой оценкой дискуссии о вине, которая в действительности содействовала выработке советскими криминалистами правильного понимания вины, содействовала борьбе за укрепление социалистической законности и утверждению материалистических основ социалистического правосудия.

При обсуждении вопроса о вине в советской юридической литературе особое мнение было высказано А. Я. Вышинским. Он считал, что вопрос о вине должен решаться не только на основе установления того, совершило ли лицо деяние умышленно или по неосторожности, но на основе многих факторов с учетом личности обвиняемого и конкретных условий и обстановки совершения преступления. Для решения этого вопроса и вместе с тем для определения понятия вины он предлагал следующую схему:

«Вина — причинная связь между совершившим преступление и объектом совершенного преступления, каковым является действие или бездействие, признаваемое по закону общественно опасным.

Условия — умысел или неосторожность. Степень умысла. Степень неосторожности: неосторожность бывает различная — преступная небрежность, преступная самонадеянность и т. д.

Мотивы совершения преступления.

Личность совершившего преступления.

Обстановка совершения преступления.

Определив все указанные элементы, мы определим и вину, мы ответим и на вопрос о том, что такое вина»¹.

В своем выступлении А. Я. Вышинский оговорился, что предложенные им формулировки являются не окончательным решением проблемы вины, а скорее материалом для построения такого определения. Тем не менее необходимо выразить свое отношение к этому предложению.

Предложение А. Я. Вышинского являлось совершенно неприемлемым по следующим основаниям. Во-первых, оно ведет к смешению вины и причинной связи в уголовном праве — понятий, которые необходимо строго различать. Смешение этих понятий может открыть на практике путь к объективному вменению, чуждому основным принципам социалистического уголовного права. Во-вторых, выдвигаемое А. Я. Вышинским понятие вины вносит большую неопределенность в решение вопроса о наличии или отсутствии вины лица в инкриминируемом ему преступлении, предоставляя по существу решение этого вопроса усмотрению суда. Хотя А. Я. Вышинский и отрицательно отнесся к оценочной теории вины Б. С. Утевского, тем не менее

¹ А. Я. Вышинский, Некоторые вопросы науки советского права, «Советское государство и право» 1953 г. № 4.

выдвинутые им предложения открывали путь для реставрации этой концепции и могли при их распространении лишь помешать борьбе за дальнейшее укрепление социалистической законности. Поэтому после проведенной у нас дискуссии о вине, наметившей правильное решение этого вопроса, положения А. Я. Вышинского не встретили поддержки среди советских криминалистов. По крайней мере в советской юридической печати не было ни одного отклика, одобрявшего эти предложения.

Несколько иначе обстояло дело в отдельных странах народной демократии, где не была еще завершена борьба по данному вопросу в теории уголовного права. Высказывания А. Я. Вышинского нашли поддержку среди части юристов Болгарии, Чехословакии¹, Польши.

В борьбе с оценочным пониманием вины советские юристы отстаивали материалистические основы социалистического правосудия².

В нашей печати были отдельные попытки изобразить споры по вопросу о вине как ненужную, схоластическую дискуссию, попытки недооценки разработки одного из важнейших вопросов теории социалистического права. Потребовалось специальное вмешательство партийной печати, подчеркнувшей важность разработки проблемы вины в связи с борьбой за укрепление социалистической законности, чтобы советские юристы смогли полностью отстоять правильные позиции в этом вопросе³. Журнал «Советское государство и право» в передовой статье «О состоянии и задачах науки советского уголовного права» отверг как идеалистическую оценочную концепцию вины и признал, что вина есть психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию в форме умысла или неосторожности, осуждаемому советским уголовным законом и коммунистической нравственностью⁴.

Ввиду важности данного вопроса для дальнейшего укрепления социалистической законности, проводимого на основе решений XX съезда партии, партийная печать также сочла необходимым выступить против оценочного понимания вины. Журнал «Коммунист» с полным основанием отметил, что понятие вины

¹ См., например, «Правник» 1955 г. № 9, стр. 566—569, где Филипповский, Кепак и Тибитануль в статье «Несколько замечаний к учебнику советского уголовного права» выступают в защиту взглядов А. Я. Вышинского и полемизируют с тем понятием вины, которое дается нами в учебнике Общей части уголовного права.

² Такое же значение имела и дискуссия по вопросу о понимании истины в уголовном процессе. См. А. А. Пионтковский и В. М. Чхиквадзе, Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса, «Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 32—34.

³ См. «Коммунист» 1954 г. № 5, стр. 8—9.

⁴ См. «Советское государство и право» 1955 г. № 2, стр. 6—7.

как «общего основания уголовной ответственности», выдвинутое Б. С. Утевским, «объективно ослабляет, подрывает значение состава преступления как единственно законного основания для привлечения к уголовной ответственности» и что «таким образом усмотрение суда, по существу, ставилось над уголовным законом»¹.

Борьба против оценочной теории вины в советской юридической литературе сыграла определенную положительную роль и в развитии науки уголовного права в странах народной демократии. Она помогла криминалистам этих стран занять в этом вопросе правильную позицию. При разработке проекта уголовного кодекса ряд польских криминалистов резко критиковали нормативную, оценочную концепцию вины. Так Т. Цирпиан писал: «Нормативная теория исходит из положения, что вина не есть только психическое отношение к совершенному деянию, но, помимо того, представляет собой оценку деяния иными лицами согласно нормам, стоящим за пределами законодательства. Эта теория не имеет ничего общего с марксистским пониманием вины»². Цирпиан подчеркивает ошибочность теории Б. С. Утевского, которая, как справедливо он указывает, «занимает изолированное положение в науке советского права»³. Другой польский криминалист — Ж. Фельдман писал, что при разработке Польского уголовного кодекса необходимо полностью преодолеть оценочное понимание вины, согласно которому творцом вины является сам судья. «Нормативная теория вины, — указывает он, — со своими широкими абстрактными критериями оценки является тонким и коварным оружием классового подавления; порицание виновного осуществляется судом и притом с позиций так или иначе «вечных» требований справедливости, полностью, само собой разумеется, созданных в соответствии с интересами господствующего класса, причем исполняются эти абстрактные требования справедливости для того, чтобы превратить невиновного в виновного»⁴. В 1957 году польский криминалист Плавский, отмечая существующие разногласия по вопросу о вине, решительно выступал против нормативного, оценочного его понимания⁵. Польские криминалисты считают необходимым при создании нового уголовного кодекса исходить из господствующего в советской науке уголовного права понятия вины.

¹ В. Николаев, Преодоление неправильных теорий в уголовном праве — важное условие укрепления социалистической законности, «Коммунист» 1956 г. № 14, стр. 57.

² Tadeusz Cyrpian, Wina w projekcie Kodeksu Polski Ladowej «Nowe Prawo», 1952, № 10, S. 16.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Josef Feldman, Pszuarynek do zagadnienia winy.

⁵ S. Plawski, Quelques aspects du nouveau droit pénal polonais, Revue de science criminelle et de droit pénal comparé, 1958, № 2, p. 349.

Среди криминалистов Германской Демократической Республики нет сторонников оценочного понимания вины. И. Лекшас мог с полным основанием написать в 1957 году: «Общепризнанным является в социалистической правовой науке, что вина не является каким-то «упреком», но определенной направленностью (Einstellung), которая выражается в определенных психических формах»¹.

Уголовные кодексы стран народной демократии содержат четкие определения форм вины. Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики в гл. II, в § 3 и § 4, объединенных общим заглавием «Вина», определяет умысел и неосторожность. Согласно § 3 последствия, предусмотренные законом, считаются причиненными умышленно, если лицо, совершившее преступление, желало или знало, что может их причинить, и примирялось с такой возможностью. Это определение охватывает умышленную деятельность как с прямым, так с эвентуальным умыслом. Согласно тому же параграфу Уголовного кодекса последствия, предусмотренные законом, считаются причиненными по неосторожности, если лицо, совершившее преступление, сознавало, что может причинить эти последствия, но без достаточных оснований надеялось, что они не наступят, или не сознавало, что может их причинить, хотя, если принять во внимание обстоятельства дела и личные свойства виновного, могло это сознавать. Как видно, приведенное определение охватывает понятие самонадеянности и небрежности. В § 4 Уголовного кодекса содержится принципиально важное постановление, что, если закон прямо не предусматривает ответственность за преступное деяние, совершенное по неосторожности, то наказуется лишь деяние, совершенное умышленно.

Общая часть уголовного кодекса Венгерской Народной Республики в ст. 12, помещенной в главе «Наказуемость», в следующих выражениях определяет понятие умысла и неосторожности:

«1. Умышленно совершает преступление лицо, которое действует, желая последствий своего поведения или сознательно допуская эти последствия.

2. По неосторожности совершает преступление лицо, которое вызывает последствия своего поведения пренебрежением к требуемой от него осторожности, осмотрительности и предвидению». Согласно § 13 не ставится в вину лицу, совершившему преступление, тот факт, о наличии которого к моменту совершения деяния он не знал.

¹ Lekschas, Über die Strafwürdigkeit von Fahrlässigkeitsverbrechen. 1958, S. 33.

Вопрос о формах вины Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии разрешает в ст. 4, помещенной в разделе «Преступление». Деяние является виновным, если оно совершено умышленно или по неосторожности. Деяние считается совершенным умышленно, если виновный желал или допускал наступление общественно опасных последствий. Деяние считается совершенным по неосторожности, если лицо не предвидело наступления общественно опасных последствий, но должно было и могло их предвидеть, или когда оно предвидело наступление этих последствий, но надеялось их предотвратить. Деяние, совершенное по неосторожности, наказуется только в случаях, специально предусмотренных Уголовным кодексом.

§ 2

Формы вины. Умысел

Для понимания субъективной стороны состава преступления необходимо уяснить содержание понятия умысла и неосторожности.

На человеческих действиях лежит печать воли человека.

Волю лица нельзя рассматривать как психическую способность, оторванную от мышления. Всякое волевое действие предполагает в той или иной мере осмысливание условий, в которых действует лицо, и тех путей, которые могут привести к наступлению поставленной цели. Во всей своей деятельности люди на основе критической переработки в сознании представлений об окружающем мире ставят цели для своего практического поведения. Это имеет место как при совершении правомерных, так и при совершении общественно опасных действий. Поэтому по своему психологическому содержанию вина включает в себя не только волевой, но и интеллектуальный момент. Различное соотношение этих моментов при совершении преступного деяния дает основание для различия умысла и его видов, неосторожности и ее видов.

Деятельность человека всегда связана с определенным эмоциональным отношением к своим поступкам, к объекту, на который она направлена, к окружающим людям и предметам. Это эмоциональное отношение выражается в форме чувства удовольствия, радости, зависти, гнева, страха и т. п. Эмоциональную сторону деятельности людей нельзя игнорировать и при рассмотрении преступных общественно опасных деяний. Эмоциональный момент при совершении преступления может иметь различный характер: чувство удовлетворения своих эгоистических стремлений у лиц, занимающихся спекуляцией или совершающих хищение под влиянием частного собственнических

пережитков, гнев в отношении потерпевшего при совершении телесного повреждения и т. п.

Хотя эмоциональные моменты сами по себе не являются составными элементами той или иной формы вины, но тем не менее они могут иногда оказывать на нее влияние. Увлечение одним предметом может быть связано с ослаблением внимания к другим и повлечь за собой неосторожное причинение вреда государственным или общественным интересам или правам и интересам отдельных граждан. Иногда закон выделяет особый эмоциональный характер действий в качестве элемента субъективной стороны состава отдельных преступлений. Так, ст. 104 УК РСФСР 1960 года говорит об убийстве, совершенном в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего. Такая же эмоциональная окраска возможна и при совершении ряда других преступлений (телесные повреждения, оскорбление). Это позволяет в некоторых случаях говорить об особом виде умысла — аффективном уме.

Рассмотрение эмоциональной стороны совершенного преступления позволяет более глубоко понять мотивы совершенного деяния, направленность умысла, причины небрежности и таким путем более глубоко выяснить характер вины лица в данном преступлении.

Поведение громадного большинства советских людей определяется благородными мотивами — горячим советским патриотизмом, сознанием великих задач строительства коммунистического общества в нашей стране, уважением к правилам социалистического общежития, социалистическим отношением к государственному и общественному имуществу.

Мотивы, порождающие у отдельных советских граждан решимость совершить преступление — хищение государственного или общественного имущества, посягательства на личность, нарушение служебного долга и т. д., — определяются пережитками капитализма в их сознании. Мотивы совершения преступлений в нашем обществе есть антиморальные общественно опасные мотивы — корысть, месть, стремление устранить или унижить своего соперника, карьеризм, хулиганство и т. п.

Побуждением совершения особо опасных государственных преступлений, посягающих на основы нашего строя, является классовая враждебность советскому обществу империалистической буржуазии и ее агентуры, засылаемой в нашу страну для ведения шпионской, диверсионной и другой подрывной работы, а также классовая враждебность отдельных отщепенцев, буржуазных перерожденцев, продавшихся иностранным разведкам.

Для понимания содержания умысла лица при совершении преступления нередко представляется необходимым выяснить мотивы совершенного преступления, т. е. те побуждения, кото-

рыми руководствовалось лицо при совершении определенных действий или при воздержании от них. Мотивы поведения позволяют в ряде случаев установить, имело ли место умышленное убийство с корыстной целью или террористический акт, умышленный поджог государственного имущества с целью сокрытия совершаемого хищения или диверсионный акт, злоупотребление властью или хищение государственного или общественного имущества и т. п.

Ряд составов преступлений включает в свою субъективную сторону в качестве необходимого признака определенный мотив деятельности лица.

В сущности без определенного мотива не совершается ни одно умышленное преступление. Однако для большинства умышленных преступлений мотив его совершения лежит за пределами самого состава — телесное повреждение остается телесным повреждением независимо от того, какими мотивами руководствовался виновный — мезтью, ненавистью, ревностью и т. д.

Мотив введен в состав некоторых преступлений или в качестве необходимого элемента самого состава преступления, или в качестве лишь квалифицирующего (отягчающего) или смягчающего обстоятельства. В качестве необходимого элемента состава преступления корыстный мотив введен, например, в состав злоупотребления властью, предусмотренного ст. 170 УК РСФСР 1960 года. В качестве квалифицирующего обстоятельства мотив выступает, например, при совершении убийства из корысти (п. 2 ст. 102 УК РСФСР 1960 г.).

Поскольку мотив не является необходимым признаком состава каждого преступления, а является лишь элементом состава некоторых конкретных преступных деяний, рассмотрение его не входит в общее учение о составе преступления, а относится к анализу конкретных преступлений, даваемому в Особенной части курса.

В тех случаях, когда мотив не входит в состав преступления ни в качестве основного, ни в качестве факультативного признака, он, разумеется, не является безразличным для суда. Мотив совершенного преступления является весьма важным обстоятельством, характеризующим как степень общественной опасности преступного деяния, так и характер и степень общественной опасности лица, его совершившего. Поэтому мотивы совершения преступления всегда должны учитываться судом при назначении наказания. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 34 указывают в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, на совершенные преступления из корысти и других низменных мотивов. К ним следует также отнести месть, зависть, грубое пренебрежение к правилам социалистического общежития, обычно называемые хулиганскими мотивами. При определении меры наказания

должны быть учтены и мотивы, которые делают совершенное деяние и самого виновного менее общественно опасными. К таким мотивам могут быть отнесены ложно понятые интересы государства, сострадание, стремление уклониться от угроз и насилий и т. д. Следственным органам необходимо расследовать мотивы умышленно совершенного виновным преступления. Без установления подлинных мотивов совершенного преступления расследование дела не может считаться полностью завершенным.

Более подробное рассмотрение значения мотива в уголовном праве должно быть дано в томе курса *Общей части советского уголовного права*, посвященном учению о наказании.

Некоторые составы преступлений требуют в качестве одного из признаков субъективной стороны наличие специальной цели действия, которая часто не сливается с мотивами данного преступления. Так, состав преступления подделки денежных знаков, предусмотренный ст. 24 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, требует наличия специальной цели — сбыта изготовленных поддельных денежных знаков.

Вопрос о специальной цели действия как элементе субъективной стороны составов некоторых преступлений не входит в общее учение о составе преступления и рассматривается при анализе соответствующих преступлений в *Особенной части курса*.

Умысел и неосторожность являются формами психического отношения лица к общественно опасным последствиям своих действий, к преступному результату. В реальной жизни не существует ни преступного умысла вообще, ни преступной неосторожности вообще. Они всегда наполнены определенным, конкретным содержанием. Например, умысел на похищение сведений, составляющих государственную тайну, умысел на хищение социалистической собственности, умысел на злоупотребление властью и оскорбление и т. д. Конкретное содержание неосторожной вины определяется наступившими общественно опасными последствиями действий лица или в некоторых случаях возможностью наступления последствий — неосторожное телесное повреждение, неосторожное нарушение трудовой дисциплины на транспорте, повлекшее или могущее повлечь тяжелые последствия, халатное отношение к служебным обязанностям и т. п. Как мы уже указывали выше, советское уголовное право трактует всегда об умысле и неосторожности в отношении таких деяний, которые направлены против основ советского строя или нарушают правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

В курсе *Особенной части уголовного права* при изучении отдельных преступлений раскрывается конкретное содержание

умысла и неосторожности при совершении того или иного преступления. В курсе *Общей части советского уголовного права* рассматриваются общие черты умысла и неосторожности, свойственные всякому умышленному или неосторожному преступлению по советскому уголовному праву.

Умысел может быть прямым или косвенным (эвентуальным).

Согласно ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий (ст. 8 УК РСФСР 1960 г.).

Таким образом, закон говорит о двух элементах умысла: а) сознании лицом общественно опасного характера своего действия или бездействия и предвидении его общественно опасных последствий и б) желании или сознательном допущении наступления этих последствий.

Сознание общественно опасного характера своего действия или бездействия, предвидение его общественно опасных последствий и желание их наступления означает наличие прямого умысла. Например, А, желая убить Б, стреляет в него из револьвера. А предвидит, что последствием его действий (выстрела) может оказаться смерть Б, и желает этого. Поэтому психическое отношение А к причиненному им результату (смерть Б) выражается в форме прямого умысла.

Сознание общественно опасного характера своего действия или бездействия, предвидение общественно опасных последствий и сознательное допущение их наступления означает наличие косвенного (эвентуального) умысла. Так, Р., будучи пьяным, открыл беспорядочную стрельбу в комнате, где было много народа, убил одного из присутствующих и легко ранил троих. Р. в этих условиях сознавал общественную опасность своего поведения и предвидел возможность гибели кого-либо из присутствующих, хотя и не желал этого. Р. безразлично относился к возможным последствиям своих действий. Поэтому его психическое отношение к причиненному результату выражается в форме косвенного умысла.

Косвенный умысел на совершение преступления имеет место в тех случаях, когда лицо либо преследует какие-то иные преступные цели, либо, осуществляя сами по себе не преступные

намерения, вместе с тем сознательно допускает возможность наступления данного преступного результата.

Умышленно может быть совершено большинство преступлений. Многие преступления по своей сущности могут быть совершены лишь умышленно (например, хищение социалистической собственности, особо опасные государственные преступления и т. д.). Все преступления, в состав которых введен элемент специальной цели действий (например, корыстная цель при подлоге), могут быть совершены лишь с прямым умыслом. Все преступления, в состав которых введен элемент сознательности преступных действий («заведомо для совершившего»), исключают возможность их неосторожного совершения.

По некоторым преступлениям уголовный кодекс в Особенной части проводит различие в наказуемости умышленного и неосторожного их совершения (например, убийство, телесное повреждение). В тех случаях, когда в Особенной части это различие не проведено, форма вины при совершении соответствующего преступления может быть учтена лишь в рамках карательной санкции закона. Четкое установление определенной формы вины и здесь имеет существенное значение как для установления в действиях лица состава преступления, так и для правильного определения судом наказания виновному.

В тех случаях, когда общественно опасное деяние называется лишь при условии его умышленного совершения, а умысел в действиях лица не был доказан, совершенное не заключает в себе состава данного преступления. Оно или не заключает в себе вовсе состава преступления, или может в соответствующих случаях влечь за собой ответственность в дисциплинарном или гражданском порядке, или образует собой какое-либо иное преступление. Покажем на материале судебной практики всю важность правильного определения наличия в действиях лица преступного умысла.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» специально отметило, что одним из серьезных недостатков при рассмотрении дел об умышленных убийствах является то, что в ряде случаев суды неправильно квалифицируют действия подсудимых при отсутствии или недоказанности умысла на причинение смерти.

Хищение предполагает всегда деятельность умышленную. Похитить чужое государственное, общественное или личное имущество граждан по неосторожности нельзя. Поэтому при недоказанности умысла на совершение хищения нет и состава этого преступления в действиях лица. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 марта 1951 г. было прекращено обвинение против П., осужденного за хищение общественного имущества. Приговором по делу

было установлено, что П. по договоренности с руководством колхоза «Парижская Коммуна» передал колхозу свою корову, за которую колхоз должен был выдать ему зерно из расчета 1,3 кг зерна за 1 кг живого веса коровы. Корову принял заведующий фермой Воронин и определил, не взвешивая, ее вес в 390 кг. Впоследствии при сдаче колхозом коровы в «Заготскот» ее фактический вес оказался значительно меньше. П. получил от колхоза лишних 266 кг зерна, что было ему вменено в вину как хищение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала осуждение П. необоснованным. Коллегия признала, что то обстоятельство, что Воронин, принявший от П. корову «на глазок», неправильно определил ее вес, нельзя поставить в вину П., поскольку в материалах дела отсутствуют данные, свидетельствующие об их договоренности о хищении зерна под видом завышения веса проданной коровы. Коллегия признала, что вопрос о переполученном П. в колхозе зерне может быть разрешен в порядке гражданского судопроизводства.

Невнимание к требованию закона, что для данного состава преступления необходимо установить умысел в действиях лица, иногда приводило к неосновательному осуждению граждан, когда в их действиях отсутствовал состав преступления.

Уголовная ответственность за ложный донос может наступить лишь в том случае, если доносителю была известна ложность сообщаемых сведений. Закон говорит о заведомо ложном доносе (ст. 180 УК РСФСР 1960 г.). Поэтому нельзя предъявлять обвинение или осуждать за ложный донос, когда сведения, сообщаемые органам, имеющим право возбуждать уголовное преследование, хотя и оказались в действительности ложными, но доноситель добросовестно заблуждался, считая их справедливыми. Приговором народного суда Н. был осужден за ложный донос. По делу установлено, что, будучи заведующим складом детского дома, Н. сообщил в райторготдел о хищении продуктов поваром детского дома К., которая была осуждена судом за хищение, а затем при дополнительном расследовании дело против нее было производством прекращено. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 11 декабря 1948 г. приговор в отношении Н. отменила и дело производством прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления по следующим основаниям. Н. сообщил о хищении продуктов К. на основании донесения ему об этом Махмудовой, которая в присутствии двух воспитанников сообщила, что К. похитила продукты и что об этом необходимо сообщить в райторготдел, что Н. и сделал. Махмудова подтвердила, что она действительно сделала такое сообщение. Н. Коллегия указала, что при таких данных осуждение Н. представляется явно необоснованным, так как тот не знал о ложности сообщаемых сведений. В действиях Н. отсутствовали необходимые

признаки субъективной стороны состава ложного доноса как умышленного преступления — сознание, что сообщаемые сведения являются ложными.

Сознание общественно опасного характера действия или бездействия и предвидение его общественно опасных последствий является общим элементом для обоих видов умысла. Закон (ст. 8 Основ уголовного законодательства) описывает содержание умышленной преступной деятельности применительно к так называемым материальным преступлениям, т. е. преступлениям, связанным с наступлением определенных общественно опасных последствий. Рассмотрение указанных элементов умысла мы начнем с рассмотрения предвидения общественно опасных последствий своего действия или бездействия. Сознание лицом общественно опасного характера своего действия или бездействия определяется при так называемых материальных преступлениях наличием предвидения общественно опасных последствий.

Предвидение общественно опасных последствий своего действия или бездействия может выражаться в сознании не только неизбежности их наступления, но и вероятности как реальной возможности их наступления. Поэтому умысел на убийство имеется не только тогда, когда убийца стреляет в свою жертву в упор, в висок, предвидя неизбежность ее смерти, но и тогда, когда выстрел с целью лишить жизни человека произведен в условиях, при которых гибель жертвы была лишь возможна. Однако при умысле эвентуальном предвидение последствий своего действия или бездействия может выражаться лишь в предвидении возможности их наступления. Когда же лицо предвидит неизбежность наступления последствий своего действия или бездействия, нельзя говорить, что оно их не желает, а лишь сознательно допускает.

В чем выражается содержание предвидения общественно опасных последствий при умысле? Оно выражается как в предвидении фактических признаков наступивших последствий, так и в предвидении их общественно опасного характера.

Для наличия умысла необходимо предвидеть все те фактические обстоятельства, которые образуют объективные признаки состава данного конкретного преступления.

Так, для умысла при убийстве необходимо предвидеть, что совершаемым действием лишается жизни человек; для умысла при краже необходимо сознание, что происходит изъятие имущества из чужого владения, похищается чужая вещь и что это совершается тайно, т. е. незаметно для потерпевшего.

Предвидение всех фактических обстоятельств, принадлежащих к объективным признакам состава данного преступления, когда речь идет о так называемых материальных преступлениях,

включает в себя еще и предвидение развития причинной связи между совершенными действиями и наступившим преступным результатом. Для наличия умысла достаточно, чтобы это предвидение развития причинной связи выражалось лишь в общих, родовых чертах. Например, для признания убийства умышленным не требуется, чтобы убийца предвидел, что, стреляя в свою жертву, он пулей заденет сонную артерию, от чего и последует смерть, как это в действительности случилось, а достаточно лишь общего предвидения, что произведенный выстрел в качестве своего необходимого последствия может вызвать смерть потерпевшего. Для наличия умысла нужно предвидеть в момент совершения лицом действия (или бездействия) реальную возможность наступления преступного результата. Наличием предвидения реальной возможности наступившего преступного результата от действия данного лица умысел отличается от простого пожелания или надежды на наступление того или иного результата. Поэтому нельзя говорить о наличии умысла на убийство, если кто-либо содействует своему врагу поехать на курорт, надеясь, что тот погибнет, купаясь в море. В данном случае у лица нет сознания реальной возможности наступления данного результата, нет и не может быть сознания, что это последствие закономерно вытекает из совершенного действия. Наступление этого — результата мыслится лишь как абстрактная возможность, как расчет на какую-либо случайность. Наступивший результат не может рассматриваться как закономерное последствие совершенного действия.

Буржуазные криминалисты, разделяющие теорию причинности *conditio sine qua non*, при разграничении умысла и простого пожелания принуждены фактически отказаться от своих взглядов на причинную связь в уголовном праве. Действительно, если считать, что для наличия причинной связи достаточно, чтобы действие лица было одним из необходимых условий наступления результата, то в приведенном нами примере нужно было бы признать наличие оконченного умышленного убийства в случае гибели лица, отправившегося на курорт, так как лицо, содействовавшее поездке, предвидело причинную связь (в смысле теории *conditio sine qua non*) между своим действием и наступившим результатом (оно сознавало, что это является одним из условий его наступления) и желало этого последствия. В случае же, если лицо, поехавшее к морю, благополучно возвратилось обратно, лицо, содействовавшее его поездке, нужно было бы привлечь к уголовной ответственности за покушение на убийство. Если буржуазные криминалисты и не делают таких выводов из своей механистической теории причинности *conditio sine qua non*, то только в ущерб последовательности. Развитый в настоящей работе взгляд на причинную связь в уголовном

праве как на закономерную объективную связь между действием лица и наступлением результата позволяет теоретически последовательно разрешить вопрос о различии между преступным умыслом лица и пустыми пожеланиями наступления каких-либо вредных последствий.

Как мы отметили, определение умышленного преступления, данное в ст. 8 Основ уголовного законодательства, имеет в виду так называемые материальные составы преступлений.

Когда речь идет о так называемых формальных преступлениях, то умышленный характер совершенного деяния предполагает прежде всего наличие предвидения (сознания) фактических черт совершаемого действия или бездействия, которые относятся к объективным признакам состава данного преступления. Например, при словесной обиде необходимо сознание, что слово, произносимое по чьему-либо адресу, является оскорбительным; при оставлении в опасности (ч. 2 ст. 127 УК РСФСР 1960 г.) необходимо сознание, что оставляемое без помощи лицо находится в опасном для жизни положении и лишено возможности самосохранения вследствие беспомощного состояния и что оставивший его был обязан иметь заботу о таком лице.

Наличие вины умышленной в принципе предполагает не только сознание лицом фактических обстоятельств, образующих объективные признаки состава преступления, но и сознание общественно опасного характера совершенного деяния, а тем самым и сознание противоправности. Этот момент специально подчеркивается в определении умышленного преступления, данном в ст. 8 Основ уголовного законодательства, где указывается, что лицо сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и предвидело его общественно опасные последствия.

Для так называемых формальных преступлений сознание общественной опасности и тем самым противоправности относится лишь к совершенному действию или бездействию. При так называемых материальных преступлениях сознание общественной опасности и противоправности относится прежде всего к последствиям совершаемого действия или бездействия. Это предвидение общественно опасных последствий определяет и сознание общественно опасного характера совершаемого действия или бездействия. В тех же случаях, когда лицо сознает в какой-то степени общественно опасный характер совершенного действия или бездействия, но не сознает возможности наступления определенных общественно опасных последствий, не может быть речи об умысле, направленном на причинение этого преступного результата.

Вопрос о значении сознания противоправности деяния для установления вины лица вызывает разногласия среди советских

криминалистов. Одни из них отрицали необходимость включения сознания противоправности (или общественной опасности) деяния в качестве составного признака в понятие умышленной вины, другие считали необходимым включить его в понятие умысла, третьи считали возможным презюмировать сознание противоправности у виновного при совершении всякого умышленного общественно опасного деяния. Эти споры должны быть разрешены в интересах дальнейшего укрепления законности в работе судебных и прокурорских органов в соответствии с основными принципами, на которых строится осуществление социалистического правосудия. Теории советского уголовного права надлежит разрешить данный вопрос на своей собственной основе независимо от того, будет или нет такое решение внешним образом сходно с каким-либо решением этого вопроса, даваемым в буржуазной юридической литературе.

В буржуазной теории уголовного права не было единства мнений по вопросу о вине и сознании противоправности. Большинство буржуазных криминалистов придерживаются положения «никто не может отговариваться незнанием закона» и потому считают, что отсутствие сознания противоправности не может ни освободить от уголовной ответственности, ни изменить формы вины лица. Такая позиция имеет определенный политический смысл, она соответствует классовым интересам буржуазии.

Буржуазное государство, как всякое эксплуататорское государство, является машиной для подавления эксплуатируемых трудящихся масс. В буржуазном обществе положение «никто не может отговариваться незнанием закона» есть презумпция знания гражданами всех законов, в действительности — лишенная какого-либо реального основания. Трудящиеся в буржуазном обществе не только не могут фактически всегда знать все буржуазные законы, но и требования этих законов в большинстве своем противоречат их правосознанию. Политический смысл положения «никто не может отговариваться незнанием закона» в буржуазном обществе был разоблачен В. И. Лениным еще в конце прошлого столетия в работе «О промышленных судах»: «Обыкновенно рабочие (в массе) не знают законов и не могут знать их, хотя с них тем не менее взыскивают чиновники и чиновнические судьи за незнание законов. Если рабочий, когда ему чиновник укажет закон, ответит, что он не знал о таком законе, то чиновник (и судья) либо засмеется, либо обругается: «отговариваться незнанием закона никто не имеет права» — вот что говорит основной русский закон. Всякий чиновник и судья *предполагает* поэтому, что каждый рабочий знает законы. Но ведь такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистами против немущих, такая же ложь, как и предположение, что рабочий

заклучает с хозяином «свободный договор». На самом деле рабочему, который с малых лет забирается на фабрику, едва-едва выучившись грамоте (а очень и очень многие и грамоте-то не могут выучиться!), законов узнать некогда и не от кого и, пожалуй, незачем, — потому что, если законы применяют, не спрашивая его, чиновники из буржуазии, то мало пользы принесут рабочему законы!»¹. Хотя это разоблачение принципа «никто не может отговариваться незнанием закона» было сделано В. И. Лениным применительно к условиям царской России, тем не менее в приведенных словах вскрывается политический смысл этого принципа в буржуазном обществе, а вместе с тем и политический смысл буржуазных теорий, отвергающих сознание противоправности как необходимого признака умышленной вины.

В период империализма среди буржуазных юристов иногда раздаются голоса в пользу некоторого ограничения, по усмотрению суда, действия этого принципа. Вызывается это тем, что перепроизводство всяких законов, распоряжений и постановлений в период империализма таит в себе опасность при неуклонном проведении принципа «никто не может отговариваться незнанием закона» задеть интересы отдельных представителей господствующего класса в тех исключительных случаях, когда они оказываются на скамье подсудимых. Согласно «новым» теориям по усмотрению суда можно в этих случаях признать извинительной ссылку на незнание закона и оправдать обвиняемого. Так, в силу ст. 20 Швейцарского уголовного кодекса судья смягчает наказание по своему усмотрению тому, кто совершил преступление или проступок, имея достаточные основания считать себя вправе действовать таким образом. Судья может также в силу той же статьи вообще освободить подсудимого от наказания.

В теории советского уголовного права проблема сознания противоправности в разные периоды развития Советского государства решалась различно.

В период перехода от капитализма к социализму большинство советских криминалистов считали, что сознание противоправности (общественной опасности) не может быть составным элементом умысла. В этот период развития Советского государства основной его функцией было подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Сознание общественной опасности деяния имелось тогда в подавляющем большинстве случаев совершения умышленных преступлений; наличие его могло быть подвергнуто сомнению лишь в отношении новых преступлений, борьба с которыми означала подавление сопротивления пролетарской диктатуре со стороны свергнутых рево-

люцией эксплуататорских классов. Признать сознание социальной опасности составным элементом умысла значило бы предоставить привилегию буржуазным элементам, не желающим своевременно знакомиться с законами социалистического государства, в котором они жили. Это могло бы только ослабить эффективность уголовных законов. По этим соображениям большинство советских криминалистов в то время признавали, что советское право придерживается положения «никто не может отговариваться незнанием закона», точнее, незнанием социальной опасности деяния.

В период постепенного перехода от социализма к коммунизму в связи с существенным изменением функций Советского государства и ликвидацией эксплуататорских классов в стране этот аргумент в значительной мере потерял свое значение. Вопрос о сознании противоправности вновь был поднят в советской теории уголовного права в послевоенные годы¹. Безоговорочное утверждение, что сознание противоправности не является составным элементом умысла, едва ли можно было признать правильным. Этот вопрос был нами пересмотрен и уточнен еще в учебнике Общей части уголовного права (издания ВЮОН) 1948 года. В подавляющем большинстве случаев при совершении умышленного преступления лицо сознает общественную опасность своего деяния. Не может быть сомнения, что всякий гражданин, совершающий измену родине, хищение социалистической собственности, хулиганство, посягательство на жизнь и здоровье других лиц и т. п., прекрасно сознает преступность и наказуемость подобного деяния. Однако в условиях социалистического общества у каждого гражданина имеется сознание общественной опасности и иных действий, признаваемых преступными социалистическим государством в интересах защиты и укрепления социалистических общественных отношений. С достижением морально-политического единства советского народа наше уголовное законодательство выражает правовые и моральные воззрения всего народа. Этим и определяется наличие по общему правилу сознания противоправности у каждого вменяемого лица, совершившего умышленные действия, признаваемые советским законом преступными для основ советского строя или социалистического правопорядка. Воспитание в школе и семье, воздействие печати и литературы, вся культурно-воспитательная работа, которую проводит Коммунистическая партия и Советское государство, широкая информация граждан о новых уголовных законах, постоянное участие всех граждан в производственной и общественной жизни, а также в осуществлении социалистического правосудия, сознательное отношение к труду,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 277—278.

¹ См. Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, М., 1949, стр. 107—111.

социалистической собственности, к правилам социалистического общежития — все это создает у наших граждан достаточное представление о том, какие действия являются общественно опасными. Поэтому с полным основанием можно считать, что сознание общественной опасности определенных действий имеется не только при совершении таких преступлений, которые связаны с нарушением «элементарных, веками известных, тысячелетиями повторяющихся во всех прописях правил общежития», но и при совершении деяний, связанных с нарушением правовых норм, изданных специально для регулирования и укрепления общественных отношений социалистического общества. Поэтому не может быть сомнения, что теперь у нас имеются все материальные предпосылки для того, чтобы считать, что по общему правилу лицо, совершающее умышленно общественно опасное деяние, знает о его общественно опасном характере. Это не требует в каждом случае доказательства. Поэтому в практической судебно-прокурорской работе возможно исходить из презумпции знания нашими гражданами общественно опасного характера умышленно совершенного преступления. С момента вступления уголовного закона в силу он является действующим законом и применяется ко всем случаям, на которые он распространяется с этого момента. Тем самым, хотя сознание общественной опасности является составным элементом умысла, практически для установления умысла при совершении лицом преступления необходимо доказывать лишь предвидение им тех фактических обстоятельств, которые образуют объективные признаки состава совершенного преступления. В социалистическом государстве лишь в самых исключительных случаях возможна такая ситуация, когда лицо действительно не могло знать о признании того или иного умышленного деяния преступным. Например, наши законы, изданные во время войны, распространялись на территорию, освобожденную от фашистских захватчиков. Ввиду того, что население этих местностей могло и не знать об этих законах, до принятия необходимых мер ознакомления с ними нельзя было ставить вопрос об уголовной ответственности населения в этих областях за преступления, предусмотренные такими законами.

Следует иметь в виду, что ряд составов преступлений сконструирован таким образом, что конкретные формы противоправности — нарушение некоторых специальных норм — указаны сами в качестве необходимого признака состава преступления. В этих случаях сознание противоправности деяния должно быть доказано в процессе судебного следствия при установлении умышленного совершения данного преступления. Например, ряд составов воинских преступлений выражается в нарушении специальных правил — уставных правил караульной, конвойной, вахтенной служб и т. д. Об умышленном нарушении таких

правил можно говорить лишь в тех случаях, когда виновный сознает противоречие своего поведения этим правилам. При отсутствии этого налицо может быть неосторожное совершение данного преступления или невинное нарушение. Впрочем, следует иметь в виду, что в большинстве случаев закон допускает привлечение к уголовной ответственности и за умышленное и за неосторожное совершение подобных деяний.

Итак, умышленная вина предполагает наличие сознания как всех фактических обстоятельств, относящихся к объективным признакам состава преступления, так и общественной опасности (противоправности) деяния. Однако следует иметь в виду, что с момента, когда уголовный закон вступил в действие, необходимо презумировать сознание общественной опасности совершенного деяния, а тем самым и его противоправности (в смысле уголовного права) у каждого лица, умышленно совершившего преступление. Сознание общественной опасности деяния при установлении умысла лица, следовательно, по общему правилу не подлежит специальному доказыванию. Однако эта презумпция о наличии такого сознания может быть опровергнута в процессе рассмотрения дела, когда имеются обстоятельства, свидетельствующие о том, что лицо действительно не могло сознавать общественно опасного характера совершенного деяния.

В нашей печати было высказано мнение, что в состав умысла входит лишь сознание общественной опасности, но не входит сознание противоправности совершенного деяния¹. С такой точкой зрения трудно, однако, согласиться. В уголовном праве речь идет не просто о сознании лицом того, что вредно и что полезно для общества, а о той степени общественной опасности деяния, которая определяет его противоправность в смысле уголовного права. Общественная опасность и противоправность деяния связаны в уголовном праве как содержание и форма. Едва ли возможно сознавать содержание — степень общественной опасности, требуемой для признания деяния преступным, и не сознавать правового выражения этого содержания — противоправности деяния в смысле уголовного права.

При рассмотрении проблемы сознания противоправности необходимо остановиться еще на одном вопросе. Отсутствие сознания общественно опасного характера совершенного деяния, хотя бы и при наличии такой возможности, всегда означает отсутствие умысла в действиях лица. Но при этом возникают известные трудности, на которые необходимо указать. Речь идет о квалификации так называемой правовой

¹ См. «Советское уголовное право. Часть Общая», учебное пособие, подготовленное кафедрой уголовного права Ленинградского государственного университета, Л., 1960, стр. 317.

неосторожности, т. е. случаев, когда лицо умышленно совершает определенное деяние, но по обстоятельствам дела не сознает, хотя и должно было сознавать его противоправность. В тех случаях, когда лицо, сознавая все фактические признаки совершенного деяния, по неуважительным причинам заблуждается относительно правовых свойств совершенного, согласно взгляду, сформулированному в ст. 8 Основ уголовного законодательства, всегда необходимо видеть наличие лишь неосторожной вины. Поэтому, например, если врач сознательно дал тяжело больному смертельную дозу морфия с целью прекратить его страдания, полагая, что ему это делать дозволено, то здесь будет иметь место неосторожное убийство. До издания Основ уголовного законодательства по этому вопросу в нашей литературе существовали разногласия. Так, Макашвили полагал, что поступок остается умышленным, если лицо представляло все его фактические обстоятельства, хотя и не сознавало его общественной опасности, но при проявлении должной внимательности и заботливости могло бы это сознавать¹.

Иную точку зрения защищал В. Ф. Кириченко, который полагал, что «правовая неосторожность» устраняет умысел и все совершенное можно рассматривать как неосторожное преступление. Если же данное действие наказуемо лишь при вине умышленной, то, по его мнению, ответственность лица за совершенное деяние полностью отпадает. Поэтому приведенный пример с дачей больному яда он рассматривал не как умышленное убийство, а как убийство неосторожное. «То обстоятельство, что лицо намеренно причиняет смерть, еще не превращает это причинение в умышленное убийство... Намерение при умысле должно быть направлено не на причинение результата вообще, а на причинение результата, общественная опасность которого очевидна для лица, совершившего деяние»². Такое решение вопроса, если раньше и вызывало возражение, то в свете категорических постановлений ст. 8 Основ уголовного законодательства следует признать оправданным³.

¹ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 181.

² В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 31.

³ Вопрос о сознании противоправности вызывает разногласия и среди криминалистов стран народной демократии. Так, польский криминалист Плавский безоговорочно признает, что отсутствие сознания противоправности исключает всегда умысел в действиях лица; Вольтер ставит вопрос о наказуемости в этих случаях как за неосторожное преступление, хотя бы неосторожное совершение деяния и не было предусмотрено в законе. S. Pławski, Quelques aspects du nouveau droit pénal polonais. «Revue de science criminelle et de droit pénal comparé», 1958, № 2.

Чехословацкий криминалист Ф. Полячек также признает сознание противоправности необходимым элементом умысла (см. Ф. Полячек, Состав преступления по чехословадскому уголовному праву, стр. 240). Та-

Вопрос о сознании общественной опасности (противоправности) преступного деяния в судебной практике вызывает споры в крайне редких случаях. Одним из немногих примеров в этом отношении может служить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 января 1945 г. по делу Б., которая была осуждена за самоуправство, выразившееся в том, что она с разрешения ответственного дежурного милиции выкопала картофель, посаженный гр-кой Штейнгард на спорном участке земли, и посадила там свои овощи. Коллегия Верховного Суда СССР не нашла в действиях Б. состава преступления, так как не признала ее виновной в силу отсутствия у нее сознания противоправности деяния. Коллегия указала, что хотя решение, данное ответственным дежурным по милиции, было само по себе неправомерным, однако оно создало у Б. неправильное представление о правомерном характере ее действий, а «при таких условиях в действиях Б., которая едва ли могла разобраться в полномочиях должностного лица, к которому она обращалась, нет состава преступления».

Следует различать незнание закона, который изменяет лишь наказуемость ранее известного всем общественно опасного деяния, и незнание закона, который устанавливает наказуемость деяния, которое ранее не было наказуемым. Незнание закона, который изменяет лишь наказуемость деяния, не может ни при каких условиях служить основанием освобождения от уголовной ответственности. Для признания умысла в действиях лица советский закон требует установить лишь предвидение общественно опасных последствий своих действий. Предвидение размера возможной ответственности за совершенное преступление, установленного по действующему советскому уголовному законодательству, не входит в содержание умысла лица. Поэтому такого рода незнание не может иметь никакого юридического значения. Что касается незнания закона, который устанавливает преступность определенного деяния, ранее не считавшегося таковым, то с момента введения этого закона в действие мы в нашей практической работе исходим из того, что он по общему правилу известен гражданам. Это соответствует и действительному положению вещей. В тех случаях, когда лицо не сознавало противоправный характер совершенного деяния, но по обстоятельствам дела должно было это сознавать, оно

кой же взгляд проводится в работе другого чехословацкого криминалиста Л. Шуберта («Об общественной опасности преступного деяния», стр. 12—13).

Иного взгляда в этом вопросе держатся криминалисты Германской Демократической Республики (см. И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, М., 1958, стр. 57, 58).

За включение в умысел сознания общественной опасности деяния высказывается венгерский криминалист Л. Вишки («Отношение общественной опасности и виновности в конструкции понятия преступления», «Acta juridica Academiai Scientiarum Hungarica», t. I, Fasz. 1—2, 1959, pp. 121—156).

может подлежать уголовной ответственности за совершение этого преступного деяния по неосторожности. Однако в тех случаях, когда лицо не знало и заведомо не могло знать об общественно опасном характере совершаемых действий, следует всегда положительно разрешать вопрос об освобождении его от уголовной ответственности.

Для прямого умысла необходимо, чтобы виновный желал наступления предвиденных им последствий его действий. Достигнутый преступный результат при этом является или единственной целью, преследуемой виновным (например, убийство из мести), или необходимым средством для достижения какой-либо другой цели (например, убийство с целью скрыть следы другого преступления).

Для косвенного умысла необходимо, чтобы у виновного отсутствовало желание наступления предвиденных им последствий его действий, но тем не менее чтобы он сознательно допускал возможность их наступления. Этим косвенный умысел отличается от прямого.

Отсутствие у лица желания, чтобы предвиденные последствия его действий наступили, может быть связано или с безразличным к ним отношением, или даже выражаться в явном нежелании их наступления.

Сознательное допущение возможности наступления преступных последствий имеет место до тех пор, пока субъект не рассчитывает на определенные обстоятельства (будь то его собственные действия, действия другого лица или сил природы), которые должны, по его мнению, отклонить наступление предвиденных им преступных последствий его деяния.

Сознательное допущение преступного последствия будет и тогда, когда лицо, не желая его наступления, рассчитывает лишь на «авось», на какую-либо случайность, благодаря которой предвиденное им преступное последствие может не наступить. Надеяться на «авось» — значит ни на что не надеяться. Поэтому следует признать, что в этих случаях лицо сознательно допускает наступление преступного результата. Хотя большинство умышленных преступлений совершаются с прямым умыслом, однако нельзя не считаться с тем, что практика сталкивается и с случаями совершения преступлений с эвентуальным умыслом. Встречающаяся иногда ошибочная квалификация преступлений, совершенных с эвентуальным умыслом, как неосторожных преступлений является нарушением прямых требований советского уголовного закона и ведет к ничем не оправдываемому смягчению ответственности виновных лиц. Следовательно, прокурору и судье в их практической работе необходимо пользоваться поня-

тием эвентуального (косвенного) умысла для правильной квалификации совершенных преступных деяний.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 сентября 1946 г. по делу С., осужденного за умышленное убийство и незаконное хранение оружия, уделил этому вопросу специальное внимание. Обстоятельства дела таковы. С. и осужденный с ним по данному делу О., находясь в нетрезвом виде, вышли на перрон вокзала ст. Пермь III и направились к пригородному поезду. При этом О. допустил ряд хулиганских действий, в частности сорвал головной убор с проходившей мимо гражданки. Один из пассажиров вступился за гражданку, между ним и О. началась драка, в результате которой О. получил удар по голове бидоном и упал. С., увидев О. лежащим на земле, выхватил пистолет и стал наносить им удары по голове гражданину, дравшемуся с О. При этом С. произвел три выстрела, которыми были убиты Назаров и Нифонтов, находившиеся в тамбуре вагона. Произведя затем еще один выстрел в воздух, С. пытался скрыться, но был задержан. Коллегия Верховного Суда СССР, рассматривая это дело в кассационном порядке, признала, что С. совершил неосторожное убийство. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по этому делу указал, что имеются материалы, опровергающие вывод Коллегии. Как установлено по делу, Назаров и Нифонтов находились в тамбуре вагона, и тут же на месте двумя выстрелами один из них был убит, а другой — смертельно ранен. Каждый из них был ранен в голову. Осмотром места преступления и результатами судебно-медицинской экспертизы установлено, что выстрелы в Назарова и Нифонтова были произведены с очень близкого расстояния. Пленум Верховного Суда СССР пришел к выводу, что С. совершил убийство с эвентуальным (косвенным) умыслом, и в постановлении по этому делу указал, что для квалификации действий С. как умышленных не требуется, чтобы он действительно желал кого-либо убить.

По делу не было установлено наличия такого желания у С., поэтому его действия не могли рассматриваться как совершенные с прямым умыслом. Однако советское уголовное право наряду с прямым умыслом знает и косвенный умысел. Закон определяет этот вид умысла как сознательное допущение в результате своих действий наступления последствий, общественно опасный характер которых предвидел (сознавал) виновный. «Произведя беспорядочную, бессмысленную стрельбу в проходе между двумя пассажирскими поездами во время посадки на один из них, С., который сам заявил на суде, что он хорошо помнит, как все происходило, сознавал всю общественную опасность своих действий. С. производил стрельбу, зная, что от этой стрельбы могут произойти несчастные последствия, зная, что такого рода стрельба может повлечь за собой не одну, а

несколько жертв. С. стрелял умышленно с полным безразличием к тем последствиям, которые могли наступить от его действий, в данном случае эти последствия и выразились в причинении смерти двум гражданам». Пленум признал, что преступление С. надлежало квалифицировать как умышленное убийство, совершенное в обстановке, представлявшей опасность для жизни многих лиц.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 14 июня 1947 г. усмотрело наличие причинения телесного повреждения с эвентуальным умыслом в действиях Д., который, будучи застигнут ночью в чужом саду при попытке похитить яблоки, открыл беспорядочную стрельбу, чтобы избежать задержания, и ранил одним из выстрелов Харитонову. Коллегия указала: «Стрелял Д. для того, чтобы напугать Харитонову и заставить его уйти. Стреляя, он не имел цели лишить жизни потерпевшего, он не имел и цели причинить ему какое-либо телесное повреждение. Однако та обстановка, в которой были произведены выстрелы Д., свидетельствует о том, что у него было сознание возможности причинения какого-либо вреда личности Харитонову (выстрелы производились ночью в воздух, в ту сторону, где находился Харитонов). Следует признать, что Д. предвидел возможность ранения потерпевшего и сознательно это допускал, т. е. причинил телесное повреждение с эвентуальным умыслом. Поэтому ранение Харитонову в соответствии с характером нанесенного телесного повреждения подлежит квалификации как умышленное телесное повреждение, неопасное для жизни, но повлекшее расстройство здоровья».

Вопрос об использовании понятия эвентуального умысла для правильной квалификации совершенного деяния возникал в судебной практике и в ряде других случаев, в частности в связи с квалификацией аварий на автотранспорте, повлекших человеческие жертвы, когда водителем машины было лицо, которое не являлось работником автотранспорта. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте», были специально предусмотрены случаи убийства с косвенным умыслом, связанные с нарушением правил движения, допущенных водителями автомашин, не являющимися работниками автотранспорта. Пленум Верховного Суда СССР дал указания судам квалифицировать как умышленное убийство причинение смерти в результате сознательного злого нарушения правил движения (так называемое «лихачество», хулиганские побуждения, вождение машины в нетрезвом виде и т. п.). Давая такие указания, Пленум Верховного Суда СССР имел в виду, что водитель автомашины действует в этом случае с косвенным умыслом на лишение жизни

ни: он предвидит возможность несчастных случаев с людьми, хотя их и не желает, но всем своим поведением свидетельствует о том, что сознательно их допускает.

Постановлением от 10 апреля 1957 г. Пленум Верховного Суда СССР внес изменения в постановление от 15 сентября 1950 г. для уточнения этого вопроса.

Вместо упоминания о «злостности» нарушений правил движения это постановление Пленума более точно указало: нарушение правил движения, повлекшее несчастные случаи с людьми — смерть или телесное повреждение, если по делу установлено, что виновный предвидел возможность наступления таких последствий и сознательно допускал их, должно квалифицироваться соответственно как умышленное убийство или умышленное тяжкое телесное повреждение по соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик.

Если при этом водитель и надеялся на «авось», на то, что все обойдется благополучно, такая надежда не исключает косвенного умысла в действиях лица, как это принято считать в советской теории уголовного права. Надежда на «авось», как мы выше указали, означает, что виновный ни на что не надеялся, он сознательно допускал возможность наступления преступного последствия. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. и от 10 апреля 1957 г. подтверждали жизненность такого понимания эвентуального умысла.

Таким образом, мы должны признать наличие эвентуального умысла всякий раз, когда виновный предвидел возможность наступления в результате своих действий преступного результата, не желал этого, но сознательно допускал.

Эвентуальный умысел не может иметь места в тех случаях, когда лицо предвидело неизбежность наступления преступных последствий своих действий, ибо в этих случаях нельзя говорить, что виновный их не желал, но лишь сознательно допускал. При эвентуальном умысле предвидение последствий своих действий может выражаться лишь в допущении вероятности, возможности их наступления.

В нашей литературе были высказаны взгляды, во-первых, о целесообразности полностью ликвидировать понятие косвенного (эвентуального) умысла как особой формы вины и, во-вторых, о необходимости пересмотреть понятие эвентуального умысла. На этих вопросах следует специально остановиться.

М. А. Чельцов в 1947 году предложил слить эвентуальный умысел и самонадеянность в одно понятие «заведомости». Своё предложение он аргументировал нежизненностью эвентуального умысла как особой формы вины, ненужностью этого понятия для практики. По мнению М. А. Чельцова, Общая часть уголовного кодекса должна была «предусмотреть вместо непрямого

умысла и преступной самонадеянности (второй после умысла вид вины) заведомость». М. А. Чельцов считал ее очень распространенной в жизни формой вины (не только в преступлениях против жизни, но и в должностных преступлениях и преступлениях против порядка управления) и предлагал, чтобы теория советского уголовного права и законодательство отразили ее, «отказавшись от старого схоластического деления, что будет способствовать улучшению судебной практики»¹.

В связи с этим М. А. Чельцов предложил ввести следующие три формы вины: умысел, заведомость и неосторожность. Справедливость требует сказать, что это предложение не являлось полностью новым. Известно, что еще в конце прошлого столетия немецкий криминалист Лефлер предложил подобное деление форм вины, отстаивая при этом необходимость применять и при умысле и при заведомости одинаковые наказания². Нетрудно видеть, что приравнение по наказуемости некоторых форм неосторожной деятельности (самонадеянности) к умышленной означало расширение объема уголовной репрессии буржуазных государств. Это соответствовало общей политической тенденции развивавшегося империализма — тенденции к насилию и реакции.

Отказ от различия понятий эвентуального умысла и самонадеянности едва ли соответствует интересам укрепления социалистической законности в работе судебных и прокурорских органов социалистического государства, требующей дифференцированной ответственности в зависимости от характера субъективной стороны преступного деяния.

С утверждением практической бесполезности эвентуального умысла выступил в 1947 году В. Я. Лившиц³. Однако эти утверждения, как видно из приведенных примеров судебной практики, не соответствуют действительности.

Нельзя было согласиться и с некоторыми предложениями об уточнении понятия эвентуального умысла, так как они фактически неправильно обрисовывали действительный характер волевого или интеллектуального момента в эвентуальном умысле. При прямом умысле виновный предвидит возможность наступления определенных последствий своих действий и желает их, т. е. стремится к ним как к конечной цели своей деятельности или рассматривает их как средство для достижения других своих целей. При эвентуальном умысле наступившие преступные последствия не являются ни прямой целью деятельности лица, ни необходимым средством для достижения каких-либо других

целей. Преступные последствия при эвентуальном умысле мыслятся виновным как возможный побочный результат его деятельности, направленной на осуществление преступных или не-преступных целей. Именно потому, что лицо, преследуя какую-то определенную цель, предвидит возможность наступления при этом других общественно опасных последствий, которых он не желает, но, однако, сознательно допускает, психическое отношение лица к этим наступившим преступным последствиям и называется косвенным умыслом. Поэтому косвенный умысел немислим без того, чтобы лицо не стремилось к достижению каких-то других преступных или не-преступных целей. М. М. Исаев высказывал мнение, что психическое отношение лица к наступившим преступным последствиям в виде косвенного умысла возможно и тогда, когда лицо не преследует каких-либо иных преступных или не-преступных целей¹. М. М. Исаев полемизировал с приведенным нами пониманием эвентуального умысла. Он полагал, что дело С., которое мы выше изложили, опровергает такое понимание эвентуального умысла. «Дело С. показывает, что психическое состояние в виде косвенного умысла вполне возможно и тогда, когда виновный не преследует каких-либо иных преступных целей и когда преступные последствия его действий не являются «побочным» продуктом. Вместе с тем действия С. не являлись сами по себе не-преступными»². Эти соображения не могут быть признаны убедительными. Они неправильно изображают волевой момент в эвентуальном умысле и утверждают, что косвенный умысел возможен там, где деятельность лица лишена сама по себе какого-либо положительного волевого содержания. В действительности этого никогда не бывает, и дело С., при внимательном его рассмотрении, говорит не в пользу взгляда М. М. Исаева. С. преследовал определенные цели: вызвать милицию для оказания помощи его приятелю О., подвергнутому избиению во время затейной им драки, или, быть может, непосредственно своими действиями запугать лиц, дравшихся с О. Волевой момент при эвентуальном умысле выражается в желании наступления одних последствий и в нежелании или безразличном отношении к возможности наступления других общественно опасных последствий.

Характерной особенностью интеллектуального момента в эвентуальном умысле является предвидение лишь возможности, вероятности наступления преступных последствий. Против такого понимания эвентуального умысла выступает Б. С. Утевский. Он полагает, что возможны случаи действия с эвентуальным умыслом, когда «виновный сознает неизбежность

¹ М. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность» 1947 г. № 4, стр. 8.

² См. Löffler, Die Schuldformen des Strafrechts, 1895.

³ См. В. Я. Лившиц, К вопросу о понятии эвентуального умысла, «Советское государство и право» 1947 г. № 7, стр. 34.

¹ См. М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 62.

² Там же.

(необходимость) наступления нежелаемых последствий. Поджигатель может сознавать, что в поджигаемом доме находится инвалид, неспособный передвигаться, что во время поджога никого другого в доме нет, что инвалиду этому помощи ждать неоткуда и что, следовательно, он неизбежно погибнет во время пожара»¹. Эти утверждения Б. С. Утевского фактически уничтожают полностью различие в характере интеллектуального момента при совершении преступления с прямым и эвентуальным умыслом. Сознание неизбежности наступления преступных последствий своих действий несовместимо с их нежеланием и лишь сознательным допущением, что является необходимой принадлежностью эвентуального умысла. Приведенное выше определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 14 июня 1947 г. по делу Д., характеризуя эвентуальный умысел на причинение телесного повреждения, указало, что обвиняемый «предвидел возможность ранения потерпевшего и сознательно это допускал, т. е. причинил телесное повреждение с эвентуальным умыслом (разрядка наша. — А. П.)». Разумеемся, если бы Д., желая избежать задержания, стрелял с сознанием неизбежности ранения преследователя (например, стрелял в упор), то невозможно было бы говорить о действии его с эвентуальным умыслом.

Деление умысла на прямой и эвентуальный в буржуазной теории уголовного права стало проводиться лишь в XIX веке. Понятие непрямого умысла ныне принято рассматривать как тождественное с умыслом эвентуальным.

До появления в начале XIX века работ А. Фейербаха обычно преступные действия с непрямым умыслом (*dolus indirectus*) усматривали в тех случаях, когда причиненный преступный результат вышел за пределы, намеченные лицом при совершении им какого-нибудь умышленного преступного деяния. Например, в случае, когда умысел был направлен на причинение побоев, но они повлекли за собой смерть потерпевшего, усматривали умышленное убийство с непрямым умыслом. Такое понятие непрямого умысла позволяло преследовать как за умышленное преступление тех, кто по существу лишь по неосторожности причинил преступный результат, или даже проводить под видом ответственности за умысел объективное вменение этого результата. В этом находили свое выражение общие положения об уголовной ответственности, которые господствовали в феодаль-

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, стр. 255. Против возможности отнесения предвидения неизбежности наступления общественно опасных последствий к эвентуальному умыслу выступает И. Г. Гурвич («Косвенный умысел по советскому уголовному праву», автореферат канд. диссертации, М., 1951, стр. 7).

ном уголовном праве. Во французском феодальном уголовном праве в качестве общего правила признавалось, что тот, кто является виновником преступного действия, несет ответственность за все его последствия, хотя бы они и не соответствовали его намерениям. Такое понятие непрямого умысла имело достаточную историческую давность. Оно сложилось еще в средневековом каноническом праве.

«Камень, выпущенный из рук, принадлежит дьяволу», — гласила средневековая поговорка. Брошенный камень может причинить любые тяжелые последствия. Поэтому лицо, бросившее камень, отвечало с точки зрения феодального уголовного права за все последствия своего действия.

Такое же понятие умысла находило отражение и в соответствующих законодательных памятниках. В частности, оно лежало в основе понимания умысла Воинским артикулом Петра I. Об этом свидетельствовало, например, толкование 58 артикула: «Ежели кто кого с ненавистью толкнет, или что с злости на него бросит и учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то оный обыкновенной смертной казни подвержен».

А. Фейербах отстаивал требования уголовной ответственности в строгом соответствии с индивидуальной виной лица. Это было одним из буржуазноправовых требований, направленных против произвола феодальной юстиции. Отстаивая принцип ответственности лишь за вину, А. Фейербах вместе с тем выступал против существующего понятия непрямого умысла. Он стремился показать, что здесь отсутствует умышленное причинение конечного результата, а в крайнем случае можно говорить лишь о наличии смешанной формы вины: прямого умысла (*dolus*), направленного на совершение определенного деяния, и неосторожности (*culpa*) в отношении наступившего от этого последствия. Мало-помалу в буржуазной теории уголовного права разрушается старое учение о *dolus indirectus*. Постепенно создается новое понятие непрямого или эвентуального умысла, которое охватывает вменение в умышленную вину лишь тех последствий действия данного лица, которые оно предвидело в качестве возможных и сознательно допускало.

Деление умысла на прямой и эвентуальный является широко распространенным в буржуазной уголовноправовой литературе. Однако в ряде стран ни теория, ни судебная практика не пользуются этими понятиями. Эвентуального умысла не знает английская уголовноправовая литература. Им не пользуются криминалисты Франции и Бельгии. Там применяется старая конструкция непрямого умысла, сложившаяся еще в феодальном обществе. Это означает, что судебная практика идет в таких случаях при определении уголовной ответственности по линии объективного вменения, несмотря на провозглашение допустимости ответственности лишь при наличии субъективной вины.

В буржуазной уголовноправовой литературе в вопросе о понимании умысла долгие годы шла борьба между волевой теорией и теорией представления. Волевая теория относилась к умышленной деятельности лица лишь те последствия его действий, которые оно желало. Теория представления относилась к умышленной преступной деятельности лица все те последствия его действий, которые оно представляло как возможные. Теория представления более широко обрисовывала объем наказуемой умышленной преступной деятельности. Тем самым она направляла судебную практику буржуазных государств по линии расширения и усиления репрессий. Поэтому она объективно имела особо реакционное значение. Волевая теория допускала более узкие рамки для признания наличия умышленной преступной деятельности. Теория представления по существу позволяла признавать умышленными те преступления, которые были совершены по неосторожности, выраженной в форме самонадеянности.

Появление этих теорий было связано с распространенным в буржуазной психологической литературе взглядом на мышление и волю как на взаимно не связанные психические способности человека. Волевая теория умысла и теория представления одинаково покоятся на метафизическом противопоставлении мышления и воли.

Кроме деления умысла на прямой и эвентуальный, возможно и иное деление умысла.

Так, различают умысел определенный (*dolus determinatus*) и умысел неопределенный (*dolus indeterminatus*). Для определенного умысла считают характерным то, что он направлен на осуществление точно определенного преступного результата. При умысле неопределенном причиненный преступный результат хотя и входит в предвидение субъекта, но в его представлении индивидуально не определен. С неопределенным умыслом судебная практика часто сталкивается по делам о нанесении телесных повреждений. Нанося удар, субъект сознает, что причиняет телесное повреждение, но не сознает, какое именно: тяжелое или легкое. Ответственность при этом определяется за то телесное повреждение, которое фактически было причинено, при условии, что возможность его причинения охватывалась умыслом субъекта. Определенный умысел в свою очередь делят на простой и альтернативный (*dolus alternativus*).

При простом определенном умысле субъект намеревается причинить лишь один определенный преступный результат. При альтернативном определенном умысле субъект допускает возможность причинения в результате своих действий одного из нескольких им предвиденных и индивидуально определенных преступных результатов. Например, виновный предвидит, что

в результате его действий может или наступить смерть потерпевшего, или ему будет причинено тяжелое телесное повреждение.

Различают виды умысла и по условиям его формирования. Умысел заранее обдуманый (*dolus praemeditatus*) имеет место тогда, когда виновный предварительно более или менее тщательно обдумал все существенные моменты предпринимаемого им преступного действия (предумышленное преступление). Умыслу заранее обдуманному противопоставляется умысел внезапный (*dolus repentinus*). О внезапном умысле можно говорить тогда, когда виновный приводит свое намерение в исполнение немедленно по его возникновении. Уголовное законодательство многих буржуазных стран придает большое значение этому делению умысла, особенно при посягательствах на человеческую жизнь. Оно связывает повышенную уголовную ответственность с наличием предумышленной преступной деятельности. Советское уголовное законодательство не знает обязательного повышения наказания при наличии предумышленной преступной деятельности. Действие с заранее обдуманным намерением не всегда свидетельствует о большей степени опасности лица. Лицо, легко решающее совершить преступление, может быть признано более общественно опасным по сравнению с тем, кто идет на это после долгих колебаний. Поэтому различие этих видов умысла для советского уголовного права не имеет решающего значения при квалификации тех или иных умышленно совершенных преступлений.

§ 3

Формы вины. Неосторожность¹

Особой формой психического отношения лица к наступившим преступным последствиям является неосторожность.

Борьба с преступлениями, совершенными по неосторожности, имеет существенное значение для охраны общественных отношений социалистического общества. Расхлябанность и недисципли-

¹ В. А. Владимиров, Преступная небрежность как форма вины по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5; В. А. Куринов, Понятие неосторожности в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, «Вестник Московского университета», 1960, серия 10, № 3; И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния; В. Макашвили и Т. Церетели, О неосторожности по советскому уголовному праву, «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 4—5; В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность; А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, «Ученые записки ВЮОН», вып. 1, М., 1955; Т. А. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право» 1947 г. № 4.

нированность в работе нередко могут повлечь тяжелые последствия для государственных и общественных интересов и для интересов отдельных граждан. Борьба с небрежностью в работе имеет большое значение в деле воспитания кадров строителей коммунизма.

В период развернутого строительства коммунистического общества в связи с громадным размахом хозяйственно-организаторской деятельности социалистического государства борьба с рядом преступлений, совершенных по неосторожности, должна привлекать специальное внимание. Особенно нетерпимым становится проявление всякой недисциплинированности и неорганизованности в работе. Укрепление государственной дисциплины требует непримиримой борьбы с бюрократизмом, с безответственным отношением к порученному делу, с бесхозяйственностью, в основе которых нередко лежит преступная небрежность должностных лиц советского государственного аппарата. Борьба с неосторожными преступлениями есть борьба со своеобразной формой проявления пережитков прошлого в сознании людей.

По неосторожности может быть совершен целый ряд преступлений, известных советскому уголовному законодательству. По неосторожности работников транспорта могут произойти серьезные аварии и срывы работы железнодорожного или водного транспорта, а также автотранспорта. Неосторожность при производстве строительных работ может повлечь человеческие жертвы, неосторожное обращение с огнем во взрывоопасных цехах может причинить громадный материальный ущерб и повлечь за собой гибель людей и т. д.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 9 признают преступление совершенным по неосторожности, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало их предотвратить, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Неосторожность может быть в виде самонадеянности (преступное легкомыслие) и в виде небрежности.

Самонадеянность согласно ст. 9 Основ уголовного законодательства состоит в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, соединенном с легкомысленным расчетом на их предотвращение.

Например, мотоциклист сознательно развивает большую скорость, полагая, что он в любой момент может легко затормозить

и избежать несчастного случая. Однако тормоз «отказал» в нужный момент, мотоциклист сбил переходившего улицу прохожего и причинил ему телесное повреждение.

Мотоциклист предвидел возможность наступления указанных последствий, но легкомысленно рассчитывал их предотвратить. Он проявил самонадеянность. Самонадеянность можно характеризовать наличием, с одной стороны, как бы сознания лишь в общей форме возможности причинения преступного результата, а с другой — отсутствием сознания возможности его наступления в конкретных условиях ввиду легкомысленного расчета его предотвратить. Вследствие этого последнего момента при самонадеянности (так же как и при небрежности) отсутствуют необходимая серьезность и вдумчивость, внимательность и предусмотрительность при совершении действий, могущих причинить существенный ущерб государственным или общественным интересам, а также правам и интересам отдельных граждан. Это дает основание объединять самонадеянность и небрежность в одно общее понятие неосторожной вины.

Самонадеянность, таким образом, характеризуется: а) наличием предвидения общественно опасных последствий своей деятельности; б) наличием легкомысленного расчета их предотвратить.

Предвидение лицом общественно опасных последствий своих действий сближает самонадеянность с умыслом.

При самонадеянности предвидение последствий своих действий может быть лишь только предвидением их возможности, так как только при этом условии может быть и легкомысленный расчет в данном конкретном случае предотвратить их наступление. При предвидении неизбежности наступления последствий не может иметь место расчет их предотвратить. В этом случае лицо действует с прямым умыслом.

Однако предвидение этой возможности при самонадеянности носит абстрактный характер в силу отсутствия сознательного допущения наступления предвиденных общественно опасных последствий. Оно лишено здесь той конкретной определенности, какой обладает предвидение при косвенном умысле. Этим самонадеянность отличается от косвенного умысла. О сознательном допущении наступления общественно опасных последствий не может быть речи, когда преступник рассчитывает на предотвращение наступления предвиденных им последствий. Расчет предотвратить последствия своих действий предполагает всегда расчет на определенное обстоятельство или группу обстоятельств, которые должны, по мысли виновного, отклонить возможность наступления предвиденных им последствий. В качестве такого обстоятельства может выступать собственная ловкость лица, его находчивость в решительную минуту и т. д. Такими обстоятель-

ствами могут быть также деятельность других людей или действие сил природы. Надежда избежать наступления преступных последствий легкомысленным расчетом не на какое-либо определенное обстоятельство, а только на «авось»; на свое «счастье», на какую-либо случайность не устраняет сознательного допущения наступления преступных последствий, а потому должна быть отнесена не к самонадеянности, а к эвентуальному умыслу.

Если лицо предвидит возможность наступления каких-либо вредных последствий и принимает с должной осторожностью и предусмотрительностью все необходимые меры для предотвращения их наступления, однако вредный результат все же наступает по причинам, от него не зависящим, лицо не может нести ответственность за эти последствия, так как оно не проявило самонадеянности и наступивший результат является лишь «случаем», за причинение которого по советскому уголовному законодательству лицо не отвечает. В указанных условиях отсутствует сознание противоправности и общественной опасности совершаемых действий. При самонадеянности же у лица всегда имеется сознание противоправности (общественной опасности) своего поведения. Например, шофер, едущий с превышенной скоростью там, где это запрещено правилами движения на транспорте, и рассчитывающий на свое мастерство и опыт, сознает противоправность подобного поведения, его противоречие установленным правилам движения. Самонадеянность вообще в громадном большинстве случаев бывает связана с сознательным нарушением каких-либо правил, установленных в интересах предупреждения возможности наступления вредных последствий. Этим определяется по общему правилу большая степень вины при самонадеянности по сравнению с небрежностью. В связи с этим следовало бы признать обоснованным при определении уголовной ответственности за неосторожное убийство и телесное повреждение выделить случаи как более опасного неосторожного убийства и телесного повреждения причинение их в результате сознательного несоблюдения правил предосторожности.

Реальность качественно особого психического отношения лица к наступившим преступным последствиям его действий при самонадеянности не вызывает сомнений. Осуществляя свою деятельность, лицо предвидит возможность наступления преступных последствий, но рассчитывает, хотя и легкомысленно, на какие-то обстоятельства, которые предотвратят их наступление. Самонадеянность как форма психического отношения лица к предвиденному им преступному результату качественно отличается от эвентуального умысла. При эвентуальном умысле лицо действует в определенном направлении, несмотря на то, что представляет себе возможность в качестве побочного результата

причинение преступного последствия, при самонадеянности же лицо действует для осуществления своих целей, будучи уверено, что предвиденный им результат не наступит в силу расчета, хотя и легкомысленного, на определенный фактор, который должен предотвратить наступление предвиденного им как возможного последствия¹. Таким образом, самонадеянность имеет свои особенности как в отношении волевого, так и в отношении интеллектуального элементов вины.

Небрежность согласно ст. 9 Основ уголовного законодательства состоит в непредвидении лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя по обстоятельствам дела оно должно было и могло их предвидеть.

Примером совершения преступления по небрежности может служить следующее дело. Е. возвращался с охоты в санях вместе с Будзиным. В санях находилась заряженная двухстволка. Е. при повороте зацепил варежкой за курок ружья, произошел выстрел, которым был ранен в колено Будзин. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 1 октября 1947 г. квалифицировала действие Е. как неосторожное телесное повреждение. Е., хотя и не предвидел последствий своих действий, но должен был и мог их предвидеть, если бы был более осмотрителен. Его психическое отношение к наступившему последствию выражается в форме небрежности.

Небрежность характеризуется двумя моментами: отрицательным — отсутствие предвидения общественно опасных последствий своей деятельности и положительным — наличие таких условий, которые дают возможность признать, что субъект должен был и мог предвидеть общественно опасные последствия своей деятельности. Первым моментом небрежности отличается от умысла (прямого и косвенного) и самонадеянности. Вторым моментом она отличается от всякого невиновного причинения вредных последствий, за которые лицо не подлежит вовсе уголовной ответственности («случай»).

При небрежности связь субъекта преступления с причиненным им результатом существенно отличается от всех других форм психического отношения лица к наступившему результату,

¹ Правильно отстаивает качественно самостоятельный характер самонадеянности по сравнению с эвентуальным умыслом В. Г. Макашвили («Уголовная ответственность за неосторожность», стр. 30—42). Там же он подвергает обстоятельной критике неправильные высказывания Б. С. Утевского о самонадеянности, ведущие к умалению различия между эвентуальным умыслом и самонадеянностью (см. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, стр. 270).

которые характеризуют рассмотренные уже виды вины. При прямом умысле, косвенном умысле и самонадеянности субъект преступления всегда предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, хотя, как мы видели, по-разному к ним относится. Это связано с различным направлением его воли. Особый характер в этом отношении носит небрежность. При небрежности сознание лица не охватывает возможных общественно опасных последствий совершенных действий. Однако для него существует возможность их предвидеть и благодаря этому избежать или предупредить их наступление. Существовавшая для данного лица возможность предвидеть наступление преступных последствий и их избежать или предупредить не была превращена им в действительность, так как лицо не проявило необходимой предусмотрительности, бережного отношения к чужим интересам, заботливости о соблюдении правил социалистического общежития и т. п.

Основным вопросом в понимании небрежности является выяснение того, в чем реально выражается психическое отношение лица к вызванным его действием или бездействием изменениям во внешнем мире. Правильное решение этого вопроса определяет и обоснования ответственности за совершение преступления по небрежности.

Буржуазная теория уголовного права, обосновывающая уголовную ответственность на существовании якобы свободного самоопределения воли независимо от какого-либо воздействия внешнего мира, не могла толково объяснить основания ответственности за неосторожное преступление. Она не могла объяснить, в чем при неосторожном совершении преступления выражается психическое отношение лица к совершенному преступному результату, которого виновный не только не желал, но даже и не предвидел. Поэтому многие буржуазные криминалисты для того, чтобы как-то свести концы с концами и обосновать ответственность за небрежность, пытались усмотреть в ней особый вид проявления умысла лица — сознательного нарушения правил предусмотрительности, умышленного поставления в опасность тех или иных защищенных правом интересов и т. п. Ряд буржуазных криминалистов отказывались видеть вообще в неосторожном преступлении наличие какого-либо психического отношения лица к причиненному преступному результату. Неспособность буржуазной теории уголовного права объяснить основания ответственности за небрежность побудила некоторых криминалистов объявить всю проблему ответственности за неосторожную вину принципиально неразрешимой, непознаваемой. Так, немецкий криминалист Коллер заявил: «Понятие неосторожности принадлежит к необъяснимым понятиям в уголовном праве как в теории, так и на практике». Это состояние буржуазной теории уголовного права в вопросе о небрежности

использовалось юристами-неокантианцами для обоснования нормативного — идеалистического понимания вины как чисто оценочной категории. Кельзен и его школа в неспособности криминалистов обосновать ответственность за неосторожную вину на базе психологического понимания вины усмотрели доказательство того, что вина вообще заключается не в психической связи лица с совершенным преступным результатом, а лишь в нормативной связи, лишенной всякого психологического содержания. С их точки зрения, признание неосторожности формой вины доказывает справедливость оценочной теории вины, утверждающей, что в понятии вины выражена лишь оценка судом поведения лица как противоречащего правовой норме.

Задача борьбы с идеалистическим оценочным пониманием вины и защиты материалистического понятия о вине требует специального внимания к вопросу о психологическом содержании преступной небрежности. Этот вопрос имеет большое значение не только для теории советского уголовного права, но и для теории советского гражданского права, так как неосторожная вина является основной формой вины в гражданском праве.

Метафизическое противопоставление воли и мышления лежит также в основе тех теорий буржуазных юристов, которые различие между умыслом и неосторожностью видят в том, что преступный умысел связан с упречностью воли, а преступная неосторожность выражает упречное состояние интеллекта. В советской юридической литературе это нашло свое отражение в одном из учебников гражданского права¹. Автор раздела о вине — М. М. Агарков писал: «Умысел можно охарактеризовать как упречное состояние воли, неосторожность — упречное состояние интеллекта»². На ошибочность метафизического противопоставления воли и мышления, лежащего в основе такого понимания небрежности, среди цивилистов правильно указывал Б. С. Антимонов: «То субъективное состояние, которое в науке права называется неосторожностью, является состоянием психики человека. Следовательно, обсуждая вопрос о неосторожности, мы должны считаться с наукой психологии. А согласно этой науке нельзя противопоставлять познавательные переживания волевым. Их можно только различать»³. В дальнейшем советские цивилисты отказались от такого способа различия умысла и неосторожности. При совершении деяния с прямым умыслом преступное последствие является непосредственно или целью деятельности лица, или средством для достижения каких-либо других целей. В том и другом случае

¹ См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, ч. 2, М., 1938.

² Там же, стр. 392.

³ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, М., 1950, стр. 93.

виновный желал его наступления. При эвентуальном умысле и при самонадеянности наступившее преступное последствие является побочным результатом деятельности лица, этот результат выступает для лица как возможное последствие его действий, направленных на достижение тех или иных правомерных или противоправных целей. При совершении преступления по небрежности преступное последствие является так же побочным результатом волевой сознательной деятельности человека, как и при эвентуальном умысле и самонадеянности. Сознание лицом условий и последствий своих действий, присущее всякой волевой деятельности, при небрежности значительно сужено. Субъект не предвидит возможности наступления преступных последствий своих действий, однако для него существует реальная возможность их предвидеть и благодаря этому возможность избежать или предупредить их наступление. Существовавшая для данного лица возможность в определенной конкретной ситуации предвидеть наступление преступных последствий и их предотвратить не была им, однако, превращена в действительность, так как оно не проявило при этом необходимой предусмотрительности, бережного отношения к государственным интересам, заботливости об охране социалистической собственности, уважения к правилам социалистического общежития и т. п. В этом особом характере воли лица, выраженной в определенных действиях, связанных с поверхностным и невнимательным суждением лица о конкретных условиях совершения этих действий, и состоит то реально существующее психическое отношение лица к наступившему непредвиденному им преступному результату, которое характеризует всякое преступление, совершенное по небрежности. Всякая правомерная деятельность лица обязательно связана с сознательным контролем над условиями ее осуществления в соответствии с правилами социалистического общежития, со стремлением избежать причинение какого-либо вреда Советскому государству, социалистической собственности, правам и интересам отдельных граждан. Небрежное причинение какого-либо вреда этим интересам свидетельствует о пренебрежении к правилам социалистического общежития, к требованиям закона, к конкретным условиям совершения лицом определенных действий. Установление небрежности как формы вины лица означает установление у него наличия указанного психического отношения к совершенному им общественно опасному деянию. Такое понимание неосторожной вины находит свое выражение в нашем уголовном законодательстве в понятии небрежности как непредвидении виновным возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, когда он не только должен был, но по обстоятельствам дела и мог их предвидеть. Вопрос о наличии небрежности может быть решен лишь на основе внимательного изучения всей конкретной обстановки

данного события, как в отношении объективных обстоятельств, при которых наступил данный преступный результат, так и в отношении субъективных свойств лица, его причинившего.

Признание реальности психического содержания небрежности означает материалистическую трактовку небрежности как формы вины. Это имеет существенное значение в общей борьбе с идеалистическим извращением понятия вины по социалистическому праву. Вопрос о реальности психического отношения лица к преступлению, совершенному по небрежности, недостаточно привлекал внимание как советских цивилистов, так и советских криминалистов. Хотя неосторожная вина для гражданского права имеет преимущественное значение, советские цивилисты этот вопрос нередко полностью обходят.

Среди цивилистов он был специально поднят впервые в докторской диссертации Г. К. Матвеева «Вина как основание гражданскоправовой ответственности по советскому праву». В автореферате диссертации Матвеев ставит вопрос: «Наполнена ли неосторожная вина, как и умысел, известным психическим содержанием либо же она представляет собой определенную «психическую пустоту», а потому от нее как от субъективного основания ответственности лица следует отказаться и строить эту ответственность на одних объективных основаниях?»¹. Автор считает, что в понятие неосторожности в качестве ее непременных элементов входит как воля, так и сознание правонарушителя, которые и составляют психологическое содержание неосторожной вины, воля и сознание проявляются при неосторожности с меньшей силой, но не исчезают совсем.

Вопрос о психологическом содержании небрежности был специально поставлен во время научного диспута о вине на юридическом факультете Ленинградского университета в мае 1951 года В. К. Райхером. Правильно возражая против выдвинутого О. С. Иоффе положения, что при небрежности имеется «абстрактное предвидение» наступивших последствий², которое и представляет якобы психическое отношение лица к результату. В. К. Райхер вместе с тем отрицает вообще психическое отношение лица к результату при неосторожной вине, усматривая лишь наличие определенных психических элементов в самой деятельности субъекта: «При неосмотрительности

¹ Г. К. Матвеев, Вина как основание гражданскоправовой ответственности по советскому праву, автореферат докт. диссертации, Киев, 1951, стр. 37. Ту же позицию защищает Г. К. Матвеев в книге «Вина в советском гражданском праве», изд-во Киевского государственного университета, 1955, стр. 275.

² О. С. Иоффе развил затем эту точку зрения в работе «Ответственность по советскому гражданскому праву» (изд-во МГУ, 1955, стр. 122—124). Сущность абстрактного предвидения он усматривает в «общей осведомленности лица о способности совершенных им действий вызвать фактически наступившие последствия» (стр. 124).

сознание и воля имеют своим предметом неосторожное поведение, но отнюдь не противоправность этого поведения, либо его вредные результаты. При неосмотрительности, говорят, субъект не предвидел результата, но должен был его предвидеть; при отсутствии вины, говорят далее, он не предвидел и не должен был предвидеть результата. Но тогда получается, что разница заключается только в моменте долженствования предвидения. Тем самым разница перемещается из области сущего в область должного, первое как бы подменяется вторым. Такая подмена характерна для некоторых буржуазных философов, но с позиций марксистско-ленинской философии она недопустима. Поэтому при непредусмотрительности нет оснований говорить о психическом отношении к результату, но следует устанавливать наличие определенных психических элементов (воли, сознания) в отношении деятельности субъекта»¹.

В этих утверждениях, как нам представляется, есть верные и неверные положения. Правильным является то, что для марксистско-ленинской философии, для материалистического понимания вины нужно установить объективно существующее психическое содержание небрежности, определенный характер сознания и воли лица. Правильно В. К. Райхер отвергает предложенное О. С. Иоффе «абстрактное предвидение» как основание ответственности за небрежность. Это предложение представляет собой лишь одну из попыток свести ответственность за неосторожность к особой форме проявления умысла лица, не имеющую под собой, как нам кажется, реального основания². Однако неправильным является отрицание В. К. Райхером при небрежности психического отношения лица к результату, за который виновный и несет уголовную ответственность. Такая точка зрения ведет к оправданию объективного вменения вредных последствий, наступивших от данных действий лица. Если небрежность характеризует определенным образом сознание и волю лица, выразившиеся в его действиях, то тот же характер сознания и воли лица находит свое выражение и в определенных общественно опасных последствиях этих действий. Вредные последствия, в которых не нашли своего выражения эти черты воли и сознания лица, не могут быть вменены ему в ответственность. Небрежность лица превращается в особую форму вины в уголовном праве при совершении так называемых материальных преступлений лишь в тех случаях, когда она

¹ «Научная дискуссия на юридическом факультете», «Вестник Ленинградского университета» 1951 г. № 9, стр. 97.

² По тем же соображениям нельзя признать правильным попытку Б. С. Антимонова свести неосторожную вину в форме небрежности к предшествующей умышленной вине, которой было обусловлено вредоносное небрежное действие (см. Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 89—90).

нашла свое объективное выражение не только в определенных действиях лица, но и в определенных общественно опасных последствиях этих действий. Поэтому, например, в области уголовного права признается, что неосторожный выстрел из револьвера в присутствии многих лиц, когда пуля пролетела хотя бы на волосок от виска одного из присутствующих и не причинила никому никакого ущерба, не влечет еще уголовной ответственности. Однако убийство кого-либо в этих условиях даст основание для привлечения к уголовной ответственности за неосторожное лишение жизни.

Т. А. Сергеева для обоснования ответственности за неосторожность исходит из положения, что в «принципе каждый вменяемый человек обладает абсолютной возможностью как сознавать характер своей деятельности, так и предвидеть те последствия, которые являются или объективно могут явиться результатом его деятельности»¹. В. Г. Макашвили, правильно критикуя эту позицию, отметил, что это положение не дает ничего для обоснования специальной ответственности за неосторожность и может лишь толкнуть практику на неправильный путь признания презумпции вины каждого человека за все причиненные им последствия². Положения самого В. Г. Макашвили об основании ответственности за вину, при общей их верной направленности, вызывают некоторые возражения. Он правильно считает, что признание реальной возможности предвидения лицом последствий своих действий «не есть нуль в психической сфере индивида, она не является ни пустой абстракцией, ни плодом нашего субъективного измышления»³. Однако едва ли правильно характеризовать непревращение лицом этой реальной возможности в действительность лишь как «потенциальное психическое отношение к наступившему последствию при преступной небрежности»⁴.

Нам представляется, что он неосновательно при этом отрицает наличие положительного психического отношения к наступившему результату. Невнимательность, непродуманность, безалаберность свидетельствуют не только о потенциальной возможности проявить в работе и в своих действиях внимательность, продуманность и деловитость, но и о наличии определенного реально существующего в действительности психического отношения к наступившим последствиям.

Подобно тому, как бездействие лица в определенных условиях не есть простое «ничто», а определенное поведение лица,

¹ Т. А. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право» 1947 г. № 4, стр. 22.

² См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 89—90.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же.

так и непредвидение лицом возможности наступления последствий своих действий представляет собой при определенных условиях не отсутствие какого-либо психического отношения к наступившим последствиям, а наличие лишь особой, специфической формы такого отношения.

Признание необходимости установления при небрежности определенного психического отношения лица к наступившим последствиям ставит вопрос о критерии небрежности, об отличии небрежной вины от невиновного причинения данного результата (так называемый казус), за которое лицо не может нести уголовной ответственности.

По вопросу о критерии небрежности среди советских юристов нет единого мнения. Криминалисты в громадном большинстве высказываются за субъективный критерий небрежности, цивилисты — за объективный.

Решение этого вопроса должно быть дано на основе нашего общего материалистического понимания вины как определенного реально существующего психического отношения лица в форме умысла и неосторожности, выраженного в совершенном им общественно опасном деянии.

В буржуазной юридической литературе обычно выдвигается объективный критерий для установления небрежности. Он заключается в том, что признает у лица наличие возможности предвидеть наступление преступных последствий тогда, когда при данных обстоятельствах эти последствия мог предвидеть «средний благоразумный человек», или (если это относится к области, где требуются специальные познания) таким критерием является «средний человек», обладающий обычной для данной профессии квалификацией. Использование лишь объективного критерия для установления небрежности неизбежно приводит к признанию виновными лиц, которые в действительности не обладают предусмотрительностью «среднего человека».

Использование объективного критерия «среднего человека» для установления небрежности фактически освобождает суд от необходимости в преступлениях, где ответственность установлена за неосторожную вину, искать реальное психическое отношение лица к общественно опасному результату. Это означает отказ от принципа ответственности лишь при наличии вины и переход на позиции объективного вменения. Использование объективного критерия «среднего человека» для установления вины соответствовало представлению о вине как чисто оценочной категории. Поэтому оно и защищалось в буржуазной теории уголовного права сторонниками идеалистического, оценочного понимания вины.

Критерий «среднего человека» не мог быть положен советской теорией права в основу установления небрежности.

При установлении наличия небрежности в действиях лица речь идет об установлении особой формы вины данного лица. Поэтому, чтобы не был нарушен принцип индивидуальной ответственности, строгое проведение которого является необходимым требованием социалистической законности, нужно, чтобы возможность предвидения данным лицом наступления преступных последствий была определена судом, исходя из индивидуальных особенностей этого лица и всей конкретной обстановки, при которой был причинен общественно опасный результат. Необходимо всегда установить для данного лица возможность предвидеть те последствия, которые он не предвидел, но которые в действительности наступили в результате его действий.

Наше социалистическое уголовное право, строго проводя принцип индивидуальной ответственности при решении вопроса о наличии вины в форме преступной небрежности, должно поэтому использовать в качестве решающего субъективный критерий.

Социалистическое правосудие не может признать виновными лиц, у которых в действительности отсутствует какое-либо психическое отношение к наступившим последствиям. А использование лишь объективного критерия небрежности неизбежно ведет к этому.

Объективный критерий может служить лишь для первоначальной ориентировки в совершенном деянии. Определенные требования предусмотрительности вырабатываются при освоении той или иной профессии; в области повседневных бытовых отношений они создаются правилами социалистического общежития; в ряде случаев они устанавливаются самим законом. От этих определенных требований предусмотрительности необходимо отправляться для выяснения реальной возможности предвидения данным лицом наступления преступных последствий. Однако для установления наличия возможности предвидения данным лицом наступившего результата необходимо выяснить субъективные качества данного лица — его знания, квалификацию, особенности личности и т. д. В зависимости от этого определяется в конечном счете и наличие у данного лица возможности предвидеть последствия своих действий и возможности их предотвратить. Для лиц, обладающих специальными знаниями и высоким развитием, реальная возможность предвидения наступления преступных последствий будет иметь место в тех случаях, где для лиц, совершивших такое же действие, но не обладающих такими знаниями и такой сознательностью, нельзя установить наличия этой возможности.

Наша судебная практика шла именно по этому пути. Отдельные ошибки, встречавшиеся в судебной практике, систематически исправлялись высшими судебными органами. Использование

лишь объективного критерия установления неосторожной вины означало бы проявление чуждого советскому суду нечуткого отношения к людям и могло бы привести лишь к неосновательному осуждению честных и исполнительных советских людей, выдвинутых на ту или иную новую для них работу. Наша судебная практика на протяжении многих лет всегда с большим вниманием относилась к субъективным качествам лица при установлении вины в форме небрежности. Это можно показать на многочисленных примерах.

В докладе Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР в 1929 году по делам о бесхозяйственности дифференцированно ставился вопрос о понимании неосторожной вины при бесхозяйственности, допущенной в связи с неопытностью лица. «Бесхозяйственность как результат неопытности ни в коем случае не освобождает от ответственности должностных лиц, имевших определенную и установленную квалификацию. В отношении этих лиц бесхозяйственность по неопытности должна рассматриваться в плоскости преступной самонадеянности. По отношению к отдельным должностным лицам (в частности, выдвиженцам) неопытность следует считать обстоятельством, устраняющим ответственность лишь в тех случаях, когда будет доказано, что данное должностное лицо не имело возможности приобрести надлежащий опыт и знания в процессе производимой им работы».

Наша судебная практика и в дальнейшем при установлении неосторожной вины всегда учитывала конкретные субъективные особенности обвиняемого для установления наличия в его действиях неосторожной вины. В постановлении от 3 июля 1941 г. Пленум Верховного Суда СССР не нашел состава должностной халатности в действиях обвиняемого А., выдавшего из камеры хранения чужие вещи, так как он был переведен в кладовщики камеры хранения из плотников, с работой кладовщика не был знаком и не имел в ней достаточного опыта; квитанции же, предъявленные ему на получение чужих вещей, были подделаны достаточно искусно, так что он по своей неопытности, а также и потому, что событие имело место в ночное время при наличии очереди у камеры хранения, мог не заметить подлога квитанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 6 января 1943 г. не признала наличия неосторожной вины в действиях продавца П., которая, не имея опыта в работе, ошибочно отпускала хлеб по талонам, по которым нельзя было его отпускать.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 19 января 1944 г. не признала наличия неосторожной вины в действиях буфетчицы С., признанной народным судом виновной в халатном отношении к обязанностям,

вследствие чего у нее оказалась недостача 129 кг хлеба. Судебная коллегия указала, что суд не учел, что обвиняемая вследствие своей малограмотности не подходила к занятию должности материально ответственного лица и что наступившие последствия не могут рассматриваться как результат ее неосторожности, поскольку доказано, что С. была незнакома со всеми требованиями отчетности и потому не могла предвидеть последствий своих действий. Таким образом, субъективные особенности С. — отсутствие у нее надлежащей квалификации — послужили основанием для отрицания наличия в ее действиях неосторожной вины.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 22 мая 1948 г. по делу Б., отвергнув возможность осуждения ее за халатность, специально указала, что для признания наличия вины в форме неосторожности необходимо установить, что данное лицо в конкретной обстановке, руководствуясь своими знаниями и способностями, могло не допустить наступления вредных последствий. Обвиняемая из подсобных рабочих была выдвинута на должность заведующей магазином, хотя она и была явно не подготовлена для этого: была малограмотна, не знала счетной работы, не умела пользоваться счетами и метрическими мерами. Она сама неоднократно просила освободить ее от работы, в чем ей было, однако, отказано администрацией. Имевшаяся в деле служебная характеристика Б. свидетельствовала о том, что она всегда относилась добросовестно и аккуратно к порученной ей работе. Это последнее и послужило основанием для ее выдвижения администрацией. В деле имелись данные, что другие лица, не привлеченные к ответственности, использовали ее неопытность в своих корыстных целях. При таких условиях обнаруженная недостача не могла быть отнесена на счет халатности, небрежности Б. по работе.

Субъективный критерий небрежности нашел свое выражение в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 июня 1955 г., которым было прекращено за отсутствием состава преступления уголовное преследование в отношении врача А. Как было установлено материалами дела, А., обнаружив, что у роженицы Осиповой после родов началось кровотечение, поставила диагноз «атоническое кровотечение», приняла в соответствии с этим необходимые меры для оказания ей помощи, и не отходила от нее в течение 40 мин. Поскольку состояние больной продолжало ухудшаться, А. вызвала заведующего отделом Товмасына и заведующего клиникой доцента Саядяна, имевшего стаж работы по специальности более 25 лет, которые согласились с диагнозом, поставленным А., и продолжали оказывать больной помощь в соответствии с этим диагнозом. Несмотря на принятые меры, больная скончалась. При

вскрытии трупа было установлено, что причиной смерти Осиповой был разрыв матки. Коллегия признала, что, хотя А. поставила ошибочный диагноз, она не проявила халатного отношения к своим служебным обязанностям, тем более, указала Коллегия, «как видно из материалов дела, А. молодой врач и имеет небольшой стаж работы». Следовательно, решая вопрос о том, должна ли она была предвидеть, что ее диагноз не соответствует действительности, Коллегия, дав отрицательный ответ, учла и субъективные особенности врача.

Таким образом, следует признать, что наша судебная практика считает, что неопытность устраняет уголовную ответственность за причиненный результат в тех случаях, когда лицо не обладало необходимыми знаниями и опытом для того, чтобы иметь возможность предвидеть и предупредить наступление последствий.

В нашей юридической литературе имела место попытка внести в теорию советского уголовного права чисто объективный критерий понимания неосторожности, критерий «среднего человека».

Это было сделано в ранних работах В. Г. Макашвили и Т. В. Церетели¹. Эти авторы утверждали, что «советскому судье надо дать твердый и ясный масштаб, а не лишенный всякой определенности и меняющийся в зависимости от субъективных свойств отдельного индивида критерий. Только при этом условии можно считать, что предложенный масштаб носит юридический характер и в состоянии служить проводником единой социалистической законности»². С этим утверждением нельзя было согласиться. Требованию строгого проведения социалистической законности соответствует принцип ответственности лишь при наличии вины, а объективный критерий небрежности, как мы показали выше, открывает дорогу для объективного вменения. Полемизируя с нами по поводу взглядов, развитых нами в свое время в учебниках *Общей части советского уголовного права*, В. Г. Макашвили и Т. В. Церетели спрашивали: «Какой советский судья оправдывает лицо, которое будет доказывать, что оно по своему умственному развитию, по своему опыту и тому подобным субъективным свойствам не могло предусмотреть вредного последствия своей деятельности»³. Как видно из приведенной судебной практики, советский суд со всем вниманием исследует эти субъективные свойства обвиняемого для того, чтобы решить, была ли проявлена лицом действительно вина при

¹ См. В. Макашвили, Т. Церетели, О неосторожности по советскому уголовному праву, «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 4—5.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 107.

совершении определенных конкретных действий, повлекших за собой наступление преступного результата.

Формулу действовавшего тогда закона, что при небрежности лицо должно было предвидеть наступление преступного результата, нельзя было отрывать от общих материалистических предпосылок понимания вины по советскому уголовному праву как реально существующего психического процесса, выраженного в совершенных обвиняемым действиях. Поэтому решение вопроса о том, должно ли было лицо предвидеть возможность наступления преступных последствий, для советского уголовного права имело своей предпосылкой признание того, что лицо в конкретной обстановке могло их предвидеть. Решение этого вопроса судом происходило на базе тех объективных требований в отношении поведения отдельных граждан, которые установлены правилами социалистического общежития, действующими законами и распоряжениями органов Советской власти, однако всегда с учетом знаний и уровня развития данного лица.

Поэтому еще до принятия Основ уголовного законодательства 1958 года, когда формула небрежности, содержащаяся в законе (ст. 6 Основных начал 1924 г.), говорила о том, что лицо не предвидело, но должно было предвидеть последствия своих действий, судебная практика и теория советского уголовного права выдвигали субъективный критерий понимания небрежности, считая, что лицо должно было предвидеть наступление преступного последствия лишь тогда, когда по всем конкретным обстоятельствам дела оно могло его предвидеть.

В. Г. Макашвили впоследствии признал теоретическую ошибочность принципиальных положений, выдвинутых им в упомянутой статье. В опубликованной в 1952 году статье «Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве»¹ В. Г. Макашвили правильно указывал, что его прежние взгляды противоречат принципу виновной ответственности. Он считает неправильным взгляд, что «для ответственности за преступную небрежность достаточно нарушение общеобязательной предусмотрительности, хотя бы индивидуальные качества или особое психическое состояние лица в момент действия лишили его возможности выполнить эту обязанность. Последовательное проведение этого взгляда могло бы поколебать принцип виновной ответственности. При установлении неосторожной вины такой взгляд предлагает пользоваться обобщающим масштабом. На место живого человека во всей полноте его физических и психических способностей ставится абстрактная фигура «среднего человека» такой же профессии, равной квалификации, и на основании отвлеченного представления о его возможностях

¹ См. «Советское государство и право» 1952 г. № 1.

решается вопрос, мог ли данный обвиняемый предусмотреть наступление данного вредного последствия и избежать его»¹. В. Г. Макашвили правильно считал в этой статье, что лицо подлежит уголовной ответственности только в том случае, когда оно обладало реальной возможностью предусмотреть причиненный его действием (или бездействием) вред, но не использовало этой возможности вследствие легкомыслия, небрежности или равнодушного отношения к охраняемым социалистическим порядкам объектам или вследствие недопустимой недооценки опасного характера своих действий².

О вине лица в форме небрежности можно говорить тогда, когда оно могло в соответствующей ситуации выполнить требования предусмотрительности и предупредить наступление общественно опасных последствий своих действий.

Для решения вопроса об ответственности за неосторожность имеют значение и объективный, и субъективный критерии, однако нельзя признать, что они имеют «равноценное значение»³. Объективный критерий в общей форме определяет объективные границы противоправности и непротивоправности соответствующих действий лица, с учетом которых и может быть только поставлен вопрос об ответственности за неосторожное деяние, но вопрос о вине лица непосредственно разрешается путем применения субъективного критерия. Поэтому необходимо признать, что при установлении вины лица в форме небрежности решающая роль принадлежит субъективному критерию.

Основы уголовного законодательства 1958 года при определении критерия небрежности в ст. 9 учли как опыт нашей судебной практики, так и положения советской теории уголовного права по этому вопросу. Они говорят здесь о преступлении, совершенном по неосторожности, когда лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя «должно было и могло их предвидеть». Тем самым Основы выдвигают для определения небрежности два критерия — объективный и субъективный. Объективный критерий, критерий должностования, требует для наличия небрежности установления на основе норм права или правил социалистического общежития обязанности для известной категории лиц предвидеть возможность наступления от определенных действий общественно опасных последствий, а тем самым и обязанность такого поведения, которое предотвратило бы наступление этих последствий. Однако о наличии небрежности как формы вины лица может идти речь лишь в том случае, если данное лицо не предвидело,

¹ «Советское государство и право» 1952 г. № 1, стр. 42.

² См. там же, стр. 43.

³ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 117.

хотя не только должно было, но и могло предвидеть реальную возможность наступления общественно опасных последствий и благодаря этому действовать так, чтобы избежать наступления таких последствий.

При рассмотрении вопроса о критериях небрежности в уголовном праве нельзя пройти мимо того, что большинство советских цивилистов защищают объективный масштаб для установления неосторожной вины по советскому гражданскому праву. Такое противоречие в теоретических позициях советских криминалистов и цивилистов по одному и тому же вопросу — не в интересах дела. Это становится особенно очевидным в случаях, когда признание наличия или отсутствия неосторожной вины в совершении преступления вместе с тем решает положительно или отрицательно вопрос об обязательстве возместить нанесенный ущерб. Нельзя признать должностное лицо виновным в халатном отношении к своим служебным обязанностям, повлекшим причинение тяжкого материального ущерба учреждению или предприятию, и одновременно признать его невиновным, с точки зрения гражданского права, в халатном отношении к службе, повлекшем за собой причинение тяжелых последствий, как нельзя одновременно признать человека невиновным в неосторожном убийстве, с точки зрения уголовного права, и признать его по тому же делу виновным в неосторожном лишении жизни человека для того, чтобы возложить на него возмещение ущерба, причиненного семье потерпевшего.

Подобное противоречие в понимании небрежности нетерпимо и по принципиальным соображениям, так как решение этого частного вопроса связано, как мы видели, с более общим вопросом — материалистическим или идеалистическим пониманием вины (пониманием вины как определенного явления, объективно существующего вне сознания судьи, или как лишь оценочного суждения судьи).

Среди цивилистов объективный критерий неосторожности защищает Л. А. Лунц. Он пишет: «Возникает вопрос, как определить ту меру осмотрительности, заботливости, усилий, которую должен был в данных условиях применить должник? Как определить, должен ли был должник в данных условиях предвидеть возможность наступления данного вредоносного результата? Очевидно, что для ответа на эти вопросы необходимо в каждом конкретном случае сравнить то поведение должника, которое в действительности имело место, с тем, как бы в аналогичных обстоятельствах поступил человек, которого мы берем за образец: этот образец и есть объективный масштаб для оценки поведения данного должника»¹. Объективный критерий в

¹ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, М., 1950, стр. 327.

определении понятия небрежности по гражданскому праву проводится в учебнике «Советское гражданское право»¹. Объективный критерий неосторожной вины в гражданском праве защищает и Г. К. Матвеев. Он полагает, что, если лицо по своим субъективным данным не могло предвидеть вредных последствий своих противоправных действий, но по обстоятельствам данного дела должно было их предвидеть, оно обязано ответить за эти последствия. Лицо признается невиновным лишь в том случае, когда оно не могло и не должно было предвидеть или предотвратить вредные последствия своих противоправных действий². Положение Г. К. Матвеева, что лицо признается виновным, если оно не могло по своим субъективным качествам предвидеть наступление вредных последствий, но по обстоятельствам дела должно было их предвидеть, как нам представляется, противоречит приведенному выше правильному тезису того же автора, согласно которому нельзя рассматривать неосторожность как определенную «психическую пустоту», что в понятие неосторожности вины всегда входят в качестве ее неизменных элементов воля и сознание правонарушителя, которые и составляют ее психологическое содержание.

Объективный критерий как единственный критерий для установления неосторожности защищают и другие советские цивилисты — Генкин, Братусь и Флейшиц³.

Среди советских цивилистов имеются и сторонники субъективного критерия определения небрежности как формы вины в гражданском праве. Субъективный критерий небрежности в гражданском праве одно время защищал М. М. Агарков⁴. Ныне среди цивилистов его отстаивает Б. С. Антимонов. Необходимость использовать субъективный критерий Б. С. Антимонов аргументирует тем, что «от каждого нужно требовать, чтобы он действовал со знанием предпринятого им дела, применяя ту заботливость к интересам социалистического государства и своих товарищей-сограждан, на которую он живой конкретный человек вообще способен в определенных условиях данного случая»⁵. На необходимость учитывать при установлении небрежной вины в гражданском праве и личные качества лица, действиями которого был причинен вред, указывает О. С. Иоффе. Он высказывается за необходимость пользоваться и субъективным критерием для установления небрежности. «Таким образом,

в гражданском праве для решения вопроса о наличии неосторожной вины используются как объективный (характер деятельности, конкретная обстановка), так и субъективный (особенности данной личности) критерий оценки поведения. Те же критерии используются и в уголовном праве для выявления неосторожности в поведении преступника»¹.

Сторонники объективного критерия небрежности в гражданском праве пытаются обосновать свою позицию соображениями политического порядка, тем, что якобы лишь при такой оценке можно осуществить в хозяйственной работе борьбу за все передовое и новое, что ведет к повышению дисциплины и поднятию производительности труда. Так, Л. А. Лунц пишет: «Таким образом, здесь объективный масштаб для определения той предсказуемости и заботливости, которые обязан применить должник, включает в себя требование равняться не по «средняку», а по «передовику», не по тем, кто придерживается «средних норм», а по тем, кто осуществляет наивысшие нормы, что дает лучшие результаты производства»². В том же смысле высказываются и другие сторонники объективного критерия небрежности среди цивилистов. Признание объективного критерия неосторожности, по мнению Г. К. Матвеева, должно «подтягивать отстающие массы к передовым, т. е. вести вперед, а не тянуть назад»³.

Эти соображения не могут оправдать применения лишь объективного критерия оценки небрежности, ибо возлагать ответственность на тех, кто действительно в данных, конкретных обстоятельствах при максимальном внимании к правилам социалистического общежития и своему общественному долгу не мог выполнить эти нормы, характеризующие высшие образцы поведения в быту или на работе, значит возлагать ответственность на лиц при отсутствии их действительной вины. От каждого гражданина в советском обществе нормы права, правила социалистического общежития и коммунистическая мораль требуют столько, сколько он может дать обществу, от каждого по его способности. Требовать от человека того, на что он не способен, противоречило бы коммунистической нравственности и приводило бы к бездушному отношению к людям. Тот субъективный критерий небрежности в советском гражданском праве, который защищает Б. С. Антимонов, он с полным основанием

¹ «Советское гражданское право», т. 1, М., 1950, стр. 440.

² См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, изд-во Киевского государственного университета, 1955, стр. 283—295.

³ См. Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, М., 1951, стр. 82.

⁴ См. «Гражданское право», ч. 2, М., 1938, стр. 59.

⁵ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 101.

¹ О. С. Иоффе, Обязательства по возмещению вреда, стр. 36. В работе «Ответственность по советскому гражданскому праву» О. С. Иоффе также исключает возможность определения неосторожной вины при помощи только объективного критерия, но одновременно выступает и против одно-стороннего использования лишь субъективного критерия (стр. 147).

² И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, стр. 335.

³ Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, стр. 290.

считает реальным и в ряде случаев более строгим требованием к гражданам нашего общества, чем формулировки, выдвинутые сторонниками объективного масштаба, которые неизбежно снижают требования до «среднего» поведения. «Но вместе с тем предлагаемые нами более строгие требования не демобилизуют активной деятельности строителя социалистического общества. Он знает, что от него требуют возможного. Хотя речь идет о величайшем напряжении сил и способностей, но это его силы и способности, то, чем он располагает, то, что при желании он сам может оценить и соразмерить. Его, гражданина социалистического общества, не заставляют принижаться до уровня отстающих и вместе с тем его не пугают неизвестностью сравнения с предполагаемым поведением придуманного среднего человека. Таким образом, устранение «среднего» человека как масштаба заботливости вполне возможно. От конкретного гражданина СССР надлежит требовать знание дела, за которое он берется, и приложения всех имеющихся в его распоряжении сил, знаний и средств для того, чтобы не причинить вреда ни социалистическому государству, ни своим согражданам»¹.

Объективный критерий небрежности в гражданском праве часто фактически совпадает с реальными возможностями лица. Однако нельзя упускать из вида, что чисто объективный критерий установления неосторожной вины означает в ряде случаев не что иное, как допущение объективного вменения, требование от лица невозможного напряжения его моральных и духовных сил. Это есть по существу отказ от принципа вины в ее материалистическом понимании, единственно приемлемом для теории и практики советского как уголовного, так и гражданского права. Б. С. Антимонов совершенно прав, когда по адресу позиции большинства советских цивилистов пишет, что «в соединении с меркой, недоступной данному действующему лицу, понятие вины становится пустым звуком»². В теории советского гражданского права долгое время имели хождение взгляды, отрицавшие понятие вины, предлагавшие строить гражданскую ответственность на принципе причинения. Не является ли объективный критерий неосторожности как единственный масштаб для установления небрежности, столь распространенный в советской теории гражданского права, пережитком теорий, отрицавших необходимость установления в гражданских правонарушениях вины лица для возможности его ответственности?

Проблема вины является вопросом, в правильном разрешении которого заинтересованы все советские юристы: криминалисты, цивилисты, административисты. Решение его в своей

основе должно быть однородным для всех областей советского права. Необходимо избежать того, чтобы трактовка узловых вопросов учения о вине была различна в теории советского уголовного и гражданского права. Вопрос о критерии небрежности относится именно к такого рода вопросам потому, что его решение связано, как мы стремились показать, с принципиально различным пониманием вины. Желательно достичь единства взглядов советских криминалистов и цивилистов в этом вопросе. Л. А. Лунц, указывая на различие понимания небрежности в теории советского гражданского и уголовного права, вместе с тем не только не считает необходимым поставить вопрос о путях ликвидации этого разнобоя в понимании небрежности, но, наоборот, стремится ссылкой на судебную практику оправдать и увековечить такое состояние в теории советского права. «Наш суд в своих решениях и общих указаниях неоднократно исходил из того, что гражданская вина может быть налицо там, где нет вины уголовной...»

Когда ставится вопрос о неосторожности (небрежности) в поведении лица, то объективный критерий неосторожности, принятый в гражданском праве, может привести к иным выводам о виновности, чем субъективный критерий, принятый в уголовном праве»¹. Если советский суд иногда признавал, что может быть гражданская вина там, где отсутствует вина уголовная, то это вовсе не может служить оправданием различного понимания небрежности в теории советского уголовного и гражданского права. Разумеется, возможны случаи, когда совершенное правонарушение не включает в себе состава преступления, но включает в себе признаки гражданского правонарушения. Это может иметь место по различным основаниям. Неосторожное повреждение чужого имущества, принадлежащего кому-либо на праве личной собственности, обычно не включает в себе состава преступления, но, разумеется, дает основание для гражданской ответственности за причиненный вред. В тех случаях, когда правонарушение, совершенное по небрежности, может влечь и уголовную и гражданскую ответственность, возможны случаи, когда суд может признать отсутствие в действиях лица состава преступления, но это не исключает еще гражданской ответственности за причиненный вред. Однако в силу каких оснований это возможно? Деяние в конкретных условиях его совершения может быть признано не представляющим общественной опасности с точки зрения уголовного права. Например, возможны случаи причинения по халатности должностного лица такого имущества ущерба учреждению или предприятию, который по своим размерам не может служить основанием

¹ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 103.

² Там же, стр. 102.

¹ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, стр. 340.

для привлечения этого лица к уголовной ответственности. Тем самым в совершенном лицом деянии отсутствует вина с точки зрения уголовного права. Однако это не означает, что отсутствует вина лица, обуславливающая его гражданскую ответственность за причиненный вред. Тем не менее сказанное не может служить оправданием того, что самую небрежность можно понимать принципиально различно в гражданском и уголовном праве. Нельзя допустить, чтобы советский суд при решении вопроса о небрежности по уголовным делам исходил из материалистического понятия о вине и искал реально существовавшую для лица возможность предупредить наступление вредных последствий своих действий, а при решении гражданских дел — скатывался на идеалистические позиции оценочного понимания вины, не пытался установить для лица реально существовавшей возможности предвидеть наступление вредных последствий своих действий, а ограничивался бы установлением противоречия поведения лица должному поведению, взятому за образец. Очевидно, что для устранения противоречия между цивилистами и криминалистами в этом вопросе необходимо исходить из единственно правильного материалистического понимания небрежности как формы вины по советскому праву. На этой и только на этой базе должна развиваться общая теория вины как субъективной стороны правонарушения по советскому праву.

В тех случаях, когда в советском уголовном законодательстве ответственность за умышленное и неосторожное совершение соответствующего общественно опасного деяния предусмотрена отдельными статьями уголовного кодекса, различие умышленного или неосторожного совершения этого действия приобретает особое значение для правильной квалификации деяния.

По приговору народного суда С., 15-летний мальчик, был признан виновным в том, что взял принадлежащее отцу ружье, зарядил двумя патронами и произвел выстрел в находившихся под окнами детей, в результате чего 5-летнему мальчику Башкирову было нанесено тяжелое ранение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 19 ноября 1949 г. признала, что он совершил преступление не умышленно, а по неосторожности. Из материалов дела вытекает, что С. полагал, что зарядил ружье негодными патронами (один был пустой, а другой — с осечкой) и потому ружье не должно было выстрелить. Отношения С. с детьми были дружескими. У С. не было умысла нанести им телесные повреждения. Однако, хотя С., производя выстрел, и не предполагал, что один из патронов может оказаться годным, тем не менее он по обстоятельствам дела должен был действовать более осмотрительно. Поэтому Коллегия и признала наличие в действиях

осужденного причинения тяжкого телесного повреждения по неосторожности.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» приводит следующий пример необоснованного осуждения за умышленное убийство, в то время как в действительности виновным было совершено убийство по неосторожности. По приговору Архангельского областного суда Б. был признан виновным в том, что умышленно из низменных побуждений убил гр-на Бачурина. Суд установил, что Б., работавший мотористом водонасосной станции колхоза, 3 декабря 1958 г. зашел в будку этой станции, где застал заместителя председателя колхоза Бачурина, который качал воду. Б. выразил недовольство, что без его ведома запущен двигатель, и по этому поводу между ним и Бачуриным возникла ссора. Б. рукой толкнул в грудь Бачурина, последний упал и, ударившись головой об угол печи, получил перелом черепа с кровоизлиянием под твердую мозговую оболочку, что повлекло его смерть. Приговор был оставлен в силе Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. Однако все обстоятельства дела давали основание прийти к выводу, что у Б. не было умысла на убийство Бачурина. Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 4 июня 1959 г. признал в действиях Б. наличие состава неосторожного убийства.

В основе неосторожного причинения преступного результата могут нередко лежать умышленные противозаконные действия лица. В этих случаях требуется особо внимательный анализ субъективной стороны совершенного преступления, чтобы правильно установить форму вины лица. Показательным в этом отношении является постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 января 1947 г. по делу Е. Она была осуждена народным судом за умышленное причинение телесного повреждения, повлекшее за собой смерть потерпевшего. Было установлено, что она умышленно ударила по голове Женю Самсонова пяти лет за то, что тот обидел ее девочку. Никаких признаков какого-либо заметного ущерба здоровью мальчика окружающие при этом не заметили. На второй день у него резко поднялась температура. Он был отправлен в больницу, где на следующий день скончался. Как показало судебно-медицинское вскрытие, смерть его последовала от перелома теменных костей черепа с точечным кровоизлиянием под мягкую мозговую оболочку и с сотрясением мозга. Постановление Пленума указало, что хотя удар по голове ребенка и был нанесен умышленно, но у суда не было никаких оснований для признания, что Е. умышленно причинила мальчику тяжкое телесное повреждение. Если Е. и не предвидела в действительности наступивших последствий, то по обстоятельствам дела (возраст ребенка, известное

ей его слабое здоровье) она обязана была с большей осмотрительностью относиться к возможным последствиям своего поведения. Е., нанеся умышленно удар по голове мальчику, вместе с тем по неосторожности причинила ему опасное для жизни телесное повреждение, повлекшее гибель ребенка. Таким образом, если признать, что Е. не сознавала, но должна была и могла сознавать, что от ее действий могло наступить опасное для жизни Жени Самсонова телесное повреждение, она должна была и могла сознавать также и возможность его гибели. Поэтому Пленум сделал вывод, что Е. подлежит уголовной ответственности за неосторожное лишение жизни Жени Самсонова.

С вопросом о небрежности тесным образом связан вопрос о понимании «случая» (казуса), исключающего уголовную ответственность за совершенное лицом деяние.

До издания Основ уголовного законодательства 1958 года наличие небрежности признавалось в нашем уголовном законодательстве в тех случаях, когда лицо не предвидело, хотя и должно было предвидеть, наступление преступных последствий. Поэтому теория и практика советского уголовного права делала отсюда вывод, что отрицательный ответ на вопрос о том, должен ли был субъект предвидеть наступление этих последствий, влек за собой признание отсутствия вины лица, наличия лишь невиновного причинения указанных последствий — «случая», за который лицо не могло подлежать уголовной ответственности. Однако, как мы показали выше, и тогда «должен был предвидеть» для судебной практики и теории советского уголовного права фактически означало «мог предвидеть», и «случай» признавался там, где лицо, причинившее данный результат, не имело реальной возможности его предвидеть и предотвратить. Основы уголовного законодательства уточнили понимание небрежности как вида неосторожной вины. Совершение преступления по небрежности теперь имеет место тогда, когда лицо не предвидело наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя должно было и могло их предвидеть, т. е. когда на лице лежала обязанность предвидеть возможность наступления таких последствий и у него была реальная возможность их предвидеть и предотвратить. Отсутствие у лица такой обязанности означает правомерный характер его поведения. В этом случае не может быть поставлен вопрос о его вине, так как он не должен был предвидеть наступивших последствий его действия (или бездействия) и не обязан был предотвращать их наступление. Вопрос о наличии или отсутствии вины небрежной может быть поставлен лишь тогда, когда в силу тех или иных оснований на лице лежит обязанность к определенному поведению, исключающему наступление обще-

ственно опасных последствий. Небрежность будет иметь место тогда, когда лицо не предвидит их наступление, но, однако, у него имеется реальная возможность такого предвидения, а следовательно, и их предотвращения. Лишь в тех случаях, когда у лица не было реальной возможности их предвидеть, наступившие последствия являются для него казусом, невиновным причинением, за которое он не несет уголовной ответственности. Казус будет там, где лицо не предвидело последствий своих действий и не могло их предвидеть.

Приведем несколько примеров такого невиновного причинения. По ходу пьесы один артист должен произвести выстрел в другого. Помощник режиссера по ошибке зарядил револьвер, из которого должен был быть произведен выстрел, не холостым патроном, а патроном с пулей; артист стреляет из данного ему револьвера, не предполагая, что он заряжен, и убивает своего товарища. Убивший не подлежит уголовной ответственности потому, что он не предвидел и по обстоятельствам дела не мог предвидеть в момент совершения своих действий реальную возможность смерти другого лица, не предвидел и не мог предвидеть, что в действительности наступит подобный результат.

Приведем ряд случаев из судебной практики, когда суд, исходя из всех конкретных обстоятельств дела, признавал наличие невиновного причинения результата, «случая» (казуса).

Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР 29 марта 1928 г. не усмотрела состава неосторожного убийства и признала тем самым наличие невиновного причинения результата в том, что И., возвращаясь из бани с новорожденным ребенком, посколькунулась при входе в дом и упала вместе с ребенком, который при этом стукнулся головой о стену и от полученного ушиба на следующий день скончался.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 8 марта 1939 г. не нашел состава преступления в следующих действиях машиниста К. Подъезжая к станции ночью в тумане, машинист К. давал сигналы перед семафором и перед переездом. На расстоянии 20 м он вдруг увидел двух человек, но остановить поезд был уже не в состоянии, в результате чего эти люди погибли. Пленум Верховного Суда признал, что в этих условиях К., принявший все меры предосторожности, не мог нести ответственности за несчастный случай. В тот момент, когда машинист К. въезжал на станцию, он не видел никого и все же принял все необходимые меры предосторожности, поэтому он в тот момент не предвидел и не мог предвидеть гибели людей. Причиненный результат явился для него случаем, за который он не подлежит уголовной ответственности. То обстоятельство, что в последний момент он увидел людей, не может изменить этого вывода, так как он не имел уже возможности остановить поезд и действовал поэтому под влиянием непреодолимой силы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 августа 1954 г. по делу Л., осужденного за неосторожное убийство, признала наличие «случая» в следующих действиях обвиняемого. Материалами дела было установлено, что в ночь с 7 на 8 июня 1953 г. Л., проходя по улице имени Ленина г. Сумы, встретил Степанца с группой его приятелей. Все они были в нетрезвом состоянии, приставали к прохожим, нанося им оскорбления и побои. Л. потребовал, чтобы хулиганы прекратили безобразия. В ответ на это Степанец нанес Л. несколько ударов пряжкой ремня. В целях прекращения бесчинства и задержания хулиганов Л. и находившийся здесь же на улице гр-н Сотник разыскали постового милиционера Шпиленко и вместе с ним на дежурной автомашине управления милиции выехали к месту нахождения группы хулиганов. Шпиленко и Сотник сели в кузов, а Л. стоял на правом крыле автомашины. Подъезжая к месту происшествия, Л. на ходу привел в боевую готовность свой пистолет и крикнул убегавшим хулиганам: «Стой!». Шофер Федоренко, полагая, что окрик относится к нему, резко затормозил автомашину. Вследствие этого Л., потеряв равновесие, упал с крыла автомашины и при падении непроизвольно нажал на спусковой крючок пистолета. Произошел выстрел, которым был смертельно ранен Степанец. Эти обстоятельства дела были подтверждены свидетельскими показаниями, заключениями судебно-медицинской и криминалистической экспертиз. Учитывая обстоятельства дела, Коллегия пришла к выводу, что в действиях Л. нет состава неосторожного убийства, а имеется лишь «случай», за который он не должен нести уголовной ответственности.

Во всех приведенных примерах отсутствует вина лица, потому что нет никакой психической связи между действием лица и наступившим результатом, так как в данных, конкретных условиях у лица не было реальной возможности предвидеть последствия своих действий.

Поэтому нельзя согласиться с В. Ф. Кириченко, который определяет «случай» как особую форму психического отношения лица к своим поступкам и их последствиям¹. В действительности «случай» характеризуется не особой формой психического отношения лица к последствиям своих действий, а отсутствием какого-либо психического отношения лица к наступившим последствиям своих действий.

В основе традиционного понятия «случая» в теории уголовного права лежит представление о случайности как исключительно субъективной категории. Вот, например, что по этому поводу писал русский дореволюционный криминалист Таган-

цев: «Прежде всего, известное событие может быть признаваемо случайным только по отношению к сознанию действующего или наблюдающего, так как со стороны объективной всякое явление в мире есть неизбежный продукт всех предыдущих; в природе ничего случайного не существует. Сообразно с этим условным воззрением на случайность и в праве уголовном мы называем случайными только такие посягательства на правоохранный интерес, которые учинивший не только не предвидел, но и не мог предвидеть при полной внимательности к своей деятельности, или которых наступление не только казалось, но и должно было казаться ему при данных обстоятельствах невероятным... (разрядка наша. — А. П.)»¹. Это соответствует механистическому представлению о причинности с его отрицанием объективного характера случайности. Согласно развитому выше в учении о причинности взгляду на случайность как объективную категорию мы должны иначе, чем традиционное учение, провести разграничение между неосторожностью как особой формой психического отношения субъекта к преступному результату и невиновным причинением (случаем). Вопрос о том, могло или не могло лицо предвидеть наступление преступных последствий, при традиционном разграничении небрежности и случая ставится в отношении любых последствий данного действия лица, однако в отношении объективно случайных последствий, как мы выше показали, этот вопрос всегда должен получить лишь отрицательное решение. Такие последствия нельзя столь конкретно предвидеть, как это требуется при неосторожной вине, потому что здесь не было реальной возможности их наступления в момент совершения данным лицом соответствующего действия или бездействия. Поэтому и постановка вопроса о том, могло или не могло лицо предвидеть эти последствия, лишена всякого смысла. Эти последствия не подлежат вменению лицу уже в силу их объективно-случайного характера. Вопрос о разграничении по субъективным моментам небрежности и невиновности причинения («случая» в субъективном смысле) имеет значение лишь в отношении необходимых последствий действия или бездействия данного лица, наступление которых было реально возможным в момент совершения им этого действия или бездействия.

Так как в силу ст. 3 Основ уголовного законодательства уголовной ответственности подлежит лишь тот, кто действовал умышленно или неосторожно, то ни одно преступление не может подлежать объективному вменению, т. е. уголовная ответственность исключается,

¹ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, стр. 78.

¹ Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, т. 1, 1902, стр. 568.

если в действиях лица нет вины в форме умысла или неосторожности.

Это твердо проводится нашей судебной практикой. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 6 января 1943 г. указала, что «последствия влекут ответственность обвиняемого только в том случае, если они являются результатом его вины — умышленной или неосторожной». Объективного вменения советское уголовное право не знает и в тех случаях, когда фактические последствия совершенного преступления согласно Особенной части уголовного кодекса являются обстоятельствами, делающими данное преступление более социально опасным (квалифицированным). Так, по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 года квалифицирующим обстоятельством умышленного тяжкого телесного повреждения является последовавшая от него смерть потерпевшего. Буквальное понимание этой статьи может дать основание полагать, что здесь ответственность усиливается вне зависимости от того или иного психического отношения субъекта к наступившему последствию, квалифицирующему данное преступление. Буржуазная теория уголовного права и судебная практика буржуазных государств обычно признают возможным объективное вменение квалифицирующего умышленное преступление объективных последствий. Поскольку наше уголовное законодательство исключает возможность объективного вменения, то следует сделать вывод, что повышение наказания в связи с объективным последствием совершенного деяния (смерть потерпевшего) возможно лишь при установлении со стороны виновного неосторожности по отношению к последствиям своего действия — смерти потерпевшего от нанесения тяжкого телесного повреждения. Установление психического отношения в виде умысла в приведенном примере меняет квалификацию преступления, превращая его из квалифицированного тяжкого телесного повреждения в умышленное убийство.

На этот вопрос специальное внимание обращает постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», где в п. 8 резолютивной части дается следующее руководящее указание: «Суды должны строго отличать умышленное убийство, предполагающее наличие прямого или косвенного умысла со стороны виновного на причинение смерти потерпевшему, от умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего (ст. 142, ч. 2, УК РСФСР¹ и соответствующих статей УК других союзных республик), когда отношение виновного к указанным последствиям своих действий выступает не в форме умышленной вины, а в форме вины неосторожной.

¹ Часть 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 года.

Решая вопрос о содержании умысла виновного по указанному рода деяниям, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления и учитывать, в частности, предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, способы и орудия преступления, а также самый характер ранений (например, в жизненно важные органы человека) и т. д. Выяснение всех этих обстоятельств в их совокупности может помочь суду правильно разрешить вопрос о том, предвидел ли виновный последствия своих действий. Если при этом суд признает установленным, что подсудимый предвидел возможность причинения смерти и относился безразлично к этим последствиям, действия виновного, как совершенные с косвенным умыслом, должны квалифицироваться как умышленное убийство».

Вопрос об ответственности за смерть потерпевшего в результате нанесения умышленного тяжкого телесного повреждения есть часть более общего вопроса о принципах вменения в ответственность тяжких последствий совершенного преступного деяния. В общей форме этот вопрос нашел разрешение в Уголовном кодексе Грузинской ССР 1960 года, ст. 12 которого содержит следующее постановление: «Если уголовный закон предусматривает повышение наказания ввиду наступления тяжелого последствия, не охватываемого умыслом виновного, то такое повышение может иметь место лишь в том случае, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление этого последствия». Это постановление есть дальнейшее развитие принципа ответственности лишь при наличии вины, сформулированного в ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Оно должно содействовать последовательному воплощению этого принципа в жизнь и поможет практике избежать ошибок неосновательной ответственности лица в порядке объективного вменения за наступившие тяжелые последствия.

В процессе последней кодификации нашего уголовного законодательства было выдвинуто предложение, чтобы уголовная ответственность за неосторожное совершение преступления была в каждом случае строго определена в Особенной части уголовного кодекса. Это внесло бы большую определенность в применение уголовного закона¹. Таким образом была бы устранена возможность ответственности в уголовном порядке за ряд неосторожных действий, которые либо вообще не должны влечь

¹ См. А. А. Пионтковский, Основные вопросы уголовного права в проекте Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, «Советское государство и право» 1958 г. № 9.

уголовной ответственности, либо должны влечь за собой ответственность в дисциплинарном, административном или гражданском порядке.

Повседневный опыт судебной и прокурорской работы учит, что привлечение к ответственности за совершение преступлений по неосторожности оказывается необходимым лишь по сравнительно небольшому кругу деяний. Сокращение в этом отношении объема уголовной ответственности за неосторожные преступления соответствует общим задачам нашей борьбы с преступностью — заменить уголовную ответственность за менее опасные преступления мерами административного, дисциплинарного или общественного порядка. Вопрос о необходимости сокращения объема ответственности за неосторожное совершение преступления и точного определения в законе тех преступлений, при которых допустима ответственность при неосторожной вине, был поднят недавно и криминалистами стран народной демократии. Такую позицию в Германской Демократической Республике решительно защищает И. Лекшас¹. Польский криминалист С. Плавский отмечает, что в польской теории уголовного права все большее распространение получает взгляд, что неумышленное совершение преступления следует карать лишь в исключительных случаях². Многие криминалисты социалистического лагеря заняли такую позицию при обсуждении проблемы неосторожной вины на совещании криминалистов социалистических стран в Будапеште в ноябре 1960 года.

Ряд составов преступлений обрисован в законе так, что к признакам объективной стороны состава отнесены непосредственно и определенные свойства действия (или бездействия) лица и причиненный им определенный преступный результат. В связи с этим при рассмотрении их субъективной стороны оказывается необходимым различать психическое отношение лица к совершенному действию (или бездействию) и психическое отношение лица к наступившим преступным последствиям. В таких составах преступлений мы сталкиваемся со случаями так называемой смешанной вины. Поясним это на примере. Статья 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ч. 1 ст. 85 УК РСФСР 1960 г.) предусматривает нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия. При уста-

новлении наличия этого состава преступления в действиях лица необходимо отличать его психическое отношение к самому нарушению правил безопасности движения и к тем тяжелым последствиям, которые от этого наступили. Нарушение правил безопасности движения может быть совершено или сознательно (умышленно), или по небрежности. Когда нарушение правил безопасности движения совершено сознательно, отношение к наступившим тяжелым последствиям может выражаться в форме эвентуального умысла, самонадеянности и небрежности. (Действие, совершенное с прямым умыслом, выходит уже за рамки этого состава преступления.) Когда нарушение правил безопасности движения совершено по небрежности, то и психическое отношение к тяжелым последствиям при наличии состава этого преступления в действиях лица может выражаться лишь в форме небрежности. Таким образом, рассматриваемый состав преступления с субъективной стороны может иметь смешанную вину — умысел в отношении действия и неосторожность в отношении наступивших преступных последствий. Со случаями смешанной вины мы встречаемся и при рассмотрении ряда других преступлений, в частности, основных должностных преступлений и некоторых воинских преступлений.

Всякий приговор уголовного суда решает прежде всего вопрос о том, виновен или не виновен подсудимый в инкриминируемом ему преступлении. Обвинительный приговор не ограничивается лишь признанием в действиях лица определенного состава преступления. Суд должен в соответствии с законом определить меру ответственности лица, признанного виновным в совершении преступления. Советский суд согласно ст. 32 Основ уголовного законодательства при определении меры наказания, руководствуясь социалистическим правосознанием, должен учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельства дела, смягчающие или отягчающие ответственность. Действующее уголовное законодательство при определении обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, не пользуется понятием степени вины. Однако им нередко пользуется судебная практика при определении наказания. Поэтому необходимо остановиться на уяснении этого понятия¹. Это необходимо сделать особенно потому, что при обсуждении в нашей печати вопроса о понятии вины было высказано утверждение, что признание «степени вины» несовместимо с развитым выше пониманием вины и требует перехода на позиции «оценочного» ее понимания². С этим утверждением нельзя согласиться. Вина есть не просто умысел или неосторожность, а умысел или неосторож-

¹ I. Lekschas, Über die Strafwürdigkeit von Fahrlässigkeitsverbrechen, 1958.

² S. Plawski, Quelques aspects du nouveau droit pénal polonais, «Revue de science criminelle et de droit pénal comparé», 1958, № 2, p. 345.

¹ См. Ш. С. Ращковская, К вопросу о степени вины, «Советское государство и право» 1955 г. № 6.

² См. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, стр. 74, 94.

ность, выраженные в определенном общественно опасном деянии. Поэтому и степень вины лица перед социалистическим государством и советским народом определяется прежде всего степенью общественной опасности совершенного им умышленно или по неосторожности преступного деяния. Вина лица вне ее объективного выражения в общественно опасном деянии не существует. Только игнорированием единства субъективного и объективного в преступном деянии, только метафизическим отрывом субъективного от объективного можно объяснить утверждения о том, что вина не может быть большей или меньшей, если ее ограничивать признаками умысла и неосторожности. Вина человека будет большей, если он умышленно убил кого-либо, сравнительно с виной человека, который нанес умышленно легкое телесное повреждение. Вина лица в измене родине неизмеримо больше, чем вина другого лица, уличенного в халатном отношении к своим служебным обязанностям. Различна степень вины отдельных лиц и при совершении однородных преступлений. Вина лица, похитившего крупную сумму из государственного или общественного учреждения или предприятия, будет большей, чем вина лица, совершившего хищение на относительно небольшую сумму. Чем больше общественная опасность преступного деяния, умышленно или неосторожно совершенного виновным, тем больше и степень вины его перед социалистическим государством и советским народом. Виновным можно быть всегда лишь в определенном общественно опасном деянии. Общественная опасность совершенного деяния есть основная мера и умышленной, и неосторожной вины лица. Поэтому нет решительно никаких оснований для отрыва «степени вины» от понятия вины как умысла и неосторожности, выраженных в совершенном общественно опасном деянии.

Когда мы говорим об объективных обстоятельствах, влияющих на степень вины при совершении определенного преступления, мы всегда имеем в виду обстоятельства, которые при умышленном преступлении охватывались предвидением лица, а при совершении неосторожного преступления должны были и могли охватываться его предвидением, так как в данной, конкретной обстановке у этого лица имелась к тому реальная возможность. Поэтому степень вины лица определяется конкретным содержанием умысла или неосторожности, нашедших свое выражение в совершенном лицом общественно опасном деянии¹.

Степень вины лица зависит и от формы вины, от формы субъективной стороны состава преступления. Преступление, совершенное умышленно, всегда более общественно опасно, чем

такое же деяние, совершенное по неосторожности. При умышленном преступлении психические способности лица, его сознание и воля неизмеримо более активно участвуют в достижении преступного результата. Характер субъективной стороны совершенного преступления оказывает определяющее влияние на меру общественной опасности преступного деяния и степень вины лица, его совершившего. Убийство умышленное всегда более общественно опасно, чем убийство, совершенное по неосторожности. Степень вины лица, совершившего умышленное убийство, по общему правилу поэтому больше, чем степень вины лица, убившего по неосторожности. Степень вины лица при совершении однородного преступления зависит и от других субъективных обстоятельств (например, мотив преступления), которые оказывают влияние не только на степень общественной опасности лица, но и на степень общественной опасности совершенного им деяния.

Однако следует иметь в виду, что увеличение или уменьшение меры наказания зависит не только от степени вины лица, но также и от других обстоятельств, которые сами по себе не входят в конкретное содержание умысла или неосторожности.

Основы уголовного законодательства в ст.ст. 33 и 34 правильно говорят об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность, а не об обстоятельствах, смягчающих или отягчающих вину. При перечне указанных обстоятельств Основы упоминают не только об обстоятельствах, оказывающих влияние на степень вины лица, но и о других обстоятельствах. Например, чистосердечное раскаяние или явка с повинной не изменяют ни характера, ни степени вины лица в ранее совершенном преступном деянии. Однако это свидетельствует об изменении общественной опасности лица, что должно быть принято во внимание при определении меры наказания, а также и при решении вопроса о возможности замены уголовной ответственности ответственностью в общественном порядке в форме передачи лица на исправление и перевоспитание коллектива.

§ 4

Влияние ошибки на форму вины¹

Вопрос о влиянии ошибки субъекта преступления на форму вины не находит прямого разрешения в советском уголовном

законе, что «содержание и степень вины в значительной мере зависят от содержания и тяжести того общественно опасного последствия, которое предвидится или должно предвидеться лицом» («Причинная связь в уголовном праве», стр. 223).

¹ В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву.

¹ Т. В. Церетели, исходя из диалектического единства объективного и субъективного в общем понятии преступления, правильно приходит к вы-

законодательстве. Он должен быть разрешен исходя из общих постановлений нашего уголовного законодательства о формах вины.

Ошибка есть неправильное представление лица о юридических или фактических свойствах и последствиях совершаемых действий. Таким образом, ошибка может быть двух видов: юридическая (*error juris*) и фактическая (*error facti*). Различие между ошибкой в установлении определенных фактических обстоятельств и ошибкой в их правовой квалификации помогает уяснению вопроса о влиянии ошибки лица на форму его вины.

Юридическая ошибка лица может заключаться в ошибочном представлении его о преступности или непроступности совершаемых им действий или в ошибочном представлении относительно характера наказания, назначаемого за совершенное преступление.

Юридическая ошибка, состоящая в том, что субъект, совершив действия, которые являются с точки зрения уголовного кодекса безразличными, считает их общественно опасными, дает содержание так называемому мнимому преступлению, т. е. преступлению, существующему лишь в воображении лица, совершившего данное деяние. Ошибочное убеждение лица, совершившего те или иные действия, в их преступности не имеет юридического значения. Такие действия не являются общественно опасными и не могут влечь уголовной ответственности.

Юридическая ошибка может заключаться в ошибочном представлении лица о непроступности совершаемых действий, в то время как в действительности они являются общественно опасными и признаются преступными советским уголовным законом.

Этот вопрос может возникнуть лишь при рассмотрении умышленно совершенного преступления. С момента вступления уголовного закона в силу он по общему правилу должен применяться в отношении всех общественно опасных действий, которые им предусмотрены. Советское законодательство исходит из того, что с этого момента запрещенность деяния известна всем и каждому. Такая презумпция лежит в основе всей работы органов суда и прокуратуры. Но она может быть опровергнута, исходя из конкретных обстоятельств дела.

В исключительных случаях, когда лицо не сознавало и явно не имело возможности сознавать преступный характер совершенного им деяния, следует признать, как мы указывали выше, что подобное заблуждение исключает вину и ответственность лица за совершенные им действия. Необходимо признать отсутствие умысла в действиях лица, когда оно не сознавало за-

прещенный характер своего поведения, хотя бы по обстоятельствам дела должно было и могло это предвидеть.

Иногда нарушение определенных специальных норм является необходимым признаком соответствующих составов преступлений. В этих случаях следует признать, что для установления состава преступления сознание противоправности деяния всегда должно быть доказано материалами дела. Например, ряд воинских преступлений выражается в нарушениях специальных правил: уставных правил караульной, конвойной, вахтенной служб и т. д. Об умышленном нарушении этих правил речь может идти лишь тогда, когда виновный сознает противоречие своего поведения этим правилам. Обычно такие нарушения караются при умышленном и неосторожном их совершении. Однако в ряде случаев при несоблюдении соответствующих правил и инструкций может не быть даже неосторожной вины лица. Приговором суда Б. была признана виновной в том, что, будучи весовщиком товарного двора, в нарушение существующей инструкции допустила погрузку двух вагонов моркови навалом, тогда как морковь по инструкции должна грузиться только в таре, в результате чего морковь пришла в негодность. Коллегия Верховного Суда СССР определением от 26 марта 1949 г. по этому делу, отметив, что работники товарной станции не были ознакомлены с существующей инструкцией и что свежие овощи всегда на станции грузились навалом, признала необоснованным обвинение Б. в халатном отношении к своим служебным обязанностям.

Заблуждение субъекта относительно размера наказания, которое может быть назначено за совершение преступления, не имеет юридического значения. Размер наказания не принадлежит к тем обстоятельствам, которые должны охватываться предвидением субъекта как элементом его умышленной вины. Поэтому такая ошибка не может исключить умысла в действиях лица.

При рассмотрении юридической ошибки, касающейся общественной опасности совершенного деяния, следует иметь в виду, что в уголовном праве речь идет о такой степени общественной опасности деяния, которая делает его противоправным в смысле уголовного права, обосновывает преступность совершенного деяния. Поэтому нам представляется необоснованным проводимое некоторыми советскими криминалистами различие между ошибкой, относящейся к общественной опасности деяния, и ошибкой, относящейся к противоправности деяния. Так, в частности, поступают авторы учебника Общей части советского уголовного права, выпущенного кафедрой уголовного права юридического факультета Ленинградского университета¹.

¹ См. «Советское уголовное право. Часть общая», изд-во Ленинградского университета, 1960, стр. 317.

Ошибка фактическая заключается в ошибочном представлении лица о фактическом характере или фактических последствиях своих действий. Предвидение субъекта преступления при умышленной деятельности заключается: а) в предвидении фактических обстоятельств, относящихся к объективным признакам преступного результата; б) в предвидении развития причинной связи между действиями субъекта и наступившим преступным результатом. Поэтому и фактическая ошибка может быть: а) ошибкой, относящейся к фактическим обстоятельствам, образующим объективную сторону состава преступления; б) ошибкой, относящейся к свойствам непосредственного объекта посягательства, и в) ошибкой, относящейся к развитию причинной связи между действиями субъекта и наступившим преступным результатом (ошибка в причинности).

Фактическая ошибка первого рода может быть или ошибкой, относящейся к основным признакам объективной стороны состава преступления, или ошибкой, относящейся к обстоятельствам, квалифицирующим преступление.

Фактическая ошибка, относящаяся к основным элементам объективной стороны состава данного преступления, может состоять в ошибочном предположении об отсутствии объективных элементов того или иного состава преступления или в ошибочном предположении об их наличии.

Примером ошибочного предположения об отсутствии признаков объективной стороны состава преступления, когда в действительности они имеются, может служить незнание при сбыте фальшивой монеты, что она фальшива. Так как в этом случае у субъекта преступления отсутствует предвидение таких обстоятельств, которые являются основными элементами объективной стороны состава данного преступления (субъект не сознает, что он сбывает фальшивую монету), то его деятельность не может считаться умышленной. Она может считаться лишь деятельностью неосторожной, если по обстоятельствам дела окажется, что субъект должен был предвидеть указанные факты. Совершенное деяние должно рассматриваться в этом случае как неосторожное преступление, если неосторожное совершение данного преступления вообще возможно (в нашем примере — неосторожный сбыт фальшивой монеты не влечет уголовной ответственности). Если субъект по обстоятельствам дела не должен был предвидеть фактических обстоятельств, составляющих объективную сторону состава данного преступления, совершенное не может влечь за собой уголовной ответственности. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 23 июля 1948 г. по делу Ю. не нашел состава преступления в следующих действиях осужденного. У Ю. на вокзале в г. Горьком был похищен мешок с вещами. Он стал искать свои вещи на перроне

вокзала. Подойдя к Грибковой, Ю. стал вырывать у нее принадлежащий ей мешок с вещами, так как ему показалось, что мешок этот его и Грибкова является участницей хищения. При задержании Ю. продолжал настаивать, что мешок принадлежит ему, и только после того, как было проверено содержание мешка, он перестал это утверждать и принес свои извинения. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по этому делу указал, что у Ю. не было намерения совершить хищение и что он действительно добросовестно заблуждался, полагая, что обнаружил свои вещи.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 19 февраля 1949 г. отменила приговор суда по делу Ф., которым он был признан виновным в том, что, проезжая в одном вагоне с Абрамовым со ст. Ленинград до ст. Кемь и воспользовавшись тем, что Абрамов спит, похитил его чемодан. Ф. в судебном заседании показал, что взял чужой чемодан по ошибке. Он пояснил, что ошибка произошла в результате того, что, подъезжая к ст. Кемь, он спал; проснувшись и узнав, что поезд уже прибыл на указанную станцию, он быстро спрыгнул с верхней полки, взял в спешке два чемодана, полагая, что берет свои, и пошел домой. Не дойдя до своей квартиры, он обнаружил, что несет чужой чемодан, вернулся к поезду, но поезд уже ушел. Объяснения Ф. ни органами следствия, ни судом не были проверены. Необходимо было допросить потерпевшего Абрамова и свидетелей, на которых ссылался осужденный. Следовало также выяснить, какое количество чемоданов вез Ф. и действительно ли его чемодан остался в вагоне. Без проверки этих обстоятельств у народного суда не было достаточных оснований для признания Ф. виновным в хищении. Поэтому Коллегия приговор суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Разумеется, при подтверждении, что Ф. по ошибке взял вместо своего чужой чемодан, уголовное преследование против него должно было быть прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Примерами фактической ошибки, состоящей в ошибочном предположении о наличии признаков объективной стороны состава преступления, когда их в действительности нет, может служить сбыт по ошибке в качестве фальшивой в действительности настоящей монеты. В этом случае субъективная сторона деятельности лица заключает в себе предвидение тех обстоятельств, которые относятся к объективной стороне состава соответствующего преступления. Поэтому деятельность лица, несмотря на фактическую ошибку, сохраняет все признаки преступной деятельности, вопрос же об ответственности за нее должен быть разрешен так, как решается вопрос об ответственности за негодное покушение на преступление.

Фактическая ошибка, относящаяся к объективным обстоятельствам, квалифицирующим данное преступление, также может состоять или в ошибочном предположении об отсутствии их, или в ошибочном представлении о наличии этих объективных обстоятельств. При совершении умышленных преступлений ошибочное представление об отсутствии имеющих в действительности квалифицирующих обстоятельств должно влечь за собой ответственность за совершение данного преступления без наличия этих квалифицирующих обстоятельств.

Совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии квалифицирующих преступление обстоятельств следует рассматривать как покушение на совершение квалифицированного преступления.

При рассмотрении ошибки в объекте необходимо различать случаи, когда объект посягательства является юридически равноценным и ошибка в содержании умысла поэтому относится к обстоятельствам, не принадлежащим к составу данного преступления, и случаи, когда объект посягательства имеет различное юридическое значение.

Ошибка субъекта преступления относительно фактических обстоятельств, не принадлежащих к составу данного преступления, не оказывает никакого влияния на форму вины. К такой ошибке относятся и некоторые специальные случаи ошибки в объекте (*error in objecto*), к которым нередко в уголовно-правовой литературе и сводится вообще рассмотрение ошибки в объекте. Например, Андреев, желая убить Борисова, ошибочно принимает за него Васильева и убивает. Такая ошибка не может устранить умышленной вины, так как для наличия умысла при убийстве необходимо предвидение, что от совершаемых действий может последовать смерть человека; для состава преступления умышленного убийства является юридически равноценным объектом как жизнь Борисова, так и жизнь Васильева.

Близко по внешнему виду к ошибке в объекте подходят так называемые случаи отклонения действия (*aberratio ictus*) — осуществление преступного намерения над другим объектом не вследствие того, что субъект преступления ошибочно принимает его за надлежащий, а вследствие каких-либо других причин. Например, Алексеев, желая убить Петрова, стреляет в него, но Петров вовремя отклоняется в сторону, и пуля попадает в проходящего в это время Иванова.

Случаи *aberratio ictus* имеют иное юридическое значение, чем *error in objecto*. В приведенном примере мы имеем покушение на умышленное убийство Петрова в совокупности с неосторожным убийством Иванова, если субъект по обстоятельствам должен был предвидеть возможность наступления этого послед-

ствия, или же лишь покушение на убийство Петрова, если субъект не должен был предвидеть возможности наступления причиненного последствия. На этой точке зрения стоит и наша судебная практика. Так, Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР в одном из своих определений еще в 1928 году указала: «Если бы суд пришел к выводу о том, что случайное убийство К. имело место в силу неудавшегося покушения на убийство Л. и что выстрелы, направленные в последнего, минуя цель, попали в К., то в этом случае суд должен был это действие квалифицировать по ст.ст. 19 и 136 УК (т. е. покушение на убийство)¹, причем только совокупные признаки обеих статей отражают действительную картину происшествия».

В практике встречаются не только случаи ошибки в объекте посягательства, когда эти объекты являются юридически равноценными, но и случаи, когда подобные посягательства в действительности являются посягательствами на различные объекты. Совершение террористического акта в отношении лица, ошибочно принятого за государственного или общественного деятеля или представителя власти, следует рассматривать не как обычное убийство, а как покушение на террористический акт.

Вопрос об ошибке в объекте, когда объекты не являются равноценными, имел серьезное значение в практике применения Указов Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 г. Практика сталкивалась со случаями, когда лицо похищало государственное или общественное имущество, полагая ошибочно, что оно похищает имущество, принадлежащее отдельному гражданину, а также и со случаями, когда виновный похищал личное имущество граждан, полагая, что он похищает государственное или общественное имущество. (С такими же случаями может столкнуться и судебная практика применения новых уголовных кодексов.) Когда умысел был направлен на хищение личного имущества, хотя и было похищено государственное имущество, практика рассматривала совершенное преступление по направленности умысла как хищение личного имущества граждан. Такую позицию занял Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 23 ноября 1951 г. по делу Д. и А., осужденных за групповое хищение государственного имущества. Д. и А. были признаны виновными в том, что по предварительному сговору похитили стог сена, принадлежащий домоуправлению ст. Себеж. Осужденные утверждали, что, похищая сено, они не знали о его принадлежности домоуправлению и полагали, что это собственность работника паровоз-

¹ Имеется в виду Уголовный кодекс РСФСР 1926 года.

ного депо Петухова. Последний показал, что Д. и А. действительно могли не знать, кому принадлежит сено, так как часть участка, с которого ими было совершено хищение, была выделена также и ему, и он с этого участка косил сено для своих надобностей. Пленум Верховного Суда СССР признал, что действия осужденных были квалифицированы неправильно, так как материалы дела свидетельствовали, что умысел осужденных был направлен не на хищение государственного имущества, а на хищение личной собственности граждан. В связи с этим преступление осужденных было переквалифицировано соответствующим образом как кража личной собственности граждан. Эта позиция Пленума Верховного Суда СССР является совершенно правильной, так как квалификация таких действий как хищения государственного или общественного имущества означала бы отказ от принципа вины и переход на позиции объективного вменения, чуждого советскому уголовному праву. Такую же позицию Верховный Суд СССР занимал и в других аналогичных случаях.

В тех случаях, когда обвиняемый намеревался похитить государственное или общественное имущество, но принимал ошибочно за государственное или общественное имущество предметы, находящиеся в личной собственности граждан, он нес ответственность за покушение на хищение государственного или общественного имущества. Поэтому, например, если А., зная, что его сосед хранит у себя государственные средства, проникал в его комнату, но по ошибке похищал личные сбережения соседа, он должен был нести ответственность за покушение на хищение государственного имущества.

Ошибка в причинности заключается в неправильном представлении субъекта о причинной связи между совершенным им действием и наступившим преступным результатом. Такая ошибка вообще не устраняет умысленности совершенных действий, так как у субъекта при этом имеется предвидение и фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления, и реальной возможности наступления преступного результата путем определенного развития причинной связи. Ошибка в причинности может исключать лишь вменение преступного результата в качестве оконченного умысленного преступления. Однако для этого она должна состоять в таком несоответствии между действительным и предполагаемым развитием причинной связи, которое выходит за пределы общего предвидения развития необходимой причинной связи. В таком случае уголовная ответственность должна определяться за покушение на преступление.

Простой пример такой ошибки: А дал Б отравленное яблоко, надеясь, что Б умрет от отравления. В действительности же Б подавился первым куском этого яблока, оно попало ему в дыхательное горло, и смерть Б наступила от асфиксии. Все совершенное следует рассматривать как покушение на убийство путем отравления.

Один из случаев ошибки в причинности состоит в том, что субъект совершает действие с умыслом достигнуть определенного преступного последствия, но это наступает в действительности в результате не данного действия, а другого, совершенного субъектом с иным намерением. Например, А, желая убить Б, наносит ему удар тяжелым предметом по голове. Считая Б убитым, А бросает его в воду, чтобы скрыть следы преступления. Оказывается, что в действительности смерть Б последовала не от удара, который вызвал у него лишь временную потерю сознания, а от того, что он утонул в воде. Некоторые криминалисты находили, что умысел на совершение преступления в таких случаях как бы продолжается за пределы первого действия лица, а во всех действиях лица есть как бы общий умысел (*dolus generalis*), в нашем примере — умысел на лишение жизни. Но было бы более правильным рассматривать эти случаи по общим правилам об ошибке в причинности. Предвидение субъекта не охватывает здесь даже общих черт действительного развития причинной связи между действием и наступившим результатом, предвидение возможного развития причинной связи вовсе не совпадает в этих случаях с ее действительным развитием. Поэтому первое из совершенных действий нужно рассматривать как покушение на совершение соответствующего умысленного преступления, а последующие действия, в зависимости от конкретных обстоятельств, как неосторожное или случайное причинение результата. В тех случаях, когда второе действие, имея цель скрыть совершенное преступление, тем не менее предпринимается при отсутствии полной уверенности, что преступный результат уже наступил, во всем совершенном не будет и ошибки в причинности — все совершенное следует рассматривать как одно умысленное преступление.

Глава X

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ

§ 1

Общее понятие об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния¹

У становление общественной опасности деяния, т. е. опасности его для основ советского строя или социалистического правопорядка, необходимо для того, чтобы в совершенном деянии можно было признать наличие состава преступления. Там, где отсутствует общественная опасность совершенного деяния, там отсутствует и состав преступления с точки зрения советского уголовного права. При некоторых обстоятельствах деяния, по своим внешним чертам схожие с признаками того или иного преступления, в действительности не являются общественно опасными; они не только не представляют собой опасности для советского строя или социалистического правопорядка, но, наоборот, являются полезными для интересов Советской власти, социалистического правопорядка или прав и интересов отдельных граждан. В этих случаях в действиях

¹ И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, Л., 1956.

лица отсутствует и состав преступления. Совершенные при этих условиях деяния следует признать правомерными.

К обстоятельствам, исключающим общественную опасность (противоправность) совершенного деяния, следует отнести: а) необходимую оборону, б) крайнюю необходимость, в) согласие потерпевшего, г) осуществление общественно полезных профессиональных функций, д) исполнение обязательно приказа, е) осуществление своего права, ж) исполнение закона.

Вопрос о том, какие обстоятельства следует отнести к числу обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, вызывает разногласия в нашей литературе. Для правильного его решения необходимо прежде всего установить тот критерий, которым при этом следует руководствоваться. Таким критерием является то, что совершенное лицом деяние при данных обстоятельствах не только не может быть признано общественно опасным, но, наоборот, является общественно полезным, так как оно содействует охране социалистического правопорядка или правильному осуществлению функций государственных органов, или той или иной общественно полезной деятельности.

У некоторых советских криминалистов вызывает возражение отнесение к обстоятельствам, исключающим противоправность совершенного деяния, исполнения закона. Так, А. Н. Трайнин по этому поводу писал: «Провозглашение принципа ненаказуемости исполнения закона, когда на деле наказуемым может быть неисполнение закона, теоретически неверно и политически вредно. В отношении признанных советским законом полезными и обязательными к исполнению действий никакого вопроса об уголовной ответственности быть не может»¹. К этой точке зрения присоединился И. И. Слуцкий на том основании, что исполнение советских законов есть конституционная обязанность каждого гражданина СССР². Нам представляется, что аргументация А. Н. Трайнина не может быть признана убедительной. Во-первых, в указанном случае речь идет не о провозглашении принципа ненаказуемости исполнения закона, а о принципе правомерности действий, совершенных во исполнение закона. Поэтому трудно усмотреть в этом что-либо теоретически ошибочное, а тем более политически вредное. Для предъявления столь серьезного обвинения не было оснований. Во-вторых, и при всех других обстоятельствах, исключающих противоправность деяния, также всегда речь

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, стр. 332.

² См. И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, стр. 81.

идет о действиях, признаваемых полезными советским законом (например, акт необходимой обороны). Поэтому и этот аргумент не может служить основанием для того, чтобы не считать исполнение закона обстоятельством, исключающим противоправность деяния. Другое дело, что правомерный характер исполнения закона столь очевиден для каждого, что не требуется специального упоминания об этом в уголовном кодексе.

А. Н. Трайнин отрицал также необходимость отнесения к обстоятельствам, исключающим общественную опасность совершенного деяния, исполнение приказа. «Там, где речь идет об исполнении законного приказа (или распоряжения), — писал он, — это исполнение является обязательным и общественно полезным. Оно поэтому ни в какой связи с обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, не находится»¹. И. И. Слудкий в этом случае не последовал за А. Н. Трайниным, считая, что приказ не является актом, равнозначным закону, и поэтому было бы неправильным считать, что исполнение приказа не может признаваться обстоятельством, исключающим ответственность по тем же соображениям, что и исполнение закона².

А. Н. Трайнин отказывался рассматривать как обстоятельство, исключающее противоправность совершенного деяния, исполнение профессиональных обязанностей³. Отнесение выполнения профессиональных (и служебных) обязанностей к обстоятельствам, исключающим общественную опасность совершенного деяния, не вызывает, однако, какого-либо сомнения у других советских криминалистов.

В. М. Чхиквадзе при рассмотрении вопросов Общей части уголовного права применительно к ответственности за воинские преступления относит к обстоятельствам, исключающим противоправность совершенного деяния: исполнение обязанностей военной службы, принуждение к повиновению, исполнение приказа, необходимую оборону и крайнюю необходимость⁴. Нам представляется, однако, что исполнение обязанностей военной службы есть лишь частный случай исполнения профессиональных обязанностей и поэтому не требует специального выделения в общем перечне обстоятельств, исключающих противоправность совершенного деяния. Точно так же не требует специального упоминания в этом перечне и принуждение к повиновению, так как оно по существу является лишь частным случаем состояния крайней необходимости.

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, стр. 336.

² См. И. И. Слудкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, стр. 9.

³ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, стр. 333.

⁴ См. В. М. Чхиквадзе, *Советское военно-уголовное право*, М., 1948.

И. И. Слудкий делил обстоятельства, устраняющие общественную опасность, на три группы¹.

К первой он относил обстоятельства, в которых ярко выражена общественная полезность и правомерность поведения. Он включал в нее необходимую оборону, принятие мер, необходимых для задержания преступника, крайнюю необходимость, исполнение законного приказа, выполнение служебных и профессиональных обязанностей, осуществление своего права и принуждение к повиновению (в армии, флоте и военизированных учреждениях). Эта группа в основном совпадает с перечнем тех обстоятельств, исключающих противоправность деяния, которые мы рассматриваем в настоящем разделе. В ней отсутствуют лишь согласие потерпевшего и исполнение закона. Принуждение к повиновению, как мы уже отметили, правильнее было бы рассматривать не в качестве самостоятельного обстоятельства, устраняющего общественную опасность совершенного деяния, но как частный случай крайней необходимости. Что касается принятия необходимых мер для задержания преступника непосредственно после совершения преступления, то целесообразно его рассматривать применительно к нормам, регулирующим институт необходимой обороны. Так поступают Уголовный кодекс Узбекской ССР 1959 года и Уголовный кодекс УССР 1960 года.

Ко второй группе И. И. Слудкий отнес такие обстоятельства, которые, хотя и исключают общественную опасность и наказуемость деяния, но не делают их в ряде случаев полезными и правомерными. К ним он относил добровольный отказ от преступления, согласие потерпевшего, малозначительность правонарушения, изменение закона, изменение социально-политической обстановки, истечение сроков давности уголовного преследования и давности приговора. Нам представляется, что, за исключением согласия потерпевшего, все указанные обстоятельства, хотя и освобождают от уголовной ответственности, но имеют по существу иную юридическую природу, чем перечисленные выше обстоятельства, а потому их рассмотрение должно найти себе место в других местах курса Общей части уголовного права.

В третью группу обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, по мнению И. И. Слудкого, входят: физическое принуждение и непреодолимая сила. Рассмотрение их как обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, еще менее обосновано, чем отнесение к таковым всех обстоятельств, включенных им во вторую группу. Физическое принуждение и непреодолимая сила исключают возможность

¹ См. И. И. Слудкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, стр. 11—12.

говорить, что фактически совершенное является проявлением воли данного лица, его действием или бездействием.

Принципиальное значение для понимания всех обстоятельств, исключающих противоправность совершенного деяния, имеет вопрос об их юридической природе. Они являются не только обстоятельствами, исключающими наказуемость совершенного деяния, но обстоятельствами, которые исключают состав преступления в совершенном деянии. Этот вопрос тесным образом связан с пониманием самого состава преступления. Согласно развитому нами выше взгляду общественная опасность (противоправность) принадлежит к необходимым признакам состава преступления. Поэтому совершение тех или иных действий, внешне схожих с соответствующим преступлением, но совершенных при наличии обстоятельств, исключающих общественную опасность (противоправность) деяния, не заключает в себе состава преступления. Иной взгляд на юридическую природу обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, связан с пониманием состава лишь как совокупности фактических объективных и субъективных признаков деяния и вынесением на этом основании общественной опасности (противоправности) деяния за пределы состава преступления. При таком понимании делается вывод, что формально состав преступления имеется и при наличии обстоятельств, исключающих общественную опасность совершенного деяния. Из такой концепции состава преступления логически следует признание, что формально «состав преступления» будет и в хирургической операции врача, и в уничтожении врага Советской Родины на войне, так как эти действия содержат фактические признаки телесного повреждения или лишения жизни. При вынесении общественной опасности (противоправности) за пределы состава преступления пришлось бы вообще во многих общественно полезных действиях советских граждан усмотреть наличие «состава преступления»: в получении заведующим юридической консультацией вознаграждения за оказанную консультацию — формальный состав «взятничества»; в любом аресте, произведенном с санкции прокурора, — формальный состав «лишения свободы» и т. д. Такая «криминализация» промерных действий советских граждан противоречит общественному смыслу указанных действий и является плодом ошибочных теоретических представлений о составе преступления.

Лицо, действовавшее в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при других обстоятельствах, исключающих общественную опасность совершенного деяния, не может быть признано виновным, так как в его действиях отсут-

ствует состав преступления. Поэтому нельзя признать правильным утверждение Б. С. Утевского, что лицо, действующее в состоянии необходимой обороны, «предвидит результаты своих действий и желает их наступления, т. е. оно действует с умыслом. В его действиях имеется субъективная сторона определенного состава преступления, т. е. вина как элемент состава преступления»¹. Такое утверждение имеет своей предпосылкой формалистическое понимание состава преступления как совокупности лишь фактических обстоятельств деяния и ложное представление о вине в социалистическом уголовном праве.

Уяснение природы обстоятельств, исключающих общественную опасность совершенного деяния, позволяет правильно решить вопрос и о месте рассмотрения этих обстоятельств в системе курса Общей части социалистического уголовного права. Изложение вопроса об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния, должно непосредственно примыкать к изложению основных признаков состава преступления. Это оправдано и методическими соображениями, так как ряд вопросов учения об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность деяния, трудно было бы уяснить без знакомства с учением об объективной и субъективной стороне состава преступления. Поэтому нельзя согласиться с утверждением А. Н. Трайнина, что рассмотрение института необходимой обороны и крайней необходимости должно иметь место вслед за формами и стадиями совершения преступления². И. И. Слуцкий справедливо считал, что принятие такого предложения вряд ли будет содействовать лучшему уяснению сущности обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния³. Вряд ли можно согласиться и с А. А. Герцензоном, который рассматривает обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния, перед главой, посвященной рассмотрению основных элементов общего понятия о составе преступления⁴.

Правильное, на наш взгляд, место в системе курса Общей части отводит обстоятельствам, исключающим общественную опасность деяния, Н. Д. Дурманов, предлагающий рассматривать их после учения о составе преступления⁵. К тому же в конце концов склонялся и И. И. Слуцкий, хотя он и заявлял о своем несогласии с Дурмановым⁶. Такое место обстоятель-

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, стр. 63.

² См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 163.

³ См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 41.

⁴ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Общая часть, М., 1948.

⁵ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 207.

⁶ См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 41—42.

ствам, исключаящим общественную опасность совершенного деяния, отводилось и нами во всех изданиях коллективного учебника *Общей части уголовного права*. Это же место отводят им программы вузовского курса уголовного права.

Советское уголовное законодательство предусматривает лишь два первых обстоятельства, исключаящих общественную опасность деяния (необходимую оборону и крайнюю необходимость), при наличии которых не являются преступлением действия, внешне подпадающие под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом.

Однако, исходя из общих принципов советского уголовного права, следует при определенных условиях отнести к обстоятельствам, исключаящим общественную опасность деяния, согласно потерпевшего, осуществление лицом общественно полезных профессиональных функций, исполнение обязательного приказа, осуществление своего права и исполнение закона.

§ 2

Необходимая оборона¹

Необходимая оборона есть правомерная защита против посягательств на интересы Советского государства, общественные интересы, на личность и права обороняющегося или других лиц путем причинения какого-либо вреда нападающему.

Советское уголовное законодательство допускает необходимую оборону граждан от преступлений потому, что она направлена против общественно опасных действий и тем самым является действием не общественно опасным, а, наоборот, общественно полезным.

Институт необходимой обороны в советском праве призван содействовать укреплению социалистического правопорядка. Он содействует предупреждению возможности совершения преступ-

¹ В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве, М., 1948; В. Д. Меньшагин, О необходимой обороне в военно-уголовном праве, «Труды ВЮА», 1945; А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954, стр. 78—86; И. И. Слудский, Необходимая оборона в советском уголовном праве, «Ученые записки ЛГУ», № 129, М., 1951; его же, Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, стр. 43—88; М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, М., стр. 86—102; М. И. Якубович, Усиление охраны личности и вопросы необходимой обороны, «Советское государство и право» 1957 г. № 2; его же, Вопросы теории и практики необходимой обороны, М., 1961.

лений. Он помогает удерживать лиц, намеревавшихся совершить преступление, от осуществления этого преступного намерения. Запрещение гражданам обороняться от грозящих преступлений только облегчило бы преступникам совершение преступлений. Необходимая оборона является одним из средств охраны Советской власти, социалистической собственности и других общественных интересов, прав и интересов отдельных граждан.

Институт необходимой обороны в советском праве определяет одно из субъективных прав советского гражданина. Блюсти правила социалистического общежития является обязанностью каждого гражданина нашего общества. Гражданин социалистического общества имеет право защищать путем акта необходимой обороны Советскую власть и социалистическую собственность и другие общественные интересы от преступных посягательств. Это право он имеет потому, что Советская власть выражает кровные интересы всех трудящихся, социалистическая собственность является основой нашего строя, а общественные интересы не противостоят в нашем обществе интересам отдельной личности. Осуществление в этом отношении данного права есть общественный долг, моральная обязанность гражданина нашего общества. Каждый гражданин нашего общества имеет право защищать себя и других лиц от любых преступных посягательств со стороны нарушителей социалистического правопорядка и тем самым предупреждать совершение преступлений. В системе советского уголовного права необходимая оборона есть самостоятельное по своей природе право гражданина, порожденное наличием происходящего общественно опасного посягательства.

Такое понимание содержания права необходимой обороны в советском праве сложилось не сразу. О необходимой обороне впервые упоминалось в ст. 15 Руководящих начал 1919 года. Они усматривали наличие правомерной необходимой обороны лишь в причинении насилия над личностью нападающего для защиты своей личности или личности других, «если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны».

Более обобщенное понятие о необходимой обороне было дано в ст. 19 УК РСФСР 1922 года. Кодекс допускал оборону не только личности, но и ее прав и позволял сделать вывод, что необходимая оборона может выразиться не только в причинении вреда личности нападающего, но и в причинении ему иного ущерба, которое при отсутствии условий необходимой обороны подлежало бы наказанию (например, повреждение его имущества). Уголовный кодекс РСФСР 1922 года все еще ограничивал

область необходимой обороны лишь защитой индивидуальных интересов: личности и прав обороняющегося или других лиц. Дальнейший шаг в этом отношении был сделан Основными началами 1924 года.

Основные начала признали допустимость необходимой обороны и при защите Советской власти. Согласно ст. 9 Основных начал наказание не применялось к лицам, «совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против посягательства на Советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны». Так же разрешали вопрос ст. 13 УК РСФСР 1926 года и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик. Значительно более развернутые положения о необходимой обороне содержатся в ст. 13 Основ уголовного законодательства 1958 года. Они признали, что не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Основы уголовного законодательства не только уточнили предмет защиты путем акта необходимой обороны, но и определили содержание превышения пределов необходимой обороны: «...превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства».

Так как в системе советского уголовного права необходимая оборона есть самостоятельное по своей природе право граждан, порожденное самим фактом происходящего общественно опасного нападения, то ошибочно рассматривать необходимую оборону лишь как институт субсидиарный, дополнительный к деятельности государства по предупреждению преступлений и наказанию преступников и ставить правомерность необходимой обороны в зависимость от того, могло или нет в момент обороны вмешательство органов государственной власти предотвратить происходящее нападение. Подлинно демократическое по своей природе социалистическое государство не может таким путем ограничивать общественно полезное осуществление гражданами своих прав. Широкий объем права необходимой обороны в советском законодательстве воспитывает граждан социалистического общества в духе общественной солидарности в борьбе за охрану интересов Советского государства, общест-

венных интересов, прав и интересов отдельных граждан и всего социалистического правопорядка.

Взгляды на необходимую оборону лишь как на субсидиарный институт были распространены среди дореволюционных русских криминалистов. Такое понимание необходимой обороны характерно для феодально-абсолютистского государства. Оно нашло свое выражение в царском Уложении о наказаниях, которое в ст. 101 допускало оборону лишь только тогда, когда нельзя было прибегнуть к помощи ближайшего начальства. А. А. Герцензон неосновательно защищает такой взгляд на институт необходимой обороны в советском праве, полагая, что если имеется возможность пресечь нападение путем обращения к представителям власти, то неиспользование этого средства исключает правомерность обороны¹. Правильно выступает против такого ограничения права необходимой обороны и отстаивает вполне самостоятельную природу института необходимой обороны в советском уголовном праве В. Ф. Кириченко².

Необходимая оборона по общему правилу является лишь субъективным правом гражданина в определенных условиях отразить общественно опасное нападение. На гражданах не лежит обязанность осуществлять акт необходимой обороны. Советский закон не может требовать под угрозой наказания, чтобы граждане обязательно осуществляли принадлежащее им право необходимой обороны. Гражданин может, не осуществляя права необходимой обороны, уклониться от грозящей опасности, прибегнуть к помощи других лиц и т. п. Однако при этом в определенной ситуации, например, когда происходит нападение на интересы Советского государства или общественные интересы, или на жизнь либо здоровье других лиц, необходимая оборона может являться моральной обязанностью советских граждан, ибо коммунистическая нравственность воспитывает их в духе товарищеской взаимопомощи и заботы о государственных и общественных интересах. На определенной категории граждан лежит не только моральная, но и юридическая обязанность обороняться от происходящего нападения. Сторож обязан охранять порученный ему склад, часовой обязан оборонять вверенный ему объект от происходящего нападения и т. д. Отказ от обороны в этих случаях сам может заключать в себе состав преступления — халатного отношения к своим служебным обязанностям или дисциплинарного проступка.

Нельзя согласиться с тезисом Н. Н. Паше-Озерского, что неосуществление в этом случае необходимой обороны «будет

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Общая часть, М., 1948, стр. 270.

² См. В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве, стр. 7.

неисполнением закона, невыполнением обязанностей службы, а не неисполнением, якобы, правовой обязанности необходимой обороны»¹. И. И. Слуцкий правильно отмечал, что такое противопоставление не может быть оправдано ни теоретическими, ни практическими соображениями². В указанных случаях необходимая оборона является правовой обязанностью, основанной на специальных нормах права, поэтому ее невыполнение является одновременно и нарушением закона, и неисполнением служебной обязанности осуществления акта обороны.

Особое значение имеет вопрос о юридической природе института необходимой обороны, осуществляемой военнослужащими. Этот вопрос получил специальную разработку в нашей литературе. Право необходимой обороны превращается для военнослужащего в обязанность всякий раз, когда совершается преступное посягательство на установленный порядок несения воинской службы, на воинскую дисциплину. Это вытекает из существа воинской присяги. Это положение получило свое обоснование в работах В. М. Чхиквадзе³ и В. Д. Меньшагина⁴. Исходя из этих положений следует признать, что необходимая оборона является обязанностью военнослужащего и тогда, когда нападение происходит непосредственно на личность военнослужащего, поскольку с этим связано вместе с тем и посягательство на воинскую дисциплину. Оборона в этом случае является не только актом защиты военнослужащим своей личности, но и средством предупреждения нарушений воинской дисциплины. Начальник, не осуществивший в этих условиях акта необходимой обороны, сам подлежит дисциплинарной или уголовной ответственности за бездействие власти как командир, не проявивший твердости и решимости в деле поддержания воинской дисциплины. Дисциплинарный устав Советской Армии предоставляет командиру право в случаях злостного нарушения воинской дисциплины и порядка принять все необходимые меры принуждения вплоть до применения силы и оружия.

Необходимая оборона устраняет общественную опасность совершенного деяния, если она удовлетворяет требованиям, относящимся как к нападению, так и к защите. При наличии этих условий совершенный акт обороны является правомерным, он не заключает в себе состава преступления

¹ Н. Н. Паше-Озерский, *Обстоятельства, исключающие ответственность по советскому уголовному праву*, автореферат докт. диссертации, 1954, стр. 3.

² См. И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, стр. 46.

³ См. В. М. Чхиквадзе, *Советское военно-уголовное право*, стр. 201—204.

⁴ См. В. Д. Меньшагин, *О необходимой обороне в военно-уголовном праве*, «Труды ВЮА», сб. IV, М., 1945, стр. 127—130.

и не может влечь уголовной ответственности. Действие, совершенное в осуществление права необходимой обороны, является не только ненаказуемым, но и правомерным. Условия правомерности акта необходимой обороны должны быть определены в соответствии с требованиями советского закона и социалистического правосознания.

Указанный взгляд на необходимую оборону разделяется большинством советских криминалистов, занимавшихся специально этим вопросом. И. И. Слуцкий с полным основанием считал, что поведение лица, действующего в состоянии необходимой обороны, общественно полезно и правомерно, поэтому оно признается не только обстоятельством, исключающим ответственность, но и осуществлением права на оборону¹. В. Ф. Кириченко отмечает, что необходимая оборона не может рассматриваться как деятельность преступная и порицаться социалистическим правом и моралью; состояние необходимой обороны является обстоятельством, исключающим общественную опасность, а потому и противоправность деяния². Тем самым он признает, что в действиях лица, совершающего акт необходимой обороны, отсутствует и состав преступления. Нельзя согласиться с Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, которые все же усматривают в совершении акта необходимой обороны наличие «состава преступления»³, который, однако, не влечет применения наказания. Необходимая оборона по социалистическому праву является правом гражданина защищать Советскую власть, социалистическую собственность и иные общественные интересы, личность и имущество, как свое, так и чужое. Поэтому нельзя усматривать в действиях, совершенных в состоянии необходимой обороны, «состав преступления», хотя бы и не влекущий за собой применения наказания⁴.

В связи со сказанным следует признать недостаточно точным постановление ст. 9 Основных начал 1924 года, которые говорили лишь о неприменении наказания к лицам, совершившим действие в состоянии необходимой обороны. Аналогичные формулировки содержались и в уголовных кодексах всех союз-

¹ См. И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, стр. 44.

² См. В. Ф. Кириченко, *Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве*, стр. 14—15.

³ См. Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, *Состав преступления как основание уголовной ответственности*, «Советское государство и право» 1954 г. № 5.

⁴ В этом вопросе наши возражения Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили (см. А. А. Пионтковский, *Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления*, «Советское государство и право» 1954 г. № 6, стр. 75) поддержал В. М. Чхиквадзе (см. В. М. Чхиквадзе, *Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве*, «Советское государство и право» 1955 г. № 4, стр. 60).

ных республик, за исключением Уголовного кодекса БССР, где подчеркивался непреступный характер деяния, совершенного в состоянии необходимой обороны. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г., направленное на устранение тех ошибок, которые имели место в практике при применении норм действующего уголовного законодательства о необходимой обороне, с полным основанием специально подчеркнуло, что действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, не заключает в себе состава преступления: «Такого рода действия, вытекающие из неотъемлемого права гражданина на оборону, не только не содержат состава преступления, как не представляющие общественной опасности, но, наоборот, содействуют укреплению должного социалистического правопорядка».

Основы уголовного законодательства 1958 года правильно признали, что действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, не является преступлением, т. е. оно не заключает в себе состава преступления и является деянием правомерным.

Вопрос об обосновании права необходимой обороны издавна привлекал к себе внимание философов и юристов. Криминалисты средневековья как идеологи феодального общества нередко обосновывали необходимую оборону священным писанием и видели в ней не право личности, а религиозную обязанность борьбы с грехом, нарушение которой рассматривалось само как тяжкий грех. Теория естественного права, отражая борьбу развивающейся буржуазии с идеологией феодального мира, считала в соответствии с своими общими взглядами на права личности необходимую оборону прирожденным правом человека. В этом отношении эта теория использовала взгляды на необходимую оборону, высказанные еще римскими юристами. Господствующий среди римских юристов взгляд на оборону нашел свое выражение в известном положении Цицерона о том, что необходимая оборона есть не писанный, но прирожденный закон — *non scripta, sed nata lex*. Руссо в институте необходимой обороны видел возвращение человеку его естественного права на защиту, которым он обладал в догосударственном обществе и которое было лишь уступлено им государству согласно обществу договору.

В политической литературе XVII—XIX веков особое значение приобрел вопрос о праве необходимой обороны в отношении неправомερных действий представителей государственной власти. Этот вопрос тесно соприкасался с проблемой права народа на революцию в случае злоупотребления главы государства своей властью. Как известно, Гоббс еще в «Левифане» требовал беспрекословного повиновения подданного

своему государю. Он был сторонником абсолютной монархии, когда в Англии она «вступила в борьбу с народом»¹. По его учению, что бы ни делал глава государства в отношении своих подданных, действия эти всегда являются правомерными. Поэтому, с точки зрения Гоббса, подданные не имеют права противодействовать даже совершенно государем преступлений. Идеологи революционной демократии во Франции в XVIII столетии, исходя из теории общественного договора Руссо, признавали за народом право на восстание как право обороны против незаконных действий главы государства, нарушающего условия общественного договора.

Русский философ-материалист Радищев, выражая чаяния крепостных крестьян, видел в восстании народа против самовласти государя «право мщения природы». Он уделил значительное внимание вопросу необходимой обороны.

В высказываниях Радищева о необходимой обороне нашло отражение тяжелое положение, в котором находились крепостные крестьяне, составлявшие главную часть населения России того времени. Радищев, обрисовывая основания и объем права необходимой обороны отдельного лица, имел в виду обосновать самозащиту крепостных крестьян против зверств крепостников-помещиков. Царское уголовное законодательство открыто стояло на стороне помещиков. «Крестьянин в законе мертв», — говорил Радищев. Этим он выражал всю глубину бесправного положения крепостных крестьян в современном ему царском законодательстве. Именно это он и имел в виду, когда следующим образом обосновывал необходимую оборону. «Если гражданин против врага своего защиты и мщения ищет в законе и не находит, если закон или не в силах его заступить или того не хочет, или власть его не может мгновенное, в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения сохранности и благосостояния». Поэтому Радищев усматривал осуществление естественного права необходимой обороны не только там, где опасность грозила непосредственно нападающему, но и там, где отсутствовал закон, карающий за совершенное преступление, и потерпевшие сами расправлялись с преступником. Он рассматривал как осуществление естественного права обороны расправу крестьян с помещиком, когда последний своими зверствами и издевательствами над крестьянами нарушал права гражданина. «Тогда возрождался закон природы и власть обиженного гражданина, неотъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность, и крестьяне, убившие зверского ассессора, в законе обвинения не имеют», — писал Радищев в одном из своих очерков «Путешествие из Петербурга в Москву».

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 260.

«Крестьяне, убившие господина своего, — писал он далее, — были смертоубийцами. Но смертоубийство сие не было ли при-
нуждено. Не причиной ли оно сам убитый ассессор. Если
идущему мне нападает на меня злодей и, вознеся кинжал, вос-
хочет меня им пронзить, убийцею ли я почтуса, если я преду-
прежу его в злодеянии и бездыханного его к ногам моим по-
вергну». Как нет преступления в этом случае, так нет его и
в расправе крестьян с зверем-помещиком. Действия крестьян
Радищев объявлял правомерными. «Смерть ассессора, хотя и
насильственная, есть правильная». В годы жестокой реакции,
наступившей после подавления крестьянского восстания Пуга-
чева, Радищев с величайшим мужеством заявил во всеуслыша-
ние, что крестьяне имеют право расправляться с их угнета-
телями.

С этими положениями А. Н. Радищева перекликаются и
взгляды русских революционных демократов XIX столетия.
Так, когда Герцен получил известие, что крепостной крестья-
нин убил помещика, покушавшегося на честь его невесты, он
написал в «Колоколе»: «И превосходно сделал». В 1861 году
Герцен писал в заметке, посвященной памяти русского полков-
ника Рейтерна, который застрелился, чтобы не принимать уча-
стия в расправе над польским народом: «Полковник Рейтерн
застрелился в Варшаве, чтобы не быть помощником палачей.
Мир его праху, он герой, но зачем эта казнь, обращенная на
чистую грудь? Если расстреливать, так лучше расстреливать
тех генералов, которые велят стрелять по безоружным. Два,
три примера остановят бездну мерзавцев». Герцен клеймил
царское правительство как «шайку разбойников и негодяев».

Резко отрицательное отношение к обороне против незако-
номерных действий главы государства преобладало в немецкой
идеалистической философии конца XVIII и начала XIX века.
Так, Кант считал всякое применение насилия в отношении вер-
ховной власти со стороны подданных тяжчайшим преступлением.
Он специально выступал против тех теоретиков естественного
права, которые полагали, что народ имеет право на революцию
в случае тиранического правления и нарушения, таким обра-
зом, государем общественного договора. В этих реакционных
положениях своей правовой теории Кант выступал как идеолог
трусливой немецкой буржуазии, страшившейся возможности
антифеодальной, народной революции в своей собственной
стране. От этих положений политической доктрины Канта ве-
дут свое происхождение и те теории реакционных немецких
криминалистов XIX века, которые отвергали правомерность не-
обходимой обороны против любых преступных действий долж-
ностных лиц. Эти криминалисты аргументировали тем, что при
защите противоположных воззрений придется допустить и пра-
вомерность обороны против самой верховной власти. Во взгля-

дах, допускавших оборону против непропорциональных действий
должностных лиц, им мерещилась теория, «узаконяющая рево-
люцию». Фактически оборона против действий должностных
лиц карается в любом буржуазном государстве. «Что бы бур-
жуа ни делал, — отмечает Энгельс, — полицейский всегда с ним
вежлив и строго придерживается закона, с пролетарием же
обращаются грубо и жестоко; сама бедность уже навлекает на
него подозрение во всевозможных преступлениях, лишая его
в то же время законных средств для защиты от произвола
власть имущих. Поэтому охранительные формы закона не су-
ществуют для пролетария: полиция не стесняясь врывается в его
дом, подвергает его аресту и расправляется с ним, как хочет»¹.

Для буржуазной немецкой уголовноправовой теории вообще
было характерно рассмотрение необходимой обороны не как
самостоятельного, а как субсидиарного правового института, как
некоей замены в исключительных случаях деятельности органов
государственной власти самовольными действиями отдельной
личности. Поэтому она допускала оборону лишь в самых огра-
ниченных пределах, когда потерпевшему нельзя было непосред-
ственно использовать помощь полицейского участка. Уголовно-
правовые теории, находившиеся под влиянием идеалистической
немецкой философии, связывали обоснование необходимой обо-
роны с особенностями той или иной философской системы. Для
всех этих теорий был характерен отказ рассматривать необходи-
мую оборону как субъективное право личности. И в этом част-
ном вопросе они обосновали политическую реакцию на
исторически прогрессивные идеи французской революции.

В буржуазной уголовноправовой литературе XIX и XX ве-
ков правомерность необходимой обороны обосновывается обы-
чно различными утилитарными соображениями. Русский доре-
волюционный криминалист Н. С. Таганцев видел основание
признания правомерными действий, совершенных в состоянии
необходимой обороны, как в субъективных условиях самого
деятеля, так и в объективных условиях совершения акта необ-
ходимой обороны. В необходимой обороне, по его мнению, нет
признаков преступной воли — умышленного неуважения к тре-
бованиям права или небрежного к ним отношения. Деятель-
ность обороняющегося определяется только стремлением огра-
дить охраняемые законом интересы от грозящей им непро-
порциональной опасности. По своим объективным свойствам акт необ-
ходимой обороны направлен на предупреждение совершения
преступлений. Поэтому институт необходимой обороны он рас-
сматривал как известное дополнение к охранительной функции
государства. По всем этим соображениям она и должна призна-
ваться правомерной. По мнению другого дореволюционного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 502.

русского криминалиста — Сергеевского, правомерность обороны вытекает из самого понятия права. Закон, признавая за гражданами те или иные права, тем самым неизбежно в пределах необходимости признает за ними право защищать, оборонять эти права.

Право необходимой обороны по советскому уголовному праву возникает лишь тогда, когда имеет место посягательство на интересы Советского государства, общественные интересы, личность и права отдельных граждан (нападение).

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству, сводятся к следующему:

а) Посягательство должно быть по своим объективным чертам общественно опасным (противоправным). Общественно опасное посягательство не должно быть непременно таким, которое влечет применение наказания. Оно должно быть объективно общественно опасным. Возможны случаи, когда такое посягательство по тем или иным субъективным основаниям не является преступным: например, нападение со стороны душевнобольного лица, со стороны лица, действующего при наличии фактической ошибки, устраняющей его вину, и т. д. Тем не менее во всех этих случаях против такого посягательства допустима необходимая оборона.

Против указанного взгляда выступал в нашей печати И. И. Слудский. Он, как нам представляется, неосновательно полагал, что это может привести к чрезмерному расширению понятия необходимой обороны. В частности, он высказывался против допустимости необходимой обороны против невменяемых и считал, что «если подвергшийся нападению со стороны невменяемого знал об этом, то его действия, направленные на предотвращение грозящей опасности, следует квалифицировать как совершенные в состоянии крайней необходимости»¹. Нам представляется, что И. И. Слудский смешивал два разных вопроса: 1) природу тех действий, которые причиняют определенный вред душевнобольному для защиты от его нападения, с одной стороны, и 2) характер этой защиты — с другой. Когда акт крайней необходимости имеет место при противозаконном нападении, то он выражается всегда в причинении вреда третьим лицам, а не нападающему. При необходимой обороне вред причиняется нападающему. При таком понимании различия необходимой обороны и крайней необходимости вполне возможно говорить о необходимой обороне против нападения не-

вменяемого. Однако в этих особых случаях для признания правомерности совершенного акта необходимой обороны должны быть предъявлены специфические условия, отвечающие характеру совершенного нападения. В этих случаях, если возможно избежать нападения, не причиняя вреда нападающему, то признание необходимой обороны нельзя признать правомерным. Меры обороны против нападения душевнобольного должны применяться с особой осмотрительностью.

Иную юридическую природу носит случай причинения для защиты от нападения вреда нападающему животному, принадлежащему тому или иному лицу, учреждению или предприятию. Поэтому убийство быка, который пытался подняться на рога потерпевшего, может быть признано правомерным актом крайней необходимости, если это было единственным средством спасения от опасности. Убийство нападавшего быка, когда представлялась возможность легко скрыться от него, например спастись бегством, не может быть признано действием правомерным. Однако в тех случаях, когда владелец животного использует его как орудие нападения на потерпевшего (например, натравливание собаки на потерпевшего), причинение вреда нападшему животному есть причинение имущественного вреда нападающему лицу; поэтому все совершенное при этих условиях является актом необходимой обороны и должно полностью подпадать под правила, регулирующие правомерность применения акта необходимой обороны.

Необходимая оборона недопустима против правомерного нарушения тех или иных интересов: против правомерного лишения свободы, применяемого в силу обязательного приказа; против действий, которыми осуществляется право дисциплинарной власти; против акта необходимой обороны, если она не превышает пределов необходимости и т. д., так как все эти действия являются правомерными. Последнее можно проиллюстрировать определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 апреля 1957 г. по делу Г., причинившего телесное повреждение Матвееву, который оборонялся от нападения со стороны Г. Причинение Г. телесного повреждения Матвееву не являлось актом необходимой обороны. В определении по этому делу Коллегия признала, что «Г. причинил телесное повреждение Матвееву не в состоянии необходимой обороны, а в тот момент, когда он сам являлся нападающей стороной. Поэтому ответственность за эти действия не исключается». Бандит, убивший свою жертву, не может оправдываться тем, что встретил энергичное сопротивление со стороны потерпевшего, который оборонялся от произведенного на него нападения.

Необходимая оборона недопустима против правомерных действий должностного лица, хотя бы они и были направлены на умаление тех или иных интересов отдельных граждан. Однако

¹ И. И. Слудский, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 40.

необходимая оборона допустима против преступных действий должностных лиц. Должностные лица должны с особым вниманием соблюдать требования социалистической законности. Гражданин не теряет права на оборону, если в качестве преступника выступает должностное лицо. Поэтому, например, против превышения власти, выразившегося в насилии над личностью потерпевшего, последний имеет право обороняться и причинить для отражения грозившей ему опасности тот или иной вред должностному лицу.

Однако следует признать все же необходимым ограничить возможность обороны против незаконных действий должностных лиц. Их следует признать правомерными против преступных действий должностных лиц, связанных с посягательством на личность потерпевшего. Другие незаконные действия должностных лиц могут быть обжалованы в установленном порядке, и едва ли обоснованно было бы в этих случаях оправдывать применение насилия в отношении должностного лица ссылкой на состояние необходимой обороны¹.

Особыми условиями должно быть ограничено право подчиненного на оборону против действий начальника в условиях Советской Армии. Необходимость этого объясняется значением соблюдения отношений подчиненности в деле поддержания дисциплины в рядах Вооруженных Сил СССР. В. М. Чхиквадзе справедливо отмечает, что подчиненный всегда должен стремиться предотвратить такое нападение или отразить его как можно более мягкими средствами².

Для военнослужащих в ряде случаев оборона от нападения является не только правом, но и обязанностью. В определенных случаях нарушение военнослужащим обязанности по обороне может заключать в себе состав воинского преступления. По Уставу гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Союза ССР «часовой обязан применять оружие без предупреждения в случае нападения на него или охраняемый им объект» (ст. 171). Неприятие этих мер часовым может дать основание для привлечения его к уголовной ответственности. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР в ст. 50 возлагает на начальника обязанность «решительно пресекать всякие действия, которые могут нанести вред боеспособности вверенной ему части». В соответствии со ст. 7 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Союза ССР в случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненных начальник, действуя в состоянии необходимой обороны, «обязан принять все меры принуждения, а в крайнем случае, не терпящем отлага-

тельства, применить оружие». Обязанность обороны в ряде случаев лежит и на рядовых военнослужащих. Согласно ст. 168 Устава гарнизонной и караульной службы часовой обязан бдительно и стойко оборонять свой пост. Обязанность оборонять пост и применить оружие лежит на часовом даже и в том случае, когда командир, не входящий в состав караула, не остановился при приближении к посту после двукратного предупреждения часового.

б) Посягательство должно быть личным, т. е. его осуществление должно уже начаться, или непосредственная угроза его осуществления должна быть настолько очевидной, что охраняемые законом права и интересы поставлены в непосредственную опасность. Непосредственная угроза посягательства делает оборону правомерной.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 мая 1945 г. по делу С. специально подчеркнул значение этого момента для определения правомерности акта необходимой обороны: «Состояние необходимой обороны наступает и в том случае, когда по всем обстоятельствам начало реального осуществления нападения настолько очевидно и неминуемо, что принятие предупредительных мер ставит в явную, непосредственную и неотвратимую опасность лицо, вынужденное к принятию этих мер. Только в том случае, когда сама опасность нападения является нереальной или только предположительной, не может быть и речи о необходимой обороне». Таким образом, для признания акта обороны правомерным нельзя требовать, чтобы нападение обязательно уже началось. Нападение является личным, когда имелась непосредственная угроза нападения. Образно и правильно об этом говорили еще Воинские артикулы Петра I:

«Не должен есть себе от соперника первый удар ожидать, ибо через такой первый удар может такое причиниться, что и противиться весьма забудет».

Против подготовляемого или предполагаемого нападения оборона недопустима. Нельзя ссылаться на необходимую оборону при нанесении телесного повреждения или убийстве человека, который проходил мимо дома, хотя бы и было подтверждено, что он действительно находился там с целью осуществления своих преступных намерений. Здесь нельзя говорить даже о превышении пределов необходимой обороны, так как в этом случае отсутствует еще само нападение. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 ноября 1940 г. нашел состав убийства, а не убийства с превышением пределов необходимой обороны в действиях Т., который, заподозрив в Ч., зашедшем во двор, где проживал Т., вора, произвел в него выстрел из револьвера и нанес ему тяжелую рану, от которой тот скончался. Пленум нашел, что Т., не подвергшийся нападению со

¹ См. И. И. Слудский, *Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность*, стр. 53.

² См. В. М. Чхиквадзе, *Советское военно-уголовное право*, стр. 202.

стороны Ч., не находился в состоянии необходимой обороны, а следовательно, и не мог превысить ее пределы.

Против предполагаемого нападения можно принимать необходимые предупредительные меры охраны, которые будут действовать в момент самого нападения, когда оно станет наличным. Однако их действие не должно превышать пределов необходимой обороны. Мы не можем допустить создание любых защитительных механизмов, которые предназначены для пресечения посягательства путем причинения вреда нападающему, как-то: минирование входа в склад, включение смертоносного электрического тока в проволочную ограду и т. д. Буржуазная теория уголовного права, исходя из интересов частного собственника, считает, что такими приспособлениями, действующими в момент нападения, осуществляется необходимая оборона. На такой позиции стоит и практика буржуазного суда. Например, французский кассационный суд признал правомерным действие лица, которое, зная, что кто-то крадет у него рыбу из садка, поставило перед садком автоматически действующий механизм, причинивший одному из воров тяжкое телесное повреждение, потребовавшее ампутации ноги¹.

Установку механизмов, которые могут причинить повреждение и нападающим, и другим посторонним лицам или причинить вред (смерть или тяжкое телесное повреждение), явно не соответствующий значению охраняемого блага, нельзя оправдать правом осуществления необходимой обороны. Кроме того, как справедливо отмечалось в нашей литературе, с субъективной стороны действия лица, причинившего вред посредством такого приспособления, характеризуются не только мотивами защиты своего имущества, но и стремлением расправиться с правонарушителем, а также изобличить его в преступлении². Судебная практика сталкивалась с необходимостью решать подобного рода случаи, встречающиеся в жизни. К., заметив, что кто-то расхищает принадлежащий ему строительный материал и дрова, сложенные на террасе дома, заминировал их толовой шашкой. 13 марта 1945 г. К.-н при попытке похитить дрова взял полено, к которому был привязан запал, вследствие чего произошел взрыв. В результате К.-н получил тяжелое ранение, вызвавшее ампутацию правой руки. К. был осужден за умышленное тяжкое телесное повреждение и за незаконное хранение запала от мины³. В приведенном примере умышленный характер причиненного К. телесного повреждения не вызывал сомнения, поскольку он предвидел возможность таких последствий от сделанного им

защитного приспособления. В тех случаях, когда в связи с установкой такого рода недопустимых защитных механизмов наступает вред, который лицо не предвидело, но по обстоятельствам дела должно было предвидеть, наступившие последствия надлежит рассматривать как вред, причиненный по неосторожности. Примером такого решения вопроса может служить следующее дело.

К. для охраны яблوك от воров обвел принадлежавшие ему яблони оголенным проводом и подключил его к электролинии. В результате этого 2 августа 1945 г. 15-летняя девочка Лапина, залезшая в сад К., наткнулась на этот провод и была убита током. Между судом и прокуратурой возник спор о квалификации совершенного К. деяния: прокуратура предлагала квалифицировать эти действия как неосторожное убийство, а суд считал содеянное убийством умышленным. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР согласилась с мнением прокуратуры, поскольку «К., совершая указанные выше действия по ограждению от воров своих плодовых деревьев, не предвидел могущих быть от этого тяжких последствий, причем, как видно из материала дела, он совместно со свидетелем Корниловым опробовал действие тока и получил при опробовании незначительный толчок, что давало основание К. полагать, что тяжелых последствий не может быть»¹.

Оборона недопустима также и против уже оконченного нападения, т. е. нападения, которое прекратилось, не будучи доведено до конца, или нападения, которое уже полностью осуществлено. Поэтому не будет необходимой обороны в причинении телесного повреждения или нанесении удара лицу, совершившему оскорбление действием. Причинение вреда нападающему после окончания нападения при наличии определенных условий может рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны (см. ниже), но в этих случаях не устраняется противоправный характер совершенных действий.

Вопрос о правильном понимании наличия посягательства для признания правомерным акта необходимой обороны привлек специальное внимание Пленума Верховного Суда СССР в его постановлении от 23 октября 1956 г. «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне». Пленум указал, что в ряде случаев суды не признают состояния необходимой обороны по мотивам ее несвоевременности, ошибочно полагая, что применение средств защиты возможно лишь непосредственно в процессе нападения.

Так, по делу осужденного Ю. было установлено, что Л. в нетрезвом состоянии стал ломиться в его дом, намереваясь при

¹ См. И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность*, стр. 57.

² См. там же.

³ См. там же.

¹ См. И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность*, стр. 58—59.

этом бросить камень в комнату, где находилась семья Ю. Последний предупредил, что будет стрелять, но это не возымело на Л. никакого действия. Тогда Ю. выстрелил из охотничьего ружья и причинил Л. телесные повреждения. Признав Ю. виновным в превышении пределов необходимой обороны, народный суд осудил его за причинение тяжкого телесного повреждения, хотя в условиях угрозы реального нападения для Ю. и членов его семьи действия Ю. были своевременными и правомерными, в связи с чем Верховный Суд СССР дело о нем в уголовном порядке прекратил.

В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР дал судам следующее указание по рассматриваемому вопросу: «Суды не должны формально подходить к признанию превышения пределов необходимой обороны по мотивам несвоевременности ее применения. Состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент нападения, но и в тех случаях, когда налицо реальная угроза нападения. Точно так же состояние необходимой обороны не может считаться устраненным и в том случае, когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом, хотя бы и оконченного нападения, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения».

Не обороной, а лишь приравненным к ней по своим юридическим последствиям действием является принятие мер, направленных к задержанию преступника, если они не выходят за пределы необходимости.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в *Общей части* не содержал никаких указаний на юридическое значение этих действий. В *Особенной же части* в статьях о превышении пределов необходимой обороны, повлекшем за собой смерть нападающего (ст. 145) или причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 152), он приравнивал к указанным действиям причинение смерти или тяжкого телесного повреждения преступнику, застигнутому на месте преступления, если при этом были превышены меры, необходимые для его задержания. Этими постановлениями Уголовный кодекс давал возможность приравнивать к необходимой обороне действия, направленные к задержанию преступника, уже совершившего преступление, в пределах мер, необходимых для его задержания.

Поэтому, например, связывание пойманного вора для того, чтобы он не убежал, с этой точки зрения являлось действием правомерным, а избивание его — действием неправомерным, так как оно, очевидно, не являлось необходимой мерой для задержания. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года ни в *Общей*, ни в *Особенной части* не содержал никаких постановлений на этот счет. Остался неразрешенным этот вопрос и в *Основах уголовного законодательства 1958 года*.

Вопрос о пределах допустимости того или иного причинения вреда преступнику при его задержании должен разрешаться аналогично с вопросом о пределах допустимости правомерной защиты при необходимой обороне.

Такое решение этого вопроса давалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне»: «Разъяснить, что действия, предпринятые потерпевшим или другими лицами по задержанию преступника с целью доставления его в соответствующие органы власти, как правомерные, приравниваются к необходимой обороне. Уголовная ответственность за действия по задержанию преступника, повлекшие для него тяжкие последствия, может наступить при условиях, указанных п. 2 настоящего постановления, т. е. за действия, совершенные с превышением пределов необходимой обороны».

В связи с повышением активной роли советских людей в борьбе с преступностью следует признать приведенное постановление Пленума Верховного Суда СССР о правомерном задержании преступника правильным и своевременным.

Взгляд И. И. Слудского, что применение к преступнику насилия, не выходящего за пределы необходимых мер для его задержания, представляет собой самостоятельное обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, не вызывал бы возражений, если бы он не выставлял требование, что причинение при этом вреда преступнику для его задержания можно признать исключаящим ответственность лишь при наличии условий, относящихся к крайней необходимости. При таком подходе к решению этого вопроса затруднялось бы принятие необходимых мер к задержанию преступника, хотя следует подчеркнуть, что такие меры ни при каких условиях не должны перерастать в самосуд и расправу над задерживаемым лицом.

В связи с организацией народных дружин по охране общественного порядка особое значение приобретает вопрос о пределах правомерных действий дружинников, направленных к задержанию преступников. Поскольку дружинникам передаются в определенных рамках функции органов государственной власти по охране общественного порядка, то следует признать, что им должны принадлежать и соответствующие права как в отношении задержания преступников, так и в отношении применения необходимых мер по предупреждению возможных нарушений общественного порядка. Этот вопрос положительно разрешен в принятом в 1959 году Положении о добровольных дружинах по охране общественного порядка. Дружинник имеет право доставлять в случае необходимости граждан, нарушающих общественный порядок, в районный (городской) штаб дружины, в милицию или ближайший сельский Совет.

Из новых уголовных кодексов отдельных союзных республик этот вопрос предусмотрен в Уголовном кодексе Узбекской ССР 1959 года, ч. 3 ст. 13 которого определяет: «Действия, совершенные потерпевшим и другими лицами непосредственно после совершения посягательства с целью задержания преступника и доставления его соответствующим органам власти, являются правомерными и приравниваются к необходимой обороне, если они были необходимы для задержания и соответствовали опасности посягательства и обстановке задержания преступника». Такое же постановление содержится и в ч. 3 ст. 15 Уголовного кодекса УССР 1960 года.

в) Посягательство должно быть действительным. Совершенные в состоянии необходимой обороны действия лишь тогда устраняют общественную опасность совершенного, когда посягательство было реальным, существующим в действительности, а не только в воображении субъекта. Действия, предпринятые для отражения кажущегося нападения (так называемая мнимая оборона), должны рассматриваться в связи с общими правилами о значении фактической ошибки для установления формы вины данного лица. Лишь только при наличии такой фактической ошибки, которая исключает как умысел, так и неосторожность лица, может быть устранена и уголовная ответственность за действия, совершенные при мнимой обороне.

Мнимая оборона заключается в том, что лицо ошибочно считает, что происходит нападение, которого в действительности нет. Действие, учиненное в состоянии мнимой обороны, вызванной фактической ошибкой, не утрачивая своей объективной общественной опасности, не является, однако, умышленным преступлением. Оно может быть неосторожным, если субъект мог предвидеть, что в действительности нападения не происходило, или невиновным причинением вреда, если по обстоятельствам дела лицо не могло этого предвидеть.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 22 мая 1948 г. по делу С. не нашла состава преступления в действиях обвиняемого, который выстрелом из ружья ночью убил неизвестного в тот момент, когда тот бросился на него, выскочив из-за угла. До этого неизвестный забрался на чердак дома С. и после окрика С. (который, услышав шаги на чердаке, вышел на улицу) спрыгнул с чердака и спрятался за углом дома. У неизвестного, оказавшегося Фениным, как установило следствие, не было при себе какого-либо оружия, которым он мог угрожать жизни или здоровью С. Судебная коллегия в определении по этому делу указала: «Если даже предположить, что Фенин бросился на С. с целью напугать его или для того, чтобы избежать задержания, то и в этом случае, поскольку С. не предвидел и по обстоятельствам дела не должен был предвидеть, что в действительности на него не

происходит опасного для жизни нападения, он не может нести уголовной ответственности за совершенный акт мнимой обороны в силу своего добросовестного заблуждения, вызванного всем поведением потерпевшего».

Необходимость установления действительности посягательства для признания наличия необходимой обороны неосновательно оспаривается некоторыми советскими криминалистами. Так, В. Ф. Кириченко отвергает признак действительности нападения как якобы бесполезный, сводящийся к утверждению того, что «нападение должно быть нападением»¹. К этому взгляду присоединился и И. И. Слуцкий². Однако, как видно из изложенного, признак действительности нападения позволяет провести разграничение между необходимой обороной и так называемой мнимой обороной, ответственность за которую определяется не только по правилам о необходимой обороне, но и по правилам о фактической ошибке.

Вопрос о юридической квалификации действий, совершенных при мнимой обороне, нашел свое разрешение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г., где он отметил, что в ряде случаев за действия, совершенные в состоянии так называемой мнимой обороны, суды осуждают по закону, предусматривающему ответственность за умышленное преступление против личности, тогда как в таких случаях в зависимости от конкретных обстоятельств дела указанные действия могут рассматриваться лишь как совершенные по неосторожности или вообще не содержащие состава преступления.

В качестве примера ошибочного осуждения при наличии мнимой обороны в постановлении приводится дело рядового Ч., осужденного за умышленное убийство. Ч. был признан виновным в том, что, являясь старшим группы военнослужащих по розыску и задержанию бежавших из-под стражи преступников, он, не разобравшись ночью в обстановке, произвел из револьвера два выстрела по деревянной будке, в которой находились охранявшие огород Соколов с женой, в результате чего Соколов был легко ранен, а его жена убита. Как видно из материалов дела, Ч. и его подчиненные, следуя ночью по узкому переулку, без всякого предупреждения были обстреляны со стороны будки, находившейся в огороде. Выстрел был произведен в забор, у которого находились Ч. и его товарищи, причем отлетевшие щепки заделали Ч. по лицу. Как оказалось впоследствии, Соколов, заподозрив, что в огород лезут воры, без всякой необходимости произвел выстрел, чем создал у Ч. и его товарищей убеждение,

¹ См. В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне, стр. 35.

² См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 56.

что в них стреляют разыскиваемые преступники. Такое предположение имело под собой серьезные основания, так как Ч. был предупрежден о том, что разыскиваются опасные преступники, осужденные к длительным срокам лишения свободы и имеющие при себе оружие; к тому же находившиеся вместе с ним двое других военнослужащих при выстреле, произведенном Соколовым, покинув Ч., убежали. Таким образом, по делу было установлено, что, производя ответные выстрелы, Ч. добросовестно заблуждался, полагая, что отражает вооруженное нападение со стороны преступников.

Пленум Верховного Суда СССР признал, что при этих конкретных обстоятельствах действия Ч., являясь результатом стечения непредвиденных обстоятельств, по существу представляют собой несчастный случай и потому, несмотря на тяжесть последствий, не включают в себе состава преступления.

В связи с недопускаемыми в судебной практике ошибками при квалификации действий, совершенных при мнимой обороне, Пленум Верховного Суда СССР дал по этому вопросу судам следующее указание: «Суды должны различать состояние необходимой обороны и так называемой мнимой обороны, когда лицо не подвергается реальному нападению и лишь ошибочно предполагает наличие такого нападения. В этих случаях, в зависимости от обстоятельств дела, лицо может отвечать либо за неосторожные действия, либо вообще не подлежит привлечению к уголовной ответственности. Однако необходимо иметь в виду, что мнимая оборона исключает уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда вся обстановка происшествия давала достаточное основание полагать лицу, применившему средства защиты, что оно подвергается реальному нападению, и оно не сознавало ошибочность своего предположения». Наряду с этим Пленум указал на возможность привлечения к ответственности за превышение обороны: «...когда при мнимой обороне лицо причинило потерпевшему вред, явно превышающий пределы допустимого вреда в условиях соответствующего реального нападения, оно подлежит ответственности как за превышение пределов необходимой обороны».

Условия правомерности акта необходимой обороны, относящиеся к защите, сводятся к следующему:

а) Защита должна быть совершена путем причинения того или иного вреда нападающему. Она не должна быть направлена против третьих лиц. Защита каких-либо интересов путем причинения вреда не нападающему, а третьим лицам не является актом необходимой обороны. К ней применимы правила о крайней необходимости

сти. При осуществлении акта необходимой обороны не требуется, чтобы в результате защиты вред был причинен личности нападающего. Вред может быть причинен и его имущественным интересам. Защита при осуществлении акта необходимой обороны может выражаться в разнообразных формах причинения вреда нападающему: в лишении жизни, причинении тяжелых или легких телесных повреждений, нанесении ударов, в лишении свободы, в истреблении, повреждении, отобрании имущества, с помощью которого происходит преступное посягательство на потерпевшего, в повреждении имущества (например, костюма), которое было связано с причинением вреда личности нападающего. Обычно осуществление необходимой обороны непосредственно связано с причинением того или иного вреда личности нападающего.

Особенностью защиты при необходимой обороне является, таким образом, прежде всего ее активный характер, выражающийся в причинении вреда нападающему. Поэтому защита, выражающаяся лишь в отклонении нападения, парировании наносимого удара, не является еще осуществлением права необходимой обороны. И. И. Слуцкий в связи с этим уместно напомнил следующее высказывание К. Маркса в его письме к Ф. Энгельсу: «Кугельман смешивает оборонительную войну с оборонительными военными операциями. Таким образом, если какой-либо негодяй производит нападение на меня на улице, то я могу лишь парировать его удары, но не смею побить его, потому что превращусь тогда в нападающего. Отсутствие диалектики выпирает у всех этих людей из каждого слова»¹. Обороняющийся не превращается в нападающего, если он своими активными действиями причиняет вред нападающему, необходимый для отражения происходящего противоправного нападения.

Судебная практика иногда неосновательно суживала объем правомерных актов в действиях обороняющегося. Это вызвало справедливые нарекания нашей советской общественности. На страницах «Литературной газеты» в октябре 1955 года был опубликован фельетон писателя Николая Погодина «Необходимый предел обороны», где он выступил против имевших место в практике извращений при применении института необходимой обороны, приводивших к тому, что лицо, защищавшее себя, посторонних или своих близких от нападения преступников, рисковало «впутаться в историю» и стать «преступником, покушающимся на жизнь... хулиганов и бандитов»². В уже упоминавшемся постановлении от 23 октября 1956 г. Пленум Верховного Суда СССР с полным основанием разъяснил судам, что «в ин-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 385.

² «Литературная газета» 27 октября 1955 г.

тересах охраны общественного порядка закон предоставляет гражданам право активной защиты от хулиганов, грабителей, бандитов и иных преступников путем совершения действий, влекущих в других условиях уголовную ответственность, но являющихся правомерными при отражении нападения». Пленум отметил, что «суды в ряде случаев не учитывают этого требования и необоснованно осуждают лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов». Постановление Пленума Верховного Суда СССР приводит примеры такого необоснованного осуждения. Так, по делу З. было установлено, что он подвергся преследованию со стороны группы лиц, недоброжелательных тем, что он провозжал их знакомую девушку. Один из преследователей, воспользовавшись тем, что З. споткнулся и упал, навалился на него и стал душить. Защищаясь от нападающего, З. причинил ему тяжкое телесное повреждение, за что и был осужден народным судом. Верховный Суд СССР дело прекратил, учитывая, что З. действовал правомерно в состоянии необходимой обороны.

б) Защита допустима при отражении нападения на охраняемые правом интересы как коллективные, так и индивидуальные, как свои, так и чужие.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года допускал оборону лишь при посягательствах «на личность и права обороняющегося или других лиц» (ст. 49). Целесообразность этого постановления вызывала сомнения. Оно некритически воспроизводило обычные постановления о необходимой обороне буржуазных уголовных кодексов, которые рассчитаны на охрану лишь своих или чужих интересов личности либо имущественных интересов. Ограничение права необходимой обороны защитой лишь индивидуальных интересов отдельного гражданина соответствовало всей индивидуалистической идеологии буржуазного общества эпохи победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы с ее резким противопоставлением частных интересов интересам публичным. К охране публичных интересов, а по существу интересов эксплуататорских классов, отдельные личности как бы не имели касательства. Защита их являлась делом государственной власти.

Социалистическое уголовное законодательство должно принципиально иначе разрешать вопрос о круге интересов, которые могут быть защищены путем акта необходимой обороны.

Охрана интересов всего социалистического общества имеет для социалистического права не меньшее значение, чем охрана интересов отдельной личности. В нашем обществе нет антагонизма между интересами личности и интересами коллектива. Признавая правомерным акт, направленный на предотвращение нарушения тех или иных индивидуальных интересов путем причи-

нения вреда нападающему, тем более нужно признать правомерным акт, направленный на предотвращение нарушения интересов всего коллектива (например, участие в отражении какого-либо особо опасного государственного преступления, защита социалистической собственности от преступных посягательств на нее). Признание возможности защищать путем необходимой обороны интересы социалистического государства и иные общественные интересы имеет существенное воспитательное значение. Норма, допускающая такую оборону, прививает сознание, что интересы всего социалистического государства не являются для отдельного гражданина чем-то его не касающимся. Она усиливает солидарность трудящихся в борьбе за охрану завоеваний социалистической революции и содействует искоренению пережитков прошлого в сознании наших людей. Поэтому принципиально правильной являлась позиция Основных начал 1924 года, допустивших в ст. 9 охрану путем акта необходимой обороны также и коллективных интересов всего социалистического государства (Советской власти). Первоначальная редакция ст. 9 говорила о допустимости защиты путем акта необходимой обороны от нападения на Советскую власть и революционный правопорядок. ВЦИК в порядке законодательной инициативы вошел с ходатайством в ЦИК СССР об изменении этой статьи, считая, что допустимость обороны в таких случаях может явиться источником для произвола. ЦИК СССР второго созыва исключил из ст. 9 слова: «и революционный правопорядок», оставив только слова на «Советскую власть». Более развернуто этот вопрос нашел свое разрешение в ст. 13 Основ уголовного законодательства 1958 года, где указывается на допустимость защиты путем необходимой обороны интересов государства, социалистической собственности и иных общественных интересов.

Объектом обороны при посягательстве на личность гражданина могут быть жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, личная свобода, честь и достоинство потерпевшего. Однако следует отметить, что при посягательстве на честь и достоинство гражданина необходимая оборона может иметь место лишь в исключительных случаях, когда речь идет о нанесении оскорбления действием или попытке публично выставить написанные или напечатанные клеветнические сведения о потерпевшем.

Объектом обороны может быть не только социалистическая, но и личная собственность граждан. При этом право обороны возникает не только в тех случаях, когда посягательство на социалистическую или личную собственность связано с посягательством на личность (например, на сторожа, охраняющего социалистическую собственность, на лицо, в собственности которого находятся ценности, являющиеся объектом похищения), но и тогда, когда такое посягательство не было связано с посягательством на чью-либо личность. Поэтому при вторжении в

жилище, где находятся предметы личной собственности, или в магазин, склад и другое помещение, где находятся предметы социалистической собственности, возникает право на необходимую оборону, хотя бы попытка хищения была совершена явно без намерения применить насилие в отношении лиц, ведающих, охраняющих или пользующихся этим имуществом.

При преступном посягательстве на те или иные государственные интересы (например, похищение государственной тайны, попытка совершить иное тяжкое государственное преступление) право на оборону возникает также независимо от того, имело место или нет посягательство на личность того, кто охранял эти интересы.

Советское уголовное законодательство признает право обороны не только за тем, кто подвергается нападению, но и за всяким третьим лицом, явившимся свидетелем непосредственно преступного посягательства на интересы Советской власти, на социалистическую собственность, на личность или имущество отдельных граждан. В этом отношении судебные органы нередко допускали ошибки и неосновательно ограничивали право советских граждан на осуществление необходимой обороны, установленной в законе.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. вновь указало на такого же рода ошибки, допускаемые судебной практикой. Постановление отметило, что в некоторых случаях суды неправильно признают право обороны за лицом только в случае нападения на него самого, тогда как согласно закону граждане имеют право отражать нападение, совершенное и на других лиц. В качестве примера Пленум Верховного Суда СССР указал на приговор одного народного суда, который неосновательно осудил за тяжкое телесное повреждение Н., защищавшего свою сестру от избивавшего ее С. Вопреки требованиям закона народный суд не признал, что Н. действовал в состоянии необходимой обороны, и мотивировал это в приговоре тем, что С. лично на Н. не нападал.

Для осуществления акта обороны от нападения на другое лицо нет необходимости устанавливать согласие потерпевшего на такую защиту его третьими лицами. И. И. Слудский справедливо отмечал, что возможны случаи, когда подвергшийся нападению, не желая рисковать, предпочитает без сопротивления передать свое имущество разбойнику. Однако пресечение нападения другим лицом путем причинения вреда преступнику не исключает в действиях лица, пришедшего на подмогу, необходимой обороны вне зависимости от того, желал ли этого потерпевший или нет.

В законодательстве ряда буржуазных государств имеются существенные ограничения в возможности осуществления права

необходимой обороны для защиты других лиц от преступных посягательств.

в) Защита не должна превышать пределов необходимости.

Советское уголовное законодательство долгое время неопределенно не давало критерия для установления пределов необходимой защиты. Выработка его являлась задачей судебной практики и советской теории уголовного права. Во всяком случае, было очевидным, что для правомерности акта необходимой обороны по закону не требовалось пропорциональности между вредом, который был причинен преступнику, и тем вредом, который мог быть причинен осуществлением преступления. Для правомерности крайней необходимости советское уголовное законодательство (ст. 9 Основных начал 1924 г., ст. 13 УК РСФСР 1926 г., ст. 14 Основ уголовного законодательства 1958 г.) выдвигает положение, чтобы «причиненный при этом вред являлся менее значительным по сравнению с предупрежденным вредом». Для правомерности акта необходимой обороны закон считал это излишним. Вред преступнику может быть и более значительным по сравнению с тем вредом, наступление которого было предотвращено актом необходимой обороны. Требование, чтобы при необходимой обороне не было причинено преступнику более тяжкого вреда, чем тот вред, которого при этом избежал потерпевший (например, если бы нельзя было причинить телесного повреждения вору, лишить жизни лицо, пытающееся изнасиловать женщину, убить лицо, пытающееся похитить военную тайну, и т. д.), крайне облегчило бы совершение преступлений и по существу означало бы полную ликвидацию права на необходимую оборону. Судебная практика и теория советского уголовного права признавали, что пределы правомерной защиты при обороне должны определяться интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса.

В ст. 13 Основы уголовного законодательства 1958 года признали превышением пределов необходимой обороны явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства.

Необходимые средства обороны определяются прежде всего интенсивностью самого нападения. Там, где, судя по обстоятельствам дела, очевидно можно было защищаться от нападения относительно мягкими средствами, имеется превышение пределов необходимой обороны, если нападающему наносится тяжкое телесное повреждение или если его лишают жизни.

Примером правильного признания правомерности акта необходимой обороны может служить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 января 1953 г. о прекращении уголовного преследования против И. И., проходя по улице, услышал, как трое граждан — П., Б. и К., находившихся в нетрезвом

состоянии, выражались нецензурными словами. И. сделал им замечание, указав, что на улице находятся дети. П. начал избивать И., который бросился от него бежать. П. с приятелями побежал за ним, а потом схватил кусок кирпича и бросил его в И., но промахнулся. И., видя, что его настигают, схватил кирпич, брошенный П., и в свою очередь бросил его в П., причинив ему тяжкое телесное повреждение, от которого П. умер. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении указал, что так как И. оказался один против трех нападающих пьяных хулиганов, то мера самообороны, примененная им, по своему характеру соответствовала интенсивности нападения.

Вопрос о том, была ли действительная необходимость использовать для обороны примененное средство, решается судом на основе оценки всех обстоятельств дела в их совокупности. При этом советский суд не может не учитывать и характера защищаемых интересов, т. е. степени опасности самого посягательства.

Нельзя малоценные имущественные интересы защищать путем причинения серьезного вреда нападающему. Например, не будет необходимой обороны в убийстве лица, пытавшегося сорвать яблоко в чужом саду. Советский суд должен расценить такие действия как убийство из корыстных побуждений.

Но не будет превышения пределов необходимой обороны, если действительно нельзя было произвести защиту другим, более мягким способом в тех случаях, когда, например, гражданин, спасая свою жизнь, убивает нападающего; когда женщина, обороняясь от попытки ее изнасиловать, убивает насильника; когда гражданин, защищаясь от попытки вторжения бандита в его квартиру, стреляет и ранит или убивает его и т. д.

Требование, чтобы защита соответствовала характеру и опасности нападения, было специально подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. Пленум отметил ошибки судебной практики, выражающиеся в том, что суды, признавая подсудимого виновным в превышении пределов необходимой обороны, исходят механически лишь из тяжести наступивших последствий, не указывая, в чем конкретно выразилось превышение пределов необходимой обороны. В качестве примера приводилось следующее дело.

По приговору народного суда К. был осужден за убийство с превышением пределов необходимой обороны, совершенное при следующих обстоятельствах. К., работавший кладовщиком на винном заводе, увидел, что трое грузчиков избивают его сменщика Дедушкина, и поспешил ему на помощь. Схватив железный прут, он стал разгонять нападавших и нанес при этом Миронову, пытавшемуся задушить Дедушкина, который уже не мог оказывать сопротивления, несколько ударов по голове, от которых Миронов через некоторое время умер. Установив

приведенные обстоятельства, суд признал, что К. превысил пределы необходимой обороны, не указав, однако, в чем конкретно это выразилось. Верховный Суд СССР приговор отменил и дело по обвинению К. производством прекратил, признав, что он действовал правомерно, так как защищал жизнь Дедушкина. Верховный Суд признал, что К. после ряда попыток воздействовать на Миронова менее опасными средствами имел основание в создавшейся обстановке действовать указанным способом.

К сожалению, нельзя признать четким следующее указание Пленума Верховного Суда СССР, данное в том же постановлении: «Некоторые суды полагают, что защищающийся имеет право отразить нападение только соразмерными средствами, и без учета конкретных обстоятельств дела признают превышение пределов необходимой обороны в тех случаях, когда налицо нет соразмерности между актом нападения и актом защиты как в отношении средств защиты, так и наступивших последствий». Разумеется, для признания правомерности необходимой обороны не требуется пропорциональности, соразмерности между защищаемыми интересами и причиненным нападающему вредом, за исключением случаев защиты явно малоценных интересов. Однако соответствие средств защиты характеру нападения является обязательным для признания правомерности акта необходимой обороны. В этом отношении приведенная формулировка может дать повод к неправильному пониманию существа правомерности действий при необходимой обороне.

Если бы постановление Пленума Верховного Суда СССР указало, что при необходимой обороне нельзя требовать абсолютно точной соразмерности между актом нападения и актом защиты, тогда бы такое указание соответствовало правильному разграничению на практике правомерной защиты и превышения пределов необходимой обороны. Конкретный учет характера опасности, угрожавшей оборонявшемуся, его сил и возможностей должен раскрывать действительное соотношение между интенсивностью нападения и интенсивностью защиты в каждом конкретном случае.

Несмотря на недостатки отдельных формулировок, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. содействовало более правильному применению института необходимой обороны в судебной практике.

Для признания правомерности акта необходимой обороны других каких-либо условий не требуется. В частности, нет необходимости в том, чтобы создалась такая обстановка, при которой нельзя было бы спастись от нападения бегством или обратиться к помощи органов милиции, т. е. не требуется, чтобы за-

щита была единственным средством отращения опасности. Это требование явилось бы целесообразным лишь в случаях отражения нападения несовершеннолетних или заведомо для обороняющегося душевнобольных лиц. Во всех других случаях подобное сужение права необходимой обороны представляло бы ничем не оправдываемое ограничение общественно полезной деятельности защищающегося.

А. А. Герцензон считает, что для признания правомерности акта необходимой обороны защита должна быть единственно возможным в данных условиях средством отращения нападения¹. Такая позиция, как мы уже отмечали, не имеет в действительности опоры в нашем законодательстве. Фактически это означало бы существенное ограничение права наших граждан на оборону. Наша судебная практика не идет и не может идти по этому пути. Следование этим указаниям привело бы к неосновательному осуждению лиц, правомерно оборонявшихся от происходивших на них нападений со стороны преступников.

Ошибочный взгляд на этот вопрос проводит и Н. Н. Паше-Озерский, который выступает с утверждением, что если имеется какая-либо возможность устранить непосредственно грозящую опасность (путем обращения к органам власти, призыва сограждан на помощь и т. д.), то неиспользование такой возможности должно исключать право необходимой обороны². Совершенно очевидно, что подобное ограничение права необходимой обороны ставило бы в крайне затруднительное положение лиц, подвергшихся нападению³.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 23 октября 1956 г. справедливо указал, что отдельные суды, неправильно понимая закон, полагают, что лицо, подвергшееся нападению, не вправе активно защищаться, если имелась возможность спастись бегством. Пленум назвал эту точку зрения «чуждой советской морали и социалистическому правосознанию». Вот примеры таких ошибочных судебных приговоров, приводимые в указанном постановлении.

Народный суд Апшеронского района Краснодарского края осудил Б. за то, что он, отбиваясь от группы напавших на него грабителей, нанес им ножом телесные повреждения. Приговор повторил при этом соображения обвинительного заключения о том, что «защита ножом не только не вызывалась никакой необходимостью, но была совершенно излишней, ибо у Б. были все возможности бежать».

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Общая часть, стр. 270.

² См. Н. Н. Паше-Озерский, Основные вопросы учения о необходимой обороне, автореферат докт. диссертации, стр. 13.

³ Против указанных ограничений права необходимой обороны справедливо выступал И. И. Слуцкий (см. «Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность», стр. 63).

По делу Д., оправданного народным судом, было установлено, что, вырвавшись от избивавших его пьяных хулиганов и спасаясь от их преследования, он бросил в них поднятый с дороги камень, попал в одного из нападавших и причинил ему тяжелое телесное повреждение, повлекшее смерть. Верховный Суд РСФСР отменил оправдательный приговор, сославшись на то, что у Д. не было оснований бросать камень в нападавших, так как он успел добежать до общежития, где ему могли прийти на помощь другие лица. Верховный Суд СССР отменил определение Верховного Суда РСФСР, признав, что народный суд правильно оправдал Д., применившего правомерную защиту.

Провокация обороны. Если нападение было сознательно спровоцировано обороняющимся лицом для того, чтобы под видом обороны расправиться с нападающим, то подобную «оборону» нужно рассматривать не по правилам необходимой обороны, а на общих основаниях как единый преступный план совершения определенного умышленного преступления.

Превышение пределов необходимой обороны является действием общественно опасным, и поэтому оно включает в себя состав преступления. Однако совершение преступления в условиях превышения необходимой обороны является относительно менее опасным деянием, чем причинение того же вреда при отсутствии этих условий. Основы уголовного законодательства 1958 года в ст. 33 указывают в качестве смягчающего уголовную ответственность обстоятельства на то, что преступление было совершено «при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны» (п. 5).

Уголовные кодексы отдельных союзных республик в Особенной части рассматривают как менее опасное убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105 УК РСФСР 1960 г.), и как менее опасный вид тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения нанесение его при превышении пределов необходимой обороны (ст. 111 этого же кодекса).

Превышение пределов необходимой обороны может быть двух видов: 1) превышение необходимой обороны, вызванное несвоевременностью защиты — совершением оборонительных действий уже после окончания посягательства или после того, как опасность посягательства уже миновала, если принятые в отношении нападавшего меры не вызывались необходимостью задержания преступника;

2) превышение пределов необходимой обороны, вызванное несоразмерностью примененных средств защиты

сравнительно с характером происшедшего нападения.

В нашей литературе был высказан взгляд, что вообще не может иметь места превышение пределов необходимой обороны во времени. Так, В. Ф. Кириченко писал, что «при нарушении границ необходимой обороны во времени состояние необходимой обороны уже отсутствует вследствие отсутствия нападения; следовательно, в этих случаях... не может быть речи о превышении необходимой обороны»¹. К этому взгляду присоединился И. И. Слуцкий, считавший, что причинение вреда нападавшему при осуществлении несвоевременной защиты, как правило, должно влечь уголовную ответственность на общих основаниях за умышленное или неосторожное общественно опасное действие². Однако нам представляется, что указанные авторы правы лишь наполовину. В тех случаях, когда не было еще совершено какого-либо посягательства на интересы Советского государства, на общественные интересы, социалистическую собственность, на личность и права отдельных граждан, т. е. когда опасность посягательства не была еще наличной, нельзя говорить и о возникновении права на необходимую оборону. Поэтому причинение вреда лицу, которое может лишь в будущем совершить нападение, нельзя рассматривать как превышение пределов необходимой обороны. Превышение обороны при ее несвоевременности может иметь место лишь тогда, когда преступное посягательство имело место в действительности, а потому и существовало право на необходимую оборону у потерпевшего или других лиц, но преступник уже прекратил нападение: опасность нападения миновала или преступный результат уже был полностью осуществлен. В этих случаях при определенных условиях можно говорить и о превышении пределов необходимой обороны. Превышение пределов необходимой обороны в этих случаях по мотивам несвоевременности признается нашей судебной практикой.

Так, Верховный Суд СССР в определении от 16 февраля 1929 г. по делу С. и С-ва, преданных суду за нанесение тяжких телесных повреждений Корякину, отменил вынесенный судом оправдательный приговор в отношении их. При этом Верховный Суд указал: «Как приговором, так и материалами дела установлено, что Корякину кем-то из подсудимых был нанесен смертельный удар ножом уже после того, как он был сшиблен с ног, и после того, как у него нож был отнят и он никакой опасности для обвиняемых не представлял... При таких усло-

¹ В. Ф. Кириченко, Превышение пределов необходимой обороны, «Советское государство и право» 1947 г. № 5, стр. 24.

² См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, стр. 74.

виях можно говорить или о нанесении смертельных повреждений, предусмотренных ч. 2 ст. 142 УК (1926 года.—А. П.), или о превышении необходимой обороны (ст. 139), но не об оправдании». Таким образом, в этом определении Судебная коллегия принципиально признавала возможным превышение необходимой обороны по причине ее несвоевременности.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 мая 1945 г. по делу С. и других, осужденных за умышленное убийство, признало, что превышение необходимой обороны имело место, когда преступник прекратил посягательство. Пленум указал, что «действия обвиняемых, повлекшие смерть Козлова, были ими предприняты уже после обезоружения последнего, когда непосредственная опасность с его стороны уже миновала, но именно это обстоятельство и давало основание квалифицировать эти действия как убийство в результате превышения пределов необходимой обороны, так как одним из видов такого превышения является превышение пределов необходимой обороны в результате ее несвоевременности». Из обстоятельств дела было видно, что хотя нападающий был обезоружен, но у обвиняемых были все основания полагать, что он еще может возобновить нападение.

Таким образом, превышением пределов необходимой обороны вследствие ее несвоевременности следует признать применение средств защиты непосредственно после того, когда опасность преступного посягательства уже миновала или оно полностью было окончено, но обороняющийся находится еще под впечатлением произведенного нападения.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» стремилось устранить неосновательное привлечение к уголовной ответственности за превышение необходимой обороны по мотивам несвоевременности, когда в действительности лицо осуществляло правомерно необходимую оборону. Пункт 4 этого постановления гласит: «Равным образом суды не должны формально подходить к признанию превышения пределов необходимой обороны по мотивам несвоевременности ее применения. Состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент нападения, но и в тех случаях, когда налицо реальная угроза нападения. Точно так же состояние необходимой обороны не может считаться устраненным и в том случае, когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом хотя бы и оконченного нападения, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения». При этом, к сожалению, Пленум Верховного Суда СССР не определил, может ли иметь место и при каких условиях превышение необходимой обороны по мотивам ее несвоевременности. На

основании приведенной выдержки из постановления Пленума Верховного Суда СССР можно сделать вывод, что Пленум допускает превышение пределов необходимой обороны по мотивам несвоевременности лишь в тех случаях, когда оборона последовала непосредственно за актом нападения и обороняющийся, хотя и осознал его окончание, но еще полностью находился под впечатлением произведенного нападения. От превышения пределов необходимой обороны по ее несвоевременности следует отличать месть преступнику за совершенное нападение. Указанное постановление Пленума Верховного Суда СССР по этому вопросу говорит: «Не признаются законом совершенными в состоянии необходимой обороны действия лица, подвергшегося нападению, повлекшие тяжкие последствия для нападающего, лишь в том случае, если они были совершены уже после того, как нападение было предотвращено или окончено и в применении средств защиты уже явно миновала необходимость, и, следовательно, эти действия выступали как акты мести — самоchinной расправы. В этих случаях ответственность наступает на общих основаниях как за умышленное преступление».

Превышение пределов необходимой обороны, вызванное несоответствием примененных средств защиты сравнительно с характером происшедшего нападения, — наиболее часто встречающийся случай превышения необходимой обороны. Установление явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства, что требует ст. 13 Основ уголовного законодательства, связано с внимательным изучением всех конкретных условий, в которых осуществляется акт необходимой обороны. При этом следует учесть степень опасности нападения, близость его осуществления, силу и стремительность, характер тех средств, которые избрал нападающий, и т. п. При определении степени опасности нападения существенное значение имеет и сам объект посягательства. И. И. Слудский правильно считает, что если убийство диверсанта в момент покушения на совершение диверсии является правомерным, то убийство вора в момент покушения на карманную кражу явно не будет соответствовать по своему характеру опасности посягательства. Для определения степени интенсивности нападения существенное значение имеют средства нападения и способ, каким осуществляется нападение. Разбойное нападение, связанное с насилием, опасным для жизни и здоровья, является более интенсивным, чем открытое похищение имущества без насилия над личностью. Вооруженное нападение на граждан является более интенсивным и опасным, чем невооруженное. Однако при определенных условиях и невооруженное нападение (например, нападающий душил потерпевшего) по своей интенсивности может не уступать вооруженному нападению.

В соответствии со ст. 13 Основ уголовного законодательства лишь неиспользование явной возможности в данной конкретной ситуации осуществить оборону менее опасными средствами означает наличие превышения пределов необходимой обороны.

Соответствие интенсивности защиты интенсивности нападения вовсе не означает соответствия средств защиты тем средствам, которые использует преступник при нападении. Это находит свое признание и в практике Верховного Суда СССР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 18 августа 1945 г. по делу П., осужденного за превышение необходимой обороны по ст. 139 УК 1926 года, не нашла состава преступления в его действиях. П. нанес смертельный удар кинжалом Петрову в момент нападения его на женщину и старика, хотя Петров нападал без оружия. Коллегия признала в своем определении, что «оборона П. была своевременной и по интенсивности и угрозе соответствовала интенсивности угрозы нападения».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» вопросу о превышении пределов необходимой обороны в связи с характером защиты посвятил специальный пункт: «Разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды не должны механически исходить из требования соразмерности средств защиты и нападения, а должны учитывать как степень и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения. При решении этого вопроса необходимо учитывать то обстоятельство, что в случаях душевного волнения, вызванного нападением, его внезапностью, обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что, естественно, может иногда повлечь и более тяжкие последствия, за которые он не может нести ответственности». Это указание вызывает некоторые возражения. Представляется не вполне обоснованным противопоставление соразмерности интенсивности защиты и нападения степени опасности, угрожающей обороняющемуся. Опасность, угрожающая обороняющемуся, характеризует как раз интенсивность нападения. Сила нападения и возможность его отражения должны приниматься во внимание для характеристики соответствия интенсивности нападения и интенсивности обороны. Можно согласиться с Пленумом Верховного Суда СССР, что отсутствует превышение пределов необходимой обороны в тех случаях, когда несоответствие средств защиты вызвано душевным волнением обороняющегося. Однако явное несоответствие средств защиты нападению все же является превышением пределов необходимой обороны.

Вопрос о понимании субъективной стороны превышения пределов необходимой обороны различно решается в нашей литературе. Во всех изданиях учебника Общей части уголовного права мы рассматривали превышение пределов необходимой обороны как деятельность умышленную. Причинение какого-либо вреда по неосторожности при превышении пределов необходимой обороны должно влечь за собой уголовную ответственность на общем основании за неосторожное совершение преступления. Такой же точки зрения придерживается и М. Д. Шаргородский. Он справедливо писал, что «закон понимает под убийством с превышением предела необходимой обороны только умышленное убийство»¹. Иную позицию в этом вопросе занимает В. Ф. Кириченко. Он считает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны может быть и неосторожным и что умышленное превышение пределов необходимой обороны якобы не может служить смягчающим вину обстоятельством². Это он обосновывает тем, что хотя причиненный при этом вред и составляет превышение необходимой обороны, однако субъективная деятельность защищавшегося направлена не на отражение нападения, а на совершение преступления. С этими положениями нельзя согласиться. Указанный взгляд противоречит и прямому смыслу постановлений советского уголовного законодательства, согласно которым совершение преступления в условиях превышения пределов необходимой обороны признается обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность. И. И. Слуцкий также придерживался точки зрения, что превышение пределов необходимой обороны может быть совершено и умышленное, и по неосторожности³. Судебная практика исходит из того, что превышение пределов необходимой обороны предполагает деятельность умышленную. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 11 июля 1940 г. по делу Т. указала, что «убийство с превышением пределов необходимой обороны есть умышленное убийство, т. е. такое убийство, когда совершающий последнее предвидит и желает или сознательно допускает это убийство». Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 9 января 1953 г. по делу И. признал, что, отвергая наличие умысла на лишение жизни, суд не мог квалифицировать действие как убийство с превышением пределов необходимой обороны.

¹ М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 90.

² См. В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве, стр. 76—77.

³ См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 82.

Субъективная сторона совершенного преступления характеризуется особыми мотивами, дающими основание рассматривать превышение пределов необходимой обороны как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность. Мотивом здесь является, как и при совершении акта необходимой обороны, стремление защитить свои или чужие личные или общественные интересы или Советскую власть. По этим субъективным мотивам нетрудно провести различие между превышением необходимой обороны и местью преступнику за совершенное преступление после того, как защищающийся вполне осознал, что опасность преступного посягательства на него миновала. По этим же мотивам следует различать и совершение преступления при превышении пределов необходимой обороны от совершения преступления в состоянии сильного душевного волнения под влиянием насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего.

Например, убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения под влиянием произведенного насилия, может быть квалифицировано как убийство при превышении пределов необходимой обороны в тех случаях, когда его мотивом была защита, хотя и чрезмерная, от происходящего нападения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 8 мая 1946 г. по делу Б. указала, что убийство, хотя и совершенное в состоянии возникшего душевного волнения, но явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны от насилия, примененного потерпевшим, надлежит квалифицировать как убийство с превышением пределов необходимой обороны¹.

Наличие превышения пределов необходимой обороны должно выступать в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность за совершенное общественно опасное деяние. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 23 октября 1956 г. признал возможным дать судам указание, что и за более тяжкие последствия, чем те, которые соответствуют осуществлению права необходимой обороны, лицо не несет ответственности, поскольку это было вызвано душевным волнением обороняющегося и внезапностью нападения. Целесообразно было бы в ряде случаев превышения пределов необходимой обороны ориентировать суд на применение условного осуждения или на мотивированное снижение наказания ниже низшего предела карательной санкции. Формулировка, которая дана в по-

¹ Правильные соображения о мотиве при совершении превышения акта необходимой обороны см. у И. И. Слуцкого («Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность», стр. 83—84).

становлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. относительно ответственности за превышение пределов необходимой обороны, нуждалась бы в уточнении и дополнении.

Уголовные кодексы стран народной демократии содержат в Общей части постановления о необходимой обороне, допустимой при защите от посягательств на народно-демократическую власть, социалистическую собственность, права и интересы отдельных граждан.

В § 8 Уголовного кодекса Чехословацкой Социалистической Республики содержится постановление, что деяние, в иных случаях наказуемое, совершенное для отвращения нападения на народно-демократическую республику, ее социалистическое строительство, интересы трудящихся или отдельной личности, не является преступным, если: а) возникла непосредственная угроза нападения или оно уже началось и б) оборона была соразмерна нападению.

Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики в ст. 15 определяет институт необходимой обороны как правомерное действие, направленное против противозаконного нападения или угрозы незаконным и непосредственным нападением против общества, личности и имущества обороняющегося или других лиц. Не влечет наказания превышение пределов необходимой обороны, совершенное под влиянием страха или могущего быть оправданным раздражения.

Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии в ст. 5 определяет, что деяние не является общественно опасным, если оно совершено в состоянии необходимой обороны для отражения непосредственного и противоправного нападения, направленного против власти или против отдельной личности или имущества обороняющегося либо другого лица. Не наказывается деяние, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, если лицо действовало в состоянии испуга или волнения.

Постановления о необходимой обороне встречаются уже в древних памятниках права, хотя они и сливаются здесь еще с постановлениями о мести или праве на убийство. В памятниках русского права постановления о необходимой обороне содержались уже в договоре Олега с греками. «Русская правда» разрешила убивать вора. Подробные постановления о необходимой обороне, хотя и в очень казуистической форме, содержались в Уложении 1649 года. Объем права необходимой обороны по этому Уложению обрисован весьма широко. В частно-

сти, оно разрешало убивать всякого, насильно врывающегося в чужой дом, прибавляя при этом нравоучительно: «а кого он убьет, и ему то убийство учиниться от себя: не приезжай в чужой дом насильством» (ст. 201).

Воинский устав Петра I содержал достаточно развитые постановления о необходимой обороне. Он допускал «нужное оборонительное сопротивление для обороны живота своего учинит, и оно, кто его к сему принудит, убьет, оный от всякого наказания свободен». Для правомерности обороны Воинский устав требовал, чтобы была подлинная опасность нападения на личность. При этом Устав позволял «таким же образом обороняться, каким образом кто от кого нападен будет». Уложение о наказаниях 1845 года рассматривало необходимую оборону как дополнение к деятельности полиции. Поэтому оно допускало необходимую оборону лишь тогда, когда нельзя было прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства и нападению подвергались жизнь, здоровье или свобода обороняющегося, нападение было произведено воров или разбойником или нападающий вторгся насильно в жилище обороняющегося. Необходимая оборона допускалась и в случае, когда застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник силой противился задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения. Уложение о наказаниях возлагало на обороняющегося обязанность обо всех обстоятельствах и последствиях необходимой обороны немедленно объявить соседним жителям, а при первой возможности — и ближайшему начальству (ст. 107). Оборона признавалась также необходимой со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь (ст. 108). Во всех указанных случаях употребление мер необходимой обороны дозволялось не только для своей собственной защиты, но и для защиты других, находящихся в таком же положении (ст. 109). Уголовное уложение 1903 года в ст. 45 давало более обобщенную формулировку понятия необходимой обороны. Оно определяло, что «не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица». В постановлениях царского уголовного законодательства о необходимой обороне нашли свое выражение реакционные положения феодально-абсолютистской идеологии, рассматривавшей оборону не как право личности гражданина, а как лишь допустимое при известных условиях дополнение к деятельности полиции по борьбе с преступностью.

Буржуазное уголовное законодательство не всегда содержит обобщенные постановления о необходимой обороне.

Французский уголовный кодекс 1810 года не содержит в Общей части постановлений о необходимой обороне. Вопрос о необходимой обороне регулируется им при рассмотрении убийства и телесных повреждений, т. е. таких посягательств на личность, при которых наиболее часто выражается акт необходимой обороны. Кодекс в ст. 328 определяет: «Нет ни преступления, ни проступка, если лишение жизни, раны или удары были вызваны наличием законной необходимой обороны самого себя или другого лица». Кроме того, в силу ст. 329 считается также законной необходимой обороной причинение смерти, раны или ударов для отражения попытки проникнуть ночью в дом или жилое помещение, перелезть через ограду, взломать ограду или стену, для защиты от ограбления или насильственного похищения. Это постановление Французского уголовного кодекса по существу может узаконить самосуд и расправу частного собственника над любым лицом, самовольно проникшим за ограду его владений.

Утверждению неограниченного права частного собственника служат архаические и запутанные постановления о необходимой обороне английского уголовного права. В английском уголовном законодательстве отсутствует общее понятие необходимой обороны. Ответственность при необходимой обороне определяется в отдельных законах. Допускается лишение жизни нападающего для предупреждения всех насильственных посягательств, носящих характер «felony» (убийство, изнасилование, разбой, вторжение в жилище, поджог и т. д.). Для признания правомерности обороны от указанных преступлений закон не ставит условием невозможность спастись бегством. Допускается оборона не только со стороны потерпевшего, но и со стороны других лиц. При других насильственных нападениях лишение жизни при обороне допустимо лишь для защиты самого себя и узкого круга своих близких. Убийство при этом должно быть единственным средством спасения от опасности; в случае возможности каким-либо иным путем избежать нападения, например спастись бегством, совершенное убийство не является правомерным. Защита, которая не выражается в убийстве нападающего или причинении тяжкого телесного повреждения, допустима при всяком противоправном нападении на обороняющегося. Множественность отдельных взаимно несогласованных условий правомерности акта необходимой обороны в английском уголовном праве предоставляет суду право широкого усмотрения в определении правомерности акта необходимой обороны.

Буржуазная теория уголовного права разрешает защиту незначительного блага самыми крайними средствами, если оно другими средствами обороны не могло быть защищено от данного нападения (например, убийство ребенка, пытавшегося сорвать в чужом саду яблоко). Допустимость признания в подоб-

ных случаях по буржуазному праву наличия необходимой обороны есть не что иное, как проведение на практике «морали убийц».

В постановлениях о необходимой обороне буржуазного уголовного законодательства нашла свое выражение эгоистическая идеология частного собственника, требующая широких пределов обороны для защиты интересов частной собственности. Живая ссылка на якобы имевшую место необходимую оборону нередко используется буржуазным судом для оправдания самых гнусных убийств и насилий над трудящимися, совершаемых полицией и фашистскими головорезами.

§ 3

Крайняя необходимость¹

Крайняя необходимость есть такое положение лица, в котором оно только путем совершения какого-либо по внешнему характеру преступного действия, не заключающего в себе признаков необходимой обороны, может предотвратить грозящую опасность для каких-либо охраняемых законом интересов. Случаи крайней необходимости являются, таким образом, столкновением двух охраняемых правом интересов, где сохранение одного может быть достигнуто лишь путем нарушения другого. Эти случаи весьма разнообразны: колхозник взламывает амбар соседа для того, чтобы достать ведра для тушения возникшего пожара; капитан корабля при кораблекрушении выбрасывает часть груза в море, чтобы спасти судно; врач не является в качестве эксперта в суд, так как должен в это время производить неотложную операцию; кто-либо под угрозой лишения жизни отдает бандитам вверенное ему государственное или общественное имущество и т. д.

Сохранение одного интереса путем нарушения другого не всегда исключает общественную опасность деяния. Преступность совершенного в этих случаях исключается лишь при наличии ряда условий, которые характеризуют действие как лишенное признаков общественной опасности.

В советском уголовном законодательстве о крайней необходимости впервые упоминал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года.

¹ С. А. Домахин, Крайняя необходимость по советскому уголовному праву, М., 1956; А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954, стр. 86—87; И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 90—117; М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 102—106.

В ст. 20 он признавал ненаказуемым деяние, «совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраняемым благом». Здесь крайняя необходимость относилась лишь к случаям спасения личных и имущественных интересов отдельного гражданина. Более широко очерчивали пределы применимости института крайней необходимости Основные начала 1924 года. В ст. 9 они, определяя условия, при наличии которых акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, не влечет применения наказания, говорили вообще о действиях, предусмотренных уголовным законом, когда они были совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 13 воспроизводил это положение Основных начал. Основы уголовного законодательства 1958 года при обрисовке крайней необходимости на первое место ставят защиту государственных и общественных интересов. В ст. 14 они определяют: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

Таким образом, по действующему уголовному законодательству крайняя необходимость может устранить преступность совершенного не только для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или чужого, но и для спасения любых коллективных интересов — интересов Советского государства, общественных интересов, защищаемых советским уголовным законом. Тем самым крайняя необходимость в советском праве приобретает особое социально-политическое содержание. Она применяется не только для разграничения преступных и не преступных действий с точки зрения социалистического права, но и служит делу коммунистического воспитания граждан в духе общественной солидарности и всемерной борьбы за охрану общественных и государственных интересов.

Акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, является действием правомерным с точки зрения уголовного права.

Большинство советских криминалистов признают, что состояние крайней необходимости исключает общественную опасность деяния, а тем самым и его противоправность. Как действие правомерное оно не включает в себе состава преступления. Такая точка зрения проводилась нами во всех изданиях учебника по Общей части уголовного права. Иной взгляд на природу крайней необходимости развивал А. Н. Трайнин. Он полагал, что состояние крайней необходимости не исключает общественной опасности деяния, однако оно исключает противоправность совершенного. «Поскольку состояние крайней необходимости имеет место, как указано выше, при столкновении двух правомерных интересов, правовая природа крайней необходимости не может быть признана такой же, как правовая природа необходимой обороны. Поэтому нет основания признавать, что крайняя необходимость, подобно необходимой обороне, устраняет общественную опасность совершенного в этом состоянии действия. С другой стороны, не может вызвать сомнений, что состояние крайней необходимости исключает уголовную ответственность. Отсюда необходимо сделать вывод, что состояние крайней необходимости исключает противоправность совершенных в этом состоянии действий. Именно поэтому закон выдвигает особого рода условия, необходимые для признания правомерности действий лица, совершенных в состоянии крайней необходимости»¹. Указанные положения А. Н. Трайнина вызвали справедливые возражения. И. И. Слуцкий правильно отмечал, что правовая природа поведения человека, вызванного необходимой обороной или крайней необходимостью, является одинаковой, так как и в том, и в другом случае оно является общественно полезным, а потому и непротивоправным². С. А. Домахин правильно показал, что в основе рассуждений А. Н. Трайнина о природе крайней необходимости лежал необоснованный отрыв противоправности от общественной опасности деяния. Общественная опасность есть материальное содержание противоправности. Поэтому действие, общественно опасное, не может не быть одновременно и противоправным. Несмотря на имеющееся различие между этими двумя институтами, как необходимая оборона, так и крайняя необходимость являются обстоятельствами, исключающими общественную опасность и противоправность совершенного деяния³. Основы уголовного законодательства, указывая в ст. 14, что действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, не является преступлением, тем самым признают, что

¹ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 341—344.

² См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 92.

³ См. С. А. Домахин, Крайняя необходимость по советскому уголовному праву, стр. 19.

крайняя необходимость устраняет состав преступления в действиях лица, является обстоятельством, исключаящим общественную опасность (и противоправность) деяния.

Условия правомерности крайней необходимости относятся и к грозящей опасности и к самой защите от нее. Эти условия должны быть определены в соответствии с требованиями советского закона и социалистического правосознания.

Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к грозящей опасности, сводятся к следующему:

а) Источник опасности может быть самый разнообразный: действия человека (например, нападение на личность), стихийные силы природы (например, наводнение), одновременное стечение необходимости выполнения различных обязанностей и т. д. В тех случаях, когда источником опасности являются действия человека, разумеются лишь действия противоправные. Поэтому не может иметь места ссылка на состояние крайней необходимости при защите от правомерных действий должностных лиц, при защите от правомерной необходимой обороны и т. д. При противоправном нападении, как мы уже указывали в предыдущем параграфе, защита путем причинения вреда нападающему есть необходимая оборона, а защита путем причинения вреда интересам третьих лиц есть акт крайней необходимости¹. Защиту от нападения кому-либо принадлежащих животных (например, чужой собаки) путем причинения вреда животному следует рассматривать по правилам о крайней необходимости, так как в этих случаях нет противоправного нападения, исходящего от действий какого-либо лица. Однако случаи, когда защищаются от животного, натравленного его владельцем на потерпевшего, причиненный животному вред следует рассматривать как необходимую оборону. Здесь опасность проистекает от сознательного нападения на потерпевшего со стороны владельца животного и вред причиняется его имуществен-

¹ Такой же точки зрения держится и В. Ф. Кириченко («Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве», стр. 28). Против этого выступает С. А. Домахин. Он считает, что действия, совершаемые в состоянии крайней необходимости, также могут быть направлены не только против третьих лиц, но в некоторых случаях и против нападающего, когда им является лицо невменяемое, малолетнее или лицо, действующее под влиянием фактической ошибки (см. С. А. Домахин, Крайняя необходимость по советскому уголовному праву, стр. 42). Нам представляется, что и в этих случаях имеет место необходимая оборона. Но, как мы уже указывали, когда обороняющийся знает, что на него нападает невменяемый, малолетний или лицо, действующее под влиянием фактической ошибки, обороняющийся должен действовать с особой осмотрительностью.

ными интересам¹. Крайняя необходимость может иметь место не только тогда, когда опасность проистекает от активных действий лица, но и тогда, когда опасность создается в результате бездействия лица, обязанного совершить определенные действия.

Опасность, порождающая состояние крайней необходимости, может быть создана угрозой причинения вреда определенному лицу. Типичный пример, который мы приводили уже выше, — когда кассир под непосредственной угрозой лишения жизни отдает нападающему находящиеся у него государственные или общественные средства. Против этого положения в нашей литературе выступал А. Н. Трайнин. «Некоторые авторы, — пишет он, — имея в виду наши высказывания на этот счет в учебнике Общей части уголовного права, относят к крайней необходимости также и случаи, возникающие в связи с нападением. Так, признается наличие крайней необходимости в действиях кассира, который под угрозой смерти передает нападающему кассовую наличность (см. «Уголовное право. Общая часть», стр. 230). Здесь, однако, наказание в отношении жертвы нападения не применяется не потому, что имеется крайняя необходимость, а потому, что нет самого «действия» в смысле уголовного права: кассир повинует под угрозой смерти, как слепой исполнитель воли нападавшего, как орудие в его руках, и именно поэтому может встать вопрос о неприменении наказания². Против этих положений А. Н. Трайнина справедливо выступает С. А. Домахин³. Точка зрения А. Н. Трайнина не нашла себе подтверждения в постановлениях действующего советского уголовного права. Пункт 3 ст. 33 Основ уголовного законодательства говорит об угрозе как обстоятельстве, смягчающем ответственность за совершенное под ее воздействием преступление. Поэтому сам по себе факт угрозы не устраняет уголовной ответственности лица, действовавшего под ее влиянием, а лишь смягчает его ответственность. Это относится и к угрозе смертью. Угроза смертью сама по себе не устраняет уголовной ответственности за действия, совершенные под ее влиянием. Например, угроза смертью, которая может быть реализована лишь в будущем, не устраняет уголовной ответственности за совершенную под ее воздействием передачу государственного имущества третьим лицам. Чтобы угроза смертью устранила уголовную ответственность за совершенное под ее воздействием деяние,

¹ Так же решают этот вопрос С. А. Домахин («Крайняя необходимость по советскому уголовному праву», стр. 23) и И. И. Слуцкий («Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность», стр. 50).

² А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 313.

³ См. С. А. Домахин, Крайняя необходимость по советскому уголовному праву, стр. 35—36.

требуется наличие всех условий состояния крайней необходимости как обстоятельства, исключающего уголовную ответственность.

б) Опасность должна быть наличной. Только такая опасность создает между охраняемыми законом интересами столкновение, при котором сохранение одного может быть совершено лишь путем нарушения другого. Как будущая, так и уже миновавшая опасность не может создать состояния крайней необходимости¹. В тех случаях, когда на лице лежала специальная обязанность бороться с опасностью, ее наличие не может, конечно, служить основанием ссылки на состояние крайней необходимости для спасения тех личных интересов, рисковать которыми данное лицо было обязано в борьбе с этой опасностью. Поэтому пожарный не имеет права уклониться от тушения пожара, ссылаясь на то, что это было единственным способом избежать возможных ожогов. Военнослужащий совершает тяжкое преступление, когда для уклонения от грозящей опасности покидает во время боя поле сражения, сдается в плен врагу и т. п. Всякое нарушение военнослужащим обязанности военной службы из страха личной опасности должно влечь за собой его ответственность, установленную в законе за данный вид нарушения воинского долга.

в) Опасность должна быть действительной, т. е. реально существующей, а не мнимой. Мнимая опасность не может исключить общественной опасности действий, совершенных якобы в силу акта крайней необходимости. Уголовная ответственность лица, нарушившего чужой интерес при наличии мнимой опасности, должна обсуждаться по общим правилам о влиянии фактической ошибки на форму вины.

Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к защите, сводятся к следующему:

а) Акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, может быть совершен для защиты любого, своего или чужого, индивидуального или коллективного правомерного интереса. Путем акта крайней необходимости могут защищаться: жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, достоинство личности, личная свобода, имущество как свое, так и чужое. Путем акта крайней необходимости могут защищаться и любые коллективные интересы: интересы Советского государства, об-

¹ Иной взгляд защищает С. А. Домахин («Крайняя необходимость по советскому уголовному праву», стр. 33). Он полагает, что будущая опасность может создать состояние крайней необходимости, когда речь идет о неизбежной опасности или об опасности, характеризующейся значительной степенью вероятности.

щественные интересы, интересы социалистической собственности. Возможна ссылка на состояние крайней необходимости, если при выполнении какой-либо публичной обязанности, например, обязанности явиться в суд в качестве эксперта, нарушены какие-либо менее важные интересы отдельных лиц, государственных или общественных интересы. Путем акта крайней необходимости можно защищать лишь правомерные интересы. Защита путем акта крайней необходимости интересов, которые не охраняются законом, не может быть признаваема правомерным действием.

б) Крайняя необходимость устраняет общественную опасность совершенного действия лишь в тех случаях, когда грозящая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами. Это условие правомерности крайней необходимости выставляется потому, что при крайней необходимости опасность с одного защищенного законом интереса переносится на другой интерес, пользующийся такой же охраной закона. Подобный способ спасения оказывается не общественно опасным, а правомерным лишь тогда, когда он является крайним, исключительным средством (крайняя необходимость) спасения данного блага. Поэтому, если можно было избежать опасности другими средствами, без причинения какого-либо ущерба, например бегством, то совершение акта крайней необходимости в этих условиях не устраняет его общественной опасности. Этим условием крайняя необходимость отличается от необходимой обороны. Требование этого условия для признания правомерности крайней необходимости четко выражено в ст. 14 Основ уголовного законодательства: действие, совершенное для устранения опасности, не является преступлением, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами.

Сказанное, разумеется, не следует понимать в том смысле, что в распоряжении лица, действовавшего в состоянии крайней необходимости, нет вообще другого средства спасения от грозящей опасности. Но сказанное означает, что в его распоряжении нет средства, которое бы не причинило какого-либо ущерба другим охраняемым законом интересам¹.

в) Крайняя необходимость устраняет общественную опасность совершенного деяния лишь в тех случаях, когда причиненный им вред менее того возможного вреда, который

¹ В учебниках *Общей части уголовного права* нами говорилось, что при крайней необходимости способ спасения определенных благ от опасности должен быть единственным средством спасения. На эту неточность справедливо указал С. А. Домахин («Крайняя необходимость по советскому уголовному праву», стр. 45).

был предотвращен. Требование пропорциональности между защищаемым и нарушаемым благом при крайней необходимости вызывается тем, что с объективной стороны совершенное действие может быть признано не социально опасным лишь тогда, когда актом крайней необходимости устраняется больший вред путем причинения меньшего. Вопрос, какие блага более ценны и какие менее ценны, разрешается в каждом отдельном случае в зависимости от всей конкретной обстановки события. При защите индивидуальных интересов могут быть нарушены менее важные коллективные или индивидуальные интересы, как и при защите коллективных интересов могут быть нарушены менее важные индивидуальные или коллективные интересы.

Вред, причиненный при крайней необходимости, должен быть меньше того вреда, который был избежит благодаря осуществлению акта крайней необходимости. Однако вовсе не обязательно, чтобы причиненный вред был обязательно наименьшим из того возможного вреда, который мог быть причинен для отращения наличной опасности. Поэтому нельзя согласиться с В. Ф. Кириченко, когда он пишет: «У лица, находящегося в состоянии крайней необходимости, может быть несколько вариантов отражения опасности путем причинения вреда, если оно в данной обстановке неизбежно. Из имеющихся вариантов лицо должно избрать тот, который ведет к причинению наименьшего вреда. Поэтому правомерность причинения вреда определяется не тем только, что оно является единственно возможным средством отражения опасности, но также и тем, что причиненный вред является наименьшим»¹. Это положение он обосновывает тем, что «причиненный вред вообще может быть оправдан лишь в тех случаях, когда он является неизбежным»². Это положение В. Ф. Кириченко, не вытекающее из указаний закона, не встретило поддержки у других советских криминалистов. С. А. Домахин правильно отмечает, что из неизбежности причинения вреда как средства отращения опасности вовсе не вытекает, что этот вред должен быть наименьшим³.

И. И. Слуцкий также выступал против выставленного В. Ф. Кириченко положения, считая, что это создавало бы возможность оспаривать наличие крайней необходимости, несмотря на установление всех, предусмотренных в законе признаков этого института⁴.

¹ В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, стр. 87.

² Там же.

³ См. С. А. Домахин, Крайняя необходимость по советскому уголовному праву, стр. 48.

⁴ См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 104.

При решении вопроса о том, какой вред является большим, предотвращенный или причиненный в состоянии крайней необходимости, следует руководствоваться объективным критерием, ибо лишь с его помощью можно выяснить, общественно вредным или общественно полезным в конечном счете было причинение вреда в состоянии крайней необходимости. Субъективный критерий, т. е. мнение лица, осуществляющего акт крайней необходимости, при решении этого вопроса внес бы во многих случаях полную неопределенность в уяснение вопроса о правомерности действия, совершенного в состоянии крайней необходимости. В частности, при коллизии явно равноценных благом лицо могло бы счесть свой интересы более ценными сравнительно с повреждаемыми интересами других лиц.

Так как социалистическое уголовное право во всех случаях требует, чтобы вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, был менее значительным по сравнению с предупрежденным вредом, то, следовательно, спасение одного интереса за счет причинения равноценного вреда другому интересу не устраняет общественной опасности совершенного действия (например, спасение своего имущества за счет повреждения равноценного чужого имущества, спасение жизни одного за счет гибели другого). В этих случаях было бы возможно назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 43 УК РСФСР 1960 г.).

Положения о крайней необходимости советского уголовного права принципиально отличаются от постановлений буржуазного права, которое признает и в случаях причинения равноценного вреда наличие крайней необходимости. В постановлениях буржуазного уголовного законодательства о крайней необходимости нашла свое отражение идеология частного собственника с ее грубым безмерным эгоизмом.

Советское уголовное право не допускает спасения от опасности собственной жизни за счет гибели другого лица. Такое перенесение опасности с себя на других глубоко противоречит коммунистической морали. Советский закон воспитывает в гражданах СССР чувство солидарности и взаимопомощи. Он поощряет личный героизм и борется с проявлением грубого эгоизма. Поэтому является убийством лишение жизни человека, хотя бы это и было единственным средством спасения своей собственной жизни. Наше законодательство считает преступным спасение своей жизни за счет жизни другого лица.

Так как акт крайней необходимости является действием правомерным, то против него недопустима необходимая оборона. Поэтому, например, владелец лодки, которую без его согласия берут для спасения утопающего, не может ссылаться на

право необходимой обороны, если он препятствует взять лодку и причиняет какой-либо вред лицам, берущим ее.

Фактическая ошибка при совершении акта крайней необходимости должна рассматриваться по общим правилам о значении такой ошибки для установления формы вины лица. Совершенное преступление будет неосторожным, когда лицо должно было и могло предвидеть те фактические обстоятельства, которые не позволяли в данном случае прибегнуть к совершению акта крайней необходимости. В тех случаях, когда лицо по обстоятельствам дела не могло предвидеть этих обстоятельств, будет иметь место невиновное причинение вреда.

Причинение имущественного вреда в состоянии крайней необходимости, хотя совершенный акт и является действием правомерным, не устраняет, однако, обязанности полного или частичного возмещения нанесенного ущерба. Это возмещение ущерба может быть установлено применительно к тому, как в действующем гражданском законодательстве разрешен вопрос в ст. 406 ГК о праве суда выносить постановление о возмещении лицом причиненного без вины вреда в зависимости от имущественного положения лица, причинившего этот вред, и имущественного положения потерпевшего.

Судебной практике сравнительно редко приходилось применять постановление о крайней необходимости.

Примером прекращения уголовного преследования в силу того, что изъятие государственного имущества было совершено в состоянии крайней необходимости для спасения жизни, может служить дело А. и Я., первоначально осужденных народным судом Чукотского национального округа за хищение из государственных хранилищ, а А., кроме того, — за скотокрадство.

Я. и А. были признаны виновными в том, что совершили хищение продуктов со склада, который находился без охраны. А., кроме того, признан виновным в том, что забил на мясо двух оленей. Чукотский окружной суд, прекратив дело производством, указал, что по делу не опровергнуты объяснения обвиняемых о том, что они действовали в состоянии крайней необходимости. Очутившись в пути следования в тундре без продуктов, они оказались под угрозой голодной смерти. Это обстоятельство признал окружной суд также и по эпизоду, связанному с хищением оленей, так как А., будучи пастухом и разыскивая в тундре разбежавшихся оленей, оказался в положении, опасном для его жизни, и забил двух оленей на мясо. Верховный Суд РСФСР почти два года спустя после прекращения дела отменил определение окружного суда, мотивируя это тем, что вывод о состоянии крайней необходимости принят окружным судом только на основании заявления обвиняемых, что в

деле имеются данные о том, будто А. и Я. получили продуктов не на четыре-пять дней, а на целый месяц, но раздали их своим знакомым в счет погашения задолженности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 22 августа 1945 г. отменила определение Верховного Суда РСФСР по этому делу и оставила в силе определение Чукотского окружного суда. Коллегия при этом указала, что заявление обвиняемых о состоянии крайней необходимости в условиях Крайнего Севера представляется настолько правдоподобным, что отвергнуто оно могло быть лишь при тщательной проверке и установлении недостоверности такого заявления. Поскольку произвести в настоящее время проверку этих обстоятельств не представляется возможным, коллегия при указанных условиях признала, что обвинение осужденных нельзя признать доказанным.

Разумеется, если бы обвиняемые действительно раздали выданное им продовольствие в счет своей задолженности, чтобы затем под видом крайней необходимости в дороге изъять продукты из склада, то они должны были бы отвечать за хищение. Однако если бы они не взяли всего выданного им продовольствия в дорогу, надеясь с достаточной быстротой преодолеть предстоящий путь, но в силу природных условий Крайнего Севера задержались в дороге и остались без продовольствия, то тогда изъятие ими из склада продовольствия было бы правомерным действием. Они совершили бы в этом случае изъятие продовольствия в состоянии крайней необходимости для спасения своей жизни.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 23 мая 1942 г. по делу Д. признала наличие крайней необходимости в следующих действиях обвиняемого Д., проезжая на автомашине по городу, наскочил на стоящую на левой стороне бричку. Его действия были вызваны тем, что ему навстречу двигалась другая автомашина. Чтобы избежать возможной аварии с человеческими жертвами, он свернул налево, где находилась бричка. Поворот машины Д. в левую сторону и повреждение брички были вызваны состоянием крайней необходимости.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 19 августа 1942 г. по делу Ш. и Г. не нашла состава преступления в следующих действиях обвиняемых. Ш. был признан виновным в том, что, работая начальником жилищного управления завода, а Г. — заведующей детскими яслями завода, после эвакуации завода из Москвы, не имея топлива, сломали забор Сельхозинститута, в здании которого были размещены ясли, и топили забором печи в детских яслях. Проверив обстоятельства дела, Коллегия нашла, что обвиняемые действовали в состоянии крайней необходимости.

Наличие крайней необходимости Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 января 1949 г. признала и по делу шофера Д. Д. управлял следовавшей из Сухуми в Гагру автомашиной, в которой ехали отдыхающие. Неожиданно из-за поворота дороги навстречу автомашине, управляемой Д., выехала другая автомашина, следовавшая по левой стороне дороги. Во избежание лобового столкновения с встречной автомашиной, а также для того, чтобы избежать удара о скалу, находившуюся с правой стороны дороги, Д. резко свернул налево, в результате чего автомашина перевернулась, и шесть человек из числа сидевших в ней пассажиров получили серьезные увечья. Судебная коллегия в определении указала, что «в создавшейся обстановке поворот автомашины был вынужденным, т. е. вызван условиями крайней необходимости, так как иначе последствия аварии были бы значительно более серьезными».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1955 г. по делу М. и С. признал наличие состояния крайней необходимости в следующих действиях М. М. был признан виновным в том, что, следуя с пассажирами на автомашине «Москвич», выехал на левую сторону дороги, результатом чего явилось столкновение с грузовой автомашиной, которой управлял шофер С. При аварии одному из пассажиров были причинены тяжкие телесные повреждения, а другому — ушибы. Автомашина «Москвич» была полностью разбита. Пленум Верховного Суда СССР пришел к выводу, что М. вел свою машину с соблюдением всех правил уличного движения. Это подтверждается как показаниями свидетелей-очевидцев, так и заключением автотехнической инспекции. С. же, грубо нарушая правила уличного движения, вел свою автомашину по левой стороне дороги с большой скоростью и к тому же был в нетрезвом состоянии. В результате этого он создал для машины, которой управлял М., угрозу лобового удара и вынудил М., когда расстояние между машинами было не более 20 м, сделать резкий поворот влево. С. несколько позже М. сделал поворот на правую сторону дороги, в результате произошло столкновение автомашин. С. не оказал помощи потерпевшим. По делу было установлено, что, учитывая особенности дороги, М. не мог сделать поворот вправо. Если бы он остановил автомашину, угроза лобового удара не предотвращалась, так как С. вел свою машину со скоростью свыше 30 км в час. Пленум Верховного Суда СССР признал, что М. в данной конкретной обстановке принял единственно правильное решение — во избежание лобового удара сделал левый поворот, чем были предотвращены более тяжкие последствия. На основании изложенного Пленум признал, что в действиях М. отсутствует состав преступления, поскольку он действовал в состоянии крайней необходимости.

Принципы социалистического уголовного права лежат в основе регулирования крайней необходимости в уголовном законодательстве стран народной демократии. Так, Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики в § 9 определяет, что деяние, в иных случаях наказуемое, которым либо отворачивает опасность, непосредственно угрожающую народно-демократической республике, ее социалистическому строительству, интересам трудящихся или отдельной личности, не является преступным, если причиненный вред был менее того вреда, который угрожал, и опасность невозможно было отвести иными средствами. Лицо, обязанное перенести грозящую опасность, не может оправдывать свое уклонение от нее состоянием крайней необходимости.

В ст. 6 Уголовного кодекса Народной республики Болгарии содержится постановление, что действие, совершенное кем-либо в состоянии крайней необходимости, не является общественно опасным.

Согласно постановлению § 16 Общей части Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики имеется состояние крайней необходимости тогда, когда лицо своими действиями предотвращает непосредственную и неотвратимую другими средствами опасность, угрожающую либо основным интересам общества, либо жизни, здоровью или имуществу этого лица или других лиц. Действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, не подлежит наказанию, если лицо, его совершившее, не создало само состояния крайней необходимости и если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предотвращенным вредом. Состояние крайней необходимости отсутствует, если лицо вследствие своей профессии было обязано подвергнуться опасности. Не считается общественно опасным деяние, совершенное кем-либо в состоянии крайней необходимости для спасения как государственных и общественных интересов, так и личных или имущественных благ своих либо другого лица от непосредственной опасности, которой невозможно было избежать другим путем, если только вред, причиненный деянием, менее значителен, чем вред предотвращенный.

Уголовный кодекс в той же статье признает, что состояние крайней необходимости отсутствует, если само уклонение от опасности составляет преступление.

Постановления, относящиеся к случаям крайней необходимости, были известны еще древним памятникам права. Так, отдельные постановления о крайней необходимости встречаются в Уложении 1649 года и Воинском уставе Петра I. Уложение 1649 года считало безнаказанным истребление чужих животных

при защите от них, если это произведено «ручным боем, а не из ружья». Военский устав считал безнаказанным истребление чужого имущества, если оно по «необходимой нужде востребуется». Кроме того, Военский устав предписывал наказание «умалить или весьма оставлять», если кто-либо из «крайней голодной нужды съестное, питейное или иное что украдет». Уложение о наказаниях 1845 года рассматривало вопрос о крайней необходимости наряду с непреодолимой силой. Обобщенное понятие о крайней необходимости давало Уголовное уложение 1903 года: «Не почитается преступным деяние, учиненное для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством. Не почитается также преступным деяние, учиненное для спасения здоровья, свободы, целомудрия или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством, если учинивший деяние имел достаточное основание считать причиняемый им вред маловажным сравнительно с охраняемым благом. Изложенные постановления не применяются в тех случаях, когда самое уклонение от опасности составляет преступное деяние».

Современное буржуазное уголовное законодательство не всегда содержит обобщенные постановления о крайней необходимости. Так, Французский уголовный кодекс не знает общего понятия крайней необходимости. Теория уголовного права и судебная практика подводят случаи крайней необходимости под действие ст. 64 кодекса, говорящей наряду с невменяемостью и о непреодолимой силе: «Нет ни преступления, ни проступка, если обвиняемый во время совершения своего деяния находился в состоянии расстройств умственных способностей или если он был принужден к нему силой, которой он не мог противостоять».

Швейцарский уголовный кодекс в ст. 34 признает ненаказуемым действие, совершенное в состоянии крайней необходимости для спасения своего или чужого блага, а именно: жизни, здоровья, свободы, чести, имущества, если опасность была непосредственной и неотвратимой другими средствами. Для правомерности акта крайней необходимости закон требует, чтобы опасность не была причинена виновными действиями лица, совершающего акт крайней необходимости.

В буржуазных государствах полиция и военщина часто используют постановления о крайней необходимости для оправ-

дания расправ, насилий и издевательств над трудящимися, осмеливающимися активно протестовать против капиталистического рабства и защищать свое человеческое достоинство. Об этом свидетельствует многолетняя практика полицейских насилий в буржуазных государствах. Военно-уголовный кодекс Японии в ст. 22 цинично объявлял, что меры, необходимые для подавления какого-либо восстания или волнения, не рассматриваются как наказуемые действия.

Вопрос обоснования института крайней необходимости в буржуазной теории уголовного права решался различно. Теория естественного права обосновывала крайнюю необходимость обычно ссылкой на инстинкт самосохранения, например, при спасении собственной жизни за счет гибели другого при кораблекрушении.

Вопрос о крайней необходимости неоднократно привлекал к себе внимание философов. Особое внимание уделяла ему немецкая идеалистическая философия. Кант отказывался признать правомерными действия, совершенные в состоянии крайней необходимости. Это положение он высказывает как в статье «О ходячей фразе — что может быть верным в теории, то не годится на практике», так и в работе «Метафизика нравов» в связи с обсуждением следующего казуса: два лица, потерпевшие кораблекрушение, находятся в море, и один из них для спасения своей жизни сталкивает другого с доски в воду. Кант отрицает право лица спастись свою жизнь за счет гибели другого. Этот вывод он делает, исходя из того, что нельзя допустить нарушения безусловных обязанностей (безусловной обязанностью является не подвергать опасности быть убитым другое лицо, которое на тебя не нападало) за счет сохранения лишь условной обязанности (сохранение своей жизни является условной обязанностью — она действительна лишь при условии, если ее можно выполнить). Однако отрицая объективные основания для признания действия, совершенного в состоянии крайней необходимости, правомерным, Кант вместе с тем считал, что бессмысленно было бы назначать за него наказание. Нельзя признать заслуживающим смерти того, кто во время кораблекрушения, находясь в равной с другим лицом опасности, сбрасывает последнего с доски, на которой тот спасался, чтобы спастись самому. Угроза злом, которое еще сомнительно (смерть по судебному приговору), не может пересилить страха зла, которое для тонущего реально и несомненно. Поэтому насильственные действия, совершенные для самосохранения, Кант рассматривал как нечто, не подлежащее наказанию в силу особых субъективных причин, относящихся к состоянию самого

правонарушителя¹. От этих положений Канта ведут свое происхождение те теории крайней необходимости, развитые в буржуазной уголовноправовой литературе XIX века, которые признают состояние крайней необходимости не обстоятельством, исключаящим противоправность совершенного деяния, а лишь обстоятельством, исключаящим его наказуемость. Действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, считается при этом хотя и противоправным, но все же извинительным.

Фихте считает состояние крайней необходимости правом нужды. При этом он рассматривает также лишь случаи, когда два лица попадают в положение, в котором один из них может спастись лишь за счет гибели другого. При этих условиях по существу нельзя говорить о праве и правонарушении. Нет никакого положительного закона, по которому чужая жизнь могла быть принесена в жертву для спасения собственной; вместе с тем, с точки зрения Фихте, не противоречит требованиям права и спасение кем-либо своей жизни за счет другого. Решение указанной коллизии зависит не от права, а от физической силы и произвола каждого. Поэтому Фихте определяет право нужды как право рассматривать себя находящимся полностью вне какого-либо правового закона.

Гегель в «Философии права» уделил специальное внимание институту крайней необходимости. Он рассматривал действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, как правомерное. В этом принципиальное отличие его подхода к оценке состояния крайней необходимости от приведенных взглядов Канта и Фихте. Гегель подчеркивает, что право нужды есть право, а не только снисхождение. От взглядов Гегеля на состояние крайней необходимости в буржуазной теории уголовного права ведут свое происхождение теории крайней необходимости, которые рассматривают крайнюю необходимость как обстоятельство, исключаящее противоправность совершенного деяния. Правомерным является спасение более ценного блага за счет менее ценного. Гегель считал правомерным спасение жизни за счет нарушения чужого права собственности. Вопросы о коллизии двух равнозначных прав Гегель не касался.

При обосновании правомерности или ненаказуемости действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, позднейшая буржуазная теория пользуется или субъективным критерием (особое психическое состояние лица, совершающего действие в состоянии крайней необходимости, делающее его как бы невменяемым), или критерием объективным (спасение более ценного блага за счет менее ценного — так называемая теория наименьшего зла).

¹ См. А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте, М., 1940, стр. 59—60.

При оценке действия, совершенного в состоянии крайней необходимости, одни буржуазные криминалисты считали его правомерным, а другие — неправомерным, но извинительным и не подлежащим наказанию. Известный дореволюционный русский юрист Таганцев, например, рассматривал действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, хотя и как противоправное, но извинительное и ненаказуемое. С его точки зрения, крайняя необходимость в отличие от необходимой обороны не может рассматриваться как право, ибо она не является помощью государственной власти, а лишь перенесением вреда, грозящего интересу одного лица, на интересы другого, пользуясь такой же охраной закона. Однако действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, является одним из средств борьбы за право, и потому устраняется необходимость его уголовной наказуемости. Другой дореволюционный русский юрист — Сергеевский рассматривал крайнюю необходимость наряду с физическим принуждением и заблуждением как обстоятельство, устраняющее вменение совершенного деяния в вину. Он также считал действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, противоправным, но вместе с тем ненаказуемым. Различно решался в дореволюционной русской литературе и вопрос о допустимости в состоянии крайней необходимости похищения имущества для спасения от голода. Таганцев решал этот вопрос положительно, Лохвицкий и Сергеевский — отрицательно. Последний — по соображениям, что это якобы «невыносимо в гражданском обществе».

Уголовное право Англии и США, ревниво охраняющее интересы частной собственности, не оправдывает крайнюю необходимость похищения чужого имущества для спасения себя от голодной смерти. Юрист Стифен, признанный в Англии авторитет по вопросам уголовного права и уголовного процесса прошлого столетия, лицемерно писал об этой позиции английского права: «...оно делает это из соображений самого высокого порядка, ибо собственность людей оказалась бы в несоответствующем ее природе положении небезопасности, если бы было дозволено посягательство на нее ввиду нужд других лиц»¹.

Идеологи немецкой империалистической буржуазии перенесли понятие крайней необходимости как состояния, при котором можно не считаться с нормами права, из области уголовного права в область международных отношений. Цинично ссылаясь якобы на состояние крайней необходимости, они оправдывали любое вероломство немецких империалистов в международной политике, превращавших в «клочок бумаги» свои международные

¹ См. Н. Н. Полянский, Уголовное право и уголовный суд в Англии, М., 1937, стр. 35.

обязательства. Этим пользовались впоследствии и другие империалисты для прикрытия своих агрессивных действий.

§ 4

Другие обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния

Согласие потерпевшего является обстоятельством, устраняющим общественную опасность деяния при посягательстве на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении потерпевшего. При наличии согласия потерпевшего совершенные лицом действия не могут быть признаны социально опасными; их следует считать правомерными. Вопрос о значении согласия потерпевшего как обстоятельства, устраняющего общественную опасность деяния, в нашем законодательстве не находит прямого разрешения.

Следует признать, что согласие потерпевшего может устранить противоправность деяния, совершенного лишь при наличии следующих условий:

а) Согласие должно относиться к посягательствам лишь на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении лица, давшего согласие на их нарушение. Таковыми являются при известных условиях имущественные права и интересы личности.

Поэтому согласие потерпевшего имеет указанное юридическое значение лишь в области преступлений имущественных и преступлений против личности. Например, согласие собственника вещи на изъятие у него вещи устраняет возможность говорить о краже, хотя бы изъятие и было произведено в отсутствие собственника. При совершении других преступлений, где нарушаются те или иные интересы коллектива, согласие лица, которому вверена охрана этих интересов, не устраняет преступности совершенного деяния. Согласие заведующего магазином на совершение хищения вверенной ему социалистической собственности не устраняет преступности действий, совершенных с его согласия. Согласие охраны склада на изъятие посторонними лицами вещей из государственного склада не устраняет преступности совершенного хищения; согласие лица, ведающего специально охраняемой государственной тайной, на то, чтобы агент иностранной разведки взял соответствующий документ из его стола, не устраняет преступности действий этого агента и т. д. Во всех этих случаях лица, давшие согласие на нарушение соответствующих государственных или общественных интересов, также подлежат уголовной ответственности за совершенное преступление.

б) Согласие должно быть дано в пределах свободного распоряжения данным лицом своими личными или имущественными правами и интересами. В области личных благ согласие потерпевшего не устраняет общественной опасности совершенного посягательства на его жизнь. Признание согласия потерпевшего при лишении жизни обстоятельством, устраняющим социальную опасность совершенного деяния, противоречит интересам всего нашего общества. Оно подрывает сознание неприкосновенности жизни другого человека. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в первоначальной редакции ст. 143, предусматривавшей умышленное убийство, стоял в этом отношении на иной точке зрения. Примечание к этой статье признавало непроступным убийство, совершенное из сострадания и по настойчивой просьбе убитого. Однако практика скоро показала нецелесообразность такой нормы, и она была отменена¹.

В области посягательства на имущественные блага, находящиеся в распоряжении отдельного лица, согласие потерпевшего может иметь значение только в объеме принадлежащего данному лицу имущественного права.

Согласие лица на совершение в отношении имущества, находящегося в его личной собственности, таких действий, которые он и сам в силу закона не имел права производить, не устраняет преступности совершенных деяний.

в) Согласие не должно преследовать каких-либо общественно вредных целей.

При посягательствах против личности это может быть установлено по общему характеру совершаемых действий или в силу специального постановления уголовного закона. По общему характеру совершаемых действий согласие потерпевшего на причинение телесного повреждения устраняет общественную опасность действий лица, причинившего такое повреждение, если они произведены, например, в целях научного эксперимента, и не устраняет — если они совершены для того, чтобы облегчить потерпевшему получение пенсии по инвалидности.

Примером, когда согласие потерпевшего не устраняет противоправности действия при посягательствах на блага личности в силу специального постановления уголовного закона, может служить изгнание плода в ненадлежащих условиях, совершенное с согласия матери. Создание для работающего, хотя бы и с согласия последнего, таких условий, в которых он утратил или мог утратить трудоспособность, не может устранить преступности действий в силу признания социалистическим правом общественной вредности этих действий для здоровья трудящихся.

¹ См. об этом М. М. Исаев, *Особенная часть советского уголовного права*, М., 1930, стр. 196—197.

При посягательствах против имущественных благ, находящихся в распоряжении отдельных лиц, согласие потерпевшего не имеет юридического значения при общественно опасном повреждении чужого имущества в силу того, что эти действия, хотя и совершенные с согласия потерпевшего, все же являются сами по себе социально опасными.

г) Согласие должно быть действительным, т. е. оно должно быть дано вменяемым и дееспособным лицом или его законным представителем в интересах представляемого и выражено добровольно, а не вынуждено путем обмана либо физического или психического насилия (первое — при мошенничестве, второе — при разбое, изнасиловании). Наконец, согласие должно быть дано до или во время совершения данного действия, нарушающего определенные интересы потерпевшего, но не после этого. Согласие потерпевшего, данное после совершения этих действий, не исключает преступности совершенного (например, прощение потерпевшим вора не может устранить преступности совершенных воров действий).

Выполнение профессиональных функций.

Выполнение общественно полезных профессиональных функций может нередко облекаться в такие формы, которые по своим внешним очертаниям охватываются тем или иным составом преступления (например, зубной врач выдергивает зуб — легкое телесное повреждение, хирург ампутирует ногу — тяжелое телесное повреждение и т. д.). Если выполнение профессиональных функций производится соответствующими для данной профессии средствами, то их выполнение, разумеется, не может считаться преступным. Оно исключает противоправность совершенного в силу социальной полезности этой деятельности. Во всех тех случаях, когда выполнение профессиональных функций совершается не в социально полезных, а в социально вредных целях, оно не устраняет преступности учиненного. Например, хирургическая операция, производимая врачом не в силу болезненного состояния пациента, а с целью содействовать ему уклониться от выполнения обязанностей воинской службы, не устраняет общественно опасного характера действий врача. Если вред здоровью пациента был причинен в силу ошибки врача, неправильной оценки им обстоятельств, при которых должны быть применяемы те или иные лечебные средства, то врач отвечает за неосторожное причинение вреда в тех случаях, когда по обстоятельствам дела он должен был и мог это предвидеть. В тех случаях, когда врач является должностным лицом, ошибочное врачевание может дать основание для привлечения его к уголовной ответственности за халатное отношение к своим служебным обязанностям.

При выполнении врачебных функций, связанных с тем или иным воздействием на личность больного, обычно требуется согласие пациента. Согласия пациента не требуется в тех случаях, когда оно не может быть получено ввиду особого состояния больного, а для предотвращения грозящей ему опасности должны быть немедленно приняты соответствующие меры.

Особенно большое практическое значение имеет согласие больного при производстве операций. Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» хирургическая операция должна производиться в отношении взрослых «с согласия больного, а в отношении лиц моложе 16 лет или душевнобольных — с согласия их родителей или опекуна»¹. Операция, необходимая для спасения жизни или важного органа, если она не может быть отложена, производится по консультации с другими врачами без согласия родителей или опекуна, когда они не могут быть опрошены без риска опоздания операции. Такая же операция допустима без согласия больного, если он находится в бессознательном состоянии. Если и консультация связана с риском опоздания, врачу предоставлено право решить вопрос об операции самостоятельно с доведением об этом до сведения здравотдела в течение суток².

В связи с рассмотрением вопроса о выполнении профессиональных обязанностей как обстоятельстве, исключающем противоправность совершенного деяния, необходимо остановиться на значении производственно-хозяйственного риска как обстоятельства, устраняющего противоправность совершенного деяния. Борьба за повышение производительности труда неразрывно связана с борьбой за технический прогресс, за внедрение новой техники в производство. XX съезд КПСС указал на необходимость всемерно развивать массовое движение рационализаторов, изобретателей и новаторов производства, а также обеспечить широкую пропаганду и распространение передового опыта. Внедрение новой техники неизбежно связано во многих случаях с производственным риском. Иногда процесс изобретения или внедрения новой техники может влечь за собой причинение того или иного временного ущерба хозяйственному предприятию. Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателю» в ст. 7 специально устанавливало, что недопустимо возлагать ответственность на работника за такой ущерб, который может быть отнесен к категории нормального производственно-хозяйственного риска. Основания для

¹ СУ РСФСР 1924 г. № 88, ст. 892.

² О врачебной деятельности как обстоятельстве, устраняющем уголовную ответственность, см. М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 218—229.

освобождения от ответственности в этом случае заключаются в общественной полезности такого рода выполнения своих профессиональных обязанностей, которое определяется целью улучшения процесса производства и поднятия его производительности. Нормальным производственно-хозяйственным риском следует признать такие действия лица, когда оно при выполнении своих профессиональных обязанностей, ставя в опасность охраняемые законом интересы, стремится добиться существенного производственного результата, который не может быть достигнут при данном уровне техники другими средствами. Не могут быть отнесены к производственному риску действия лица, хотя и вызванные стремлением достичь существенного производственного результата, но связанные с явной опасностью для жизни и здоровья других людей или явным нарушением правил техники безопасности. Не могут быть отнесены к нормальному производственному риску действия лица, если они были связаны с грубыми просчетами в результате допущенной небрежности¹. Судебная практика пользуется понятием производственного риска как обстоятельства, исключающего противоправность совершенного деяния. Так, Верховный Суд СССР в определении от 11 апреля 1944 г. признал необоснованным осуждение за нарушение трудовой дисциплины на транспорте механика, допустившего аварию парового котла якобы вследствие несоблюдения правил ремонта. На баркасе во время работы пробило фланец, соединяющий трубопровод с инжектором. Л., не прерывая работы баркаса, проверил наличие воды в котле и приступил к работе по ремонту, однако ему не удалось быстро закончить ремонт, вода испарилась, и произошла выпучина котла. Коллегия в определении по этому делу указала, что авария произошла не из-за преступной халатности Л. и что он при ремонте на ходу допустил по существу производственный риск, за что судить его не было оснований.

Исполнение подчиненным обязательного приказа является обстоятельством, устраняющим противоправность совершенных им действий². Обязательным для подчиненного является лишь законный приказ начальника. Законным приказом является приказ, который: а) отдан соответ-

¹ См. М. С. Гринберг, Момент оправданного риска в производственном процессе, «Советское государство и право» 1954 г. № 1; его же. Значение производственно-хозяйственного риска по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, 1957; А. И. Омельченко, Творческий риск, его государственно-правовая охрана, М., 1955; И. И. Слуцкий и И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 17—18.

² См. И. И. Слуцкий, Ответственность за исполнение незаконного приказа, «Ученые записки ЛГУ» 1953 г. № 151.

ствующим начальником своему подчиненному, б) не выходит за пределы компетенции приказывающего, в) по своему содержанию не предписывает чего-либо явно преступного и, наконец, г) отдан с соблюдением надлежащей формы, если такая форма требуется законом.

Исполнение подчиненным законно отданного ему по службе приказа, который впоследствии по своему содержанию оказался преступным, устраняет противоправный характер действий подчиненного. За исполнение такого приказа несет ответственность лишь начальник, отдавший этот приказ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 28 марта 1939 г. не нашла состава преступления в действиях электромонтера Т., который по распоряжению главного механика завода С. включил ток в тот момент, когда бригадир Ш. получила увечье. Судебная коллегия по уголовным делам не нашла в действиях Т. состава преступления, потому что Т. включил ток по прямому указанию С., выполнив, таким образом, законное для него распоряжение своего начальника. Нести ответственность за последствия этого распоряжения должен С.

Незаконный приказ не является обязательным для исполнения. Подчиненный, исполняющий незаконный приказ, совершает объективно общественно опасное действие. Если подчиненный сознавал незаконность исполняемого приказа, то совершенные действия подлежат вменению ему в умышленную вину; самый акт совершения им действия в порядке исполнения приказа начальника может лишь явиться при известных условиях обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность (п. 3 ст. 33 Основ уголовного законодательства). Не исключена возможность привлечения подчиненного к ответственности за неосторожное исполнение преступного приказа. Например, бухгалтер может подлежать ответственности за халатное отношение к своим служебным обязанностям, если он по небрежности выполнил незаконный приказ об отпуске средств.

Вопрос о значении исполнения обязательного приказа как обстоятельства, исключающего противоправность совершенного, а также вопрос об ответственности за исполнение преступного приказа в уголовном законодательстве непосредственно не урегулирован. Однако он находит свое разрешение в некоторых специальных уставах. Так, Устав о дисциплине работников связи, утвержденный СНК СССР 28 сентября 1939 г., посвящает этому вопросу специальный параграф (§ 6): «В случае получения подчиненным распоряжения, явно противозаконного или преследующего преступные цели, а также распоряжения, исполнение которого может повлечь аварию, порчу средств связи, гибель социалистической собственности или вверенного органам связи имущества и ценностей, подчиненный обязан не

выполнять это распоряжение и немедленно доложить о нем вышестоящему начальнику. За исполнение такого распоряжения подчиненный несет ответственность наряду с начальником, его отдавшим». Таким образом, приказ явно преступный не устраняет противоправности в действиях его исполнителя.

В том же смысле этот вопрос разрешен в Общей части уголовных кодексов ряда стран народной демократии. Так, согласно ст. 10 Уголовного кодекса Народной Республики Болгарии не является преступным деяние, совершенное во исполнение незаконного служебного приказа, отданного в установленном порядке, если он не являлся явно преступным. Согласно ст. 137 Уголовного кодекса Румынской Народной Республики не считается преступным действие, совершенное на основании приказа по службе, если этот приказ дан компетентными властями в законных формах и если он не имеет явно незаконного характера.

В основе ряда дисциплинарных уставов, относящихся к деятельности таких областей народного хозяйства или государственного аппарата, где строгое исполнение служебных распоряжений приобретает особо важное значение, лежит принцип безусловного повиновения подчиненного приказу начальника. Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР в ст. 5 определяет: «Приказ начальника — закон для подчиненного. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок». Хотя этот устав и ориентирует подчиненного прежде всего на беспрекословное выполнение данного ему приказа, тем не менее выполнение явно преступного приказа не может исключить противоправности в действиях его исполнителя. Долг подчиненного как сознательного советского гражданина в этих случаях противодействовать выполнению такого приказа.

Для поддержания обороноспособности Советской Армии особое значение имеет строжайшее исполнение военными служащими приказа своего начальника. Невыполнение военными служащими данного ему приказа само по себе является воинским преступлением, предусмотренным уголовным законом. Подчиненный военный служащий не имеет права входить в оценку необходимости, полезности или законности отданного ему приказа. Если приказ окажется почему-либо неправомерным, то за него отвечает лишь начальник, отдавший этот приказ, а не подчиненный военный служащий, исполнивший его. Исполнение подчиненным военными служащими отданного ему приказа устраняет противоправный характер действий, в совершении которых выражается выполнение им этого приказа. Однако и здесь в тех случаях, когда приказ является явно преступным и очевидно для подчиненного связан с нарушением воинского долга и присяги, выполнение такого приказа подчиненным не устраняет преступности совершенных действий. В таком случае сам подчиненный становится соучастником преступления, выраженного в осуществле-

нии явно преступного приказа, и подлежит уголовной ответственности за совершенные действия. Невыполнение такого приказа может быть оправдано крайней необходимостью, в которой находится подчиненный военный служащий.

Следует иметь в виду, что благодаря высокой политической сознательности, дисциплинированности и беззаветной преданности наших военнотружеников социалистической Родине случаи сознательной отдачи и сознательного исполнения преступного приказа в практике исключительно редкое явление.

Примером, когда исполнение приказа подчиненным военным служащим исключает возможность его ответственности за совершенные при исполнении этого приказа действия, может служить следующее дело. Техник-лейтенант С. отдал приказ своему подчиненному Ч. взять из гаража машину и поехать с ним, зная, что Ч. не имеет права водить автомашину. По пути следования Ч., не имея достаточного опыта, при объезде впереди стоявшей машины врезался в нее правым бортом, в результате чего было убито одно из лиц, находившихся в кузове машины, которую он вел. Оправдание Ч. суд мотивировал тем, что он подчинился приказу своего начальника и не имел опыта в вождении машины, что было известно его начальнику, отдавшему приказ. Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 27 февраля 1948 г. оставил в силе оправдательный приговор в отношении Ч.

Проблема значения исполнения обязательного приказа возникла при разрешении вопроса об уголовной ответственности гитлеровских военных преступников. Почти на всех процессах о преступлениях, совершенных гитлеровскими злодеями, можно было встретить ссылки обвиняемых на то, что они действовали по приказу своего начальства. Устав Международного военного трибунала, созданного для суда над главными немецкими военными преступниками, предвидя, что такие ссылки будут иметь место на судебном процессе, разрешил этот вопрос в ст. 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказанию начальства, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказаний, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия». Здесь было провозглашено, что приказ начальства не исключает уголовной ответственности гитлеровцев за совершенные преступления. Все приказы гитлеровского правительства и любых начальствующих лиц как в отношении осуществления общего преступного плана гитлеровских заговорщиков, так и при совершении ими тех или иных чудовищных злодеяний следовало рассматривать как незаконные приказы, исполнение которых ни при каких условиях не может освободить от ответственности их исполнителей. Германский фашизм являлся системой преступных организаций наиболее агрессивной части империалистической буржуазии, осуществлявшей чудо-

вищий заговор против мира и человечества. Нельзя признать обстоятельством, исключающим противоправность совершенного деяния, выполнение членом бандитской организации приказа главаря бандитской шайки. Ссылка, например, члена вооруженной банды на то, что ему было приказано совершить нападение, разумеется, не может освободить его от уголовной ответственности. Лицо, выполнившее такой «приказ», следует рассматривать как непосредственного исполнителя преступных планов главаря преступной банды. Аналогично разрешает вопрос об ответственности гитлеровцев Устав Международного военного трибунала, когда объявляет, что ссылка на приказ начальства не освобождает от уголовной ответственности, ибо этот приказ был дан организаторами и руководителями преступной организации для выполнения преступных планов фашистских заговорщиков¹.

Осуществление своего права в пределах, предоставленных законом, также является обстоятельством, исключающим общественную опасность совершенного деяния, хотя бы оно по своим внешним чертам и являлось действием, подходящим под признаки состава того или иного преступления. Осуществление своего права, выходящее за пределы, которые предоставлены законом, не является правомерным. При наличии определенных условий оно должно обсуждаться по общим правилам, как всякое другое общественно опасное поведение. Осуществление своего права, но не в тех формах, в которых это разрешено законом, может составлять содержание специального преступления, например самоуправства. Вопрос о том, имело ли место в данном конкретном случае осуществление своего права, которое устраняло общественную опасность совершенного действия, может быть решен лишь путем изучения объема и форм дозволенного осуществления данного права в действующем законодательстве.

Например, осуществление родительских прав связано с применением ряда принудительных мер в отношении ребенка. Известное ограничение родителями свободы передвижения своего ребенка не может рассматриваться как незаконное лишение свободы, оно является действием правомерным. Применение истязаний к своему ребенку не есть осуществление родительских прав; оно является действием противоправным и заключает в себе состав тяжкого преступления против личности.

¹ См. Б. Арсеньев, Международный военный трибунал, «Ученые записки ВЮОН», М., 1947; Н. Н. Полянский, Международное правосудие и преступники войны, М., 1945; А. А. Пионтковский, Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе, М., 1948; П. С. Ромашкин, Военные преступления империализма, М., 1953; А. Н. Трайнин, Нюрнбергский процесс, М., 1946.

Применение телесных наказаний за нарушение школьной дисциплины является, однако, повседневым в школах Западной Германии. Суды Западной Германии усматривают в этом осуществление дисциплинарной власти учителя. Они считают, что в таких случаях имеет место обстоятельство, исключающее противоправность в действиях учителей. Лишь в тех случаях, когда примененное насилие повлекло за собой тяжкие последствия, суды допускают возможность уголовной ответственности учителя за действие, выходящее за пределы его права на применение телесных наказаний¹. Уголовное право Германской Демократической Республики принципиально отрицает право применения в каких бы то ни было случаях телесных наказаний к детям².

Исполнение закона. Деятельность, состоящая в исполнении предписаний и требований закона, не может являться противоправной. Она не содержит в себе момента общественной опасности совершенного действия, являющегося объективным признаком всякого преступного деяния. Поэтому, если даже действия, предпринятые для исполнения закона, и были внешне похожи на те или иные действия, дающие состав определенного преступления, тем не менее они не могут считаться общественно опасными. Например, лишение кого-либо свободы является действием преступным, а лишение свободы, произведенное во исполнение судебного приговора в качестве наказания, или лишение свободы на законном основании в качестве меры пресечения уклонения данного лица от суда и следствия преступлением не является. Изъятие имущества из чужого владения заключает в себе состав того или иного вида похищения имущества, а конфискация имущества осужденного по судебному приговору является исполнением закона и не заключает в себе состава преступления. Положение, что исполнение закона не может заключать в себе состава преступления, что исполнение закона устраняет общественно опасный характер совершенного, столь очевидно, что не нуждается в специальном упоминании в Уголовном кодексе. В социалистическом государстве, где законы выражают и защищают интересы всех трудящихся, исполнение закона всегда соответствует интересам трудящихся. В буржуазных государствах, где законы выражают волю банкиров и капиталистов, исполнение закона нередко является прямым издевательством над трудящимися. Под флагом правомерных действий там совершаются преступления против «простых людей».

¹ Wolfgang Metz, Ein Urteil des Bundesgerichtshofes zum Züchtigungsrecht, «Staat und Recht», 1956, Heft 4.

² «Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik, Allgemeiner Teil, 1957, S. 526.

Глава XI

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1

Основание ответственности за предварительную преступную деятельность¹

В интересах охраны советского строя и социалистического правопорядка от общественно опасных действий представляется необходимым привлечь виновных к уголовной ответственности не только тогда, когда умышленное общественно опасное деяние уже совершено, но и тогда, когда оно находится непосредственно в процессе осуществления, а в ряде случаев и тогда, когда кто-либо готовится его совершить. Такие действия также являются общественно опасными, преступными.

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву; Н. В. Лясс, Понятие основания наказуемости приготовления и покушения, сб. «Вопросы уголовного права и процесса», изд-во ЛГУ, 1956; Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву, изд-во МГУ, 1958; В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. III, Ашхабад, 1943; С. П. Мокринский, Покушение и приготовление в советском праве, «Советское право» 1927 г. № 1, стр. 56—81; А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954, стр. 89—98; И. С. Тишке-

Человек обладает способностью сознательно ставить себе определенные цели, подчиняя им свою волю, способ и характер своего поведения. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»¹. Это можно отнести не только к производственной, но и ко всякой другой, в том числе и умышленной преступной деятельности людей.

Еще до начала умышленной преступной деятельности субъект преступления представляет уже себе ее результат. Это определяет способ и характер его деятельности, направленной на реализацию преступного умысла.

Процесс создания преступного умысла, обдумывание способов и путей его реализации есть внутренний процесс, протекающий в психике лица. О нем не знают окружающие до тех пор, пока он не выявился вовне.

Создание преступного умысла не может рассматриваться как стадия в развитии преступной деятельности. Поэтому нельзя согласиться с теми советскими криминалистами, которые возникновение умысла считают первой стадией в развитии преступной деятельности, а обнаружение умысла рассматривают как уже вторую стадию².

Процесс реализации преступного умысла проходит ряд стадий. Преступление является оконченным, когда совершенное субъектом содержит все признаки данного состава преступления. В процессе осуществления умышленной преступной деятельности можно различать следующие стадии: обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. Развитие преступной деятельности после обнаружения умысла до момента его полного осуществления может быть названо предварительной преступной деятельностью. Она охватывает приготовление к преступлению и покушение на него.

Было бы ошибочно полагать, что совершение каждого умышленного преступления проходит все указанные стадии. Часто

и ч. К вопросу о составе неоконченного преступления, «Советское государство и право» 1956 г. № 5, стр. 120—122; И. С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, М., 1958; А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 295—307; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 228—246; М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 116—134.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 185.

² См. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, стр. 346.

умысел лица реализуется непосредственно в совершении преступления, минуя стадию обнаружения умысла и приготовления к совершению преступления.

Обнаружение умысла не может влечь за собой уголовной ответственности. До тех пор, пока преступное намерение не выразилось в совершении каких-либо действий, не может быть уголовной ответственности лица. Вопрос об уголовной ответственности за умышленное преступление ставится нашим законодательством со стадии совершения преступительных действий. Совершение действий, направленных на реализацию преступного умысла, но не приведших к его осуществлению, может свидетельствовать уже об определенной общественной опасности этих действий и лица, выполнявшего их. Степень осуществления преступного намерения определяет и степень опасности лица, совершившего эти действия. Выраженная в действиях лица общественная опасность самого деяния и лица, совершившего его, служит основанием уголовной ответственности за приготовление к преступлению и за покушение на него.

Советское уголовное право не всегда одинаково решало вопрос об уголовной ответственности за приготовление и покушение.

Вопрос об ответственности за различные стадии в развитии преступной деятельности был поставлен уже в первых декретах Советской власти. Борьба с наиболее опасными для социалистической революции преступлениями требовала в ряде случаев специального указания на уголовную ответственность не только за оконченное преступление, но и за попытку его совершить. Так, постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. специально говорило о признании контрреволюционными действиями всех попыток присвоить себе функции государственной власти. Декрет Совнаркома от 8 мая 1918 г. о взяточничестве, составленный при ближайшем участии В. И. Ленина, в ст. 3 содержал общее принципиальное положение о том, что покушение на получение и дачу взятки должно наказываться как оконченное преступление. Декрет о спекуляции, изданный 22 июля 1918 г., в ст. 12 определял: «Покушение на совершение деяния наказывается как оконченное деяние». Постановление Совнаркома от 30 июля 1918 г. о набатном звоне, устанавливая ответственность за созыв населения с контрреволюционными целями набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п., специально указывало, что покушение на совершение означенного деяния наказывается как оконченное преступление. Постановление кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. о подсудности революционных трибуналов не только говорило об ответственности за отдельные действия, которые сами по себе являлись покушением на совершение контрреволюционного преступления или спекуляции, но и содержало непосредственные

указания об ответственности за приготовление и покушение. Постановление говорило о тех, кто организует контрреволюционные выступления против рабоче-крестьянского правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; оно воспроизводило указания постановления Совнаркома от 30 июля 1918 г. о том, что при контрреволюционном выступлении покушение рассматривается как оконченное преступление. Таким образом, советское уголовное законодательство уже в начальный период развития нашего государства сознательно отказалось от обязательного смягчения наказания за покушение и рассматривало как преступление не только те случаи, когда наступил преступный результат, но и более раннюю стадию в развитии преступной деятельности. Анализ судебной практики первых лет Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.) показывает, что советские суды в тот период осуждали не только за покушение на совершение преступления, но в ряде случаев и за приготовление к преступлению¹.

Согласно Руководящим началам 1919 года подлежало наказанию и приготовление к преступлению, и покушение. При этом Руководящие начала подчеркивали, что приготовление или покушение сами по себе не могли смягчить наказания, мера репрессии определялась в этих случаях степенью опасности самого преступника. Таким образом, при выборе судом меры наказания как бы не придавалось значения степени осуществления преступного намерения. Однако на практике суд едва ли мог не учитывать этих обстоятельств.

В отличие от Руководящих начал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года признал приготовление к преступлению, по общему правилу, ненаказуемым. Оно влекло за собой уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда приготовительные действия к совершению какого-либо преступления сами уже заключали в себе состав другого оконченного преступления. Однако уже в 1923 году редакция ст. 12 УК РСФСР 1922 года была изменена и суду предоставлено право применять к лицу, совершившему приготовление к преступлению, в случае признания его общественно опасным меры социальной защиты, указанные в ст. 46 Уголовного кодекса, т. е. высылку, воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом. Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1922 года покушение каралось как оконченное преступление, но при определении меры наказания суд мог принять во внимание отсутствие вредных последствий или их незначительность. Таким образом, в отличие от Руководящих начал Уголовный кодекс придавал большое значение при решении вопроса об уго-

¹ См. П. Г. Мишурин, Очерки по истории советского уголовного права, 1917—1918, М., 1954, стр. 170.

ловной ответственности за приготовление и покушение степени осуществления преступного умысла и степени общественной опасности совершенного деяния. Он не наказывал, по общему правилу, приготовление и указывал суду на необходимость учитывать отсутствие или незначительность наступивших вредных последствий при определении наказания за покушение.

Основные начала 1924 года по вопросу о стадиях развития преступной деятельности в ст. 11 определяли: «Если начатое преступление не было доведено до конца, т. е. если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты, назначенных уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения». Эта статья могла дать повод считать, что она имеет в виду лишь покушение на преступление (начатое преступление). Однако этой формулировкой, как выяснилось, намеревались охватить и приготовление, и покушение на преступление. Постановление Пленума Верховного Суда СССР, утвержденное Президиумом ЦИК СССР 31 октября 1928 г., признало, что согласно ст. 11 Основных начал приготовительные действия подлежат уголовной санкции. Таким образом, было дано аутентическое толкование ст. 11 Основных начал по вопросу о приготовлении к преступлению.

Основные начала предлагали суду руководствоваться при определении меры наказания за начатое преступление (приготовление и покушение) не только степенью опасности преступника, но и степенью осуществления преступного намерения. Следовательно, несмотря на признание допустимости привлечения к уголовной ответственности не только за покушение, но и за приготовление, Основные начала придавали значение стадии в развитии преступной деятельности при выборе судом размеров наказания.

В соответствии с Основными началами Уголовный кодекс РСФСР 1926 года признал наказуемым не только покушение, но и приготовление к совершению преступления. В этом существенное отличие Уголовного кодекса РСФСР 1926 года от Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в вопросе о стадиях развития преступной деятельности.

Вместе с тем Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 19 указывал, что суд при выборе наказания должен руководствоваться «степенью опасности лица, совершившего покушение и приготовление, подготовленности преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до кон-

ца». Тем самым суд при определении меры наказания должен был считаться с той стадией (приготовление или покушение), до которой довел виновный свою преступную деятельность. Постановления уголовных кодексов других союзных республик содержали схожие постановления об ответственности за приготовление и покушение. При этом Уголовный кодекс УССР 1927 года давал отдельно определение понятия покушения (ст. 16) и приготовления (ст. 17); Уголовный кодекс БССР 1928 года не пользовался вовсе понятием приготовления и покушения, а говорил об ответственности за начатое преступление, не доведенное до конца (ст. 22); Уголовный кодекс Грузинской ССР 1928 года также не говорил о приготовлении и покушении, а говорил о начатом преступлении, выразившемся в действиях, имеющих характер хотя бы приготовительных.

Основы уголовного законодательства 1958 года в ст. 15 определяют ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление. Они дают определение понятия приготовления и покушения, а также предусматривают порядок назначения наказания за приготовление к преступлению и покушение на него. Основы признают приготовлением приискивание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления. Под покушением на преступление они понимают умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного. Наказание за приготовление и покушение назначается по закону, предусматривающему ответственность за данное преступление. Основы в ст. 15 дают указание суду при назначении наказания за приготовление и покушение учитывать характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца. В ст. 16 Основы специально регулируют вопрос об уголовной ответственности при добровольном отказе от совершения преступления. Постановления Основ 1958 года о приготовлении и покушении воспроизводятся без изменений в новых уголовных кодексах союзных республик (например, ст. ст. 15 и 16 УК РСФСР 1960 г.). Постановления Основ о стадиях преступной деятельности являются обобщением опыта развития советского уголовного законодательства, судебной практики и теории советского уголовного права по вопросу об ответственности за приготовление и покушение.

Нормы советского уголовного права, определяющие ответственность за приготовление и покушение, содействуют более активной борьбе Советского государства с умышленными

преступными деяниями и в первую очередь с теми, которые представляют особую опасность для советского строя или социалистического правопорядка.

Установление ответственности за действия, которые непосредственно ставят в опасность охраняемые законом общественные отношения или к этому направлены, содействует предупреждению причинения реального ущерба государственным и общественным интересам и интересам отдельных граждан.

Действующее уголовное законодательство не содержит постановлений об обязательном смягчении наказания за приготовление или покушение сравнительно с наказуемостью оконченного преступления. Основы в ст. 15 указывают, что наказание за приготовление и покушение назначается по закону, предусматривающему ответственность за данное преступление. Тем не менее отсюда нельзя сделать вывод, что предварительная преступная деятельность должна всегда наказываться как оконченное преступление. Это лишь значит, что обвинение при наличии приготовления или покушения должно быть предъявлено по статье Общей части, говорящей о приготовлении и покушении, и той статье Особенной части уголовного кодекса, которая предусматривает окончанный состав данного преступления. При выборе наказания за предварительную преступную деятельность суд, руководствуясь указанными выше критериями, в рамках карательной санкции соответствующей статьи Особенной части уголовного кодекса назначает наказание за приготовление к преступлению или за покушение на него. Судебная практика обычно устанавливает за них меньшее наказание, чем за оконченное преступление, особенно когда речь идет о приготовлении.

Эта позиция нашла свое выражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», где было дано, в частности, разъяснение по вопросу о возможности применения смертной казни за покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах: «Учитывая, что смертная казнь является исключительной мерой наказания и применяется в отношении лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, она, как правило, не должна применяться в случае покушения на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В этих случаях смертная казнь может быть применена лишь в виде исключения, когда по делу установлены особо тяжкие обстоятельства, характеризующие повышенную степень общественной опасности преступления и виновного, которые имеют более существенное значение, чем факт неприни-

ния смерти потерпевшему по не зависящим к тому же от виновного обстоятельствам».

Наш уголовный закон предоставляет суду право применять наказание за приготовительные действия, однако это не означает, что за любые приготовительные действия обязательно должно быть применено наказание. Только тогда, когда приготовительные действия являются опасными для интересов социалистического государства или социалистического правопорядка, или для прав и интересов отдельных граждан, они должны влечь за собой уголовную ответственность.

Судебная практика в сравнительно редких случаях привлекает к уголовной ответственности за приготовительные действия. Еще письмо НКЮ и Верховного Суда РСФСР по применению Уголовного кодекса в редакции 1926 года указывало, что назначение наказания за приготовление к преступлению может иметь место лишь в тех случаях, когда приготовительные к преступлению действия «вылились в определенную конкретную форму начала осуществления преступного умысла, а потому и являются социально опасными»¹.

В некоторых случаях не следует применять наказание и за покушение на преступление, если это касается сравнительно менее серьезного деяния, поскольку оно не является общественно опасным в силу малозначительности деяния. Уголовное преследование за приготовление или покушение, если оно не может быть признано общественно опасным в силу малозначительности, должно быть прекращено за отсутствием состава преступления в действиях лица.

Основание уголовной ответственности за покушение на преступление является тождественным с общим основанием ответственности за преступление по советскому уголовному праву. Им является общественная опасность совершенного виновным действия для интересов социалистического государства или социалистического правопорядка. Поэтому общественно опасное покушение на преступление и приготовление к преступлению заключают в себе состав преступления.

Каждый окончанный состав преступления представляет собой, как мы выяснили выше, определенное единство его субъективной и объективной стороны. При покушении в действии виновного этого единства нет: совершенное действие еще не осуществляет полностью преступного умысла виновного, объективная сторона деяния оказывается неразвитой по сравнению с субъективной стороной поведения виновного. При покушении

¹ «Еженедельник советской юстиции» 1927 г. № 2, стр. 44.

на преступление общественная опасность совершенного заключается не столько в том, что фактически было причинено, сколько созданием виновным реальной возможности наступления того преступного результата, на который был направлен его умысел. Однако здесь реальная возможность не была превращена в действительность по различным основаниям. Причины этого могут лежать как в самом виновном, так и вне его. Недостаточная активность в приведении своего преступного намерения в исполнение, недостаточная предусмотрительность в разработке и осуществлении плана совершения преступления, противодействие потерпевшего или иных лиц, вмешательство объективно-случайных обстоятельств в деятельность виновного могут привести к тому, что развитие умышленной преступной деятельности не будет доведено до конца. Понятие случайности как объективной категории имеет определенное значение в уголовном праве не только при решении вопроса о причинной связи, но и при рассмотрении вопроса о стадиях преступной деятельности. Объективно-случайные события, не допуская возможности развиться тем последствиям, которые были внутренне присущи совершенному виновным действию, превращают все содеянное лишь в покушение на преступление. Эти случайные обстоятельства не позволили развиться тем последствиям, предвидение которых входило в умысел субъекта.

Чем ближе при покушении было наступление преступного результата, тем более общественно опасным при прочих равных условиях является совершенное деяние и тем большая степень осуществления преступного намерения находит в нем свое выражение.

Если покушение на преступление создает непосредственную опасность наступления преступного результата, то приготовление означает лишь создание условий для возможности в дальнейшем совершить преступные действия. Только в связи с этим приготовительные действия могут быть признаны общественно опасными и заключать в себе тем самым состав преступления. Сами по себе они не содержат еще непосредственной опасности для охраняемых уголовным законом общественных отношений. В отличие от этого покушение на преступление уже в самом себе заключает реальную возможность наступления преступного результата; в нем как в начале исполнения преступления заключена непосредственная опасность для охраняемого уголовным законом объекта. Если одно лицо выстрелило в другое и промахнулось, то в этом выстреле уже заключалась реальная возможность гибели второго лица, хотя оно и осталось невредимым.

Подробно развивает вопрос об основании наказуемости покушения как реальной возможности, реальной опасности на-

ступления преступного результата Т. В. Церетели¹. Она справедливо указывает, что такая деятельность в своем закономерном развитии при отсутствии условий, препятствующих наступлению результата, должна привести к причинению вреда. Против указанного разграничения покушения и приготовления выступает Н. Ф. Кузнецова, неосновательно полагающая, что реальная возможность наступления преступного результата имеет место уже при приготовлении. Она считает, что действие при покушении следует характеризовать как причину преступного результата². Такое утверждение основано на забвении того, что понятие причины неприменимо там, где отсутствует вызванное ею следствие. Причина и следствие — взаимосвязанные понятия. При покушении всегда отсутствует преступный результат. Поэтому очевидно, что действие при покушении нельзя назвать причиной преступного результата. Здесь может идти речь лишь о таком объективном состоянии действительности, которое заключало в себе реальную возможность наступления преступного результата.

Н. Д. Дурманов, хотя и критикует нашу позицию в вопросе о разграничении приготовления и покушения, считая, что покушение может иногда и не создавать реальной опасности для объекта посягательства, тем не менее весьма близко к ней подходит. Он видит отличие приготовления от покушения в том, что волевые действия виновного при покушении непосредственно направлены на совершение преступления, а это и выражается в непосредственном посягательстве на объект³. Но ведь непосредственное посягательство на объект и есть создание реальной опасности наступления преступного результата.

А. Н. Трайнин полагал, что покушение имеет место там, где налицо все элементы состава данного преступления, за исключением одного лишь последствия, а приготовление имеет место там, где могут отсутствовать все элементы состава преступления, за исключением умысла и действия, не принадлежащего

¹ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 232—241. Ранее она развивала эти взгляды в работе «Применение категорий реальной возможности для построения понятия покушения», опубликованной на грузинском языке в Трудах Государственного университета Тбилиси, 1945, № 24.

² См. Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 118. Те же соображения она повторяет в работе «Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву», изд-во ЛГУ, 1958, стр. 81—82. Обоснованную критику положений Н. Ф. Кузнецовой дает Т. В. Церетели («Причинная связь в уголовном праве», стр. 236).

³ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 111—112.

к составу¹. Такое разграничение приготовления и покушения представляется нам чисто формальным и не дает в действительности критерия для разграничения этих стадий в развитии умышленной преступной деятельности. Состав одних преступлений сконструирован так, что последствия совершенных действий вовсе не принадлежат к составу преступления. Состав других преступлений сконструирован так, что способ действия не принадлежит к необходимым признакам состава преступления. В этих случаях состав преступления характеризуется результатом действия, а не самим действием. Таковы, например, убийство, телесное повреждение, истребление имущества и т. п. По этим основаниям следует признать, что формальный признак принадлежности совершенного действия к составу преступления не может еще помочь решению вопроса о том, к какой именно стадии в развитии преступной деятельности следует отнести совершенное действие.

Близка взглядам А. Н. Трайнина позиция Н. В. Лясс в этом вопросе. Лясс полагает, что специфика приготовления заключается в совершении действия, которое не является элементом данного состава преступления, но направлено на его осуществление, а при покушении преступник совершает действия, образующие объективную сторону состава преступления². Следует иметь в виду, что в основе взгляда А. Н. Трайнина и Н. В. Лясс лежит признание, что состав преступления охватывает лишь оконченное преступление и что ни приготовление, ни покушение не заключают в себе состава преступления. Н. Д. Дурманов с полным основанием отмечает, что данная позиция находится в противоречии с положением нашего уголовно-процессуального законодательства, допускающего уголовную ответственность лишь при наличии в действиях лица состава преступления³.

Единственным основанием ответственности по советскому уголовному праву является установление в действиях лица состава преступления. Признаки состава преступления указываются не только в Особенной части уголовного кодекса, но и в нормах его Общей части, в частности, в постановлениях о приготовлении и покушении. Как покушение на преступление, так и общественно опасное приготовление содержат в себе признаки состава преступления, поскольку они являются определенными общественно опасными деяниями. Поэтому юридическим основанием ответственности за приготовление и покушение является установление в действиях лица состава преступления, как и во

всех других случаях, когда речь идет об уголовной ответственности лица за оконченное преступление¹.

Одна лишь возможность наступления какого-либо события и его действительное наступление во всех областях общественной жизни не могут иметь одного и того же значения. Поэтому возможность наступления преступного результата (покушение) и его действительное наступление (оконченное преступление) имеют различное значение. Вот почему суды, несмотря на то, что уголовное законодательство предоставляет им право применять за покушение такое же наказание, как и за оконченное преступление, нередко смягчают наказание за покушение на преступление.

§ 2

Оконченное преступление

Преступление является оконченным тогда, когда совершенное виновным деяние содержит все признаки состава преступления, описанного в диспозиции уголовного закона. Таким образом, вопрос о наличии оконченного преступления решается в зависимости от обрисовки соответствующего состава преступления в Особенной части уголовного кодекса. Преступление может оказаться оконченным не только тогда, когда причинен тот или иной вред объекту посягательства, но и тогда, когда этот объект лишь поставлен в опасность причинения ему вреда. Уголовный закон уже с этого момента может признать наличие оконченного состава преступления.

¹ Н. Д. Дурманов правильно защищает позицию, что юридическим основанием ответственности за приготовление и покушение является то, что в совершенных лицом действиях имеется состав преступления. «Подобно тому как понятием преступления охватывается по советскому уголовному праву не только оконченное преступление, но и покушение, и приготовление (когда оно влечет уголовную ответственность), так и состав преступления представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих по закону определенное деяние как преступление, влекущее уголовную ответственность независимо от того, является ли оно оконченным преступлением, покушением или приготовлением. Можно, уточняя особенности стадий, говорить о составе оконченного преступления, покушения на то же преступление и приготовления» (Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 31). И. С. Тишкевич («Приготовление и покушение по советскому уголовному праву», стр. 8) признает, хотя и по другим мотивам, наличие состава преступления в приготовлении к совершению преступления или в покушении на его совершение. В. М. Чхиквадзе («Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве», «Советское государство и право» 1955 г. № 4, стр. 55) также признает наличие состава преступления в приготовлении к покушению на совершение преступления.

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 304.

² См. Н. В. Лясс, Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения, сб. «Вопросы уголовного права и процесса», стр. 52—57.

³ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 31.

В нашем уголовном законодательстве оконченные составы преступлений обычно обрисованы так, что их объективная сторона охватывает наступление определенных общественно опасных последствий. Так, общественно опасные последствия включены в качестве необходимого признака в состав хищения государственного и общественного имущества (ст.ст. 89, 90 и 92 УК РСФСР 1960 г.), умышленного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества (ст. 98 этого же кодекса), умышленного убийства или умышленного телесного повреждения (ст.ст. 102, 103, 104, 105, 108, 109, 110, 111, 112), кражи личного имущества (ст. 144), грабежа (ст. 145), обмана покупателей (ст. 156) и некоторых других преступлений, известных нашему уголовному законодательству.

Советское уголовное законодательство знает целый ряд случаев, когда преступление является оконченным при возможности наступления определенных вредных последствий. О создании угрозы наступления тяжелых последствий говорит, например, статья об ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации на транспорте (ст. 85 УК РСФСР 1960 г.).

В ряде случаев само действие (или бездействие) независимо от наступивших в дальнейшем последствий заключает в себе состав оконченного преступления (например, вымогательство — ст. 148 УК РСФСР 1960 г.). Когда состав оконченного преступления не связывается с наступлением общественно опасных последствий, редко может быть поставлен вопрос о стадии приготовления или покушения на совершение такого преступления.

Оконченный состав преступления иногда может оказаться лишь подготовительной стадией для совершения другого преступления. Так, для совершения убийства лицо незаконным путем приобретает огнестрельное оружие. Эти подготовительные действия заключают в себе вместе с тем и оконченный состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 218 УК РСФСР 1960 года (незаконное хранение огнестрельного оружия). В таких случаях приготовление к убийству или покушение на него заключает в себе признаки совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 218 и ст.ст. 15, 102 УК РСФСР 1960 года.

В нашем уголовном законодательстве и литературе по уголовному праву не всегда одинаково определялись признаки оконченного состава преступления. В Руководящих началах 1919 года преступление признавалось оконченным тогда, когда «намерение совершающего преступление осуществилось до конца» (ст. 17). При введении на территории Украины в декабре 1919 года Руководящих начал по уголовному праву изданным в связи с этим циркуляром Народного комиссариата юстиции оконченным признавалось преступление тогда, когда виновным было выполнено его преступное намерение. После принятия

Уголовного кодекса РСФСР и уголовных кодексов других союзных республик отпала необходимость давать общее понятие оконченного преступления, поскольку этот вопрос находил свое разрешение в статьях Особенной части этих кодексов.

Даваемое в настоящей работе понятие оконченного состава преступления ранее приводилось нами в учебниках Общей части советского уголовного права. Такое же понятие дается А. А. Герцензоном¹, оно воспроизводится в Юридическом словаре². Н. Д. Дурманов считает необходимым уточнить указанное определение оконченного преступления, подчеркнув направление умысла: «Оконченным преступление будет тогда, когда в совершаемом деянии имеются все признаки состава того преступления, на совершение которого был прямо направлен умысел виновного»³. Однако нужно иметь в виду, что юридически момент оконченного преступления определяется обрисовкой признаков состава преступления в уголовном законе, поэтому возможны случаи, когда момент окончания преступления не совпадает с моментом завершения реализации преступного намерения лица, т.е. моментом наступления желаемого виновным преступного результата. Типичным примером в этом отношении является состав разбоя с целью завладения государственным или общественным имуществом (ст. 91 УК РСФСР 1960 г.) и разбоя с целью завладения личным имуществом граждан (ст. 146). Здесь состав преступления является оконченным при осуществлении нападения в целях получения имущества, хотя бы эта цель еще и не осуществилась.

М. Д. Шаргородский считает преступление оконченным не только тогда, когда виновный довел до конца свое преступное намерение, но и тогда, когда полностью выполнено предусмотренное составом деяние, хотя желаемый результат и не наступил⁴. Авторы учебника Общей части уголовного права Германской Демократической Республики в связи со сказанным различают выполнение (Vollendung) преступления, когда действие виновного соответствует всем признакам состава преступления, и завершение (Beendigung) преступления, когда фактически было совершено преступное посягательство на защищаемый объект⁵. Это различие между юридическим и фактическим окончанием преступления должно быть принято во внимание при

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, стр. 358—359.

² Юридический словарь, т. 2, М., 1956.

³ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 53.

⁴ См. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 126.

⁵ Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik, Allgemeiner Teil, Berlin, 1957, S. 420—421.

решении ряда вопросов общей части уголовного права: признание своевременности необходимой обороны, когда юридически преступление выполнено, но фактически посягательство еще не завершилось, признание возможности пособничества вплоть до окончания фактического посягательства на охраняемый объект и т. п. Например, состав бандитизма (ст. 14 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) является законченным с момента организации вооруженной банды, однако пособничество бандитизму может быть осуществлено не только в процессе организации банды, но и при осуществлении отдельного бандитского налета. В связи со сказанным представляется необходимым рассмотреть вопрос о так называемых усеченных составах преступлений.

Перенесением момента окончания преступления на такую стадию в развитии преступной деятельности, в которой она не достигла по существу еще своего полного завершения, создаются в уголовном законодательстве «усеченные» составы преступлений. Здесь уже сама опасность причинения вреда рассматривается в качестве окончательного преступления. Этот законодательно-технический прием имеет большое значение в тех уголовных кодексах, где приготовление вовсе не влечет за собой уголовной ответственности, а покушение влечет за собой обязательное смягчение наказания. Путем создания «усеченного» состава, в котором момент окончания преступления перенесен по существу на стадию покушения, является возможным: 1) устранить обязательное смягчение уголовной ответственности за совершенное покушение на преступление, 2) в качестве покушения рассматривать ту стадию в развитии преступной деятельности (приготовление), которая по общему правилу при совершении других преступлений не влечет за собой уголовной ответственности. Путем «усеченного» состава и приготовительные действия могут быть объявлены окончательным преступлением.

Для советского уголовного права создание «усеченных» составов преступлений не имеет такого значения, поскольку наш уголовный закон не только не знает обязательного смягчения наказания за покушение, но и позволяет в случае необходимости наказывать приготовление как окончательное преступление. Поэтому сохранение в нашем законодательстве «усеченных» составов преступлений имеет смысл лишь в тех случаях, когда закон считает необходимым по тем или иным соображениям рассматривать как окончательное преступление опасность причинения вреда, независимо от наступления вредных последствий.

Так, в интересах охраны жизни и здоровья наш закон (ст. 140 УК РСФСР 1960 г.) считает окончательным преступле-

нием не только причинение вреда здоровью в результате несоблюдения соответствующих правил об охране труда, но и такое нарушение, которое могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжелые последствия. Часть 2 ст. 127 УК РСФСР 1960 г. признает в интересах охраны жизни человека окончательным преступлением сам факт заведомого оставления без помощи в опасном для жизни положении лица, которое было лишено возможности принять меры к самосохранению, если виновный обязан был иметь заботу о потерпевшем и имел возможность оказать потерпевшему помощь, хотя бы неоказание помощи и не сопровождалось причинением каких-либо вредных последствий. В этом случае у лица вообще может отсутствовать не только прямой, но и эвентуальный умысел на причинение каких-либо вредных последствий, однако у него имеется сознание, что лицо поставлено в опасное для жизни положение.

Существенное значение имеет использование конструкции «усеченного состава» преступления при определении уголовной ответственности за разбой. Хотя разбой наше уголовное законодательство всегда рассматривало не как преступление против личности, а как преступление имущественное, как особый вид похищения чужого имущества, тем не менее советский закон всегда связывал наличие окончательного состава разбоя с моментом совершенного нападения на человека с целью завладения имуществом. Этим подчеркивалась в законе особая опасность данного преступления в силу самого способа похищения чужого имущества. Поэтому нет необходимости говорить о покушении на разбой, когда при нападении было причинено тяжкое телесное повреждение потерпевшему, но преступнику не удалось завладеть принадлежащим ему имуществом. Такая конструкция состава разбоя, несомненно, более соответствует социалистическому правосознанию, поскольку разбой по характеру преступного посягательства является двуобъектным преступлением — посягающим и на имущество и на личность.

Н. Д. Дурманов неосновательно упрекает нас в недооценке значения «усеченных» составов преступлений в советском праве, в том, что мы сводим конструкцию «усеченного» состава преступления к законодательно-техническому приему третьестепенного значения¹. Из сказанного видно, что это не так. Однако существование «усеченных» составов имеет для советского уголовного права меньшее значение, чем для ряда буржуазных кодексов, которые формально признают ненаказуемость приготовления. С другой стороны, следует отметить неоправданное в ряде случаев использование конструкции «усеченного» состава преступления в нашем законодательстве. Так, трудно объяснить,

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 48—49.

почему ч. 1 ст. 196 УК РСФСР 1926 года, где говорилось о мошенничестве в отношении личного имущества граждан, перенесла момент окончания преступления на стадию покушения (сам факт обмана с целью получения чужого имущества является окончательным преступлением), а во второй части той же статьи, где речь шла о мошенничестве в отношении государственного или общественного имущества, для состава окончательного преступления требовался не только обман, но и получение таким путем имущественной выгоды. Это неоправданное различие в конструкции ответственности за мошенничество при хищении государственного и общественного имущества и при мошенничестве в отношении личного имущества граждан устранено в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Законодатель отказался от использования здесь «усеченного» состава преступления (ст.ст. 93 и 147 УК РСФСР 1960 г.).

Существование «усеченных» составов преступлений в нашем уголовном законодательстве неосновательно отрицалось А. Н. Трайниным на том основании, что «состав всегда един и всегда «полон» теми конкретными элементами, из которых он по закону складывается»¹. Это утверждение не может быть признано убедительным. В основе позиции А. Н. Трайнина лежал формальный подход к пониманию состава преступления: рассмотрение его в отрыве от материального содержания той преступной деятельности, которая предусмотрена в уголовном законодательстве данным составом преступления. Разбой как вид похищения имущества является материально завершенным, когда имущество перешло в обладание разбойника. Однако закон, как мы указывали, признает окончанным состав разбоя как только совершен сам факт нападения с целью завладения чужим имуществом. В отношении материального завершения этой преступной деятельности закон создал «усеченный» состав понятия мошенничества.

Понятием «усеченного» состава преступления в своих работах пользуются большинство советских криминалистов. Так, М. М. Исаев рассматривал, в частности, разбой как «усеченный» состав преступления². В. Д. Меньшагин констатирует, что многие составы преступлений против обороны СССР построены по методу «усеченного» состава преступления, считая, что это обусловлено в основном особой опасностью данной группы преступлений³. М. Д. Шаргородский пользуется понятием «усеченного» состава преступления, отмечая, что таким путем

законодатель подчеркивает необходимость усиления борьбы с теми или иными видами преступлений¹.

Н. Д. Дурманов, оспаривая позицию А. Н. Трайнина, считает вместе с тем, что термин «усеченный» состав неточен; он предпочитает говорить о составах, в которых момент окончания преступления перенесен на более раннюю стадию, когда виновный еще не закончил действий, выражающихся в посягательстве на объект преступления². Н. В. Лясс пользуется понятием «усеченного» состава преступления, отмечая, что они усложняются в случаях особо опасных преступлений и служат целям активной борьбы с преступностью на ее ранних стадиях³.

Утверждение А. Н. Трайнина, что признание наличия в законодательстве «усеченных» составов якобы способно «вести к серьезным ошибкам судебной практики»⁴, является ничем не подтвержденным положением, находящимся в явном противоречии с действительностью. Правильным скорее следует признать обратное: игнорирование наличия в нашем уголовном законодательстве «усеченных» составов преступлений может вести к ошибкам судебной практики.

Решение вопроса о том, было ли в действиях обвиняемого покушение на преступление или окончательный состав преступления, иногда приобретает важное значение для правильной юридической оценки совершенного лицом деяния. Для практической работы органов прокуратуры и суда в ряде случаев имеет, например, весьма существенное значение правильное установление момента окончания хищения государственного, общественного и личного имущества граждан. Эти вопросы неоднократно возникали в практике Верховного Суда СССР.

Вопрос о понимании окончательного преступления и покушения был поднят в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 февраля 1948 г. по делу М.: «То обстоятельство, что по не зависящим от них причинам М. и С. оказались не в состоянии реализовать похищенное имущество, не наделяет их действия признаками покушения, так как кража должна считаться оконченной в момент перехода изымаемого имущества во владение виновного, а не в момент реализации похищенного имущества».

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 ноября 1948 г. по делу Л., Ч. и Б. показывает, какое значение

¹ Рецензия на Учебник уголовного права, Общая часть (ВИЮН, М., 1938), «Советская юстиция» 1939 г. № 4, стр. 58.

² См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 43.

³ См. Н. В. Лясс, Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, 1952, стр. 14.

⁴ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 99.

¹ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 99.

² См. М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, стр. 59.

³ См. В. Д. Меньшагин, Преступления против обороны СССР, автореферат докторской диссертации, 1951, стр. 28.

могло иметь установление момента окончания хищения имущества для правильного применения закона.

А., Ч. и Б. были признаны виновными в том, что первый, будучи старшим помощником начальника станции, второй — маневровым диспетчером и третий — начальником масляного хозяйства, используя свое служебное положение, 30 мая 1947 г. подали на склад цистерну, из которой слили около 10 т бензина. Вначале слитый бензин Б. расходовал на хозяйственные нужды станции, а затем за период с конца июня по сентябрь 1947 года Б., Ч. и А. продали 7300 кг бензина за 24 тыс. руб. и деньги присвоили.

Определением Коллегии Верховного Суда СССР от 30 июня 1948 г., рассматривавшей дело по кассационным жалобам осужденных, преступление Ч., А. и Б. было переквалифицировано со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на Закон от 7 августа 1932 г. об охране общественной (социалистической) собственности.

Изменение приговора Коллегия мотивировала тем, что хищение бензина имело место 30 мая 1947 г., т. е. до издания Указа от 4 июня 1947 г., который обратной силы не имеет. Противоположный взгляд обосновывался следующими соображениями: Ч., А. и Б. 30 мая 1947 г. не похитили бензин из цистерны, а, используя свое служебное положение, незаконно слили бензин на склад масляного хозяйства и затем расходовали этот бензин на хозяйственные нужды. Лишь впоследствии, т. е. после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., осужденные похищали бензин со склада и продавали его, а деньги присваивали. При такой оценке действий осужденных они подлежали ответственности по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г.

Пленум Верховного Суда СССР признал хищение окончательным, когда осужденные 30 мая 1947 г. незаконно слили бензин из цистерны на склад с целью его присвоения. То обстоятельство, что осужденные использовали для этой цели склад масляного хозяйства и что реализация ими бензина имела место после издания Указа от 4 июня 1947 г., не может в данном случае служить основанием для применения этого Указа, так как само изъятие бензина из цистерны имело место 30 мая 1947 г. Пленум Верховного Суда СССР признал правильную позицию, занятую Коллегией в этом вопросе.

Оконченным следует признать преступление тогда, когда совершенные действия полностью осуществляют все признаки данного состава преступления. При похищении имущества момент окончания преступления следует связывать с моментом изъятия имущества из чужого владения и установления неза-

конного владения на стороне похитителя. Поэтому в данном случае хищение было окончено, когда бензин был незаконно изъят из цистерны. Использование склада в качестве места, где находился похищенный бензин, не меняет того положения, что хищение было окончено 30 мая 1947 г. Момент реализации похищенного лежит уже за пределами состава преступления хищения и не может повлиять на установление момента окончания этого деяния.

Характер оконченного умышленного преступления определяется направленностью умысла. Это надо иметь в виду для правильного разграничения умышленного убийства, которое может влечь за собой в определенных случаях применение высшей меры наказания, и умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего, которое может караться только лишением свободы (ст. 108 УК РСФСР 1960 г.). В нашей судебной практике иногда допускаются в этом отношении ошибки: вопрос о разграничении этих составов преступлений решается не на основе выяснения направленности умысла виновного, а чисто механически — путем выяснения, последовала ли смерть потерпевшего немедленно после умышленно нанесенного ранения (в этом случае признается наличие умышленного убийства) или спустя известный промежуток времени (в этом случае признается наличие умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего).

Пленум Верховного Суда РСФСР еще в 1924 году совершенно правильно разъяснил, что решающим моментом для квалификации умышленного нанесения ран ножом, вследствие чего произошла смерть, является выяснение вопроса о том, какая цель преследовалась совершающим преступление — убийство или нанесение ран. Пленум указал, что этот вопрос следует решать на основе конкретных обстоятельств дела, в зависимости от чего преступление и надлежит квалифицировать¹. Аналогичные указания содержались в последующих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и в определениях его коллегий по конкретным делам.

Так, Г. был признан виновным в том, что нанес удар ножом в левое бедро Павлову; последний от нанесенного ранения в результате потери крови скончался. Суд осудил Г. за умышленное убийство. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 августа 1956 г. признал эту квалификацию неправильной. Г. утверждал, что он не имел намерения убить Павлова. Это объяснение подтверждалось характером нанесенного Павлову ранения в ногу, которое обычно не может повлечь смертельного

¹ См. «Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР», М., 1932, стр. 297—298.

исхода; в данном случае смерть потерпевшего явилась результатом неблагоприятно сложившихся обстоятельств, вызванных тем, что удар пришелся по крупному кровеносному сосуду ноги. Это нашло подтверждение и в заключении судебно-медицинской экспертизы. Пленум признал, что умысел Г. был направлен на нанесение ножевого ранения и смерть потерпевшего он не предвидел, хотя и должен был ее предвидеть, и квалифицировал совершенное Г. преступление как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. Однако в тех случаях, когда умысел виновного, хотя бы косвенный, охватывал предвидение возможности наступления от нанесенного ранения смертельного исхода, который в действительности и наступил, все совершенное следует квалифицировать как умышленное убийство.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», специально рассматривая этот случай, дал судам следующее указание: «Если... суд признает установленным, что подсудимый предвидел возможность причинения смерти и относился безразлично к этим последствиям, действия виновного, как совершенные с косвенным умыслом, должны квалифицироваться как умышленное убийство».

§ 3

Обнаружение умысла

Обнаружение умысла (голый умысел) есть выражение его вовне словесно, письменно или иным путем без совершения действий по его осуществлению. Обнаружение умысла является такой стадией развития преступной деятельности, которая не влечет за собой уголовной ответственности. Заявление кем-либо о своем намерении совершить кражу, повреждение чужого имущества и т. д. не дает еще основания для привлечения к уголовной ответственности. Ненаказуемость голого умысла является одной из важных правовых гарантий личности. К. Маркс, защищая демократические принципы в организации репрессии, писал, что «простое заявление о намерении сделать то-то и то-то не может послужить поводом для преследования меня ни со стороны уголовной, ни со стороны исправительной полиции. ...Только поступки доказывают, насколько серьезно было заявление»¹. В другом месте по этому вопросу он писал: «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область дей-

ствительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»¹.

В письме НКЮ и Верховсуда РСФСР по применению Уголовного кодекса 1926 года указывалось: «Один лишь голый умысел, голое намерение совершить преступление, не выразившееся в конкретных действиях, не является преступлением и не влечет применения мер социальной защиты»².

В обнаружении умысла отсутствует состав преступления потому, что при этом лицо еще не совершает никаких действий, которые могли бы быть признаны общественно опасными. При обнаружении умысла отсутствуют все необходимые как объективные, так и субъективные признаки состава преступления. Поэтому нельзя признать правильным утверждение А. Н. Трайнина, что вина в форме умысла имеется в тех случаях, когда субъект лишь задумал совершить преступление, но не предпринял каких-либо действий для их осуществления³. Для признания вины лица недостаточно умысла на совершение общественно опасного деяния, необходим умысел, выраженный в совершении такого деяния. Где не совершено общественно опасное деяние, там нет ни субъекта, ни объекта преступления, ни субъективной, ни объективной стороны его состава. Нельзя поэтому голый умысел отождествлять с виной в форме умысла.

Обнаружение умысла не является общественно опасным. Однако в ряде случаев обнаруженный умысел преследует свои самостоятельные цели и является поэтому не только стадией в развитии данной умышленной преступной деятельности, но вместе с тем и средством непосредственного посягательства на другие охраняемые законом государственные или общественные интересы или интересы отдельных граждан. В этом случае обнаружение умысла может заключать в себе состав самостоятельного преступления. Типичным примером в этом отношении являются случаи наказуемой угрозы. Однако это не колеблет общего положения о ненаказуемости обнаружения умысла как стадии развития преступной деятельности.

В советской теории уголовного права В. Д. Меньшагиным был специально поставлен вопрос об ответственности военнослужащего за высказывание намерения нарушить требования военной дисциплины, имевшее место в присутствии других военнослужащих. Оно может представлять собой известную степень общественной опасности (например, высказывания военнослужащего в присутствии других о своем намерении дезертировать, не выполнить приказ, оказать сопротивление началь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 14.

² «Еженедельник советской юстиции» 1927 г. № 2, стр. 44.

³ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 98.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 242.

нику и т. п.). Обнаружение умысла совершить преступление со стороны начальника, как явно подрывающее его авторитет в глазах окружающих и воинскую дисциплину, должно влечь за собой уголовную или дисциплинарную ответственность как за злоупотребление властью, если оно не заключает в себе признаков другого более тяжкого преступления. В отношении лиц рядового состава обнаружение умысла должно влечь за собой дисциплинарную ответственность, если оно по своему характеру не заключает в себе признаков самостоятельного преступления (например, подстрекательства к неповиновению воинскому начальству)¹.

По общему правилу угроза совершить преступление не включает в себя состава преступления. ВЦИК РСФСР при принятии Уголовного кодекса РСФСР 1922 года отклонил статью, устанавливающую уголовную ответственность за угрозу. Лишь специальным дополнением к кодексу, принятым ВЦИК 25 марта 1929 г., была введена в определенных пределах уголовная ответственность за угрозу совершить преступление. Это дополнение было внесено в виде ст. 73¹, предусматривающей угрозу убийством, истреблением имущества или совершением насилия по отношению к должностным лицам или общественным работникам, примененную в целях прекращения их служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего. Введение этой статьи вызывалось необходимостью усилить охрану общественных работников и представителей советской власти от посягательств на них со стороны классово враждебных элементов. Угроза здесь служила средством принудить должностное лицо или общественного работника к изменению их деятельности в интересах угрожающего. В данном случае не только обнаруживался определенный умысел (убить, истребить имущество, произвести насилие), но и совершалось другое преступление — посягательство на личную свободу этих лиц и вместе с тем оказывалось противодействие нормальной деятельности советского государственного аппарата.

Закон от 7 августа 1932 г. об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности в своей третьей части специально предусматривал в качестве государственного преступления применение угрозы и проповедь применения угрозы к колхозникам с целью заставить их выйти из колхоза. Здесь также угроза являлась не только выражением умысла лица совершить какое-либо насилие в отношении колхозника, но и была средством для достижения иных общественно опасных

целей (разрушение колхоза, принуждение колхозников выйти из колхоза). Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ч. 1 ст. 193 предусматривает особый состав преступления — угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога по отношению к должностному лицу или общественному работнику, примененную в целях прекращения служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего.

Специального внимания заслуживает вопрос об ответственности за угрозу, высказанную военнослужащим-подчиненным в адрес своего начальника. При всех условиях она является нетерпимой, так как грубо нарушает требования воинской дисциплины. В зависимости от характера угрозы и умысла виновного она влекла за собой уголовную ответственность или как за оскорбление, или как за принуждение начальника (например, угроза расправиться с ним, если он не освободит от выполнения данного приказа); в определенных условиях она могла заключать в себе состав сопротивления начальнику. Учитывая потребности практики, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях» дополнил Положение ст. 3¹, которая предусматривала уголовную ответственность за угрозу убийством, причинением телесного повреждения или нанесением побоев начальнику в связи с его служебной деятельностью. Сам факт такой угрозы являлся посягательством на порядок воинской подчиненности и грубо нарушал воинскую дисциплину.

Закон об уголовной ответственности за воинские преступления, принятый Верховным Советом СССР в декабре 1958 года, в ст. 5 (ст. 241 УК РСФСР 1960 г.) предусмотрел ответственность за угрозу начальнику убийством, причинением телесных повреждений или нанесением побоев в связи с исполнением им обязанностей по военной службе.

Уголовный кодекс Туркменской ССР 1927 года и Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1927 года содержали специальные составы преступления — угрозу лишить кого-либо жизни или причинить иные насильственные действия при наличии достаточного основания опасаться приведения угрозы в исполнение. В силу практической важности установления уголовной ответственности за подобную угрозу такой состав преступления предусматривается в ст. 207 УК РСФСР 1960 года, согласно которой угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев или исправительными работами на срок до одного года, или общественным порицанием, либо влечет применение мер общественного воздействия. Ответственность за такую угрозу устанавли-

¹ См. В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву, Труды ВЮА, вып. III, Ашхабад, 1943, стр. 90—91.

вается и в уголовных кодексах других союзных республик. Так, Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 года в ст. 117, Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1960 года в ст. 101, Уголовный кодекс Украинской ССР 1960 года в ст. 100 предусматривают ответственность за угрозу убийством при наличии реальных оснований опасаться приведения угрозы в исполнение.

Обнаружение умысла обычно рассматривается как ненаказуемая стадия в развитии умышленной преступной деятельности¹.

Ряд советских криминалистов считают, что обнаружение умысла не может рассматриваться как стадия в развитии преступной деятельности, хотя бы по общему правилу и не наказуемая. Наиболее подробно эта точка зрения аргументирована Н. Д. Дурмановым. Он отказывается рассматривать обнаружение умысла как стадию в развитии преступной деятельности потому, что оно не является каким-либо движением по пути к совершению преступления, «не означает реализации какой-либо части умысла, не представляет нового в сравнении с формированием умысла»². Конечно, верно, что обнаружение умысла не означает реализации хотя бы его части, однако неправильно считать, что оно не представляет ничего нового по сравнению с внутренним формированием умысла. Обнаружение умысла выявляет вовне уже сформировавшийся умысел, и в том его качественное отличие от процесса внутреннего формирования умысла. Исключить вопрос об обнаружении умысла из рассмотрения вопроса о стадиях развития преступной деятельности нельзя, хотя бы потому, что такое рассмотрение дает возможность обосновать ненаказуемость обнаруженного умысла.

Что касается наказуемости обнаружения умысла в случаях, особо указанных в Особенной части уголовного кодекса³, то Н. Д. Дурманов склонен рассматривать такие преступления

¹ См. «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1948; «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952; «Советское уголовное право, часть Общая» М., 1958; В. Д. Меньшагин, Э. А. Вышинская, Уголовное право, учебник для юридических школ, М., 1951.

² Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 21—22. Не признает обнаружение умысла стадией развития преступной деятельности Н. Ф. Кузнецова. (Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву, стр. 30). Такого же взгляда придерживается и И. С. Тишкевич (Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, стр. 33), а также авторы учебного пособия «Советское уголовное право, часть Общая» (стр. 377).

³ Наказуемость в этих случаях обнаружения умысла признает А. А. Герцензон (Уголовное право. Часть Общая, стр. 348); об этом же говорит «Программа по советскому уголовному праву», М., 1953, стр. 10.

лишь как деяния, направленные на другой объект и содержащие в себе все признаки самостоятельного состава преступления. То, что наказуемая угроза включает в себе состав самостоятельного преступления, не вызывает каких-либо сомнений и является положением бесспорным. Однако Н. Д. Дурманову не удалось доказать, что при этом она одновременно не может рассматриваться как обнаружение умысла на совершение преступления. Он сам признает, что «наказуемая угроза убийством в отношении частного лица, караемая по уголовным кодексам Туркменской и Азербайджанской ССР, может вместе с тем представлять собой обнаружение умысла на действительное совершение убийства, которым угрожает виновный»¹.

§ 4

Приготовление

Приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления (ст. 15 Основ уголовного законодательства, ст. 15 УК РСФСР 1960 г.). Такое же понятие приготовления давал Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, не указывая лишь специально на умышленный характер действий лица (ст. 19). Таким образом, к приготовлению следует отнести такие действия, как приобретение तोпора для убийства, обследование места, где можно проникнуть в здание для совершения кражи, подыскание соучастников преступления, отправление в засаду для совершения убийства, изготовление клише для печатания фальшивых червонцев и т. д.

В ряде определений Верховного Суда СССР указывалось, что как приготовление следует рассматривать сам факт сговора совершить преступление. Это есть не что иное, как создание условий для совершения преступления. Такая позиция нашла свое выражение в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 18 ноября 1944 г. по делу П. Он, отбывая наказание в местах лишения свободы, задумал совершить побег и уговорил В. и Л. бежать вместе с ним. Хотя В. и Л. дали на это согласие, однако побега не совершили. В определении по данному делу Коллегия указала, что В. и Л. совершили лишь подготовительные действия к побегу. Поскольку В. и Л. добровольно отказались от своего замысла, Судебная

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 25.

коллегия Верховного Суда СССР признала, что они были правильно оправданы судом первой инстанции.

Приготовительные действия не ставят еще непосредственно в опасность охраняемые советским законом общественные отношения, они создают лишь условия для возможности достижения в дальнейшем преступного результата. Это есть первый этап в реализации преступного умысла лица.

Нельзя поэтому признать правильным определение приготовления как действия, явившегося началом осуществления преступления¹. Основные начала 1924 года пользовались понятием «начатого преступления», которое по разъяснению постановления 20-го Пленума Верховного Суда СССР от 7 мая 1928 г., утвержденного Президиумом ЦИК СССР от 31 октября 1928 г., охватывало не только покушение, но и всякие приготовительные к преступлению действия. Однако этот термин употреблен был Основными началами для того, чтобы отграничить всю предварительную преступную деятельность целиком от оконченного преступления. Недостаточная ясность его потребовала специального аутентического толкования.

А. Н. Трайнин считал приготовлением действие, которое не является необходимым элементом состава преступления, но представляет собой лишь необходимый акт, обеспечивающий совершение преступления². Мы уже указывали, что по этому признаку нельзя провести различие между приготовлением и покушением. Покушение также является необходимым актом, обеспечивающим совершение преступления.

Действующее уголовное законодательство допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение приготовительных к преступлению действий и не знает при этом обязательного смягчения наказания. Однако опыт многих лет показывает, что на практике к уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления привлекали в сравнительно редких случаях, что вызывалось различными основаниями. Во-первых, по приготовлению не всегда можно распознать наличие у преступника определенного умысла, направленного на совершение преступления (например, топор может быть куплен для колки дров, а не для убийства), во-вторых, приготовление даже в тех случаях, когда оно свидетельствует о наличии у субъекта определенного умысла, все-таки, по общему правилу, еще не свидетельствует о том, что намерение субъекта совершить преступление достигло уже не-

¹ См. И. С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, стр. 43.

² См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 313.

преклонной решимости. Те мотивы, которые оказались достаточными, чтобы человек совершил те или иные приготовительные действия, могут оказаться недостаточными для совершения самого преступления. Наконец, ненаказуемость приготовления может быть еще обусловлена и тем, что оно само по себе не представляет действительной угрозы интересам, охраняемым правом, не ставит их в непосредственную опасность. Привлечение к уголовной ответственности на практике имеет место лишь при совершении приготовительных действий к наиболее тяжким преступлениям. В связи с этим естественно возникал вопрос о том, насколько целесообразно было в дальнейшем сохранить общий принцип наказуемости приготовительных действий в нашем уголовном законодательстве. В процессе работы над проектом Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик этот вопрос вызвал разногласия среди советских криминалистов. Поскольку опыт судебной практики за многие годы показывал, что приготовительные действия в громадном большинстве случаев признавались лишенными общественной опасности, то нам казалось целесообразным для внесения большей определенности в работу судебных и прокурорских органов, для дальнейшего укрепления социалистической законности установить в новом уголовном законодательстве положение, что приготовление карается лишь в случаях, специально указанных в Особенной части уголовного кодекса. Следует отметить, что в уголовном законодательстве ряда стран народной демократии принята именно такая система ответственности за приготовление (например, в Болгарии, Венгрии, Чехословакии). Предложение ограничить ответственность за приготовление лишь случаями, специально указанными в Особенной части уголовного кодекса, поддерживали Т. В. Церетели, М. И. Ковалев, Н. В. Лясс, И. С. Тишкевич и другие авторы¹. Ряд советских криминалистов, например А. Н. Трайнин, В. М. Чхиквадзе, Н. Ф. Кузнецова², высказывались за сохра-

¹ См. А. Пионтковский, Основные вопросы проекта Уголовного кодекса, «Социалистическая законность» 1954 г. № 1, стр. 33; Т. Церетели, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, «Социалистическая законность» 1954 г. № 12, стр. 10—14; М. Ковалев, Ответственность за приготовительные к преступлению действия, «Социалистическая законность» 1954 г. № 8, стр. 20—28; Н. В. Лясс, Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, 1952, стр. 10; И. С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, стр. 80.

² См. А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, «Социалистическая законность» 1953 г. № 12, стр. 28—83; В. М. Чхиквадзе, Некоторые вопросы советского уголовного права в связи с разработкой проекта Уголовного кодекса СССР, «Советское государство и право» 1954 г. № 4, ст. 59; Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву, изд-во МГУ, 1958, стр. 76.

нение по общему правилу ответственности за приготовление наравне с покушением, как это ранее предусматривалось Основными началами 1924 года и Уголовным кодексом РСФСР 1926 года.

Основы уголовного законодательства 1958 года не изменили в этом вопросе прежней позиции нашего законодательства. Они не содержат в ст. 15 каких-либо ограничений в отношении уголовного преследования за приготовление.

Тем не менее приготовление, несмотря на общее указание о его наказуемости, карается фактически в немногих случаях, лишь когда оно представляется общественно опасным. Эта общественная опасность приготовления определяется прежде всего характером объекта посягательства, на которое направлены приготовительные действия. Разумеется, приготовление к убийству, государственному преступлению или крупному хищению социалистической собственности значительно более опасно, чем приготовление к нанесению побоев. Общественная опасность приготовительных действий определяется также и степенью их близости к стадии покушения на преступление, создающей уже непосредственную, реальную опасность для охраняемых законом общественных отношений. Определенное значение для характеристики общественной опасности приготовительных действий имеет и степень устойчивости, прочности умысла лица, направленного на совершение преступления и выявленного уже при совершении приготовительных действий.

Таким образом, общественная опасность приготовительных действий оценивается на основе широкого круга конкретных обстоятельств, при которых имело место совершение этих действий.

§ 5

Покушение

Среди уголовных кодексов отдельных союзных республик, изданных в 1926—1928 гг., лишь Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года содержал непосредственное определение понятия покушения: «Покушением на преступление считается действие, направленное на совершение преступления, когда совершающий таковое не привел своего намерения в исполнение как потому, что он не выполнил всего того, что считал необходимым для приведения своего намерения в исполнение, так и потому, что несмотря на выполнение им всего того, что он считал необходимым, преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим» (ст. 16). Так как уголовные кодексы отдельных союзных республик, в том числе и Уголовный кодекс УССР, считали приспособление орудий или средств к соверше-

нию преступления приготовлением, то покушением по советскому уголовному законодательству должно было быть признано действие, направленное непосредственно на совершение преступления. Такое понятие покушения было воспринято ст. 15 Основ уголовного законодательства 1958 года: «Покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного». Указание закона, что при покушении преступление не было доведено до конца вопреки воле виновного, следует понимать, что оно не было доведено до конца вопреки его желанию довести начатое для совершения преступления действие до конца.

При покушении само умышленно совершенное действие ставит непосредственно в опасность охраняемые советским законом общественные отношения.

Признание тех или иных действий покушением на совершение преступления или приготовлением к нему зависит от того, направлено ли данное действие непосредственно на совершение преступления или лишь только на создание к тому необходимых условий. Поэтому одно и то же действие может быть признано приготовлением или покушением в зависимости от того, о совершении какого преступления идет речь: в тех случаях, когда преступник был задержан при взломе замка квартиры, он подлежит ответственности за покушение на кражу, если у него умысел был направлен на хищение имущества, и он подлежит ответственности за приготовление к убийству, если у него был умысел на убийство лица, проживающего в этой квартире.

Таким образом, покушение на преступление будет тогда, когда лицо, намеревавшееся убить, замахнулось ножом или стреляло, но промахнулось, или когда лицо, намеревавшееся украсть, запустило руку в чужой карман или проникло в закрытое помещение, где находилась вещь, и т. п. В этом смысле понимает покушение и судебная практика. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 7 декабря 1945 г. по делу Д. и других признал наличие покушения на хищение социалистической собственности в действиях Д. и других лиц, которые по предварительному сговору между собой проникли в помещение цеха с целью совершить хищение мануфактуры, но осуществить свое намерение не смогли, так как были обнаружены охраной фабрики.

Вопрос о направленности умысла лица имеет существенное значение для правовой оценки совершенного виновным действия как покушения на определенное преступление или как оконченного состава какого-либо иного преступления. Этот вопрос в судебной практике нередко возникал при квалификации посягательств против личности.

При направленности умысла на лишение жизни потерпевшего нанесение ранений, не повлекших за собой смерти потерпевшего, следует квалифицировать как покушение на убийство, а не как умышленное причинение телесного повреждения.

Покушение может быть оконченным и неоконченным. Неоконченным является такое покушение, при котором лицо не совершило еще всего того, что считало необходимым для приведения своего намерения в исполнение. Например, вор, желая похитить личное имущество гражданина, спавшего с открытым окном во втором этаже дома, подставил к окну лестницу и был задержан, когда пытался перешагнуть через подоконник.

Оконченным является такое покушение, при котором лицо совершило все, что оно считало необходимым для приведения своего намерения в исполнение, но результат почему-либо все же не наступил. Например, вор, желая обворовать склад, взломал дверь, проник в склад, но ничего не похитил, так как склад оказался пустым. Указанное различие в степени осуществления преступного намерения может учитываться при выборе наказания за совершенное покушение. Оно имеет существенное значение при установлении наличия добровольного отказа от покушения.

Против необходимости деления покушения на оконченное и неоконченное в нашей литературе неоднократно высказывались возражения. А. Н. Трайнин еще в 1929 году выступил с утверждением, что после введения в Основные начала 1924 года понятия «начатого преступления» якобы утратило значение деление покушения на оконченное и неоконченное. В ряде кандидатских диссертаций, опубликованных после Великой Отечественной войны, были высказаны взгляды, что деление покушения на оконченное и неоконченное не имеет значения для нашего уголовного законодательства и является формалистическим. Такое мнение было высказано И. З. Каплуном¹ и Н. Ф. Кузнецовой². С утверждением, что действующее советское уголовное законодательство и судебная практика не знают деления покушения на оконченное и неоконченное, выступили, кроме того, Г. А. Кригер, Б. М. Леонтьев и В. С. Орлов³. Необходимость сохранения понятия оконченного и неоконченного покушения защищалась нами во всех изданиях учебника Общей части советского уголовного права. Понятием неоконченного и оконченного покушения пользуются в своих работах

¹ См. И. З. Капун, Приготовление и покушение в советском уголовном праве, автореферат канд. диссертации, Свердловск, 1947, стр. 10.

² См. Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, М., 1953. Тот же взгляд проводится ею и в работе «Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву», стр. 94—95.

³ См. «Вестник Московского университета», серия общественных наук, 1954, № 1, стр. 143.

А. А. Герцензон, М. Д. Шаргородский, Н. Д. Дурманов и ряд других советских криминалистов. Обстоятельную критику взглядов, отрицающих необходимость этого деления для советского уголовного права, дал Н. Д. Дурманов¹. Закон (ст. 15 Основ уголовного законодательства, ст. 15 УК РСФСР 1960 г.) требует при назначении наказания за совершенное покушение учитывать «степень осуществления преступного намерения», а тем самым учитывать и различие оконченного и неоконченного покушения. Это деление имеет, таким образом, существенное значение при определении меры наказания в пределах карательной санкции уголовного закона. Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года в ст. 16 непосредственно в определение самого понятия покушения вводил в свое время различие между неоконченным и оконченным покушением. Неоконченное покушение некоторые советские криминалисты (Н. Ф. Кузнецова, М. Д. Шаргородский и др.) именуют прерванным покушением. Нам представляется более правильным говорить в этом случае о неоконченном покушении, поскольку несовершенство дальнейших действий здесь может обуславливаться не только тем, что развитие преступной деятельности было прервано в результате вмешательства посторонних для виновного сил, но и решением самого виновного.

Различие между оконченным и неоконченным покушением основано на самом существе развития преступной деятельности как реализации воле преступного умысла. При оконченном покушении виновный делает все, что он считает необходимым для наступления преступного результата, но последний не наступает по обстоятельствам, от него не зависящим. При неоконченном покушении виновный, начав исполнение преступления, не совершает еще всех тех действий, которые он считает необходимыми для достижения преступного результата. В связи с этим неоконченное и оконченное покушение представляют собой различную степень общественной опасности, поскольку при неоконченном покушении задуманные виновным преступные действия не были еще все полностью осуществлены.

В нашей литературе существует разногласие по вопросу о том, каким критерием нужно пользоваться для проведения различия между оконченным и неоконченным покушением — объективным или субъективным. Большинство советских криминалистов, выступавших в печати по этому вопросу, держатся субъективного критерия, т. е. считают, что покушение является оконченным тогда, когда виновный выполнил все те действия, которые он считал необходимыми для наступления преступного результата. Такая точка зрения проводилась нами во всех из-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 144—145.

даниях учебника *Общей части уголовного права*, такого взгляда придерживается в этом вопросе и Н. Д. Дурманов¹. Некоторые советские криминалисты при различии неоконченного и оконченного покушения пользуются объективным критерием, т. е. считают неоконченным то покушение, в котором не были выполнены все действия, которые были необходимы для наступления преступного результата, а оконченным все те действия, которые были необходимы для его наступления². Объективный критерий не может дать ясного разграничения рассматриваемых видов покушений, так как в тех случаях, когда преступный результат не наступил, следует в большинстве случаев признать, что объективно не были выполнены все действия, необходимые для наступления данного преступного результата³. Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года, который в ст. 16 проводил различие между неоконченным и оконченным покушением, придерживался при этом субъективного критерия для описания того и другого вида покушения.

Против использования субъективного критерия для разграничения оконченного и неоконченного покушения в нашей печати было выдвинуто возражение, что это якобы не соответствует принятому большинством советских криминалистов разграничению приготовления и покушения по объективному признаку. Однако с этим возражением нельзя согласиться. Разграничение приготовления и покушения есть разграничение двух качественно различных стадий в развитии преступной деятельности, разграничение же неоконченного и оконченного покушения проводится в пределах одной и той же стадии преступной деятельности. Здесь разграничение преследует другие задачи, а именно выяснить, сделал ли виновный все, что было необходимо с его точки зрения для осуществления своего преступного намерения, или не сделал⁴.

¹ См. Н. Д. Дурманов, *Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву*, стр. 146.

² См. И. С. Тишкевич, *Приготовление и покушение по советскому уголовному праву*, стр. 159.

³ См. А. А. Герцензон («Уголовное право, часть Общая», стр. 346), различая оконченное и неоконченное покушение, предлагает далее делить неоконченное покушение на добровольно оставленное и прерванное, а оконченное — на годное и негодное. Подобная классификация порождает серьезные сомнения. Отнесение в схеме стадий развития преступной деятельности добровольно оставленного покушения лишь к неоконченному покушению влечет за собой вывод, что добровольный отказ мыслимо только на стадии покушения, хотя в действительности добровольный отказ может иметь место и на стадии приготовления. Отнесение негодного покушения лишь к оконченному покушению означает, что неоконченное покушение не может быть негодным, хотя покушение на негодный объект и покушение с негодными средствами могут быть и неоконченным покушением. Более того, мыслимо и негодное приготовление к преступлению.

Утверждение Н. Ф. Кузнецовой, что субъективный критерий различия неоконченного и оконченного покушения противоречит задаче установ-

Уголовные кодексы стран народной демократии содержат специальные постановления об ответственности за покушение на совершение преступления. Так, *Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики* в § 17 определяет, что покушением на преступление является деяние, которым преступник приступил к совершению умышленного преступления, но не довел его до конца. В силу § 18 покушение на преступление предлежит так же, как и оконченное преступление. Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики в § 5 признает покушением общественно опасное действие, совершенное с умыслом причинить предусмотренный законом результат, если этот результат не наступил. Покушение наказуемо как само преступное деяние, однако при определении наказания учитываются обстоятельства и причины, в силу которых последствие, предусмотренные законом, не наступили, а также близость наступления последствий. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии считает покушением деяние, которым начато, но не окончено исполнение умышленного преступления (ст. 16). Покушение подлежит наказанию, предусмотренному в Уголовном кодексе за оконченное преступление.

§ 6

Область применения понятий приготовления и покушения

Приготовление и покушение на преступление могут иметь место не при всех преступлениях. Область применения этих понятий ограничивается как определенными субъективными признаками состава преступления, так и его объективными признаками.

а) Ограничение применения понятий приготовления и покушения субъективными свойствами преступления. О приготовлении и покушении не может быть речи при неосторожных преступлениях. Приготовление и покушение представляют собой стадии в развитии умышленного преступления¹. Это выражено в нашем уголовном

ления объективной истины по делу (см. ее работу «Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву», стр. 94), основано на явном недоразумении. В содержании объективной истины входит и установление судом многих субъективных моментов в деятельности виновного (форма вины, мотив и т. д.).

¹ Некоторые уголовные кодексы буржуазных стран содержат постановления, допускающие уголовную ответственность за покушение на неосто-

законодательстве. Умышленный характер деятельности при приготовлении и покушении непосредственно подчеркивается в определениях понятий приготовления и покушения, данных в ст. 15 Основ уголовного законодательства (ст. 15 УК РСФСР 1960 г.).

Логически казалось бы возможным представить себе наличие некоторой предварительной преступной деятельности и при реализации косвенного умысла. Однако эта деятельность направлена фактически непосредственно на достижение других преступных или не преступных целей. Этим определяется внутренний смысл такой деятельности. Иной результат действия лица, который охватывается его косвенным умыслом, выступает всего лишь как возможный, побочный продукт этой деятельности. Не желая достигнуть определенного результата, лицо не может и покушаться на его достижение. По указанным основаниям необходимо признать, что наказуемость предварительной преступной деятельности имеет место лишь в процессе реализации прямого умысла.

К приведенным соображениям могут быть присоединены и соображения процессуального порядка о том, что если бы даже признать возможным покушение с эвентуальным умыслом, то в громадном большинстве случаев было бы практически невозможно его установить. Против допустимости покушения с эвентуальным умыслом высказывались М. М. Исаев, А. Н. Трайнин, В. В. Лясс, Н. Д. Дурманов, Н. Ф. Кузнецова и ряд других советских криминалистов. А. А. Жижиленко был одним из немногих советских криминалистов, который считал бесспорным положение, что покушение возможно как при прямом умысле, так и при эвентуальном.

Н. Д. Дурманов, соглашаясь с нашим положением о недопустимости приготовления и покушения при эвентуальном умысле, высказанном в учебниках по уголовному праву, вместе с тем решительно возражал против необходимости в защиту этого положения приводить не только аргументы материально-правового характера, но и аргументы уголовно-процессуального порядка¹. Однако следует иметь в виду, что последние аргументы никогда не носили характера основного доказательства в пользу недопустимости распространения понятий приготовления и по-

рожное преступление. Так датское уголовное законодательство допускает наказуемость неосторожного покушения («Современное зарубежное уголовное право», т. 1. М., 1957, стр. 141); допускает его и японское уголовное законодательство, хотя в теории господствующий взгляд отрицает допустимость конструировать ответственность за неосторожное покушение, так как природа неосторожного преступления может быть установлена лишь после того, как наступят его последствия (там же, стр. 355).

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 123.

кушения на деятельность, совершаемую с эвентуальным умыслом. Н. Д. Дурманов более подробно, чем кто-либо другой, обосновал недопустимость конструировать приготовление или покушение при эвентуальном умысле. Он справедливо указывает, что при этом волевая деятельность лица направлена на достижение совершенно другого результата, который может быть как преступным, так и не преступным. Лицо, действующее с эвентуальным умыслом, предвидит возможный преступный результат лишь как побочный продукт своей основной правомерной или неправомерной деятельности. Лицо, действующее с эвентуальным умыслом, лишь сознает наряду с многими другими последствиями и возможность наступления данного преступного последствия. Однако ни одного действия в направлении достижения специально этого последствия оно не совершает¹.

Практика Верховного Суда СССР отвергает возможность покушения с косвенным умыслом. А. был признан виновным в том, что 9 сентября 1955 г., находясь в наряде, самовольно оставил пост и ушел на железнодорожную станцию. Возвращаясь на пост в нетрезвом состоянии, он пытался остановить Романову, шедшую по путям в сторону охраняемого им транспорта, и из хулиганских побуждений произвел из автомата несколько выстрелов, одним из которых ранил ее в живот и руку, причинив тяжкое телесное повреждение. А. был осужден за покушение на убийство. Главный военный прокурор в протесте, принесенном в Военную коллегия Верховного Суда СССР, указал, что материалами дела не было установлено намерения убить Романову или причинить ей тяжкое телесное повреждение. Суд правильно пришел к выводу, что А. действовал с косвенным умыслом, однако при этом он необоснованно квалифицировал его действия как покушение на убийство. Коллегия в определении от 21 декабря 1959 г. квалифицировала действие А. как умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения, указав, что «покушение на убийство возможно только с прямым умыслом. При косвенном умысле ответственность определяется по фактически наступившим последствиям».

Заслуживает специального внимания вопрос о покушении при так называемом неопределенном умысле, т. е. в тех случаях, когда преступный результат, хотя и входил в содержание умысла лица, но не был в его представлении индивидуально определен. Этот вопрос в практике особое значение имеет при рассмотрении покушений на телесные повреждения, когда лицо,

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 124.

пытаясь причинить телесное повреждение потерпевшему, в своем сознании может предварительно и не конкретизировать, направляет ли оно посягательство на причинение тяжкого, менее тяжкого или легкого телесного повреждения. При наступлении при этом телесного повреждения определенной тяжести все совершенное должно быть квалифицировано как оконченное преступление по фактически причиненному преступному результату, поскольку возможность этого результата охватывалась умыслом субъекта преступления. В тех случаях, когда при неопределенном умысле на причинение вреда здоровью потерпевшего этот вред не наступил, несмотря на попытку причинить его, все совершенное следует рассматривать как покушение на нанесение более легкого телесного повреждения. Поскольку здесь даже при оконченном преступлении, совершенном с неопределенным умыслом, в случае причинения легкого телесного повреждения ответственность наступает лишь за него, то нет оснований и при покушении на преступление определять ответственность за покушение на нанесение более тяжкого телесного повреждения. Правильную позицию в этом отношении занимает Н. Д. Дурманов¹.

Несколько иначе должен быть решен вопрос при определении ответственности за покушение, совершенное с так называемым альтернативным умыслом. При альтернативном умысле субъект преступления допускает возможность наступления одного или другого из предвиденных им преступных результатов своих действий, при этом он одинаково желает наступления любого результата. При альтернативном умысле, когда наступает менее опасное из предвиденных преступных последствий, нельзя всю ответственность ограничить только ответственностью за умышленное совершение этого преступления. Нельзя освободить виновного и от ответственности за покушение на более тяжкие последствия, которые он желал, но которые при этом все же не наступили. Например, если кто-либо намеревался убить другого или по крайней мере ранить, а в действительности лишь ранил, то он подлежит ответственности не только за нанесение ранения, но и за покушение на убийство².

б) Ограничение применения понятий приготовления и покушения объективными свойствами преступления. Приготовление и покушение невозможны при так называемых формальных преступлениях в тех случаях, когда они совершаются путем бездействия. Например, неисполнение приказа военнослужащим или неказание

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 127.

² См. там же, стр. 128.

помощи больному лицом, обязанным ее оказывать, по самому характеру преступления исключают возможность говорить о приготовлении или покушении как стадиях в развитии этой преступной деятельности. В подобных преступлениях все поведение субъекта до момента, когда он не совершил того действия, которое обязан был исполнить, является в уголовноправовом отношении безразличным. Приготовление и покушение невозможны также в тех «формальных» преступлениях, в которых уже первый акт деятельности полностью осуществляет состав данного преступления. Нет оснований говорить об уголовной ответственности за приготовление или покушение на словесную обиду или на нарушение правил караульной службы, поскольку при совершении этих преступлений умысел может реализоваться лишь в таких действиях, которые уже сами заключают в себе окончанный состав преступления. Защищают возможность приготовления и покушения при всех «формальных» преступлениях А. Н. Трайнин и Н. Ф. Кузнецова¹. Правильно отрицает в подобных случаях возможность ставить вопрос о приготовлении и покушении В. Д. Меньшагин².

Приготовление и покушение возможны при всех остальных преступлениях, совершаемых как путем активных действий, так и путем бездействия. Можно говорить о приготовлении и покушении на совершение особо опасных государственных преступлений, хищение государственного или общественного имущества, кражи личной собственности граждан, убийства, телесных повреждений, взяточничества, спекуляции и т. д.

Следует отметить, что о стадии покушения на преступление нельзя говорить в тех случаях, когда к объективным признакам оконченого состава преступления отнесены не только наступление определенных последствий, но и сама возможность их наступления. В этом случае покушение на преступление уже как бы заключает в себе состав оконченого преступления³.

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 304; Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву, стр. 126—128.

² См. В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. III, 1943, стр. 93.

³ Однако нельзя согласиться с Н. Д. Дурмановым, что по этим причинам нельзя говорить об ответственности за покушение на умышленное нарушение трудовой дисциплины на транспорте, которое вызвало или могло вызвать тяжелые последствия. В этом случае нельзя конструировать ответственность за покушение потому, что психическое отношение к наступившим последствиям не может выражаться в форме прямого умысла («Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», стр. 131).

Добровольный отказ от приготовления или покушения¹

Обстоятельством, устраняющим уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность, является добровольный отказ.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 16 определяют, что лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления. Эта формулировка о добровольном отказе от совершенного преступления воспроизводится в уголовных кодексах всех союзных республик (например, ст. 16 УК РСФСР 1960 г.).

Добровольный отказ есть отказ от доведения начатой предварительной преступной деятельности до конца при наличии сознания фактической возможности ее окончания.

В 1944 году Военная коллегия Верховного Суда СССР нашла, что не подлежат уголовной ответственности за приготовление военнослужащие Ф. и П., пытавшиеся изъять свои документы для совершения побега, поскольку после приготовительных действий, выразившихся в поисках документов, они добровольно отказались от своего намерения.

Нет добровольного отказа, когда преступник не продолжает предварительную преступную деятельность, убедившись в фактической невозможности довести ее до конца, например, вор отказывается от продолжения покушения на кражу вследствие невозможности взломать замок; такой отказ не является добровольным, он не устраняет уголовной ответственности за совершенное покушение.

¹ Н. Ф. Кузнецова неосновательно усматривает «серьезную ошибку» (!) советских криминалистов в том, что они пользуются понятием «добровольного отказа от приготовления или покушения». По ее мнению, следует говорить не об отказе от приготовления или покушения, а об отказе от «причинения преступного ущерба на стадии приготовления или исполнения преступления» (Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, стр. 15; ее же, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета», серия общественных наук, 1955, вып. 1, стр. 95). Всякая терминология имеет в известном смысле условный характер. Отказ от приготовления или покушения и означает отказ от дальнейшего продолжения начатой преступной деятельности.

Н. Д. Дурманов считает, что добровольный отказ отсутствует не только тогда, когда лицо считает, что оно не в состоянии преодолеть встретившиеся на его пути препятствия, но и тогда, когда лицо отказывается, сознавая возможность, но вместе с тем и трудность преодоления препятствий, встретившихся на пути реализации преступного умысла¹. С этим уточнением следует согласиться. Признание воров трудности взломать замок при покушении на кражу и отказ вследствие этого от покушения не будет, разумеется, добровольным отказом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 28 мая 1941 г. по делу Х. отвергла наличие добровольного отказа от совершения преступления, поскольку обвиняемый прекратил попытку изнасилования и убежал после того, как потерпевшая стала кричать и он увидел на некотором расстоянии работающего в поле человека. Обвиняемый отказался от продолжения начатого преступления не добровольно, а потому, что он в этих условиях сознавал невозможность совершить преступление, не опасаясь быть уличенным. Из более старой судебной практики (1928 г.) известно дело, когда Верховный Суд РСФСР не признал добровольного отказа от покушения на убийство в следующих действиях М.: она положила свою малолетнюю девочку раздетую на снег и взяла ее обратно домой лишь после того, как ее принудили к тому соседи; девочка была отправлена в больницу с обмороженными руками.

Добровольный отказ является обстоятельством, которое исключает ответственность за совершенные приготовительные к преступлению действия или за покушение на совершение данного преступления, а не обстоятельством, которое лишь смягчает уголовную ответственность. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 2 декабря 1960 г. «О некоторых вопросах судебной практики по делам об изнасиловании» отметил, что последнего рода ошибки имеют место по делам об изнасиловании. В связи с этим Пленум дал судам следующее руководящее указание: «В соответствии со ст. 16 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик добровольный отказ от совершения изнасилования надлежит рассматривать не как смягчающее вину обстоятельство, а как обстоятельство, исключающее ответственность за попытку совершить данное преступление. В подобных случаях лицо не подлежит ответственности за покушение на изнасилование и может отвечать за фактически совершенные им действия лишь в том случае, если они содержат состав иного преступления. Вместе с тем суды должны иметь в виду, что не может быть признан

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 194.

добровольным и, следовательно, устраняющим ответственность отказ, который вызван невозможностью дальнейшего продолжения преступных действий вследствие причин, возникших помимо воли виновного».

При наличии добровольного отказа лица оно подлежит уголовной ответственности только в том случае, когда фактически совершенные им действия содержат в себе состав иного оконченного преступления.

При отсутствии этого условия лицо, добровольно отказавшееся от приготовления или покушения, вовсе не подлежит уголовной ответственности. Поэтому добровольно оставленное покушение на совершение кражи, сопровождавшееся взломом двери, может влечь за собой уголовную ответственность за повреждение имущества, добровольно оставленное покушение на изнасилование может влечь за собой ответственность за насилие над личностью, добровольно оставленное приготовление к отравлению может влечь уголовную ответственность за хранение сильнодействующих ядовитых веществ и т. д.

Признание добровольного отказа обстоятельством, устраняющим уголовную ответственность за совершенную предварительную преступную деятельность, вызывается следующими соображениями.

Во-первых, добровольно оставленное покушение или приготовление указывает на отсутствие общественной опасности лица, совершившего это покушение или приготовление, и на отпадение вместе с тем общественной опасности совершенного приготовления или покушения. Во-вторых, возможность без привлечения к уголовной ответственности отступить от уже начатого покушения или приготовления может побудить лицо прекратить уже начатую преступную деятельность. Преступнику в этой стадии развития преступной деятельности все еще открыт путь для отступления. Такая возможность в литературе уголовного права нередко именуется «золотым мостом» для отступления. Этим создается возможность предотвратить в некоторых случаях совершение преступления.

При добровольном отказе совершенное приготовление или покушение не может быть признано общественно опасным действием. При этом условии в действиях лица отсутствует состав преступления¹.

¹ Нельзя согласиться с А. А. Герцензоном, что добровольно оставленное покушение свидетельствует лишь о меньшей общественной опасности субъекта (А. А. Герцензон, Уголовное право, Часть общая, стр. 358). Правильно этот вопрос разрешают Н. Д. Дурманов («Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», стр. 193), Н. Ф. Кузнец-

Мотивы, которыми руководствовался субъект при отказе от продолжения начатой предварительной преступной деятельности, могут быть разнообразными. Важно, чтобы лицо совершенно отказалось от продолжения начатой преступной деятельности при сознании возможности ее продолжения. Следует признать добровольным отказ от продолжения начатой преступной деятельности и тогда, когда лицо отказывается от совершения преступления, лишь опасаясь уголовной ответственности.

Для устранения уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность необходимо, чтобы имел место отказ от продолжения, а не временный перерыв в начатой преступной деятельности. Поэтому если лицо прерывает на некоторое время покушение на преступление для того, чтобы произвести его при более благоприятных условиях, то такой перерыв не может считаться отказом от продолжения покушения, исключаящим его уголовную ответственность. Например, вор, сознающий, что он лишь с трудом может сломать несгораемую кассу принесенными инструментами, и прекращающий начатый взлом для того, чтобы принести другие инструменты, не может быть признан добровольно отказавшимся от покушения.

В тех случаях, когда преступление было закончено, нельзя уже говорить о добровольном отказе от совершения преступления. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 22 октября 1948 г. по делу М. указал на недопустимость применять институт добровольного отказа, когда уже хищение было окончено.

«Приговором установлено, что М. совершила незаконное изъятие государственного имущества с целью обращения его в свою собственность. Последующий отказ М. вынести похищенное имущество с территории порта не может рассматриваться как добровольный отказ от совершения преступления, так как имущество было ею брошено на территории порта уже после того, как она совершила акт изъятия имущества, которое находилось в ее незаконном владении».

Нельзя рассматривать как добровольный отказ от покушения или приготовления добровольное содействие органам власти в раскрытии преступления после того, как преступление было окончено. С. было предъявлено обвинение в том, что он в ночь на 4 февраля 1949 г. похитил на ст. Переездная из полувагона один мешок соды. Суд вынес С. оправдательный приговор, мотивировав его тем, что С. добровольно отказался от совершения преступления. Коллегия Верховного Суда СССР определением

цова («Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву», стр. 181). И. С. Тишкевич («Приготовление и покушение по советскому уголовному праву», стр. 211).

от 3 мая 1949 г. отменила оправдательный приговор, как не вытекающий из обстоятельств дела. В судебном заседании обвиняемый показал, что он 4 февраля 1949 г., решив совершить хищение соды, подошел к открытому полувагону, снял с него один мешок соды, спрятал его на пути и стал ожидать отправления товарного поезда в сторону от ст. Лопасная, чтобы увезти похищенную соду домой. При задержании он признался в хищении соды и показал, где она спрятана. Утверждение приговора суда о добровольном отказе С. от совершения преступления прямо противоречит материалам дела. После того как преступление уже окончено, как это имело место в данном случае, добровольный отказ уже не может иметь места. Содействие в раскрытии совершенного преступления может смягчить лишь меру ответственности или в исключительных случаях освободить от наказания ввиду отпадения общественной опасности лица, совершившего преступление.

Добровольный отказ мыслим при всяком приготовлении к преступлению. По общему правилу, он должен выражаться при этом в пассивном поведении лица, в воздержании от дальнейшего продолжения начатой преступной деятельности. Совершение каких-либо активных действий, например, уничтожение орудий преступления, может иметь при этом место, но, по общему правилу, оно является обязательным для установления добровольного отказа. Совершение активных действий может явиться обязательным лишь в тех случаях, когда приготовление выражается в форме подстрекательства к совершению преступления или пособничества. Здесь необходимо предотвратить возможность совершения преступления, чтобы можно было признать наличие отказа от осуществления преступления. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 2 апреля 1948 г. по делу В. признал отсутствие в ее действиях состава преступления в силу добровольного отказа от намерения совершить преступление. В., работая кассиром железнодорожной станции, 15 декабря 1947 г., накануне проведения денежной реформы, изъяла из кассы 1218 проездных билетов стоимостью в 1 руб. каждый и внесла в кассу 1218 руб. деньгами старого образца. Билеты она отнесла к себе домой, рассчитывая в дальнейшем продавать их пассажирам за деньги нового образца, но не предприняла в этом отношении никаких действий, сознавая их незаконность. Пленум Верховного Суда СССР указал, что совершенные ею действия являются лишь подготовительными действиями к совершению преступления — продаже билетов пассажирам за деньги нового образца и обращению этих денег в свою пользу. Она добровольно отказалась от совершения пре-

ступных действий, что, в частности, подтверждается тем, что проездные билеты не были доставлены ею в кассу и оставались на ее квартире, несмотря на то, что она дважды до задержания дежурила в кассе. Совершенные же ею подготовительные действия не включают в себе состава уголовного наказания и могут влечь за собой ответственность лишь в дисциплинарном порядке.

Добровольный отказ при покушении мыслим во всех тех случаях, когда субъект или еще сохраняет господство над совершением дальнейших действий или имеет еще возможность воспрепятствовать наступлению последствий своих действий. Добровольный отказ при покушении может выражаться и в пассивном и в активном поведении. В этом отношении следует различать неоконченное и оконченное покушение.

При неоконченном покушении добровольный отказ выражается в пассивном поведении — в воздержании от совершения дальнейших действий, необходимых для наступления преступного результата (замахнувшись для удара, субъект опускает руку, не причинив другому лицу никакого вреда).

Добровольный отказ может иметь место не при всех случаях оконченного покушения. Он допустим только лишь тогда, когда между моментом совершения действий, направленных на достижение преступного результата, и действительным его наступлением имеется еще некоторый более или менее значительный промежуток в развитии причинной связи. В этих случаях добровольный отказ должен выражаться в активных действиях, направленных на предотвращение наступления преступного результата, например, отравитель дает противоядие своей жертве или приглашает своевременно врача. При этом лицо может отвечать лишь за фактически совершенное оконченное преступление — причиненное данному лицу расстройство здоровья, незаконное хранение яда.

Изложенный нами взгляд на возможность добровольного отказа в отдельных случаях и при наличии оконченного покушения вызывает возражения у отдельных советских криминалистов. М. Д. Шаргородский считает, что эти случаи деятельного раскаяния могут служить основанием лишь для смягчения наказания, а не для исключения ответственности. Он упрекает нас в непоследовательности, поскольку мы считаем, что наступление преступного результата, несмотря на принятые меры к его предотвращению, не может исключить уголовную ответственность¹. Позиция М. Д. Шаргородского связана с его общим отрицанием всякой возможности добровольного отказа при окон-

¹ См. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 132—133.

ченном покушении¹. Мы считаем это неправильным. Исходя из необходимости всемерного предупреждения возможности наступления преступных последствий, целесообразно допустить и в этом случае добровольный отказ. Возможность добровольного отказа при оконченном покушении признают ряд советских криминалистов — Н. Д. Дурманов, И. И. Слуцкий, Н. Ф. Кузнецова и некоторые другие. Н. Д. Дурманов поддерживает развиваемый нами взгляд, что добровольный отказ допустим при оконченном покушении в ограниченном количестве случаев, когда виновный выполнил все действия, которые он считал необходимыми для совершения преступления, но развитие причинной цепи, вызванной этими действиями, еще не закончилось и преступный результат поэтому не наступил. Он приводит целый ряд примеров возможности добровольного отказа при оконченном покушении. Нарушитель правил об охоте, незаконно расставивший ловушки, добровольно снимает их; человек, поставивший стакан с отравленным вином на письменном столе жертвы, раскаивается и выливает вино в раковину; лицо, которое оставило включенной плитку с целью вызвать пожар, возвращается и выключает плитку. Общественная опасность лица и деяния в этих случаях отпадает, так же как и при добровольном отказе при неоконченном покушении. Н. Д. Дурманов правильно возражает М. Д. Шаргородскому, что и ответственность лица при неудачной попытке предотвратить преступный результат вовсе не означает перехода на позиции объективного вменения, так как она является последствием умышленных действий виновного².

Правильно признавая допустимость добровольного отказа при оконченном покушении, Н. Д. Дурманов непоследовательно отказывается видеть наличие добровольного отказа от покушения в даче потерпевшему противоядия, после того как ему был дан яд с целью лишить его жизни. Он допускает в этом случае, лишь смягчение ответственности или ее устранение в силу отпадения общественной опасности лица³. В этом отношении более последователен М. Д. Шаргородский, который, отрицая добровольный отказ при оконченном покушении, отказывается поэтому и в приведенном примере с дачей противоядия видеть наличие добровольного отказа от покушения, хотя и допускает

¹ Такого же взгляда держатся В. Д. Меньшагин и Э. А. Вышинская (Советское уголовное право, М., 1950, стр. 142); Н. В. Лясс («Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву», автореферат канд. диссертации, стр. 13); И. С. Тишкевич («Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве», автореферат канд. диссертации, Минск, 1953, стр. 16).

² См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 198—199.

³ См. там же, стр. 201.

смягчение ответственности с учетом конкретных обстоятельств дела¹.

Когда законодатель создает «усеченный состав» преступления и превращает приготовление или покушение на преступление в оконченный состав преступления, юридически не может иметь место добровольный отказ от продолжения начатой преступной деятельности в случаях, если совершенные виновным действия уже заключают в себе состав этого оконченного преступления. Тем не менее предотвращение виновным наступления вредных последствий совершенного преступления здесь, как и при всяком другом оконченном преступлении, в силу п. 1 ст. 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (п. 1 ст. 38 УК РСФСР 1960 г.) должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Следует рассматривать как специальный случай добровольного отказа от совершения акта измены родине положение, сформулированное в п. «б» ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (п. «б» ст. 64 УК РСФСР 1960 г.): «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». Поскольку лицо, завербованное иностранной разведкой, еще никаких действий для выполнения преступного задания не совершило, у него есть возможность добровольно отказаться от продолжения преступной деятельности против Советского государства. Закон точно указывает, в чем здесь должен выражаться добровольный отказ от начатой преступной деятельности для того, чтобы лицо было освобождено от уголовной ответственности. Возможность добровольного отказа от выполнения полученного преступного задания, несомненно, должна способствовать предотвращению совершения тяжелых государственных преступлений и парализовать действия иностранных разведок, которым удалось завербовать тем или иным путем отдельных неустойчивых советских граждан.

Обычно буржуазное уголовное законодательство рассматривает добровольный отказ при оконченном покушении в специальных постановлениях о «деятельном раскаянии». При этом оно устраняет уголовную ответственность лишь при условии, что предотвращение наступления преступного результата было сделано прежде, чем совершенное оконченное покушение станет

¹ См. М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, стр. 259—260; его же, Вопросы общей части уголовного права, стр. 132. Солидаризируется с М. Д. Шаргородским в этом вопросе и И. С. Тишкевич («Приготовление и покушение по советскому уголовному праву», стр. 226).

известным другим лицам. Считается как бы установленным, что в последнем случае лицо отказывается от покушения не добровольно. В нашем уголовном законодательстве этой оговорки нет, поэтому добровольно оставленное оконченное покушение при всех условиях не должно влечь уголовной ответственности.

В тех случаях оконченного покушения, когда опасность преступного результата от данного действия уже миновала, не может возникать вопрос о добровольном отказе. При таком оконченном покушении может иметь место не добровольный отказ от доведения предварительной преступной деятельности до конца, а лишь добровольный отказ от повторения нового покушения, когда к этому имелась возможность. Например, кто-либо стрелял, но промахнулся, имел возможность еще раз выстрелить, однако не сделал этого.

Отказ от повторения покушения не устраняет уголовной ответственности за уже совершенное покушение. Он может быть лишь принят судом во внимание при определении размера наказания как обстоятельство, свидетельствующее о меньшей общественной опасности преступника. По общему правилу, не устраняет ответственности за совершение преступления и добровольное восстановление прежнего состояния (например, возвращение похищенной вещи) или возмещение вреда. Такое поведение виновного может быть, однако, принято во внимание судом при определении размера наказания. Как смягчающее обстоятельство его рассматривает наше действующее уголовное законодательство (п. 1 ст. 33 Основ, п. 1 ст. 38 УК РСФСР 1960 г.). В отдельных случаях оно является основанием для неприменения наказания в силу ст. 50 УК РСФСР 1960 года (отсутствие общественной опасности лица). Примером в этом отношении может служить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июня 1948 г. по делу В. и С. В. проживал в квартире совместно с кассиром железнодорожной станции Глущенко. 22 июля 1947 г. В. по договоренности со своим знакомым С. решил совершить хищение денег из железнодорожной кассы. С этой целью В. в ночь на 23 июля 1947 г. похитил у спящего Глущенко ключи от кассы и, проникнув вместе с С. в помещение кассы, открыл похищенным ключом несгораемый шкаф и взял из него 1554 руб. и разные документы. Возвратившись к себе на квартиру, воры, боясь ответственности, решили рассказать все Глущенко. Разбудив последнего, В. подробно рассказал ему о хищении ключа и денег и просил совета, как быть дальше. Глущенко пошел в милицию, а В. и С. вновь проникли в помещение кассы и положили обратно в кассу похищенные деньги. После прихода милиции они указали, где находятся похищенные деньги, и дополнительно передали 100 руб., которые случайно остались у них из похищенных денег. В. и С. были осуждены за хищение государственного иму-

щества. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по этому делу справедливо указал: «Так как В. и С. совершили изъятие денег с целью присвоения, то следует признать, что действия их были правильно квалифицированы судом как хищение государственного имущества, и то обстоятельство, что они впоследствии добровольно возвратили обратно похищенное, не является обстоятельством, влияющим на квалификацию преступления или на вопрос об их виновности, так как в действиях осужденных имеются все признаки оконченного состава преступления». Учитывая вместе с тем, что факт добровольного возвращения похищенного имущества свидетельствовал о том, что В. и С. не являлись лицами, представляющими общественную опасность, Пленум Верховного Суда СССР постановил приговор по делу отменить и дело о В. и С. производством прекратить.

Специальные постановления о добровольном отказе содержатся во всех уголовных кодексах стран народной демократии. Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики в ч. 3 § 5 определяет, что покушение не наказывается, если лицо добровольно отказалось от причинения предусмотренного в законе преступного результата. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии при определении ответственности за приготовление в ст. 15 указывает, что не подлежит наказанию лицо, которое отказалось от совершения преступления по собственному побуждению, а в ст. 16, определяя ответственность за покушение, устанавливает, что при совершении покушения лицо не подлежит наказанию, когда оно по собственному побуждению: 1) отказалось от доведения начатого преступления до конца или 2) предотвратило наступление преступных последствий.

Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики в § 18 определяет, что если при покушении лицо само отказалось от совершения деяния или же, после его совершения само предотвратило наступление преступных последствий, то к нему может не применяться наказание или последнее может быть неограниченно смягчено.

§ 8

Негодное покушение или приготовление

Вопрос об уголовной ответственности за негодную предварительную преступную деятельность (покушение и приготовление) не разрешен в нашем уголовном законодательстве. Негодное покушение может быть покушением с негодными

средствами или покушением на негодный объект. Таким же может быть и негодное приготовление.

Покушение с негодными средствами есть покушение, в котором субъект употребляет для достижения преступного результата средства, не способные по своим объективным свойствам вызвать наступление желаемого результата; например, попытка отравить человека сахаром, принятым ошибочно за мышьяк, выстрел с целью убийства из ружья, имевшего холостой заряд, и т. д.

Покушение на негодный объект есть покушение, в котором действия субъекта направлены на объект, отсутствующий в момент покушения или хотя бы и присутствующий, но обладающий такими свойствами, из-за которых покушение на него не может быть доведено до стадии окончания преступления, например, выстрел в труп, принятый ошибочно за живого человека, попытка украсть из пустого кармана и т. д.

Негодное покушение по общему правилу должно влечь за собой уголовную ответственность на тех же основаниях, что и всякое другое покушение. Негодное покушение является общественно опасным, так как оно вообще основывается на знании реально существующих связей между явлениями, на представлении о закономерном наступлении от действий виновного преступного результата при наличии тех условий, которые предполагались умыслом субъекта. Если кто-либо залезет в чужой карман с целью похищения тех ценностей, которые, как он предполагает, там находятся, то его действия представляют реальную опасность как для социалистического правопорядка, так и для личной собственности гражданина. Лишь в силу случайных обстоятельств (например, ценности находились в другом кармане) преступнику не удалось реализовать своего преступного умысла. Однако в тех случаях, когда негодное покушение по невежеству и суеверию субъекта основано на его предположении о таких связях между явлениями, которые в действительности не существуют, следует признать, что покушение не заключает в себе реальной возможности осуществления преступного умысла. Такое негодное покушение не подходит под общее понятие покушения, а потому и не может влечь за собой уголовной ответственности. В ряде случаев негодное покушение и особенно негодное приготовление могут служить основанием для прекращения уголовного преследования в силу ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР, 1960 г.).

В ряде работ, посвященных вопросу о стадиях развития преступной деятельности, указывалось на то, что советская теория уголовного права не нуждается в понятии негодного покушения и что сохранение такого понятия есть якобы результат некритического заимствования советской уголовноправовой литера-

турой положений, развитых в буржуазной теории уголовного права. Такая точка зрения проводится, в частности, в работах Н. Ф. Кузнецовой; ее разделяет и И. С. Тишкевич¹. Против этих необоснованных обвинений выступил Н. Д. Дурманов, который правильно указал, что негодное покушение имеет свои специфические особенности, которые обосновывают его выделение в специальный вид покушения². Эти особенности негодного покушения могут послужить основанием для смягчения наказания или даже для полного освобождения лица от уголовной ответственности.

Вместе с тем Н. Д. Дурманов предложил отказаться от общепринятого деления негодного покушения на покушение на негодный объект и покушение с негодными средствами. Вместо покушения на негодный объект он предлагает говорить о покушении на нереальный объект³. В таком изменении терминологии нет необходимости. Соображение Н. Д. Дурманова, что таким путем снимаются схоластические споры о том, может ли по советскому уголовному праву объект быть негодным, не является убедительным. Любая научная терминология имеет в известной степени условный характер. Менять ее следует лишь при наличии особо серьезных оснований. Более обоснованным является предложение Н. Д. Дурманова, что не следует относить к покушению на негодный объект покушение на отсутствующий объект. Это покушение независимо от его наименования всегда должно рассматриваться на общих основаниях. Нельзя согласиться с предложением В. Ф. Кириченко именовать покушение на негодный объект покушением на негодный предмет⁴. Это предложение находится в тесной связи с той, отвергнутой уже нами заменой наименования непосредственного объекта преступления (например, жизнь человека) предметом преступления.

В судебной практике проблема негодного покушения возникает сравнительно редко. Одним из примеров решения вопроса об уголовной ответственности при посягательстве на негодный объект является постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». В нем указано, что «в тех случаях, когда лицо, подстрекая взяткодателя, получает от него деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, но фактически присваивает их, это преступление

¹ См. И. С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, стр. 169 и сл.

² См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 152.

³ См. там же, стр. 153.

⁴ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, стр. 46—47.

в отношении подстрекателей следует квалифицировать по ст.ст 17 и 118 (соучастие в даче взятки. — *А. П.*), а в отношении взяткодателей — по ст.ст. 19 и 118 УК РСФСР (покушение на дачу взятки. — *А. П.*) и соответствующим статьям УК других союзных республик». Это покушение является негодным потому, что в действительности оно не могло посягнуть на нормальную работу государственного аппарата.

Вопрос об ответственности за негодное покушение регулируется в уголовных кодексах некоторых стран народной демократии. Так, Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики в ч. 2 § 18 определяет, что лицо, которое пыталось совершить посягательство на негодный объект или негодными и вместе с тем не представляющими опасности средствами, может за совершенное покушение быть наказано с применением правил о неограниченном смягчении наказания или даже признание его виновным и назначение наказания может вовсе не иметь места.

§ 9

Постановления о стадиях развития преступной деятельности в истории дореволюционного русского уголовного права и в буржуазном уголовном праве

Вопрос о наказуемости отдельных стадий в развитии преступной деятельности разрешался в древних памятниках права лишь от случая к случаю, при определении ответственности за отдельные преступления. Обобщенное понятие приготовления и покушения впервые дается средневековой итальянской юриспруденцией. Здесь под термином «*conatus*» понималась преступная деятельность, не доведенная до конца. Под термином «*conatus remotus*» — понимались приготовительные действия в отличие от понятия «*conatus proximus*», к которому относили по существу покушение на преступление. Вопрос о наказуемости приготовительных действий уже тогда вызывал ожесточенные споры среди криминалистов. Те, кто защищал ненаказуемость приготовительных действий к совершению преступления, выражали идеологию развивавшейся в недрах феодального общества городской буржуазии, стремившейся ограничить объем карательной власти феодального государства. Уголовное законодательство феодального и феодально-абсолютистского государ-

ства ставило под угрозу уголовного закона не только покушение и приготовление, но нередко и проявление голого умысла.

В памятниках русского права отдельные постановления о наказуемости приготовления и покушения встречаются уже в «Русской Правде»: «аще ударит мечем, а не потнет на смерть, то три гривны продажи», «аще вынет мечь, а не потнет, гривен кун». Разграничение отдельных стадий в развитии преступной деятельности дает Уложение 1649 года. Голый умысел учинить на «государское здоровье злое дело» карался смертной казнью; голый умысел холопа на убийство своего господина наказывался наравне с покушением на убийство. В ряде случаев Уложение предусматривало в качестве самостоятельных преступлений отдельные случаи приготовительных действий и покушения на преступление. Покушение на убийство, сопровождавшееся причинением лишь ранения, каралось значительно мягче, чем оконченное убийство: «а буде ранит, а не до смерти убьет, и ему учинити торговая казнь без пощады (а не смертную. — *А. П.*) и вкинути в тюрьму на месяц». Военский устав Петра I карал голый умысел на совершение государственных преступлений как оконченное преступление. Устав не знал обобщенных постановлений о приготовлении и покушении, но предусматривал их в отдельных случаях. Покушение, по общему правилу, каралось как оконченное преступление, хотя иногда из этого правила и делалось исключение. Так, «вора, если он был пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собой не унес, шпицрутеном и легче наказать надлежит».

Обобщенные постановления о стадиях преступной деятельности содержало Уложение о наказаниях 1845 года. Оно давало понятие голого умысла, приготовления, покушения и оконченного преступления. В нем нашли свое выражение взгляды феодального уголовного права. Уложение о наказаниях не провозглашало общего правила о ненаказуемости голого умысла, но специально указывало случаи, когда он подлежал наказанию. За приготовление к преступлению виновный подвергался наказанию не только в случаях, специально указанных в законе, но и в случаях, когда приобретение средств для совершения преступления было соединено с опасностью для отдельных лиц или всего общества или когда употребляемые для приготовления средства были противозаконны. Наказание за покушение обязательно смягчалось сравнительно с оконченным преступлением. Уголовное уложение 1903 года карало приготовление лишь в случаях, специально указанных в законе. Таковыми являлись в первую очередь все преступления, которые так или иначе связаны были с посягательствами на основы царской монархии. Покушение на тяжкие преступления было всегда наказуемо, покушение на прочие преступления было наказуемо лишь

В случаях, специально указанных в законе, покушение на проступки было ненаказуемо.

Французский уголовный кодекс приравнивает покушение по наказуемости к оконченному преступлению. Вопрос об уголовной ответственности за покушение он разрешает следующим образом: «Всякое покушение на преступление, которое проявилось началом исполнения, если оно было прервано или не удалось только по обстоятельствам, от воли исполнителя не зависевшим, почитается равносильным самому преступлению». Приготовительные действия, по общему правилу, остаются ненаказуемыми. Покушение на проступки влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально указанных в законе. Понятие Французского уголовного кодекса о покушении как начале исполнения (*commencement de l'exécution*) воспринято буржуазной теорией уголовного права и вошло во многие уголовные кодексы. При этом в противоположность Французскому уголовному кодексу большинство их проводит обязательное смягчение наказания за покушение сравнительно с наказуемостью оконченного преступления.

Так, Бельгийский уголовный кодекс 1867 года в ст. 51 также определяет покушение как начало исполнения. При этом наказание за покушение подлежит обязательному смягчению.

В Уголовном кодексе Аргентины (1927 г.) проводится система, принятая во французском уголовном праве. Закон провозглашает наказуемость покушения как начала исполнения преступления. Но в отличие от французского аргентинское уголовное законодательство знает обязательное смягчение ответственности за покушение сравнительно с наказуемостью оконченного преступления.

Новейшие уголовные кодексы воспринимают принцип лишь факультативного, по усмотрению суда, смягчения наказания за покушение на совершение преступления. Так, Швейцарский уголовный кодекс устанавливает лишь факультативное смягчение наказания за покушение, определяя его также как начало исполнения.

Положение о наказуемости преступной деятельности, по общему правилу, лишь со стадии покушения было введено впервые во французском уголовном законодательстве, воплотившем в себе в области организации уголовной репрессии политические требования пришедшей к власти буржуазии. Это было связано с проведением в уголовном законодательстве одного из основных буржуазноправовых требований: гражданин может быть наказан лишь за определенное преступное действие. Уголовная

ответственность наступает лишь за совершение преступления или когда имеется хотя бы начало исполнения преступления (покушение). Всякая деятельность, которая не была еще началом исполнения преступления, относилась к области, не запрещенной уголовным законом. Это положение было выдвинуто буржуазией в борьбе с произволом феодально-абсолютистского государства; оно являлось одной из гарантий свободы развития товарно-капиталистических отношений, новой формы эксплуатации человека человеком. Однако провозглашенные в буржуазном законодательстве формально демократические принципы на деле подвергаются всевозможным ограничениям, когда это касается интересов трудящихся, а нередко и полностью аннулируются. По наиболее опасным для господствующего класса преступлениям (например, государственным) в буржуазном законодательстве проводятся многочисленные изъятия из приведенного правила. Это делается путем создания в Особой части специальных составов преступлений (*delictum sui generis*), которые предусматривают совершение подготовительных действий к тем или иным преступным деяниям. Таким путем устанавливается ответственность за различного рода «опасные» мысли и действия, далеко не являющиеся даже приготовлением к государственным преступлениям. Хотя японское уголовное законодательство считает покушением начатое, но не завершённое выполнение преступления, однако в области преступлений государственных оно карает как самостоятельное преступление всякие подготовительные действия.

В английском праве понятия покушения выработано теорией и судебной практикой. Покушением признается выполнение с преступным намерением одного из действий, из которых складывается совершение преступления. Покушение совершить преступление, подпадающее под понятие «фелония», рассматривается по общему правилу как «мисдиминор». Ответственность за покушение в ряде случаев специально определена отдельными статутами. Ответственность за подготовительные действия предусматривается в качестве самостоятельных преступлений в постановлениях отдельных статуты. При этом она обрисовывается в крайне неопределенной форме.

Формальные постановления об ответственности лишь за покушение в буржуазном уголовном законодательстве несколько не препятствуют установлению фактической ответственности и за подготовительные действия, когда в этом заинтересованы эксплуататорские классы. Хотя буржуазное уголовное законодательство и признает в качестве общего правила ненаказуемость приготовления к преступлению, но это, однако, является

одним из наиболее лицемерных положений буржуазного уголовного права.

Фактическая наказуемость приготовления, когда это почему-либо необходимо для классовых интересов эксплуататоров, проводится судебной практикой путем расширения содержания понятия покушения за счет признания покушением тех действий, которые по существу являются еще приготовительными. Этому служит и буржуазная теория уголовного права.

В буржуазной теории уголовного права существуют многочисленные разногласия относительно того, как провести разграничение между приготовлением и покушением. Попытками дать определение понятия покушения на основе объективных свойств самого действия являются разнообразные объективные теории покушения. Так одни сторонники такой теории считают покушением выполнение действий, которые входят в состав данного преступления, другие — считают покушением начало нападения на правовое благо, третьи — всю стадию в развитии преступной деятельности с момента, когда правовое благо ставится в опасность, и т. д.

Многие криминалисты пытались отграничить покушение от приготовления на основе субъективных признаков, свидетельствующих о наличии преступного умысла или об опасности преступника. Эти попытки дают содержание многочисленным субъективным теориям покушения. Одни сторонники этих теорий считают покушением действие, которое само по себе свидетельствует о наличии преступного умысла, другие — действие, которое объективирует преступную волю, третьи — действие, свидетельствующее об опасности субъекта, и т. д. Наконец, существует еще целый ряд смешанных теорий покушения, комбинирующих элементы объективных и субъективных теорий.

Споры буржуазных криминалистов о понимании покушения ошибочно было бы считать только юридической схоластикой. Они имеют вполне определенный политический смысл. Субъективные теории покушения расширяют область наказуемой предварительной преступной деятельности. Они помогают наказывать в качестве покушения многие приготовительные действия¹. Тем самым они оправдывают усиление репрессии и нарушение тех формальных правовых гарантий, которые давал закон при установлении границ карательной деятельности буржуазного государства. Субъективные теории покушения, получившие ши-

¹ Один из видных современных французских криминалистов — Марк Ансель, близко стоящий к практике судебной работы, вынужден признать, что судьи «предпочитают субъективный критерий и не колеблются иногда наказывать за простые приготовительные действия, рассматривая их как начало исполнения» (Marc Ancel, La defense sociale nouvelle, Paris, 1954, p. 227).

рокое распространение в период империализма, имеют реакционный политический смысл, выражая в данном частном вопросе общую ломку буржуазной законности. Объективные теории покушения, более узко очерчивая объем тех действий, которые могут быть отнесены к покушению на преступление, стремятся удержать судебную практику в рассматриваемом вопросе в границах буржуазной законности.

Открытым признанием расширения на практике понятия покушения до таких пределов, что оно охватывает и приготовительные действия, является заявление швейцарского криминалиста Пфеннингера, что объективное разграничение, проводимое Швейцарским уголовным кодексом между покушением и приготовлением, на практике кажется слишком узким, что она стремится как можно раньше воздействовать на преступное поведение, а это делает почти излишним специально признавать наказуемыми также и приготовительные действия¹.

Уголовные кодексы ряда стран, изданные в эпоху империализма, нередко в Общей части содержат такие постановления о стадиях развития преступной деятельности, которые непосредственно устанавливают ответственность и за приготовительные действия.

Так, Уголовный кодекс Дании 1930 года хотя и говорит о наказуемости преступного деяния со стадии покушения, однако столь широко определяет это понятие, что фактически оно охватывает и приготовительные действия. Например, как покушение карается всякое действие, направленное на то, чтобы способствовать выполнению или повлечь выполнение преступного деяния, если это деяние не наступило. Датский криминалист Маркус признает, что здесь наказуемость «наступает уже тогда, когда налицо лишь приготовительные действия, какими бы отдаленными они ни были»². Датский уголовный кодекс признает наказуемым не только умышленное, но и неосторожное покушение на совершение преступления. Изданный датским правительством в 1954 году Уголовный кодекс для Гренландии в ст. 8 воспроизводит понятие о покушении Датского уголовного кодекса, охватывающее понятие и покушения, и приготовления.

Уголовный кодекс, изданный в 1944 году в Испании, признает наказуемым наряду с оконченным преступлением оконченное покушение, неоконченное покушение, сговор о совершении преступления, предложение о совершении преступления и призыв к совершению преступления (ст. ст. 3—5).

¹ См. «Современное зарубежное уголовное право», т. II, М., 1958, стр. 347.

² «Современное зарубежное уголовное право», т. I, стр. 140.

Глава XII

СОУЧАСТИЕ

§ 1

Понятие соучастия¹

Преступление может быть совершено или одним лицом, или же в результате совместных действий нескольких лиц. При совершении преступления в результате действий нескольких лиц особого внимания заслуживают случаи, когда преступления совершаются в результате определенным образом связанных, согласованных между собой действий этих лиц. Такие случаи вызывают необходимость устанавливать специальные нормы о порядке уголовной ответственности за соучастие в совершении преступления.

Постановления советского уголовного права о соучастии развивались в тех декретах, которые определили борьбу с преступ-

¹ Г. Б. Виттенберг, О некоторых спорных вопросах учения о соучастии, «Труды Иркутского государственного университета», т. XXVII, вып. 4, 1958; П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, Соучастие по советскому уголовному праву, М., 1959; П. Ф. Гришанин, Понятие преступной организации и ответственность ее участников по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, М., 1951; М. И. Ковалев, Соучастие в преступлении, Часть первая. Понятие соучастия, Свердловск, 1960; И. Малыхов, Некоторые вопросы учения о соучастии по советскому уголовному праву, «Труды ВПА», вып. 17, 1957; В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. III, 1943; Т. Н. Меркушев, Соучастие в преступлениях со специальным субъектом, «Ученые записки Белорусского государственного университета», вып. 34, Минск, 1957; Б. С. Никифоров, Организованная преступность в США на службе монополий,

лениями, представляющими особую общественную опасность для социалистического государства, — с контрреволюционными преступлениями, спекуляцией, должностными преступлениями и некоторыми видами воинских преступлений.

Уже обращение Председателя Совнаркома к населению о победе Октябрьской революции и задачах борьбы на местах, изданное 18 ноября 1917 г., призывало к беспощадному подавлению участников контрреволюционных восстаний — юнкеров, корниловцев и т. п. Обращение Совнаркома 26 ноября 1917 г. о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемых Центральной Радой, призывало рабочих, солдат и крестьян к тому, чтобы «контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа»¹. Обращение указывало, что какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны мятежного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей строгости революционных законов. Обращение непосредственно разрешило вопрос об ответственности организаторов этих контрреволюционных преступлений: «...вожди заговора объявляются вне закона». Об ответственности организаторов контрреволюционных преступлений говорил и декрет Совнаркома от 28 ноября 1917 г. об аресте вождей гражданской войны против революции: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов»². Обращение Совнаркома от 30 ноября 1917 г. о подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией, вновь ставило вопрос об ответственности организаторов этих преступлений: «Политические вожди контрреволюционной гражданской войны будут арестованы. Буржуазный мятеж будет подавлен, чего бы это ни стоило»³. Об ответственности организаторов и подстрекателей к совершению контрреволюционных преступлений говорила и инструкция НКЮ о революционных трибуналах, изданная

М., 1954; А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954, стр. 99—118; А. Соловьев, Понятие соучастия по советскому уголовному праву и практика Верховного Суда СССР, «Социалистическая законность» 1954 г. № 11; А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1941; его же, Некоторые вопросы учения о соучастии, «Социалистическая законность» 1957 г. № 2; М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 135—166; М. А. Шнейдер, Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву, М., 1958; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 247—274.

¹ СУ РСФСР 1917 г. № 4.

² СУ РСФСР 1917 г. № 5, ст. 70.

³ СУ РСФСР 1917 г. № 4, ст. 64.

19 декабря 1917 г.¹. В ней на первом месте указывалось, что рассмотрению революционного трибунала подлежат дела о лицах, которые организуют восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему.

О пособниках как особом виде соучастия впервые упоминало обращение Совнаркома к Военно-революционному комитету о борьбе со спекуляцией, изданное 15 ноября 1917 г. «Продовольственная разруха, порожденная войной, бесхозяйственностью, обостряется до последней степени спекулянтами, мародерами и их пособниками на железных дорогах, в пароходствах, транспортных конторах и пр.»². Об основных видах соучастия специально говорилось в декрете о взяточничестве от 8 мая 1918 г.³. Пункт 1 этого декрета определял ответственность должностных лиц не только за получение взятки за выполнение действий, входящих в круг его обязанностей, но и за содействие в выполнении деяний, составляющих обязанность другого должностного лица. Пункт 2 декрета определял ответственность за дачу взятки как непосредственных виновников, так и подстрекателей, пособников и всех прикосновенных к даче взятки служащих, понимая, очевидно, под последними и служащих, оказавших посредничество во взяточничестве. Декрет о спекуляции от 22 июля 1918 г. содержал специальную статью об ответственности за соучастие в преступлении: «Подстрекатели, пособники и прикосновенные к вышеозначенным деяниям лица (как-то: снабжающие спекулянтов разрешением на получение и передвижение товаров, нарядами на них, представляющие им склады, вагоны и вообще средства передвижения, перепродающие дубликаты и всякого рода товарные квитанции и т. п.) наказываются наравне с главным виновником»⁴. Постановление СНК от 19 сентября 1918 г. «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок»⁵ определяло, что «пособники, соучастники, подстрекатели и прикосновенные лица отвечают наравне с главным виновником». Усиление репрессии за указанные в этом постановлении действия имело серьезное значение в борьбе со спекуляцией и контрреволюционными преступлениями.

Принцип одинаковой ответственности наравне с главными виновниками также и всех соучастников и прикосновенных лиц нашел свое отражение и в декрете СНК от 30 июля 1918 г.

¹ СУ РСФСР 1917 г. № 12, ст. 170.

² СУ РСФСР 1917 г. № 3, ст. 33.

³ СУ РСФСР 1918 г. № 35, ст. 467.

⁴ СУ РСФСР 1918 г. № 54, ст. 605.

⁵ СУ РСФСР 1918 г. № 70, ст. 759.

«О набатном звоне»¹. Установив в п. 1 ответственность перед революционным трибуналом лиц, виновных в созыве населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и тому подобными способами с контрреволюционной целью, этот декрет в п. 2 определял ответственность соучастников: «соучастники, пособники, подстрекатели (как-то: призывающие устно, письменно или печатно к пользованию означенным в п. 1 способом возбуждения тревоги и т. п.) и вообще прикосновенные лица отвечают перед Революционным Трибуналом наравне с главными виновниками». В этом постановлении впервые дается определение содержания понятия подстрекательства.

Об ответственности за укрывательство («покрывательство») впервые упоминает постановление Наркомфина о запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и о регистрации акций и паев этих предприятий: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие или покрывательство по нарушению сего постановления виновные предаются Революционному Трибуналу». Не пользуясь специально термином «укрывательство», другие декреты, также содержащие постановления об ответственности за соучастие, предусматривали отдельные виды укрывательства. Примером может служить уже упомянутый декрет об ответственности за спекуляцию. Достаточно подробно об отдельных видах соучастия, укрывательстве и недонесении говорил декрет Совнаркома от 20 июля 1918 г. о тыловом ополчении. Пункт 7 декрета предусматривал ответственность за уклонение от призыва и за содействие такому уклонению. Пункт 9 устанавливал ответственность лиц, виновных в содействии к склонению к невыполнению ополченских обязанностей, в содействии к побегу, к укрывательству уклоняющегося, а равно в несообщении властям об уклонении виновного².

В декретах и постановлениях правительства, изданных в годы гражданской войны и иностранной интервенции, содержится также ряд постановлений, относящихся к определению ответственности за соучастие. Постановление кассационного отдела ВЦИК о подсудности революционных трибуналов, изданное 6 октября 1918 г., говорило, в частности, и об ответственности соучастников контрреволюционных преступлений.

Вопрос об ответственности за укрывательство преступлений нашел специальное разрешение в ряде декретов, изданных в период иностранной интервенции и гражданской войны для борьбы с укрывательством дезертиров. Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 25 декабря 1918 г.

¹ СУ РСФСР 1918 г. № 57, ст. 628.

² См. «История советского уголовного права», М., 1948, стр. 153—157.

устанавливало наказание до пяти лет принудительных работ для всех укрывателей дезертиров, председателей домовых комитетов и хозяев квартир, в которых будут обнаружены укрывающиеся дезертиры¹. Ответственность должностных лиц за укрывательство дезертиров была установлена декретом от 3 марта 1919 г. «О мерах борьбы с дезертирством». Должностные лица, виновные в укрывательстве дезертиров, согласно этому декрету подвергались заключению на срок до пяти лет с обязательными принудительными работами или без таковых².

Декретом от 3 июня 1919 г. установлена ответственность членов семьи за укрывательство дезертиров: «Семьи дезертиров, виновные в укрывательстве, и вообще укрыватели могут приговариваться Революционным Трибуналом, а где их нет — Губернскими Комиссиями по борьбе с дезертирством, к выполнению работ в хозяйствах красноармейцев, нуждающихся в хозяйственной помощи (пахота, посев, сенокос, жнитво, возка сена и снопов, молотба и т. п.)»³.

Декрет ВЦИК от 8 апреля 1920 г.⁴ установил ответственность «пособников, подстрекателей и укрывателей дезертиров, в частности советских должностных лиц, виновных в небрежном ведении списков военнообязанных, служащих в подведомственных им учреждениях и предприятиях, и в непринятии мер к изъятию дезертиров из подведомственных им учреждений и предприятий».

В период иностранной интервенции и гражданской войны органы Советской власти вели активную культурно-воспитательную работу. В трудных экономических условиях велась в ту пору борьба с преступностью несовершеннолетних путем применения к ним широких воспитательных мер. Вместе с тем советский закон оберегал карательными мерами несовершеннолетних и малолетних от растлевающего влияния взрослых, пытавшихся втянуть их в совершение преступлений. Инструкция комиссиям по делам о несовершеннолетних, созданным в 1918 году, обязала комиссии привлекать к судебной ответственности и передавать немедленно дела в суд: а) за подстрекательство и склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению общественно опасных деяний; б) за соучастие с ними в преступлении или за попустительство таковому.

В приведенных декретах и постановлениях правительства соучастие и его виды были достаточно подробно определены применительно к конкретным преступлениям. Они устанавливали порядок ответственности за соучастие применительно к тем пре-

ступлениям, которые в период проведения Великой Октябрьской революции и в период иностранной интервенции и гражданской войны представляли особую опасность для социалистического государства. Накопленный законодательный материал и материал судебной практики об ответственности за соучастие требовали соответствующего обобщения.

В Руководящих началах 1919 года были подведены известные итоги развития советского законодательства о соучастии и дано общее определение понятий исполнителя, подстрекателя и пособника. В качестве основного принципа ответственности за соучастие они указывали, что мера наказания каждому из соучастников должна определяться степенью опасности преступления и совершенного им деяния.

Согласно ст. 32 Руководящих начал исполнителями считались те, кто принимал участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось. Подстрекателями считались лица, склоняющие к совершению преступления (ст. 23). Наконец, ст. 24 давала подробное определение понятия пособничества: «Пособниками считаются те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т. е. непрепятствованием совершению преступления». Обобщая ранее изданный законодательный материал, Руководящие начала относили к пособничеству, в частности, и укрывательство, и попустительство. Едва ли можно было согласиться с А. Н. Трайниным, что приведенная статья имела в виду лишь случаи заранее обещанного укрывательства и попустительства¹.

Острая классовая борьба и необходимость решительной борьбы со всеми общественно опасными деяниями, нарушающими революционный правопорядок, определяли то широкое понятие пособничества, которое давалось Руководящими началами. Что касается общего понятия соучастия, то оно было сформулировано слишком узко. В ст. 21 указывалось, что «за деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники». При таком понимании соучастия оно не охватывало соучастие без предварительного соглашения, совершенное несколькими лицами, не образующими еще толпы, а также соучастие с предварительным соглашением, когда оно не носило еще столь организованной формы, что его можно было назвать шайкой или бандой.

При определении меры наказания отдельным соучастникам Руководящие начала выставляли положение, что мера наказания

¹ СУ РСФСР 1918 г. № 99, ст. 1015.

² СУ РСФСР 1919 г. № 9, ст. 94.

³ СУ РСФСР 1919 г. № 25, ст. 287.

⁴ СУ РСФСР 1920 г. № 26, ст. 126.

¹ См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 48.

определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния. Едва ли на практике при определении меры наказания соучастникам советские суды могли игнорировать характер участия лица в совершении преступления, поскольку это являлось свидетельством степени опасности данного лица. Поэтому нам представляется необоснованным тот вывод, который делает из приведенного положения А. А. Герцензон: «Указывая, что «мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния», Руководящие начала тем самым отказываются от института соучастия: с этой точки зрения нет никакой надобности устанавливать по конкретным делам роль подстрекателей, исполнителей и пособников, а достаточно подходить ко всем соучастникам с критерием их опасности и опасности преступления»¹.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года принципиально иначе оценивал значение роли каждого из участников преступления для определения размера наказания: «За преступления наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления» (ст. 15). В отличие от Руководящих начал по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года мера наказания определялась не только в зависимости от степени опасности преступника и совершенного им преступления, но и от степени участия в преступлении. Можно полагать, что УК РСФСР 1922 года в этом отношении обобщил уже ранее существовавшую судебную практику. Это же положение об ответственности за соучастие лежит в основе дальнейшего советского уголовного законодательства о соучастии.

Уголовный кодекс 1922 года воспроизводил определение понятия отдельных видов соучастия, данное в Руководящих началах. Лишь при определении понятия пособника было исключено указание на такой вид пособничества, как попустительство преступлению.

Основные начала 1924 года содержали по данному вопросу лишь одну статью, определявшую общий принцип ответственности за соучастие. Согласно ст. 12 наказания «применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении». Определение понятия подстрекателя, исполнителя и пособника Основные на-

¹ А. А. Герцензон, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, 1919 г., «Проблемы социалистического права», т. 3, М., 1938, стр. 19. Видимо, к этому взгляду присоединяется и Т. В. Церетели («Прямая связь в уголовном праве», стр. 270).

чала не давали, предоставляя решение этого вопроса уголовным кодексам отдельных союзных республик.

Уголовные кодексы союзных республик, изданные после принятия Основных начал 1924 года, также не содержали в себе общего определения понятия соучастия, но давали определение понятия исполнителя, подстрекателя и пособника. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года в ст. ст. 17 и 18 давалось определение понятия подстрекателя и пособника, а также устанавливались общие принципы применения наказания к каждому соучастнику в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности совершенного деяния и участвовавшего в нем лица. Аналогичные положения содержались и в Уголовных кодексах других союзных республик. Существенное различие в регулировании ответственности за соучастие в уголовных кодексах отдельных союзных республик заключалось в определении понятия пособничества. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и большинство уголовных кодексов других союзных республик считали пособниками лиц, содействующих выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий или же содействовавших сокрытию преступника либо следов преступления. В силу этого большинство уголовных кодексов признавало пособничеством всякое сокрытие преступника или следов преступления независимо от того, было ли оно заранее обещано или нет. Только Уголовные кодексы Грузинской ССР, Украинской ССР и Узбекской ССР не относили к пособничеству такие действия, если они не были заранее обещаны исполнителю преступления. Они рассматривали как пособничество лишь то укрывательство, которое заранее было обещано исполнителю.

Существенные изменения в регулировании вопроса об ответственности за соучастие внесли Основы уголовного законодательства 1958 года. Учитывая опыт нашей судебной практики, развитие теории советского уголовного права и задачи дальнейшего укрепления социалистической законности, они ввели следующие изменения в определение ответственности за соучастие. Основы в ст. 17 дают определение соучастия как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении преступления. Они относят к соучастникам наряду с исполнителями организаторов, подстрекателей и пособников преступления. Основы дали определение всех видов соучастников. К соучастию они не относят укрывательство, заранее не обещанное, преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем; ответственность за такое укрывательство может наступать лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом. Укрывательство, заранее обещанное, рассматривается как соучастие. При определении наказания каждому из соучастни-

ков суд должен учитывать степень и характер участия их в совершении преступления. Поэтому, хотя советское уголовное право и не знает обязательного смягчения наказания отдельным соучастникам, тем не менее различие между отдельными соучастниками имеет непосредственное практическое значение при определении судом меры наказания в связи со степенью и характером участия отдельного соучастника в преступлении. Обычно суд назначает второстепенным соучастникам относительно менее тяжелое наказание.

Соучастие по советскому уголовному праву есть умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении (умышленного) преступления.

Совершение преступления в соучастии несколькими лицами представляет обычно относительно большую общественную опасность, чем совершение преступления одним лицом. Большая общественная опасность особенно очевидна, когда преступление является результатом сознательно организованной деятельности нескольких лиц. Это облегчает совершение преступления.

Указание о повышенной опасности некоторых форм соучастия впервые было дано в Руководящих началах 1919 года, где предписывалось судам при определении меры наказания различать, «совершено ли деяние группой, шайкой, бандой или одним лицом». Уголовный кодекс 1922 года к обстоятельствам, отягчающим ответственность, относил участие в шайке или банде. Основные начала 1924 года рассматривали как отягчающее обстоятельство совершение преступления группой и бандой. Квалифицирующими признаками преступлений в ряде статей Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1926 года были: банда, преступная организация, соучастие с предварительным соглашением.

С первых лет Великой Октябрьской социалистической революции особую опасность представляли хищения государственного и общественного имущества, как преступления, подрывающие основу нашего строя. Уголовное законодательство об ответственности за хищение социалистической собственности всегда уделяло особое внимание борьбе с хищениями, совершенными организованными группами расхищателей. Целый ряд декретов, изданных в первые годы существования Советского государства, говорит об ответственности соучастников хищения социалистической собственности, выделяя в первую очередь как наиболее опасных преступников должностных лиц, расхищающих вверенное им государственное имущество. Особую опасность организованные хищения государственного и общественного имущества приобрели в период проведения сплошной кол-

лективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Организованные хищения тогда выступали как одна из основных форм контрреволюционного сопротивления разбитого классового врага. С организованными формами хищения государственного и общественного имущества усиленную борьбу вел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Основы уголовного законодательства 1958 года в п. 2 ст. 34 к отягчающим обстоятельствам относят совершение преступления организованной группой. Действующее уголовное законодательство не рассматривает соучастие без предварительного соглашения как обстоятельство, которое обязательно повышает ответственность при всех преступлениях.

Соучастие как обстоятельство, повышающее при определенных условиях общественную опасность совершенного преступного деяния, учитывается не только в постановлениях Общей части. В ряде случаев это находит свое выражение и в постановлениях Особенной части уголовных кодексов.

Ряд преступлений в качестве необходимого элемента состава преступления указывает на совершение его в соучастии с другими лицами. Массовые беспорядки (ст. 16 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) не может совершить одно лицо, они могут быть совершены лишь при соучастии более или менее значительного числа лиц. Бандитизм (ст. 14 этого же Закона) предполагает участие в банде не менее двух лиц. Участие в антисоветской организации (ст. 9) предполагает соучастие двух или нескольких лиц, ставящих себе задачей совершение какого-либо особо опасного государственного преступления.

В ряде случаев при обрисовке отдельных составов преступлений совершение преступления в соучастии выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства, дающего основание для иной квалификации преступления и применения более суровой меры наказания. Так, хищения государственного или общественного имущества, совершенные по предварительному сговору группой лиц, уголовные кодексы отдельных союзных республик (например, ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 92, ч. 2 ст. 93 УК РСФСР 1960 г.) рассматривают как квалифицированное хищение. Согласованные совместные действия соучастников придают всему совершенному качественно иной, более общественно опасный характер, чем сумма преступных действий отдельных лиц, принимающих то или иное участие в данном преступлении.

Согласованность действий нескольких лиц, направленная на осуществление преступного результата, является необходимым

признаком соучастия. Для соучастия недостаточно совершения преступления совместными действиями нескольких лиц, недостаточно лишь одного их внешнего единства. Для соучастия необходимо внутреннее единство действий этих лиц в результате явного или молчаливого их соглашения, направленного на достижение преступного результата. Слова закона о соучастии как умышленном совместном участии в совершении преступления выражают единство действий соучастников¹. Если действие одного лица лишь объективно содействовало совершению преступления другим лицом (например, непринятие мер к охране социалистической собственности со стороны определенного должностного лица содействует хищению государственного или общественного имущества), то здесь нет еще соучастия в совершении данного преступления. Для соучастия необходимо соглашение хотя бы между двумя лицами о совершении преступления сообща; в приведенном примере о соучастии в хищении социалистической собственности можно было бы говорить тогда, когда должностное лицо по соглашению с расхитителем социалистической собственности сознательно не принимает мер к охране вверенного ему государственного или общественного имущества.

В нашей литературе высказывались взгляды, отрицающие необходимость установления для соучастия внутренней согласованности действий соучастников, находящей свое выражение в соглашении между ними. Такие взгляды могли иметь место лишь при отсутствии ранее четкого определенного понятия соучастия в законе.

А. Я. Вышинский отрицал необходимость установления при соучастии «единства воли, выраженного в соглашении»². Это положение объективно создавало возможность для необоснованного привлечения к уголовной ответственности за соучастие лиц, которые не должны были нести уголовной ответственности за преступление, совершенное другими лицами. Эта ошибочная точка зрения получила поддержку в работе А. Н. Трайнина о соучастии. Он вслед за А. Я. Вышинским считал, что «соучастие мыслимо и без предварительного соглашения соучастников и даже без всякого между ним соглашения»³. Он выступал против тех, кто считал, что для признания наличия соучастия тре-

буется установление не только вины, но и соглашения¹. При таком понимании признак соучастия «совместность действий» оказался лишенным своего внутреннего содержания — согласованности действий двух или более лиц, что может быть достигнуто лишь в результате их соглашения, хотя бы установленного путем взаимного сознания о совместности действий, совершаемых для выполнения состава определенного преступления. Разумеется, не всякое соучастие предполагает предварительное соглашение соучастников, но всякое соучастие предполагает какое-то соглашение между ними, которое может быть установлено и непосредственно на месте преступления, хотя бы в форме заведомого присоединения преступной деятельности одного лица к преступной деятельности других лиц. Отрицая необходимость соглашения при соучастии, А. Н. Трайнин вопреки этому все же утверждал, что «соучастие предполагает согласованные, но в то же время самостоятельные действия отдельных лиц»². Для соучастия требуется взаимная осведомленность о совместном совершении преступления хотя бы двух лиц, т. е. сознание лица, что оно действует не в одиночку, а совершает преступление совместно с другими лицами³.

Где отсутствует сознание, что лицо действует совместно с другим для осуществления общего преступного намерения, там отсутствует и соучастие в преступлении. Сознание соучастника о связи между своими действиями и действиями исполнителя вытекает при соучастии из явного или молчаливого соглашения о согласованности действий участников преступления⁴.

¹ См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 73.

² Там же, стр. 128.

³ А. Н. Трайнин, критикуя даваемое нами определение соучастия как умышленного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления, выдвигал против нас мало обоснованное обвинение. По его мнению, в нашем определении отсутствует указание на субъективную связь между соучастниками (А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 277—278), хотя для каждого казаось бы очевидным, что защищаемое нами понятие соучастия именно подчеркивает с полной определенностью характер субъективной стороны соучастия как деятельности умышленной, а потому и предполагающей явное или молчаливое соглашение о совместном совершении преступления. Такая критика со стороны А. Н. Трайнина была тем менее обоснованной, что сам он, как известно, выступал всегда сторонником допустимости неосторожного соучастия, т. е. такого, которое, очевидно, исключает какое бы то ни было соглашение между участниками преступления. Небезынтересно будет отметить, что значительно ранее, в 1938 году, наше понимание соучастия вызвало как раз обратные возражения со стороны А. Я. Вышинского. Он критиковал это определение за то, что в нем выражено требование соглашения между соучастниками, которое он считал излишним. См. об этом сб. «Сорок лет советского права 1917—1957», т. II, разд. IX «Уголовное право», ЛГУ, 1957, стр. 542.

⁴ Правильно настаивает на необходимости для соучастия соглашения М. А. Шнейдер («Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву», М., 1958, стр. 17). М. И. Ковалев («Соучастие в преступлении»,

¹ Нельзя согласиться с П. И. Гришаевым и Г. А. Кригером, которые совместность понимают исключительно в плоскости объективной (см. П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, Соучастие по советскому уголовному праву, стр. 17—18).

² См. А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, М., 1949, стр. 115.

³ А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 73. Это же положение А. Н. Трайнин дословно повторил и в статье «Некоторые вопросы учения о соучастии», опубликованной в журнале «Социалистическая законность» 1957 г. № 11, стр. 22.

Соучастие может выражаться прежде всего в том, что каждое лицо умышленно принимает совместное участие в непосредственном выполнении действий, которыми осуществляется состав данного преступления. Это так называемое соинициатство. Например, три лица совместно нападают на прохожего, и каждый из них ножом причиняет ему телесные повреждения, в результате которых у потерпевшего наступает расстройство здоровья, связанное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть. Вопрос об уголовной ответственности при таком соучастии не вызывает особых трудностей. Каждый соучастник отвечает на общих основаниях за сообща совершенное преступление.

При соучастии в тесном смысле между отдельными соучастниками проведено разделение ролей: совершение одними действий, которыми непосредственно состав определенного преступления не осуществляется (пособники и подстрекатели), а другими — действий, которыми осуществляется состав определенного преступления (исполнители). Например, А уговаривает Б убить В, обещая ему передать оружие для убийства через Г. Последний передает Б оружие, и Б убивает В. Таким образом А является подстрекателем к убийству, Б — его исполнителем, Г — пособником.

Специальный порядок уголовной ответственности существует при соучастии в тесном смысле слова. Термин «соучастие» нередко употребляется именно в отношении соучастия, где проведено разделение ролей.

Нельзя говорить о соучастии в тех случаях, когда исполнителем выступает душевнобольной или несовершеннолетний, который в силу своего возраста не может быть субъектом преступления, или лицо, заблуждающееся относительно характера совершаемых им деяний. Подстрекатель или пособник душевнобольного или малолетнего, совершившего общественно опасное деяние, а также лица, действовавшего в заблуждении, отвечает не за подстрекательство или пособничество в преступлении, а за само преступление вследствие того, что исполнитель является лишь орудием совершения этого деяния в руках других.

При подстрекательстве или пособничестве в таких случаях следует говорить не о соучастии, а о посредственном виновничестве.

Свердловск, 1960, стр. 108—109) выступает против этих положений, хотя фактически, как нам представляется, его разногласия с М. А. Шнейдером лишь словесные. Против соглашения как необходимого элемента соучастия выступают П. И. Гришаев и Г. А. Кригер («Соучастие по советскому уголовному праву», стр. 44). Однако они при этом полемизируют с такими взглядами, которые вовсе не защищаются советскими криминалистами, — требование взаимной осведомленности каждого из соучастников о присоединяющейся деятельности других.

Соучастие не создает каких-либо особых оснований уголовной ответственности. Оно предполагает применение общих принципов ответственности по советскому уголовному праву. Единственным основанием уголовной ответственности по советскому уголовному праву является установление в действиях виновного состава преступления. Это положение имеет определяющее значение как при установлении возможности уголовной ответственности за единолично совершенное преступление, так и при установлении уголовной ответственности за преступление, совершенное в соучастии. В Особенной части уголовных кодексов, как правило, составы преступлений описываются, исходя из предположения их совершения одним лицом. Однако и для раскрытия содержания каждого состава преступления недостаточно лишь признаков, указанных в соответствующей статье Особенной части уголовного кодекса. Необходимо обращаться для этого и к нормам Общей части. Умышленное преступление может быть совершено как одним лицом, так и в соучастии нескольких лиц. Общие черты действий соучастников при совершении любых умышленных преступлений описаны в постановлениях Общей части (ст. 17 Основ, ст. 17 УК РСФСР 1960 г. и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик). Состав преступления в действиях каждого соучастника складывается из признаков, характеризующих деятельность каждого соучастника как исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, и соответствующих признаков состава преступления, участником совершения которого данное лицо является¹. Поэтому для характеристики состава преступления отдельного соучастника необходимым является ссылка на ст. 17 УК РСФСР 1960 года и соответствующую статью Особенной части уголовного кодекса, определяющую признаки совершенного соучастниками преступления.

А. Я. Вышинский отрицал необходимость при определении ответственности за соучастие пользоваться общими принципами уголовной ответственности, применимыми при ответственности отдельного лица за совершенное преступление, т. е. установления, выражаясь его словами, — «внутренней и внешней причинной связи каждого данного деятеля с явлением». По этому вопросу он писал: «Правильный сам по себе, этот принцип неприемлем в вопросе о соучастии, если соучастие понимать не в узком смысле этого слова, т. е. не как участие нескольких лиц в совершении общими усилиями одного или нескольких преступлений, а понимать его в широком смысле слова, т. е. как совокупность действий многих или нескольких лиц, не только вызвавших данный преступный результат, но и в той или иной

¹ Правильно это решают П. И. Гришаев, Г. А. Кригер («Соучастие по советскому уголовному праву», М., 1959, стр. 168—169).

мере и степени, прямо или косвенным образом, посредственно или непосредственно предопределивших или облегчивших наступление преступного результата»¹. При этом по существу отвергалось понимание соучастия как умышленного участия нескольких лиц в совершении преступления. Институт соучастия при такой трактовке исчезал и заменялся некоей широкой и неопределенной причастностью к совершению преступления. Такое понятие соучастия не было основано на советском законе. Оно противоречило основным принципам ответственности по социалистическому уголовному праву и практически могло служить лишь теоретическим оправданием нарушений социалистической законности.

Для уголовной ответственности за соучастие необходимо установить объективную и субъективную стороны соучастия, отвечающие общим принципам ответственности по социалистическому уголовному праву.

С объективной стороны для уголовной ответственности каждого соучастника необходимо установить содействие им чем-либо совершению исполнителем преступления. Подстрекатель или пособник способствует своей деятельностью совершению преступления исполнителем. Для установления наличия соучастия необходимо установить, таким образом, причинную связь между деятельностью подстрекателя или пособника и совершением исполнителем преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 1 июля 1942 г. по делу К. и Я. специально подчеркнула необходимость установления такой связи для возможности привлечения к ответственности за пособничество. К. и Я. обвинялись в несдаче и присвоении колхозного зерна, переданного им для просушки, а их жены привлекались к ответственности как соучастники. Коллегия признала: обстоятельство, что просушенное зерно жены К. и Я., по предложению своих мужей, пересыпали в мешки и сложили в клеть, не может служить основанием для признания их виновными в соучастии, так как эти действия ни в какой мере не способствовали несдаче К. и Я. полученного ими зерна, которое они обязаны были сдать независимо от того, находилось ли оно в мешках или в таре, в доме или в клетях.

В результате содействия, оказанного соучастником исполнителю преступления, создается объективная причинная связь между деятельностью соучастника и совершенным исполнителем преступлением. Вопрос о причинной связи при соучастии ставит некоторые дополнительные проблемы сравнительно с общим решением этого вопроса при совершении преступления одним

лицом. Содействие совершению преступления соучастником всегда опосредствуется сознательной деятельностью исполнителя. Это имеет место как в том случае, когда соучастие выражается в оказании физической помощи совершению преступления (предоставление орудия или создание иных условий, без которых исполнитель не мог бы совершить данное конкретное преступление), так и в том случае, когда соучастник воздействует на волю исполнителя путем подстрекательства или интеллектуального пособничества. Деятельность отдельных соучастников в их совокупности лишь создает или облегчает реальную возможность для исполнителя приступить к совершению преступления и выполнить его. Исполнитель может и не воспользоваться этой возможностью. Реальная возможность превращается в действительность лишь в результате сознательных действий исполнителя преступления. Таким путем создается причинная связь между деятельностью отдельного соучастника и совершением преступления исполнителем. Исполнитель при этом никогда не является безмолвным орудием, средством, которое можно поставить на одну доску с силами природы (это действительно имеет место в случаях использования в качестве орудия преступления душевнобольного или малолетнего). Содействие или побуждение исполнителя совершить преступление всегда преломляется в его сознании, воздействует на его волю, создает или укрепляет мотивы его поведения и т. п., но все это вовсе не обрекает исполнителя фатально действовать в определенном направлении. Он может и уклониться от подобного воздействия.

Хотя реальная возможность совершения исполнителем преступления создается всеми совокупными действиями его соучастников, тем не менее роль отдельного соучастника при этом может быть различной. Объективное значение деятельности отдельного соучастника в создании реальной возможности совершения преступления определяется степенью участия того или иного соучастника в совершении преступления.

Не может рассматриваться как соучастие в преступлении так называемая прикосновенность, т. е. такая деятельность, которая не стояла в причинной связи с совершением исполнителем преступления, не создавала реальной возможности его совершения, а возникла по поводу данного преступления (укрывательство, недонесение о совершенном преступлении). В связи со сказанным представляется теоретически правильным рассматривать укрывательство, заранее не обещанное исполнителю, не как соучастие в преступлении, как это делали Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и большинство уголовных кодексов других союзных республик, а как прикосновенность к преступлению, ответственность за которую должна в необходимых случаях предусматриваться в качестве особого состава преступления. Этот

¹ А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, стр. 117.

теоретически правильный взгляд на укрывательство воспринят Основами уголовного законодательства 1958 года.

Ряд советских криминалистов, которые являются сторонниками понимания причины как одного из необходимых условий, видят причинную связь между деятельностью исполнителя и других соучастников в том, что действие подстрекателя или пособника, каждое в отдельности, является одним из необходимых условий совершения исполнителем преступного деяния.

Однако несмотря на расхождение в понимании причинной связи, большинство советских криминалистов признают, что действия соучастников должны находиться в причинной связи с преступными последствиями, учиненными исполнителем преступления. Эта точка зрения неизменно проводилась нами в учебниках по Общей части уголовного права¹. Такого рода взгляд приводился и в работах А. Н. Трайнина, А. А. Герцензона, М. Д. Шаргородского, М. А. Шнейдера, Т. В. Церетели и М. И. Ковалева, П. И. Гришаева и Г. А. Кригера и других советских криминалистов². Против этого положения выступал А. Я. Вышинский. Он отрицал необходимость установления причинной связи между деятельностью соучастника и исполнителя для привлечения к уголовной ответственности за соучастие. В докладе на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства он говорил: «Вызывает сомнение правильность трактовки понятия соучастия как деятельности, находящейся в причинной связи с учиненным исполнителем преступным результатом... Для понятия соучастия необходимо наличие не причинной связи, а связи вообще данного лица с совершенным преступлением»³. Свою позицию в вопросе о соучастии А. Я. Вышинский пытался подкрепить правильной, с его точки зрения, английской доктриной о соучастии. Этот довод не может быть признан убедительным.

Как известно, английское уголовное право сохранило в себе пережитки феодального уголовного права, для которого было

характерно установление очень широких пределов ответственности за соучастие. Феодальное уголовное право относило к соучастникам не только тех, кто содействовал совершению преступления, но и тех, кто одобрял действия исполнителя, восхваляя его и совершенное деяние, кто не доносил о преступлении и т. д. А. Я. Вышинский именно эти черты английского уголовного права поднимал на щит и рекомендовал в качестве «теоретического оружия» для советской судебной практики. Вот какое положение из английского права было одобрено им: «По английскому праву участие вменяется в вину тому, кто, не будучи непосредственно исполнителем преступного деяния и не присутствуя при его совершении, оказывается тем не менее так или иначе с ним связанным, причем установление связи с деянием может относиться или ко времени, предшествующему совершению преступления, или к последующему времени»¹.

Отрицание необходимости установления причинной связи при соучастии, хотя бы и путем ссылки на английское уголовное право, давало теоретическое обоснование для незаконного привлечения к уголовной ответственности лиц, в действиях которых вовсе не было состава преступления, т. е. объективно оно служило оправданием грубых нарушений социалистической законности.

Положение Основ уголовного законодательства о том, что лишь заранее обещанное исполнителю укрывательство может рассматриваться как пособничество, имеет большое теоретическое и практическое значение для понимания института соучастия в советском уголовном праве. Оно означает требование во всех без исключения случаях установить причинную связь между действием соучастника и совершенным исполнителем преступлением для признания наличия соучастия в преступных действиях другого лица.

С субъективной стороны деятельность каждого из соучастников должна быть умышленной. Неосторожная вина не может создавать той внутренней согласованности между действиями отдельных лиц, которая является необходимым признаком соучастия. Для соучастия

¹ См. «Уголовное право. Общая часть», М., 1948, стр. 410, 411, 416—419; «Советское уголовное право. Общая часть», М., 1952, стр. 291—302; «Советское уголовное право. Общая часть», М., 1959, стр. 229—230.

² См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 64—68, 105, 130 и др.; его же, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 291—292; А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, стр. 367, 377; М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 150, 151, 153, 154; М. А. Шнейдер, Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву, стр. 14; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 250—251; М. И. Ковалев, Соучастие в преступлении, стр. 210—234; П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, Соучастие по советскому уголовному праву, стр. 27—33.

³ А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, М., 1949, стр. 118.

¹ А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, стр. 119. Критика взглядов А. Я. Вышинского на соучастие была дана в работах А. А. Пионтковского и В. М. Чхиквадзе («Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы советского уголовного права и процесса», «Советское государство и право» 1956 г. № 4), В. В. Николаева («Преодоление неправильных теорий в уголовном праве — важное средство укрепления социалистической законности», «Коммунист» 1956 г. № 14), М. А. Шнейдера («Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву»), П. И. Гришаева и Г. А. Кригера («Соучастие по советскому уголовному праву»), М. И. Ковалева («Соучастие в преступлении»),

необходимо установить умышленное совместное участие в совершении умышленного преступления. Каждый из соучастников, будучи осведомлен о характере совершаемого исполнителем преступления, тем самым сознает, что своими действиями он способствует исполнителю в совершении преступления или побуждает его к этому. Исполнитель также сознает, что ему оказывается содействие в совершении преступления или что его подстрекают совершить преступное деяние. При этом возможно, что отдельный соучастник может и не знать о преступных действиях других соучастников преступления.

Умышленное подстрекательство или пособничество к неосторожно совершенному преступлению не образуют соучастия в совершении преступления. Например, И. подговорил П. выстрелить в своего врага В. из ружья, уверив П., что ружье заряжено холостым патроном и выстрел может лишь напугать В. П. стреляет и убивает В. За отсутствием умысла в действиях исполнителя ответственность И. и П. должна определяться на общих основаниях: И. подлежит ответственности за оконченное умышленное убийство, П., использованный лишь в качестве орудия преступления, — за неосторожное убийство, если по обстоятельствам дела он должен был предвидеть, что ружье заряжено не холостым патроном.

Неосторожное подстрекательство или пособничество к умышленно совершенному преступлению также не дает основания для уголовной ответственности за участие в этом деянии. Например, А оставляет по неосторожности на своем письменном столе револьвер. Воспользовавшись этим, его знакомый Б берет револьвер и совершает убийство, которое он до сих пор не мог совершить лишь потому, что не мог достать оружия. А не может подлежать уголовной ответственности за соучастие в данном преступлении.

Нет соучастия и в тех случаях, когда преступление совершено в результате неосторожных действий нескольких лиц. В силу неосторожного характера действия каждого лица здесь не может иметь место согласованная деятельность всех этих лиц, которая требуется для соучастия. Каждое лицо отвечает самостоятельно за неосторожное причинение преступного результата. Например, начальник станции из-за невнимательного отношения к выполнению своих служебных обязанностей дает распоряжение принять поезд на занятый другим составом путь. Машинист не обращает внимания на поданные ему стрелочником сигналы об остановке и ведет поезд на этот путь; происходит крушение. Начальник станции и машинист, каждый в отдельности, отвечают за свои неосторожные действия — нарушение трудовой дисциплины на транспорте, вызвавшее указанные тяжелые последствия. Нельзя рассматривать начальника станции как неосторожного подстрекателя к крушению поезда.

Основы уголовного законодательства вводят в определение понятия соучастия требование умышленной совместной деятельности нескольких лиц. Это требование признавалось нашей теорией и проводилось нашей судебной практикой еще задолго до принятия новых основ нашего уголовного законодательства.

О том, что соучастие предполагает совместную умышленную деятельность, говорили и постановления Пленума Верховного Суда СССР и определения его коллегий по уголовным делам. Поэтому, например, следует признать обвинение в соучастии в хищении государственного или общественного имущества необоснованным, если обвиняемый хотя объективно и содействовал совершению хищения другим лицом, однако сам не признавал при этом, что он помогает хищению. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 сентября 1949 г. по делу М. отверг наличие признаков соучастия в хищении в следующих действиях осужденного М. вместе с осужденным Л. по распоряжению Л., как начальника, перенес с места аварии в восстановительный поезд один бидон краски, обращенной Л. затем в свою собственность. М., выполняя приказание Л., полагал, что краска будет использована для нужд восстановительного поезда.

Разумеется, возможно совершение одного преступления в результате неосторожных действий нескольких лиц. Однако в этих случаях всегда ответственность каждого определяется на общих основаниях.

Нет необходимости в понятие подстрекательства как сознательного побуждения другого лица к совершению преступления и в понятие пособничества как сознательного содействия другому в совершении преступления вкладывать несвойственное им содержание некоей неосторожной деятельности. Принципиальное положение по этому вопросу было высказано в приведенном уже выше определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 ноября 1947 г. по делу Ч. и М.

Шофер Ч. зашел в будку дежурного нарядчика гаража, расположенную недалеко от пешеходной дорожки, и предложил находящемуся там шоферу М. испробовать имевшиеся у них пистолеты системы «Парабеллум» и «ТТ». Ч. произвел два выстрела из пистолета «Парабеллум» по шапке М., повешенной на гвоздь, вбитый в бревенчатую стену будки. При этом одна пуля застряла в бревне, а другая прошла навывлет. М. сделал один выстрел из пистолета «ТТ» в повешенную на тот же гвоздь шапку Ч. При этом он попал в паз бревенчатой стены, пуля прошла навывлет и ранила в область грудной клетки проходившую на расстоянии 30 м от будки Попову, которая от полученного ранения скончалась. Коллегия в определении по этому

делу признала, что преступление, совершенное обвиняемыми, является неосторожным убийством и обвинение должно быть возбуждено непосредственно против каждого из них без ссылки на статью Общей части о соучастии. Попова погибла от пули, выпущенной М. из пистолета системы «ТТ». С субъективной стороны следует признать, что хотя М. и не предвидел возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий, но по обстоятельствам дела (стрельба из револьвера в бревенчатой будке, находящейся недалеко от пешеходной тропы) следует считать, что он мог предвидеть возможность наступления таких последствий, если бы действовал с большой осмотрительностью. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала, что М. подлежит ответственности за неосторожное убийство. Ч. независимо от М. также подлежит ответственности за неосторожное лишение жизни П. Он организовал стрельбу и тем самым объективно создал реальную возможность гибели проходивших мимо будки людей. Он не предвидел этих последствий своих действий, но по указанным уже обстоятельствам мог предвидеть их наступление¹. Судебная практика и в ряде других случаев не освобождает от самостоятельной уголовной ответственности лицо, виновное в неосторожном обращении с огнестрельным оружием, если эта неосторожность обусловила последующие неосторожные действия других лиц, приведшие к наступлению тяжелого последствия².

А. Я. Вышинский неосновательно расширял понятие соучастия не только путем отрицания необходимости установления причинной связи между действием отдельного соучастника и совершенным исполнителем преступлением, но и путем признания допустимости неосторожного соучастия (подстрекательства) в совершении любого преступления. Такое искусственное расширение субъективной стороны соучастия создавало теоретическое оправдание для привлечения к уголовной ответственности лиц, в действительности не совершивших никакого преступления. А. Я. Вышинский солидаризировался с высказыванием английского юриста Стифена, который считал лицо ответственным за всякое преступление, которое было совершено в результате подстрекательства и относительно которого подстрекатель знал или должен был знать, что оно может быть совершено. Таким образом, А. Я. Вышинский вслед за Стифеном допускал ответственность как за соучастие в преступлении за неосторожное

подстрекательство к преступлению¹. Нетрудно понять, какое преломление подобное теоретическое положение могло иметь в практической судебно-прокурорской работе. Это было одним из тех положений, которым оправдывали грубые нарушения социалистической законности.

А. Н. Трайнин также допускал возможность соучастия при неосторожной вине. Это можно видеть хотя бы из его общего определения соучастия по советскому праву как совместного участия нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, участия, при котором каждое из действующих лиц должно быть причинно и виновно связано с преступным результатом². А. Н. Трайнин говорил не об умышленной связи соучастников с преступным результатом, а о виновной, т. е. допуская, что эта связь выражается в форме неосторожности.

По мнению А. Н. Трайнина, «нет решительно оснований утверждать, будто соучастие в сочетании с неосторожной виной вообще немислимо»³. Правда, Трайнин отрицал неосторожное подстрекательство к умышленному преступлению, как и неосторожное пособничество в таком преступлении⁴. Однако он считал, что имеется соучастие во всех случаях совместного совершения несколькими лицами одного и того же неосторожного преступления.

А. Н. Трайнин утверждал, что его вывод имел большое практическое значение для укрепления социалистической законности. С этим нельзя было согласиться. Достаточно указать на один из примеров, который приводит при этом А. Н. Трайнин. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. устанавливал уголовную ответственность узкого круга лиц (директора предприятия, начальника ОТК и главного инженера) за выпуск недоброкачественной продукции. Нередко вина этих лиц выражается в форме неосторожности. Признавая возможность соучастия в неосторожном преступлении, А. Н. Трайнин допускал привлечение тем самым по этому Указу к уголовной ответственности за соучастие других должностных лиц, которые по неосторожности содействовали выпуску недоброкачественной продукции с промышленного предприятия. Тем самым искажался смысл этого Указа, так как при этом не узкий круг должностных лиц, а любое должностное лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности за это преступление⁵. Свою точку зрения о допустимости неосторожного

¹ Приведенное определение Уголовной коллегии Верховного Суда СССР вызвало в нашей литературе по уголовному праву многочисленные и разногласные комментарии. Наиболее правильными из них являются комментарии М. И. Ковалева (см. «Соучастие в преступлении», стр. 115—116).

² См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 170.

¹ См. А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, стр. 119.

² См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 77.

³ Там же, стр. 111.

⁴ См. там же, стр. 113.

⁵ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 293.

соучастия А. Н. Трайнин высказывал и в одной из последних своих статей¹.

Близка к взгляду А. Н. Трайнина позиция М. Д. Шаргородского. Он считает точку зрения А. Н. Трайнина «с известными дополнениями и исправлениями» более правильной, чем та точка зрения, которая излагалась нами в учебниках Общей части уголовного права и где требовалось для соучастия установить умышленное участие в совершении преступления. Он считает, однако, соучастие возможным только в отношении тех неосторожных преступлений, где действие совершается умышленно, а результат наступает по неосторожности, так как в этих случаях соучастник сознает характер деяния исполнителя. Поэтому, в частности, действия Ч. в приведенном выше деле об убийстве Поповой следовало бы, по его мнению, рассматривать как подстрекательство к неосторожному убийству².

Хотя казалось бы, что определение соучастия в Основах уголовного законодательства 1958 года как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении преступления исключает возможность ставить вопрос о соучастии в неосторожном преступлении, тем не менее М. Д. Шаргородский и после издания Основ защищает прежнюю позицию. В качестве основания для этого он выдвигает следующее соображение. Отстаивая в свое время умышленный характер соучастия, мы в учебниках определяли соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, а Основы в ст. 17 просто говорят о совместном умышленном участии в совершении преступления³. Это сокращение формулы соучастия в законе сравнительно с учебным руководством было вызвано чисто редакционными соображениями, оно не меняет явно выраженной мысли закона — положить предел необоснованному расширению понятия соучастия, которое в свое время лишь служило оправданием грубых нарушений социалистической законности. Умышленное совершение преступления может повлечь и такие последствия, психическое отношение к которым выражается в форме неосторожности, но умышленное участие в форме подстрекательства и пособничества в совершении неосторожного преступления противоречит природе вещей, т. е. существу института соучастия⁴.

¹ См. А. Н. Трайнин, Некоторые вопросы учения о соучастии, «Социалистическая законность» 1957 г. № 2, стр. 21—28.

² См. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 143.

³ См. М. Д. Шаргородский, Некоторые вопросы общего учения о соучастии, «Правоведение» 1960 г. № 1, стр. 91—94.

⁴ Против допустимости соучастия в неосторожном преступлении выступают П. И. Гришасев и Г. А. Кригер (см. «Соучастие по советскому уголовному праву», стр. 34), М. И. Ковалев («Соучастие в преступлении», стр. 116).

Единственным случаем, когда при действии Уголовного кодекса РСФСР 1926 года мог бы быть поставлен вопрос о квалификации совершенного преступления по ст. 17 этого кодекса и соответствующей статье, предусматривающей совершение неосторожного преступления, было определение ответственности за укрывательство неосторожного преступления. Например, укрывательство неосторожного убийства, телесного повреждения и т. д. Однако это находило свое объяснение в недостатках конструирования по Уголовному кодексу РСФСР 1926 года ответственности за укрывательство, заранее не обещанное. Такое укрывательство являлось по существу не соучастием в преступлении, а особым преступлением против порядка управления — против осуществления социалистического правосудия.

Основы уголовного законодательства 1958 года, отнеся к участию лишь укрывательство, заранее обещанное, предоставили решение вопроса об уголовной ответственности за укрывательство, заранее не обещанное, уголовным кодексам отдельных союзных республик. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 189, в главе о преступлениях против правосудия, установил уголовную ответственность за укрывательство, заранее не обещанное, ряда наиболее серьезных умышленных преступлений. Укрывательство в отношении неосторожных преступлений не влечет за собой уголовной ответственности.

При обсуждении вопроса о соучастии на VII Международном Конгрессе ассоциации уголовного права в Афинах в конце сентября — начале октября 1957 года (в работах конгресса принимала участие и советская делегация) встал, в частности, вопрос об ответственности за неосторожное соучастие. Большинство делегатов отрицательно отнеслись к возможности ответственности за неосторожное соучастие. Такая же отрицательная позиция по данному вопросу была сформулирована и от имени советской делегации. Однако при формулировке окончательной резолюции, которая была принята конгрессом, было лишь констатировано, что по рассмотренному вопросу выявилось два мнения, и даже не было отмечено, что сторонники допустимости соучастия при неосторожном преступлении были в явном меньшинстве¹. Изучение судебной практики показывает, что она правильно исходит из понимания соучастия как умышленного участия в совершении умышленного преступления.

Многочисленные определения коллегий Верховного Суда СССР и постановления его Пленума указывают, что для

¹ См. П. И. Кудрявцев, А. А. Пионтковский, М. С. Строгович, VII Международный конгресс по уголовному праву в Афинах, «Советское государство и право» 1958 г. № 4, стр. 148—152.

признания лица виновным в пособничестве необходимо установить осведомленность его о преступном характере действий исполнителя и умышленное оказание им содействия совершению преступления или его сокрытию.

Неосознанное содействие совершению умышленного преступления в судебной практике не рассматривается как соучастие в совершении этого преступления. Такое действие или совсем не включает в себе состава преступления, или при известных обстоятельствах может заключать в себе иногда состав самостоятельного преступления (например, халатного отношения к своим служебным обязанностям, злоупотребления служебным положением). Этот вопрос, как мы указывали, имеет особо важное практическое значение по делам о хищении государственного и общественного имущества, когда ставится вопрос об ответственности должностных лиц, которые непринятием необходимых мер к охране государственного и общественного имущества или плохой постановкой отчетности создают возможность хищения государственного и общественного имущества.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 24 ноября 1951 г. действия Н., осужденного за хищение государственного имущества, были переклассифицированы на халатность. Н. был признан виновным в том, что, работая в должности управляющего отделением Госбанка и находясь в дружеских отношениях с работником Госбанка А., осужденным по настоящему делу, способствовал ему в расхищении государственных средств. Н. заверил несколько фиктивных справок об остатках денежных средств по переводным операциям, в результате чего А. похитил крупную сумму. Рассматривая дело по протесту Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла, что не было оснований для признания Н. виновным в соучастии в хищении, совершенном А. Коллегия пришла к такому выводу потому, что обвинение Н. было основано лишь на том факте, что он заверял фиктивные справки, представленные А. Материалы дела не давали основания сделать вывод, что Н. сознательно таким путем содействовал хищению государственных средств. Н. показал, что он не знал о фиктивности подписываемых им документов. Осужденный А. подтвердил это обстоятельство. Оформление этих документов производилось бухгалтером и контролировалось главным бухгалтером. За проявленную небрежность Н. должен был нести самостоятельно ответственность как за халатное отношение к своим служебным обязанностям.

Неосознанное содействие хищению государственного или общественного имущества может дать также основание для привлечения должностного лица к уголовной ответственности не за халатность, а за злоупотребление своим служебным положением. Примером в этом отношении может служить определение Су-

дебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 августа 1951 г. по делу Ч., осужденного за соучастие в хищении государственного имущества. Коллегия признала установленным, что Ч., злоупотребляя своим служебным положением, по просьбе З., осужденного за хищение государственного имущества, незаконно подписал чистые бланки нарядов на производство работ и отдал их З., который использовал эти бланки в преступных целях. Никаких доказательств, что Ч. подписал бланки для того, чтобы облегчить З. хищение государственного имущества, по делу не установлено. Коллегия, считая, что обвинение Ч. в пособничестве хищению государственного имущества не доказано, квалифицировала его действия как злоупотребление служебным положением.

§ 2

Формы соучастия

Необходимо различать следующие формы соучастия: а) соучастие без предварительного соглашения, б) соучастие с предварительным соглашением, которое по действующему законодательству может быть простым соучастием с предварительным соглашением, организованной группой и преступной организацией или бандой. Следует иметь в виду, что все эти формы соучастия могут иметь место не только при соучастии в тесном смысле слова, но и при совиновничестве (например, каждый член вооруженной банды может принимать одинаковое участие в совместном совершении преступления в качестве его исполнителя). Указанные формы соучастия отличаются одна от другой степенью сплоченности соучастников.

Соучастие без предварительного соглашения есть совместное умышленное участие нескольких лиц в совершении преступления без предварительной о том договоренности. Примером такого соучастия может быть преступление, совершенное толпой, нанесение телесных повреждений или убийство в драке, в которой участвовало много лиц. Соучастие без предварительного соглашения возможно и при наличии незначительного числа участников (например, один подстрекает другого к повреждению чужого имущества, что последний и совершает).

Наиболее распространенным видом соучастия является соучастие с предварительным соглашением.

Оно может выражаться в различных формах: соучастие, связанное с простым сговором относительно места, времени или способа совершения преступления; соучастие, связанное с предварительным, более детальным сговором, придающим соучастникам характер организованной группы, и, наконец, устойчивая

преступная организация с детальным разделением ролей, ставящая себе задачей совершение одного или нескольких преступлений. Для обозначения организованного соучастия с предварительным соглашением наше законодательство пользуется различными понятиями — «организованная группа», «банда», «организация». Так, ст. 9 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления определяет ответственность за соучастие в антисоветской организации; ст. 14 того же Закона предусматривает участие в вооруженной банде.

Основы уголовного законодательства рассматривают совершение преступления организованной группой при всех преступлениях как отягчающее обстоятельство (ст. 34).

В Особенной части уголовного кодекса встречаются статьи, которые рассматривают в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение преступления «по предварительному сговору группой лиц». Так, ч. 2 ст. 89 УК РСФСР 1960 года предусматривает в качестве квалифицирующего вида кражи государственного или общественного имущества кражу, совершенную по предварительному сговору группой лиц; ч. 2 ст. 90 УК РСФСР 1960 года предусматривает в качестве квалифицирующего грабежа государственного или общественного имущества грабеж, совершенный по предварительному сговору группой лиц. О совершении преступления по предварительному сговору группой лиц как квалифицирующем обстоятельстве говорят ст. 91 (разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом), ст. 92 (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением), ст. 93 (хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества) и ряд других статей Уголовного кодекса РСФСР 1960 года.

Для признания наличия бандитизма (ст. 14 Закона об уголовной ответственности, ст. 77 УК РСФСР 1960 г.) судебная практика требует, чтобы было установлено существование устойчивой преступной организации, ставящей себе целью вооруженное нападение либо на отдельных граждан, либо на государственные или общественные учреждения или предприятия. Признак устойчивости преступной организации является, таким образом, неотъемлемой принадлежностью банды.

При применении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» вставал вопрос о том, что считать хищением, совершенным организованной группой (шайкой), дававшим основание для привлечения к уголовной ответственности за квалифицированный вид хищения.

В судебной практике при применении этих Указов были значительные колебания при решении вопроса о наличии или отсутствии хищения, совершенного организованной группой.

Большинство советских криминалистов при анализе понятия организованной группы специально подчеркивали, что для ее наличия необходима была как предварительная договоренность участников хищения о совершении преступления, так и известная договоренность о плане совершения хищения, о разделении ролей участников, о способах и орудиях преступления и других обстоятельствах, придающих действующей группе характер организованной группы. Во многих работах, посвященных хищению государственного и общественного имущества, отмечалось, что не всякое соучастие в хищении с предварительным соглашением означало наличие организованной группы в смысле указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.¹

Это понятие организованной группы, выработанное судебной практикой в период действия указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., следует иметь в виду и при раскрытии содержания понятия организованной группы, о которой говорит как об отягчающем обстоятельстве ст. 34 Основ. Таким образом, при хищениях государственного или общественного имущества, а также и при соответствующих посягательствах на личное имущество граждан следует различать организованную группу и группу, совершающую хищение по предварительному сговору, а в случаях вооруженного посягательства на государственное или общественное имущество или личное имущество граждан — еще и банду. Всякое соучастие по предварительному сговору согласно указанным выше статьям Уголовного кодекса РСФСР 1960 года дает основание рассматривать совершенное хищение как квалифицированное. Те трудности квалификации хищений, которые ранее существовали при действии указов от 4 июня 1947 г., в новом уголовном законодательстве ликвидированы. Но при определенной степени организованности соучастников можно говорить о наличии организованной группы, что согласно ст. 34 Основ должно всегда рассматриваться как отягчающее обстоятельство при выборе наказания в рамках карательной санкции соответствующей статьи Особенной части уголовного кодекса. Устойчивый характер организованной группы при совершении вооруженного разбоя как в отношении государственного или общественного имущества, так и в отношении личного имущества граждан дает основание для квалификации совершенного преступления как бандитизма.

Наше уголовное законодательство в ряде случаев само создает преступную организацию и участие в ней без совершения

¹ См. А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, 1955, стр. 458—459.

еще ею каких-либо преступлений рассматривает как оконченное преступление, хотя бы этой организацией и не было еще совершено никакого преступления. Это делается ввиду особой социальной опасности тех преступлений, совершение которых ставит себе задачей данная организация. Такими случаями являются участие в антисоветских организациях (ст. 72) и участие в бандитской организации (ст. 77 УК РСФСР 1960 г.). Во всех других случаях самый факт создания преступной организации следует рассматривать как приготовление к совершению соответствующего преступления.

§ 3

Виды соучастников

При определении ответственности отдельных соучастников преступлений суду обычно приходится решать вопрос о том, кто из них является главным, а кто второстепенным виновником преступления.

При соучастии в форме совиновничества, где все участники преступления являются его соисполнителями, наш закон не ставит вопроса о различных видах соучастников. Тем не менее на практике и в этих случаях возникает вопрос о главных и второстепенных виновниках преступления. Этот вопрос решается судом в зависимости от роли каждого из них как в подготовке, так и в совершении преступления. Проблема индивидуализации ответственности каждого из соучастников не снимается и при наличии совиновничества.

Устанавливая особый порядок уголовной ответственности за соучастие, советское уголовное законодательство имеет в виду лишь соучастие в тесном смысле слова, т. е. соучастие, где производится различие между исполнителями, пособниками, подстрекателями и организаторами преступления. При этом соучастии, как и при любом соучастии нескольких лиц в совершении преступления, обычно оказывается, что степень вины каждого из этих лиц неодинакова. Данное различие советский закон связывает не с какими-либо чисто внешними, формальными признаками (например, принимало ли данное лицо участие в непосредственном совершении преступления или нет), а с выяснением роли этого лица в совершении преступления (главной, определяющей или вспомогательной, второстепенной). Суд обязан внимательно выяснить роль каждого из соучастников, чтобы правильно провести различие между главными и второстепенными виновниками преступления и соответствующим образом определить им наказание. Советское уголовное законодательство не знает обязательного смягчения наказания пособнику пре-

ступления по сравнению с наказанием исполнителя, что позволяет отказаться от принятого в буржуазном уголовном праве деления соучастников по формальным признакам на главных и второстепенных виновников, где главным обычно считается исполнитель преступления. Этот вопрос решается советским судом в зависимости от всех конкретных обстоятельств совершенного преступления.

Опыт борьбы с наиболее опасными формами преступной деятельности (преступления против социалистического государства, хищения социалистической собственности, спекуляция и некоторые другие) показывает, что организаторы этих преступлений обычно не принимают непосредственного участия в выполнении тех действий, которые принадлежат к составу преступления. Тем не менее именно они и являются главными виновниками совершенного деяния. Наш закон проводит различие между исполнителями, организаторами, подстрекателями и пособниками по той объективной роли, которую они играют в совершении преступления. Этот же критерий берется судом и для различия между отдельными пособниками, подстрекателями, организаторами и исполнителями преступления, когда суд ставит перед собой вопрос о степени участия каждого из них в совершении преступления. Поскольку наш закон не знает обязательного смягчения наказания каким-либо категориям соучастников, особенности каждого из них учитываются при решении более общего вопроса о роли соучастника в совершении преступления, при установлении степени его общественной опасности для назначения ему в соответствии с этим определенного наказания.

Следует иметь в виду, что объективный критерий в проведении разграничения между главными и второстепенными соучастниками тесным образом связан с пониманием характера причинной связи при соучастии — различия между главными и второстепенными причинами в создании реальной возможности совершения преступления исполнителем.

Необходимо отметить, что этот объективный критерий не может быть обоснован, исходя из понимания причинности *causa sine qua non*. Согласно этой теории причинности деятельность каждого из соучастников преступления следует рассматривать как равноценную, как одинаково необходимое условие для достижения преступного результата. Поэтому она не в состоянии провести различия между соучастниками по их объективной роли в совершении преступления. По существу эта теория причинности логически вела к полному отказу от института соучастия. Самостоятельность и равноценность деятельности каждого соучастника характерны для взглядов на соучастие буржуазных уголовно-социологических школ, которые выражали в этом вопросе общие тенденции ломки буржуазной законности в эпоху империализма. Криминалистам, сторонникам

теории причинности *conditio sine qua non*, приходится выдвигать субъективный критерий для разграничения видов соучастников (направленность их преступного умысла и мотивы совершения преступления). Исполнитель обладает умыслом на совершение преступления. Пособник заинтересован лишь в содействии совершению преступления.

Одним из основных вопросов, который обсуждался на VII Международном конгрессе ассоциации уголовного права в Афинах, был вопрос о современном состоянии понятия исполнителя преступления и соучастия в преступлении. В представленном от имени советской делегации докладе на эту тему защищался взгляд о необходимости различия соучастников по той объективной роли, которую играла деятельность каждого из них в совершении преступления. Такое решение данного вопроса больше соответствует задаче укрепления законности при определении ответственности за соучастие¹.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в постановлениях о соучастии не давал непосредственного определения понятия исполнителя. Так же поступали Уголовные кодексы Армянской ССР 1927 года и Белорусской ССР 1928 года. Уголовные кодексы других союзных республик давали определение понятия исполнителя. Так, Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года в ст. 20 определял: «Исполнителями считаются лица, принимавшие непосредственное участие в выполнении преступного деяния, в чем бы таковое ни заключалось». Близкую к этому формулу, а иногда и тождественную, содержали и уголовные кодексы ряда других союзных республик. Более кратко определял понятие исполнителя Уголовный кодекс Туркменской ССР 1927 года: «Исполнителями признаются те, кто принимает непосредственное участие в совершении преступления» (ст. 17). Таким образом, советское уголовное законодательство считало исполнителями всех лиц, непосредственно участвовавших в совершении преступления. Действующее уголовное законодательство считает исполнителем лицо, непосредственно совершившее преступление (ст. 17 Основ, ст. 17 УК РСФСР 1960 г.). Понятием исполнителя охватывается всякое лицо, принимающее непосредственное участие в выполнении того действия, которым осуществляется состав данного преступления. Поэтому исполнителем при убийстве является и тот, кто непосредственно совершил убийство, и тот, кто лишь держал руки жертвы в то время, как другой наносил ей смертельный удар. Оба эти лица отве-

¹ См. П. И. Кудрявцев, А. А. Пионтковский, М. С. Строгович, VII Международный конгресс по уголовному праву в Афинах, «Советское государство и право» 1958 г. № 4, стр. 148—152.

чают как исполнители за совершенное убийство. Несмотря на известное разделение ролей, они оба являются соисполнителями преступления¹. Поэтому следует признать слишком узким то понятие исполнителя как «непосредственного физического автора преступления», которое давалось А. Н. Трайниным².

При наличии соучастия в тесном смысле слова отдельные соучастники привлекаются к уголовной ответственности, как правило, по той же статье уголовного кодекса, по которой привлекается исполнитель, с указанием на статью Общей части уголовного кодекса, говорящую о соучастии (например, соучастие в квалифицированном убийстве по УК РСФСР должно квалифицироваться по ст. 17 и ст. 102 УК РСФСР 1960 г.)³.

Соучастник несет ответственность за соучастие в том преступлении, содействие или подстрекательство к которому вошло в его умысел. Поэтому в тех случаях, когда имеется расхождение между тем, что вошло в умысел отдельного соучастника, и фактически совершенным преступлением, соучастник не может отвечать за то же преступление, за которое отвечает и исполнитель. Он несет уголовную ответственность лишь в пределах своего умысла.

При соучастии в форме совиновничества деятельность каждого соучастника непосредственно квалифицируется по той статье Особенной части Уголовного кодекса, которая предусматривает совершение данного преступления. При этом нет

¹ VII Международный конгресс уголовного права в Афинах в резолюции по вопросу о соучастии дал понятие исполнителя, которое по существу может охватывать не только лиц, непосредственно совершающих преступление, но и некоторые иные категории участников преступного деяния. В самом деле, резолюция считает исполнителем преступления лицо, которое поступает как «хозяин действия», а потому и является главным действующим лицом. Таким «хозяином действия», очевидно, может быть не только лицо, непосредственно выполняющее состав определенного преступления; «хозяином действия» могут оказаться в конкретных условиях и организатор преступления, который сам непосредственно не принимает участия в совершении преступления. Конгресс дал скорее определение главного виновника, чем исполнителя преступления. Заслуживает внимания решение вопроса о понимании исполнителя преступления в случаях, когда преступное деяние совершается путем бездействия; в таких случаях исполнителем считается тот, кому обязанность совершить определенные действия вменялась особенно настоятельно. Это определение свидетельствует также о том, что здесь дается не столько определение исполнителя, сколько определение в этом случае главного виновника среди других соучастников преступления.

² См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 104.

³ В этом смысле, конечно, можно говорить о зависимости ответственности соучастников от преступления, совершенного исполнителем, об акцессорном характере института соучастия (См. об этом М. И. Ковалев, Соучастие в преступлении, стр. 99). Однако в советском уголовном праве возможна и самостоятельная ответственность подстрекателя и пособника, когда еще исполнитель не совершил никакого преступления, на основании ст. 15 УК РСФСР 1960 года, определяющей ответственность за приготовление.

необходимости ссылаться на соответствующую статью Общей части Уголовного кодекса, говорящую о соучастии.

Нет необходимости ссылаться на эту статью и в тех случаях, когда речь идет об ответственности отдельных членов преступной организации или банды, поскольку в законе специальным составом преступления предусмотрена ответственность за соучастие в такой преступной организации или участие в совершении преступления подобной преступной организацией.

Среди соучастников преступления Основы уголовного законодательства в ст. 17 (ст. 17 УК РСФСР 1960 г.) вслед за исполнителями называют организаторов. Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением. До издания Основ понятие организатора преступления не было известно нашему уголовному законодательству. Оно было создано практикой борьбы с наиболее серьезными преступлениями, такими, как особо опасные государственные преступления, бандитизм и хищения социалистической собственности. Организаторы таких преступлений по существу являлись главными его виновниками. Поэтому они несли за совершенное преступление более тяжкое наказание, чем его непосредственные исполнители. До принятия Основ уголовного законодательства судебная практика приравнивала деятельность организаторов преступления к деятельности исполнителей и поэтому не считала необходимым при квалификации их преступных действий ссылаться на ст. 17 УК РСФСР 1926 года, необходимую для квалификации действий других соучастников. Такую позицию, например, занял Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 6 января 1942 г. по делу Б. Пленум указал, что действия организаторов не ограничиваются только подстрекательством или совершением подсобных действий, содействующих совершению преступления. Действие организатора выражается в самой организации преступления и является одним из наиболее важных элементов совершения преступления. Пленум признал, что организаторы, хотя бы они лично не участвовали в фактическом совершении преступления, подлежат ответственности как исполнители преступления. По действующему уголовному законодательству этот вопрос должен быть решен иначе, а именно путем ссылки на ст. 17 УК РСФСР 1960 года и соответствующую статью Особенной части уголовного кодекса, которая предусматривает преступление, совершенное исполнителем.

Деятельность организатора преступления не обязательно предполагает создание особой устойчивой преступной организации для совершения тех или иных общественно опасных деяний. Например, в первые годы существования Советской власти

известны были случаи террористических актов кулаков против сельских активистов и селькоров, физически совершенных бедняками, которые были подкуплены кулаками. Чаще, однако, организаторы преступления встречаются при совершении преступлений организованной группой (например, при совершении преступной организацией особо опасных государственных преступлений; при совершении организованной группой хищений государственного или общественного имущества или краж личного имущества граждан и т. д.). Организатор отвечает за все те преступления, совершенные отдельными членами преступной группы, которые он организовал путем подстрекательства, предоставления средств, набора людей для непосредственного исполнения преступного деяния, составления планов совершения преступления или которыми он руководил при их непосредственном выполнении. С субъективной стороны у организатора должно иметься сознание, совершение какого рода преступления он организует или совершением какого рода преступления он руководит, и желание достижения (или по крайней мере сознательное допущение наступления) определенного преступного результата.

Подстрекателем признается лицо, склонившее кого-либо к совершению преступления (ст. 17 Основ уголовного законодательства, ст. 17 УК РСФСР 1960 г.). Такое же понятие подстрекательства содержалось и раньше в уголовных кодексах всех союзных республик. Подстрекатель является инициатором совершения преступления. В этом заключается общественно опасный характер его деятельности.

С объективной стороны подстрекательство состоит в возбуждении в другом лице решимости совершить определенное преступление. Возбуждением этой решимости устанавливается причинная связь между действиями подстрекателя и совершенным исполнителем преступлением.

Средства, которыми пользуется подстрекатель, могут быть самыми разнообразными: просьба, убеждение, подкуп, угроза и т. д. Подстрекательство может быть осуществлено как в прямой, так и в завуалированной форме, однако оно всегда совершается путем активных действий, а не бездействия.

Одобрение уже сложившегося у лица преступного намерения нельзя рассматривать как подстрекательство. Такое одобрение не вызывает, а лишь укрепляет сложившееся намерение совершить преступление. Это не подстрекательство, а интеллектуальное пособничество. Интеллектуальным пособничеством является и одобрение преступной деятельности лица в процессе

ее осуществления, поскольку таким путем укрепляется решимость лица довести начатое преступное деяние до конца. Одобрение преступления после его совершения не включает в себе, по общему правилу, состава преступления, за исключением тех случаев, когда в нем самом заключаются признаки подстрекательства к совершению другого преступления, или оно включает в себе состав иного оконченного преступления, например, антисоветской агитации и пропаганды или агитации и пропаганды с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни.

Подстрекательством является возбуждение решимости совершить преступление у лица, способного сознательно решить этот вопрос. Поэтому склонение невменяемого или несовершеннолетнего, не достигшего установленного в законе возраста, начиная с которого возможна уголовная ответственность, к совершению преступления нельзя рассматривать как подстрекательство. Не может рассматриваться как подстрекательство и сознательное введение другого лица в заблуждение, чтобы, используя его ошибку, добиться осуществления преступления руками этого лица. Во всех таких случаях имеет место посредственное причинение преступного результата, а не соучастие в совершении преступления. Поэтому нельзя согласиться с А. Н. Трайниным, который относил к средствам подстрекательства «возбуждение в другом ошибки или использование уже в нем существующей»¹ для совершения преступления. Такое понимание подстрекательства могло возникнуть лишь на основе допущения соучастия в неосторожном преступлении, концепции, отвергаемой советским уголовным законодательством.

Подстрекательство может выражаться и в угрозе причинения лицу определенных страданий или ущерба, если он не совершит требуемого от него преступного деяния. Однако, когда характер угрозы был таков, то совершение под угрозой определенного деяния имело место в состоянии крайней необходимости, подстрекатель отвечает как исполнитель за посредственное причинение, а лицо, фактически совершившее данное деяние, не подлежит уголовной ответственности.

Не будет иметь места соучастие, а лишь посредственное причинение и в тех случаях, когда под влиянием гипноза или психического либо физического принуждения полностью будет подавлена воля лица и совершенные им действия нельзя уже рассматривать как проявление его решимости совершить преступление.

Нельзя рассматривать как подстрекательство приказ, отданный начальником своему подчиненному в пределах служебных

полномочий приказывающего. Приказ, обязательный для подчиненного, исключает противоправность совершенного последним деяния. Поэтому, если этот приказ оказался по содержанию преступным, начальник, отдавший его, отвечает за все совершенное как исполнитель в порядке посредственного причинения. В тех случаях, когда начальник отдал явно преступный приказ, выполнивший этот приказ подчиненный отвечает за совершенное преступление как исполнитель, а лицо, отдавшее преступный приказ, — как подстрекатель к совершению преступления.

С субъективной стороны подстрекательство всегда является деятельностью умышленной. Умысел подстрекателя, как и всякого другого субъекта преступления, должен включать в себе предвидение, во-первых, всех тех фактических обстоятельств, которые образуют объективные признаки состава данного преступления, и, во-вторых, общего развития причинной связи между его действиями и наступившим преступным результатом.

В силу первого момента подстрекательство должно быть направлено на конкретно-определенное преступление (убийство, кражу, разбой и т. п.). Поэтому нельзя рассматривать как подстрекателя в смысле ст. 17 УК РСФСР 1960 года того, кто, возбуждая сознательно в другом решимость совершить определенное конкретное преступление, развивает в других в моральном отношении нездоровые взгляды, наклонности и настроения. При определенных условиях такая деятельность может заключать сама по себе состав оконченного преступления. Таковой, например, является антисоветская пропаганда и агитация, предусмотренная ст. 7 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, которую следует отличать от подстрекательства к совершению конкретно-определенного особо опасного государственного преступления.

В силу второго момента умысел подстрекателя должен включать в себе сознание, что его действия могут вызвать у подстрекаемого лица решимость совершить определенное преступление. Умысел подстрекателя может быть и прямым, если он желает наступления преступного результата, или эвентуальным, если он сознательно допускает его наступление.

Мотивы, которыми руководствовался подстрекатель, возбуждая решимость в другом лице совершить определенное преступление, могут быть самые разнообразные. Они могут совпадать, но могут и не совпадать с мотивами, которыми руководствуется исполнитель. Эти мотивы должны быть учтены при определении меры наказания каждому из соучастников преступления. Подстрекатель может руководствоваться в своей деятельности даже не стремлением причинить вред объекту, на который направлено действие исполнителя, а стремлением изобличить преступника и передать его в руки органов государственной власти.

¹ А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 100. Правильно критикуют эту позицию П. И. Гришаев и Г. А. Кригер (Соучастие по советскому уголовному праву, стр. 145).

Такой провокатор, с точки зрения советского уголовного права, хотя бы он изобличил преступника до окончания преступления, должен рассматриваться как подстрекатель к совершению преступления.

Подстрекатель привлекается к уголовной ответственности за соучастие в том преступлении, которое совершил исполнитель. Поэтому наказание подстрекателю устанавливается судом в пределах санкции за то преступление, которое совершено исполнителем. Наказание подстрекателю, как и всякому другому соучастнику, определяется в зависимости от степени и характера его участия в преступлении, степени его общественной опасности и опасности совершенного исполнителем деяния. Назначенное судом наказание подстрекателю может быть выше, ниже или равным наказанию, определенному судом исполнителю.

Подстрекательство влечет за собой уголовную ответственность по ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, предусматривающей соучастие, и по статье Особенной части, предьявленной исполнителю. Если в действиях исполнителя не заключалось состава преступления или если он не совершил никаких преступных действий, то вся деятельность подстрекателя не может обсуждаться по правилам о соучастии. Такое неудавшееся подстрекательство (покушение на подстрекательство) можно рассматривать самостоятельно как приготовление к преступлению. При действии Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, по которому приготовление, как правило, не влекло за собой уголовной ответственности, подстрекательство само по себе не могло подлежать наказанию, за исключением тех случаев, когда оно заключало в себе состав самостоятельного оконченного преступления, например, при контрреволюционной пропаганде и агитации. Иное решение вопроса о возможности уголовной ответственности за неудавшееся подстрекательство давалось на основе постановлений Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Неудавшееся подстрекательство могло влечь за собой уголовную ответственность. Неудавшееся подстрекательство всегда можно было рассматривать как «создание условий для совершения преступлений», т. е. как приготовление к преступлению. Такое же решение этого вопроса следует дать и на основе ныне действующего уголовного законодательства. Эта точка зрения всегда проводилась нами в учебнике Общей части советского уголовного права. В этом смысле правильно решал В. Д. Меньшагин вопрос об ответственности за неудавшееся подстрекательство частных лиц к совершению воинского преступления как «за приготовление к воинскому преступлению»¹.

¹ См. В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступлений по советскому уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. III, 1943, стр. 81.

В ряде случаев подстрекательство рассматривается законом в качестве самостоятельного состава преступления. Таковыми являются пропаганда войны, ответственность за которую определяется ст. 8 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления; призыв к совершению особо опасных государственных преступлений как форма антисоветской агитации и пропаганды (ст. 7 того же Закона); пропаганда или агитация с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни (ст. 11).

До издания Основ уголовного законодательства в уголовных кодексах союзных республик не было единства в понимании пособничества. Большинство уголовных кодексов, подобно Уголовному кодексу РСФСР 1926 года, считали пособниками лиц, содействовавших выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же содействовавших сокрытию преступника или следов преступления. В соответствии с этим к пособничеству относилось не только содействие совершению преступления, но и всякое укрывательство преступника или следов преступного деяния, хотя бы этим и не было оказано содействие совершению преступления. Иную позицию по данному вопросу занимали Уголовные кодексы Грузинской ССР 1928 года, Украинской ССР 1927 года и Узбекской ССР 1926 года. Уголовный кодекс Грузинской ССР в ст. 17 определял, что «пособниками считаются те, кто содействовал выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств, устранением препятствий, а также сокрытием преступника или следов преступления». Таким образом, этот кодекс относил к пособничеству только содействие выполнению преступления, а потому укрывательство преступника или следов преступления можно было рассматривать как пособничество лишь в том случае, когда этим оказывалось содействие совершению преступления. Это возможно лишь тогда, когда такое укрывательство имеет место в период подготовки к совершению преступления (например, укрывательство лица, которое готовится совершить разбойное нападение) или в процессе осуществления преступного деяния (например, укрывательство следов преступления в процессе его совершения), а также и тогда, когда укрывательство преступника или следов преступления имело место после реализации преступления, но было заранее обещано преступнику. В этом последнем случае укрывательство также является содействием совершению преступления. В связи с этим Уголовный кодекс Грузинской ССР 1928 года в ст. 18 содержал указание, что укрывательство преступника или следов преступления, не являющееся содействием выполнению преступления, влекло за собой

применение наказания лишь в случаях, специально указанных в Уголовном кодексе. В Особенной части этот кодекс выделял укрывательство, заранее обещанное, в самостоятельное преступление против порядка управления, назначая за него наказание до пяти лет лишения свободы (ст. 80). Аналогично решал этот вопрос и Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года, и Уголовный кодекс Узбекской ССР 1926 года. Мы всегда считали теоретически правильным то решение вопроса об укрывательстве, которое давалось в уголовных кодексах Грузинской ССР, Узбекской ССР и Украинской ССР. Оно связано с общим понятием соучастия в преступлении как деятельности, стоящей в причинной связи с совершением исполнителем преступления. Укрывательство, заранее не обещанное исполнителю, не могло оказать какое бы то ни было влияние на совершение исполнителем преступления, оно не было одной из причин или одним из условий, создавших для него реальную возможность совершения преступления. Деяние, имевшее место полностью после совершения преступления, не может быть его причиной, оно не содействует его совершению.

Различная оценка укрывательства, даваемая уголовными кодексами союзных республик, обуславливала различие в понимании пособничества и укрывательства советскими криминалистами. Следует отметить, что большинство советских криминалистов, выступавших в печати по этому вопросу (А. А. Герцензон, В. Д. Меньшагин, А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, М. Д. Шаргородский, Т. В. Церетели и др.), считали правильной по приведенным уже соображениям позицию уголовных кодексов Грузинской, Украинской и Узбекской союзных республик. По поводу такого взгляда А. Я. Вышинский писал в 1938 году: «Это едва ли правильно. Обещание не является обязательным условием для признания укрывательства пособничеством»¹. Позиция А. Я. Вышинского тесным образом была связана с общим отрицанием им значения причинной связи как обязательного условия возможности уголовной ответственности за соучастие в преступлении, совершенном исполнителем. Для соучастия, как мы уже указывали, он требовал не установления причинной связи между деятельностью соучастника и совершением преступления исполнителем, а вообще связи данного лица с совершенным преступлением. Этот взгляд А. Я. Вышинского нашел последователей. Одно время его разделял А. Н. Трайнин. В 1939 году он писал, что «тезис — соучастие есть участие в причинении преступного результата — далеко не беспорочен», что «нет основания по одному хронологическому признаку (оказана ли помощь до или после совершения преступления) пособничество относить к соучастию, а укрыватель-

ство поставить вне соучастия, как некую прикосновенность к преступлению, аналогичную недоносительству»¹. Следует отметить, что в работе «Учение о соучастии», изданной в 1941 году, он уже не отстаивал эту точку зрения. Р. А. Хрулинский-Бурбо, относя укрывательство к пособничеству, писал в 1952 году о том, что «причинная связь между деятельностью соучастника и совершенным исполнителем преступлением не является необходимым конститутивным элементом соучастия в советском уголовном праве»².

Ряд выступлений в защиту позиции Уголовного кодекса РСФСР 1926 года по вопросу об укрывательстве был опубликован на страницах журнала «Социалистическая законность»³. Одним из аргументов при этом служило утверждение, что представляется трудным или даже невозможным практически установить, было ли укрывательство заранее обещано исполнителю или нет. Этот довод не может быть признан убедительным. Доказательство этого факта не представляет больших трудностей, чем доказательство многих других обстоятельств, необходимых для правильного определения уголовной ответственности. Следующим аргументом в защиту указанного понимания укрывательства являлось указание, что укрывательство содействует осуществлению конечных преступных целей исполнителем преступления. При таком подходе к оценке деятельности соучастников умалется основной критерий, который определяет преступный характер деятельности исполнителя, — наличие в его действиях определенного состава преступления как единственного основания его уголовной ответственности. Отнесение к пособничеству лишь укрывательства, заранее обещанного, покоится на твердых теоретических основаниях — требовании наличия причинной связи между действием лица и вменяемыми ему в ответственность преступными последствиями как необходимого условия уголовной ответственности по социалистическому праву за тот или иной преступный результат. Последовательное проведение этого принципа служит гарантией от необоснованного привлечения к уголовной ответственности за соучастие. Признание соучастником преступления всякого укрывателя противоречит и принципу индивидуализации наказания. Нужно учитывать,

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 12.

² Р. А. Хрулинский-Бурбо, Против института прикосновенности в теории советского уголовного права, «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. III, Саратов, 1952, стр. 168.

³ См. М. Меркушев, Ответственность за укрывательство, «Социалистическая законность» 1955 г. № 1, стр. 19—24; П. Мишунин, Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве, «Социалистическая законность» 1956 г. № 11, стр. 7—16; И. Павляшвили, Ответственность за укрывательство по делам о хищениях социалистической собственности, «Социалистическая законность» 1951 г. № 5, стр. 30—34.

что правосознание не может мириться с признанием соучастником в убийстве лица, которое не имело никакого отношения к совершенному деянию, не знало убийцу и спустя ряд лет после совершения преступления дало у себя приют убийце, разыскиваемому следственными органами. На VII Международном конгрессе уголовного права в Афинах (1957 г.) советская делегация присоединилась к резолюции конгресса о соучастии, где к пособничеству было отнесено лишь укрывательство, заранее обещанное. Резолюция конгресса отнесла к пособникам тех, кто окажет основному исполнителю, преступный умысел которого установлен, умышленное содействие в совершении преступления; это содействие может выражаться в действии предварительном, одновременном, а если оно вытекает из предварительного сговора, то и в последующем по отношению к преступлению. Резолюция признала, что последующее содействие, не являющееся результатом предварительного соглашения, в частности укрывательство, наказуемо лишь постольку, поскольку сами по себе эти действия представляют самостоятельное преступление¹.

Такая позиция по вопросу об ответственности за укрывательство означала защиту демократических начал в организации репрессии и была направлена против необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности за преступления, в совершении которых они не принимали участия.

Основы уголовного законодательства отнесли к пособничеству лишь заранее обещанное укрывательство и признали, что укрывательство, заранее не обещанное, влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных в законе.

Пособником признается лицо, содействующее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем (ст. 17 Основ уголовного законодательства, ст. 17 УК РСФСР 1960 г.). Рассмотрим условия, относящиеся к объективным и субъективным свойствам пособничества.

С объективной стороны пособничество выражается в содействии совершению преступления указанными выше способами.

Пособники отличаются от исполнителей тем, что они не принимают непосредственного участия в выполнении преступления. Их содействие преступлению совершается или на более ранней

стадии развития преступной деятельности (например, передача преступнику денег для покупки оружия), или при выполнении преступления, но без непосредственного участия в совершении действий, путем которых оно осуществляется (например, во время совершения квартирной кражи лицо наблюдает, находясь на улице, не возвращается ли владелец квартиры домой, чтобы подать сигнал своим соучастникам).

От подстрекателей пособники отличаются тем, что их содействие выполнению преступления не выражается в склонении исполнителя совершить преступление, в возбуждении у него такой решимости.

Содействие пособника выполнению преступления может выражаться в различных формах. Оно может быть пособничеством физическим (передача преступнику орудия преступления, устранение препятствий к совершению преступления и т. д.) или пособничеством интеллектуальным (совет, указание, как лучше совершить преступление, и т. д.). Как вид интеллектуального пособничества следует рассматривать и заранее обещанное укрывательство.

Перечень способов пособничества, приведенный в ст. 17 Основ (советы, указания, предоставление средств, устранение препятствий, обещание укрывательства), охватывает, по существу, все возможные способы содействия совершению преступления.

Пособничество обычно выражается в совершении каких-либо активных действий, но не исключена возможность и того, что пособничество выражается в бездействии, если на лице лежит специальная обязанность противодействовать совершению преступления. Необходимо, чтобы к этому была определенная правовая обязанность. Наличие одной моральной обязанности не допускать совершения преступления еще недостаточно для признания бездействия пособничеством преступлению¹.

Пособничество предполагает содействие выполнению преступления, поэтому оно должно быть совершено до окончания преступления.

При отсутствии причинной связи между действиями пособника и наступившим преступным результатом можно говорить лишь о неудавшемся пособничестве (покушение на пособничество). Например, если кто-либо посылает письмо другому с указанием, как можно совершить преступление, а тот совершает преступление еще до получения этих указаний, в этом случае

¹ Иного взгляда на этот вопрос держится Н. Д. Дурманов («Вопросы соучастия в судебной практике Верховного Суда СССР», «Социалистическая законность» 1947 г. № 8, стр. 17—18). Справедливо критикуют этот взгляд П. И. Гришаев, Г. А. Кригер («Соучастие по советскому уголовному праву», стр. 162).

¹ См. «Социалистическая законность» 1958 г. № 2, стр. 46.

ответственность должна определяться на общих основаниях об ответственности за приготовление как за создание условий для совершения преступления.

С субъективной стороны деятельность пособника должна быть умышленной. Предвидение как элемент умысла пособника в тесном смысле слова должно охватывать, во-первых, все те фактические обстоятельства, которые образуют объективные признаки состава преступления, совершаемого исполнителем, и, во-вторых, причинную связь между собственными действиями и совершением исполнителем преступления. В силу первого момента пособничество как вид соучастия должно являться пособничеством в выполнении определенного преступления. Поэтому, например, нельзя признать пособником в убийстве лицо, давшее лом исполнителю для того, чтобы тот вскрыл несгораемый шкаф, в том случае, если исполнитель совершит этим ломом убийство. В силу второго момента умысел пособника должен заключать в себе сознание, что его действия создают или облегчают возможность исполнителю совершить преступление. Умысел пособника может быть прямым (если он желает наступления преступного результата) или эвентуальным (если он сознательно допускает его наступление).

При заранее обещанном укрывательстве субъективная сторона является такой же, как и при других видах пособничества, т. е. умысел укрывателя заключает в себе сознание, что его обещание содействует исполнителю решиться на совершение преступления и осуществиться его.

Пособник привлекается к уголовной ответственности за соучастие в том преступлении, совершенном исполнителем, которому он умышленно содействовал.

Квалификация действий пособника производится обычно по той статье Особенной части уголовного кодекса, по которой квалифицируется действие исполнителя со ссылкой на ст. 17 Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (соответствующую статью уголовных кодексов других союзных республик). В отдельных случаях действия пособника и исполнителя могут быть квалифицированы по различным статьям уголовного кодекса в связи с различным содержанием их умысла.

Советское уголовное право не знает обязательного смягчения наказания за пособничество. Наказание для пособника определяется обычно в тех пределах, которые указаны в Особенной части уголовного кодекса за преступление, совершенное исполнителем. При этом суд учитывает не только все общие начала назначения наказания, указанные в ст. 32 Основ, но также степень и характер участия каждого лица в совершенном преступлении.

Судебная практика при определении ответственности за пособничество всегда учитывает степень участия пособника в совершении преступления сравнительно с ролью исполнителя и часто назначает пособнику менее тяжкое наказание по сравнению с исполнителем. В отношении второстепенных пособников не исключена возможность применения ч. 2 ст. 7 УК РСФСР 1960 года.

За неудавшееся пособничество, когда исполнитель, несмотря на оказание содействия, не совершил ничего преступного (покушение на пособничество), пособник может отвечать лишь как за приготовление к совершению преступления.

Вопрос об уголовной ответственности членов преступной организации за совершенные ею преступления требует специального рассмотрения.

Рядовые участники антисоветской организации (ст. 72 УК РСФСР 1960 г.) или вооруженной банды (ст. 77 УК РСФСР 1960 г.) несут ответственность за сам факт принадлежности к этой преступной организации или банде.

При определении размера ответственности каждого из участников преступной организации необходимо учитывать характер их деятельности. Эта деятельность может выразиться в предоставлении средств для совершения преступления, в укрывательстве, заранее обещанном или необещанном, в даче советов, вербовке других лиц в банду и т. п.

В судебной практике по борьбе с хищением социалистической собственности и бандитизмом неоднократно возникал вопрос о необходимости уточнить ответственность каждого участника организованной группы расхитителей народного добра и вооруженной банды за участие в отдельных эпизодах преступной деятельности этих организованных групп. Без надлежащего выяснения данного вопроса не может быть проведена индивидуализация наказания каждому из соучастников преступления и правильно определен материальный ущерб, подлежащий взысканию с каждого из осужденных.

Неправильная трактовка ответственности отдельных участников преступной организации давалась в выступлениях А. Я. Вышинского по вопросам соучастия. Исходя из отрицания необходимости установления причинной связи между деятельностью соучастника и преступлением, совершенным исполнителем, а также необходимости соглашения для соучастия, он утверждал, что «участие в группе, осуществляющей преступные действия, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласия на

их совершение не давал»¹. Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике на страницах партийной печати, как противоречащая принципу индивидуальной ответственности каждого соучастника в соответствии со степенью вины и степенью его участия в совершенном исполнителем преступлении. На практике это положение могло вести лишь к необоснованному осуждению или необоснованному применению суровых мер наказания к лицам, вина которых была незначительна². Те действия, которые были совершены определенными членами организованной группы и в которых другие члены не принимали прямого или косвенного участия и согласия на их совершение не давали, не могут быть вменены последним в ответственность.

Это не исключает их ответственности за сам факт участия в преступном сообществе.

Данный вопрос имеет существенное практическое значение как при определении уголовной ответственности за хищение, совершенное организованной группой лиц, так и при определении материальной ответственности соучастников такого хищения. Соучастники несут материальную ответственность солидарно за весь причиненный их действиями ущерб как лица, совместно причинившие вред. Поэтому материальная ответственность каждого из соучастников должна распространяться лишь на тот эпизод в хищении государственного или общественного имущества, в котором они принимали участие в качестве исполнителя, подстрекателя или пособника преступления. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 26 февраля 1954 г. по делу Л. и других определил, что поскольку в приговоре суда сказано, что осужденный Л. совместно с И. и А. принимал участие в хищении 41369 р. 39 к., а К. совместно с И. и А. — в хищении 14548 р. 26 к., то на Л. и К. нельзя возлагать материальную ответственность за общую сумму ущерба, установленную по данному делу. Неправильное искусственное объединение судом материального ущерба по различным эпизодам обвинения, которые не были между собой связаны, и возложение материальной ответственности в общей сумме на всех осужденных извращают действительную степень вины каждого из осужденных в совершенном преступлении и неосновательно освобождают от материальной ответственности в той или иной степени тех, кто по закону должен был ее нести. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением» указал: «Солидарную ответственность

должны нести лица, причинившие ущерб совместными действиями. Недопустимо возлагать солидарную ответственность на лиц, которые осуждены по одному делу, но за самостоятельные преступления, не связанные общим намерением». Предпосылкой правильного решения вопроса о возмещении материального ущерба по делам о хищении государственного или общественного имущества является правильное определение индивидуальной вины каждого из осужденных в совершенном хищении.

§ 4

Специальные вопросы учения о соучастии

Организаторы, подстрекатели и пособники являются ответственными за то преступление, которое совершено исполнителем. Поэтому все те объективные обстоятельства, относящиеся к условиям совершения исполнителем преступления, которые делают его более опасным или менее опасным, подлежат вменению в уголовную ответственность всем остальным соучастникам, конечно, при условии, что эти обстоятельства охватывались их предвидением как элементы прямого или эвентуального умысла. Поэтому, например, если исполнитель совершает крупное хищение государственного имущества путем кражи (ч. 1 ст. 89 УК РСФСР 1960 г.), то и подстрекатели и пособники отвечают по этой статье Уголовного кодекса, если они сознавали, что побуждали к совершению такого хищения или оказывали ему содействие.

Что касается обстоятельств, относящихся к личности самого исполнителя, то вопрос о вменении их в уголовную ответственность соучастникам должен решаться не всегда одинаково. В тех случаях, когда обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя, все же характеризуют большую или меньшую степень социальной опасности совершенного им преступления, они подлежат вменению в уголовную ответственность и остальным соучастникам, поскольку они охватывались их предвидением. Поэтому соучастие в корыстном убийстве, где субъективный момент — мотив убийства — свидетельствует об особой социальной опасности совершенного деяния, влечет за собой уголовную ответственность подстрекателя и пособника за корыстное убийство, хотя бы они действовали и без этих мотивов. Но те личные обстоятельства, которые характеризуют лишь исключительно повышенную степень социальной опасности данного конкретного преступника, не могут быть вменены в уголовную ответственность остальным соучастникам. Так, кража государственного или общественного имущества, совершенная особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 89 УК РСФСР 1960 г.), если

¹ А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, стр. 115.

² См. «Укрепление социалистической законности и юридическая наука», «Коммунист» 1956 г. № 11, стр. 21—22; В. Николаев, Преодоление неправильных теорий в уголовном праве — важное условие укрепления социалистической законности, «Коммунист» 1956 г. № 14, стр. 54.

только она не была крупной кражей, должна влечь для пособника ответственность лишь как за соучастие в повторной краже, предусмотренной ч. 2 ст. 89 УК РСФСР.

Что касается личных обстоятельств, имеющих на стороне отдельных организаторов, подстрекателей или пособников, то они оказывают влияние лишь на меру наказания того соучастника, к которому непосредственно относятся.

В буржуазной теории уголовного права вызывает сомнение вопрос о возможности соучастия в преступлениях, совершение которых предполагает особые свойства их исполнителя, лиц, не обладающих этими свойствами. Особенно спорным представляется вопрос о возможности соучастия в должностном преступлении частных лиц. Отрицание возможности соучастия частных лиц в должностном преступлении основывается на том, что совершение должностного преступления представляет собой нарушение специальной правовой обязанности (служебный долг), которая лежит лишь на определенном круге должностных лиц и не касается остальных граждан. Поэтому соучастие частных лиц в должностном преступлении не может влечь уголовной ответственности. В частности, в этом нашел свое отражение кастовый характер чиновничества буржуазного государства.

Эти соображения совершенно неприменимы к социалистическому праву. На должностных лицах социалистического государственного аппарата лежит особый служебный долг. Это — долг в связи с порученными им служебными обязанностями честно и добросовестно относиться к интересам социалистического государства и социалистической собственности, к нуждам и запросам трудящихся. Особый служебный долг должностных лиц в социалистическом государстве есть выражение в особых условиях общего долга, который лежит на каждом гражданине СССР и который записан в Конституции Советского Союза (ст. 130): «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития». Должностное лицо, совершая какое-либо должностное преступление, нарушает, конечно, свой служебный долг. Но и частное лицо, помогая ему в этом или подстрекая его к совершению должностного преступления, нарушает свой общественный долг и совершает также общественно опасные действия.

Вопрос об уголовной ответственности частных лиц в должностном преступлении не может вызывать каких-либо особых решений сравнительно с соучастием в других преступлениях. Наша судебная практика правильно допускает возможность со-

участия частных лиц в должностном преступлении. Наше законодательство содержит специальное постановление о возможности соучастия частных лиц в воинских преступлениях (ст. 1 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления). Точно так же должен быть решен вопрос и о возможности соучастия в других умышленных преступлениях, где закон предполагает в качестве исполнителя специального субъекта (например, вынесение судьями заведомо неправосудного решения, предусмотренное ст. 177 УК РСФСР 1960 г.).

Однако в тех случаях, когда смысл создания состава преступления со специальным субъектом заключается в исключении возможности привлечения других лиц за совершение данного преступления, следует исключить возможность соучастия других лиц в совершении такого деяния. С этим вопросом наша теория и практика столкнулись при рассмотрении проблемы соучастия в выпуске недоброкачественной продукции, предусмотренном ч. 1 ст. 128-а УК РСФСР 1926 года. Были высказаны взгляды, что в отношении выпуска недоброкачественной продукции вопрос о соучастии должен решаться на общих основаниях¹. С такой точкой зрения нельзя было согласиться. Закон установил повышенную уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции специально для тех лиц, которые в силу своего служебного положения призваны решать вопрос о том, считать ли данную продукцию годной для употребления и выпускать в оборот или ее необходимо подвергнуть доработке, переработке и доукомплектованию. Поэтому все должностные лица, сознательно содействовавшие главному инженеру, директору или начальнику технического контроля в выпуске такой продукции, не освобождаются от уголовной ответственности, но могут сами отвечать лишь на общих основаниях за совершенные ими должностные преступления. Такой позиции в этом вопросе держалась и наша судебная практика.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 152 предусматривает ответственность за выпуск недоброкачественной,

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, стр. 293. Такие же взгляды высказывали: Б. М. Леонтьев («Ответственность за выпуск недоброкачественной продукции по советскому уголовному законодательству», «Советское государство и право» 1954 г. № 3, стр. 74), Г. И. Вольфман («Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной продукции», автореферат канд. диссертации, М., 1954, стр. 13), Б. С. Утевский («Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции», М., 1955, стр. 100, 102). На ошибочность подобной точки зрения и ее противоречие смыслу закона указывалось в нашей печати (см. А. Ликас, *Задачи суда в борьбе за качество промышленной продукции*, «Социалистическая законность» 1954 г. № 6, стр. 36; А. А. Пионтовский, В. Д. Меньшагин, В. М. Чхиквадзе, *Курс советского уголовного права*, Особенная часть, т. II, М., 1959, стр. 265—268).

нестандартной или некомплектной продукции. Эта статья также в качестве субъекта преступления указывает директора, главного инженера и начальника отдела технического контроля, а также лиц, занимающих другие должности, но выполняющих обязанности указанных лиц. Очевидно, что и по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года в указанном выше смысле должен быть решен вопрос о соучастии в этом преступлении. Аналогично должен быть решен вопрос и о соучастии в выпуске в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров, предусмотренном ст. 157 УК РСФСР 1960 года, где в качестве субъекта указаны заведующий магазином, базой, складом, секцией, а равно товаровед и бракеры.

Специального внимания заслуживает вопрос об ответственности должностных лиц за соучастие в преступлении, совершенном частными лицами, поскольку это связано с нарушением должностным лицом своего служебного долга. Перед нашей судебной практикой встал вопрос о квалификации действий должностных лиц, незаконно отпускавших спекулянтам находившиеся в их ведении товары. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 20 сентября 1946 г. специально по этому вопросу дал судам следующие указания: «Действия должностных лиц, виновных в заведомой продаже спекулянтам товаров для спекуляции, должны квалифицироваться по совокупности как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции. Хищение и присвоение должностными лицами товаров и последующая продажа или передача их спекулянтам должны также квалифицироваться по совокупности по соответствующим статьям УК, предусматривающим хищение или присвоение и соучастие в спекуляции». Аналогичный вопрос возникает и при квалификации соучастия военнослужащих лиц начальствующего состава в преступлениях, совершенных военнослужащими рядового состава или частными лицами¹. Важнейшей обязанностью начальника военнослужащего является воспитание своих подчиненных в духе строжайшего соблюдения воинской дисциплины. Начальник, который не только не предупреждает нарушения воинской дисциплины, но сам помогает или подстрекает к такому нарушению (например, командир подстрекает рядового продать казенное обмундирование или уклониться от несения обязанностей воинской службы), совершает должностное воинское преступление — злоупотребление властью. Поэтому все поведение начальника в таком случае должно рассматриваться как совокупность преступлений — соучастия в преступлении, совер-

шенном рядовым, и злоупотребления властью, предусмотренного ст. 260 УК РСФСР 1960 года. Так же должен быть решен вопрос и в тех случаях, когда начальник-военнослужащий выступает в качестве соинициатора в совершении преступления вместе с военнослужащими рядового состава.

Экссессом исполнителя называется совершение исполнителем такого преступного деяния, которое не охватывалось предвидением отдельного соучастника. Экссесс исполнителя не может быть вменен в уголовную ответственность соучастнику, так как ответственность каждого из соучастников предполагает наличие у него умысла в отношении совершенного деяния. Поэтому подстрекатель или пособник в краже отвечает лишь за кражу, если даже исполнитель при похищении чужого имущества совершил убийство, поскольку последнее не охватывается предвидением подстрекателя или пособника.

Не могут быть вменены в вину отдельному соучастнику имевшие место при совершении преступления квалифицирующие обстоятельства (способ совершения, место совершения и т. п.), которые охватывались умыслом исполнителя, но не входили в умысел других соучастников преступления. Нельзя согласиться с мнением А. Н. Трайнина, что незнание способа совершения преступления «не исключает ответственности соучастника за совершенное исполнителем преступление, хотя бы способ совершения являлся специально предусмотренным в законе квалифицирующим обстоятельством»¹. Следует признать, что квалифицирующее обстоятельство в этих условиях является своеобразным экссессом исполнителя. Поэтому наша судебная практика в подобных случаях (они нередко встречались в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества») отказывалась от вменения соучастникам в винуотягчающих обстоятельств и квалифицировала их деяние по статье, предусматривающей менее опасный вид данного преступления². Исполнитель может совершить нечто, выходящее за пределы умысла отдельного соучастника, не только умышленно, но и по неосторожности. Подобный экссесс исполнителя также не может быть вменен в ответственность соучастникам. Иное решение этого вопроса нужно было бы дать при известной последовательности тем, кто ратует за

¹ См. В. Д. Меньшагин, К вопросу о соучастии и стадиях развития преступлений по советскому военно-уголовному праву, «Труды ВЮА», вып. III, 1943, стр. 87—88.

¹ А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 115.

² Правильно этот вопрос решают П. И. Гришаев и Г. А. Кригер («Соучастие по советскому уголовному праву», М., 1959, стр. 197).

допущение неосторожного соучастия. В этих случаях нельзя было бы признать эксцесса в действиях исполнителя и все соучастники должны были бы отвечать за соучастие в этом неосторожном преступлении. Однако подобное расширение уголовной ответственности едва ли было бы оправданным.

При добровольном отказе исполнителя от доведения начатого преступления до конца уголовная ответственность его наступает лишь за преступление, которое фактически было совершено (ст. 16 Основ уголовного законодательства, ст. 16 УК РСФСР 1960 г.). Так как совершение исполнителем преступления вменяется в вину и соучастникам, то можно было бы сделать вывод, что при добровольном отказе исполнителя от продолжения начатого преступления соучастники отвечают также лишь за деяние, фактически совершенное исполнителем. Однако этот вывод для нашего действующего уголовного законодательства был бы ошибочным. Отдельные соучастники могут быть привлечены в этом случае к уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления.

Что касается добровольного отказа отдельного организатора, подстрекателя или пособника, то хотя Уголовный кодекс специально о нем не говорит, но ст. 16 должна быть распространена и на добровольный отказ соучастника. Все соображения об общей нецелесообразности наказывать приготовление при наличии добровольного отказа вполне применимы и к добровольному отказу отдельного соучастника. Обещание соучастнику ненаказуемости в этих случаях может содействовать предотвращению совершения преступления исполнителем.

Добровольный отказ организатора или подстрекателя должен выражаться в активных действиях, направленных на предотвращение наступления преступного результата, вызванного его деятельностью. Например, подстрекатель отговаривает исполнителя от совершения преступления или предупреждает данное лицо о готовящемся на него посягательстве и тем предотвращает совершение преступления, или сообщает органам власти о приготовительных действиях исполнителя и т. д. Добровольный отказ пособника может выражаться или в бездействии, несовершении тех действий, которые он обещал совершить и без которых исполнитель не в состоянии осуществить свое преступное намерение (например, сторож обещает своему знакомому открыть ночью дверь магазина, где он дежурит, для того чтобы тот мог совершить кражу, однако в последний момент отказывается от какого бы то ни было участия в преступлении и не открывает дверь), или в совершении активных дей-

ствий, направленных на предотвращение результата, наступлению которого содействовало его пособничество (например, лицо, давшее исполнителю револьвер для совершения убийства, затем отбирает его и тем самым лишает исполнителя возможности осуществить задуманное деяние).

Если пособником, подстрекателем или организатором в результате добровольного отказа было предотвращено наступление преступного результата, то, хотя бы это предотвращение и было совершено тогда, когда деятельность исполнителя уже достигла стадии приготовления или покушения, соучастник не должен подлежать уголовной ответственности за совершенное исполнителем деяние. В тех случаях, когда соучастнику не удалось предотвратить наступление преступных последствий, он подлежит уголовной ответственности за содеянное исполнителем преступление. Его усилия, направленные на предотвращение преступного результата, могут быть приняты во внимание при определении судом наказания как характеризующие меньшую степень его социальной опасности.

Уголовные кодексы стран народной демократии уделяют специальное внимание регулированию ответственности за соучастие в совершении преступления. Все они так или иначе подчеркивают, что институт соучастия применяется лишь при совместном умышленном совершении преступления. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии специально подчеркивает умышленный характер деятельности подстрекателя и пособника (ст. 18). Все соучастники подлежат наказанию за совершенное преступление. Соучастники, предотвратившие совершение преступления, подлежат освобождению от наказания (ст. 20).

Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики также говорит лишь об умышленном соучастии в совершении преступления. Он определяет ответственность за соинициативность, за подстрекательство и пособничество. Положения об ответственности за покушение применяются в отношении покушения на подстрекательство и пособничество. Добровольное воспрепятствование совершению преступления со стороны подстрекателя или пособника освобождает их от наказания.

В общей части Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики в § 20 дается определение исполнителя, подстрекателя и пособника. Подстрекатель и пособник подлежат наказанию, предусмотренному для исполнителя преступления. Добровольное предотвращение подстрекателем или пособником совершения преступления или его последствий может служить основанием для освобождения их от ответственности.

Прикосновенность¹

Для понятия соучастия необходимо, чтобы деятельность каждого из соучастников так или иначе содействовала совершению исполнителем преступления. Деятельность, связанная с совершенным преступлением, но не являющаяся содействием ему, называется прикосновенностью. Прикосновенность может выразиться в форме укрывательства, недонесения и попустительского.

В нашей литературе были сделаны попытки вообще отказаться от понятия прикосновенности. Они обосновывались нередко тем, что преступная деятельность лица не исчерпывается лишь совершением преступления в том смысле, как оно обрисувано в соответствующем составе преступления, а продолжается и дальше в форме использования плодов преступления, реализации предметов, добытых преступным путем, и продолжается до момента достижения конечных целей всей общественно опасной деятельности данного лица. Какова бы ни была связь с этой преступной деятельностью, по мнению сторонников указанного взгляда, она должна рассматриваться как соучастие в совершении преступления². Поэтому для них укрывательство

¹ См. П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, Соучастие по советскому уголовному праву, стр. 200—203; В. Г. Смирнов, Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву, изд-во ЛГУ, 1957; Э. Раал, Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, Тарту, 1956.

² Такой взгляд высказывался М. Меркушевым («Ответственность за укрывательство», «Социалистическая законность» 1955 г. № 1). К нему присоединился П. Мишуни («Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве», «Социалистическая законность» 1956 г. № 11). Такой же взгляд высказали в авторефератах кандидатских диссертаций П. Г. Евдокимова («Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву», 1953, стр. 8); М. И. Ковалева («Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву», М., 1952, стр. 12); А. С. Омаров («Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву», М., 1954, стр. 4—5). Явно несостоятельны те возражения, которые приводит против понятия прикосновенности Б. С. Утевский: «Понятие прикосновенности к преступлению крайне неясное, неопределенное, ничего по существу не разрешающее понятие, ибо деятельность, связанная с преступлением, или деятельность по поводу преступления — это деятельность также и суда, и прокуратуры, и органов расследования, и адвокатуры» («Труды первой научной сессии ВИЮН», М., 1940, стр. 161). Понятие прикосновенности — вполне устойчивое юридическое понятие о некоторых преступных формах деятельности, связанной с совершенным преступлением. Деятельность органов правосудия по борьбе с преступностью едва ли кто сможет смешать с укрывательством, недонесением или попустительством преступлению.

преступника или следов преступления всегда следует рассматривать как соучастие в совершении преступления. Этот взгляд представляет собой попытку теоретически обосновать позицию в данном вопросе Уголовного кодекса РСФСР 1926 года и ряда прежних уголовных кодексов других союзных республик, которые относили всякое укрывательство к пособничеству.

Эти разногласия среди советских криминалистов следует считать снятыми в связи с четкой позицией, занятой в этом вопросе Основами уголовного законодательства, которые в ст. 18 выдделили из соучастия как отличный от него институт укрывательства, заранее не обещанное исполнителю. В ст. 19 Основы дают указания о решении вопроса об уголовной ответственности за другой вид прикосновенности — недонесение.

Согласно ст. 18 Основ заранее не обещанное укрывательство преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления, либо предметов, добытых преступным путем, влечет за собой ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных законом. Следует считать недостатком первоначальной редакции Закона об уголовной ответственности за государственные преступления то, что там содержалась специальная статья, определяющая уголовную ответственность за случай недонесения о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении, но вместе с тем отсутствовало специальное постановление о случаях уголовной ответственности за укрывательство государственных преступлений. Очевидно, что этот вопрос мог быть разрешен или Указом Президиума Верховного Совета СССР, или в уголовных кодексах отдельных союзных республик при решении общего вопроса о случаях уголовной ответственности за укрывательство.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года разрешил этот вопрос в главе о преступлениях против правосудия, в ст. 189, где установлена уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство ряда государственных преступлений — измены родине, шпионажа, террористического акта, диверсии, вредительства, организационной деятельности, направленной на совершение особо опасных государственных преступлений, участия в антисоветской организации, бандитизма, изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, а также некоторых других тяжких преступлений — умышленного убийства, изнасилования при отягчающих обстоятельствах, кражи государственного или общественного имущества, совершенной особо опасным рецидивистом или в крупных размерах, кражи личного имущества граждан, совершенной особо опасным рецидивистом, грабежа государственного или общественного имущества, совершенного особо опасным рецидивистом или

в крупных размерах, грабежа личной собственности граждан, совершенного особо опасным рецидивистом, разбоя, совершенного как в отношении государственного или общественного имущества, так и в отношении личной собственности граждан. Уголовные кодексы некоторых других союзных республик при определении случаев уголовной ответственности за ранее не обещанное укрывательство использовали в качестве критерия тяжесть грозящего по закону наказания. Так, Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 года в главе о преступлениях против правосудия, в ст. 205, установил ответственность за заранее не обещанное укрывательство, если за укрываемое преступление по закону может быть назначено лишение свободы на срок свыше трех лет, выделив в качестве квалифицированного состава преступления заранее не обещанное укрывательство преступлений, за которые по закону может быть назначено лишение свободы на срок десять лет и выше. Этот последний случай охватывал и укрывательство, заранее не обещанное, государственных преступлений. Уголовный кодекс Эстонской ССР 1961 года предусмотрел в ст. 180, в главе о преступлениях против правосудия, ответственность за заранее не обещанное укрывательство: 1) преступлений против государственного или общественного имущества — всех видов квалифицированной кражи, всех видов квалифицированного грабежа, разбоя, всех видов квалифицированного мошенничества, всех видов квалифицированного вымогательства, а также всех видов хищения государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением; 2) преступлений против личности — простого умышленного убийства и умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах; 3) преступлений против личного имущества граждан — всех видов квалифицированной кражи, всех видов квалифицированного грабежа, разбоя. Эстонский уголовный кодекс 1961 года оставлял открытым вопрос об уголовной ответственности за укрывательство государственных преступлений, очевидно считая, что решение этого вопроса входит в законодательную компетенцию СССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1961 г. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления был дополнен ст. 27, в силу которой была установлена уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство следующих государственных преступлений — измены родине, шпионажа, террористического акта, террористического акта против представителя иностранного государства, диверсии, вредительства, организационной деятельности, направленной к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участия в антисоветской организации, бандитизма, контрабанды, изготовления или сбыта под-

дельных денег или ценных бумаг, нарушения правил о валютных операциях. Уголовные кодексы отдельных союзных республик должны быть в этом вопросе приведены в соответствие с Указом от 24 февраля 1961 г.

Укрывательство, заранее не обещанное, по своей юридической природе есть особое преступление против социалистического правосудия, общественно опасное действие лица, препятствующего различными способами, указанными в законе, осуществлению социалистического правосудия в отношении определенного ранее совершенного преступления. По своим объективным свойствам укрывательство может выражаться в сокрытии или самого преступника, или орудий и средств совершения преступления, или оставшихся следов совершенного преступления, или, наконец, предметов, добытых преступным путем. Укрывательство выражается в активных действиях. Этим оно отличается от недовоспитанности. Укрывательство совершается после того, как виновный совершил преступление; поэтому оно не содействовало совершению исполнителем преступления, не стояло с ним в причинной связи. Лишь в тех случаях, когда укрывательство было заранее обещано исполнителю до совершения им преступления, его можно рассматривать действительно как пособничество. В таком случае оно содействует совершению преступления, стоит с ним в причинной связи.

В нашей литературе имели место высказывания, признающие возможным совершение укрывательства путем пассивного поведения, путем бездействия. В качестве примера приводилось бездействие должностного лица, на котором лежала служебная обязанность содействовать раскрытию преступления¹. Более правильным, однако, является рассматривать такое бездействие должностного лица как должностное преступление. Заранее обещанное бездействие должностного лица в этих случаях может рассматриваться как соучастие в преступлении в форме пособничества.

Для наличия укрывательства необходимо совершение таких активных действий, которые способны были затруднить раскрытие преступления или отыскание его виновника. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 4 октября 1944 г. не нашла признаков укрывательства в действиях З., который пригласил к себе в дом своего знакомого Г., нанесшего в драке удар ножом Абасову, помог Г. умыться и дал ему свою рубашку, которую тот надел вместо своей окровавленной рубашки. Судебная коллегия

¹ См. М. И. Ковалев, Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1952, стр. 9—11. Правильно признает возможным укрывательство лишь в форме активных действий Е. Г. Смирнов («Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву», 1957, стр. 55—56).

указала, что услуги, оказанные З. своему приятелю после совершения преступления, хотя и имели косвенное отношение к преступлению, тем не менее не являлись укрывательством преступника или следов преступления. Большой интерес в этом отношении имеет определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 ноября 1947 г. по делу сестер Я-ной и Я-вой, осужденных за укрывательство убийства. Сестры Я-на и Я-ва проживали вместе со своими мужьями в общем доме. В начале войны муж осужденной Я-вой, Николай Я-в, дезертировал и скрывался у себя в доме в течение пяти лет вплоть до октября 1946 года. О дезертирстве Я-ва, кроме его жены, знали Я-на и ее муж Я-н. Между Я-ным и Я-вым нередко происходили ссоры и драки, при этом Я-н грозил сообщить властям о дезертирстве Я-ва. В ночь на 20 сентября 1946 г. Я-в после очередной ссоры с Я-ным вошел в комнату, где спал Я-н, и выстрелом из револьвера нанес ему тяжелое ранение в голову, от которого тот, не приходя в сознание, скончался. Я-в после совершения преступления немедленно скрылся. Жена Я-ва, боясь, что ей и сестре придется нести ответственность за сокрытие дезертира, договорилась с сестрой сказать, что Я-на убил неизвестный, находившийся во дворе, и для подтверждения этой версии они вместе вынесли Я-на из комнаты на балкон, откуда он был взят прибывшей скорой помощью. Эту версию они сообщили прибывшему на место совершения преступления представителю милиции. Однако, когда последним в комнате при осмотре была обнаружена кровь на наволочке, Я-ва и Я-на назвали действительного убийцу и дали при первом же допросе следственным органам правдивые показания о всем, что им было известно по настоящему делу. Показания их сыграли решающую роль в раскрытии преступления. Я-ва и Я-на были признаны виновными в укрывательстве убийства. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не согласилась с приговором суда. Укрывательство необходимо предполагает оказание содействия сокрытию преступника или следов преступления. Как видно из всех обстоятельств дела, Я-ва и Я-на своим поведением фактически не оказали содействия сокрытию преступника или следов преступления. Выдвижение мнимой версии совершения преступления и перенос умирающего из комнаты на балкон не способны были ни в коей мере оказать какое-либо содействие сокрытию преступника, так как он сам немедленно скрылся после совершения преступления. Ими не было скрыто и никаких следов преступления. Своими правдивыми сообщениями о всех обстоятельствах совершенного преступления на первом же допросе непосредственно после первоначально выдвинутой версии они содействовали раскрытию и осуждению подлинного виновника убийства. Суд не принял во внимание также действительный смысл созда-

ния ими ложной версии совершенного убийства. Они, будучи убеждены, что им придется отвечать за укрывательство дезертира, выдвинули ложную версию исключительно для того, чтобы избежать ответственности за укрывательство дезертира. Дача ложных показаний лицом, виновным в совершении какого-либо преступления, не может вообще рассматриваться как уголовно наказуемое деяние. На основании изложенного Коллегия признала, что в действиях Я-вой и Я-ной нет состава преступления.

Необходимо специально остановиться на укрывательстве предметов, добытых преступным путем, так как в практике неоднократно возникал вопрос о квалификации пользования плодами преступления.

Не может считаться укрывательством сознательное пользование предметами, добытыми преступным путем, если оно само по себе не является средством сокрытия этих предметов. Поэтому нельзя привлекать к уголовной ответственности за укрывательство хищения государственного имущества, когда кто-либо съел предложенное ему яблоко, сознавая, что оно было одним из тех, которые были похищены из сада, принадлежащего совхозу; однако можно привлечь к уголовной ответственности за укрывательство хищения государственного имущества лицо, которое из похищенных со склада трех ящиков масла взяло себе один за умолчание о ставшем ему известным хищении государственного имущества.

До издания Основ уголовного законодательства судебная практика рассматривала содействие реализации похищенного имущества как соучастие в преступлении, поскольку это всегда является средством сокрытия следов преступления. В соответствии с Основами такое содействие, если оно заранее не было обещано, должно рассматриваться как укрывательство хищения и влечь за собой уголовную ответственность, если такое укрывательство предусмотрено ст. 189 УК РСФСР 1960 года и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

В судебной практике возник вопрос об ответственности за ложные показания, данные не с целью ложного обвинения какого-либо лица в совершении преступления, а с целью освобождения его от уголовного преследования. При допросе в качестве свидетеля в процессе дознания, следствия или судебного разбирательства свидетель предупреждается, что за ложные показания он подлежит уголовной ответственности по ст. 181 УК РСФСР 1960 года. При этом закон не оговаривает характера данных свидетелем показаний — даются ли они для обвинения кого-либо в совершении какого-либо преступления или, наоборот, для его оправдания. Поскольку закон выделил в специальном составе преступлений дачу ложных показаний независимо

от их содержания, то по общему правилу нельзя такого рода действия рассматривать как укрывательство преступника или следов преступления¹.

Этот вопрос неоднократно возникал в судебной практике. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 июня 1949 г. по делу Г., Х. и других признала, что подстрекательство Х. к лжесвидетельству с целью создания алиби мужу, находившемуся под следствием по обвинению в разбойном нападении, следует рассматривать не как укрывательство разбойного нападения, а как подстрекательство к лжесвидетельству — по ст. 17 УК и ст. 95 УК РСФСР 1926 года.

При укрывательстве необходимо установить умысел в действиях лица, направленный на укрывательство определенного преступления. Предвидение как элемент умысла такого укрывателя должно включать в себя: а) сознание того, что он укрывает преступника или орудия и средства совершения преступления, или следы преступления, или предметы, добытые преступным путем, и б) сознание, какого рода преступление он укрывает. Лицо может отвечать за укрывательство лишь того преступления, сознание об укрывательстве которого входило в его умысел. Статья 189 УК РСФСР 1960 года объединяет ответственность за укрывательство ряда преступлений, в частности различных видов хищения государственного или общественного имущества. Поэтому, например, укрывательство предметов, добытых путем бандитизма, если укрыватель не знал, что они приобретены таким именно путем, но полагал, что они получены в результате хищения государственного или общественного имущества путем кражи в крупных размерах (ч. 3 ст. 89 УК), все равно подлежит ответственности по ст. 189 УК. Характер умысла лица в этом случае может быть учтен судом при определении ему конкретного размера наказания. Однако если в нашем примере у лица отсутствует сознание, что оно укрывает кражу государственного или общественного имущества в крупных размерах (или совершенную особо опасным рецидивистом), а оно полагает, что эта кража была совершена не в крупных размерах группой лиц (ч. 2 ст. 89 УК), то по УК РСФСР 1960 года лицо вовсе не подлежит уголовной ответственности за совершенное укрывательство.

На необходимость установления умысла в действиях лица, направленного на укрывательство преступника или совершенного им преступления, указывает определение Судебной коллегии

¹ А. Н. Трайнин правильно отмечал, что случаи укрывательства путем дачи ложных показаний или ложного доноса, как выделенные в самостоятельные составы, следовало квалифицировать по специальной ст. 95 УК РСФСР 1926 года, а не по правилам о соучастии (А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 140).

по уголовным делам Верховного Суда СССР от 13 февраля 1950 г. по делу С. и К., осужденных за укрывательство хищения государственного имущества. С. была признана виновной в том, что, работая директором столовой и обнаружив при снятии остатков у кладовщика столовой разрыв между фактическими и книжными остатками продуктов, не уточнив размера недостачи, указала в акте ревизии книжные остатки товаров, чем завуалировала выявленную впоследствии недостачу в размере 23 149 руб. у кладовщика, осужденного за растрату. К. был признан виновным в том, что, работая бухгалтером в той же столовой и зная, что составленный акт снятия остатков у кладовщика не соответствует действительности, провел его по бухгалтерии. С. и К. не признали себя виновными в укрывательстве недостачи товаров у кладовщика и объяснили, что при составлении акта по книжным данным о снятии остатков товаров они такой цели не преследовали, а сделали это потому, что часть товаров находилась вне кладовой, а также не были оформлены документы на некоторые товары, так как отставал учет по бухгалтерии произведенных операций. Эти обстоятельства были подтверждены и свидетельскими показаниями. Материалами дела не была установлена преступная связь С. и К. с осужденным кладовщиком. Коллегия в определении по этому делу признала, что хотя действия С. и К. способствовали сокрытию растраты, однако, поскольку они при составлении акта не знали о факте растраты и не ставили целью скрыть ее, они не могут нести ответственности за укрывательство хищения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР квалифицировала действия С. и К. как злоупотребление служебным положением.

Для состава укрывательства необходимо, чтобы лицо знало, что оно своими действиями укрывает преступника или следы преступления, орудия и средства совершения преступления либо предметы, добытые преступным путем. Поэтому для привлечения к ответственности за укрывательство похищенного имущества необходимо установить, что укрыватель был осведомлен о том, что сохраняемое им имущество действительно похищено. Приговором суда Р-на была осуждена за укрывательство хищения государственного имущества. Р-на была признана виновной в том, что оказала содействие своему сыну Р., а также осужденному и скрывавшемуся от следствия Л. в хранении и реализации похищенной мануфактуры. Материалами дела установлено, что Р. и Л. похищенную ими мануфактуру спрятали в сарае около квартиры Р., о чем Р-на не была осведомлена. 5 м мануфактуры они передали Р-ной, которая, не зная о происхождении ее, хранила мануфактуру в своей квартире. Никаких данных, изобличающих Р-ну в хранении и реализации заведомо для нее похищенной мануфактуры, по делу не добыто, а сама она виновной себя в этом не признала. Поэтому

Коллегия Верховного Суда СССР определением от 14 марта 1949 г. приговор суда в отношении Р-ной отменила и дело о ней за отсутствием состава преступления производством прекратила.

Судебная практика считает, что укрывательство преступления, сопровождающееся позднейшими действиями, направленными на раскрытие совершенного преступления, может не влечь за собой уголовной ответственности. В этих случаях лицо активно содействует раскрытию преступления, оно добровольно отказывается от продолжения укрывательства.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23 февраля 1949 г. по делу С., осужденной за укрывательство хищения государственного имущества, было признано, что лицо, скрывшее похищенное другим лицом имущество, может быть освобождено от ответственности, если оно добровольно и по собственной инициативе передаст органам власти это имущество и сообщит о факте хищения. С. была признана виновной в том, что, узнав о задержании ее мужа за хищение мануфактуры с фабрики, вынесла из дома и спрятала под мусором в соседнем доме 8 м мануфактуры и 3 головных платка, похищенных ранее мужем с той же фабрики, но на следующий день явилась в отделение милиции и по собственной инициативе рассказала обо всем и указала, где спрятаны похищенные вещи. Коллегия прекратила преследование против С., признав, что в ее действиях нет состава преступления. Коллегия признала, что нельзя рассматривать как укрывательство то обстоятельство, что С. первоначально пыталась укрыть похищенные мужем вещи, поскольку затем она отказалась от своего намерения, явилась в милицию и по своей инициативе рассказала о совершенном мужем преступлении, которое в деталях не было до того времени известно милиции. Коллегия нашла, что в данном случае применим институт добровольного отказа от совершения преступления, и признала, что этот институт здесь, как и при покушении и приготовлении, может влечь за собой освобождение от уголовной ответственности. Добровольный отказ при укрывательстве, выраженный в активных действиях, по существу означает, что лицо фактически не только не совершает укрывательство преступника или следов преступления, но и содействует органам расследования в раскрытии преступления и изобличении преступника.

Основные начала 1924 года не упоминали о недонесении. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года не считал недонесение соучастием в преступлении. Так в ст. 18 УК говорилось, что недонесение о совершенном или готовящемся преступлении влечет за собой применение наказания лишь в случаях, специально указанных в кодексе (недонесение военнослужащего об измене

родине; недонесение о контрреволюционных преступлениях; недонесение о некоторых особо опасных преступлениях против порядка управления). В ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» было предусмотрено недонесение о хищении, совершенном повторно, шайкой или в крупных размерах, а ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» устанавливала уголовную ответственность за недонесение о разбое. Эти указы в этих случаях рассматривали недонесение как самостоятельное преступление. Основы уголовного законодательства 1958 года (ст. 19) определяют, что недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом. Только в этих случаях на гражданах лежит специальная правовая обязанность сообщать властям о готовящемся или совершенном преступлении. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления в ст. 26 установил уголовную ответственность за недонесение о следующих известных готовящихся или совершенных преступлениях: измена родине, шпионаж, террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства, диверсия, вредительство, организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации, бандитизм, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Уголовные кодексы отдельных союзных республик установили уголовную ответственность за недонесение и о других достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 190, помещенной в главе о преступлениях против правосудия, предусматривает все случаи ответственности за недонесение о достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях. В этой статье перечислены все случаи недонесения о государственных преступлениях, о которых говорит ст. 26 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления. Кроме того, здесь устанавливается уголовная ответственность за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном умышленном убийстве, предусмотренном ст.ст. 102, 103 и п. «в» ст. 240, изнасиловании при отягчающих обстоятельствах, предусмотренном чч. 2 и 3 ст. 117, краже государственного или общественного имущества, совершенной особо опасным рецидивистом или в крупных размерах (ч. 3 ст. 89), краже личной собственности граждан, совершенной особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 144), хищении государственного или общественного имущества путем грабежа, совершенного особо опасным

рецидивистом или в крупных размерах (ч. 3 ст. 90), грабеже личной собственности граждан, совершенном особо опасным рецидивистом, и всех видов разбоя как в отношении государственного или общественного имущества (ст. 91), так и в отношении личной собственности граждан (ст. 146). Несколько уже очерчивают ответственность за недонесение уголовные кодексы других союзных республик. Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 года ответственность за недонесение о государственных преступлениях в полном соответствии с общесоюзным законом предусматривает в главе о государственных преступлениях. В главе же о преступлениях против правосудия, в ст. 196, он предусматривает ответственность за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, совершенном в крупных размерах, путем разбойного нападения или особо опасным рецидивистом (ч. 2 ст. 76), умышленном убийстве (ст. 88) и о разбое при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 134). Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 года в главе о преступлениях против правосудия предусматривает ответственность за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества в крупных размерах или особо опасным рецидивистом, умышленном убийстве и разбое.

Недонесение о готовящемся или совершенном преступлении в тех случаях, когда такое недонесение не предусмотрено законом в качестве специального преступления, не может влечь за собой уголовной ответственности. Верховному Суду СССР неоднократно приходилось исправлять ошибки судов, привлекавших к уголовной ответственности за недонесение по тем преступлениям, ответственность за которые не предусмотрена законом.

Недонесение не является соучастием (пособничеством) в преступлении потому, что оно не является действием, которым создается для исполнителя реальная возможность совершить преступление; оно не содействует совершению преступления. Лишь в тех случаях, когда недонесение было заранее обещано исполнителю, оно ставится в причинную связь с совершенным преступным деянием и его следует рассматривать как соучастие в совершенном преступлении в форме интеллектуального пособничества¹. В отдельных случаях за малозначительностью такое недонесение может и не влечь уголовной ответственности. Недонесение близко соприкасается с укрывательством, поэтому необходимо указать признак, по которому можно разграничить эти понятия.

¹ Иного взгляда держатся на этот вопрос П. И. Гришаев и Г. А. Кригер, которые полагают, что в этом случае отсутствуют признаки соучастия (см. П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, Соучастие по советскому уголовному праву, стр. 224).

Недонесение отличается от укрывательства тем, что оно является чистым бездействием — несообщением властям о готовящемся или совершенном преступлении, укрывательство же предполагает всегда совершение каких-либо активных действий (предоставление преступнику убежища, уничтожение следов преступления, сокрытие приобретенного путем преступления имущества и т. д.).

Уголовная ответственность может иметь место лишь за умышленное недонесение о соответствующем преступлении. Говоря об ответственности за недонесение, советский уголовный закон во всех случаях имеет в виду недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении. Отсутствие у лица отчетливого сознания того, что подготавливается совершение преступления или что оно уже осуществлено, исключает возможность говорить о его виновности в недонесении.

Коллегия Верховного Суда СССР в определении от 2 февраля 1949 г. по делу Л. не нашла состава недонесения, предусмотренного ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», в следующих действиях обвиняемого. Л. был приглашен П. участвовать совместно с К. в совершении кражи, но отказался от этого и пристыдил П. Через два дня Л., узнав от рабочих, что железнодорожный склад кем-то обворован, с целью удостовериться, не П. ли с К. похитили из склада вещевое имущество, спросил об этом К. Получив положительный ответ, он не успел сообщить об этом органам власти, так как тут же был задержан сотрудником охраны, которому рассказал о совершенном П. и К. хищении. Коллегия нашла оправдательный приговор, вынесенный судом Л., правильным, так как по делу не опровергнуто объяснение Л. о том, что он, отказавшись от участия в хищении, полагал, что П. и К. также откажутся от своего намерения. Таким образом, у Л. отсутствовало сознание достоверности того, что указанные лица действительно готовятся совершить хищение социалистической собственности. Что касается недонесения Л. об известном ему уже совершенном хищении, то по обстоятельствам дела он не мог ранее сообщить о нем властям сравнительно с тем временем, когда он фактически довел об этом до сведения органов власти.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 190 предусматривает недонесение о краже государственного или общественного имущества, совершенной особо опасным рецидивистом или в крупных размерах, о грабеже государственного или общественного имущества при наличии тех же квалифицирующих обстоятельств и о всяком разбое с целью завладения государственным или общественным имуществом. Поэтому для уголовной ответственности за недонесение о хищении государственного или

общественного имущества необходимо установить, что недонесителю были известны указанные обстоятельства достоверно известного готовящегося или совершенного хищения государственного или общественного имущества. Поэтому, например, для ответственности за недонесение о хищении государственного или общественного имущества путем кражи необходимо установить, что недонесителю было известно, что кража государственного или общественного имущества совершена или готовится совершиться или особо опасным рецидивистом, или хотя бы и другим лицом, но в крупных размерах.

В судебной практике встречались ошибки в разграничении недонесения и пособничества, когда последнее выражалось в форме бездействия. Пособничество может выражаться в форме сознательного бездействия, когда на данном лице лежала обязанность, например, по долгу своей службы противодействовать совершению преступления. Этот вопрос нашел свое принципиальное решение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 ноября 1948 г. по делу С., который был признан виновным в том, что, находясь на посту и выполняя свои обязанности по охране груза, разрешил осужденным А. и Б. похитить соль. Пленум с полным основанием нашел, что действия С. нельзя рассматривать лишь как недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении, которое и не должно было бы влечь уголовной ответственности, поскольку хищение, совершенное указанными лицами, не может рассматриваться как квалифицированное хищение. Своим поведением С. устранил препятствия к совершению А. и Б. хищения соли, тем самым он оказал им содействие в хищении и потому явился пособником совершенного деяния. Устранение препятствий является одним из способов пособничества. Поэтому С. должен был нести ответственность за соучастие в хищении государственного имущества.

Состав преступления недонесения отсутствует, если лицо, которому стало известно о готовящемся или совершенном преступлении, сообщает об этом соответствующим органам власти (органам дознания, милиции, прокуратуры, следствия) или таким должностным лицам, сообщение которым дает основание считать, что это станет известным органам власти, призванным охранять социалистический правопорядок и возбуждать уголовное преследование.

Ш. был осужден за недонесение по ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». По этому делу было установлено, что Б., будучи рулевым грузового теплохода, по договоренности с одним из членов команды Т. похитил с 14-го участка порта Казань из

груза новую мотопомпу и спрятал ее в трюме судна, где она и была обнаружена. В связи с этим Ш. был признан виновным в том, что он, работая механиком теплохода и находясь в момент хищения мотопомпы на палубе, видел, как Б. и Т. несли с берега на судно похищенную помпу, не предотвратил это хищение и не донес о нем органам власти. Из материалов дела усматривается, что Ш. действительно видел, как Б. и Т. несли мотопомпу и немедленно доложил об этом вахтенному начальнику 1-му штурману Верещагину. Коллегия Верховного Суда СССР в определении от 26 января 1949 г. по этому делу, прекратив уголовное преследование против Ш., указала, что у суда не было оснований признавать его виновным в недонесительстве органам власти о совершенном преступлении.

Попустительство есть невоспрепятствованное совершению преступления в тех случаях, когда попуститель мог воспрепятствовать или принять те или иные меры к предотвращению преступления.

Руководящие начала по уголовному праву 1919 года относили попустительство к пособничеству, т. е. рассматривали его как соучастие в преступлении. В обстановке ожесточенной классовой борьбы необходимо было применять репрессию не только к тем, кто чем-либо содействовал совершению преступлений (в первую очередь преступлений, направленных против революции), но и к тем, кто не препятствовал, т. е. попустительствовал этим преступлениям. Руководящие начала возлагали, таким образом, на граждан специальную обязанность препятствовать совершению преступлений.

В отличие от Руководящих начал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года не относил попустителей к числу пособников. Попустительство или вовсе не влекло за собой наказания, или преследовалось в некоторых случаях в качестве специального преступления (бездействие власти, халатное отношение к служебным обязанностям, недонесительство о контрреволюционных преступлениях). После перехода к мирному восстановлению народного хозяйства отпала необходимость в качестве общего правила привлекать попустителей к уголовной ответственности как соучастников. В Уголовный кодекс РСФСР 1922 года была введена ст. 114а, предусматривающая попустительство взяточничеству в качестве самостоятельного преступления — «непринятие мер противодействия взяточничеству».

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и прежние уголовные кодексы других союзных республик не содержали специальных постановлений об ответственности за попустительство.

Основы уголовного законодательства 1958 года и изданные в соответствии с ними новые уголовные кодексы отдельных союзных республик также не предусматривают в качестве общего правила ответственности за попустительство. Это значит, что уголовный закон не обязывает советского гражданина под страхом уголовной ответственности препятствовать совершению преступления, свидетелем которого он является. Тем не менее моральной обязанностью каждого советского гражданина является всемерно препятствовать совершению преступлений и активно участвовать в охране социалистического правопорядка, помогая соответствующим органам государственной власти и организованным трудящимися дружинам по охране общественного порядка.

Попустительство, по общему правилу, не влечет за собой уголовную ответственность. Попустительство, заранее обещанное, создает для исполнителя возможность совершить преступление. Такое попустительство стоит в причинной связи с преступным деянием. Оно должно влечь за собой уголовную ответственность как за соучастие в совершении преступления. Сознательное попустительство, заранее не обещанное исполнителем, при преступлениях, по которым карается недонесение, совпадает с понятием недонесения и влечет за собой уголовную ответственность. Когда должностное лицо, которое должно было предупредить совершение преступлений, по халатности не примет необходимых мер охраны, оно хотя и создает своим бездействием возможность совершения преступления, но в силу моментов субъективного порядка не является ни соучастником преступления, ни недонесителем. Такое попустительство должностного лица совершению преступления может влечь за собой ответственность как за соответствующее должностное преступление или должностной проступок. Недобросовестное отношение лица, которому поручена охрана государственного или общественного имущества, к своим обязанностям, повлекшее расхищение, повреждение или гибель этого имущества в крупных размерах, при отсутствии признаков должностного преступления влечет за собой уголовную ответственность по ст. 100 УК РСФСР 1960 года.

Расхитители государственного и общественного имущества часто используют беспечность и ротозейство должностных лиц, как тех, которые несут ответственность за подбор кадров, так и тех, в ведении которых находится государственное или общественное имущество или на которых возложена его охрана. Борьба с такого рода попустительством имеет существенное значение в системе общих мероприятий по предупреждению хищений. Должностные лица, создавшие условия, облегчающие возможность хищений плохой постановкой ими учета или не-

принятием необходимых мер к охране государственного и общественного имущества, или иным путем, подлежат ответственности в соответствующих случаях за халатное отношение к своим служебным обязанностям, а в некоторых случаях, в зависимости от обстоятельств дела, за злоупотребление властью. Однако в тех случаях, когда должностное лицо, на обязанности которого лежит предупреждать совершение определенных преступлений, например, начальник охраны склада, попустительствует их совершению, чтобы тем самым облегчить возможность исполнителю совершить преступление, такое должностное лицо должно подлежать ответственности по совокупности преступлений за соучастие в преступлении, совершенном исполнителем, и за злоупотребление служебным положением.

Попустительство иных лиц совершению преступления не образует состава преступления. Поэтому следует признать правильным положение А. Н. Трайнина, что с точки зрения действующего советского права для попустительства как особого вида прикосновенности не остается места¹. Как видно из всего сказанного, такого рода действия или не образуют состава преступления, или являются самостоятельным должностным преступлением, или, наконец, при известных условиях становятся соучастием. Против утверждения А. Н. Трайнина в защиту самостоятельного уголовноправового значения попустительства выступал М. М. Исаев².

Указание о том, что попустительство не следует смешивать с соучастием в преступлении, содержится в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 10 июля 1948 г. по делу Р. и К. Коллегия не нашла состава преступления в действиях К., который не воспрепятствовал Р. убить потерпевшего Скворцова. Приговором народного суда и материалами дела установлено, что Р. совместно с К., будучи в нетрезвом состоянии, зашли в столовую, где встретились с находившимся там Скворцовым. За ужином между ними произошла ссора, во время которой капитан Скворцов, находившийся в нетрезвом состоянии, сказал, что он бендеровец и их перестреляет. По предложению сторожа за поздним временем все присутствовавшие покинули столовую. Р. предложил Скворцову направиться в МВД, но последний отказался. Заметив у Скворцова револьвер, Р. его обезоружил. Тогда Скворцов, очевидно опасаясь расправы, пустился бежать. Р. и К. его догнали и сбили с ног. Когда Скворцов лежал на земле, Р. крикнул К.: «Уйдите, буду стрелять!» — и после этого произвел в Скворцова три выстрела, которыми тот и был убит на месте. Приго-

¹ См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, стр. 134.

² См. «Советское право в период Великой Отечественной войны», ч. II, М., 1948 г., стр. 23—25.

вором народного суда Р. был осужден за умышленное квалифицированное убийство, а К. — за соучастие в нем. Коллегия Верховного Суда СССР в своем определении признала, что преступление, совершенное Р., следует рассматривать как простое умышленное убийство и при определении меры наказания должно быть учтено, что Р. заблуждался, полагая, что перед ним находится враг украинского народа, которого он намеревался передать органам государственной безопасности. Что касается К., то Коллегия признала, что в его действиях вовсе нет состава преступления. Суд ошибочно усмотрел наличие соучастия в том, что К. «стоял около Р., который стрелял, хотя и мог помешать ему, чтобы он не стрелял». Для признания К. виновным в соучастии в убийстве необходимо было установить, что он или подстрекал Р. к совершению убийства, или своим поведением сознательно содействовал совершению убийства Скворцова. Материалами дела ни того, ни другого не установлено. То обстоятельство, что К. не помешал стрелять Р., не может рассматриваться как соучастие в убийстве. На основании изложенного уголовное преследование против К. было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

§ 6

Постановления о соучастии в дореволюционном русском уголовном законодательстве и в буржуазном уголовном праве

Отдельные постановления о порядке ответственности за соучастие содержатся уже в древних памятниках права.

«Русская Правда» указывала, что при краже каждый из соучастников отвечает в равной мере: «Если кто украдет скот в хлеве или клетке, то если будет один, то платить ему 3 гривны и 30 кун; будет ли их (воров) много, всем платить по 3 гривны и по 30 кун».

Соборное уложение 1649 года в отдельных конкретных постановлениях определяло ответственность главных виновников (пущих заводчиков, воров) и пособников. Исполнителей преступления Уложение карало обычно более строго, чем пособников, а подстрекателей к совершению преступления — как правило, наравне с исполнителями. Так исполнитель убийства наказывался смертной казнью, а пособники его наказывались кнутом и ссылкой «куда государь укажет»; подстрекатель к убийству подлежал смертной казни — «кто на смертное убийство научил, и кто убил, обоих казнить смертию же».

Уложение предусматривало также ответственность за укрывательство, доноительство и попустительство. Укрыватели нередко подлежали тому же наказанию, что и исполнители; укрыватели разбойников наказывались так же, как и сами разбойники. Недоноительство о государственном преступлении каралось как совершение самого преступления; по ряду других преступлений доноительство каралось денежным штрафом, а по некоторым преступлениям дононитель подлежал наказанию, «что государь укажет». Попустители, видевшие воров, но не ловившие их, «когда изымать их было можно», подвергались штрафу: тот, кто слышал зов на помощь и не пошел помогать, наказывался «кнутом нещадно».

Воинский устав Петра I в ряде отдельных постановлений при определении ответственности по конкретным преступлениям устанавливал одинаковое наказание исполнителю, пособнику, подстрекателю и лицам, прикосновенным к преступлению.

При убийстве он определял, что «яко убийца сам, так и прочие имеют быть наказаны, которые подлинно к смертному убийству вспомогали или советом или делом вступались»; подстрекатель к убийству, «яко убийца сам имеет казнен быть смертию, а именно голову ему отсечь». В ряде указов Петра I устанавливалось за укрывательство и доноительство такое же наказание, как и за совершение преступления. Так, указ от 30 октября 1719 г. повелевал воров и разбойников «казнить разными казнями, без всякого милосердия», вместе с тем этот указ определял, что «...те люди, которые таких воров кроют, или пристани им держат, или об них також и о тех, у которых они пристают ведают, а не известят прежде времени, признаются за таких же воров...».

Уложение о наказаниях 1845 года содержало, хотя и в крайне казуистической форме, обобщенные постановления об ответственности за соучастие. Оно предусматривало соучастие с предварительным соглашением и без такового. В последнем оно различало главных виновников и участников. При соучастии с предварительным соглашением оно выделяло зачинщиков, сообщников, подстрекателей, пособников. Отобразив черты, свойственные еще феодальному уголовному законодательству, Уложение о наказаниях устанавливало в широких пределах ответственность за прикосновенность к преступлению — попустительство, укрывательство и доноительство.

Уголовное уложение 1903 года ответственность за соучастие определяло на общих основаниях с буржуазным уголовным законодательством. Сугубо реакционный характер носили в нем постановления об ответственности за принадлежность к «преступным» сообществам, ставящим себе целью изменение государственного или общественного строя. Хотя Уголовное уложение

1903 года в целом не было введено в действие царским правительством, эти статьи Уголовного уложения специально были введены в действие для организации террористической борьбы самодержавия с революционным движением.

Постановления буржуазного уголовного законодательства об ответственности за соучастие и основы теории соучастия в буржуазной науке уголовного права ведут свою историю от Французского уголовного законодательства 1791 и 1810 гг. Оно отражало уголовноправовые требования буржуазии, выдвинутые ею в борьбе с феодально-абсолютистским государством.

Для уголовного законодательства и судебной практики до-революционной Франции, как и всякого другого феодального государства, были характерны широкие пределы уголовной ответственности за соучастие. Феодальное французское уголовное право относило к соучастникам тех, кто принимал участие в совершении преступления, оказывая этому помощь, кто обязывал, убеждал или поручал совершить преступление, кто одобрял или восхвалял совершенное деяние, кто принимал участие в дележе или сокрытии добычи, облегчал бегство или сокрытие преступника или предоставлял ему убежище. Оно относило к соучастникам и тех, кто не препятствовал совершению преступления или не донес о нем властям.

Соучастие в том виде, в каком оно известно современным уголовным кодексам, впервые появляется во французском уголовном законодательстве эпохи буржуазной революции — в Уголовном кодексе 1791 года. В своей основе оно затем было воспринято и Уголовным кодексом 1810 года, изданным Наполеоном I. Наполеон был выразителем интересов крупной французской буржуазии. Классовая сущность политического режима Наполеона заключалась в том, что им были сохранены только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Это нашло свое выражение и в Уголовном кодексе.

Нормы о соучастии Французского уголовного кодекса ограничили как круг подлежащих ответственности соучастников, так и пределы их ответственности. Необходимой предпосылкой возможности привлечения к ответственности соучастников преступления является совершение исполнителем преступления или покушения на него. Кодекс регулирует ответственность при соучастии нескольких лиц в совершении преступления. Соучастники преступления подлежат тому же наказанию, что и исполнители, за исключением случаев, специально указанных в законе. В отличие от других буржуазных уголовных кодексов этот кодекс не знает обязательного смягчения наказания каким-либо соучастникам преступления. Подстрекателем считается тот, кто

возбудил к совершению преступления или дал наставление для его совершения. Кодекс дает исчерпывающий перечень средств подстрекательства к преступлению: подарки, преступные козни и ухищрения. Признаются соучастниками (пособниками) те, кто доставляет оружие, средства или какие-либо иные средства, необходимые для совершения преступления, зная, что они должны будут служить этой цели. Считается также соучастником (пособником) и тот, кто сознательно помогал или содействовал исполнителю в действиях, которые подготовляли или облегчали совершение преступления или которыми было осуществлено преступление. Это не исключает ответственности, специально установленной в кодексе за соучастие в заговоре или за возбуждение к посягательству на внутреннюю или внешнюю безопасность государства независимо от того, были ли фактически осуществлены при этом преследуемые указанными действиями преступления (ст.ст. 86—90). С рядом изменений указанными постановлениями пользуется и ныне французская империалистическая буржуазия для защиты своей власти.

К соучастникам преступления Французский уголовный кодекс относит, наконец, и тех, кто, зная о преступном поведении лиц, занимающихся разбоями, насильственными посягательствами на безопасность государства, общественное спокойствие, личность или имущество, предоставляет им обычно жилье, место сборищ или имущество.

Введением в законодательство новых постановлений о соучастии проводилось разграничение деятельности преступной от не преступной в области отношения граждан к преступлению, совершенному другим лицом. Вместо практиковавшегося судом привлечения к уголовной ответственности по поводу совершенного преступления лиц, так или иначе к нему прикосновенных, уголовное законодательство французской революции узко очерчивало круг соучастников (подстрекатели, пособники) в преступлении, которые отвечают за совершенное исполнителем преступление так же, как и непосредственный исполнитель. Деятельность лиц, не подходящая под эти понятия, не может влечь за собой уголовной ответственности. Поэтому в четких указаниях Французского уголовного кодекса о подстрекательстве в отличие от расплывчатой неопределенности прусского земского права Ф. Энгельс видел одно из выражений в юридической области социальных завоеваний буржуазной французской революции¹.

Постановления о соучастии Французского уголовного кодекса послужили образцом для уголовного законодательства других буржуазных государств Европы периода победы и утверждения капитализма.

¹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 103.

Весьма казуистические положения о соучастии содержатся в англо-американском уголовном праве, развившемся на собственной основе. Английское право различает две группы соучастников — главных и дополнительных.

Все главные соучастники, по общему правилу, подлежат одинаковой уголовной ответственности. Они делятся на две степени. Главными соучастниками первой степени являются лица, которые сами совершили преступление. Главными соучастниками второй степени являются лица, присутствовавшие при совершении преступного деяния, но не принимавшие в нем непосредственного участия. Присутствие при совершении преступления является обязательным признаком главного соучастника. Однако при совершении «тризн» (измена) все участники признаются главными. Точно так же при отравлении — присутствии при совершении преступления не является обязательным признаком главного соучастника. Тот, кто приготовил яд для отравления или положил его в пищу, всегда признается главным соучастником преступления.

Дополнительными соучастниками признаются те, кто, не присутствуя при совершении преступления, оказывают содействие его выполнению путем доставления средств или склонения к совершению преступления. Точно так же к дополнительным соучастникам относятся и укрыватели преступления, и те лица, которые оказывают содействие, поддержку или помощь совершившему преступление, хотя бы эта помощь выражалась даже в отказе от дачи свидетельских показаний против него, чтобы таким путем помочь ему избежать обвинительного приговора. Различие между главными и дополнительными соучастниками английское право проводит при ответственности за «фелонию». Первая группа дополнительных соучастников может быть подвергнута такому же наказанию, как и главные соучастники, вторая группа дополнительных соучастников не может быть подвергнута тюремному заключению на срок более двух лет, если на этот счет не содержится в законе специальных постановлений. Как самостоятельное преступление английское право рассматривает возбуждение к совершению «фелонии» или «мисдеминор», когда это не повлекло за собой совершения преступления.

Особо реакционный характер носят постановления англо-американского уголовного права об ответственности за участие в «преступных организациях», «заговорах», «подрывных организациях» и т. п. В США в 1940 году был издан так называемый закон Смита, задачей которого была борьба со шпионами и диверсантами фашистской Германии и Японии. Впоследствии этот закон, вопреки его прямому смыслу, американские империалисты использовали для борьбы с прогрессивно мыслящими людьми Америки. По этому закону привлекались к уголовной

ответственности руководители коммунистической партии. Они были осуждены за соучастие в вымышленном заговоре, имеющем якобы целью пропаганду «насильственного свержения американского правительства».

Французский уголовный кодекс и воспринявшие его основные положения другие буржуазные уголовные кодексы послужили основой для развития «классической» буржуазной теории соучастия. Основные положения этой теории сводятся к следующему:

а) С объективной стороны деятельность каждого из соучастников должна стоять в причинной связи с преступным результатом. Поэтому так называемая прикосновенность (недоносительство, попустительство и укрывательство), не стоящая в причинной связи с совершенным преступлением, не охватывается понятием соучастия.

б) С субъективной стороны участие нескольких лиц в совершении одного преступления предполагает наличие общей вины, созданной явным или молчаливым соглашением всех участников преступления. Это может иметь место лишь тогда, когда и исполнитель, и другие соучастники действуют умышленно.

в) Акцессорная¹ природа соучастия. Так как соучастием является совершение одного преступления при участии нескольких лиц, то действие каждого отдельного соучастника не имеет самостоятельного значения. Уголовноправовое значение действий соучастника всецело определяется характером преступления, в совершении которого он принимал участие. Преступление, выполненное исполнителем (или исполнителями), вменяется в уголовную ответственность каждому соучастнику. Если исполнитель совершил оконченное преступление, то за оконченное преступление отвечают и соучастники. Если он совершил лишь покушение, то только за покушение может нести ответственность и каждый соучастник. Если деятельность исполнителя не достигла такой стадии в развитии преступной деятельности, которая влечет за собой уголовную ответственность, то не влекут за собой уголовной ответственности и действия, совершенные другими соучастниками. Если деятельность исполнителя не заключает в себе элемента противоправности, например, вследствие согласия потерпевшего, добровольно данного в момент совершения преступления, то непротивоправной является и вся деятельность каждого из соучастников. Этот взгляд на действия отдельного соучастника (подстрекателя и пособника) как на нечто лишь дополнительное, придаточное к действиям

¹ Акцессорный — не самостоятельный, придаточный.

исполнителя составляет то, что называется акцессорной природой соучастия.

Акцессорная природа соучастия, в силу которой подстрекатели и пособники отвечают лишь тогда, когда исполнитель совершил какое-либо преступное действие (преступление или покушение на него), есть непосредственное осуществление в организации репрессии государства буржуазноправового принципа, провозглашенного Декларацией прав человека и гражданина 1789 года: гражданин может быть наказан только за определенное преступное действие.

Буржуазное уголовное законодательство лишь формально, в общей форме восприняло построение ответственности соучастников на началах акцессорной природы соучастия.

Провозглашение в буржуазном уголовном законодательстве формально-демократических принципов всегда сопровождалось целым рядом ограничений, фактически во многом уничтожавших их значение. Это имеет место и в области регулирования ответственности за соучастие. В области борьбы с государственными преступлениями буржуазные уголовные кодексы единодушно отступают от тех выводов, которые необходимо сделать из признания акцессорной природы соучастия. В качестве специальных составов преступлений они предусматривают в Особенной части уголовного кодекса сам факт подстрекательства к посягательству на существующий общественный и политический строй, сам факт призыва к неповиновению законам или распоряжениям власти, хотя бы это и не сопровождалось совершением со стороны подстрекаемых лиц каких-либо преступлений. Точно так же буржуазные уголовные кодексы считают специальным преступлением сам факт организации сообщества, ставящего себе цель совершения государственных преступлений, когда фактически эта организация и не совершила еще каких-либо преступных действий. «Каучуковые» неопределенные признаки состава «преступной организации» нередко используются в буржуазных странах для расправы с передовыми людьми.

Эпоха империализма принесла с собой усиление репрессий буржуазного государства и ломку буржуазной законности, все большее ограничение формально-демократических принципов в организации репрессии, и в частности в области ответственности за соучастие. В теории уголовного права это нашло свое выражение в учении о соучастии, развитом криминалистами-социологами. Криминалисты-социологи придавали объективному моменту — преступному деянию лишь симптоматическое значение, значение показателя опасности личности. Отсюда они делали вывод, что поскольку подстрекатель или пособник своим поведением выявил свою опасность, то поведение самого исполнителя является обстоятельством, посторонним для характеристики степени опасности подстрекателя и пособника. Поэтому

действие каждого из соучастников они предлагали рассматривать самостоятельно, считая, что, сколько имелось преступников, столько имеется и преступлений. Каждый соучастник является самостоятельным виновником. Исполнитель преступления есть виновник, который совершает преступление непосредственно сам, а подстрекатель и пособник являются также самостоятельными виновниками, которые совершают преступление, подстрекая других лиц или помогая другим лицам совершить преступление. Эти предложения юридически означали полную ликвидацию института соучастия. Они вели к крайнему расширению репрессии и нарушениям тех демократических правовых гарантий, которые создаются институтом соучастия. При такой конструкции ответственности соучастников (подстрекателя и пособника) можно привлекать к уголовной ответственности, когда исполнитель и не совершил каких-либо преступных действий. При таком построении ответственности за соучастие не требуется установить причинной связи между деятельностью подстрекателя или пособника и деятельностью исполнителя, чтобы привлечь подстрекателя или пособника к уголовной ответственности; с этой точки зрения представляется возможным необоснованно привлекать к уголовной ответственности и за неосторожное подстрекательство, и за неосторожное пособничество совершению преступления.

Такая трактовка соучастия нашла свое выражение в работах русского дореволюционного криминалиста И. Я. Фойницкого. Он предлагал полностью изгнать понятие соучастия из теории уголовного права. Вместо ответственности в определенных случаях по правилам о соучастии он защищал положение, что всегда имеется столько преступлений, сколько имеется преступников. За полную ликвидацию института соучастия выступал норвежский криминалист Герц, под влиянием идей которого был построен Норвежский уголовный кодекс 1902 года. В буржуазном уголовном законодательстве влияние идей уголовно-социологической школы нашло свое отражение в отказе в целом ряде случаев от принципа акцессорности соучастия, в признании наказуемости неосторожного подстрекательства и пособничества и в отказе от обязательного смягчения ответственности отдельным пособникам, что было характерно для большинства уголовных кодексов XIX столетия. Отказ от принципа акцессорности проявляется в признании ответственности подстрекателя независимо от последствий этого подстрекательства. Одним из ранних примеров ограничения принципа акцессорности в буржуазном уголовном праве явилось дополнение к Бельгийскому уголовному кодексу, внесенное в 1875 году и признавшее наказуемым в качестве специального преступления подстрекательства к совершению «преступления» и некоторых «проступков», когда оно не повлекло за собой совершение этих деяний.

Германский уголовный кодекс 1871 года в специальном постановлении Общей части (§ 49-а) карает подстрекательство к «преступлениям». Датский уголовный кодекс в ст. 120 предусматривает подстрекательство к незаконному сборищу, а в ст. 136 определяет: «... кто публично призывает к совершению преступления — карается тюремным заключением, если он не подлежит более тяжкому наказанию». Швейцарский уголовный кодекс 1937 года устанавливает в ст. 259: «...кто будет публично призывать к совершению преступления, наказывается каторжной тюрьмой до трех лет или тюремным заключением». Кроме того, согласно ч. 2 ст. 24 этого кодекса неудавшееся подстрекательство к преступлению наказывается как покушение на преступление. Резолюция о соучастии Международного конгресса криминалистов в Афинах в 1957 году хотя и признала, что для наказуемости подстрекательства необходимо, чтобы преступление было начато исполнителем, тем не менее в противоречии с этим объявила, что подстрекательство, не достигшее цели, может быть наказуемо ввиду опасного характера преступления при условиях, установленных каждой правовой системой.

Создание самостоятельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательство к совершению преступления, за возбуждение к нарушению общественного порядка, используется нередко для борьбы с демократическим, а также национально-освободительным движением. Нельзя не отметить, что в ряде стран, где установлена уголовная ответственность за различного рода призывы к совершению преступления и подрыву общественного порядка и где легко находятся законы для преследования борцов за мир и демократию, отсутствуют законы, преследующие за пропаганду новых войн, хотя здесь речь идет о подстрекательстве к убийству массы людей. Ответственность за пропаганду войны установлена лишь в странах социалистического лагеря.

Отказ от демократических принципов в определении ответственности за соучастие выражается также в создании крайне неопределенных по своему содержанию составов преступлений — «преступных организаций», «заговоров», «подрывных организаций». Это широко используется в политических целях для борьбы с прогрессивно мыслящими людьми и последовательными борцами за демократию. Заслуживает внимания, что руководители VII Международного конгресса криминалистов в Афинах, где специально рассматривался вопрос о соучастии, сочли целесообразным полностью исключить вопрос об ответственности за участие в преступных организациях из повестки дня конгресса. Стремление уйти от острых политических вопросов характерно для многих буржуазных юристов, считающих себя либерально мыслящими людьми.

Одним из последних проявлений антидемократических тенденций в французском уголовном законодательстве явился президентский ордонанс от 4 июня 1960 г. о некоторых изменениях Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса и законодательства о военной юстиции, изданный в целях «поддержания порядка, защиты государства и умиротворения Алжира». Ордонанс установил уголовную ответственность за всякого рода акты, направленные на разрушение или изменение существующего «конституционного режима», на возбуждение населения против государственной власти, за действия, направленные на то, чтобы вызвать резню и разрушения. Ордонанс установил суровую ответственность за «комплот» с целью совершения указанных преступлений, причем под комплотом он понимает сговор двух или более лиц для совершения одного из указанных преступлений. Эти изменения означают усиление карательной власти французских империалистов и дальнейшую ломку буржуазной законности.

Глава XIII

СОВОКУПНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1

Реальная и идеальная совокупность преступлений¹

Одно лицо может совершить несколько преступлений. Это вызывает необходимость в определении порядка ответственности за совокупность преступлений. Различают совокупность преступлений реальную и совокупность преступлений идеальную.

Реальная совокупность преступлений имеет место в том случае, когда одно лицо в результате нескольких отдельных действий совершает несколько разнородных преступлений, ни за одно из которых оно не осуждено еще судом или же они совершены до вынесения приговора хотя бы по одному из них. Например, А. совершает последовательно кражу, убийство и сопротивление власти, за совокупность которых он и должен быть осужден. Примером реальной совокупности преступлений

¹ Н. Дурманов, Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству, «Социалистическая законность» 1937 г. № 8; Н. Загородников, Назначение наказаний при совокупности преступлений, «Социалистическая законность» 1952 г. № 6; И. И. Карпец, Назначение наказания по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, Л., 1954; А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954; Н. А. Стручков, Назначение наказания по совокупности преступлений, М., 1957; М. Д. Шаргородский, Вопросы

может служить случай, который был приведен в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 ноября 1946 г. по делу Т.: «Получение взятки должностным лицом карается независимо от законности или незаконности его действий, обусловленных получением взятки. Отсюда следует, что в тех случаях, когда должностное лицо совершает за взятку действие, содержащее состав преступления, это должностное лицо подлежит уголовной ответственности не только за получение взятки, но и по правилам реальной совокупности за то преступное действие, которое им за взятку было совершено». О реальной совокупности преступлений говорилось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», когда отмечалось, что в случае совершения нескольких неоднородных хищений (хищения социалистической собственности и хищения личной собственности), по которым не было вынесено приговора, каждое из этих преступлений должно квалифицироваться самостоятельно по соответствующему закону, а наказание определяется по совокупности.

Идеальная совокупность преступлений имеет место в том случае, когда в результате одного действия лицо совершает два или более разнородных преступления. В буржуазной теории уголовного права эти случаи стали называть идеальной совокупностью потому, что в них якобы имеется одно преступление, но при юридической квалификации его мысленно, в идее, разделяют на два или несколько преступлений. Хотя это наименование как технический термин принято в советской теории уголовного права, тем не менее оно неточно и не отражает действительного положения дел. Ошибочным является искусственное создание несоответствия между реальной действительностью и ее выражением в юридических понятиях. В случаях идеальной совокупности, так же как и при реальной совокупности, в действительности имеется два или несколько разнородных преступления, но они причинены в результате одного дей-

общей части уголовного права; А. М. Яковлев, Совокупность преступлений, повторность и рецидив по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1956 г. № 10; его же, Совокупность преступлений по советскому уголовному праву, М., 1956; Н. Ф. Яшинова, Вопросы назначения наказания при совокупности преступлений по советскому уголовному праву, автореферат канд. диссертации, Харьков, 1951; ее же, О назначении наказаний при совокупности преступлений по советскому уголовному праву, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. VI, 1955; М. А. Шнейдер, Назначение наказания по советскому уголовному праву, лекции для студентов ВЮЗИ, М., 1957.

ствия лица¹. Примером идеальной совокупности может служить причинение одним выстрелом умышленного лишения жизни одного лица и неосторожного тяжкого телесного повреждения другому; поджог чужого жилища с целью убийства проживающего там лица даст совокупность преступлений — умышленного поджога и покушения на убийство или в случае гибели потерпевшего умышленного убийства. Примером идеальной совокупности двух преступлений может служить случай, о котором говорит постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1946 г. о спекуляции: «Действия должностных лиц, виновных в заведомой продаже спекулянтам товаров для спекуляции, должны квалифицироваться по совокупности как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции». Здесь должностное лицо одним действием совершает два различных преступления.

От случаев идеальной совокупности преступлений следует отличать так называемую конкуренцию законов, т. е. случаи, когда одним действием совершается преступление, которое охватывается разными составами преступлений, предусмотренными в двух или нескольких статьях Особенной части Уголовного кодекса. Например, взяточничество само по себе без совершения в дальнейшем других незаконных действий должно быть квалифицировано по статье о взяточничестве, хотя одновременно оно включает в себе все признаки злоупотребления служебным положением из корыстных мотивов. При наличии такой конкуренции уголовных законов совершенное преступление должно влечь за собой уголовную ответственность по статье, предусматривающей более тяжкое наказание. Однако, если совершенное деяние представляет собой специально созданный вид более общего состава преступления, то ответственность должна определяться всегда по этому специальному закону.

Совокупность преступлений всегда состоит из двух или нескольких различных преступлений. Поэтому от случаев совершения совокупности преступлений следует отличать совершение нескольких тождественных преступлений. В этих случаях закон говорит или о неоднократности совершения преступлений, или об их повторности, или о систематичности, или о совершении преступления в виде промысла, или о рецидиве. В этих случаях момент повторности, неоднократности и т. д. совершения преступления выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства. Все совершенное рассматривается обычно как одно квалифицированное преступление. Наказание при этом определяется по одной статье уголовного закона, по которой

¹ Правильно указывают на неточность и противоречивость термина «идеальной совокупности» Н. Д. Дурманов («Стадии совершения преступлений по советскому уголовному праву», стр. 163) и А. М. Яковлев («Совокупность преступлений по советскому уголовному праву», стр. 56).

было квалифицировано все содеянное обвиняемым, а не по правилам о совокупности преступлений.

При совершении лицом совокупности преступлений обвинение ему должно быть предъявлено отдельно по каждому из преступлений, входящих в совокупность. Это относится как к реальной совокупности преступлений, так и к идеальной.

Вопрос о совокупности преступлений требует не только рассмотрения случаев, где имеется реальная или идеальная совокупность преступлений, но и установления различия между единым преступлением и их совокупностью. Совокупность преступлений есть одна из проблем общего учения о преступлении, часто возникающая при квалификации совершенного преступления, при применении акта амнистии, исчислении сроков давности. В учебниках Общей части советского уголовного права вопрос о совокупности преступлений обычно рассматривался в главе о применении наказания. Это вело к значительному теоретическому обеднению всей проблемы как одного из институтов, относящихся к учению о преступлении. Конечно, вопрос о совокупности преступлений имеет определенное значение для правильного применения наказания. Но и любой другой институт уголовного права, который рассматривается в учении о преступлении, всегда имеет то или иное значение для вопроса о назначении индивидуализации наказания (вина и ее формы, стадии развития преступной деятельности, соучастие и т. д.). Однако это не может заслонить значение совокупности преступлений как института, входящего в общую систему учения о преступлении по советскому уголовному праву¹.

Обобщенное постановление о порядке назначения наказания по совокупности преступлений в советском уголовном законодательстве впервые появилось в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Однако и до первой кодификации советского уголовного права в отдельных законодательных актах содержались

¹ Нами вопрос о совокупности преступлений еще в первом учебнике Общей части советского уголовного права («Уголовное право РСФСР», 1924) рассматривался в учении о преступлении. Н. Д. Дурманов в 1937 году правильно писал о значении вопроса о совокупности преступлений: «Вопрос о правильном применении положений советского уголовного закона о совокупности преступлений является частью более общей весьма важной проблемы о правильной и точной квалификации преступлений и строжайшей индивидуализации наказаний» («Социалистическая законность» 1937 г. № 8, стр. 82). Как одну из проблем учения о преступлении рассматривает вопрос о совокупности преступлений А. М. Яковлев («Совокупность преступлений по советскому уголовному праву»). Правильно трактует этот вопрос Н. А. Стручков («Назначение наказания по совокупности преступлений», стр. 7). Такой же подход к этой проблеме проводится в нашей работе «Вопросы общей части уголовного права в практике судебного-прокурорских органов». Лишь в плоскости назначения наказания рассматривает вопрос о совокупности М. Д. Шаргородский («Вопросы общей части уголовного права»), а также учебник «Советское уголовное право. Общая часть», 1958.

указания о совокупности преступлений, совершенных тем или иным лицом, но при этом не давалось специального указания о порядке назначения в таком случае наказания. Очевидно, что в этом не было и особой надобности, так как широкие пределы судейского усмотрения, существовавшие в то время, не требовали установления в законе по данному вопросу особых правил. Например, декрет о борьбе с дезертирством от 2 февраля 1921 г. относил к подсудности революционных военных трибуналов дела о дезертирстве, отягощенном участием дезертира в вооруженных шайках. Таким образом, речь здесь шла о реальной совокупности преступлений (дезертирство и участие в вооруженной шайке). Тем не менее в декрете не содержалось особых указаний о порядке назначения наказания в этом случае. Суд не был связан никакими карательными санкциями и назначал те наказания, которые он вообще имел право применить, руководствуясь при этом своей оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года содержал на этот счет следующие постановления:

1) «Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки преступлений, предусмотренных разными статьями кодекса, суд определяет наказание по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость» (ст. 29).

2) «В случае совершения подсудимым до вынесения приговора двух или более преступных деяний, суд, определив наказание за каждое преступление отдельно, приговаривает виновного к тягчайшему из всех назначенных ему наказаний, причем последнее может быть повышено до высшего предела наказания, установленного статьей, по коей наказание было определено» (ст. 30).

В нашей литературе было высказано мнение, что ст. 29 УК РСФСР 1922 года имела в виду назначение наказания при идеальной совокупности, а ст. 30 предусматривала порядок назначения наказания при реальной совокупности¹. Однако такое понимание этих статей не соответствовало действительности. Статья 29 УК РСФСР 1922 года решала вопрос не об идеальной совокупности преступлений, а об ответственности при конкуренции законов. Ответственность за совокупность преступлений определялась в ст. 30. Поэтому следует признать, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 года определял наказание при идеальной и реальной совокупности преступлений одинаково по принципу поглощения и принципу факультативного повышения наказания по сравнению с наказанием, назначенным за наиболее тяжкое из преступлений, входящих в совокупность.

¹ См. Н. А. Стручков, Назначение наказания при совокупности преступлений, стр. 52.

Согласно Основным началам 1924 года уголовная ответственность за совокупность преступлений определялась по принципу поглощения наказаний: «В случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру» (ст. 33). В соответствии с этим Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в ст. 49 определял: «...В случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, суд, определив соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты»¹. Согласно ст. 49 УК РСФСР 1926 года при совокупности преступлений необходимо было предварительно назначить наказание за каждое преступление в отдельности, прежде чем суд назначит окончательное наказание за совокупность преступлений.

Одной из встречающихся в судебной практике ошибок при назначении наказания за совокупность преступлений являлось забвение необходимости предварительного назначения наказания за каждое из совершенных виновным преступлений в отдельности. Это требование имело значение для правильного определения сроков погашения судимости, для применения института давности или амнистии. При применении амнистии практика судебно-прокурорской работы встречалась с случаями, когда при осуждении за совокупность преступлений по одному из совершенных преступлений следовало применить амнистию, а другое не подпадало под ее действие. Правильно применить амнистию можно было лишь при условии, когда за каждое преступление в отдельности в приговоре устанавливалось самостоятельное наказание. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 19 сентября 1945 г. дал судам указание, что в случаях, когда при осуждении за совокупность преступлений в приговорах не указан размер наказания раздельно

¹ В результате редакционной неточности формулировки ст. 49 УК РСФСР 1926 года некоторые советские криминалисты делали вывод, что при определении наказания за совокупность преступлений суд может определять наказание не только по принципу поглощения, но и по принципу усиления наказания. Они обосновывали это тем, что ст. 49 говорила непосредственно не о назначении окончательного наказания как наиболее тяжелого из уже ранее определенных за отдельные преступления наказаний, а об определении окончательного наказания по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений. Вывод о допустимости определения наказания по принципу усиления за совокупность преступлений делался в учебнике для юридических школ В. Д. Меньшагина и Э. А. Вышинской «Советское уголовное право», М., 1950, стр. 142, 143, в учебнике «Уголовное право. Общая часть», 1948, стр. 538, в автореферате канд. диссертации Н. Ф. Яшиновой «Вопросы назначения наказания при совокупности преступлений по советскому уголовному праву», М., 1951, стр. 12.

по каждому преступлению, входящему в совокупность, судам надлежит, по представлению соответствующих прокуроров, рассмотреть дело и определить наказание по каждому преступлению отдельно. Определение наказания по каждому преступлению отдельно могло быть произведено и при рассмотрении дел в кассационном порядке и в порядке судебного надзора.

После того, как суд устанавливал наказание в отдельности за каждое из совершенных преступлений, он, руководствуясь ст. 49 УК РСФСР 1926 года, определял в качестве общего наказания за совокупность совершенных преступлений то, которое было назначено за наиболее тяжкое из совершенных деяний. Пленум Верховного Суда СССР 15 февраля 1946 г. принял специальное руководящее постановление о выполнении этого требования. В нем он указал на необходимость безусловного выполнения требований ст. 49 УК РСФСР 1926 года и аналогичных требований уголовных кодексов других союзных республик. Лишь Уголовные кодексы Украинской ССР 1927 года и Туркменской ССР 1927 года не предписывали суду при определении наказания за совокупность преступлений определять в приговоре наказание за каждое из совершенных деяний в отдельности.

Ввиду того, что верховные суды отдельных союзных республик давали различные указания о порядке постановления приговора по совокупности преступлений, Пленум Верховного Суда СССР 4 марта 1929 г. вынес специальное постановление, дающее толкование ст. 33 Основных начал 1924 года. Руководящей идеей этого постановления являлось указание, что совокупность преступлений свидетельствует о большей степени опасности осужденного, и это должно быть учтено судом при определении наказания по статье о наиболее тяжком из совершенных деяний. Независимо от того, требовал или не требовал соответствующий республиканский кодекс предварительного определения наказания по каждому преступлению в отдельности, суд обязан был ставить на обсуждение вопрос, какое конкретное наказание в пределах, указанных в статье, предусматривающей наиболее строгое наказание, должно быть назначено осужденному по этой именно статье за всю совокупность совершенных им преступлений.

Установленный порядок назначения наказания за совокупность преступлений должен был применяться в тех случаях, когда ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, еще не было вынесено обвинительного приговора и, таким образом, суд рассматривал дело по существу в отношении всей совокупности преступлений.

Однако принцип поглощения наказаний должен был применяться и в тех случаях, когда после осуждения за какое-либо преступление обнаруживалось другое, ранее совершенное пре-

ступление и при судебном разбирательстве по этому делу перед судом стояла задача определить наказание по совокупности за оба преступных деяния. Применение иного принципа для решения этого вопроса означало бы неосновательное отягощение участи подсудимого в силу того, что следственные органы не смогли своевременно вскрыть ранее совершенное обвиняемым преступление.

Как показывает практика Верховного Суда СССР, суды нередко в этих случаях неправильно применяли наказание за совокупность преступлений, используя вместо принципа поглощения наказаний принцип сложения наказаний. Верховный Суд СССР неоднократно исправлял такого рода ошибки, допущенные судом.

Положение о том, что в тех случаях, когда оба преступления, входящие в совокупность, совершены до вынесения первого приговора, применяется принцип поглощения при определении окончательной меры наказания, а не принцип сложения наказания, нашло свое выражение в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 14 марта 1953 г. по делу В. Народным судом В. был осужден за хищение общественного имущества к лишению свободы сроком на пять лет. В. был признан виновным в том, что в ночь на 17 июля 1949 г. из фруктового сада колхоза «Красное знамя» похитил 40 кг яблок, с которыми был задержан. Вынося приговор по настоящему делу, народный суд одновременно присоединил неотбытый В. срок наказания по ранее вынесенному приговору от 10 октября 1949 г., которым В. был осужден к трем годам лишения свободы, и определил ему окончательную меру наказания — семь лет и шесть месяцев лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала, что данный приговор вынесен судом с нарушением требований закона о том, что, когда оба преступления, входящие в совокупность, совершены до вынесения первого приговора, при определении окончательной меры наказания применяется принцип поглощения более тяжким наказанием менее тяжкого. В. 14 апреля 1949 г. совершил хулиганство, за что был осужден 10 октября 1949 г., а затем 17 июля 1949 г. совершил хищение, за что был осужден 29 ноября 1949 г. Таким образом, когда В. совершил второе преступление, приговор по первому еще не был вынесен, и поэтому наказание, определенное по первому приговору, должно было быть не присоединено, а поглощено более тяжким наказанием, назначенным по второму приговору. Поэтому Коллегия внесла исправление в приговор народного суда, признав необходимым поглотить приговором от 29 ноября 1949 г. меру наказания, назначенную по приговору 10 октября 1949 г., и назначить окончательную меру наказания — пять лет лишения свободы.

Установленный ранее в нашем законодательстве (Основные начала 1924 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.) порядок назначения наказания за совокупности преступлений вызывал у ряда советских криминалистов критическое к себе отношение. В процессе обсуждения тех изменений, которые целесообразно было внести в наше уголовное законодательство, предлагалось изменить порядок назначения наказания за совокупность преступлений. При этом было выдвинуто предложение об установлении в нашем законодательстве системы факультативного повышения наказания при определении наказания за совокупность преступлений. Эта позиция нашла свое обоснование в работе Н. Ф. Яшиновой. Она справедливо указывала, что нельзя неизменно ставить знак равенства между наказанием, определенным предварительно за одно преступление, входящее в совокупность (при условии, разумеется, что оно не достигнет высшего предела санкций), и наказанием окончательным — последнее может быть более суровым, чем первое. Следует признать, что принцип повышения наказания при совокупности преступлений больше соответствует общим принципам определения наказания по советскому уголовному праву, согласно которым суд при назначении наказания учитывает степень общественной опасности совершенного деяния и общественной опасности лица, его совершившего. Принцип поглощения приводит к тому, что теряется из виду общественная опасность всего совершенного данным лицом, не учитывается, что лицо совершило не одно, а несколько преступлений, а также не обращается внимания на повышенную общественную опасность самого преступника. Н. Ф. Яшинова справедливо защищала при этом факультативный характер применения принципа повышения наказания, представляя решение указанного вопроса суду: «Назначение наказания по принципу поглощения представляет собой недооценку всего совершенного данным лицом; назначение же наказания в порядке обязательного повышения наказания означало бы переоценку тяжести совершенного, например, в тех случаях, когда одно из преступлений, входящих в совокупность, является незначительным или когда совершение одного преступления отделено от совершения другого большим промежутком времени»¹.

При внимательном изучении существовавшей ранее судебной практики по определению наказания по совокупности преступлений нетрудно было убедиться, что суд, определяя при этом наказание за более тяжкое из совершенных преступлений, входящих в совокупность, уже учитывал в рамках карательной

¹ Н. Ф. Яшинова, О назначении наказания при совокупности преступлений по советскому уголовному праву, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. VI, 1955, стр. 16.

санкции соответствующей статьи, что виновным совершено другое преступление, и определял наказание за более тяжкое преступление, исходя из того, что оно будет назначено за совокупность преступлений. На это непосредственно и ориентировало судебную практику постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г., которое мы выше приводили. Поэтому, несмотря на провозглашение в законе принципа поглощения наказания при определении наказания за совокупность преступлений, советский суд фактически мог применить и повышение наказания за совокупность преступлений в пределах карательной санкции статьи Особой части уголовного кодекса, установленной за более тяжкое преступное деяние, входящее в совокупность преступлений. Поэтому на практике у нас действовала при определении наказания за совокупность преступлений система факультативного повышения наказания. Представлялось целесообразным тому, что имело место на практике, придать определенную, ясно выраженную юридическую форму. Это и было сделано Основами уголовного законодательства 1958 года. В ст. 35 о назначении наказания при совершении нескольких преступлений Основы определили: «Если лицо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона, ни за одно из которых оно не было осуждено, суд, назначив наказание отдельно за каждое преступление, окончательно определяет наказание по их совокупности путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний в пределах, установленных статьей закона, предусматривающей более строгое наказание». Таким образом, Основы для определения наказания за реальную и идеальную совокупность преступлений устанавливают следующий порядок: 1) обязательное назначение наказания отдельно за каждое из преступлений, входящих в совокупность; 2) определение окончательного наказания, назначаемого виновному за совокупность совершенных им преступлений или по системе поглощения менее строгого наказания более строгим, или по системе полного или частичного сложения назначенных судом наказаний; 3) при сложении наказаний суд не может назначать наказание большее, чем высший предел карательной санкции, установленной в законе за более тяжкое преступление.

Согласно непосредственному указанию ст. 35 Основ уголовного законодательства к основному наказанию может быть присоединено любое из дополнительных наказаний, предусмотренных статьями закона, устанавливающими ответственность за те преступления, в совершении которых лицо было признано виновным.

Основы в ст. 35 предусмотрели случай, когда после вынесения приговора было установлено, что осужденный виновен еще

и в другом, ранее совершенном преступлении. Наша судебная практика и прежде с полным основанием применяла в этих случаях общие правила об определении наказания по совокупности. Основы закрепили этот порядок назначения наказания в указанном случае: «По тем же правилам назначается наказание, если после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора по первому делу. В этих случаях в срок наказания засчитывается наказание, отбытое полностью или частично по первому приговору».

Постановление Основ (ст. 35) о назначении наказания при совершении нескольких преступлений воспроизводится уголовными кодексами других союзных республик, например, ст. 40 УК РСФСР 1960 года, ст. 40 УК Грузинской ССР 1960 года.

Особого порядка назначения наказания требуют те случаи, когда осужденный за какое-либо преступление еще до окончательного отбытия назначенного за него наказания совершает новое преступление. Этот вопрос до издания Основ уголовного законодательства 1958 года не был разрешен в общесоюзном законодательстве. Уголовные кодексы отдельных союзных республик содержали на этот счет специальные постановления. Так Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 года назначал в этом случае наказание по правилам сложения, но с таким расчетом, чтобы после сложения неотбытой части наказания по первому приговору и наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, общая сумма наказаний не превышала максимального срока данного вида наказания по советскому уголовному законодательству. Аналогичные постановления содержались в Уголовных кодексах Белорусской ССР 1928 года, Туркменской ССР 1927 года, Грузинской ССР 1928 года, Азербайджанской ССР 1927 года. В Уголовном кодексе Грузинской ССР специально разрешался вопрос о сложении лишения свободы и исправительных работ: исправительные работы присоединялись к лишению свободы из расчета три дня исправительных работ за один день лишения свободы. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР, наоборот, предписывал при назначении различных наказаний приводить в исполнение отдельно каждое из назначенных наказаний.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года не разрешал вопроса о назначении наказания в случаях такой особой рода совокупности преступлений. Судебная практика РСФСР вопрос об определении наказания в этих случаях обычно решала по принципу сложения. Еще 16 декабря 1933 г. Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что в случаях совершения нового преступления лицом, в отношении которого имеется вступивший в за-

конную силу приговор суда, еще не приведенный в исполнение, суду предоставляется право либо присоединить назначенное по этому приговору наказание полностью или частично к наказанию, назначенному по новому делу, либо применить к осужденному только наказание, назначенное по новому делу, с поглощением прежнего наказания. Те же правила действовали в отношении лиц, совершивших новое преступление во время отбывания ими наказания до приговору суда, однако присоединение наказания, назначенного по первому приговору, могло иметь место лишь в части еще неотбытого срока. В последних случаях судебная практика обычно разрешала вопрос по правилам о сложении наказаний¹.

Она допускала присоединение наказания, назначенного по новому приговору, как в тех случаях, когда в отношении лица, совершившего новое преступление, имелся приговор суда, не приведенный еще в исполнение, так и в случаях, когда новое преступление совершалось во время отбывания наказания за ранее совершенное преступление.

При определении наказания по принципу сложения общий срок наказания исправительных работ не мог превышать одного года, так как действовавшее уголовное законодательство не допускало назначения исправительных работ на большой срок.

Такая линия неуклонно проводилась практикой Верховного Суда СССР.

Так как вопрос о порядке сложения лишения свободы и исправительных работ был разрешен только в Уголовном кодексе Грузинской ССР 1928 года, то Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 22 января 1942 г. дал судам следующее указание: «В тех союзных республиках, уголовные кодексы которых не разрешают указанного выше вопроса, наказание по совокупности, в случае необходимости применения принципа сложения наказаний, определяется применительно к ст. 49 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик путем замены исправительно-трудовых работ лишением свободы из расчета трех дней исправительно-трудовых работ за один день лишения свободы; полученный таким образом срок присоединяется к сроку лишения свободы, назначенному по другому приговору, входящему в совокупность».

Практика Верховного Суда СССР исходила из того, что при назначении наказания по принципу сложения общий срок лишения свободы не мог превышать десяти лет, если ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, по закону не предусмотрено лишение свободы на срок свыше десяти лет.

¹ М. А. Шнейдер («Назначение наказания по советскому уголовному праву», стр. 81) считал, что суд, руководствуясь общими началами советского уголовного права, вправе и обязан применять в этих случаях тот или иной принцип, исходя из конкретной необходимости.

Впервые вопрос о назначении наказания по нескольким приговорам в общесоюзном уголовном законодательстве был разрешен в Основах уголовного законодательства 1958 года. Решение этого вопроса было дано на основе обобщения и дальнейшего развития предшествующего опыта судебной практики. Основы уголовного законодательства в ст. 36 определили: «Если осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания, совершил новое преступление, суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. При сложении наказаний в порядке, предусмотренном настоящей статьёй, общий срок наказания не должен превышать максимального срока, установленного для данного вида наказания. При сложении наказаний в виде лишения свободы общий срок наказания не должен превышать десяти лет, а за преступления, по которым законом допускается назначение лишения свободы на срок более десяти лет, не должен превышать пятнадцати лет». Таким образом, Основы при назначении наказания в случаях, когда осужденный до полного отбытия назначенного ранее наказания совершает новое преступление, держатся принципа сложения наказаний полного или частичного в зависимости от усмотрения суда. При сложении наказаний по нескольким приговорам в отличие от сложения наказания при совокупности преступлений общий срок наказания может превышать максимальный предел наказания, указанный в законе за одно из совершенных преступлений, но не должен превышать максимального срока наказания, установленного Основами для данного вида наказания. Основы указывают, в каких случаях при назначении лишения свободы максимальный срок устанавливается в десять лет и в каких случаях он может определяться в пятнадцать лет. Максимальный срок для исправительных работ при этом не должен превышать одного года. Основы не содержат специальных постановлений о порядке сложения наказаний различной тяжести. Этот вопрос разрешен в уголовных кодексах отдельных союзных республик.

Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 41 определяет, что при сложении наказаний в виде лишения свободы и содержания в дисциплинарном батальоне одному дню лишения свободы соответствует один день содержания в дисциплинарном батальоне. Та же статья определяет, что при сложении наказаний в виде лишения свободы и в виде ссылки, высылки или исправительных работ одному дню лишения свободы соответствуют три дня ссылки, высылки или исправительных работ. Приговоры к лишению свободы и штрафу, а также к исправительным работам и штрафу приводятся в исполнение самостоятельно.

Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 года в ст. 42, кроме положений ст. 41 УК РСФСР, содержит еще следующие правила сложения наказаний: при сложении таких видов наказаний, как ссылка и высылка, — один день ссылки соответствует одному дню высылки, при сложении ссылки или высылки с исправительными работами — одному дню ссылки или высылки соответствует один день исправительных работ. Более детальные правила содержит Уголовный кодекс Грузинской ССР 1960 года относительно самостоятельного приведения в исполнение некоторых наказаний при сложении наказаний по нескольким приговорам: «В случае присоединения к лишению свободы или к ссылке или к высылке или к исправительным работам лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а равно штрафа или увольнения от должности или общественного порицания, названные наказания применяются самостоятельно. Разнородные дополнительные наказания исполняются самостоятельно» (ст. 42).

Уголовный кодекс Узбекской ССР 1959 года не содержит специальных правил сложения наказаний, предоставляя решение этого вопроса судебной практике.

Следует иметь в виду, что при назначении наказания по нескольким приговорам, когда судебный приговор по первому преступлению вошел в законную силу, срок отбытия наказания всегда должен исчисляться со дня вынесения второго судебного приговора. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1960 года специально указывает на это в законе (ст. 39).

Заслуживает внимания вопрос о том, как решает проблему ответственности за совокупность преступлений уголовное законодательство стран народной демократии.

Уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики в § 22 определяет, что общий размер наказания при совокупности преступлений определяется согласно тому закону, который относится к деянию, влекущему более строгое наказание. Тем самым Чехословацкий уголовный кодекс при решении вопроса о размерах наказания за совокупность преступлений по общему правилу держится принципа поглощения. Однако наряду с этим общим правилом кодекс содержит еще специальные указания на этот счет. Если за преступления, входящие в совокупность, низшие пределы лишения свободы различны, то размер общего наказания не может быть ниже наивысшего из них. В тех случаях, когда высшие пределы предусмотренного законом лишения свободы за преступления, входящие в совокупность, одинаковы, то наказание повышается на одну четверть. Таким образом, закон допускает в определенных случаях обязательное повышение наказания сравнительно с высшими

пределами карательной санкции, установленной за преступления, входящие в совокупность. Закон специально упоминает и о том случае, когда суду приходится осуждать за преступление, совершенное до того, как был вынесен приговор по другому делу. Наказание в этом случае присоединяется к ранее назначенному при соблюдении указанных правил.

Общая часть Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики при определении наказания за совокупность преступлений исходит из принципа повышения наказания. В § 57 Общей части Уголовного кодекса устанавливается, что наказание за совокупность преступлений назначается путем объединения всех наказаний по преступлениям, входящим в совокупность, в одно общее наказание. Наказание по совокупности преступлений назначается на основе наказания, предусмотренного за самое тяжкое из преступлений, входящих в совокупность. Если в качестве такого наказания может быть назначено тюремное заключение на определенный срок, то он может быть повышен на половину максимальной его продолжительности, но не выше, чем до двадцати лет, при чем этот срок не может быть выше общей суммы сроков наказаний, предусмотренных за каждое преступление в отдельности. В случае совокупности преступлений дополнительные наказания согласно § 58 применяются независимо от того, за какое из преступлений они предусмотрены законом.

В § 59 Общей части Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики регулируется вопрос о назначении наказания по совокупности приговоров. Наказание по совокупности приговоров к срочному тюремному заключению не может достигнуть общей суммы сроков, назначенных приговорами, вступившими в законную силу, не может превышать ни двадцати лет, ни срока, в полтора раза большего, чем срок наказания, предусмотренного за самое тяжкое преступление. Дополнительные наказания объединяются так же, как и при совокупности преступлений. При осуждении к пожизненному тюремному заключению тюремное заключение на определенный срок, назначенное предыдущим приговором, вступившим в законную силу, не приводится в исполнение (§ 60). Это правило применяется и в случае, если осужденный к пожизненному заключению приговаривается впоследствии к тюремному заключению за преступления, совершенные им до исполнения наказания.

Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии в ст. 39 устанавливает в качестве общего правила принцип поглощения при определении наказания за совокупность преступлений. Если совершенное деяние содержит в себе признаки нескольких преступлений или если одно лицо совершит несколько отдельных преступных деяний, то суд, после того как определит наказание за каждое преступление в отдельности, назначает наиболее тяжкое из наказаний, определенных за совершенные преступле-

ния. Это положение применяется и тогда, когда лицо за совокупность преступлений осуждено по различным приговорам. К определенному судом наказанию присоединяется лишение прав и общественное порицание, если они были назначены за одно из преступлений, входящих в совокупность. Кроме принципа поглощения наказания, в некоторых пределах Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии признает и принцип повышения наказания за совокупность преступлений. В ст. 40 он определяет, что в тех случаях, когда наказания, вынесенные за совершение нескольких отдельных преступлений, однородны, суд может увеличить наиболее тяжкое наказание, вынесенное по совокупности, не более чем наполовину; однако такое увеличение наказания не может превышать высшего предела, на который вообще по закону может назначаться данный вид наказания. В тех случаях, когда лицо, совершившее преступление, за которое оно осуждено вступившим в законную силу приговором, совершает другое преступление, то указанные выше принципы определения наказания по совокупности в этих случаях не применяются. Вынесенные при этом наказания отбываются согласно ст. 41 Уголовного кодекса за каждое преступление в отдельности.

Буржуазное уголовное законодательство всегда использует назначение наказания за совокупность для резкого усиления репрессии. Оно проводит обычно систему сложения наказаний или усиления наиболее тяжкого из назначенных наказаний.

Система сложения наказаний применяется в уголовном законодательстве США. Так, согласно Уголовному кодексу штата Нью-Йорк, если кто-либо судится за совершение двух или нескольких преступлений, ни по одному из которых не был вынесен приговор, то срок тюремного заключения, к которому подсудимый присуждается за совершение второго или дальнейших преступлений, исчисляется с момента окончания предыдущего или предыдущих сроков тюремного заключения, к которому или к которым подсудимый был присужден. Судебная практика США знает приговоры к тюремному заключению за совокупность преступлений на срок до 99 лет. Система сложения наказания за совокупность преступлений ведет к значительному усилению репрессии буржуазного государства. Поэтому неудивительно, что американскую систему сложения наказаний воспринял Итальянский уголовный кодекс 1930 года, изданный в период фашистской диктатуры. При этом, в Итальянском уголовном кодексе содержится постановление, согласно которому в случаях, когда по характеру назначенных наказаний не может быть проведено их сложение, суд все же повышает наказание за совокупность преступлений сравнительно с наиболее тяжким из наказаний, назначенных за совершенные деяния. Таким обра-

зом, два срочных лишения свободы, назначенные на максимальные сроки, превращаются в пожизненное лишение свободы, а два пожизненных лишения свободы превращаются в совокупности в смертную казнь.

Швейцарский уголовный кодекс 1937 года при определении наказания за совокупность преступлений держится системы обязательного усиления наказания. В ст. 68 он определяет, что если преступник навлек на себя несколько наказаний лишением свободы, то судья приговаривает его к наказанию за наиболее тяжкое преступление, повышает срок наказания соответственно с обстоятельствами, но не более чем на половину сверх максимума наказания, предусмотренного за это преступление; он связан, кроме того, общим законным максимумом данного рода наказания.

По Японскому уголовному кодексу 1907 года при наличии совокупности преступлений, когда суд назначает за каждое из них лишение свободы, он может назначить по совокупности наказание в размере, превышающем наполовину максимальный срок наказания, указанный в законе за совершение более тяжкого преступления.

Французское уголовное законодательство решает вопрос об ответственности за совокупность в Уголовно-процессуальном кодексе. В отношении преступлений и проступков оно держится системы поглощения: наказание, назначенное за более тяжкое преступление или проступок, поглощает наказание, назначенное за относительно менее тяжкое преступление или проступок. При этом наказания, назначенные в качестве дополнительных, не поглощаются более тяжким наказанием. При определении наказания за совокупность нарушений французское законодательство держится принципа сложения наказания.

При определении ответственности за идеальную совокупность преступлений в уголовном законодательстве буржуазных государств иногда проводится положение о применении в этих случаях тех статей уголовного кодекса, которые указывают более суровое наказание за одно из совершенных преступлений. Так поступает, например, Германский уголовный кодекс 1871 года. Некоторые уголовные кодексы применяют здесь те же правила, которые действуют при реальной совокупности. Так поступает, например, Швейцарский уголовный кодекс. Некоторые кодексы не содержат об этом никаких постановлений.

§ 2

Единое преступление и совокупность преступлений

Обычно единое преступление имеет место в тех случаях, когда определенный преступный результат причинен в резуль-

тате одного действия виновного. Например, А ударяет Б по голове и причиняет ему тяжкое телесное повреждение. А запускает руку в чужой карман и похищает личное имущество гражданина и т. д. Совокупность преступлений имеет место, как мы видели, лишь тогда, когда в результате одного или нескольких отдельных действий причинено два или несколько различных преступных результатов. Поэтому совершение нескольких однородных преступлений закон рассматривает не как совокупность преступлений, а как особый вид единого преступления — в одних случаях это — продолжаемые преступления, в других — собирательные, в частности повторные. Не являются совокупностью преступлений и те случаи, когда совершенный преступный результат все время воспроизводится и длится неопределенно долгое время вплоть до прекращения такого преступного состояния. Это так называемое длящееся преступление. Бывают случаи, когда имеет место совершение ряда действий, каждое из которых, взятое изолированно, заключает в себе признаки разнородных составов преступлений, все совершенное, однако, вследствие наличия определенной внутренней связи между совершенными действиями рассматривается как единое преступление. Это — составные преступления. Наконец, особый характер приобретает отдельное единое преступление, совершенное после отбытия виновным наказания за тождественное или однородное преступление (рецидив).

Поэтому представляется необходимым специально рассмотреть вопрос: 1) о преступлениях продолжаемых, 2) о преступлениях длящихся, 3) о преступлениях собирательных, в частности повторных, 4) о преступлениях составных и 5) о рецидиве.

1) Продолжаемыми преступлениями являются те преступления, которые слагаются из двух или нескольких преступных действий, каждое из которых заключает в себе признаки одного и того же состава преступления и которые образуют вместе один состав преступления вследствие единства конечного преступного результата¹. Объединение отдельных преступных действий в единое продолжаемое преступление может быть произведено или в силу непосредственного указания самого уголовного закона, или в результате оценки всей факти-

¹ А. М. Яковлев в работе, специально посвященной совокупности преступлений, определяет продолжаемое преступление как последовательно продолжаемое во времени совершение лицом ряда однородных действий, приведших к наступлению ряда однородных последствий в рамках единой формы вины (умысла или неосторожности) (см. А. М. Яковлев, Совокупность преступлений по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 26). Это определение оставляет, однако, без внимания важный момент в понимании продолжаемого преступления — единство конечного преступного результата.

ческой обстановки совершенного деяния. Так, в силу указания самого закона следует рассматривать как единое продолжаемое преступление нанесение побоев (ст. 112 УК РСФСР 1960 г.), хотя нанесение даже одного удара также включает в себе состав этого преступления. Нанесение нескольких ударов не представляет совокупности преступлений, а объединено в одно продолжаемое преступление — нанесение побоев.

В качестве примера единого продолжаемого преступления, признаваемого таковым в силу оценки всей фактической обстановки совершенного преступления, можно считать квалификацию как хулиганства ряда различных грубых нарушений общественного порядка, выражающихся в явном неуважении к обществу, совершенных одним лицом приблизительно в одно и то же время.

Примером продолжаемого преступления может быть обмеривание и обвешивание покупателей, предусмотренные ст. 156 УК РСФСР 1960 года. При квалификации обмеривания и обвешивания деятельность лица рассматривается как одно преступление, несмотря на то, что она может складываться из ряда отдельных актов обмеривания и обвешивания, каждый из которых включает в себе уже окончанный состав преступления. То же самое можно сказать о спекуляции, состоящей из ряда актов покупки и продажи с целью наживы товаров, если она не носит еще характера спекуляции в виде промысла. Вследствие единства общей цели все совершенное рассматривается как одно преступление, несмотря на многократность одних и тех же преступных действий. При наличии продолжаемого преступления правила о совокупности не применяются. В случае признания в действиях виновного наличия продолжаемого преступления наказание должно быть определено на общих основаниях по той статье уголовного кодекса, по которой квалифицируется данное деяние. Началом продолжаемого преступления является момент совершения первого преступного акта из числа составляющих продолжаемое преступление. Заканчивается оно в момент совершения последнего преступного действия. Поэтому, например, амнистия к продолжаемому преступлению может быть применена лишь тогда, когда последний акт продолжаемого преступления был совершен до ее издания.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» указал, что амнистия применяется к продолжаемым преступлениям, вполне закончившимся до издания амнистии, и не применяется, если хотя бы одно из преступных действий, образующих продолжаемое преступление, было совершено после этого. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 ноября 1948 г. по делу А., осужденного за спекуляцию, при-

знала, что к нему неосновательно была применена амнистия и снижено наказание наполовину, так как он занимался спекуляцией и до и после издания Указа об амнистии от 7 июля 1945 г.

Срок давности по продолжаемым преступлениям исчисляется с момента совершения последнего преступного действия из числа составляющих продолжаемое преступление.

Советская теория уголовного права и судебная практика долгое время рассматривали систематическое похищение ценностей из одного источника не как повторную кражу, а как одно продолжаемое преступление — кражу — вследствие единства конечного результата — изъятия имущества определенной ценности с целью его присвоения. Точно так же систематическое позаимствование кассиром из вверенных ему сумм рассматривалось как единое продолжаемое преступление — растрата, а не как повторная растрата, вследствие единства конечного результата — обращение в свою собственность чужого имущества, находящегося в правомочном владении данного лица. При этом ряд отдельных растрат, совершенных должностным лицом, рассматривался как несколько преступлений, а не как одно продолжаемое преступление лишь в тех случаях, когда позаимствования из вверенных сумм были отдалены одно от другого значительными промежутками времени. Такое понимание продолжаемого преступления нашло отражение в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. В нем растрата, совершенная путем присвоения вверенных денег мелкими суммами в течение продолжительного времени, рассматривалась как единое продолжаемое преступление¹. Такая оценка систематической растраты отвечала потребностям правильного применения закона, когда квалифицирующим признаком растраты являлись лишь крупные размеры присвоенного имущества. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» в качестве квалифицирующего признака хищения (в том числе и растраты) государственного и общественного имущества выдвигал не только размер похищенного имущества, но и повторность. В свете этого Указа систематическое хищение рассматривалось

¹ Это указание впоследствии было исключено. В редакции постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17 марта 1950 г. этот пункт гласит: «Весьма сходны с делящимися преступлениями продолжаемые, т. е. преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. К этим преступлениям относятся, например, контрреволюционный саботаж, выражающийся в неоднократном неисполнении определенных обязанностей или в умышленном небрежном их исполнении с целью ослабления власти правительства, вредительство и экономическая контрреволюция» («Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1957 гг.», Госюриздат, 1958, стр. 75).

не как одно продолжаемое преступление, а как несколько хищений, и все совершенное квалифицировалось как повторное хищение. Поэтому, например, систематическое присвоение вверенного государственного имущества рассматривалось не как одно продолжаемое преступление, а как неоднократные присвоения, дающие основание для квалификации всего совершенного по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», предусматривавшей повторное хищение государственного имущества. Этот взгляд Пленум Верховного Суда СССР выразил в целом ряде своих постановлений и определений начиная с конца 1948 года.

При комментировании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. вскоре после их издания были в этом отношении допущены ошибочные высказывания. Так, Н. Д. Дурманов утверждал, что следует рассматривать как одно преступление «растрату должностным лицом вверенных ему средств, совершаемую по частям в течение известного, иногда длительного отрезка времени»¹. Такое утверждение едва ли соответствовало смыслу Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Сохранил старое понятие продолжаемого преступления при хищении и А. А. Герцензон². Правильное решение этого вопроса давалось в работах других советских криминалистов³.

Изучение судебной практики последующих лет позволяло сделать вывод об определенных сдвигах в сторону признания допустимости использовать в некоторых случаях при квалификации хищения понятие «продолжаемого преступления»⁴. Это было видно прежде всего из квалификации случаев систематического получения государственных средств по подложному документу. Например, представив подложную справку о стаже работы, лицо получало систематически повышенную заработную плату, не соответствовавшую действительному стажу его работы. Судебная практика в течение ряда лет квалифицировала такие преступные действия, как повторное хищение государственного

¹ Н. Дурманов, Наказуемость за хищения государственного и общественного имущества, кражу личного имущества и разбой по Указам от 4 июня 1947 г., «Социалистическая законность» 1947 г. № 10, стр. 7.

² См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, стр. 443—444.

³ См., например, Э. А. Вышинская, Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, М., 1948, стр. 24; М. И. Якубович, Советское уголовное законодательство в борьбе за охрану социалистической собственности, «Ученые записки МЮИ», вып. IV, 1949, стр. 106.

⁴ За полное применение по делам о хищении социалистической собственности понятия продолжаемого преступления высказывался Н. М. Иващев (см. «Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества», автореферат канд. диссертации, М., 1955, стр. 12).

имущества по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Однако затем практика Верховного Суда СССР встала на иную позицию. Несмотря на то, что в таких случаях хищение государственных средств совершалось систематически в течение продолжительного времени, практика стала рассматривать эти хищения не как повторные, а как единое хищение, поскольку оно было вызвано однажды совершенным подлогом, и квалифицировать его по ст. 1 Указа, если оно по общей сумме похищенного не могло быть признано крупным хищением. Эта новая позиция практики Верховного Суда СССР нашла выражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 13 ноября 1953 г. по делу М. Приговором суда М. был осужден по ч. 2 ст. 72 УК РСФСР 1926 года и по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». М. был признан виновным в том, что в июне 1951 года при переводе с Ленинградского судоремонтного завода несамостоятельного флота, где он работал директором, на должность заместителя начальника охраны представил неправильную справку с прежнего места работы о том, что получал процентную надбавку с оклада за выслугу лет. На основании этой справки М. по месту новой работы была установлена процентная надбавка в размере 50% должностного оклада, в результате чего с июня 1951 года по ноябрь 1952 года им было переполучено 5780 р. 94 к. Пленум Верховного Суда СССР признал, что указанные действия М. должны быть квалифицированы по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а не по ст. 2 Указа, так как в данном случае в действиях М. нет повторности, в прошлом он хищений не совершал, а размеры похищенного не являются крупными. Это постановление Пленума Верховного Суда СССР имело принципиальное значение, так как оно признало в известных пределах значение понятия «продолжаемого преступления» по делам о хищении государственного и общественного имущества.

Практика применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкую кражу» также свидетельствовала о применении судом в известных пределах понятия продолжаемого преступления. В тех случаях, когда мелкое хищение было совершено виновным по частям на одном промышленном предприятии или складе или из одного магазина и приблизительно в одно и то же время, например в течение одного дня, то практика склонна была в этих случаях не усматривать наличие повторного хищения, а рассматривать все совершенное как одно преступление.

Следовательно, и в этих случаях практика пользовалась понятием продолжаемого преступления.

Ограничение пределов применения понятия продолжаемого преступления при хищении, выработанное судебной практикой на основе применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», сохраняет свое значение и для практики применения новых уголовных кодексов отдельных союзных республик, так как в них повторность также рассматривается как квалифицирующий признак хищения (см., например, ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 92 УК РСФСР 1960 г.). Однако в связи с тем, что в новых уголовных кодексах крупное хищение государственного и общественного имущества рассматривается как более тяжкий вид хищения, чем повторное хищение такого имущества, в случаях, когда лицо совершает ряд хищений из одного и того же источника одним и тем же способом в совокупности на крупную сумму, все совершенное следует рассматривать не как повторное хищение государственного или общественного имущества, а как одно хищение на крупную сумму. Поэтому такую кражу государственного или общественного имущества следует квалифицировать не по ч. 2, а по ч. 3 ст. 89 УК РСФСР 1960 года. Растрату же такого рода следует квалифицировать не по ч. 2, а по ч. 3 ст. 92 этого же кодекса. Таким образом, понятие продолжаемого преступления при применении новых уголовных кодексов приобретает новое значение в борьбе с крупными хищениями государственного или общественного имущества.

От продолжаемого преступления следует отличать преступление длящегося, т. е. такое, где раз осуществленный состав преступления непрерывно продолжает существовать впредь до наступления обстоятельств, его устраняющих.

Примером длящегося преступления может служить незаконное лишение кого-либо свободы; при этом преступление является оконченным с момента лишения свободы и длится до тех пор, пока не совершено действие, прекращающее это состояние. Длящимся преступлением является дезертирство: оно является оконченным с момента самовольного оставления воинской части с целью уклониться от военной службы и продолжается до тех пор, пока дезертир не будет задержан соответствующими органами власти или сам не явится с повинной. Длящимся преступлением является участие в организации, ставящей себе целью совершение одного из опасных государственных преступлений, недонесение о преступлении и т. д. Специального внимания заслуживает вопрос о применении амнистии к длящимся преступлениям. С этим вопросом наша судебная

практика столкнулась в процессе применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Пленум Верховного Суда СССР свои принципиальные положения о применении амнистии к длящимся преступлениям высказал в уже упоминавшемся постановлении от 4 марта 1929 г. Это постановление признало длящимся преступлением действие, «влекущее за собой непрерывно осуществляемое преступное состояние или же длительное несовершенство действий, требуемых законом под страхом уголовного преследования»¹. Пленум указал, что амнистия применяется к тем длящимся преступлениям, в которых преступное состояние прекратилось (окончилось) до ее издания. К длящимся преступлениям, продолжавшимся после издания амнистии, такая же должна применяться.

При издании амнистии, относящейся к длящимся преступлениям (например, дезертирству), целесообразно устанавливать специальные сроки для добровольной явки преступников, в течение которых на них распространяется действие данной амнистии.

Срок давности при длящихся преступлениях исчисляется с момента прекращения преступного состояния. Поэтому при совершении побега или дезертирства истечение давности должно начаться не с момента совершения побега или дезертирства, а с момента задержания виновного или его явки с повинной. Однако следует иметь в виду, что в силу ст. 48 УК РСФСР 1960 года и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло 15 лет и давность не была прервана совершением нового преступного деяния.

Не следует смешивать момент выполнения оконченого состава преступления и момент прекращения преступного состояния при длящемся преступлении. Это различие имеет существенное значение для оценки добровольного прекращения виновным длящегося преступного состояния. При длящемся преступлении его состав является уже полностью выполненным при совершении всех действий, предусмотренных данным составом преступления (например, при дезертирстве — оставление воинской части с целью уклониться от военной службы). Поэтому добровольное прекращение длящегося преступления не есть добровольный отказ от совершения начатого преступления (покушения), а есть лишь только добровольная явка с повинной, которая должна быть учтена судом при определении меры наказания. Добровольная явка не может превратить совершен-

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1944—1957 гг.», М., 1958, стр. 75.

ное уже дезертирство лишь в самовольную отлучку. В этом отношении принципиальное значение имеет определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 ноября 1957 г. по делу Б., признанного виновным в том, что он, возвращаясь из командировки, отстал от эшелона и дезертировал из Советской Армии. Б. скрывался около девяти месяцев, а затем явился с повинной к военному коменданту и был привлечен к ответственности за дезертирство. Он был осужден военным трибуналом за дезертирство, но военный трибунал округа усмотрел в его действиях лишь состав самовольной отлучки, поскольку он добровольно явился к военному коменданту. Военная коллегия Верховного Суда СССР, отменив определение трибунала округа, указала, что добровольное прибытие в управление военного коменданта следует оценивать как явку с повинной, которая должна быть учтена в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания.

Преступления собирательные — это преступления, слагающиеся из двух или нескольких тождественных преступных деяний, совокупность которых уголовным законом признается единым преступлением, обладающим повышенной общественной опасностью. Такая повышенная общественная опасность может иметь место потому, что каждое из совершенных действий получает значение момента проявления одной профессии или промысла. Создание таких собирательных составов преступлений в уголовном законодательстве вызывается практической необходимостью. Часто представляется затруднительным установить совершение всех конкретных преступных актов, составляющих проявление такой профессиональной преступной деятельности, однако при этом может не подлежать сомнению занятие виновного данной деятельностью в виде промысла. Поэтому наличие собирательного преступления может быть признано как при установлении судом ряда преступных действий такого рода, так и при установлении одного конкретного преступного действия, но при условии, что другие обстоятельства дела свидетельствуют о занятии такой деятельностью в виде промысла. Например, для осуждения за спекуляцию в виде промысла (ч. 2 ст. 154 УК РСФСР 1960 г.) не требуется обязательно установить конкретно значительное количество случаев скупки и перепродажи товаров. Возможно осуждение за это преступление и при установлении совершения одного случая спекуляции, если, однако, при этом обстоятельства дела (показания свидетелей, обстановка совершения преступления, наличие специального склада и т. п.) не вызывают сомнений в том, что виновный занимается спекуляцией в виде промысла, т. е. эта деятельность служит ему основным или вспомогатель-

ным источником существования. Собирательными преступлениями, кроме спекуляции в виде промысла, являются: приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем в виде промысла (ч. 2 ст. 208 УК РСФСР 1960 г.), занятие запрещенным промыслом (ст. 162 УК) и некоторые другие. Моментом начала течения давности при совершении собирательного преступления является момент совершения последнего акта данной преступной деятельности. Приговор по собирательным преступлениям полностью охватывает всю преступную деятельность целиком. Поэтому установление после вынесения приговора отдельных актов, относящихся к той же преступной деятельности, не может служить основанием к пересмотру вынесенного приговора и к возбуждению нового уголовного преследования. Поскольку при занятии запрещенным промыслом признак «занятия промыслом» является не только квалифицирующим, но необходимым признаком состава этого преступления, то совершение одного изолированного акта такого рода запрещенной деятельности, который не свидетельствует сам по себе о занятии преступным промыслом, влечет за собой признание в действиях лица или отсутствия состава преступления, или наличия какого-либо иного самостоятельного правонарушения — административного или уголовного.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 26 декабря 1953 г. по делу А. правильно прекратила против него уголовное преследование за занятие запрещенным промыслом по следующим основаниям: «Один случай перевозки пассажиров за плату на автомашине, принадлежащей на правах личной собственности, при отсутствии иных доказательств, подтверждающих перевозку А. пассажиров систематически, не давал основания суду расценивать эти действия как промысел».

Как своеобразное собирательное преступление нужно рассматривать все те составы, где повторность совершения преступного деяния является признаком состава преступления. Повторность признается уголовными кодексами союзных республик квалифицирующим признаком всех видов хищений государственного или общественного имущества (ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 90, п. «д» ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 92, ч. 2 ст. 93 УК РСФСР 1960 г.). Повторность в качестве квалифицирующего признака указана и в основных составах преступлений против личной собственности граждан — кражи (ч. 2 ст. 144), грабежа (ч. 2 ст. 145), разбоя (п. «д» ч. 2 ст. 146), мошенничества (ч. 2 ст. 147 УК РСФСР 1960 г.) Так как, например, повторная кража является единым собирательным преступлением, то, когда фактически имеет место наличие нескольких отдельно совершенных краж, за которые виновный еще не был осужден судом, все совершенное им должно квалифицироваться как одно собирательное

преступление — повторная кража, а не как совокупность преступлений.

Вопрос о понимании повторности при хищении государственного или общественного имущества, а также и личной собственности граждан в судебной практике возникал еще при действии Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». Ознакомление с пониманием «повторности» судебной практикой при действии этих указов позволит лучше уяснить и действующее уголовное законодательство.

Руководящие указания по этому вопросу Пленум Верховного Суда СССР дал в постановлении от 19 марта 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г.»: «...повторность как квалифицирующий признак следует применять как в тех случаях, когда подсудимый имеет уже судимость за ранее совершенное хищение, так и в тех случаях, когда суд установит, что подсудимый совершил два хищения и более, хотя бы и не был осужден ранее ни за одно из этих хищений. При этом повторность признается и в тех случаях, если ранее совершенное хищение имело место до издания Указов от 4 июня 1947 г. Ранее совершенное хищение не может учитываться в качестве квалифицирующего признака только в том случае, если по этому преступлению снята или погашена судимость либо истекли давностные сроки»¹. Поскольку Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» исходил из обобщенного понятия хищения, то вопрос о применении правил относительно совокупности преступлений при совершении хищений мог встать лишь тогда, когда предшествующее хищение, за которое не было вынесено судебного приговора, было неоднородным по своему объекту с вновь совершенным хищением. На этот счет Пленум Верховного Суда СССР 6 мая 1952 г. дал следующее руководящее указание: «При разрешении вопроса о повторности хищения суды должны учитывать, что последующее хищение государственного или общественного имущества должно квалифицироваться как повторное независимо от того, предшествовало ли ему хищение государственного, общественного или личного имущества.

Равным образом и последующая кража личного имущества должна квалифицироваться как повторная независимо от того, предшествовала ли ей кража личного имущества или кража социалистической собственности. При этом в тех случаях, когда за предшествующее неоднородное хищение не было вынесено

приговора и суд рассматривает дело в отношении обоих хищений, последующее хищение квалифицируется как повторное, а наказание за оба преступления определяется по совокупности согласно ст. 49 УК РСФСР (1926 года. — А. П.) и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик». Однако уже через два года Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» внес существенное изменение в квалификацию случаев хищений, когда предшествующее хищение было неоднородным по своему объекту со вновь совершенным хищением. Пленум указал: «Хищение государственного или общественного имущества должно рассматриваться как повторное, если ранее было также совершено хищение государственного или общественного имущества. Равным образом кража личного имущества должна рассматриваться как повторная, если ей предшествовала кража такого же имущества.

В случае совершения нескольких неоднородных хищений, по которым не было вынесено приговора, каждое из этих хищений должно квалифицироваться самостоятельно по соответствующему закону и наказание должно определяться по совокупности согласно ст. 49 УК РСФСР (1926 года. — А. П.) и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик». Таким образом, согласно этому постановлению несколько неоднородных по объекту хищений не создавали повторного хищения, а рассматривались как реальная совокупность преступлений.

В связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества», ч. 2 которого предусматривала ответственность за повторное мелкое хищение, в судебной практике возник вопрос о понимании повторного хищения, когда одно из совершенных хищений подходит под понятие мелкого хищения, а другое — нет. Этот вопрос нашел свое разрешение в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 июня 1957 г. «О некоторых вопросах по применению в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества»: «Мелкое хищение, если ему предшествовало хищение государственного или общественного имущества, подпадающее под действие Указа от 4 июня 1947 г., должно квалифицироваться как повторное по ч. 2 Указа от 10 января 1955 г. Если при этом виновный не был судим за первое хищение, то каждое из них подлежит самостоятельной квалификации: первое — по Указу от 4 июня 1947 г. и второе — по ч. 2 Указа

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг.», М., 1952, стр. 13.

от 10 января 1955 г. С другой стороны, ранее совершенное мелкое хищение не создает признака повторности для последующего хищения, подпадающего под действие Указа от 4 июня 1947 г.».

Таким образом, при наличии хищения, подпадающего под признаки Указа от 4 июня 1947 г., за которое лицо не было еще судимо, с одной стороны, и совершенного позднее мелкого хищения, с другой стороны, вопрос об ответственности лица должен был быть разрешен по правилам о реальной совокупности двух преступлений — хищения, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., и повторного мелкого хищения, предусмотренного ч. 2 Указа от 10 января 1955 г. При наличии мелкого хищения, предшествующего совершению хищения, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., вопрос об ответственности за все совершенное следовало решать также по правилам о совокупности преступлений — мелкого хищения и впервые совершенного хищения, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года и уголовные кодексы других союзных республик для уяснения понятия повторности при хищении государственного или общественного имущества, а также при соответствующих посягательствах на личную собственность граждан содержат специальные указания для того, чтобы практика могла избежать тех колебаний, которые имели место в процессе применения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Примечание к ст. 89 УК РСФСР 1960 года определяет, что повторным в ст. 89 (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи), ст. 90 (хищение государственного или общественного имущества путем грабежа), ст. 92 (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением) и ст. 93 (хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества) признается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных этими статьями либо ст. 77 (бандитизм), ст. 91 (разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом) и ст.ст. 144—147 (кража, грабеж, разбой и мошенничество, совершенные в отношении личной собственности граждан). Примечание к ст. 144 УК аналогичным образом определяет понятие повторности при краже, грабеже и мошенничестве в отношении личной собственности граждан. Таким образом, действующее уголовное законодательство считает, что повторность по всем перечисленным составам преступлений создается не только путем совершения повторно однородного преступления, но и путем совершения неоднородного (по форме хищения или по объекту посягательства) преступления. Эта позиция близка к пониманию повторности хище-

ния, которое было дано Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении от 6 мая 1952 г. Она точнее выражает повышенную степень общественной опасности как преступления, так и виновного лица при повторном совершении какого-либо хищения. Иначе решается в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года и в уголовных кодексах других союзных республик вопрос о понимании повторности при разбое. В п. «д» ст. 91 УК признается квалифицированным разбой, если он совершен лицом, ранее совершившим разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом или личным имуществом граждан, либо бандитизм. Аналогичное постановление содержится и в ст. 146, определяющей ответственность за разбой в отношении личной собственности граждан. Таким образом, здесь повторность совершения преступления определяется однородностью способа действия при возможной неоднородности объекта посягательства.

В тех случаях, когда за ранее совершенное хищение состоялся судебный приговор, не возникает каких-либо трудностей в квалификации вновь совершенного хищения в соответствии с указаниями, содержащимися в примечаниях к ст.ст. 89 и 144 УК РСФСР 1960 года. Когда имеет место два или более однородных хищения (по способу действия и по объекту посягательства), по которым не состоялся еще судебный приговор, то все совершенное надлежит квалифицировать лишь по соответствующей статье, предусматривающей повторное хищение данного вида. Однако в тех случаях, когда имеют место два или более неоднородных хищения (по способу действия или по объекту посягательства), по которым еще не состоялся приговор, то все совершенное нужно рассматривать как реальную совокупность преступлений и при этом второе или последующее хищение следует квалифицировать как повторное в соответствии с примечаниями к ст.ст. 89 и 144 УК РСФСР. Поясним это на примере. Предположим, ранее был совершен грабеж государственного или общественного имущества, а затем совершена кража такого же имущества. Все совершенное нужно квалифицировать по совокупности преступлений — простой грабеж, предусмотренный ч. 1 ст. 90 УК, и квалифицированная (повторная) кража, предусмотренная ч. 2 ст. 89 УК РСФСР 1960 года.

В ряде других случаев советское уголовное законодательство использует признаки повторности, неоднократности или систематичности для создания собирательных составов преступлений, исключающих необходимость пользоваться при определении ответственности за них правилами о совокупности преступлений.

Квалифицирующим признаком получения взятки согласно ч. 2 ст. 173 УК РСФСР-1960 года является неоднократность ее получения. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда

СССР от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» как неоднократное получение взяток должно рассматриваться одновременное получение взятки в двух или больше случаях либо одновременное получение взяток от двух или более лиц. Хотя при этом и имеется фактически получение нескольких взяток, за каждую из которых виновный не был еще осужден судом, тем не менее все совершенное рассматривается как одно преступление — неоднократное получение взятки. Квалифицирующим признаком дачи взятки согласно ч. 2 ст. 174 УК РСФСР 1960 года является неоднократность подобного деяния. Поэтому дача взяток несколько раз объединяется законом в единое собирательное преступление — квалифицированную дачу взятки. Неоднократность указывается в качестве квалифицирующего обстоятельства незаконного производства аборта (ч. 3 ст. 116 УК РСФСР 1960 г.); в качестве необходимого признака состава преступления неоднократность указывается при выпуске недоброкачественной продукции из промышленного предприятия (ст. 152 УК РСФСР 1960 г.) и выпуске недоброкачественной продукции из торговых предприятий (ст. 157 УК РСФСР 1960 г.), когда речь идет о совершении указанных преступлений не в крупных размерах.

4 Составные преступления — преступления, состоящие из нескольких разнородных действий, из которых каждое в отдельности заключает в себе состав самостоятельного преступления, но которые в силу их внутреннего единства рассматриваются как одно преступление. Так, состав преступления разбоя (похищение имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего) включает в себя и похищение имущества, и насилие над личностью¹.

Для решения вопроса о квалификации совершенных действий или как одного составного преступления, или как совокупности преступлений требуется внимательный анализ всех фактически совершенных действий. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 14 июня 1947 г. по делу Д. не нашла состава разбоя, а признала наличие совокупности преступлений — покушения на кражу и умышленного легкого телесного повреждения — в действиях обвиняемого, который, будучи застигнут ночью в саду, откуда он пытался похитить яблоки, для того, чтобы избежать задержания при

¹ Иногда такие составы преступлений отдельные советские криминалисты называют сложными составами преступлений или сложными преступлениями. Так поступает, например, Н. Д. Дурманов («Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству», «Социалистическая законность» 1937, № 8, стр. 83), М. Д. Шаргородский («Вопросы общей части уголовного права», стр. 237).

бегстве, произвел выстрел в направлении гражданина, преследовавшего его, и нанес этому гражданину легкое телесное повреждение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР специально указала, что для состава разбоя требуется не внешняя последовательность похищения имущества и применения в связи с этим насилия над личностью, а их внутреннее единство. Последнее выражается в том, что насилие служит средством изъятия имущества из владения другого лица. Поэтому в совершенном Д. преступлении Коллегия нашла реальную совокупность покушения на кражу и причинения умышленного легкого телесного повреждения.

Как составное преступление, а не как совокупность преступлений следует рассматривать превышение власти, сопряженное с причинением насилия потерпевшему (ч. 2 ст. 171 УК РСФСР 1960 г.). Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу Ч. от 7 июня 1946 г., исходя из постановлений Уголовного кодекса 1926 г., указал, что «всякое насилие над потерпевшим, в том числе и лишение его жизни, которым сопровождалось превышение власти, надлежит рассматривать не как совокупность должностного преступления и преступления против личности, а как одно квалифицированное превышение власти».

Поскольку наступление соответствующего последствия входит в качестве необходимого элемента в состав того или иного преступления, то все совершенное также нельзя рассматривать как совокупность двух преступлений. Поэтому, например, нельзя рассматривать как совокупность преступлений причинение должностным лицом в результате злоупотребления своим служебным положением существенного вреда охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан. Эти последствия являются необходимым элементом самого состава злоупотребления властью, поэтому в таком случае в совершенном должностным лицом деянии имеется один состав преступления — злоупотребление властью, а не совокупность преступлений — злоупотребление властью и соответствующее нарушение прав или интересов отдельных граждан.

Исключение следует сделать, однако, в отношении умышленного убийства. Это необходимо иметь в виду при квалификации разбоя, связанного с умышленным убийством, который в связи с конструкцией состава преступления разбоя, принятой в действующем законодательстве, следует ныне, как нам представляется, квалифицировать как корыстное убийство (п. «а» ст. 102 УК РСФСР 1960 г.)¹. То же самое следует сказать и о квалификации превышения власти, связанного с умышленным убийством. Оно должно квалифицироваться, по общему

¹ Иную позицию в этом вопросе занял Пленум Верховного Суда РСФСР (см. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1961 г. № 1 стр. 9).

правилу, по соответствующей статье, определяющей ответственность за умышленное убийство (ст.ст. 102, 103 УК РСФСР 1960 г.).

Отсутствует, по общему правилу, совокупность преступлений, когда одно действие виновного является лишь определенным этапом в совершении другого, более общественно опасного деяния. Это последнее поглощает ранее совершенное действие. Постановление каких-либо охраняемых прав или интересов в опасность, хотя бы оно являлось самостоятельным преступлением, поглощается последующим причинением вреда этим правам или интересам. Так, заведомое оставление лица в опасном для жизни положении поглощается последующим причинением вследствие этого тяжкого телесного повреждения или лишением жизни потерпевшего и т. п.

Любое оконченное преступление поглощает совершенное до этого приготовление или покушение на совершение данного преступления. Однако в отдельных случаях предшествующее преступное действие, образующее само по себе оконченный состав преступления, может законом рассматриваться как самостоятельное преступление, хотя бы оно и было лишь подготовительным актом к совершению другого преступного деяния. Например, незаконное приобретение огнестрельного оружия и последующее совершение с его помощью квалифицированного убийства дадут совокупность двух преступлений, предусмотренных ст.ст. 102 и 218 УК РСФСР 1960 года.

Серьезное практическое значение имеет вопрос о квалификации хищения государственного или общественного имущества, связанного с совершением подлога. Он различно решался в нашей судебной практике. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» дало указание судебным органам квалифицировать по совокупности преступлений хищение государственного и общественного имущества, совершенное путем подлога документов. В практике существовал значительный разбой в квалификации хищений, связанных с совершением подлога. Одни суды в этом случае применяли правила о совокупности, другие — нет. После постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г. по совокупности преступлений следовало квалифицировать как те случаи, когда подлог являлся средством хищения государственного или общественного имущества, так и те случаи, когда подлог являлся средством сокрытия совершенного хищения государственного или общественного имущества.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума

Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», отменив постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г., вместе с тем не дало никаких указаний по рассматриваемому вопросу. В связи с этим судебная практика оставалась без необходимой директивы для решения этого нередко возникающего в практике вопроса. Некоторые советские криминалисты и после издания постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. считали, что при совершении хищения путем подлога, а равно и при совершении подлога для сокрытия совершенного хищения все преступные действия всегда должны квалифицироваться по совокупности преступлений. Такой взгляд был высказан в печати, в частности, С. И. Тихенко¹.

Нам представлялось, что в тех случаях, когда подлог являлся лишь средством хищения, все совершенное достаточно было квалифицировать по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., а в тех случаях, когда подлог совершен для сокрытия уже имевшего место хищения государственного или общественного имущества, все совершенное надлежало квалифицировать по совокупности преступлений как хищение и как подлог.

Действующее уголовное законодательство не знает единого состава хищения государственного или общественного имущества, а предусматривает его отдельные виды, различаемые по способу хищения. Закон не знает особого вида хищения государственного или общественного имущества, совершенного путем подлога. В тех случаях, когда хищение путем подлога совершается должностным лицом, преступление следует рассматривать как хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем злоупотребления служебным положением, так как должностной подлог есть по существу одна из форм злоупотребления должностным лицом своим служебным положением. Такое хищение путем подлога следует квалифицировать по ст. 92 УК РСФСР 1960 года. В тех случаях, когда подлог совершается недолжностным лицом, это деяние следует квалифицировать по ст. 93 УК РСФСР 1960 года как хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества, так как подлог с корыстной целью, совершенный недолжностным лицом, есть один из видов мошеннического обмана. Но ~~учинение подлога~~ для сокрытия уже совершенного хищения государственного и общественного имущества (например, должностное лицо, совершив растрату государственного или общественного имущества, учиняет для его

¹ См. С. И. Тихенко, Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов, Киев, 1959, стр. 150—168.

сокрытия подлог документов) надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как хищение и подлог (в нашем примере — по ст.ст. 92 и 175 УК РСФСР 1960 г.).

Повторное совершение преступления является свидетельством повышенной опасности лица, его совершившего. Поэтому Основы уголовного законодательства в п. 1 ст. 34 признают отягчающим обстоятельством совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, хотя суду предоставляется право в зависимости от характера первого преступления не признавать за ним значение отягчающего обстоятельства. О повторности совершения преступления в качестве квалифицирующего обстоятельства в целом ряде случаев упоминают и статьи Особенной части уголовных кодексов. Понятие повторности охватывает как совершение повторного преступления до вынесения приговора по ранее совершенному преступному деянию, так и повторное совершение преступления после осуждения и отбытия наказания за ранее совершенное преступление. Советское уголовное законодательство до недавнего времени не знало особого понятия рецидива как вторичного совершения преступления после вынесения приговора и отбытия наказания. Единственный случай, где УК РСФСР 1926 года в качестве квалифицирующего признака выдвигал наличие осуждения и отбытия наказания за ранее совершенное преступление, был п. «б» ст. 136, предусматривавший умышленное убийство, совершенное лицом, привлекавшимся ранее за умышленное убийство или тяжкое телесное повреждение и отбывшим назначенное судом наказание. Однако следует признать, что рецидив представляет нередко повышенную общественную опасность сравнительно с повторным совершением преступления, когда за ранее совершенное преступление лицо не было еще осуждено и подвергнуто наказанию. При рецидиве лицо проявляет, по общему правилу, особое упорство в нарушении требований социалистического права, свидетельствующее о том, что примененное ранее наказание не оказало на него исправительного воздействия.

Среди советских криминалистов долгое время было распространено мнение, что в условиях нашей действительности нет почвы для появления опасных рецидивистов. Этот взгляд основывался на том, что у нас ликвидирована безработица и тем самым уничтожены основные условия, способствующие созданию преступников-рецидивистов. Однако практика показывает, что в действительности еще существуют преступники-рецидивисты, не желающие честным трудом добывать себе средства к существованию. Такие опасные тунеядцы занимают систематической спекуляцией, кражами, а иногда и вооруженными ограблениями. Поэтому необходимо было оградить социалистическое общество от подобных опасных преступников и предоставить

суду возможность применять к ним наиболее длительные сроки лишения свободы. Следовало создавать для них особый режим в местах лишения свободы, который не позволил бы им разлагаться и влиять на других заключенных и был бы способен приучить их к честному труду после отбытия срока наказания.

Но борьба за ликвидацию рецидива должна заключаться не только в применении репрессии в отношении рецидивистов, а и в проведении необходимых мероприятий по предупреждению рецидива.

Основы уголовного законодательства 1958 года ввели в наше законодательство понятие рецидива и со всей серьезностью поставили вопрос о мерах борьбы с рецидивистами. Основы в ст. 23 установили, что для особо опасных рецидивистов может быть назначено в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, лишение свободы на срок до пятнадцати лет. Лишение свободы особо опасным рецидивистам может быть назначено судом на весь срок наказания или часть его в виде тюремного заключения. В силу специального указания ст. 44 Основ условно досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием не применяются к особо опасным рецидивистам.

Уголовные кодексы отдельных союзных республик дают точные указания, кого суд может признать особо опасным рецидивистом. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года эти указания содержатся в примечании к ст. 24. Они были уже нами приведены в главе о субъекте преступления. Аналогичные постановления содержатся в уголовных кодексах всех союзных республик. Как видно из этого перечня, закон при определении понятия особо опасного рецидивиста не считает необходимым исходить из установления специального рецидива, т. е. совершения лицом после осуждения и отбытия наказания нового тождественного преступления. При совершении ряда преступлений, представляющих значительную общественную опасность, закон дает возможность суду признать особо опасным рецидивистом лицо, совершившее после осуждения за преступление не однородное с ним преступное деяние. Например, лицо, ранее судимое за одно из особо опасных государственных преступлений, может быть признано особо опасным рецидивистом, если оно совершает умышленное тяжкое телесное повреждение. Согласно Особенной части уголовных кодексов отдельных союзных республик совершение преступления особо опасным рецидивистом является в ряде случаев квалифицирующим обстоятельством. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года предусматривает в качестве квалифицированного хищения государственного или общественного имущества, совершенного путем кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, мошенничества — хищение, совершенное особо опасным

рецидивистом, и устанавливает возможность применения к такому лицу лишения свободы до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Совершение умышленного убийства особо опасным рецидивистом считается квалифицированным убийством (п. «л» ст. 102 УК РСФСР 1960 г.). Квалифицированным считается умышленное тяжкое телесное повреждение, совершенное особо опасным рецидивистом (ч. 2 ст. 108 УК), умышленное менее тяжкое телесное повреждение, совершенное особо опасным рецидивистом (ч. 2 ст. 109), кража, грабеж, разбой, мошенничество в отношении личного имущества граждан, совершенные особо опасными рецидивистами (ч. 3 ст. 144, ч. 3 ст. 145, п. «г» ч. 2 ст. 146, ч. 3 ст. 147 УК РСФСР 1960 г.). В ряде случаев уголовные кодексы отдельных союзных республик в качестве квалифицирующего обстоятельства при определении ответственности за отдельные преступления выдвигают специальный рецидив, т. е. совершение преступления вторично после осуждения судом за такое же преступление. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ч. 2 ст. 156 предусматривает ответственность за обмеривание, обвешивание, превышение установленных цен, обсчет или обман покупателей в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания, если эти действия были совершены лицом, ранее судимым за то же преступление; в качестве квалифицирующего обстоятельства при совершении взяточничества ч. 2 ст. 173 УК РСФСР 1960 года выдвигает, в частности, совершение его лицом, ранее судимым за взяточничество. То же квалифицирующее обстоятельство предусмотрено и в ч. 2 ст. 174 этого же кодекса при определении ответственности за дачу взятки.

АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Адекватная теория причинности** — 205—210, 237
Акцессорная природа соучастия — 611—612
Алкоголизм
 — как причина преступности — 98—99
 — борьба с **А.** как мера социального предупреждения преступлений — 101—102
Альтернативный умысел — см. *Умысел*
Амнистия
 — при делящихся преступлениях — 639
 — при продолжаемых преступлениях — 634—635
Аналогия
 — понятие **А.** — 54
 — история **А.** в советском уголовном праве — 49—53
 — условия применения **А.** — 55—57
 — недопустимость **А.** по действующему советскому уголовному праву — 53—54
 — отказ от **А.** в уголовном праве стран народной демократии — 54
Антропологическая школа уголовного права — 74—77, 81—82, 127, 260
Аффективный умысел — см. *Умысел*

Б

- Банда** — 563—566, 581
Бездействие
 — как форма общественно опасного поведения — 117, 170, 173, 177—178
 — чистое — 178
 — смешанное — 178
 — и причинная связь — 179, 227—232
Болезнь — см. *Душевная болезнь*

В

- Вина в советском уголовном праве**
 — понятие **В.** — 304—305, 310—316, 328—338
 — как элемент субъективной стороны состава преступления — 119, 311, 315
 — как обязательное условие уголовной ответственности — 304—305,
 — история понятия **В.** — 305—309
 — формы **В.** — 309, 324, 326, 340, 367
 — смешанная — 398—399
 — степень **В.** — 399—401
 см. также *Неосторожность, Умысел*
- Вина в истории русского дореволюционного уголовного права** — 316—318
- Вина в уголовном праве стран народной демократии** — 340—341
- Вина в буржуазном уголовном праве** — 318—328
- Вменяемость** — см. *Обоснование уголовной ответственности*
- Внезапный умысел** — см. *Умысел*
- Военнослужащий** как специальный субъект преступления — см. *Субъект преступления*
- Время совершения преступления** — см. *Объективная сторона состава преступления*
- Выполнение профессиональных функций** как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния, — 163, 411, 474—476

Г

- Голый умысел** — см. *Обнаружение умысла*
- Группа организованная** — см. *Организованная группа*

Д

- Действие** как форма общественно опасного поведения — 170, 173—174, 177
- Детерминизм** — см. *Обоснование уголовной ответственности философией материализма*
- Детская преступность** — см. *Несовершеннолетние*
- Длящееся преступление**
 — понятие **Д. п.** — 638
 — срок давности при **Д. п.** — 639
 см. также *Амнистия, Добровольная явка*
- Добровольный отказ** —
 — понятие **Д. о.** — 520—521
 — как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, — 521—522
 — при приготовлении — 521—522, 524, 529
 — при покушении — 517—518, 528
 — при подстрекательстве — 588—589
 — при пособничестве — 588—589
 — специальный случай **Д. о.** при измене родине — 527
 см. также *Мотив преступления*
- Добровольная явка при длящемся преступлении** — 639—640
- Должностное лицо**
 — как специальный субъект преступления — см. *Субъект преступления в советском уголовном праве*
 — ответственность **Д. л.** за соучастие в преступлении, совершенном частным лицом, — 586—587
- Душевная болезнь, неприменение наказания к лицам, совершившим преступление в состоянии Д. б.,** — 277—278

З

- Задержание преступника** — 432—434
- Заранее обдуманый умысел** — см. *Умысел*

И

- Идеальная совокупность преступлений** — см. *Совокупность преступлений в советском уголовном праве*
- Индетерминизм** — см. *Обоснование уголовной ответственности в идеалистической философии Канта и Гегеля*
- Иностранцы** — см. *Субъект преступления, Уголовная ответственность*
- Интеллектуальное пособничество** — см. *Пособничество*
- Исполнение закона** как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния, — 163, 411, 416, 481
- Исполнение приказа** как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния, — 163, 411, 416, 476—480, 572—573
- Исполнитель** — 552—553, 556, 568, см также *Уголовная ответственность, Экссесс исполнителя*

К

- «Классическая школа» в буржуазном уголовном праве** — 64—65, 169
- Комиссии по делам несовершеннолетних** — 288—290, 296
- «Conditio sine qua non» — теория причинности** — 192—194, 200—204, 212, 214, 230, 232, 237, 349, 567—568
- Конкуренция законов** — 618, 620
- Косвенный (эвентуальный) умысел** — см. *Умысел*
- Крайняя необходимость в советском уголовном праве**
 — понятие **К. н.** — 455—458
 — в истории советского уголовного права — 455—456
 — условия правомерности **К. н.** — 458—463
 — и необходимая оборона — 426—427, 436—437, 441, 457—458, 461, 463
 — в судебной практике — 464—466
- Крайняя необходимость в истории русского дореволюционного уголовного права** — 467—468
- Крайняя необходимость в уголовном праве стран народной демократии** — 467
- Крайняя необходимость в буржуазном уголовном праве** — 468—472
- Криминология** — 81—83, 249—250

Л

- Лечение принудительное** — 282—283

М

- Малозначительность деяния** как обстоятельство, устраняющее состав преступления, — 35—38, 42, 162—163
- Материальное определение преступления**
 — в советском уголовном праве — 26—30, 114—115
 — в уголовном праве стран народной демократии — 30—31
 — попытки дать **М. о. п.** в буржуазном уголовном праве — 57—59

«Материальный состав преступления»

- понятие *М. с. п.* — 177
- и причинная связь — 179—181

Меры принудительные

- воспитательного характера — 288, 295
- медико-педагогического характера — 289—290
- медицинского характера — 282—283

Меры социального предупреждения преступности в СССР — 99—104**Мнимая оборона** — см. *Необходимая оборона в советском уголовном праве***Мнимое преступление** — 402**Мотив преступления**

- как признак субъективной стороны состава преступления — 119—120, 342—344
- как отягчающее или смягчающее вину обстоятельство — 120, 342—344
- при добровольном отказе от продолжения преступной деятельности — 523

Н**Наказуемость**

- как признак понятия преступления — 29
- различие в *Н.* умышленного и неосторожного преступления — 346

Небрежность

- понятие *Н.* — 371
- как вид неосторожности — 368
- психологическое содержание *Н.* — 375—377
- субъективный критерий *Н.* — 378—390
- объективный критерий *Н.* — 378—390
- отличие *Н.* от умысла, самонадеянности, случая — 371—372

Невиновное причинение — см. *Случай***Невменяемость в советском уголовном праве**

- понятие *Н.* — 278—281
- медицинский критерий *Н.* — 279—281
- психологический критерий *Н.* — 279—281
- принудительные меры медицинского характера, применяемые к невменяемым, — 282
- в истории советского уголовного права — 278.

Невменяемость в истории русского дореволюционного уголовного права — 286**Невменяемость в феодальном и буржуазном уголовном праве — 285—287****Негодное покушение** — см. *Покушение***Негодное приготовление** — см. *Приготовление***Недосещение** — 598—603**Неоантропологические теории в буржуазном уголовном праве — 77—79, 321****Необходимая оборона в советском уголовном праве**

- понятие *Н. о.* — 416
- обоснование права *Н. о.* — 416—422
- условия правомерности *Н. о.*, относящиеся к посягательству, — 426—436
- условия правомерности *Н. о.*, относящиеся к защите, — 436—443
- превышение пределов *Н. о.* — 431—432, 441, 445—452
- мнимая оборона — 434—436
- провокация обороны — 445
- в судебной практике — 427, 429—432, 434—436, 438, 440—443

— и крайняя необходимость — см. *Крайняя необходимость в советском уголовном праве*

— в истории советского уголовного права — 417—418

Необходимая оборона в истории русского дореволюционного уголовного права — 425—426, 429, 452—453— взгляды русских революционных демократов на право *Н. о.* — 423—424**Необходимая оборона в уголовном праве стран народной демократии — 452****Необходимая оборона в буржуазном уголовном праве — 424—425, 430, 440—441, 453—455****Неоконченное покушение** — см. *Покушение***Неопределенный умысел** — см. *Умысел***Неосторожность**— понятие *Н.* — 368

— как форма вины — 304, 307, 309, 324, 326, 340—341, 344, 367—368

— виды *Н.* — 368см. также *Небрежность, Правовая неосторожность, Самонадеянность***Непреодолимая сила как обстоятельство, устранившее уголовную ответственность, — 171—172****Несовершеннолетние**— принудительные меры воспитательного характера, применяемые к *Н.*, — 295— принудительные меры медико-педагогического характера, применяемые к *Н.*, — 288—290— преступность *Н.* в капиталистических странах — 90, 298—300— преступность *Н.* в СССР — 91, 102см. также *Комиссии по делам несовершеннолетних, Уголовная ответственность***Неудавшееся подстрекательство — 574****Неудавшееся пособничество** — см. *Пособничество***Нравственность коммунистическая и понятие преступления в советском уголовном праве — 32—34****О****Обнаружение умысла — 483—484, 502—507****Обоснование уголовной ответственности философией материализма**

— марксистской теорией 253—254, 265—272

— в работах русских революционных демократов — 261—264

— французскими материалистами XVIII в. — 254—256

Обоснование уголовной ответственности в идеалистической философии Канта и Гегеля — 256—258**Общественная опасность**

— как необходимый признак преступления — 29, 35, 40, 115, 118, 155—159, 160—169

— как общественная характеристика преступления — 118, 155—157, 164

— и противоправность — 29, 118, 159—162, 355, 457

— сознание *О. о.* как элемент умысла — 345, 348, 350—358— малозначительная степень *О. о.* совершенного как условие для передачи дела в товарищеский суд — 38—39, 45, 48—49— отсутствие большой *О. о.* совершенного как условие для передачи виновного на поруки — 41—42— устранение *О. о.* деяния в силу его малозначительности — см. *Малозначительность деяния*

- устранение **О. о.** деяния в силу изменения обстановки — 40
- характер и степень **О. о.** деяния как обстоятельства, влияющие на размер наказания, — 107, 157, 247
- Объективная сторона состава преступления**
 - понятие **О. с.** — 116, 155
 - как элемент состава преступления — 116—118
 - способ действия как черта **О. с.** — 117—118
 - время и место совершения деяния как черта **О. с.** — 118
 - преступный результат как элемент **О. с.** — 118
- Объективное вменение в буржуазном уголовном праве** — 319—320, 396
- Объект преступления в советском уголовном праве**
 - понятие **О. п.** — 117, 132—138
 - как элемент состава преступления — 117, 137
 - непосредственный — 138—142, 147—148
 - родовой — 146—147
- Объект преступления в буржуазном уголовном праве**
 - нормативная теория **О. п.** — 151—152
 - теория **О. п.** как правового блага — 152—154
- Объект преступления и предмет преступления** — 139—141
- Оконченное покушение** — см. *Покушение*
- Оконченное преступление**
 - понятие **О. п.** — 493—496
 - и «усеченные» составы преступлений — 496—501, 527
- Опьянение, уголовная ответственность за совершение преступления**
 - в состоянии **О.** — 283—285
- Организатор преступления** — 567, 570—571
- Организация преступная** — 563—566, 581
- Организованная группа** — 563—566
- Особо опасный рецидивист** —
 - понятие **О. о. р.** — 248
 - неприменение к **О. о. р.** условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким — 102, 247, 651
 - совершение преступления **О. о. р.** как квалифицирующее обстоятельство — 248—249, 652
- Осуществление своего права как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния**, — 411, 416, 480—481
- Отклонение действия** — 406
- Оценочная теория вины** — 123, 323—328, 373
- Ошибка**
 - понятие **О.** — 402
 - юридическая — 402—403
 - фактическая — 404—409
 - в объекте — 406—408
 - в причинной связи — 408, 409

II

- Передача виновного на поруки в случае совершения деяния, не представляющего большой общественной опасности**, — см. *Общественная опасность*
- Передача дела в товарищеский суд в случае малозначительной степени общественной опасности совершенного деяния** — см. *Общественная опасность*
- Повторность преступлений** — 641—645

Подстрекатель

- понятие **П.** — 550, 552, 555—560, 571—575
- см. также *Добровольный отказ, Неудавшееся подстрекательство, Уголовная ответственность*

Покушение

- понятие **П.** — 508, 510—512
- оконченное — 512—514
- неоконченное — 512—514
- негодное — 529—532
- при бездействии — 518—519
- и «формальный состав преступления» — 518—519
- см. также *Добровольный отказ, Уголовная ответственность*

Попустительство — 603—606

Последствия преступления

- понятие **П. п.** — 174
- и состав преступления — 118, 174—176
- отношение к **П. п.** при различных формах вины — 345—348, 350, 368—371

Пособник — 550, 552—554, 556—559, 578—581, см. также *Добровольный отказ, Уголовная ответственность*

Пособничество

- интеллектуальное — 553, 571—572, 579, 600
- физическое — 579
- неудавшееся — 579—581

Посредственное виновничество — 550, 572—573

Правовая неосторожность — 355—356

Предварительная преступная деятельность — 482—493

Предвидение

- см. также *Приготовление, Покушение*
- как элемент прямого умысла — 348—350
- как элемент косвенного (звентуального) умысла — 348—350
- как элемент самонадеянности — 368—371

Предупреждение преступлений в СССР — 99—104

Преступление в советском уголовном праве

- понятие **П.** — 18—30
- определение **П.** — 26—30
- и проступок — 46—49, 158—159
- см. также *Длящееся преступление, Мнимое преступление, Нравственность коммунистическая и понятие преступления в советском уголовном праве, Оконченное преступление, Повторность преступлений, Последствия преступления, Предупреждение преступлений в СССР, Продолжаемые преступления, Собирательное преступление, Составные преступления*

Преступление в уголовном праве стран народной демократии — 30—31

Преступление в буржуазном уголовном праве

- понятие **П.** — 10—18, 26
- классовая природа **П.** — 7—18
- определение **П.** — 57—59

Преступная организация — см. *Организация преступная*

Преступность в капиталистических странах — 86—90, 300, см. также *Несовершеннолетние, Причины преступности в капиталистических странах*

Преступный результат — см. *Последствия преступления*

Приготовление

- понятие **П.** — 507—508
- негодное **П.** — 529—532
- и «формальный состав преступления» — 518—519
- и бездействие — 518—519
- см. также *Добровольный отказ, Уголовная ответственность*

Прикосновенность

- понятие П. — 553, 590
- виды П. — 590
- отличие П. — от соучастия — 553, 590, 593, 600, 604—606
см. также *Недонесение, Попустительство, Укрывательство*

Принудительное лечение — см. *Лечение принудительное*

Принудительные меры — см. *Меры принудительные*

Принуждение

- психическое — 172
- физическое — 171—172

Причинная связь в советской теории уголовного права и судебной практике

- понимание причинности философией диалектического материализма — 212—241
- и состав преступления — 118
- и вина — 241
- при бездействии — 118, 227—232
- и соучастие — 552—555
- в судебной практике — 216—217, 219—225, 228—229
- предвидение развития П. с. как элемент умысла — 348—349
см. также *Ошибка*

Причинная связь в буржуазной теории уголовного права — 190—211, см. также *Адекватная теория причинности, «Conditio sine qua non» — теория причинности*

Причины преступности в СССР

- в период перехода от капитализма к социализму — 92—94
- в период перехода от социализма к коммунизму — 94—99

Причины преступности в капиталистических странах

- марксистско-ленинская теория о П. п. — 74, 83—86
- русские революционные демократы о П. п. — 71—74
- социалисты-утописты о П. п. — 69—70
- буржуазные теории П. п. (уголовно-антропологическая, уголовно-социологическая школы, неантропологические теории) — 74—83

Провокация обороны — см. *Необходимая оборона в советском уголовном праве*

Продолжаемые преступления

- понятие П. п. — 633
- давность при П. п. — 635
см. также *Амнистия*

Проступок — 46—49

Противоправность

- как признак преступления — 29, 160—161, 163—166
- и общественная опасность — 159—162
- сознание П. как элемент умысла — 345, 348, 350—358

Прямой умысел — см. *Умысел*

Психическое принуждение — см. *Принуждение*

Р

Реальная совокупность преступлений — см. *Совокупность преступлений в советском уголовном праве*

Редидив — 102, 650—652

Родовой объект преступления — см. *Объект преступления в советском уголовном праве*

С

Самонадеянность

- понятие С. — 368—369
- как вид неосторожности — 368

— элементы С. — 368—369

— отличие С. от косвенного умысла — 369—371

— отличие С. от небрежности — 371

Свобода и необходимость — 265—272

Случай (казус) — 392—395

Смешанная вина — см. *Вина в советском уголовном праве*

Смешанное бездействие — см. *Бездействие*

Собирательное преступление — 640—646

Совиновничество — 550, 566, 569,

Совокупность преступлений в советском уголовном праве

- понятие С. п. — 616—619
- реальная С. п. — 616—617
- идеальная С. п. — 617—618
- назначение наказания при С. п. — 625—629

Совокупность преступлений в уголовном праве стран народной демократии — 629—631

Совокупность преступлений в буржуазном уголовном праве — 631—632

Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния, — 163, 411, 416, 472—474

Сознание общественной опасности — см. *Общественная опасность*

Сознание противоправности — см. *Противоправность*

Состав преступления

- понятие С. п. — 108—109, 115, 120
- как основание уголовной ответственности — 105—107, 109
- значение С. п. для укрепления социалистической законности — 112—114, 164—169
- основные (необходимые) элементы С. п. — 116—120
- особые (факультативные) элементы С. п. — 117—120
- и материальное понятие преступления — 114—116
- простой — 123
- квалифицированный — 123
- описательный — 124
- бланкетный — 124
- сложный — 124
- альтернативный — 124
- с двумя действиями — 124
- с двумя объектами — 125
- с двумя формами вины — 124—125
- см. также *«Материальный состав преступления», Объективная сторона состава преступления, Объект преступления в советском уголовном праве, Субъективная сторона состава преступления, Субъект преступления, «Усеченный» состав преступления, «Формальный состав преступления»*

Состав преступления и ломка буржуазной законности — 125—131

Составные преступления — 646—650

Соучастие в советском уголовном праве

- понятие С. — 538, 545—548
- недопустимость С. в неосторожном преступлении — 555—557
- в истории советского уголовного права — 539—547, 574—576
- совиновничество как форма С. — см. *Совиновничество*
- в тесном смысле — 550, 566, 569
- без предварительного соглашения — 563
- с предварительным соглашением — 563—564
- в преступлении, где исполнителем является специальный субъект, — 584—587
- отличие С. от прикосновенности — 553, 590, 593, 600, 604—606

Соучастие в истории русского дореволюционного уголовного права — 606—608

- Соучастие в уголовном праве стран народной демократии — 589
 Соучастие в буржуазном уголовном праве — 608—615
 Соучастники — см. *Исполнитель, Подстрекатель, Пособник, Организатор преступления, Участники преступной организации*
 Социологическая школа, социологические теории в буржуазном уголовном праве — 74, 79—81, 127—129, 169, 260—261
 Способ действия — см. *Объективная сторона состава преступления.*
 Стадии развития преступной деятельности в советском уголовном праве — понятие — 483
 — основание ответственности — 489—493
 — в истории советского уголовного права — 484—487
 Стадии развития преступной деятельности в истории русского дореволюционного уголовного права — 533—534
 Стадии развития преступной деятельности в буржуазном уголовном праве — 532, 534—537
 Степень вины — см. *Вина в советском уголовном праве*
 Субъект преступления
 — понятие С. п. — 119, 243—244, 277, 288
 — как элемент состава преступления — 119
 — вменяемость как необходимое качество С. п. — 119, 244, 277
 — достижение определенного законом возраста как необходимое качество С. п. — 119, 244, 288—296
 — иностранцы как С. п. — 245
 — лица без гражданства как С. п. — 245
 — юридические лица не могут быть С. п. — 244—245
 — военнослужащий как специальный С. п. — 246
 — должностное лицо как специальный С. п. — 245—246
 см. также *Особо опасный рецидивист*
 Субъективная сторона состава преступления
 — понятие С. с. — 116
 — как элемент состава преступления — 116, 119—120
 — мотив как признак С. с. — см. *Мотив преступления*
 см. также *Вина в советском уголовном праве, Цель действия*
 как признак субъективной стороны состава преступления

У

- Уголовная ответственность
 — состав преступления как основание У. о. — см. *Состав преступления*
 — вина как обязательное условие У. о. — см. *Вина в советском уголовном праве*
 — иностранцев — 245
 — несовершеннолетних — 288—300
 — за приготовление — 506—509
 — за покушение — 517—518, 528
 — организатора преступления — 570—571
 — подстрекателя — 550, 572, 574—575
 — исполнителя — 587—589
 — пособника — 550, 580—581
 — участников преступной организации — 581—583
 см. также *Обоснование уголовной ответственности*
 Угроза — см. *Обнаружение умысла*
 Укрывательство
 — заранее не обещанное — 545, 553, 561, 575—576, 578, 591—598
 — заранее обещанное — 545, 575—576, 578—580

Умысел

- как форма вины — 304, 307—310, 341—344
 — сознание общественной опасности (противоправности) как элемент У. — см. *Общественная опасность, Противоправность*
 — элементы У. — 345—350
 — прямой — 345—366, 516
 — косвенный (эвентуальный) — 345—366, 516—517
 — определенный — 366
 — неопределенный — 366, 517—518
 — альтернативный — 366—367, 518
 — заранее обдуманый — 367
 — внезапный — 367
 — аффективный — 342
 — при соучастии — 555—563
 «Усеченный» состав преступления — 496—499
 Участники преступной организации — 563—566, см. также *Уголовная ответственность*

Ф

- Физическое лицо как субъект преступления — 119, 244
 Физическое пособничество — см. *Пособничество*
 Физическое принуждение — см. *Принуждение*
 Финальная теория уголовного права — 122—123, 130, 326—328
 Формальное определение преступления в буржуазном уголовном праве — 57—59
 «Формальный состав преступления» — 176—177, 179
 Формы вины — см. *Умысел, Неосторожность*

Ц

- Цель действия как признак субъективной стороны состава преступления — 120, 344, 346

Ч

- Чистое бездействие — см. *Бездействие*

Э

- Эвентуальный (косвенный) умысел — см. *Умысел*
 Экссесс исполнителя — 587—588
 Эмоциональный момент при умысле — 341—344

Ю

- Юридическое лицо как субъект преступления — 244—245, 250—252

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Классовая природа преступления	
§ 1. Классовая природа преступления в эксплуататорском обществе	7
§ 2. Природа преступления в социалистическом обществе	18
Глава II. Понятие преступления	
§ 1. Социалистическое уголовное право о понятии преступления	25
§ 2. Определение понятия преступления в буржуазном уголовном праве	57
Глава III. Причины преступности	
§ 1. Причины преступности в эксплуататорском обществе	67
§ 2. Причины преступности в СССР	91
Глава IV. Состав преступления	
§ 1. Понятие состава преступления в советском уголовном праве	105
§ 2. Понятие состава преступления в буржуазном уголовном праве	125
Глава V. Объект преступления	
§ 1. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву	132
§ 2. Понятие объекта преступления в буржуазном уголовном праве	149
Глава VI. Объективная сторона состава преступления	
§ 1. Общественная опасность и противоправность преступного деяния	155
§ 2. Преступное действие и бездействие. Преступные последствия	170

Глава VII. Объективная сторона состава преступления. (Причинная связь)	
§ 1. Философские основы решения проблемы причинной связи в праве	182
§ 2. Теории причинной связи в буржуазной юридической науке и их философские основы	190
§ 3. Решение вопроса о причинной связи в теории советского права и судебной практике	212
Глава VIII. Субъект преступления	
§ 1. Понятие субъекта преступления	242
§ 2. Вменяемость	253
§ 3. Невменяемость	277
§ 4. Несовершеннолетние	287
Глава IX. Субъективная сторона состава преступления	
§ 1. Понятие вины по советскому уголовному праву	301
§ 2. Формы вины. Умысел	341
§ 3. Формы вины. Неосторожность	367
§ 4. Влияние ошибки на форму вины	401
Глава X. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния	
§ 1. Общее понятие об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния	410
§ 2. Необходимая оборона	416
§ 3. Крайняя необходимость	455
§ 4. Другие обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния	472
Глава XI. Стадии развития преступной деятельности	
§ 1. Основание ответственности за предварительную преступную деятельность	482
§ 2. Оконченное преступление	493
§ 3. Обнаружение умысла	502
§ 4. Приготовление	507
§ 5. Покушение	510
§ 6. Область применения понятий приготовления и покушения	515
§ 7. Добровольный отказ от приготовления или покушения	520
§ 8. Негодное покушение или приготовление	529
§ 9. Постановления о стадиях развития преступной деятельности в истории дореволюционного русского уголовного права и в буржуазном уголовном праве	532
Глава XII. Соучастие	
§ 1. Понятие соучастия	538
§ 2. Формы соучастия	563
§ 3. Виды соучастников	566
§ 4. Специальные вопросы учения о соучастии	583

	<i>Стр.</i>
§§ 5. Прикосновенность	590
§§ 6. Постановления о соучастии в дореволюционном русском уголовном законодательстве и в бур- жуазном уголовном праве	606
 Глава XIII. Совокупность преступлений	
§§ 1. Реальная и идеальная совокупность преступлений	616
§§ 2. Единое преступление и совокупность преступле- ний	632
Алфавитно-предметный указатель	653

Пионтковский Андрей Андреевич

„УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ
ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ“

Редактор *Т. П. Шуракова*
Художник-оформитель *П. М. Кузанын*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технические редакторы *Н. Л. Щедрина, Н. М. Тарасова*
Корректор *И. Н. Тарасова*

Сдано в набор 4/VII 1961 г.
Подписано к печати 11/XII 1961 г.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Объем физ. печ. л. 41,75;
условн. печ. л. 41,75; учетно-изд. л. 44,35.
Тираж 10 000. А-11129. Цена 2 р. 42 к. Заказ № 2654.

Госориздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38-40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29.